

Министерство природных ресурсов и экологии РФ

Делегация Европейского Союза в РФ

ФГБУ «Национальный парк «Кенозерский»

КЕНОЗЕРСКИЕ ЧТЕНИЯ — 2015

«Заповеданное Кенозерье: природа, культура, человек»

Сборник материалов
VII Всероссийской научно-практической конференции

Архангельск

2016

УДК 502.17(470.11-751.2)(082)
ББК 28.088л6(2Рос-4Арх)я43
К35

Ответственный редактор – *Е.Ф. Шатковская*

Составитель – *М.Н. Мелютина*

*Печатается по решению научно-методического совета
ФГБУ «Национальный парк "Кенозерский"»*

К35 «Кенозерские чтения – 2015», всероссийская научно-практическая конференция (7; 2015; Архангельская область).

Кенозерские чтения – 2015 : «Заповеданное Кенозерье: природа, культура, человек» : сборник материалов VII Всероссийской научно-практической конференции : [18+] / М-во природ. ресурсов и экологии РФ, Делегация Европ. Союза в РФ, ФГБУ «Нац. парк Кенозерский» ; [отв. ред. Е. Ф. Шатковская ; сост.: М. Н. Мелютина]. – Архангельск, 2016. – 428 с. : ил. – ISBN 978-5-903625-24-6.

Агентство СІР Архангельской ОНБ

УДК 502.17(470.11-751.2)(082)

ББК 28.088л6(2Рос-4Арх)я43

Сборник содержит материалы VII Всероссийской научно-практической конференции «Кенозерские чтения — 2015» (20–24 августа 2015 г.). Культурный ландшафт «Заповеданное Кенозерье» в 2014 г. включен в Предварительный список всемирного наследия ЮНЕСКО. В издание вошли статьи, посвященные культурным ландшафтам Кенозерского национального парка, обладающими признаками выдающейся универсальной ценности. Материалы, связанные с изучением, сохранением и презентацией природного и историко-культурного наследия территории, представлены учеными из ведущих научных центров Москвы, Санкт-Петербурга, Архангельска, Петрозаводска. Отдельный раздел в книге посвящен публикациям о памятниках нематериального наследия: устной эпической культуры и письменной словесности, формирующих мировоззрение северорусского крестьянства.

Издание адресовано специалистам заповедных территорий, музеев, научных центров, университетов, изучающих значимость культурных ландшафтов России, а также широкому кругу читателей, не равнодушных к сохранению ответственных природных и историко-культурных территорий.

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Министерства природных ресурсов и экологии Российской Федерации,
ФГБУ «Национальный парк «Кенозерский»*

ISBN 978-5-903625-24-6

© Мелютина М.Н., составление, 2016

© ФГБУ «Национальный парк «Кенозерский», 2016

© ООО «Партнер НП», 2016

Природное наследие Кенозерья: история и современность

Географический образ Кенозерского национального парка

Географический образ — собирательный, интегральный феномен, формирующийся благодаря особенностям природы и культуры, традициям, уникальным пейзажам, которые ярко подчеркивают неповторимость территории¹. Многие образы вошли в нашу повседневную жизнь и часто не воспринимаются как нечто уникальное. Являясь результатом сотворчества человека и природы, они символизируют и отражают основополагающие черты пространства, позволяя воссоздать основные этапы формирования геокультурного пространства.

Геокультурное пространство представляет собой географическое или конкретное ландшафтное пространство, насыщенное особыми природными и историко-культурными объектами, сформировавшимися в течение длительного исторического времени и находящимися в диалектическом единстве, а также несущее информацию о взаимосвязи природных и антропогенных процессов на данной территории².

Природная часть геокультурного пространства чаще всего воспринимается как фон, хотя именно она является основополагающей в эволюции территории. Особенности геологического строения территории, отличительные черты климата, поверхностных и подземных вод, почв, растительного и животного мира нередко влияют на междисциплинарные исследования культуры и этносов.

Наиболее интересны и значимы для восстановления истории формирования геокультурного пространства геологические, геоморфологические, гидрологические, биологические феномены, которых, к сожалению, в результате повсеместной антропогенизации осталось не так уж и много. Они являлись основополагающими, длительное время играли важную роль в формировании первичных локусов геокультурного пространства. Чаще всего именно они становились наиболее привлекательными для создания поселений, культовых сооружений, дошедших до нас в виде историко-культурных объектов³.

Геокультурное пространство в пределах природного ландшафта необходимо рассматривать как систему устойчивых культурных связей и представлений, сформировавшихся на определенной территории в результате сосуществования, переплетения, взаимодействия, столкновения различных вероисповеданий, культурных традиций и норм, ценностных установок, глубинных психологических структур восприятия и функционирования картин мира⁴.

На месте большинства природных ландшафтов сегодня расположены сельскохозяйственные, лесохозяйственные, водохозяйственные, промышленные ландшафты, в пределах которых отмечается трансформация не только природ-

ных компонентов, но и полное уничтожение большинства историко-культурных объектов. На Европейском Севере России благодаря удаленности и труднодоступности сохранились особые места, которые, на определенных этапах истории играя существенную роль в жизни народа, являются реликтовым геокультурным пространством, издавна привлекающим к себе людей. Именно к таким местам относится территория Кенозерья, которая представляет собой эталонную систему исторической среды обитания человека, сохранившую многовековую историю и культуру Русского Севера.

Неброская, но одухотворенная красота местности во многом обусловлена природными стихиями леса, рек и озер, которые повсеместно определяли уклад хозяйства, приучали к порядку и общечитию, общительности и предприимчивости, служили людям верой и правдой: кормили, защищали, были и транспортными путями и местами уединения вдали от мирской суеты. Форма и размеры жилища, церквей, часовен, крестов, погостов, имея свой неповторимый облик и самобытность, были обусловлены своеобразием местности, сторонами света, основными занятиями населения, изгибом реки или проходящей рядом дорогой.

Характерной особенностью Кенозерского национального парка является большая лесистость территории. За тысячи лет эволюции и смен климатических эпох на этой территории сформировались смешанные сосново-еловые леса, занимающие 76% территории парка. Хозяйственное освоение территории значительно изменило их облик, но в низинных, заболоченных местах сохранились фрагменты коренных лесов, развитие которых происходило без влияния хозяйственной деятельности человека, а состав, строение и производительность лесов определялись климатом и почвенно-грунтовыми условиями. Коренные леса представлены ельниками долгомошными и сосняками сфагновыми, где возраст деревьев варьирует от 160 до 350 лет⁵. Наличие ненарушенных лесных территорий позволяет сохранять устойчивые популяции крупных позвоночных животных, эталонные водные и болотные объекты с высоким биологическим и ландшафтным биоразнообразием. С 2004 года парк включен во Всемирную сеть биосферных резерватов ЮНЕСКО.

В сакральном ландшафте Кенозерья важное место занимают священные, или «заветные», рощи, которых только на территории парка сохранилось 48, и они являются памятниками историко-культурного и природного наследия⁶. Ограничение священных рощ водными объектами — берегом реки, озера, ручья — раскрывает метафизическую связь геоморфологических и гидрологических особенностей Кенозерья с морфологией его сакрального пространства.

Сакрализация рощ была связана с почитанием лесных божеств и духов местных финно-угорских народов, соотносимых с весью и заволочской чудью. Они стоят в одном семантическом ряду с православными святынями — крестами, часовнями, храмами. Согласно выводам Н.М. Терехина, «роща была вторич-

ной производной от храма, но схема их отношений могла иметь обратный характер в том случае, когда храм возводился в старой священной роще»⁷.

Ели, сосне и можжевельнику в святых рощах всегда отдавалось особое предпочтение. Современные исследования показывают, что святые рощи Кенозерья — это участки растительности, где, действительно, никогда не велась хозяйственная деятельность. Настоящий древостой сформировался в них на рубеже XVIII и XIX веков, а рост деревьев происходит под воздействием естественных процессов. Современные святые березовые рощи, по мнению биологов, — это остатки утраченных еловых или сосновых древостоев. Местные традиции до настоящего времени запрещают любую хозяйственную деятельность в святых рощах.

Культовые лесные места неразрывно связаны с водным пространством.

В Кенозерском национальном парке — 251 озеро, главным из которых является Кенозеро, площадью 99,4 км² и глубиной более 100 м. Через пролив Прость Кенозеро соединяется с озером Долгим, которое проливом Чолма соединен с озером Свиным. Второе по площади — Лекшмозеро — расположено в южной части парка, имеет площадь 54 км² и глубину до 30 м. Важное значение имеет и водная система 12 озер, начинающаяся с озера Масельского и питающая реку Водлу, впадающую в Онежское озеро. На территории парка располагаются шесть озер этой системы, соединенных между собой красивейшими лабиринтами проток, каналов и волоков⁸.

Все озера красивы и разнообразны независимо от размеров и местоположения, недаром их называют «глазами Земли». Они всегда привлекали людей чистой водой, разнообразием птиц, рыб и зверей, обитающих как в озерах, так и на их побережьях. Благодаря удобным местоположениям на берегах озер появлялись поселения, где люди активно занимались охотой, рыболовством, земледелием или создавали места затворничества и уединения.

Более 60 рек повсеместно прорезают заболоченные водосборы озер парка. Благодаря чистоте и мощи водных потоков реки всегда были привлекательны для людей. Реки кормили, поили людей, снабжали рыбой, обеспечивали раздолье пойменных лугов. Они также открывали возможность общения, торговли, путешествий, открытия и освоения новых земель. В дохристианские времена на берегах рек происходили языческие обряды и жертвоприношения. В дальнейшем на их местах появились часовни, церкви и монастыри.

Густая речная сеть Кенозерья в прошлом позволяла использовать ее в качестве транспортных артерий для открытия и дальнейшего освоения новых земель. В краю непроходимых лесов и болот они были единственно возможными путями. Важнейшим элементом водных путей были волоки — участки между двумя судоходными реками, через которые в старину перетаскивали суда для продолжения пути. Кенский, Кумбасозерский, Ензинский, Ухтомский волоки давали выход новгородцам в бассейн реки Онеги. Далее Емецкий волок откры-

вал Северодвинский бассейн, а Пинежский — существенно сокращал путь на реку Мезень. Затем по Мезени и ее притокам поднимались до Пёзско-Цильменского волока и переходили к верховью притоков реки Цильмы, несущей свои воды в Печору.

По водно-волоковым путям в разное время шли вольные промысловики, земледельцы, военные дружины, монахи, старообрядцы, купцы и промышленники. Освоение дальних промысловых угодий сопровождалось строительством охотничьих, рыбацких становищ и заимок с последующим превращением их в постоянные поселения. В большинстве случаев возникали они в местах слиянии рек и в их устьевых частях.

Волок всегда был важным элементом на междуречье, так как открывал не только новый путь, но и являлся стратегическим объектом при завоевании новых земель. Несмотря на то, что волоки были наиболее труднопроходимыми участками, они привлекали к себе людей. Вдоль них появлялись населенные пункты, где собирали дань, оказывали услуги путешественникам, устраивали ярмарки и торжища. У волоков устанавливали поклонные кресты, строили часовни и церкви. По мнению историков, жители поселений, обслуживающих волоки, имели больший достаток, нежели жители соседних сельскохозяйственных и промысловых поселков.

Археологические исследования позволяют установить определенную преемственность в использовании волоковых путей в разные времена. В период распространения Каргопольской культуры восточное Обонежье и Поонежье представляли собой единый культурный регион, благодаря наличию регулярных и оживленных межродовых и межплеменных контактов по рекам и озерам. В XI веке по водно-волоковым путям двинулись новгородцы и одним из наиболее удобных стал Кенозерский волок, который открывал «ворота» землепроходцам с побережий Балтийского моря к богатствам Беломорья. Минувя Онежское озеро, шли по рекам Водле и Череве, по сухому волоку, далее по реке Режме попадали в озеро Волоцкое, затем по реке Поче — в Кенозеро; пройдя же по реке Кене, сюда достигали реки Онеги и Белого моря⁹.

На волоках возникали поселения. Например, на Кенском волоке со стороны Балтийского моря в конце XIII — начале XIV века появилась деревня Заволочье, а со стороны Белого моря в середине XIV века — деревня Волок (позднее Яблонь-Горка). И.С. Поляков, прошедший через Кенский волок в 1871 году, отмечал тишину и заброшенность этих мест, хотя волок по-прежнему использовался для товарообмена между водлозёрами и кенозёрами. Во второй половине XX века в связи с «укрупнением деревень» большинство жителей окрестных мест бывшего волока переехали в Вершинино, а оставшиеся о прошлых временах ничего не знали и считали свои деревни выселками Кенозерья¹⁰.

На традиционное географическое пространство при формировании геокультурного большое влияние оказывают многочисленные, различные по про-

исхождению и способам функционирования геокультурные образы. Соседствуя с образами смежных пространств, образы могут быть аналогичными или, наоборот, единичными и уникальными. Представляя собой систему наиболее мощных, ярких и масштабных пространственных знаков, символов, характеристик, они являются маркерами, отражающими особенности развития конкретного географического пространства.

При исследовании географических образов и геокультурного пространства Кенозерья необходимо учитывать различные представления о внутренней и внешней динамике всех его составляющих, так как они могут выполнять роль объединения или поляризации. Кроме того, на геокультурное пространство Кенозерья, наряду с его географическим пространством и образами, оказали влияние и пограничные с ним геопространства Новгорода, Карелии, Беломорья, Двинской и Важской земель со своей сетью ключевых географических образов, локальных мифов, территориальных идентичностей и культурных ландшафтов.

Примечания

¹ Григорьев А.А. Знаки и образы в географическом страноведении. СПб.: ТЕС-СА, 2010.

² Зелюткина Л.О., Коростылев Е.М., Севастьянов Д.В. Водно-волоковые системы севера Европейской России. География. История. Природопользование / под общ. ред. Д.В. Севастьянова. СПб., 2013.

³ Григорьев А.А. Святыни Русской Земли / предисл. С.Б. Лаврова; Е.В. Максимова. СПб.: РГО, 2000.

⁴ Замятин Д.Н. Гуманитарная география: пространство и язык географических образов. СПб.: Алетейя, 2003.

⁵ URL: <http://www.kenozero.ru/lesa-kenozerya.html>.

⁶ Мелютина М.Н., Терехин Н.М. Сакральный ландшафт Кенозерья. Архангельск, 2013.

⁷ Терехин Н.М. Сакральная география Русского Севера (Религиозно-мифологическое пространство северо-русской культуры). Архангельск, 1983.

⁸ URL: <http://www.kenozero.ru/ozera-kenozerya.html>.

⁹ Зелюткина Л.О., Коростылев Е.М., Севастьянов Д.В. Указ. соч.

¹⁰ Там же.

Видовое разнообразие афиллофоровых грибов на территории Кенозерского национального парка

Афиллофоровыми грибами принято называть ансамбль жизненных форм гимнокарпных (не закрытых покрывалами) гомобазидиомицетов, характеризующихся гладким, бугорчатым, складчатым, шиповидным или трубчатым гименофором. Таким образом, гименофор в виде настоящих пластинок не характерен для этой группы («афиллофоровые» значит «непластинчатые») — лишь для некоторых представителей характерно вторичное образование пластинок путем разрушения стенок части трубочек (так называемый лентитесовидный гименофор).

Начиная с работы Ри¹ и заканчивая рядом публикаций о периоде многопорядковых систем высших базидиомицетов², эта группа грибов имела статус порядка *Aphyllphorales*. В настоящее время группа утратила таксономический статус и объединяет представителей нескольких порядков гомобазидиальных грибов, наиболее крупным из которых является порядок *Polyporales*. Иногда в русскоязычной литературе по отношению к рассматриваемым организмам применяется термин «афиллофороидные грибы», восходящий к сводке по макромикетам Северо-европейских стран³, который нам представляется менее удачным, поскольку «-оидный» означает «подобный», а речь идет не о подобии, а о полной синонимии этих терминов⁴.

Группу афиллофоровых грибов, характеризующуюся трубчатым гименофором, принято называть трутовыми грибами или трутовиками. Деревообитающие грибы с гладким и близким к гладкому (не трубчатым) гименофором именуют кортициоидными грибами, растущие на почве афиллофоровые грибы с булавовидными и коралловидными плодовыми телами называют рогатиковыми, а с воронковидными плодовыми телами — кантареллоидными грибами.

Экологические ниши, занимаемые афиллофоровыми грибами, многообразны и заполняют весь экологический диапазон лесной среды — лигнифицированные части растущих деревьев, кустарников и трав, корневые окончания растений, ветوشь трав, хвойный, лиственный и веточный отпад, старые плодовые тела самих трутовиков, пни и валеж различных стадий разложения, неструктурированные фракции лесной (луговой) подстилки и гумус.

Мицелий афиллофоровых грибов многолетний, а активное плодоношение начинается во вторую половину вегетационного периода, хотя образование эфемерных плодоношений начинает фиксироваться уже в апреле — мае⁵.

Методика исследований. Исследования проводились лично автором на территории Кенозерского национального парка в период с 14 по 19 июля 2014 г. в окрестности озер Лекшмозеро, Масельгское и Вильнозеро и с 8 по 16 июля 2015 г. в окрестностях озер Кенозеро, Лекшмозеро, Масельгское и Вильнозеро, а также в окрестностях троп Предков, Муравьев и избы «Охотничья заимка».

При сборе материала применялась предложенная А.И. Толмачевым⁶ методика радиальных маршрутов со сгущением ходов вблизи базового лагеря и с разреженными рекогносцировочными ходами по периферии участка⁷. Осматривались живые, сухостойные, валежные стволы, ветви и пни деревьев и кустарников в разных типах леса (ельники, сосняки, осинники, березняки, смешанные древостой). Особое внимание обращалось на характерные участки для развития грибов, растущих на корнях, в подстилке и на почве.

Хорошо узнаваемые в полевых условиях и широко распространенные виды преимущественно не гербаризировались, и информация о них заносилась в полевые дневники наблюдений.

Собранные образцы дереворазрушающих грибов обрабатывались и гербаризировались в соответствии с методическими рекомендациями А.С. Бондарцева⁸, а также Л. Ривардена и Р.Л. Гилбертсона⁹. Идентификация материала осуществлялась с помощью отечественных и зарубежных определителей и монографических обработок соответствующих таксонов¹⁰, а также анализа гербарных коллекций Ботанического института им. В.Л. Комарова РАН (LE).

Определение собранного материала проводилось в лаборатории экологии популяций и сообществ Института экологических проблем Севера УрО РАН (ИЭПС УрО РАН, г. Архангельск) и в лаборатории систематики и географии грибов Ботанического института им. В.Л. Комарова РАН.

Идентификация собранного материала проводилась с использованием световых микроскопов «МБС-10», «Биолам РФН-11», «Биомед-1» и «ЛОМО Микмед-2».

Препараты мицелия и генеративных элементов афиллофоровых грибов готовились с использованием 5-процентного раствора КОН (растворение части глюканов и размягчение плектенхим), реактива Мельцера (выявление амилоидной и декстриноидной реакции глюкановых структур), также применялся 0,1-процентный раствор синего толуидинового красителя («cotton-blue») (выявление цианофильной реакции стенок спор и гиф)¹¹.

Большая часть собранной коллекции хранится в гербарии ИЭПС УрО РАН (AR).

В ходе полевых работ было собрано более 250 образцов афиллофоровых грибов. Гербаризировано более 100 экземпляров плодовых тел.

К настоящему времени на территории района исследований отмечено 10 видов, входящих в Красную книгу как Архангельской области¹², так и сопредельных территорий¹³ (табл. 1).

Таблица 1. Статус редких видов афиллофоровых грибов Архангельской области в Красных книгах Архангельской и Мурманской областей, Республики Карелия и Республики Коми*

№	Вид грибов	Архангельская обл.	Мурманская обл.	Республика Карелия	Республика Коми
1	<i>Aporpium caryae</i>	–	3 (R)	3 (R)	3 (R)
2	<i>Antrodia pulvinascens</i>	–	–	3 (R)	–
3	<i>Piptoporus pseudobetulinus</i>	3 (R)	–	2 (V)	3 (R)
4	<i>Leptoporus mollis</i>	–	3 (R)	3 (R)	–
5	<i>Gloiodon strigosus</i>	–	–	3 (R)	–
6	<i>Creolophus cirrhatus</i>	5 (Cd)	–	–	4 (I)
7	<i>Onnia tomentosa</i>	5 (Cd)	–	–	4 (I)
8	<i>Steccherinum collabens</i>	5 (Cd)	3 (R)	3 (R)	3 (R)
9	<i>Steccherinum pseudozilingianum</i>	–	–	4 (I)	–
10	<i>Radulodon erikssonii</i>	–	–	3 (R)	–

* Статус вида: 2 (V) — уязвимые виды с сокращающейся численностью, еще не достигшей критического уровня; 3 (R) — редкие виды, представленные в природе небольшими популяциями, которые рискуют оказаться под угрозой исчезновения; 4 (I) — виды с неопределенным статусом, требующие изучения; 5 (Cd) — виды, нуждаются в биологическом надзоре.

Микологи из Финляндии Х. Котиранта и Т. Ниемея предложили использовать две категории индикаторных видов афиллофоровых грибов¹⁴. К первой были отнесены виды, встречающиеся в старовозрастных лесах, в течение длительного времени не подвергавшихся сплошным рубкам. Вторую категорию составляют виды, характерные для девственных лесов, по крайней мере, длительное время не нарушавшихся не только рубками, но и более мягкими антропогенными воздействиями. Нахождение видов каждой категории предлагается оценивать в баллах (виды старовозрастных лесов — «1», виды девственного леса — «2»).

Характеристика таксономической структуры. Объем порядков, семейств, родов и видов принят в соответствии со сводкой по макромицетам североевропейских стран («Nordic macromycetes»)¹⁵ с рядом исключений в семействах *Inonotaceae* и *Phellinaceae*. Кроме того, в порядке *Atheliales* принимается род *Amylocorticiellum*¹⁶. С точки зрения филогенетической систематики эта сводка уже устарела¹⁷, но в ней очень хорошо отражена биоморфологическая структура биоты. Таксоны в ней являются «таксонами-экоморфами». Таким образом, приведенная к системе «Nordic macromycetes» таксономическая структура региональных биот достаточно адекватно отражает экоморфные спектры территорий¹⁸.

Биота афиллофоровых грибов на территории Кенозерского национального парка сегодня представлена 107 видами, относящимися к 63 родам, 32 семействам и 17 порядкам базидиомицетов (табл. 2).

Ведущими по числу видов на изученной территории являются порядки *Huiphodermatales* (22 вида) и *Hymenochaetales* (19 видов). Наибольшее число родов отмечено в семействах: *Coriolaceae* и *Schizophyllaceae* (по 5 рода), *Fomitopsidaceae* и *Rigidoporaceae* (по 4 рода). Коэффициент видовой насыщенности семейств составляет 3,3.

К наиболее крупным родам относятся *Phellinus* (11 видов), *Tomentella* (5 видов), *Huiphodontia*, *Steccherinum* и *Trichaptum* (по 4 вида). Коэффициент видовой насыщенности рода составляет в среднем 1,7.

Таблица 2. Таксономическая структура биоты афиллофоровых грибов Кенозерского национального парка (2015 г.)

Порядки, семейства (число родов/видов)	Роды (число видов)
<i>Aleurodiscales</i> (1/1)	
Corticaceae (1/1)	Corticium (1)
<i>Aporpiales</i> (1/1)	
Aporpiaceae (1/1)	Aporpium (1)
<i>Atheliales</i> (2/3)	
Atheliaceae (2/3)	Amylocorticium (1), Ceraceomyces (2)
<i>Boetales</i> (1/2)	
Coniophoraceae (1/2)	Coniophora (2)
<i>Botryobasidiales</i> (2/3)	
Botryobasidiaceae (2/3)	Botryobasidium (2), Botryohypochnus (1)
<i>Coriolales</i> (6/8)	
Coriolaceae (5/7)	Cerrena (1), Daedaleopsis (2), Datronia (1), Pycnoporus (1), Trametes (2)
Fomitaceae (1/1)	Fomes (1)
<i>Fomitopsidales</i> (7/13)	
Fomitopsidaceae (4/9)	Antrodia (3), Fomitopsis (2), Gloeophyllum (2), Piptoporus (2)
Phaeolaceae (3/4)	Amylocystis (1), Leptoporus (1), Postia (2)
<i>Ganodermatales</i> (1/1)	
Ganodermataceae (1/1)	Ganoderma (1)
<i>Hericiales</i> (4/4)	
Auriscalpiaceae (1/1)	Gloiodon (1)
Clavicornaceae (1/1)	Clavicornia (1)
Gloeocystidiellaceae (1/1)	Gloeocystidiellum (1)
Hericiaceae (1/1)	Creolophus (1)

Порядки, семейства (число родов/видов)	Роды (число видов)
<i>Hymenochaetales</i> (6/19)	
Coltriciaceae (1/1)	Coltricia (1)
Hymenochaetaceae (2/4)	Asterodon (1), Hymenochaete (3)
Inonotaceae (2/3)	Inonotus (2), Onnia (1)
Phellinaceae (1/11)	Phellinus (11)
<i>Hyphodermatales</i> (12/22)	
Bjerkanderaceae (3/3)	Bjerkandera (1), Ceriporiopsis (1), Hapalopilus (1)
Chaetoporellaceae (2/6)	Hyphodontia (4), Skeletocutis (2)
Cystostereaceae (1/1)	Fibricium (1)
Hyphodermataceae (3/3)	Basidioradulum (1), Intextomyces (1), Hyphoderma (1)
Steccherinaceae (3/9)	Irpex (1), Steccherinum (4), Trichaptum (4)
<i>Lachnocladiales</i> (1/1)	
Lachnocladiaceae (1/1)	Dichostereum (1)
<i>Phanerochaetales</i> (6/7)	
Phanerochaetaceae (2/2)	Phanerochaete (1), Phlebiopsis (1)
Rigidoporaceae (4/5)	Ceriporia (1), Climacocystis (1), Oxyporus (2), Radulodon (1)
<i>Polyporales</i> (1/1)	
Polyporaceae (1/1)	Polyporus (1)
Schizophyllales (5/10)	
Schizophyllaceae (5/10)	Chondrostereum (1), Gloeoporus (2), Mycoacia (3), Phlebia (3), Resinicium (1)
<i>Stereales</i> (2/3)	
Peniophoraceae (2/3)	Peniophora (1), Stereum (2)
<i>Thelephorales</i> (2/6)	
Thelephoraceae (2/6)	Thelephora (1), Tomentella (5)
<i>Xenasmatales</i> (3/3)	
Sistotremataceae (2/2)	Sistotrema (1), Sistotremastrum (1)
Xenasmataceae (1/1)	Phlebiella (1)

Редкие, индикаторные и охраняемые виды афиллофоровых грибов. С конца XX в. одной из наиболее острых проблем становится сохранение биологического разнообразия различных групп живых организмов как компонентов экосистем. При нарушении в частности лесных местообитаний видовой состав их обедняется из-за уменьшения количества доступного субстрата, изменения режима влажности, разреживания насаждений и появления придорожных участков. Вместе с тем, комплексность растительного покрова, являющаяся результатом антропогенных воздействий, ведет в определенных случаях к внутриценотической гетерогенности и способствует проникновению в лесные экосистемы новых (чаще всего азональных и «южных») видов.

При оценке состояния лесных экосистем с точки зрения биологического разнообразия традиционно используют высшие растения, мохообразные и лишайники. В последнее время также перспективным объектом при оценке состояния экосистем считаются дереворазрушающие грибы, подавляющее большинство которых представлены афиллофоровыми грибами. В коренных лесах отмечается наибольшее видовое разнообразие, что связано с наличием большого количества мертвой древесины хвойных и лиственных пород на разных стадиях разложения, которая является основным субстратом для развития дереворазрушающих грибов.

Комплексный подход к оценке лесных территорий с определенного времени стал включать исследование гетеротрофного блока лесных экосистем и афиллофоровых грибов как одного из базовых его элементов. Эти исследования долгое время развивались в рамках европейских программ по охране грибов.

Не все виды афиллофороидных макромицетов встречаются регулярно и равномерно. Часть редких видов встречаются спорадически, они представлены единичными находками, другая часть отмечается постоянно, но в ограниченном числе экземпляров. Существуют определенные перечни видов, которые занесены в Красные книги или могут служить индикаторами состояния лесных экосистем и указывать на их нарушенность или «девственность». Так, в последние десятилетия в Скандинавских странах созданы списки индикаторных видов, которые широко используются для выявления и охраны старовозрастных естественных лесов¹⁹.

В раздел «Грибы» Красной книги Архангельской области включены следующие виды афиллофоровых: *Piptoporus pseudobetulinus* (ил. 1), в том числе в категорию «бионадзор» — *Creolophus cirrhatus*, *Onnia tomentosa*, *Steccherinum collabens*.

На территории района исследований зарегистрировано 15 индикаторных видов, из которых 12 являются индикаторами старовозрастных (*Antrodia pulvinascens* (ил. 2), *Asterodon ferruginosus*, *Gloeoporus taxicola*, *Fomitopsis rosea* (ил. 3), *Gloiodon strigosus* (ил. 4), *Leptoporus mollis*, *Phellinus chrysoloma*, *Ph. ferrugineofuscus*, *Ph. lundellii*, *Ph. nigrolimitatus*, *Ph. pini* (ил. 5), *Sistotremastrum suecicum*) и 3 — очень старых еловых и сосновых лесов (*Amylocystis lapponica*, *Phlebia centrifuga*, *Steccherinum collabens*).

Полученная сумма в 18 баллов по шкале скандинавских микологов свидетельствует о том, что лесной массив считается заслуживающим охраны.

Индикаторные виды наиболее чувствительны к изменениям окружающей среды, поэтому требуют продолжения мониторинга и определенного режима охраны. При проведении дальнейших исследований, список видов будет уточняться и дополняться.

Примечания

¹ Rea C. British Basidiomycetae. A handbook to the larger British fungi. Cambridge: Univ. Press, 1922. 799 p.

² Jülich W. Higher taxa of Basidiomycetes // Bibl. Mycol. Vol. 85. Vaduz: J. Cramer, 1981.

485 p.; Ainsworth & Bisby's Dictionary of the Fungi / D.L. Hawksworth, P.M. Kirk, B.C. Sutton, D.N. Pegler. 8th edition. Wallingford: CAB International, 1995. 616 p.; Nordic Macromycetes. Vol. 3: Heterobasidioid, aphyllorphoroid and gastromycetoid Basidiomycetes / L. Hansen, H. Knudsen (eds.). Copenhagen: Nordsvamp, 1997. 445 p.; Ainsworth and Bisby's Dictionary of the Fungi / P.M. Kirk, P.F. Cannon, D.W. Minter, J.A. Stalpers. 10th edition. Wallingford: CAB International, 2008. 771 p.

³ Nordic Macromycetes. Vol. 3.

⁴ Афиллофоровые грибы заповедника «Пинежский» / О.Н. Ежов, Р.В. Ершов, А.В. Руоколайнен, И.В. Змитрович. Екатеринбург: Изд-во УрО РАН, 2011. 148 с.

⁵ Там же.

⁶ Толмачев А.И. Введение в географию растений. СПб.: Изд-во ЛГУ, 1974. 244 с.

⁷ Шмидт В.М. Математические методы в ботанике. СПб., 1984. 288 с.

⁸ Бондарцев А.С. Трутовые грибы Европейской части СССР и Кавказа. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1953. 1106 с.

⁹ Ryvar den L., Gilbertson R. L. European polypores. Part 1: Abortiporus–Lindtneria. Oslo: Fungiflora, 1993. P. 1–387.

¹⁰ Бондарцев А.С. Трутовые грибы Европейской части СССР и Кавказа; Бондарцева М.А. Определитель грибов России. Порядок афиллофоровые. Вып. 2: Семейства альбатрелловые, апорпиевые, болетопсиевые, бондарцевиевые, ганодермовые, кортициевые (виды с порообразным гименофором), лахнокладиевые (виды с трубчатым гименофором), полипоровые (роды с трубчатым гименофором), пориевые, ригидопоровые, феоловые, фистулиновые. СПб.: Наука, 1998. 391 с.; Ryvar den L., Gilbertson R.L. European polypores. Part 1: Abortiporus–Lindtneria. Oslo: Fungiflora, 1993. P. 1–387; Ryvar den L., Gilbertson R.L. European polypores. Part 2: Meripilus–Tyromyces. Oslo: Fungiflora, 1994. P. 388–743; Змитрович И.В. Семейства ателиевые и амилорктициевые: Определитель грибов России. Порядок афиллофоровые. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2008. Вып. 3. 278 с.; и др.

¹¹ Змитрович И.В. Семейства ателиевые и амилорктициевые. Вып. 3.

¹² Красная книга Архангельской области. Архангельск, 2008. 351 с.

¹³ Красная книга Мурманской области. Мурманск, 2014. 400 с.; Красная книга Республики Карелия. Петрозаводск: Карелия, 2007. 368 с.; Красная книга Республики Коми. Сыктывкар, 2009. 791 с.

¹⁴ Kotiranta H., Niemelä T. Uhanalaiset käävät Suomessa. Tonien, uudistettu painos. Helsinki: S.Y.E., 1996. 184 p.

¹⁵ Nordic Macromycetes. Vol. 3.

¹⁶ Змитрович И.В. Семейства ателиевые и амилорктициевые. Вып. 3.

¹⁷ Ainsworth and Bisby's Dictionary of the Fungi / P.M. Kirk, P.F. Cannon, D.W. Minter, J.A. Stalpers. 10th edition. Wallingford: CAB International, 2008. 771 p.

¹⁸ Афиллофоровые грибы заповедника «Пинежский» / О.Н. Ежов, Р.В. Ершов, А.В. Руоколайнен, И.В. Змитрович. Екатеринбург: Изд-во УрО РАН, 2011. 148 с.

¹⁹ Kotiranta H., Niemelä T. Uhanalaiset käävät Suomessa.

Редкие и охраняемые высшие макрофиты Кенозерского национального парка

Флористический состав высших сосудистых растений Кенозерского национального парка насчитывает 640 видов. Из них лишь немногим более 30 видов принадлежат к экологической группе макрофитов (гидрофитов) — растений, приспособленных к обитанию в воде.

Основными местообитаниями макрофитов на территории парка являются пресноводные озера. Макрофиты пресноводных озер — важная составная часть баланса органического вещества в этих экосистемах. В свою очередь макрофиты принято делить на несколько экологических групп по отношению к водной среде обитания, согласно классификации Г.С. Гигевича и др.¹

1. *Эугидрофиты, или гидатофиты, погруженные растения* — истинно водные растения, весь жизненный цикл которых проходит под водой, либо у которых только генеративные побеги возвышаются над водой или плавают на поверхности воды, а основная масса находится в толще воды.

2 *Плейстофиты, или нимфоиды*, — растения с плавающими листьями.

3. *Гелофиты, или аэрогидрофиты*, — водные растения с побегами, часть которых находится в воде, а часть возвышается над водой.

В озерах высшие макрофиты в основном населяют прибрежное мелководье или зону литорали и редко проникают на большие глубины, в так называемую зону сублиторали².

В летний период 2013–2015 гг. в Каргопольскую часть Кенозерского парка были организованы комплексные экспедиции по исследованию гидробиотических и некоторых гидрологических характеристик озер: Масельгского, Наглимозера, Большого Лебяжьего, Саргозера. Также исследовались озера у деревни Думино; Долгое, Черное и малые озера у деревни Масельги; а также озера Белое, Синее, Худое.

Эти озера находятся на границе (водоразделе) бассейнов Белого и Балтийского морей. Из них Наглимозеро, Саргозеро, Масельгское, Большое Лебяжье, Синее озера располагаются в пределах водосборной площади реки Невы (впадающей в Финский залив Балтийского моря) с Ладожским и Онежским озерами; а озера Черное, Долгое, Белое, Худое — в пределах водосборной площади реки Онеги (впадающей в Онежский залив Белого моря).

Из всего числа макрофитов на территории парка обнаружено 7 видов внесенных в различные источники, регламентирующие их охрану. К ним относятся ежеголовник злаковидный (*Sparganium gramineum*), кубышка малая (*Nuphar pumila*), кувшинка четырехгранная (*Nymphaea tetragona*), кувшинка чисто-белая

(*Nymphaea candida*), лобелия Дортманна (*Lobelia dortmanna*), полушник озерный (*Isoëtes lacustris*), полушник щетинистый (*Isoëtes echinospora*). Ниже приведен конспект флористического состава охраняемых высших макрофитов, обнаруженных в Каргопольской части Кенозерского парка.

1. *Ежеголовник злаковидный (Фриза)* — *Sparganium gramineum Georgi*.

Экологическая группа по отношению к водной среде обитания — плейстофит. Растение широко распространено в Масельском озере, Наглимозере, Большом Лебяжьем озере на глубине до 2,0 м, в экотопах с песчано-илистыми грунтами. Входит в состав сообществ кувшинки чисто-белой и четырехгранной, но чаще произрастает глубже и более изолированно от других макрофитов.

Вид внесен в Приложение Красной книги Архангельской области (2008)³, является объектом бионадзора.

2. *Кубышка малая* — *Nuphar pumila (Timm.) DC.*

Экологическая группа по отношению к водной среде обитания — плейстофит. Растение обнаружено в северной части Наглимозера, встречается в озерах Черном и Долгом, в сообществах с гелофитами, на илистых грунтах. Вид внесен в Красную книгу Архангельской области (2008) (*Категория 3*).

3. *Кувшинка четырехгранная* — *Nymphaea tetragona Georgi*.

Экологическая группа по отношению к водной среде обитания — плейстофит. Растение обнаружено у западного берега Наглимозера, а также на севере озера в заливе у острова Большой (Монастырский), распространено в озерах Долгом и Черном, встречается у западных берегов озера Большого Лебяжьего, в сообществах с ежеголовником злаковидным, характерно для экотопов с илистыми грунтами и мелкозернистыми песками (ил. 1).

Вид внесен в Красную книгу Архангельской области (2008) (*Категория 3*), Красную книгу Республики Коми⁴, Красную книгу Вологодской области⁵.

4. *Кувшинка чисто-белая* — *Nymphaea candida J. et C. Presl.*

Экологическая группа по отношению к водной среде обитания — плейстофит. Растение очень широко распространено в перечисленных водных объектах. Растет в сообществах с другими плейстофитами, но нередко образует изолированные от других макрофитов монодоминантные сообщества. Обитает на экотопах с илистым и песчаным грунтом. Угрозы для популяций этого вида в озерах Кенозерского национального парка нет, но вид уязвим к загрязнению воды.

Вид внесен в Приложение Красной книги Архангельской области (2008), является объектом бионадзора.

5. *Лобелия Дортманна* — *Lobelia dortmanna L.*

Экологическая группа по отношению к водной среде обитания — гелофит. Растение распространено в литорали озера Наглимозера, в экотопах с каменистыми и песчаными грунтами, встречается на востоке и севере Масельского озера в экотопах с песчано-галечными грунтами у возвышенных берегов. В Саргозере обнаружено в островной литорали, а также у возвышенных северо-вос-

точных берегов. Доминирует в озере Большом Лебяжьем в пределах всей зоны литорали (ил. 2). Растет в сообществах с осокой острой и хвощом приречным, реже с тростником обыкновенным.

Вид внесен в Красную книгу Российской Федерации (2008) (Категория 3)⁶, Красную книгу Архангельской области (2008) (Категория 2), Красную книгу Вологодской области, Красную книгу Мурманской области⁷, Красную книгу Республики Карелия⁸.

6. Полушник озерный — *Isoëtes lacustris* L.

Экологическая группа по отношению к водной среде обитания — гидатофит. Растение обнаружено у восточных и северных берегов озера Масельского, на глубине около 1,5–2,0 м в экотопах с песчаным грунтом. Не образует больших скоплений. По литературным данным, есть в озере Наглимозеро.

Вид внесен в Красную книгу Российской Федерации (2008) (Категория 2), Красную книгу Архангельской области (2008) (Категория 2), Красную книгу Вологодской области, Красную книгу Мурманской области, Красную книгу Республики Карелия.

7. Полушник щетинистый — *Isoetes echinospora* Durieu.

Экологическая группа по отношению к воде — гидатофит. Растение встречается редко на севере Наглимозера у восточных берегов острова Большой (Монастырский), есть в озере Большом Лебяжьем, растет в экотопах с илистыми грунтами и мелкозернистыми песками.

Вид внесен в Красную книгу Российской Федерации (2008) (Категория 2), Красную книгу Архангельской области (2008) (Категория 2), Красную книгу Вологодской области, Красную книгу Мурманской области, Красную книгу Республики Карелия.

Встречаемость перечисленных видов, рассчитанная по методике В.И. Васильевич⁹, представлена в таблице 1, а условия обитания — в таблице 2.

Таблица 1. Обнаружение (%) макрофитов в озерах парка*

Вид	Мс	Нг	Ср	БолЛ	Дл	Чр	Бел	Сн	Хд
Ежеголовник злаковидный — <i>Sparganium gramineum</i>	35,0	33,5	–	10,0	–	22,0	–	–	–
Кубышка малая — <i>Nuphar pumila</i>	–	0,5	–	–	25,0	54,0	–	–	–
Кувшинка четырехгранная — <i>Nymphaea tetragona</i>	–	5,0	–	4,0	6,0	7,0	–	–	–
Кувшинка чисто-белая — <i>Nymphaea candida</i>	32,0	17,5	4,3	1,0	48,0	56,0	100,0	6,0	12,0
Лобелия Дортманна — <i>Lobelia dortmanna</i>	5,0	12,5	10,9	63,0	–	–	–	–	–

Вид	Мс	Нг	Ср	БолЛ	Дл	Чр	Бел	Сн	Хд
Полушник щетинистый — <i>Isoëtes lacustris</i>	-	0,5	-	-	-	-	-	-	-
Полушник озерный — <i>Isoëtes echinospora</i>	2,0	-	-	4,0	-	-	-	-	-

* Используются следующие сокращения: Мс — Масельское озеро, Нг — Наглимозеро, Ср — Сарг-озеро, БолЛ — Большое Лебяжье, Дл — Долгое, Чр — Черное, Бел — Белое, Сн — Синее, Хд — Худое.

Таблица 2. Условия обитания охраняемых макрофитов

Вид	Экологический оптимум произрастания
Ежеголовник злаковидный — <i>Sparganium gramineum</i>	Растет на илисто-песчаных субстратах, на глубине 1,0–1,5 м, часто изолирован от других макрофитов. Очень требователен к частоте воды
Кубышка малая — <i>Nuphar pumila</i>	Предпочитает илистые субстраты, растет на глубине 0,3–1,0 м
Кувшинка четырехгранная — <i>Nymphaea tetragona</i>	Растет на илистых и илисто-песчаных субстратах, на глубине 1,0–1,5 м. Вид, требовательный к частоте воды
Кувшинка чисто-белая — <i>Nymphaea candida</i>	Растет на илистых субстратах, при глубине 1,0–2,0 м, часто изолированно от других макрофитов, где образует монодоминантные сообщества. Вид уязвим к загрязнению воды
Лобелия Дортманна — <i>Lobelia dortmanna</i>	Предпочитает песчано-илистые субстраты с наличием камней, растет на глубине 0,1–0,3 м. Вид уязвим к загрязнению воды
Полушник щетинистый — <i>Isoëtes lacustris</i>	Растет на илисто-песчаных субстратах, на глубине 1,0–1,5 м. Очень уязвим к загрязнению воды
Полушник озерный — <i>Isoëtes echinospora</i>	Растет на илисто-песчаных субстратах, на глубине 1,5–2,0 м. Очень уязвим к загрязнению воды

Как правило, одним из условий произрастания высших макрофитов в озерах является их развитие при температуре воды выше 10 °С. Именно при такой температуре весной после освобождения северных водоемов от ледового покрова начинается вегетация высших водных растений и их отмирание осенью. По нашим данным, наиболее оптимальной для произрастания макрофитов в водоемах среднетаежной подзоны, где расположен Кенозерский парк, является температура 15–20 °С. Собственно, такая температура воды наблюдалась и в период проведения исследований сообществ водных растений. Для перечисленных охраняемых видов оптимальным также является наличие нейтральных или слабощелочных вод (рН 7,0–7,5).

Ввиду благоприятных местообитаний в пределах экологического оптимума в указанных озерах высшие водные растения нередко являются ценозообразо-

вателями. Сообщества ассоциаций этих видов также следует признать редкими не только для территории парка, но и для всей Архангельской области. Так, лобелия Дортманна (*Lobelia dortmanna*) в Большом Лебяжьем озере образует ассоциации с хвощом приречным (*Equisetum fluviatile*), тростником обыкновенным (*Phragmites australis*), осокой острой (*Carex acuta*). Этим ассоциациям следует дать следующие названия по принципу экологодоминантного подхода: *Lobelietum equisetatosum fluviatile*, *Lobelietum caricetosum acutum*, *Phragmitetum australis lobelietosum*. Группировки сообществ кувшинки четырехгранной (*Nymphaea tetragona*) и ежеголовника злаковидного (*Sparganium gramineum*) также являются редкими на региональном уровне.

В связи с развитием туризма на территории парка увеличивается и антропогенная нагрузка на водные экосистемы, что требует повышенных мер охраны высших макрофитов. Тем более, что большинство указанных макрофитов очень уязвимы к загрязнению окружающей среды, чем объясняется их отсутствие в водоемах, расположенных близко к крупным городским агломерациям, например в черте Архангельской агломерации.

Нами разработан ряд рекомендаций к их охране:

1. Необходимо обеспечить контроль за сохранением этих видов на территории парка в указанных озерах.

2. Следует проводить мониторинговые исследования указанных видов высших растений. В этом отношении наибольших исследований требует отдаленное озеро Большое Лебяжье, которое довольно часто посещается рыбаками. В озере доминирует лобелия Дортманна, внесенная в Красную книгу Российской Федерации. Желательна организация заказника в пределах озера.

3. Встречаемость охраняемых видов повышается в направлении к соседствующей с парком Республике Карелия, что следует учитывать при поиске охраняемых высших водных растений.

4. Должна проводиться объяснительная работа с туристами (особенно при проведении лодочных туристических маршрутов через водные объекты) и местным населением о ценности охраняемых видов.

5. Необходимо запретить сбор охраняемых растений на букеты, что в особенности относится к кувшинкам. Сбор гербарных образцов следует проводить исключительно в научных целях.

6. Все указанные виды высших растений очень уязвимы к загрязнению воды (в особенности нефтепродуктами), их встречаемость возрастает в районах, отдаленных от населенных пунктов. Следует поддерживать частоту воды в озерах.

7. Для сохранения популяций охраняемых макрофитов также следует проводить борьбу с инвазионными конкурентоспособными видами растений (куда, к примеру, относится элодея канадская), а также с водорослями макрофитами. Их неумеренное размножение может привести к снижению численности популяций охраняемых высших водных растений.

Итак, можно сделать следующие выводы:

1. В Каргопольском секторе парка за период наблюдений 2013–2015 гг. обнаружено 7 видов охраняемых макрофитов: ежеголовник злаковидный (*Sparganium gramineum*), кубышка малая (*Nuphar pumila*), кувшинка четырехгранная (*Nymphaea tetragona*), кувшинка чисто-белая (*Nymphaea candida*), лобелия Дортманна (*Lobelia dortmanna*), полушник озерный (*Isoetes lacustris*), полушник щетиный (*Isoetes echinospora*).

2. На территории Кенозерского национального парка некоторые виды макрофитов не отмечены для Красной книги Архангельской области (2008), поэтому необходимо их учесть при дальнейшей инвентаризации флоры. К ним относятся: ежеголовник злаковидный (*Sparganium gramineum*), кубышка малая (*Nuphar pumila*), кувшинка четырехгранная (*Nymphaea tetragona*).

3. Высшие водные растения — неотъемлемая часть экосистем озер Кенозерского национального парка, при этом редкие виды очень уязвимы к загрязнению водной среды обитания. Это необходимо учитывать при их охране.

Примечания

¹ Гигевич Г.С., Власов Б.П., Вынаев Г.В. Высшие водные растения Беларуси: Эколого-биологическая характеристика, использование и охрана. Мн., 2001.

² Распопов И.М. Высшая водная растительность больших озер Северо-Запада СССР / под ред. В.М. Катанской. Л., 1985.

³ Красная книга Архангельской области. Архангельск, 2008.

⁴ Красная книга Республики Коми. Редкие и находящиеся под угрозой исчезновения виды растений и животных. М., 1998.

⁵ Красная книга Вологодской области. Т. 2: Растения и грибы. Вологда, 2004.

⁶ Красная книга Российской Федерации (растения и грибы). М., 2008.

⁷ Красная книга Мурманской области. Мурманск, 2003.

⁸ Красная книга Республики Карелия. Петрозаводск, 1995.

⁹ Василевич В.И. Статистические методы в геоботанике. Л., 1969.

Методические аспекты геоботанического картирования растительных сообществ макрофитов в зоне литорали озер Кенозерского национального парка

В Кенозерском национальном парке озера занимают площадь 20,1 тыс. га.

Важное место в формировании озерных экосистем выполняют высшие водные растения, или макрофиты (гидрофиты). В озерах высшие макрофиты обитают в основном в пределах прибрежно-водной зоны литорали озер, название которой дано по аналогии с морскими побережьями.

Литораль — прибрежная водная зона, ограниченная погруженной и полупогруженной водной растительностью (макрофитами), как правило, распространяющаяся до глубины не более 2–3 м от береговой линии в зависимости от трофического типа водоема и рельефа дна¹. Из этого определения следует, что границу зоны литорали проводят по границе распространения макрофитов в акватории озера. Ниже зоны литорали располагается сублитораль.

В составе макрофитов следует выделять несколько экологических групп растений в зависимости от условий произрастания в водоемах и водотоках. По классификации Гигевича, Власова, Вынаева² выделяют:

1. *Эугидрофиты, или гидатофиты, погруженные растения* — истинно водные растения, весь жизненный цикл которых проходит под водой, либо у которых только генеративные побеги возвышаются над водой или плавают на поверхности воды, но основная масса находится в толще воды.

2. *Плейстофиты, или нимфоиды*, — растения с плавающими листьями.

3. *Аэрогидрофиты, или гелофиты*, — водные растения с побегами, часть которых находится в воде, а часть возвышается над водой.

Большое значение в формировании литорали озер также оказывают растения группы эугигрофитов и гигрогелофитов, выделение которых в систему настоящих высших макрофитов оценивается исследователями неоднозначно.

1. *Эугигрофиты* — наземные околотовные растения, приспособленные к обитанию в береговой полосе водоемов и водотоков, характерные для низких и средних уровней береговой зоны затопления. Распространение эугигрофитов ограничивается среднесезонным уровнем затопления береговой полосы весенними паводковыми водами.

2. *Гигрогелофиты* — наземные болотные растения, приспособленные к обитанию в сильно переувлажненных и даже обводненных местообитаниях, однако нередко имеющие ксероморфные признаки. Эти виды встречаются в экосистемах озер в случае близости или захвата части побережья либо всей береговой линии (супралиторали) экосистемой болота. Заращение прибрежной акватории

озер ги́грогелофитами часто наблюдаются в ходе сукцессии (смены сообщества) озера болотной экосистемой в озерах дистрофного типа.

3. Редко в литораль проникают растения группы *гигромезофитов* — на земные растения, занимающие высокие уровни береговой зоны затопления, сыроватые или влажные отмели и зоны заплеска водоемов. Гигромезофиты, как правило, распространяются за пределом границы среднемноголетнего уровня затопления береговой полосы весенними паводковыми водами, но приурочены к понижениям (ложбинам, ямам), где весной застаиваются талые воды.

В соответствии с преобладающими экологическими группами на побережье озер и в пределах литорали следует выделять несколько пространственных зон:

1. Верхнюю зону гигромезофитов (береговой склон и бровку коренного берега).

2. Зону береговой полосы озер, включающую в основном эугигрофиты, произрастающие вдоль уреза воды.

3. Зону водных полупогруженных растений литорали группы аэрогигрофитов (гелофитов).

4. Зону растений с плавающими листьями (плейстофитов) литорали.

5. Зону типично водных полностью погруженных растений — гидатофитов нижней литорали и sublиторали.

Картирование сообществ макрофитов зоны литорали озер Кенозерского парка проводилось в летний период 2013–2015 гг. в озерах Масельгском, Наглимозере, Большом Лебяжьем, Саргозере, Долгом и Черном (у деревни Думино) и в малых озерах у деревни Масельги; а также в озерах Белом, Синем, Худом. В общей сложности картировано 1334 га площади водного зеркала водоемов.

В таблице 1 для озер Масельгского, Наглимозера, Саргозера, Большого Лебяжьего, Долгого характеристики площади водного зеркала указаны на основании Государственного водного реестра³. Длина, ширина и морфометрические характеристики малых озер Черного, Белого, Синего, Худого приведены по авторским данным, полученным гидрометрическим способом.

Таблица 1. Условия обитания охраняемых макрофитов

Озеро	Площадь водного зеркала, га	Длина, км	Ширина, км	Глубина, м
Масельгское	344	6,0	2,9	18
Наглимозеро	594	5,2	3,2	27
Сяргозеро	120	2,2	1,14	–
Большое Лебяжье	130	1,73	1,33	–
Долгое	110	2,2	1,0	–
Черное	35	1,5	0,7	–
Белое	20,4	1,0	0,5	21
Синее	2,63	0,51	0,30	–
Худое	0,81	0,2	0,08	–

Картирование растительного покрова производится при составлении региональных и глобальных атласов природы. В этом случае учитываются основные сообщества согласно ординационной схеме. Например, для сообществ заболоченных территорий это сосняки вахтово-сфагновые мезо-эвтрофные или осоково-сабельниковые и ивово-сабельниковые сообщества⁴. Для сообществ тундр на картах-схемах могут быть нанесены мохово-сфагновые или мохово-кустарничковые тундры с указанием доминирующих в сообществах видов⁵.

Для озер средней и малой величины построение карт-схем растительных сообществ желательно производить, выделяя ассоциации или комплексы сообществ по тому же принципу, что и экологические группы в отношении к водной среде обитания, т.е. в пределах растительных зон, с последующим нанесением на карты-схемы. Геоботанические (гидроботанические) описания водных экосистем производятся площадным методом в пределах характерных фитоценозов с доминирующими видами соответствующих экологических групп. В этом отношении необходимо выделять сообщества растений, экологических групп гелофитов, плейстофитов, гидатофитов, эутигрофитов, в дальнейшем нанося их на карты-схемы. Основой для картирования являются геоботанические описания фитоценозов и съемка акватории водного зеркала озер, в пределах которой располагаются соответствующие фитоценозы, т.е. в данном случае — зона литорали. Съемка картируемой акватории производится с помощью GPS-навигаторов (нами были использованы приборы *Garmin Etrex Legend HCx*, *Garmin GPSmap 62s*). В дальнейшем принцип построения карт-схем заключается в следующем. Координаты с GPS-навигаторов переносятся в соответствующие программы, в частности *Googl Planet*, а затем в программу построения карт *Surfer* или *Map Info*. Соответственно координатам находится расположение растительного сообщества в водном объекте, а его наименование наносится на карту-схему. Для улучшения графической формы изолиний сообществ и цветовой гаммы можно использовать стандартные компьютерные программы с визуальной доработкой схем, используя, например, формат *jpg*.

В озерах, где проводились геоботанические исследования сообществ макрофитов, в основном выделялись зоны сообществ плейстофитов и гелофитов, поскольку они имели здесь наиболее четко выраженные границы раздела. Гелофиты распределяются вдоль береговой линии, плейстофиты заходят немного дальше в акваторию озер. В некоторых случаях выделялись и сообщества зоны гидатофитов. Большое значение при выделении растительных сообществ различных зон произрастания имеет величина площади водного зеркала и трофический статус водоема.

Так, для озер средней величины с площадью водного зеркала более 100 га (Масельгское, Наглимозеро, Большое Лебяжье, Саргозеро, Долгое) выделено и нанесено на карты-схемы 6–8 групп растительных сообществ. Для озер малой

величины с площадью водного зеркала менее 100 га выделено 3–6 групп растительных сообществ.

В олиготрофном Большом Лебязьем озере площадью водного зеркала 130 га выделено 6 групп растительных сообществ (соответственно обозначенных на ил. 1):

1. Преобладающие сообщества зоны гелофитов с доминированием лобелии Дортманна и хвоща приречного. Вдоль берегов развиты группировки осоки острой. В сообщества внедряется кубышка желтая.

2. Преобладающие сообщества зоны плейстофитов с доминированием кубышки желтой и ежеголовника злаковидного, на отдельных участках с примесью кувшинки чисто-белой. В проливе около большого острова на западе озера встречается кувшинка четырехгранная. В составе гидатофитов встречаются рдест длиннейший, на глубине — элодея канадская и полушник щетинистый.

3. Сообщества зоны гелофитов, северо-западной и островной литорали озера. Доминируют тростник обыкновенный и лобелия Дортманна. Вдоль берегов распространена осока водная. В сообщества внедряется кубышка желтая.

4. Сообщества плейстофитов в глубоководной литорали на западе озера с преобладанием кувшинки четырехгранной. Субдоминанты — ежеголовник узколистный, на глубине распространен полушник щетинистый.

5. Сообщества зоны плейстофитов на юге озера с доминированием кубышки желтой и горца земноводного.

6. Сообщество осоки водной в проливе у западного берега большого острова.

В эвтрофном озере Долгом площадью водного зеркала 110 га выделено 8 групп растительных сообществ (соответственно обозначенных на ил. 2):

1. Растительные сообщества зоны гелофитов с доминированием тростника обыкновенного и камыша озерного. Субдоминант нижнего яруса — хвощ приречный. Вдоль берегов распространяются осоки водная и острая. В зону внедряются плейстофиты: кубышка желтая и кувшинка чисто-белая. Гидатофиты представлены рдестом длиннейшим, рдестом блестящим, рдестом пронзеннолистным, элодеей канадской.

2. Преобладающие сообщества зоны плейстофитов. Доминируют кувшинка чисто-белая, кубышка желтая. Реже встречаются кубышка малая, кувшинка четырехгранная, рдест плавающий. В составе гидатофитов распространены рдест блестящий, рдест плавающий, рдест Фриза, элодея. Редко (на востоке озера) встречается уруть сибирская.

3. Сообщества гелофитов мелководий типа низинных болот из осоки острой, хвоща приречного, лютика длиннолистного.

4. Сообщества зоны гелофитов мелководий с преобладанием камыша озерного и хвоща приречного. В составе плейстофитов — кубышка желтая и кувшинка чисто-белая.

5. Сообщества островной литорали озера. В составе гелофитов камыш озерный, тростник обыкновенный, хвощ приречный. Наблюдается чередование до-

минирующих видов вдоль береговой линии. В группе плейстофитов неширокой полосой распространяется кубышка желтая.

6. Сообщества мелководного залива на юго-западе озера с преобладанием телореза алоэвидного, цикуты ядовитой, рдеста плавающего.

7. Монодоминантное сообщество кувшинки чисто-белой на западе озера.

8. Сообщества зоны плейстофитов у западных берегов озера с доминированием кубышки малой, кубышки желтой, кувшинки чисто-белой, кувшинки четырехгранной. В составе гидатофитов — рдесты блестящий и рдест длиннейший.

Соответственно с трофическим статусом определяется и площадь зарастания водного объекта, что показано в таблице 2.

Таблица 2. Условия обитания охраняемых макрофитов

Озеро	Площадь водного зеркала $S_{в.з.}$, га	Площадь зарастания, $S_{зар}$, га	Соотношение $S_{зар} / S_{в.з.}$, %	Трофический статус	Число выделенных групп сообществ
Масельгское	344	36,7	10,7	Мезотрофное	6
Наглимозеро	594	21,0	3,5	Олиготрофное	7
Саргозеро	120	11,0	9,2	Мезотрофное	6
Большое Лебяжье	130	11,0	8,0	Олиготрофное	6
Долгое	110	19,0	17,3	Эвтрофное	8
Черное	50	6,5	13,0	Мезотрофное	7
Белое	20,4	2,93	14,4	Мезотрофное	4
Синее	2,63	0,39	14,8	Мезотрофное	5
Худое	0,81	0,08	9,9	Мезотрофное	3

По нашим данным, соотношение площади зарастания к площади водного зеркала для олиготрофных водоемов составляет менее 8%, соотношение для озер мезотрофного статуса составляет от 8 до 15%, для эвтрофных озер — более 15%.

Итак, можно сделать следующие выводы:

1. Картирование сообществ макрофитов необходимо для определения географического и пространственного положения сообществ высших водных растений в экосистемах озер.

2. Карты-схемы сообществ зоны литорали пресноводных озер позволяют определять площадь зарастания водных объектов и соответственно развитие сукцессий (смен экосистем).

3. Зарастание водоемов является одним из признаков определения их трофического статуса.

Примечания

¹ Распопов И.М. Высшая водная растительность больших озер Северо-Запада СССР / под ред. В.М. Катанской. Л., 1985.

² Гигевич Г.С., Власов Б.П., Вынаев Г.В. Высшие водные растения Беларуси: Эколого-биологическая характеристика, использование и охрана. Мн., 2001.

³ Государственный водный реестр. URL: <http://www.textual.ru/2015> (дата обращения: 10.09.2015).

⁴ Кутенков А.Н., Миронов В.Л. Особенности растительности и торфяных отложений пойменного болота Равдукорби (Карелия) // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. Серия: «Естественные и технические науки». 2015. № 6 (151). С. 40–47.

⁵ Елина Г.А. Принципы и методы реконструкции и картирования растительности голоцена. Л., 1981; Атлас биологического разнообразия морей и побережий российской Арктики / под ред. В.А. Спиридонова, М.В. Гаврило, Е.Д. Красновой, Н.Г. Николаевой. М., 2011.

Опыт исторической идентификации сельскохозяйственных угодий в Кенозерском национальном парке

Процесс сельского освоения земель современного Каргопольского района Архангельской области (Каргополья) начинается с XI–XIV вв. Последняя волна, когда сельскохозяйственные угодья оказались заброшены, связана с экономическим кризисом 1990-х гг. Система сельских поселений Кенозерского национального парка удалена от крупных населенных пунктов и основных транспортных линий. Она претерпела отчуждение земель разных периодов, во время которых они забрасывались, и в настоящее время представляет территорию разновозрастных чередующихся естественных и постагрогенных лесов, залежных участков, идентификация которых позволит выявить их особенности, в том числе с целью восстановления исторических объектов.

Поиск и изучение постагрогенных участков в Кенозерском национальном парке определяется возможностью исторической реконструкции ландшафтов в местах бывших поселений. Временную историю угодья и, прежде всего, наличие и длительность пахотного состояния с достаточными основаниями позволяет установить «память почвы», т.к. пахотное строение почвенного профиля сохраняется сотни лет¹.

Началу полевых работ в Каргопольском секторе парка предшествовала подготовительно-изыскательная работа, что позволило составить общее впечатление о системе поиска залежных объектов разного возраста и состояния: заросших и не заросших лесом.

При выработке подходов и подборе объектов опробования учитывали:

- краеведческие материалы, особенно фотографии и карты предшествующих лет из архивов краеведческого музея г. Каргополя и материалов парка;
- литературные источники, например работу Н. Тормосовой²;
- рассказы местных жителей из д. Морщихинской, работников парка и Лекшмозерского лесничества;
- интуицию и опыт исследователей, имеющих лесоводственную и почвоведческую подготовку, в том числе опыт работы с залежными объектами на территории Каргопольского района.

Учитывая разнообразие ландшафтов парка, различный возраст «забрасывания» поселений, определяющий скорость зарастания сельскохозяйственных угодий лесом, в Каргопольском секторе парка было выбрано два «ключевых» участка.

-
-
1. Урочище Гужово, заброшенное в последние десятилетия (не более 50 лет). Его территория вблизи бывшего населенного пункта зарастает ивой, растущей по краям полей, что соответствует фотографии 1950-х гг. (ил. 1).
 2. Урочище Масельга (включая урочище Хижгора и водораздел Северного Ледовитого и Атлантического океанов), земли вокруг оказались заброшены значительно раньше, по крайней мере, судя по возрасту деревьев на залежах, более 80–90 лет назад. Однако и в этих местах процесс шел не одновременно, часть угодий, более близких к поселениям, еще использовалась во второй половине прошлого века.

Эти два урочища можно рассматривать как модели ландшафтного состояния бывших исторических поселений. Различная природная история урочищ, оценка их современного состояния позволила рассмотреть некоторые подходы к перспективам восстановления залежных земель на территории парка.

В урочище Гужово с открытыми ландшафтами использован метод маршрутных ходов с систематическими точками опробования (почвенными прикопками) глубиной до 40 см. Всего заложено и диагностировано более 90 прикопок. Для систематизации маршрутов и точности выделения земель с разной историей пользования вся территория урочища, подлежащая обследованию, была разбита на 5 секторов, с промерами линий и закреплением на фотоплане по ориентирам. Ориентирами служили сохранившиеся дома, крупные одиночные деревья. Учитывался состав и аспект растительности. В типичных угодьях с разными по эколого-историческому состоянию свойствами заложено 2 почвенных разреза.

В урочище Масельга обследование и подбор объектов для детального изучения проводился по выделу на основе фотопланов (космоснимков). Обследовано более 20 выделов (12 — в урочище Масельга, 7 — в урочище Хижгора, 3 — на водоразделе), на каждом из которых проводилось почвенное опробование с выкопкой расширенной почвенной прикопки и диагностированием почвы. Из них идентифицировано как сельхозугодья — 10. При детальном описании и закладке пробной площади (ПП) отдавали предпочтение залежам, заросшим хозяйственно-ценными лесообразующими породами (сосна, ель, береза). Заложено 5 пробных площадей на старопахотных залежах, с полной картиной старопахотного состояния почв.

При детальном обследовании урочища Гужово выделены земли, целесообразные к распашке при исторической реконструкции поселений, а также земли, которые рекомендуется оставить под сенокосение или использовать как выгоны. Распашка недавно заброшенных хорошо окультуренных земель в частях секторов 1, 2, 3 (ил. 2, 3) не потребует дополнительных затрат по повышению плодородия почв и отводу избытка влаги, сохранившееся плодородие почвы обеспечит высокое качество и наглядность сельскохозяйственных культур.

В урочищах Масельга, Хижгора и на водоразделе проведен поиск и идентификация старопахотных земель для изучения особенностей зарастания их лесом

и решения вопроса о реабилитации (восстановление пахотных угодий). Опробование почв по маршрутным ходам показало наличие массовой распашки земель во всех изученных урочищах, в настоящее время заросших лесными породами разного возраста, что говорит о разновременности отчуждения. Распахивались и использовались, хотя и кратковременно, даже крутые склоны водораздела.

На всех изученных залежах, заросших лесом, несмотря на длительный период постагрогенной ремедиации и формирование на них типичных таежных биогеоценозов, восстановление естественных зональных почв не наблюдалось. Почвы постагрогенных лесов Кенозерского национального парка сохранили все признаки пахотного состояния, отмеченные М.В. Бобровским: это ровная граница пахотного горизонта, наличие заметного подпахотного (уплотненного) горизонта, высокая степень перемешанности и оструктуренности (ил. 4). Ровная граница пахотного горизонта и сохранившийся подпахотный горизонт, иногда мощностью до 10 см, свидетельствуют об однообразном использовании участка в виде пашни. Сохранившаяся в течение 100 лет равномерная бурая окраска и комковатая (мелкокомковатая) структура пахотного горизонта говорят о большой длительности пахотного использования почв и их высоком эффективном плодородии, которое поддерживалось периодическим внесением удобрений, прежде всего органических, которые начали использовать на территории Каргополья с XV в.³ Навоза не хватало, поэтому пашни удобрялись не ежегодно, нередко раз в 6–18 лет из расчета 30–40 возов (1 средний воз весил 246–410 кг) на десятину. Кроме навоза активно использовали золу; угли, встречающиеся в пахотном горизонте, свидетельствуют также об огневой расчистке участка, изначально заросшего лесом.

Мощность пахотного горизонта составляет 14–15 см, что соответствовало орудиям того времени (соха, рал), а в отдельных случаях достигает 30 см и более. Постоянное выпаживание провоцировало вынос процесса оподзоливания в нижележащие иллювиальные (Vf) горизонты почв, сохранившие первоначальный облик нативных зональных⁴, сформированных на галечно-щебнистых моренных отложениях. Сплошного белесого слоя при этом не образуется, оподзоливание проявляется пятнами. Однако все это подтверждает исходную версию первичного доагрогенного лесного состояния участков.

Залежи, заросшие лесом как минимум 100 лет назад, сохраняют на определенном эволюционном уровне все признаки высокого эффективного плодородия почв, повышенного за счет мелиоративных мероприятий в период активного сельскохозяйственного использования. Это легко читается по почвенному профилю. На этих залежах произрастают высокополнотные сосновые или березовые древостои, на 1 класс бонитета выше, чем естественные насаждения на нативной почве. На этих землях отмечается специфика напочвенного покрова (присутствуют нелесные виды), мало подроста и подлеска. Древостои на таких землях разновозрастны, выровнены по ярусам, несколько разрезаны.

Реконструировать земли старопахек и сенокосов, заросших лесом, нецелесообразно с разных позиций: экономических, эстетических, экологических, это может нарушить целостность и эстетическое состояние примыкающих к объекту ландшафтов (повреждение почвы при проходе техники, отвалы выкорчеванных корней деревьев, складирование порубочных остатков и др.). Возникнет угроза пожаров.

Таким образом, почвенно-ландшафтные исследования позволяют достаточно уверенно провести идентификацию бывших сельскохозяйственных угодий, выделить объекты, подлежащие историческому восстановлению, дать предложения по ведению в них хозяйства. Наличие и возможности идентификации старопахотных земель, заросших лесом, на территории национального парка представляют интерес как в историческом (фиксация мест поселений, особенности земледелия), так и в биогеоценотическом плане (оценка изменения почвенного покрова, динамики развития почв, длительности сохранения свойств искусственного плодородия, реакции растительности, поселившейся на старопахках, биоразнообразия, типов леса и т.п.).

Примечания

¹ Бобровский М.В. Лесные почвы Европейской России: биотические и антропогенные факторы формирования. М., 2010.

² Тормосова Н.И. Каргополье: история исчезнувших волостей. Каргополь, 2011.

³ Шипилов А. В. Традиционная производственная культура России: сельское хозяйство и присваивающие промыслы. Воронеж, 2006.

⁴ Скларов Г.А., Шарова А.С. Почвы лесов Европейского Севера. М., 1970.

О.Ю. Морева, С.И. Климов, Л.С. Широкова,
А.А. Ершова, А.В. Чупаков, Т.Я. Воробьева,
С.А. Забелина, Е.И. Собко, Н.В. Неверова,
О.С. Покровский, Н.В. Шорина
(г. Архангельск)

Исследование сезонной изменчивости гидрохимических характеристик озер Кенозерского национального парка*

Содержание биогенных элементов в водоемах является одним из важных факторов для оценки состояния и функционирования водных экосистем. Биогенные элементы, являясь компонентами живых организмов, присутствуют в среде их обитания и ограничивают интенсивность биосинтеза. Они являются необходимыми звеньями в биогеохимических круговоротах многих веществ. Биогенные элементы активно участвуют в биопродукционных процессах, определяют интенсивность развития первичных продуктов и трофность водоемов¹.

Озера чаще всего являются начальным звеном водосбора, поэтому для изучения трансформации и переноса потоков веществ в пресноводных экосистемах, а также для исследования интенсивности переноса загрязняющих веществ через трофические цепи важно изучение первоначального состояния водных экосистем в этом звене². Экологическое состояние водных экосистем Европейского Севера России, особенно малых озер, в условиях возрастающего антропогенного воздействия характеризуется их повышенной уязвимостью и ограниченной способностью к самоочищению. Нарушение равновесия между биотическими и абиотическими составляющими озерных экосистем приводит к ухудшению качества воды, снижению их продуктивности, что также снижает их рыбохозяйственное значение и может привести к необратимым процессам.

Территория Архангельской области представляет собой обширную равнину со слабо выраженным уклоном к Белому и Баренцеву морям, где равнинность местами нарушается конечно-моренными всхолмлениями, образовавшимися в результате деятельности древнего ледника. Для региона типично обилие поверхностных вод и сильная заболоченность. Коэффициент озерности — 2,5%, болота и заболоченные земли занимают до 60% площади, в том числе болота — 12%³. Точная численность озер области до сих пор не определена. Гидрорыбпроект в «Схеме развития рыбного хозяйства на озерах Архангельской области» указано 224 252 озера площадью водного зеркала 11 359 км², что составляет примерно 2% площади области. Малые во-

© Морева О.Ю. и др., 2016

* Работа выполнена при поддержке Программы УрО РАН № 15-2-5-37, Программы УрО РАН № 5-12-5-49, темы ФНИР 0410-2014-0030.

доемы площадью менее $0,5 \text{ км}^2$ составляют подавляющее большинство озер⁴. Между средним и верхним течением Онеги и юго-западной границей области сконцентрирована большая часть основных озер Архангельской области, в том числе и крупнейшие водоемы с площадью водного зеркала в сотни квадратных километров⁵.

В данной работе представлены исследования содержания биогенных элементов озер Саргозеро и Наглиозеро, расположенных на юго-западе Архангельской области в Каргопольском районе. Представлены результаты исследований, проводившихся в 2008–2012 гг. во время зимней и летней стратификации вод, поскольку данные сезонные периоды считаются наиболее неблагоприятными для развития гидробионтов⁶.

Схематически расположение станций отбора проб изображено на рисунке 1. Отбор проб воды выполнялся батометром Нискина интегрально по всему водному столбу в слоях эпи- и гипolimниона. Отбор проб сопровождался гидрологическим зондированием с измерением стандартных физических параметров (содержание растворенного кислорода, электропроводности, температуры и pH). В лабораторных условиях были определены: содержание минерального и валового фосфора (PO_4 , $\text{P}_{\text{вал}}$), мкгP/л, содержание форм минерального (аммонийный — NH_4 , нитраты — NO_3 , нитриты — NO_2) и валового азота ($\text{N}_{\text{вал}}$), мкгN/л, кремния (Si), мкг/л. Определения проводились по стандартным методикам⁷.

Рис. 1. Карта-схема исследуемых озер

Озера имеют разную степень сложности форм озерной котловины. Простая форма котловины у Саргозера. Сложную форму котловины с изрезанной береговой линией, меняющимся рельефом и наличием островов имеет озеро Наглиозеро. Основные морфометрические характеристики исследуемых озер представлены в таблице 1.

Таблица 1. Условия обитания охраняемых макрофитов

Характеристики	Наглимозеро	Саргозеро ⁸
Длина, км	5,3	2,2
Наибольшая ширина, км	2,7	1,2
Средняя глубина, м	6,4	3,3
Наибольшая глубина, м	18,0	8,0
Площадь водосбора, км ²	22,0	5,6
Площадь зеркала озера, км ²	5,92	1,43
Объем озера, км ³	0,0380	0,00491
Среднегодовой сток с водосбора, км ³	0,00666	0,00170
Удельный водосбор	3,7	3,9
Коэффициент условного водообмена, год ⁻¹	0,18	0,35
Период условного водообмена, год	5,7	2,9

Исследуемые озера являются верховыми, относятся к сточным водоемам с низким коэффициентом условного водообмена и малым удельным водосбором. Наглимозеро и Саргозеро относятся к малым озерам.

По характеру вертикального распределения температуры в летний период исследуемые озера представлены метатермическим типом распределения. В связи с отличающимися погодными условиями в разные годы процесс прогревания и выхолаживания вод в озерах носит сложный характер, и прямой зависимости от температуры воздуха и направления и силы ветра не отмечено. Исключение составляет только прогрев верхнего перемешанного слоя озер, температура которого коррелирует с температурой воздуха в июле ($r > 0,85$).

На рисунке 2 в Наглимозере в летний период виден резко выраженный термоклин на глубине 3–7 м с максимальными градиентами 5,3–6,3 °С/м при средних значения в термоклине около 4 °С/м. В южной части Наглимозера в 2012 г. термоклин был более размыт и находился на глубинах 2–9 м при среднем градиенте 1,8 °С/м и максимальном 2,3 °С/м. Ниже 10 м и до 16 м в северной и до 12 м в южной части Наглимозера температура равномерно понижалась до дна на 0,2 °С/м и меньше. В зимний период в Наглимозере подо льдом температура росла со средним градиентом 0,5 °С/м до глубин 2–4 м, ниже до дна — почти линейно с градиентом 0,2 °С/м.

Летом в Саргозере формируется резкий термоклин в слое от 4 до 7–8 м со средним градиентом 2–3 °С/м и максимальными до 3,6–4,8 °С/м (см. рис. 2). Термоклин фактически получается лежащим на дне. В зимний период в подледном 1,5–2-метровом слое в Саргозере отмечаются градиенты температуры около 1 °С/м, ниже температура нарастает до дна со средним градиентом около 0,5 °С/м.

Значения средневзвешенных и придонных значений температур приведены в таблице 2.

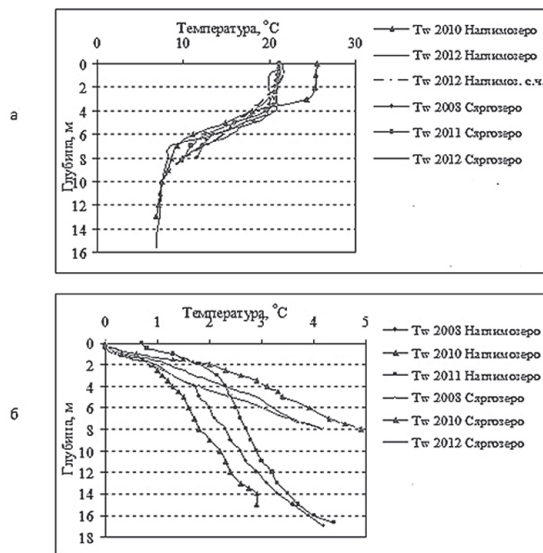

Рис. 2. Сезонное вертикальное распределение температуры воды:
а) лето; б) зима

Таблица 2. Средневзвешенные и придонные значения температуры воды, °С

Сезон	Год	Саргозеро		Наглиозеро	
		0 м — дно	Дно	0 м — дно	Дно
Лето	2008	17,7	11,6	—	—
	2010	—	—	14,1	6,8
	2011	17,2	9,8	—	—
	2012	17,3	9,6	12,3	6,8
Зима	2008	2,2	4,2	2,6	4,2
	2009	—	—	—	—
	2010	3,2	4,9	1,9	2,9
	2011	—	—	2,4	3,9
	2012	2,5	4,2	—	—

Средневзвешенная удельная электропроводность воды в Наглиозере составляла 37,7 мкСм/м летом и 41,8 мкСм/м зимой и была самой низкой среди исследуемых озер. В летний период распределение электропроводности в Наглиозере практически однородно по вертикали и пространству, в зимний период отмечается незначительное увеличение в подледном и придонном сло-

ях. Средняя удельная электропроводность воды в Саргозере составляет летом около 60 мкСм/м, зимой около 66 мкСм/м.

Активная реакция среды характеризуется в основном как нейтральная и имеет диапазон изменчивости для Саргозера 6,20–7,09, для Наглимозера — 6,23–8,24. Высокие значения pH в Наглимозере (8,09–8,24) были отмечены в поверхностных горизонтах в периоды массового развития фитопланктона.

Одним из факторов, влияющих на содержание биогенных элементов, их трансформацию и нахождение в той или иной форме, является содержание растворенного кислорода в воде⁹.

В данных озерах наблюдается практически линейное падение содержания растворенного кислорода по вертикали водного столба и в зимние и в летние периоды наблюдений (рис. 3).

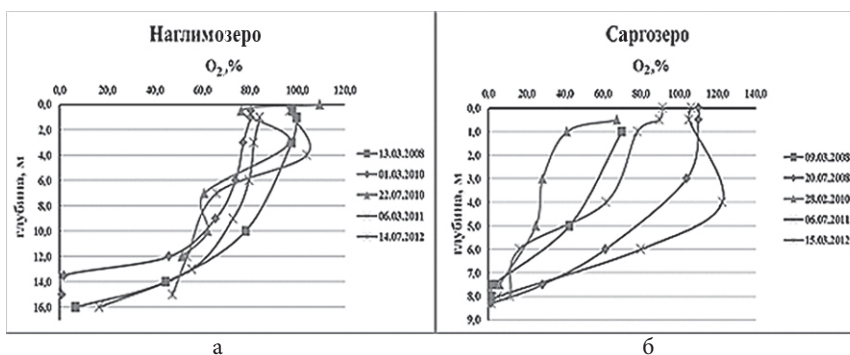

Рис. 3. Содержание растворенного кислорода:
а) Наглимозеро; б) Саргозеро

В Наглимозере наблюдались примерно одинаковые концентрации растворенного кислорода в зимний и летний периоды: 80–110% в верхних слоях, которые уменьшались к придонным горизонтам до 16,7–1,0% (рис. 3а). В летний период наблюдений отмечена более слоистая структура распределения кислорода в верхних горизонтах, это связано с ветровым перемешиванием верхних слоев воды. Содержание растворенного кислорода в Саргозере (рис. 3б) в летний период выше, чем зимой; он составляет 103–120% насыщения в верхних и 1,4–28,0% в нижних слоях летом и 41–91% насыщения в верхних слоях и 1,5–8,4% в нижних слоях зимой. Насыщение кислородом Саргозера летом выше, чем Наглимозера, а в зимний период значения концентрации и характер распределения растворенного кислорода на этих озерах совпадают. За время наблюдений в обоих озерах изредка отмечалась слабо выраженная стратификация растворенного кислорода в придонных горизонтах.

Содержание PO₄ в Наглимозере было очень низким, значения концентрации не превышали 2,0 мкгР/л в верхних слоях, иногда наблюдалось их отсутствие.

В Саргозере значения в верхних слоях были более высокими, но не превышали 8,0 мкгР/л.

В Наглимозере содержание $P_{\text{вал}}$ по водному столбу было выше летом и составляло в среднем 20,7 мкгР/л. Летом концентрация $P_{\text{вал}}$ составляла в среднем 24,6 мкгР/л. В Саргозере концентрации $P_{\text{вал}}$ были ниже, чем в Наглимозере; они составляли 14,9 мкгР/л зимой и 19,5 мкгР/л летом. Содержание органического фосфора в Наглимозере в исследуемые сезоны по водному столбу было выше, чем минерального, превышало 70% от $P_{\text{вал}}$, а иногда PO_4 не были обнаружены. В Саргозере содержание органического фосфора зимой составляло 30–75% от $P_{\text{вал}}$ и 52–96% от $P_{\text{вал}}$ летом. Это свидетельствует о полном потреблении биотой минерального фосфора летом и о недостаточной деструкции органических соединений фосфора зимой.

В Наглимозере в содержании минеральных соединений азота преобладают NO_3 , значение концентраций которых было на порядок выше, чем NH_4 и составляло 50,0–170,0 мкгN/л по водному столбу. NH_4 обнаружено очень мало, значения концентрации не превышали 23,0 мкгN/л по водной толще, в некоторые периоды наблюдений их содержание не было обнаружено. Содержание NO_2 — очень низкое, входит в интервал от нижней чувствительности прибора до 1,0 мкгN/л.

Значения концентраций NO_3 в Саргозере зимой сопоставимы со значениями концентраций NO_3 в Наглимозере (рис. 4). В летний вегетационный период содержание NO_3 в Саргозере уменьшается в 2 раза, что указывает на интенсивно протекающие процессы жизнедеятельности гидробионтов. Содержание NH_4 в Саргозере выше, чем в Наглимозере, но не превышает значения 50,0 мкгN/л по водному столбу. Содержание NO_2 — очень низкое: от предела обнаружения прибора до 1,0 мкгN/л.

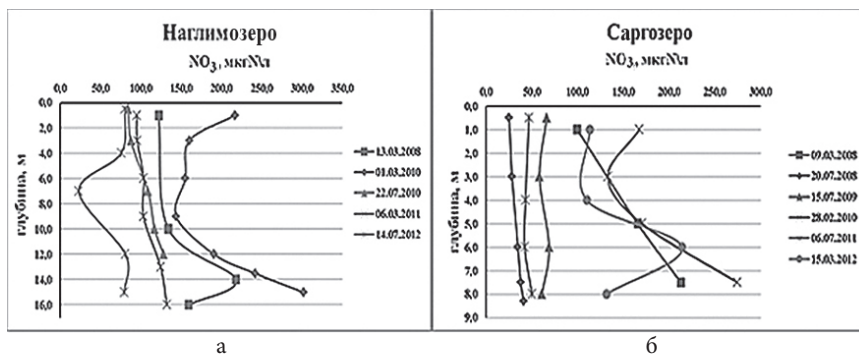

Рис. 4. Содержание нитратов по вертикальному профилю воды: а) Наглимозеро; б) Саргозеро

Содержание $N_{\text{вал}}$ составляет в среднем: для Наглимозера 423 мкгN/л в водной толще зимой и 348 мкгN/л летом; для Саргозера 533 мкгN/л в водной толще зимой и 360 мкгN/л летом. Содержание органических форм азота составляло: в Наглимозере 42–75% от $N_{\text{вал}}$ зимой и 58–72% летом; в Саргозере не менее 50–74%

от $N_{\text{вал}}$ зимой и 76–85% летом. Концентрация органического азота выше, чем минерального во все сезоны, что, видимо, указывает на преобладание в водоемах продукционных процессов и на недостаточную скорость деструкционных.

Содержание растворенных соединений Si зависит также от гидрологического сезона. Наблюдалось увеличение содержания соединений Si зимой и уменьшение летом во время активного потребления их живыми организмами (рис. 5). Содержание Si выше в Наглимозере и составляет: от 507 мкг/л в поверхностных горизонтах до 1980 мкг/л в придонном зимой и от 526 мкг/л в поверхностных горизонтах до 1145 мкг/л в придонном летом (рис. 5а). Содержание Si в Саргозере составляет от 492 мкг/л в поверхностном слое до 1621 мкг/л в придонном зимой и от 212 мкг/л в поверхностном слое до 755 мкг/л в придонном горизонте летом (рис. 5б).

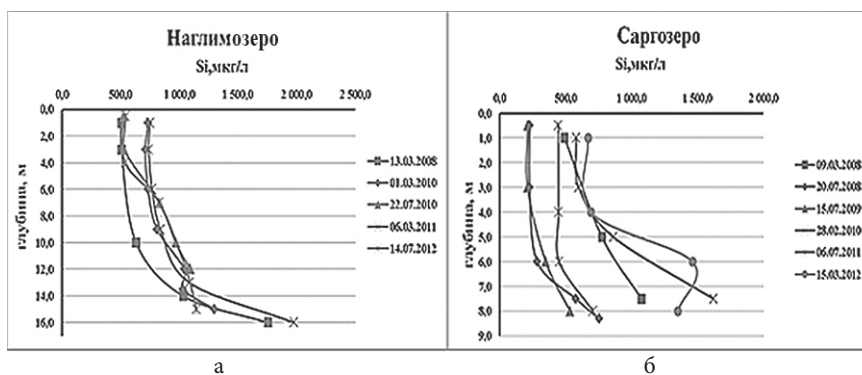

Рис. 5. Вертикальное распределение содержания кремния: а) Наглимозере; б) Саргозере

Таким образом, очень низкое содержание PO_4 (а иногда и отсутствие) и высокое содержание NO_3 в летний период в Наглимозере и Саргозере, возможно, указывает на недостаток соединений фосфора для развития и жизнедеятельности гидробионтов, т.к. легко усваиваемого азота в виде NO_3 у них в избытке. На то, что процессы развития в Наглимозере протекают слабо, указывает и отсутствие сезонных изменений в распределении содержания NO_3 , т.е. и в зимние, и в летние периоды исследований их содержание практически одинаково.

Концентрация органических соединений в воде Наглимозера и Саргозера выше, чем минеральных во все сезоны, что, видимо, указывает на преобладание в водоемах продукционных процессов и недостаточную скорость деструкционных.

На распределение биогенных элементов по водному столбу в исследуемых озерах влияет содержание растворенного кислорода в воде. Поскольку перемешивание верхних водных слоев происходит во все сезоны, содержание кислоро-

да и основных биогенных элементов почти равномерно по всему водному столбу. Увеличение концентрации биогенов происходит в придонных слоях за счет их накопления. Из-за достаточного насыщения кислородом водных горизонтов в озерах преобладают в основном окисленные формы азота. Снижение концентраций PO_4 , NO_3 и Si в летние периоды наблюдений свидетельствует об интенсивном вовлечении минеральных форм биогенных элементов в биологический круговорот.

Примечания

¹ Даценко Ю.С. Эвтрофирование водохранилищ. Гидролого-гидрохимические аспекты. М.: Геос, 2007; Кузнецов С.И. Роль микроорганизмов в круговороте веществ в озерах. М.: Наука, 1952.

² Хатчинсон Д. Лимнология. М.: Прогресс, 1969.

³ Атлас Архангельской области. М., 1976; Агроклиматический справочник по Архангельской области. Л.: Гидрометеиздат, 1961.

⁴ Атлас Архангельской области. М., 1976; Козьмин А.К., Шатова В.В. Рыбохозяйственная характеристика озер Архангельской области. Архангельск, 1997.

⁵ Атлас Архангельской области. М., 1976.

⁶ Хатчинсон Д. Указ. соч.; Хендерсон-Селлерс Б., Марленд Х.Р. Умирающие озера. Причины и контроль антропогенного эвтрофирования. Л.: Гидрометеиздат, 1990.

⁷ Руководство по химическому анализу морских и пресных вод при экологическом мониторинге рыбохозяйственных водоемов и перспективных для промысла районов Мирового океана / под ред. В.В. Сапожникова. М.: Изд-во ВНИРО, 2003; Методика выполнения измерений массовой концентрации нитрат-ионов в природных и сточных водах фотометрическим методом с салициловой кислотой. ПНД Ф 14.1.2.2.4-95. М.: Изд-во Гос. Комитета Рос. Федер. по охране окружающей среды, 1995.

⁸ Рыбохозяйственное исследование озер Архангельской области: отчет о НИР. Петрозаводск, 1969.

⁹ Даценко Ю.С. Указ. соч.; Кузнецов С.И. Указ. соч.; Хатчинсон Д. Указ. соч.; Хендерсон-Селлерс Б., Марленд Х.Р. Указ. соч.

В.А. Смагин, М.Г. Носкова
(г. Санкт-Петербург),
В.К. Антипин, М.А. Бойчук
(г. Петрозаводск)

Бриофлора болот Кенозерского национального парка

В статье приводится видовой состав мхов, произрастающих на болотах Кенозерского национального парка, выявленный в ходе геоботанических исследований. Характеризуются распространение видов мхов на болотах парка и их роль в составе различных типов растительных сообществ. При этом суммируется информация, полученная в разные годы сотрудниками лаборатории болотных экосистем Института биологии Карельского научного центра РАН и сотрудниками Ботанического института РАН и СПбГУ. Геоботанические исследования болот парка проводились В.К. Антипиным, Н.В. Стойкиной, Т.И. Бразовской, О.Л. Кузнецовым (1995–1997), В.А. Смагиным (2002, 2006–2011), М.Г. Носковой (2006)¹. В экспедиции 2011 г. приняли участие О.В. Галанина и Д.А. Филиппов. Определение собранного гербария мхов проводилось М.А. Бойчук, Е.О. Кузьминой (Филиппевой) и М.Г. Носковой. В статье использованы и данные специального бриологического исследования, проводившегося на территории Кенозерского национального парка в 2000 г. М.А. Бойчук, и сборов М.Г. Носковой, выполненных в 2006 г. Помимо выявления видового состава бриофлоры болот парка, уделяется внимание фитоценотической роли мхов в составе растительных сообществ разного типа и экологической специфике видов мхов, а также тому, на каких типах болотных массивов и участков встречается тот или иной вид, и в каких условиях он имеет максимальное обилие и встречается наиболее часто.

Исследованием охвачена вся территория национального парка, хотя в основном оно проводилось в южной его половине, где болот существенно больше. В северной части обследованы болота у поселков Поча, Узкое (1995 г.) и ключевые болота по северо-восточному и южному берегу Кенозера, в северо-западной части — болото Котечное (на границе с Карелией) и ключевые болота в устье реки Порженки и по берегу залива Кенозера к западу от деревень Горбачиха и Тырыжкино (2009 г.). В центральной части парка исследовано болото Валдапахта. В южной части парка исследованы болота Великий Мох, Гладкое, Приручейное, у озер Половинного, Луневского (1996 г.), у Ниглимозера (1997), у озера Варгаус (1996, 2002 гг.), болота к западу от деревни Орлово у Сухого озера и Кекозера, болота вдоль трассы на Пудож (2002 г.), у озера Монастырского и по берегам реки Лекшмы (2010 г.), к востоку от деревни Труфаново (2002, 2006 гг.), Паломох (2007 г.). Были обследованы евтрофные болота в западной, примыкающей к границе с Карелией части Кенозерского национального парка, характеризующейся холмистым рельефом (1996, 2007, 2008, 2011 гг.). В работе использованы данные,

© Смагин В.А., Носкова М.Г., Антипин В.К., Бойчук М.А., 2016

полученные и на болотной системе Лекшмох, примыкающей к границам парка с востока (1996, 2002, 2006, 2011 гг.) и еще ряда болот, находящихся вне парка, но примыкающих к его границам (ил. 1).

Территория парка отличается природным разнообразием, проявляющимся на разном уровне. По ней проходят важные природные границы — между Балтийским щитом, уходящим здесь под чехол четвертичных отложений, и Восточно-Европейской платформой (Русской равниной), и водораздел между бассейнами Атлантического и Северного Ледовитого океанов. Ландшафтное и геоморфологическое разнообразие территории парка предопределило и разнообразие представленных на ней болот.

На территории парка представлены практически все типы болотных массивов, встречающихся в таежной зоне. Среди верховых олиготрофных болот есть и выпуклые грядово-мочажинные, и плоские сосново-кустарничково-сфагновые. Встречаются переходные открытые и лесные болота, низинные болота, питаемые как поверхностными, так и напорными грунтовыми водами, открытые и лесные. Есть в парке и аапаболота², находящиеся здесь на южной границе распространения. В ходе исследования особое внимание уделялось евтрофным болотам богатого напорного питания и аапа-болотам, на которых сделано значительное число геоботанических описаний. Это, без сомнения, отразилось на статистических выкладках о числе находок видов мхов.

Всего на болотах парка выявлено 86 видов мхов. Ведущую роль на них, как и на болотах всей таежной зоны, играет семейство *Sphagnaceae*. Здесь отмечено 29 видов сфагновых мхов, более половины из них отмечены в роли доминанта — 17.

Наиболее часто встречается сфагнум длиннолистный (*Sphagnum angustifolium*). Он отличается широкой экологической амплитудой, встречаясь на болотах различного типа и в составе сообществ разных ассоциаций. Он отмечен в составе 294 описанных растительных сообществ (55 раз в роли доминанта и 84 в роли содоминанта мохового яруса)³. Чаще всего он доминирует на среднеувлажненных участках верховых олиготрофных болот — на пушицево-сфагновых коврах и на участках евтрофных сосново-травяно-сфагновых болот богатого грунтового питания. Кроме того, в роли доминанта он отмечен на верховых сосново-кустарничково-сфагновых болотах, кустарничково-сфагновых сообществах кочек, переходных березово-сосновых лесных болотах, на открытых участках евтрофных осоково-сфагновых болот и на мезоевтрофных грядах аапа-болот. Как содоминант этот вид значительно чаще отмечен на евтрофных болотах, где он содоминирует *Sphagnum warnstorffii* (ил. 2), 14 раз отмечен на лесных сосновых болотах, 5 раз на открытых осоковых и 8 раз на грядах аапа-болот богатого питания. На грядах мезоолиготрофных аапа-болот и кочках переходных болот он содоминирует *Sphagnum magellanicum* и *S. papillosum*. На олиготрофных болотах он содоминирует *Sphagnum magellanicum* на кочках и *S. fuscum* на грядах.

Сфагнум магелланский (*Sphagnum magellanicum*) присутствует в 204 описанных сообществах и доминирует в 25 из них. Чаще же всего он доминирует на кочках переходных и на грядах аапа-болот небогатого минерального питания. Реже он отмечен как доминант на кочках открытых и в сообществах лесных верховых олиготрофных болот. На этих же экотопах он содоминирует в моховом покрове (45 раз). С проективным покрытием от 1 до 25% (113 раз) отмечен в сообществах всего экологического ряда болот, от гряд верховых болот до низинных евтрофных болот богатого питания. Заслуживает внимания то, что на болотах парка этот вид имеет оптимум в мезотрофных условиях переходных и аапа-болот, тогда как южнее, в подзоне южной тайги, его оптимум смещается на кочки и гряды олиготрофных болот.

Сфагнум Варнсторфа (*Sphagnum warnstorffii*) отмечен в 203 описаниях, в половине из которых (в 100) — в роли доминанта — и еще в 40 — в роли содоминанта. Доминирует он на евтрофных болотах напорного грунтового питания в сообществах как лесных сосново-травяно-сфагновых (37 раз), так и открытых осоково-сфагновых болот (38 раз), а также на грядах мезоевтрофных аапа-болот (24 раза) и лишь однажды на лесном низинном болоте поверхностного питания. В тех же пропорциях распределяются и типы болотных участков, где этот вид содоминирует в моховом покрове, с тем лишь исключением, что отмечен он в этой роли и на переходных болотах, по одному разу на лесном и открытом осоково-сфагновом. Этот вид чаще остальных зафиксирован в роли доминанта мохового покрова, что объясняется его господством в моховом покрове умеренно обводненных евтрофных болот, бывших в центре внимания исследователей. То, что этот вид относится к числу наиболее часто встречающихся и обильных на территории парка, указывает на широкое распространение здесь болот богатого грунтового питания.

Сфагнум бурый (*Sphagnum fuscum*) фиксировался в 150 описаниях, в половине из которых в роли доминанта (46) или содоминанта (25) мохового яруса. Экологический оптимум этого вида находится в условиях олиготрофных, верховых болот, преимущественно открытых. На территории парка он эксклюзивно доминирует на грядах верховых болот (38 раз), лишь в одном сообществе содоминируя со *Sphagnum magellanicum*. Кроме того, он доминирует в сосново-кустарничково-сфагновых сообществах верховых болот (3 раза), на грядах аапа-болот (5 раз). Как содоминант он отмечен на кочках (11 раз), дренированных коврах (2 раза), облесенных участках (3 раза) верховых болот и на кочках и грядах переходных и аапа-болот (9 раз). С небольшим покрытием встречается и на кочках евтрофных болот, как лесных, так и открытых. Вид встречается во всех частях парка. Господство этого вида на грядах верховых болот — зональный признак болот подзоны средней тайги. Доминирующая роль его в лесных сообществах верховых болот и сообществах кочек и гряд мезотрофных болот характерна для болот подзоны северной тайги, на терри-

тории парка такие сообщества встречаются уже редко, а к югу от его границ станут большой редкостью.

Сфагнум обманчивый (*Sphagnum fallax*), описанный 79 раз, доминирует в 39 и содоминирует в 16 сообществах. Наиболее часто в роли доминанта он отмечался на осоково-сфагновых коврах переходных болот (18 раз). Четыре раза в этой роли он отмечен в топях переходных и мочажинах аапа-болот и три раза в лесных, сосново-березово-осоково-сфагновых сообществах переходных болот. В шейхцеригово-сфагновых и пушицево-сфагновых сообществах мочажин и топей олиготрофных болот он доминировал 14 раз. По экологической приуроченности этому виду близок сфагнум извилистый (*Sphagnum flexuosum*), дважды доминирующий в топях переходных и один раз верховых болот, и по разу отмеченный как содоминант в мочажине и на низкой гряде аапа-болот. Экологические ниши этого вида на болотах парка аналогичны таковым на болотах таежной зоны в целом.

Сфагнум папиллозный (*Sphagnum papillosum*) отмечен в 68 описаниях, причем в большинстве либо как доминант (34 раза), либо как содоминант (10 раз). На территории парка экологический оптимум этого вида находится в мезотрофных условиях. В мезотрофных топях переходных болот и мочажинах аапа-болот в роли доминанта он отмечен 21 раз и содоминанта — 3 раза. На кочках переходных и грядах аапа-болот он доминировал 9 и содоминировал 5 раз. На верховых олиготрофных болотах его роль в формировании мохового яруса скромнее, лишь 4 раза он отмечен в роли доминанта в сообществах мочажин и топей. На территории Кенозерского национального парка вид тяготеет к переходным мезотрофным болотам.

Сфагнум центральный (*Sphagnum centrale*) присутствует в 62 описаниях, в 14 — в роли доминанта и в 12 — в роли содоминанта. Его оптимум находится на лесных низинных болотах, где он отмечен 7 раз как доминант и 6 раз как содоминант. На переходных лесных болотах как доминант он описан лишь однажды. Кроме того, он 6 раз доминировал на кочках и грядах низинных болот и аапа-болот богатого питания, а как содоминант отмечен и на ровных участках низинных болот в составе осоково-сфагновых сообществ. Предпочтение этого вида к сообществам лесных низинных болот наблюдается по всей таежной зоне. На положительных же формах микрорельефа открытых болот моховой ярус, образованный этим видом, описывался не часто.

Сфагнум балтийский (*Sphagnum balticum*) встречен 51 раз, в роли доминанта — 18 и содоминанта 11 раз. Экологический оптимум этого вида находится в топях и мочажинах олиготрофных болот, где он 11 раз описывался как доминант пушицево-сфагновых и 5 раз шейхцеригово-сфагновых сообществ (7 и 1 как содоминант), на мезотрофных топях он как доминант описан лишь дважды. Экологические и фитоценотические предпочтения вида на болотах парка соответствуют таковым и на остальной части таежной зоны Европейской России.

Сфагнум большой (*Sphagnum majus*) отмечен 42 раза, 18 раз как доминант и 7 раз как содоминант. Предпочитает он обводненные топи и мочажины верховых болот, где в качестве доминанта мохового яруса 7 раз описывался в шейхцериево-сфагновых сообществах, 3 раза — в топяно-осоково-сфагновых и один раз — пушицево-сфагновых сообществах. В мезотрофных топях и мочажинах в качестве доминанта встречен 7 раз, в основном в составе шейхцериево-вахтово-сфагновых сообществ (4 раза). Обилие этого вида на участках мезотрофных болот свойственно северной половине таежной зоны Европейской России.

Сфагнум волосистый (*Sphagnum capillifolium*) встречен 37 раз, но участие его в составе мохового яруса скромное. В основном он входит в состав сообществ гряд и ковров верховых олиготрофных болот.

Все выше перечисленные виды сфагновых мхов встречаются на болотах по всей территории национального парка.

Сфагнум скрученный (*Sphagnum contortum*) отмечен в 38 сообществах, в 6 из них в роли доминанта. Чаще всего, 21 раз и 4 раза как доминант, описывался в осоково-сфагновых сообществах низинных болот. На территории парка он не отмечен лишь в северной части.

Сфагнум Йенсена (*Sphagnum jensenii*) встречен в 30 сообществах, а в роли доминанта — в 13 (и 2 раза как содоминант). Он отмечался в разных частях Кенозерского национального парка, но преимущественно на крупных болотных системах, находящихся в центральной части парка и вблизи его восточной границы, Паломох и Лекшмох. Чаще всего он доминирует в мочажинах мезотрофных аапа-болот (9 раз), реже олиготрофных болот (4 раза). С покрытием, варьирующим от 1 до 25%, он встречен исключительно в мезотрофных топях и мочажинах.

Сфагнум однобокий (*Sphagnum subsecundum*) найден 28 раз в южной половине парка, 4 раза как доминант и дважды как содоминант. В равной мере, по 3 раза, эту роль он выполнял на осоковых низинных болотах и в мочажинах аапа-болот. С проективным покрытием от 1 до 25%, помимо указанных местообитаний, встречается и на участках лесных болот, на грядах аапа-болот.

Сфагнум гладкий (*Sphagnum teres*), встреченный 24 раза, 3 раза описывался как доминант сообществ открытых осоковых болот и дважды — как доминант лесных низинных болот поверхностного питания (и еще раз как содоминант). Не обнаружен лишь в северной части парка.

Сфагнум тупой (*Sphagnum obtusum*) отмечен в 19 сообществах открытых низинных и переходных болот, в том числе 4 раза как доминант мохового яруса в сообществах осоковых низинных болот и 1 раз как доминант мочажин аапа-болот. Не обнаружен лишь в северной части парка.

Сфагнум Руссова (*Sphagnum russowii*) также описывался 19 раз, но на первую роль в моховом покрове болот не выходит, встречаясь как примесь с покрытием меньше 25%, но чаще всего не достигает и 1%. Не встречен лишь в центральной части парка.

Сфагнум оттопыренный (*Sphagnum squarrosum*) отмечен в составе 15 сообществ низинных болот в южной половине парка, он доминирует в 2 осоково-сфагновых сообществах открытых низинных болот и 3 раза содоминирует в сообществах лесных низинных болот поверхностного проточного питания.

Остальные виды сфагновых мхов встречаются реже и в роли доминантов мохового яруса не отмечены. Однако многие из них заслуживают внимания. На болотах Кенозерского национального парка (преимущественно по краю гряд верховых болот) встречается вид областей морского климата *Sphagnum rubellum*. В топкой шейхцериево-сфагновой мочажине на олиготрофном болоте по южному берегу озера Щучьего (Лекшмох), в моховом ярусе доминирует еще один вид мхов европейских болот — сфагнум остроконечный (*Sphagnum cuspidatum*), нигде более на болотах парка не встреченный. Только на болотах, входящих в систему Лекшмох, обнаружены занесенный в Красную книгу Архангельской области сфагнум рыжеватый (*Sphagnum subfulvum*) и редкий для бласти вид — сфагнум плосколистный (*Sphagnum platyphyllum*). *Sphagnum subfulvum* (ил. 3) встречен в составе сообществ мочажин и гряд небольшого мезоевтрофного аапа-болота у края болота Соколя Гладь. *Sphagnum platyphyllum* (ил. 4) произрастает в мочажинах аапа-болота Щучья Гладь, где дважды содоминирует в моховом ярусе. Только в мочажине аапа-болота Щучья Гладь встречен сфагнум красивый (*Sphagnum pulchrum*). В сообществах евтрофного лесного болота по краю Соколей Глади и к западу от Вендозера отмечен сфагнум Вульфа (*Sphagnum wulfianum*). Северный вид *Sphagnum lindbergii* (ил. 5) в небольшом количестве один раз встречен на верховом массиве к югу от Щучьего озера, входящем в ту же болотную систему Лекшмох. Кроме того, он с небольшим покрытием встречен в шейхцериево-сфагновой мочажине олиготрофного болота у Ниглимозера и в мезотрофных мочажинах аапа-болота в северной части парка. В северной части, у поселка Поча, сфагнум Линдберга доминировал в шейхцериево-сфагновой мочажине олиготрофного болота. Только в мезотрофных шейхцериево-вахтово-сфагновых и осоково-сфагновых мочажинах болота Паломох встречен сфагнум кольцевой (*Sphagnum annulatum*). В мезотрофных топях болота у поселка Поча, в северной части парка, обнаружен сфагнум Онгстрёма (*Sphagnum aongstroemii*).

Гипновые мхи в роли доминантов мохового яруса описывались реже. Наиболее часто, в 22 сообществах, в роли доминанта отмечен *Plagiomnium ellipticum*. Он образует сомкнутый моховой ярус на склоновых, залитых стекающей водой, травяно-гипновых болотах напорного грунтового питания, таких как склоновые болота у устья Порженки и по берегам залива Кенозера между Горбачихой и Тырышкино. С небольшими значениями проективного покрытия *Plagiomnium ellipticum* встречается и на лесных евтрофных болотах грунтового питания в разных частях парка. Всего он отмечен в 76 описаниях.

Scorpidium scorpioides как доминант описан 7 раз в мочажинах аапа-болот богатого питания, в основном в западной части Кенозерского национального парка.

Трижды в роли доминанта мохового яруса отмечены *Cinclidium stygium*, *Drepanocladus aduncus*, *Hamatocaulis vernicosus*, *Climacium dendroides*, дважды — *Scorpidium revolvens*. Лишь в одном описании как доминанты описывались *Calliergon giganteum*, *Calliergonella cuspidata*, *Pseudobryum cinclidioides*, *Warnstorfia exannulata*. *Cinclidium stygium*, *Drepanocladus aduncus*, *Scorpidium revolvens*, *Calliergon giganteum*, *Calliergonella cuspidata* доминируют в осоковых сообществах низинных болот поверхностного питания. *Pseudobryum cinclidioides* образовал моховой ярус под зарослями березы низкой (*Betula humilis*), окаймляющими пересекающий болото ручей. Под однотипными кустарниковыми сообществами приречных низинных болот, а также на лесном низинном болоте с древесным ярусом из березы в моховом ярусе доминирует *Climacium dendroides*. *Warnstorfia exannulata*, чаще всего встречающаяся на низинных осоковых болотах, как доминант отмечена в шейхцериевой топи. *Hamatocaulis vernicosus* является доминантом и содоминантом мохового яруса осоково-гипновых сообществ низинных болот напорного грунтового (чаще) и поверхностного (реже) питания. С небольшим покрытием часто попадает и на лесных болотах богатого грунтового питания. То же можно сказать и о *Helodium blandowii*, но в роли доминанта он не встречен.

Meesia triquetra, вид, занесенный в Красную книгу Архангельской области, по большей части найден на осоковых низинных болотах поверхностного питания, однако, как содоминант мохового яруса, однажды оказался встречен на осоковом болоте напорного грунтового питания.

Другой вид, занесенный в Красную книгу, — *Scorpidium cossoni* — обнаружен лишь раз на осоковом низинном болоте на берегу ручья Кулгом.

Редкий вид Архангельской области *Drepanocladus polygamus* встречен 4 раза, по 2 раза в составе осоковых сообществ богатого напорного питания вблизи Гужовской мельницы и на осоковом низинном болоте к востоку от Лекшмозера.

Редкий вид Архангельской области *Hamatocaulis lapponicus* встретился лишь раз на том же болоте к востоку от Лекшмозера.

Редкий вид Архангельской области *Calliergon megalophyllum* встречен по берегу болотного Пежемского озера, а *Philonotis seriata* — в евтрофном лесном болоте к югу от него.

Из остальных видов гипновых мхов стоит упомянуть *Campylium stellatum*, имеющий широкое распространение на европейских евтрофных болотах. В парке он с небольшим покрытием встречен на евтрофных лесных болотах и осоковых низинных болотах, преимущественно в юго-западной части.

Aulacomnium palustre отмечен в 151 описании, присутствуя в большинстве сообществ болот богатого грунтового питания, как лесных, так и открытых осоковых, но в роли доминанта мохового яруса нигде не выступает, будучи содоминантом всего 2 раза. Еще скромнее роль *Tomentypnum nitens*, как и *Aulacomnium palustre*, обычного доминанта евтрофных болот на большей части территории

Европейской России. Здесь он не только ни разу не зафиксирован как доминант и лишь раз как содоминант мохового покрова, но и встречен только в 28 описаниях.

Видовой состав мхов болот Кенозерского национального парка представлен в таблице.

Вид	Распространение	Д	СД	1–25%	< 1%	Всего
<i>Sphagnum angustifolium</i>	Повсеместно	55 (18)	84 (12)	143 (16)	12 (7)	294
<i>S. magellanicum</i>	«	25 (4)	45 (9)	113 (18)	21 (4)	204
<i>S. warnstorffii</i>	«	100 (7)	40 (6)	56 (12)	7	203
<i>S. fuscum</i>	«	46 (5)	25 (4)	66 (12)	13 (3)	150
<i>S. fallax</i>	«	39 (5)	16 (7)	19 (8)	5	79
<i>S. papillosum</i>	«	34 (7)	10 (6)	22 (7)	2	68
<i>S. centrale</i>	«	14 (5)	12 (8)	31 (11)	5 (2)	62
<i>S. balticum</i>	«	18 (4)	11 (3)	17 (9)	5	51
<i>S. majus</i>	«	18 (6)	7 (5)	15 (6)	2	42
<i>S. capillifolium</i>	«	–	1	21	15 (3)	37
<i>S. jensenii</i>	Ц; В; С	13 (4)	2 (2)	13 (4)	2 (2)	30
<i>S. obtusum</i>	ЮЗ; Ц; З; В;	5 (3)	–	12 (6)	2 (2)	19
<i>S. platyphyllum**</i>	В	–	2 (1)	8 (3)	2 (2)	12
<i>S. subsecundum</i>	ЮЗ; Ю; В	4 (4)	2 (2)	19 (8)	3	28
<i>S. teres</i>	ЮЗ; З; ЮЗ; Ц; В	5 (3)	3 (2)	14 (5)	2	24
<i>S. squarrosum</i>	ЮЗ	2 (2)	3 (1)	7 (5)	3 (2)	15
<i>S. riparium</i>	ЮЗ; Ю; С	–	3	2	2 (2)	7
<i>S. rubellum</i>	ЮЗ; В	–	–	3 (3)	4 (3)	7
<i>S. russowii</i>	ЮЗ; В; С; Ю	–	–	11 (4)	8 (2)	19
<i>S. subfulvum*</i>	В	–	–	2 (2)	–	2
<i>S. flexuosum</i>	ЮЗ; Ц; З; В; С	3 (3)	2 (2)	12 (7)	3	20
<i>S. contortum</i>	ЮЗ; З; В; Ю	6 (4)	1	29 (9)	1	38
<i>S. aongstroemii</i>	С	–	–	2	–	2
<i>S. cuspidatum</i>	В	1	–	–	–	1
<i>S. annulatum</i>	Ц	–	–	2 (2)	–	2
<i>S. girgensohnii</i>	Ц; С	–	–	2	–	2
<i>S. lindbergii</i>	В; С; ЮЗ	–	1	3	1	5
<i>S. wulfianum</i>	В	–	–	–	–	1
<i>S. pulchrum</i>	В	–	–	1	–	1
<i>Aulacomnium palustre</i>	Повсеместно	–	2 (1)	87 (14)	62 (15)	151
<i>Brachythecium mildeanum</i>	ЮЗ; Ю	–	–	7 (2)	3 (1)	11
<i>B. rivulare</i>	ЮЗ; Ю	–	–	–	4	4
<i>Breidleria pratensis</i>	ЮЗ; Ю	–	–	–	1	2

Продолжение таблицы

Вид	Распространение	Д	СД	1–25%	< 1%	Всего
<i>Bryum pseudotriquetrum</i>	ЮЗ; 3; В; Ю; Ц	–	1	10 (4)	12 (5)	24
<i>Calliergon cordifolium</i>	ЮЗ; 3; Ю; Ц	–	1	17 (4)	4	23
<i>C. giganteum</i>	ЮЗ; 3; В; Ю; Ц	1	1	28 (5)	7 (3)	38
<i>C. megalophyllum</i> **	В	–	–	–	–	1
<i>C. richardsonii</i>	ЮЗ; 3; В	–	–	4 (3)	2 (1)	6
<i>Calliergonella cuspidata</i>	ЮЗ; 3; В	1	1	22 (5)	7 (2)	31
<i>C. lindbergii</i>	Ю	–	–	–	–	1
<i>Campylium stellatum</i>	ЮЗ; 3; Ю; Ц; В	–	–	5 (3)	10	16
<i>C. stellatum var. protensum</i>	3	–	–	2 (2)	–	2
<i>Campyliadelphus chrysophyllus</i>	ЮЗ	–	–	–	2	3
<i>Cinclidium stygium</i>	ЮЗ; 3; В; Ю; Ц	3 (2)	2 (2)	21 (8)	5 (3)	32
<i>Climacium dendroides</i>	Ю; ЮЗ; Ц	3 (2)	1	8 (5)	6 (2)	18
<i>Cratoneuron filicinum</i>		–	–	1	–	1
<i>Dicranum bonjeanii</i>	Ю	–	–	–	1	2
<i>D. majus</i>	Ю	–	–	–	–	1
<i>D. polysetum</i>	3; Ю	–	–	–	4	5
<i>D. undulatum</i>	В	–	–	–	1	1
<i>Drepanocladus aduncus</i>	ЮЗ; В; Ю	3 (2)	1	8 (5)	–	13
<i>D. polygamus</i> **	ЮЗ; 3; В;	–	–	4 (3)	–	4
<i>D. sendtneri</i>	Ц	–	–	1	–	1
<i>Fissidens adianthoides</i>	ЮЗ	–	–	1	–	1
<i>Fontinalis antipyretica</i>	В	–	–	–	–	1
<i>Hamatocaulis lapponicus</i> **	В	–	–	1	–	1
<i>H. vernicosus</i>	ЮЗ; 3; В; Ю; Ц	3 (2)	7 (1)	27 (6)	5 (2)	44
<i>Helodium blandowii</i>	Повсеместно	–	3 (2)	28 (7)	7 (2)	38
<i>Hylocomnium splendens</i>	ЮЗ; Ю; Ц	–	–	6 (1)	6 (2)	12
<i>Meesia triquetra</i> *	3; В; Ц	–	1	3 (2)	5 (3)	9
<i>Paludella squarrosa</i>	Повсеместно	–	2 (1)	22 (5)	7 (4)	31
<i>Palustriella decipiens</i>	Ц	–	–	–	1	1
<i>Philonotis seriata</i> **	В	–	–	1	–	1
<i>Plagiomnium elatum</i>	В	–	–	–	–	1
<i>P. ellipticum</i>	Повсеместно	22 (3)	5 (3)	40 (6)	9 (2)	76
<i>Plagiothecium denticulatum</i>	Ю	–	–	–	–	1
<i>Pleurozium schreberi</i>	Повсеместно	–	–	42 (10)	33 (8)	75
<i>Polytrichum commune</i>	Повсеместно	–	1	1	2	4
<i>P. juniperinum</i>	3	–	–	–	1	1
<i>P. strictum</i>	Повсеместно	–	3 (2)	58 (8)	41 (5)	102

Вид	Распространение	Д	СД	1–25%	< 1%	Всего
<i>Pseudobryum cinclidioides</i>	В	1	–	9 (5)	2 (1)	12
<i>Pseudocalliergon trifarium</i>	З	–	–	1	–	1
<i>Ptilium crista-castrensis</i>	З; В	–	–	1	1	2
<i>Rhizomnium pseudopunctatum</i>	З; ЮЗ; В; Ю; Ц	–	–	6 (3)	3 (2)	10
<i>Rhodobryum roseum</i>	В	–	–	1	–	1
<i>Rhytidiadelphus triquetrus</i>	З; ЮЗ; Ю	–	–	3 (1)	3 (2)	6
<i>Scorpidium cossoni*</i>	З	–	–	1	–	1
<i>S. revolvens</i>	В; ЮЗ	2 (2)	–	2 (2)	2	6
<i>S. scorpioides</i>	З; ЮЗ; Ю	7 (4)	1	7 (4)	2 (2)	17
<i>Straminergon stramineum</i>	Повсеместно	–	–	14 (5)	37 (8)	51
<i>Tomentypnum nitens</i>	Повсеместно	–	1	19 (5)	7 (2)	28
<i>Warnstorfia exannulata</i>	ЮЗ; З; В; Ц; Ю	1	1	19 (9)	13 (4)	34
<i>W. fluitans</i>	Повсеместно	–	–	5	3 (2)	8
<i>W. pseudostraminea</i>	В	–	–	–	1	1
<i>W. tundrae</i>	Ц	–	–	–	–	1

Примечания:

1. Названия видов мхов даны по: Check-list of mosses of East Europe and North Asia / M.S. Ignatov et al. // *Arctoa*. 2006. № 15. P. 1–130.
2. Условные обозначения: Д — доминант; СД — содоминант; 1 — 25% — вид имеет проективное покрытие от 1 до 25%; < 1% — вид встречается в небольшом количестве, с покрытием меньше 1%; * — вид, занесенный в Красную книгу Архангельской области; ** — редкий вид Архангельской области; С — северный, СЗ — северо-западный, Ц — центральный, З — западный, В — восточный, ЮЗ — юго-западный; Ю — южный географические сектора парка, где обнаружен вид.

Бриофлора болот Кенозерского национального парка, по результатам исследований, насчитывает 86 видов мхов. Состав бриофлоры парка отражает его географическое положение, причем оно проявляется не только на видовом составе, но и на экологических свойствах видов.

Видовой состав мхов парка типичен для таежной зоны Европейской России. Специфика географического положения парка проявляется в нюансах. Положение на восточной границе Фенноскандии имеет следствием пусть и редкое, но наличие западных видов: *Sphagnum cuspidatum* и *S. rubellum*. Нахождение в подзоне средней тайги подчеркивается безраздельным господством на грядах верховых болот *Sphagnum fuscum*, доминирующего даже в ряде сообществ сосновых олиготрофных болот, что характерно для подзоны северной тайги. Изредка доминирует он и на грядах аапа-болот, что тоже свойственно северной половине таежной зоны. Типичный вид гряд верховых болот южной тайги *Sphagnum magellanicum* на территории парка в этих местообитаниях нигде не доминирует.

Как доминант он отмечен на положительных формах микрорельефа мезотрофных болот — переходных и аапа. Такое изменение экологической амплитуды этого вида свойственно северо-восточной части таежной зоны Европейской России. Так же, как и *Sphagnum majus*, в южной тайге облигатный вид олиготрофных топей и мочажин на территории парка почти в равной мере свойственен и мезотрофным топям. На болотах в восточной и центральной части парка, в топяных участках часто и обильно встречается свойственный восточной половине Европейской России вид *Sphagnum jensenii* (ил. 6). На территории парка встречены редкие виды сфагновых мхов *Sphagnum platyphyllum* и *Sphagnum subfulvum*. Последний из них типичен для аапа-болот, находящихся в парке на южной границе распространения.

Роль гипновых мхов в формировании мохового яруса болот парка заметно ниже, чем сфагновых. Сплошной моховой ярус они образуют только на обводненных приречных и приозерных низинных болотах и на склонах ключевых болот, по поверхности которых стекают выходящие на поверхность воды. Среди них имеются виды, занесенные в Красную книгу области, *Meesia triquetra* и *Scorpidium cossoni*, а также редкие виды области *Calliergon megalophyllum* и *Philonotis seriata*.

Примечания

¹ Авторы выражают благодарность коллегам, принявшим участие в выполнении геоботанических описаний на болотах Кенозерского национального парка, — О.Л. Кузнецову, Н.В. Стойкиной, Т.И. Бразовской, О.В. Галаниной, Д.А. Филиппову.

² Аапа-болото (фин.) – буквальный перевод с финского языка означает большое болото. Под этим термином в русском болотоведении понимаются гетеротрофные грядово-мочажинные минеротрофные болота. Они подразделяются на эдафические и географические подтипы.

³ Доминант — вид, по обилию и проективному покрытию преобладающий в составе растительного сообщества или отдельном его ярусе (травяном, моховом). Содоминант — вид, делящий доминирующую роль еще с одним или несколькими видами.

**Устная и письменная словесность
в крестьянской культуре**

Подписные и датированные иконы и расписные «небеса» из собрания Кенозерского национального парка

Кенозерский национальный парк — единственный среди национальных парков России, имеющий в своем оперативном управлении значительное количество движимых памятников истории и культуры. Около 9500 предметов, представляющих собой великолепные образцы материальной и духовной культуры коренного населения, включены в его музейный фонд.

Особое место среди памятников Кенозерского национального парка занимает крупнейшая в России коллекция монументальной живописи, состоящая из 17 комплексов «небес» — потолочных перекрытий деревянных церквей и часовен, расписанных на библейские сюжеты. Большая часть «небес», созданных в Кенозерье в XVIII–XIX веках, из-за своих иконографических программ и живописных особенностей имеет статус уникальных памятников монументальной живописи. В музейную коллекцию иконописи в настоящее время включено около 300 икон XVIII — начала XX века. Подписные иконы и расписные «небеса» представляют собой важную часть музейного собрания Кенозерского национального парка.

Сравнительный анализ выявленных текстов позволяет сделать выводы о том, что надписи неканонического характера несут следующую информацию:

- определяют дату создания и авторство, содержат сведения биографического характера;
- определяют принадлежность иконы ее владельцу, свидетельствуют об обстоятельствах заказа и исполнения;
- оговаривают сюжет иконы, условия заказа, цену работы;
- указывают место, где жил заказчик иконы;
- несут вкладной или дарственный характер;
- содержат различные памятные записи.

Чаще всего надписи лаконичны, но встречаются и очень подробные, причем как на лицевых сторонах икон и «небес», так и на оборотах.

Выявленные неканонические надписи условно систематизированы по трем группам. В первую группу входят те, в которых обозначено время, место создания или поновления иконы, имя иконописца и биографические сведения. Вторая группа надписей, содержащих информацию о покупках или дарениях, участии в крестном ходе, дает материал для изучения истории бытования икон. Третью группу составляют тексты на оборотах досок, фиксирующие заказ.

Целью данного исследования является выявление и изучение авторских подписей, сбор сведений биографического характера о кенозерских иконописцах,

атрибутирование по стилистическим художественным особенностям иконописных памятников Кенозерья.

Наибольшую группу из подписных кенозерских икон составляют святые образы, созданные местными иконописцами. Самый ранний из выявленных в Кенозерье текстов относится к 1778 году, самый поздний — к началу XX века. Приведем в хронологической последовательности имена выявленных на территории Кенозерья иконописцев с собранными в рамках данного исследования биографическими сведениями.

Подтверждением активной работы северных иконописцев в церквях и часовнях, расположенных в окрестностях Кенозера, является авторская датирующая подпись талантливого северного иконописца И.А. Богданова-Карбатовского, уроженца деревни Карбатовской Чекуевской волости Онежского уезда Архангельской губернии, на иконе «Происхождение Честных Древ Животворящего Креста Господня», 106,2×82,5 см (ил. 1), вывезенной из Почезерского храмового комплекса в 1971 году научными сотрудниками Центрального музея древнерусской культуры и искусства имени Андрея Рублева (г. Москва) И.А. Кочетковым и А.А. Салтыковым. По воспоминаниям И.А. Кочеткова, иконы находились в большой деревянной церкви Происхождения Честных Древ Животворящего Креста Господня Почозера (сейчас село Филипповское). Церковь в то время стояла открытая, и ее свободно посещали все желающие. Сотрудники обнаружили, что иконы были сняты со своих мест, вынуты из иконостаса и стояли в храме около стен. И.А. Кочетков и А.А. Салтыков взяли все произведения, которые на их взгляд, представляли интерес для музея, их оказалось всего одиннадцать¹.

Авторская подпись иконописца и дата создания — 1778 год — были открыты во время реставрационных работ 2006 года на нижнем поле иконы². Иконописец использовал традиционную иконографическую схему данного сюжета: в верхней части находятся изображения трехфигурного ростового деисуса и творцов литургии, Василия Великого и Иоанна Златоуста, а внизу — целебного источника, около которого стоит ангел, утверждающий над ним крест, и двух больных, получающих исцеление. Особенностью почезерского образа является помещение в правой нижней части сцены, не связанной с основным сюжетом. Художник пишет здесь образы святых мучеников, день памяти которых отмечается в тот же день: семи братьев Маккавеев, их матери Соломонии и их учителя Елиазара. Введение дополнительных изображений, безусловно, связано с условиями заказа и местным почитанием этих святых. Позже Богданов-Карбатовский нередко обращался к этому сюжету, однако подобной композиции больше не повторял³.

В 2014 году во время проведения реставрационных работ сотрудниками Всероссийского художественного научно-реставрационного центра имени академика И.Э. Грабаря была обнаружена подпись: «1863 Года роботаль небеса копнпсець Михайло Кириковъ Сказываевъ» (ил. 2) на радиальной грани «Апостолы Иуда и Лука» «неба» из молельного зала (ил. 3, 4) церкви Георгия Победоносца

деревни Федоровской на Порженском озере. Расписное потолочное перекрытие в молельном зале церкви состоит из восьми радиальных граней с попарным изображением архангелов, апостолов и евангелистов. В центральном медальоне написан образ Вседержителя, на восточной грани — традиционное распятие с предстоящими святыми. На угловых треугольных гранях — изображения трубящих ангелов.

В Государственном архиве Владимирской губернии в ревизских сказках 1834 и 1858 годов имеются сведения об иконописце Михайле Кирикове Сказываеве — крепостном крестьянине князя Бориса Александровича Лобанова-Ростовского. Михайло Сказываев родился в 1816 году в деревне Сергеевской Палеховской волости Вязниковского уезда Владимирской губернии⁴. В статье «Владимирские иконописцы и Комитет попечительства о русской иконописи», опубликованной во «Владимирских епархиальных ведомостях» в 1905 году, сообщается: «Жители Палеха хотя и имеют землю, но обрабатывают ее чужими наемными руками и живут собственно не земледелием, а иконописными работами»⁵.

Иконописец Михайло Кириков Сказываев оставил и другие свидетельства своего пребывания на территории Каргопольского уезда Олонецкой губернии, в состав которого в XIX веке входила деревня Федоровская на Порженском озере. В книге Т.М. Кольцовой «Иконы Каргополя» приводится информация о том, что Михайло Кириков Сказываев написал «небо» для церкви Михаила Архангела села Архангело⁶ (ил. 5), а для Богоявленской церкви села Ошевенского им был написан образ «Святая Параскева в житии (с клеймами)», 128,0×110,0 (ил. 6), о чем свидетельствует авторская датирующая подпись на обороте иконы: «*Жертвоуанием крестьянина Ивана Александрова Власова в бытность старостою церковным 1858 году... сей святой образ Михайло Кириков Сказываев...*».

Автором расписного «неба» в часовне Великомученицы Параскевы деревни Тырышкино, также входившей в XIX веке в состав Каргопольского уезда, является еще один крестьянин князя Б.А. Лобанова-Ростовского из «деревни Сергеевой Вязниковского уезда»⁷ — Стефан (Степан) Никитин Кознов. Таким образом, можно сделать вывод о том, что в XIX веке в Каргопольском уезде, частью которого являлось южное Кенозерье, наряду с северными иконописцами были востребованы владимирские иконописцы, составлявшие конкуренцию местным мастерам.

Следующая группа памятников иконописи и монументальной живописи, имеющих авторские датирующие подписи, относится к началу 1880-х годов и принадлежит кенозерскому иконописцу Федору Захарову Иоку (1864–1922). В 2008 году во время демонтажа расписного «неба» в часовне Николая Чудотворца деревни Усть-Почи (ил. 7) на радиальной грани «Св. евангелист Иоанн» была обнаружена авторская датирующая подпись «*Писаны сии небеса въ 1881 живописцомъ Федоромъ Захаровымъ Иокомъ, урожденцомъ Олонецкой гу.[бернии]*»

Каргопольского уезда Мишковской волости [деревни] Большого Конева. Отроду 17 летъ масте.[р.]» (ил. 8). Это «небо» одно из самых сложных и уникальных по иконографии «небес» Кенозерья. Роспись не имеет прототипов и единственна в своем роде. Основное поле каждой из 12 радиальных граней занято фигурой архангела или евангелиста. В центральном круге — Новозаветная Троица. На восточной грани вместо традиционного распятия изображен святитель Николай, которому посвящена часовня. Необычным является решение заказчика вынести на расписной свод не только фигуру святого, но и сцены из его жития. Житийный цикл состоит из 17 композиций, изображенных в прямоугольных клеймах в нижней части граней⁸. Благодаря характерной манере художника удалось атрибутировать еще три комплекса кенозерских «небес» в часовнях Николая Чудотворца деревни Вершинино, Преподобного Пахомия Кенского деревни Карповой, Казанской иконы Божьей Матери деревни Мининой.

Своеобразная художественная манера, в которой писал Федор Захарович Иок, позволяет отнести его кисти целый ряд иконописных произведений на территории Кенозерья. Причем талантливый иконописец постоянно экспериментировал не только с красками, в различных пропорциях смешивая темперу и льняное масло, но и с материалами основы: помимо икон на деревянных досках им была написана и пятичастная икона на холсте, поступившая в музейный фонд парка из часовни Святого Иоанна Предтечи деревни Горбачихи (ил. 9). Помимо четырех комплексов «небес» Федор Иок написал для кенозерских часовен и церквей несколько икон, которые удалось атрибутировать не только по художественной манере иконописца, но и по его надписям на иконах. На обороте иконы «Святой преподобный отец Макарий Унженский чудотворец» приводится подпись, аналогичная подписи на «небе» из Никольской часовни деревни Усть-Почи: *«сіи иконы писалъ живописецъ 17 летъ от роду Федоръ Захаровичъ Иокъ писал 1881 года в октябре урожденець с Конева Олонецкой губернии Каргопольского уезда работа вся 80 р. сереб.»* (ил. 10). Таким образом, данная подпись содержит информацию не только биографического характера, но и свидетельствует о 80 рублях серебром, полученных художником за 8 икон, написанных для иконостаса придела во имя Собора Пресвятой Богородицы церкви Георгия Победоносца на Порженском озере. В музейный фонд Кенозерского национального парка включены еще две иконы из данного иконостаса — икона Божией Матери «Знамение» и «Огненное восхождение Ильи Пророка» (ил. 11).

Еще одна подпись кенозерского иконописца *«Сія икона поправлена в 1883 году по радению вдовы Варвары Губиной Федором Захаровым Иокм»*, обнаруженная на обороте иконы «Огненное восхождение Ильи Пророка» из часовни Казанской иконы Божией Матери деревни Мининой, свидетельствует о том, что брался иконописец и за «поновление» икон, имевших утраты красочного слоя. Таким образом, в музейном собрании Кенозерского национального парка на ряде икон прослеживаются признаки поновления, выполненного северным иконописцем.

Сведения биографического характера северного иконописца Федора Захаровича Иока можно почерпнуть не только из авторских датирующих подписей, но и благодаря документам, получившим название «Управление Архангельского почтово-телеграфного округа. Личное дело на Федора Захаровича Иок», хранящимся в Государственном архиве Архангельской области. Федор Иок родился 12 сентября (по старому стилю) 1864 года в семье рядового военно-лесной стражи второго Каргопольского лесничества Захара Григорьевича Иока и его жены Екатерины Петровны Богдановой. В 1882 году Федор Иок женился на «мещанской девице» города Каргополя Марии Семеновичной Макаровой и спустя год был записан в мещанское сословие города. В течение трех лет юный Федор Иок обучался живописи в художественной мастерской в городе Санкт-Петербурге. Данный факт биографии иконописца объясняет наличие в авторской подписи профессиональной характеристики «мастер», на которую имел право только иконописец, имевший художественное образование, официально зарегистрированный в ремесленном цехе и регулярно платящий налоги со своих доходов. Кенозерские «небеса», расписанные Иоком в примитивной художественной манере, были созданы предположительно в начале 1880-х годов. Его работа, скорее всего, оценивалась дешевле в сравнении с другими, что, несмотря на несомненное наличие таланта и профессионального художественного образования, вынудило Федора Иока искать более стабильный заработок.

В декабре 1885 года каргопольский мещанин Иок обращается к начальнику почтовой части Олонецкой губернии с прошением о принятии его на службу в почтовое ведомство на должность почтальона «...в виду моего невыгодного положения при производстве мною живописного мастерства...»⁹. 8 июля 1886 года последовало распоряжение Управляющего почтовой частью Олонецкой губернии об определении каргопольского мещанина Федора Захарова Иока почтальоном. Так началась тридцатилетняя карьера иконописца в почтовых ведомствах Олонецкой и Архангельской губерний. В течение 17 лет Федор Иок работал в Каргопольской почтово-телеграфной конторе, затем возглавлял почтовые отделения в различных населенных пунктах Архангельской губернии: в 1903–1907 годах — в селе Прилуки Онежского уезда, в 1907–1914 годах — в селе Нёнокса, в 1914–1916 годах — в селе Никифорово Шенкурского уезда, в 1916–1919 годах — в селе Холмогоры. Последнее место службы почтальона Иока — Пинежская почтово-телеграфная контора. В 1916 году в жизни Иока произошло важное событие: 30-летняя работа северного почтальона была оценена по достоинству. Высочайшим соизволением Государя Императора Николая II от 16 февраля 1916 года «Федор Захаров Иок был пожалован серебряной медалью с надписью "за усердие" для ношения на груди»¹⁰. На последнем листе «Личного дела на Федора Захаровича Иок» в выписке из приказа Управления Северного округа народной связи от 29 декабря 1922 года приведены слова, подводящие итог жизни этого человека: «Исключается из списков квалифицированный по-

чтowo-телеграфный работник Пинегской почтowo-телеграфной конторы Иок Федор за смертью с 25 ноября с.г.»¹¹.

К концу XIX века относится еще один датирующий текст, обнаруженный на центральном медальоне «Нерукотворенный Образ Спаса» (ил. 12) расписного восьмигранного «неба» из храма Пророка Божия Илии (ил. 13), переданного в 2011 году на хранение в Кенозерский национальный парк жителями деревни Задняя Дуброва (Часовенская) Плесецкого района Архангельской области. В нижней части медальона приведен кириллический текст «1880 г.». Можно предположить, что данный текст свидетельствует либо о создании «неба» в 1880-х годах, либо о его поновлении в это время, т.к. и на центральном медальоне и на радиальных гранях имеются признаки поздней записи.

Последний авторский текст, выявленный на территории Кенозерского национального парка, относится к концу XIX — началу XX века, когда в моду входят штампы, выжженные или отпечатанные краской на оборотной стороне иконной доски, с указанием фамилии владельца мастерской, его адреса. На обороте иконы «Великомученик Пантелеймон» (ил. 14), поступившей в музейный фонд из часовни преподобного Антония Сийского деревни Поромское, обнаружен синий оттиск штампа иконописца: «*Иконописец Ф.С. Боровский Ошевенск Каргопольскаго уезда*» (ил. 15). Иконостас вышеуказанной часовни, состоявший из 10 икон, был двухъярусным: в местном чине располагались иконы «Преподобный Антоний Великий и Пахомий Кенский», «Богоматерь Троеручица», «Воскресение Христово», «Преподобный Антоний Сийский и Святитель Николай Чудотворец», «Великомученик Пантелеймон»; во втором ряду располагались иконы деисусного чина.

Об ошевенском иконописце Ф.С. Боровском впервые сведения были получены в 1950 году во время Каргопольской экспедиции Государственного исторического музея. Участники экспедиции Н.Р. Левинсон и Н.А. Маясова в статье «Материальная культура Русского Севера в конце XIX — начале XX века (Каргопольская экспедиция 1950 года)» приводят следующие сведения: «Такие живописцы, как Новожилов, наряду с росписью домов, расписывали прялки. Тем более понятной становится общность мотивов этих росписей. Другой ошевенский живописец, Ф.С. Боровский, писал, кроме того, иконы; он работал в 90–900-х годах (конец XIX — начало XX в. — А.А.). За обычную роспись прялки мастера брали по 20–30 коп., а лучшему живописцу Боровскому, украшавшему прялки особенно нарядно (прялка А.П. Поповой) (ил. 16), платили и по рублю, что далеко не было доступно массе крестьянства. Таким образом, можно установить, что на месте образовалась группа профессиональных мастеров — маляров и живописцев, работавших не только у себя на дому, но и ходивших по соседним деревням». В книге Статистического бюро Олонецкого губернского земства «Крестьянские промыслы Каргопольского уезда Олонецкой губернии» в 1902 году в Каргопольском уезде числилось семь живописцев¹³. Так, в деревне

Олеховской жил П.И. Черепанов, который расписывал ставни, прялки, шкафы. В Ошевенской слободе трудились Новожилов и Ф.С. Боровский (последний писал также иконы)¹⁴. В книге Г.П. Дурасова «Каргополье. Художественные сокровища» опубликована фотография прялки, расписанной Ф.С. Боровским¹⁵. К сожалению, в настоящее время не представляется возможным дать более полные биографические и профессиональные характеристики талантливому ошевенскому живописцу.

Вторая группа надписей, содержащих информацию о покупках или дарениях, участии в крестном ходе, дает материал для изучения истории бытования икон. Так, в 2014 году в музейный фонд из деревни Морщихинской — административного центра Каргопольского сектора парка — поступила икона «Трехфигурный Деисус: Вседержитель, Богоматерь, Иоанн Предтеча» (ил. 17). По свидетельству сдатчицы, данная икона в 1940–1950-х годах была «откуда-то привезена отцом — партийный был». Подтвердить принадлежность иконы Лекшмозерскому приходу (церковь Апостолов Петра и Павла деревни Морщихинской), а также определить имя заказчика и иконописца удалось благодаря надписи, обнаруженной после демонтажа самодельного киота. По нижнему краю иконы читается следующий текст: «...сына его Димитрія Малинина по желанію его и... его С. Гурьев». Из-за значительных осыпей красочного слоя не представляется возможным более точно воспроизвести данную подпись, но имя заказчика — Дмитрия Малинина, священника Лекшмозерского прихода, и иконописца — С. Гурьева сохранились.

В «Ведомости о церкви Святых первоверховных Апостолов Петра и Павла Каргопольского уезда Лекшмозерского погоста за 1839 год» в разделе «О причте» приводятся сведения биографического характера: «Священник Димитрий Петров Малинин. Из духовных. Учился в Новгородской семинарии...»¹⁶. В 1827 году по указу Новгородской духовной консистории Дмитрий Малинин был назначен для надзора и распоряжения строящейся каменной церкви Апостолов Петра и Павла, а с 1828 года — в Лекшмозерский погост священником. В 1839 году «за усердное прохождение возложенных на него должностей пожалован Бархатной Фиолетовой скуфьей... объявлено ему, что труды его по построению каменной в сем погосте церкви остаются во внимании наперед»¹⁷. Священник Дмитрий Малинин, начавший службу в Лекшмозерском приходе в 1827 году, упоминается в документах данной церкви и спустя почти 60 лет. В дневнике богослужений Лекшмозерской церкви от 5 января 1883 года говорится: «К утрени прибыл священник местный и отправлял служение. Утрени и литургия Иоанна Златоустаго кончилась в 11 часов. Священник Димитрий Петров Малинин»¹⁸. Таким образом, архивные материалы дают полное представление о заказчике данной иконы, а сведения биографического характера об иконописце еще только предстоит выявлять.

Еще один текст «*На Кеноозеро Иоанну Худякову*» на обороте иконы «Введение Богородицы во храм» (ил. 18) из часовни Введения Богородицы во храм и Рож-

дства Иоанна Предтечи деревни Рыжково содержит информацию о заказчике иконы и сведения топонимического характера. Одна из задач нашего исследования заключалась в установлении биографических данных о предполагаемом заказчике иконы. В справке Государственного архива Архангельской области № 06-21/1017 от 16 апреля 2014 года указано, что «в метрических книгах Кенозерского прихода Пудожского уезда за 1863–1911 гг. имеются следующие записи: "запись № 23 о бракосочетании 30 января 1863 года государственного крестьянина дер. Рыжковой Ивана Петровича Худякова (19 лет), православного, первым браком и крестьянской девицы дер. Роймовой Пелагеи Федоровны Фофановой (22 лет), православной"»¹⁹. Далее приводятся сведения о рождении у них детей. Иван Петрович Худяков также был охарактеризован в 1927 году экспедицией Б.М. и Ю.М. Соколовых: «Худяков Иван Петрович, 85 лет из дер. Рыжковой на Кенозере. ...помнит и репертуар Воинова, но петь все его старины не может: "путаёт". И.П. Худяков вдовец; жена его умерла в 1926 году; перед тем умерла его мать. Кормят И.П. Худякова односельчане. В 70-х гг. прошлого века Ив. Петрович жил "в Питере разносчиком"; торговал всем, начиная с рыбы, соленых грибов и кончая "бабьим товаром" (галантерией). После того служил на судне; упав в люк судна, сломал себе ногу; теперь ходит на клюках. В деревне живет с начала 900-ых г.г. И.П. Худяков помимо старин, умело копируя нищих, поет духовные стихи: "Пятницу" и "Вознесение"»²⁰. Также в архивной справке ГААО указаны Иван Андреевич Худяков²¹ (в 1872 г. у него родился сын Алексей) и Иван Федорович Худяков²² (умер 20 апреля 1883 г. в возрасте 72 лет), проживавшие в дер. Рыжково. Необходимо выяснить, кто из них являлся заказчиком иконы.

Вкладная надпись, выявленная на иконе Божией Матери «Троеручица» (ил. 19), дает сведения о заказчике — жительнице деревни Зехновой Анне Васильевне Заечинниковой, заказавшей икону неизвестному иконописцу для часовни Апостола Иоанна Богослова деревни Зехновой: «*Написа сей святой образ по обещанию в часовню Иоанна Богослова девицей Анной Васильевой Заечинниковой.*»

Три иконы, поступившие в музейный фонд национального парка из церкви Апостола Андрея Первозванного деревни Ведягино, свидетельствуют о различных событиях, происходивших в этом храме. На двухсторонней выносной иконе Богоматери «Знамение», «Николай Чудотворец» (ил. 20) имеется надпись: «*Дар бр. Мартыновых 20 июля 1912 года.*» Можно предположить, что данная вкладная икона была подарена церкви, построенной в 1898–1899 годах на средства уроженца деревни Ведягино санкт-петербургского купца 2-й гильдии и Личного Почетного гражданина Козьмы Ивановича Мартынова — ее основным опекуном и жертвователем. Обороты икон «Богоматерь Казанская» и «Вседержитель» содержат сведения о крестном ходе в память об одном из самых почитаемых в Кенозерье святых — преподобном Макарии Желтоводском и Унженском: «*В память начала крестного хода Преподобного отца Макария 1905 года июля 25 дня.*»

Третью группу составляют тексты на оборотах досок, фиксирующие заказ. Для рассмотрения данной группы текстов обратимся к иконам, которые создавались в XIX — начале XX века для местного населения. При получении заказа на оборотах иконных досок выполнялись надписи — памятки, в которых указывались требования и пожелания заказчика. Эти тексты, нанесенные графитным карандашом или процарапанные в основе, возникли из практической необходимости и теряли свое прямое назначение после получения иконы заказчиком, и их, естественно, не берегли; поэтому читаются они с большим трудом. Часто на оборотах икон можно видеть зарубки и царапины, иногда встречаются перечеркнутые крестом круги. Все эти знаки являются определенной «нумерацией» досок или имеют цифровое значение. Тексты-памятки на оборотах досок имеются на большом количестве икон из музейного собрания Кенозерского национального парка.

Интересен в данном случае комплекс икон из церкви Преподобного Александра Свирского на Хижгоре (Каргопольский сектор парка.), где на оборотах всех восьми сохранившихся икон (из 25) указаны святые образы, которые должны были быть написаны для трехъярусного иконостаса. По «Главной церковной и ризничной описи Олонецкой Епархии Каргопольского уезда Хижгорской Преподобного Александра Свирского церкви», хранящейся в Национальном архиве Республики Карелия, удалось установить точную дату создания данного иконостаса — 1872 год²³.

Таким образом, благодаря неканоническим текстам на иконах и «небесах» удалось ввести в научный оборот новые имена иконописцев, выявить биографические сведения, атрибутировать другие иконописные памятники по художественным особенностям, уточнить даты создания произведений, полнее представить историю бытования икон и расписных «небес», собрать сведения о некоторых заказчиках и владельцах, об отдельных событиях духовной истории Кенозерья. Работа над данной темой далеко не завершена, т.к. собранный материал во многих случаях требует дополнений. Подобные неканонические надписи на иконах представляют особую культурную и историческую ценность, ведь каждое новое произведение или имя иконописца позволяет получить более целостную и полную картину многовекового развития художественной культуры Кенозерья.

Примечания

¹ Нечаева Т.Н. Группа северных икон из Почозера // Кенозерские чтения — 2009. Этнокультурный ландшафт Кенозерья: Междисциплинарное исследование на пересечении естественных и гуманитарных наук: сборник материалов IV Всероссийской научно-практической конференции. Архангельск, 2011. С. 342.

² Ступени мастерства. Каталог икон, реставрированных студентами Российской академии живописи, ваяния и зодчества 1997–2007 годы / сост. Т.Н. Нечаева, Л.Ю. Яснова. М., 2007. Кат. 34, ил. на с. 144–147.

³ Нечаева Т.Н. Указ. соч. С. 345.

⁴ Государственный архив Вологодской области. Ф. 301. Оп. 5. Д. 436. Л. 576 об. — 577.

⁵ Владимирские епархиальные ведомости. 1905. № 8, 9.

⁶ Кольцова Т.М. Иконы Каргополя. Из собрания Каргопольского государственного историко-архитектурного и художественного музея. М., 2014.

⁷ Небеса и окрестности Кенозерья. Расписные потолки, иконы, деревенские часовни и церкви, составляющие историко-культурный ландшафт Национального парка «Кенозерский». М., 2009. С. 364.

⁸ Там же. С. 443.

⁹ Анциферова А.И. Северный иконописец Федор Захаров Иок: новые материалы к биографии // Михайловские чтения. Религиозно-культурное пространство региона: вчера, сегодня, завтра. 2010: сборник статей научно-практической конференции. Архангельск, 2011. С. 22–26.

¹⁰ Государственный архив Архангельской области (далее ГААО). Ф. 55. Оп. 1. Д. 83. Л. 218.

¹¹ Там же. Л. 449.

¹² Левинсон Н.Р., Маясова Н.А. Материальная культура Русского Севера в конце XIX — начале XX (Каргопольская экспедиция 1950 года) // Историко-бытовые экспедиции 1949–1950: Труды Государственного исторического музея. М., 1953. Вып. XXIII. С. 112.

¹³ Крестьянские промыслы Каргопольского уезда Олонецкой губернии. Вып. 1: Профессиональные таблицы и описание отдельных промыслов. Петрозаводск, 1902. С. 492.

¹⁴ URL: <http://www.perunica.ru/tradicii/5455-narodnoe-iskusstvo-kargopolskoj-zemli.html>.

¹⁵ Дурасов Г.П. Каргополье. Художественные сокровища. М., 1984. С. 185.

¹⁶ Национальный архив Республики Карелия (далее НАРК). Ф. 25. Оп. 12. Д. 10/10. Л. 45 об.

¹⁷ Там же. Оп. 15. Д. 55/1196. Л. 47 об.

¹⁸ Матонин В.Н. Культурный ландшафт Лекшмозерья в конце XIX — начале XX века // Поморские чтения по семиотике культуры. Вып. 2: Сакральная география и традиционные этнокультурные ландшафты народов Европейского Севера России: сб. науч. статей / сост. Н.М. Теребихин, А.О. Подоплекин, П.С. Журавлев; отв. ред. Н.М. Теребихин. Архангельск, 2006. С. 223.

¹⁹ ГААО. Ф. 29. Оп. 15. Д. 29. Л. 110 об. — 111.

²⁰ Государственный литературный музей. Ф. 241. Оп. 198. Д. 2.

²¹ ГААО. Ф. 29. Оп. 15. Д. 6. Л. 119 об. — 120.

²² Там же. Оп. 39. Д. 100. Л. 133 об. — 134.

²³ НАРК. Ф. 25. Оп. 12. Д. 36/48. Л. 3, 5, 7, 10.

Традиционные хозяйственные занятия жителей Кенозерья в обрядах, преданиях, устных рассказах

Народная культура, включающая в себя традиционные формы природопользования, основана на рациональном использовании природных ресурсов. Способом передачи знаний является как непосредственная передача производственного опыта, так и устная информация, образующая фольклорные тексты. Сезонные и суточные наблюдения выстраиваются в систему календарных обрядовых циклов и связанных с ними фольклорных жанров — обычаев, примет, поверий, устных рассказов. Словесные жанры в устной народной культуре, обладая свойством культурной памяти, закрепляют рациональные, полезные знания, здоровые поведенческие нормы. При этом многие из таких рассказов сохраняют мифологическую основу — веру в хозяев дома, леса, озера и возможность установления с ними договорных отношений. Имеющие форму достоверных историй с ссылками на очевидцев, подобные рассказы носят характер предупреждений об опасностях, которые подстерегают человека в случае нарушения установленных временем правил поведения человека. Производственные практики в народной культуре часто сопровождаются заговорами, поскольку слово, по народным поверьям, обладает свойством реализации. Заговоры и магические действия призваны защитить человека и помочь ему в его занятиях. Эти разделы народной культуры до сих пор остаются живой традицией.

Традиционная хозяйственная деятельность способна влиять на формирование культурного ландшафта, что проявляется в организации пространства, жилищно-бытовой сфере и духовной культуре. В Кенозерье это хорошо прослеживается при рассмотрении скотоводства и традиций, сопровождающих эту жизненно важную сферу деятельности. Эти традиции прослеживаются и в обустройстве дома, поражающего своей рациональностью, с его обязательной хозяйственной частью (двор), включающую место для хранения сена, сам хлев, широкие ворота сарая, удобные для досушивания и складирования сена; в многочисленности *поженей*, их ограждений; в *заколинах* (сено, собранное на нескольких кольях в виде пирамиды, в которые собирали недосушенное сено) и *стогах*. Можно говорить и об особенностях звукового ландшафта деревни, связанного с голосами домашних животных.

Скотоводческая обрядность представлена многочисленными обычаями, включающими домашнюю обрядность и обрядность, связанную с выпасом стада в период с мая по начало октября.

Обычаи и обряды, совершаемые хозяйкой в пределах дома, выявляют особое отношение к животным как к источникам жизни. Вся обрядность сосредоточена на

обеспечении здоровья животных и привязке их к дому. В русской традиции можно отметить бережное и ласковое обращение с животными, что выражается всегда в ласковых интонациях, употреблении при обращении к животным ласкательных суффиксов («коровушка», «летушко»), обычае встречать корову вечером с куском хлеба. Животные в доме определяли режим работ хозяйки, связанных с уходом за ними, следование определенным правилам, обеспечивающим сохранность и здоровье животных. К ним относились запрет для чужих смотреть на только что родившихся ягнят и телят, запрет выносить молоко из дома на продажу и пр.

В своих заботах о животных хозяйка обращалась к «хозяину» и «хозяйке» дома — дворовым — с просьбой уберечь скот. Эти просьбы обрели форму заклинаний и заговоров, которые характеризуются широтой тематики, охватывающей все виды занятий, связанных со скотом (купля-продажа, «чтобы корова всегда возвращалась домой», «чтобы спокойно стояла при дойке», «на первый выпас», «запирание скота», обереги от лесного зверя и пропажи в лесу, лечение, «от сглаза» и пр.). Заговоры этого типа кратки, конкретны, обычно они поясняют действие, производимое хозяйкой. Вот некоторые из них.

Как «скотину ставили»: «Первого теленка [корова] принесет, и корову ставят. Кто как ставит, кто как может. Я ставлю пояском. Пояс круг себя опоясывают, а потом этот пояс отпоясывают да коровы со спины пропускают [и говорят]: “Коль плотно этот пояс круг меня лежит, столь плотно моя бы коровушка стояла, ножками не пинала, хвостиком не махала, рожками не бодала”» (Е.М. Мелехова, д. Тырышкино).

Подобными заговорами пользовались в колхозе доярки. Это называлось «поставить на кушак»: «Когда [корова] теляточка родит, ей поставить нужно, чтобы стояла, молочко давала. Вот доярка должна ей уговаривать. От платья или халата кушак взять и три раза через корову от себя пропустить и снова повязать: “Стой, моя телочка, дой, как реченька бежит, стой, как стеночка стоит”» (М.В. Капустина, д. Зехнова).

«Когда корову покупают, заводят в дом (вишь, от старого хозяина увели): “У старого хозяина хлев сгорел, трава закулила, вода высохла. У нового хозяина дом новый поставлен, травушка шелковая, водушка ключовая. Старого хозяина забывай, а нового люби”» (Е.М. Мелехова).

Традиционными средствами спасали корову и от укуса змеи: «Надо продой сделать. Сквозь колечко золотое продоить и сказать: “Господи, благослови, наладь мою коровушку”» (М.В. Капустина).

«Была [знающая] женщина. Коровы придут — вымя раздуто, горяче: змея клюнула. Вот она принесет медный котел (змеи меди боятся), медный котел под корову поставит. У ней спица медная была. Вот она пошоркает, пошоркает вымя, продоит — и пройдет» (А.Ф. Спицына, д. Зехнова).

Особыми домашними обрядами были отмечены первый выпас скота на Егорьев день (23 апреля / 6 мая) и подготовка к этому дню, которая заключалась

в подстригании хвостов животным. Коровам хвосты подстригали в Великий четверг, лошадям — в Егорьев день. К.М. Нифонтова (д. Майлахта) рассказывала: «В Великий Четверг надо было хвосты у коров подрезать. До солнышка надо стричь. Вот легла спать и вроде заснула. Женщина [во сне] пришла: “Клавдея, вставай!” Я глаза открыла — никого. Это она [хозяйка] меня разбудила хвосты стричь». Хранение состриженной шерсти в хлеву, по поверьям, обеспечивало возвращение скота домой. Таким образом, «хозяин» и «хозяйка» дома, по народным поверьям, стоят на страже домашних традиций. От того, насколько соблюден обряд, зависело благополучие скота: «Хозяйка как проступилась, и скотина уйдет. Даже курицу неправильно выпустишь, так та и уходит. Вот хоть сказала курице: “А поди куда хошь!” И искала, искала — нашла, а она как щипаная”» (М.А. Коренева, д. Вершинино).

Первый день особенно значим. Он начинается обрядами в доме. Рано утром лошадям подстригали хвосты и гривы. Состриженные волосы клали в хлев на матицу (А.Ф. Капустина) или бросали в навоз (М.В. Капустина). Е.М. Мелехова вспоминает: «На Егория скотину пойдешь выпустишь, перекрестишься, колокольчики навесишь и скотину выпускаешь со словом: “Егорий Храбрый, спаси и сохрани мою скотинку, на путь на правильный домой заверни”. С вербочкой провожаешь, вербочку эту потом в воду бросают». Или, с ее же слов, когда выпускали скотину, говорили: «Спаси, Христос, в поле, за полем, в осеку, за осеком, спаси Христос, от колючего змея, от грызучего зверя». На Егория для пастуха пекли колобки. Совершив домашний обряд, хозяйка вручала корову пастуху, не заходя в стадо.

А.С. Ножкина (д. Сысово) вспомнила, как бабушка в первый день перед выпасом «соломой связывал колокола [коровы], обмоет и колокольцем с головы до хвоста проведет и говорит: “Как красное солнышко ходит вокруг земли, так и моя корова, Буренка, ходит вокруг земли, травушку ела, водушку пила, домой ходила, молочко домой носила, мимо дома не проходила”».

Выпуская скот в стадо, хозяйка перепоручала его уже не домашним (языческим) покровителям, а святым. На Кенозере можно отметить, что едва ли не каждый святой наделялся конкретными функциями, среди них одна из значимых — сохранение скота. Параскева Пятница (часовня в ее честь — в д. Тырышкино) оберегала овец, и потому, если овцы болели, несли шерсть в часовню; та же роль отводилась святому Власию (ему была посвящена часовня, что была на Медвежьем острове). Святые Флор и Лавр, чей день отмечали 31 августа и в честь которых была установлена часовня в д. Семеново, считались покровителями лошадей. «Коней изымают в поле, привяжут у часовни и кропят» (А.Ф. Силуянова). Егорий храбрый охранял скот, но, главным образом, лошадей, святому Георгию посвящены часовни в Спицыно, Поромском и на Важе-реке.

В период выпаса скота (от Егоря до Покрова) от умения и знаний пастуха зависело благополучие семьи. В этот период пастух — знаковая фигура в культурной традиции. Хороший пастух — тот, кто знает и соблюдает традиции, обе-

спечивающие сохранность стада. О таких пастухах записано немало рассказов. Вот имена некоторых из них: Андрей Лаврентьевич («Зверем звали») (д. Зехнова); Василий Петрович Мелехов с Кумбасозера, муж Алены Максимовны Мелеховой, умер в 1971 г. (д. Тырышкино); Михаил Федорович Юрьев, умер в 1982 г. (д. Горбачиха); Павел Федорович (д. Орлово).

Верили, что пастух пасет или с Богом или с лешим (впрочем, в здешних деревнях бытует поговорка: «Богу молится, а с лешаком водится»). Н.П. Капустин (д. Зехнова), который сам несколько лет пас стадо, убежден, «что без того, чтобы скотину не потерять, не обойдешься. Если лесовик скотину не возьмет, полстада лишишься» (в данном случае можно говорить о животном как обязательной жертве). Свою работу пастух мог успешно выполнять, если соблюдал ряд тяжелых запретов, которые он на себя налагал. Например: *«жердь сломал — сделай новую, волос не стричь, с бабой не спать»* (Н.П. Капустин), черную ягоду не есть, колокола в стаде не менять, не перелезать через изгородь. На Лекшмозере пастухам было запрещено: смотреть на кровь, копать землю, здороваться за руку, драться и др. Эти запреты можно рассматривать как знаки отрешения от мира обычных людей и приобщения к иному миру. Вполне вероятно, что к этим запретам можно отнести и традицию не брать за выпас скота денег (с пастухом хозяйки расплачивались кормлением). Помимо ограничений, которые пастух налагал на себя, он совершал тайные магические действия. *«... У нас Андрей Звонарь коров отпускал, потом сама отпускала <...> А вот тут топор, тут ножик, замок. Вот когда скотину выпустишь, этот замочек берешь, залагаешь. И этот замочек кладешь в воду, в ручей, в такое место, чтобы его никто не шевелил. И вот, когда коров пасут, этот замочек сидит в ручье. Если замочек в сухо место положишь, коровы худо доят. А ножик кладешь для скота, чтобы звери скотину не шевелили. Распятие тоже медное в воду клали».*

Знающий пастух пас с «отпуском» — заклинанием в виде текста, записанным на отдельных листах или в тетради. С отпуском в первый день пастух обходил стадо: *«Был Василий Петрович Мелехов, он отпуск давал; в мае обходил стадо, с коров состригал шерсть, шерсть запекали с хлебом и по щепотке кормили с каравая коров, чтобы вместе держались. Был старичок Андрей Лаврентьевич, Зверем звали, он тоже отпуск давал. Трубу [пастуший рожок] давали в отпуск. Делали трубу: дудку из ольхи, рожок из бересты. Рожки большие, далеко слышно. Ты, как затрубил, коровушки выходят. Назывался “рожок”»* (Н.П. Капустин).

Во времена колхозов пастухи назначались, и нередко новоиспеченный пастух просил о помощи пастуха-профессионала, который, оказывая ее, выступал посредником: втайне он совершал магический обряд и налагал на пастуха запреты. Нарушение пастухом запрета грозило суровым наказанием со стороны лесового. Так, Н.П. Капустин, взявший отпуск у В.П. Мелехова, нарушил запрет — сменил колокол, когда искал потерявшуюся корову, и вдруг *«все загудело, лес наклонился до земли, такая сходилась погода страшная, как все будто с ума сошло...».*

Текст отпуска хранился у пастуха; видеть и тем более читать его посторонний не мог, иначе отпуск терял силу: *«Отпуск боялись брать. Отпуск обязательно надо передать другому. Отец [Василий Петрович Мелехов], когда умирал, просил взять отпуск маму [Алену Максимовну], она не взяла, так он все никак помереть не мог, и попросил маму принести полено, вот ему [полену] передал»* (Л.В. Мелехова).

В 2002 г. экспедиции Института Наследия удалось увидеть тетрадь с отпуском и переснять текст на цифровую камеру. Тетрадь с записью пастушьего заговора предоставила участникам экспедиции Александра Степановна Юрьева (1914 г.р.), жительница д. Горбачихи. Тетрадь принадлежала ее мужу, Михаилу Федоровичу Юрьеву (1913–1982), который в 1950-х гг. был колхозным пастухом. Отпуск записан в ученической тетради на 14 страницах; карандашный текст обведен фиолетовыми чернилами. Запись датирована 1957 г., текст подписан Юрьевым, что можно считать знаком принадлежности данного отпуска. Михаил Федорович, по всей видимости, взял отпуск у какого-то опытного пастуха, обвел карандашный текст чернилами машинально, поскольку некоторые слова при переписке утратили смысл. Текст записан без знаков препинания, многие слова не отделены от предлогов.

Особенность данного текста — его нацеленность на сохранение «скота — колхозного и крестьянского живота», что во многом объясняется еще живой традицией, а также теми жесткими мерами, которые применяли власти к пастухам в случае пропажи коровы или быка. Так, когда у Михаила Федоровича из стада пропал бык, колхоз забрал у него зимовку (зимнюю пристройку к дому).

Данный отпуск — не просто механическое соединение отдельных пастушьих заговоров: это сложенный развивающийся текст, стилистически однородный, имеющий начало и конец. Текст состоит из семи частей, каждая из которых заканчивается словами: «Аминь, аминь, аминями заключается». Первая часть — обращение ко всем святым с перечислением того, что просит пастух; вторая — обращение к Богородице с просьбой прикрыть стадо ризами, третья — просьба к Илье Пророку отстрелять диких зверей, четвертая — обращение к Господу с просьбой наслать «мелединских» кобелей, чтобы те прогнали с поскотины диких зверей и отвели им глаза от стада; пятая — заговор на то, чтобы коровы держались вместе; шестая — проклятье «порченникам»; седьмая — обращение к Господу, чтобы он оградил стадо огненной рекой и высоким тыном и повелел Петру взять золотые ключи, замкнуть стену вокруг стада и спрятать те ключи на престоле Иисуса Христа. Все части отпуска связаны одной темой — просьбой защитить «милый скот, колхозный и крестьянский живот»; содержание каждой — описание какого-то конкретного способа защиты. При кажущейся самостоятельности частей это единый текст, где контаминация определяет и усиливает магическое значение слова. В тексте соединены элементы молитвы и заговора. Начинается отпуск обращением к широкому пантеону христианских святых.

Далее определяется роль святого в обереге скота, что соответствует народным представлениям о небесных заступниках и конкретных функциях каждого из них (Богородица прикрывает пеленами, Илья Пророк отстреливает стрелами и т.д.). В заключении приводится подробное описание магических действий, являющихся непосредственным продолжением заклатья, где языческие элементы проступают особенно явно: «...взять у всякой скотинки сиры (серы. — *Н.В.*) в чистый воск закатать да ключ да замок да смертвую могилы земли да смуравейника игильки (иголки. — *Н.В.*) которому четыре дороги [муравейника на перекрестке] скота закрыть в поляну да кругом скота обойти собразом трижды посонцу и на то навсе наговаривать трижды воску положить на обе стороны ворот ключ на сторону надругую замок на обе стороны ворот земли положить топор на сторону на другую сторону ворот ножик наобе стороны огня расклась сквозь скота пропустить огонь вместо (в определенное место. — *Н.В.*) смахнуть замок замкнуть воск и замок и землю в бересто завирнуть и положить весь отпуск поскотины вземлю в определенное место держать до отпаса (конца выпаса. — *Н.В.*) да тут припась на землю да приговаривать как сей замок и отпуску люди не видели так бы нивидать моей поскотины и моего вышеписаного стада черных диких и разных припомяных (упомянутых. — *Н.В.*) разношерстных зверей медведям невидать моего выши писаного стада коровьего стада век повеку нивидать аминь аминь аминем заключаетцы всему отпуску сыну Господь Иисусу Христу ключ и замок».

Обязательность для отпуска письменного текста, его устойчивая композиция, традиционные персонажи, стилистика, наконец, особое отношение к отпуску (потайное хранение, передача из рук в руки) дает возможность рассматривать подобные тексты как памятники письменной народной культуры.

Покров (1/14 октября) возвращает нас к домашней обрядности, где вновь вступали в силу отношения хозяйки с дворовым. «В Покров хлев запирают, овец на зиму привязываешь. В этот день никому ничего не давать. Я заперла овец в Покров. Пришла соседка: “Дай мне хоть десять рублей в магазин сходить”. Дала. А овца принесла трех ягнят (у ней уж было рожено) — и всех покосило» (М.И. Нифонтова, д. Майлахта).

Хозяйка в этот день ставит скот, передавая его во власть дворовых: «Я закрываю скотину так...: Прежде подхожу к хлеву и помолось, запускаю скотину и говорю: “Вот вам, хозяин и хозяйшка, моя милая хорошая скотинушка, пойте и кормите, днем и ночью стерегите. Днем носите клочками, а ночью возите возами” (и это уж я каждый день говорю, когда закрываю хлев)» (Е.М. Мелехова). Это заклинание у каждой хозяйки варьируется. Обращение к «хозяину» и «хозяйке» объясняется поверьем: если «хозяин» не влюбит лошадь или корову, то отнимает у них еду. «Жихарь, котору любит животину, так сена принесет, а котору не любит — сено заберет. Если совсем не любит животину, колокол привязывали, так всю зиму с колоколом и стоит» (Е.М. Мелехова).

Беседы с жителями Кенозерья показали, что даже при фрагментарно сохраняющихся хозяйственных традициях соблюдаются обычаи, обрядовые действия, призванные сохранять животных. Пока хозяйка держит скот, она следует и традициям, которые существуют в единстве различных обрядовых и словесных жанров.

Традиционные хозяйственные занятия во многом обусловлены природными особенностями. Сами жители говорят: «Когда земли стали осваивать, я даже не знаю, но знаю по догадкам: из-за леса и из-за озера. С леса все брали: слюду, деготь, пушнину, мясо. А тут (в озере. — *Н.В.*) была рыба. А земля здесь плохая. Хлеб покупали за рыбу, за все — торговали» (А.Д. Макарова, д. Орлово, 1999).

Лес играл и продолжает играть важную роль с жизни жителей Кенозерья, а потому продолжают широко бытовать древние поверья, связанные с лесом и его хозяином. Лесовой (леший) по сравнению с христианскими святыми — сниженный образ, восходящий к язычеству. Будучи хозяином леса, он живет своим домом с хозяйкой и малыми деточками и любит подарочки (в подарочный узелок для него кладут «золотиночку» и конфету). Когда потерялась корова, по наущению матери Л.В. Мелехова снесла такой узелок в лес со словами: «Царь лесной, царица лесная с малыми детками, я вам помолюсь и покорюсь. Я пришла к вам не пустая, а с гостинцем, подарочком, подарочек не простой, а золотой, для ваших деточек. Спасите и сохраните мою скотинку, на правильный путь домой заговорите».

К лесовому может обратиться всякий, идущий в лес. Камерность этого вида заговоров проявляется в их широком варьировании: это всегда просьба, где важно проявить уважение к лешему, назвав его хозяином, сообщить о подарке и высказать пожелание. Это своего рода лесничий, который следит за соблюдением бытовых правил: не кричать в лесу, не разжигать на тропях костров, проситься на ночлег в лесную избушку, не браниться (само слово «леший» в местной традиции считается бранным). Нарушение правил грозит наказанием: он может спрятать скот, сбить с дороги, завести в чащобу. Каждый из запретов имеет здравый смысл, суть их — бережное отношение к лесу. Устные рассказы, содержащие запреты при посещении леса, могут рассматриваться как одна из форм воспитания экологического сознания.

По древним поверьям, от лесового зависела и успешная охота. Охота — дело потаенное, и связана она с соблюдением ряда правил, например стараться, отправляясь на охоту, никого по дороге не встретить. Юрий Васильевич Макаров (д. Лекшмозеро), бывший лесник, убежден, что «все лесники, особенно все охотники, делятся на охотящихся с Богом и охотящихся с лесом. Если всю жизнь с Богом охотишься, значит с Богом и бояться тебе нечего, и передавать никому ничего не надо. А если охотишься с лесом, то это опаснее, и нужно обязательно передавать все своим сыновьям или др. приемникам». «Кто с богом ходил (на

охоту), тот брал с собой крест, а кто с лесом ходил, тот ведь не мог креста носить. У них на шее вместо креста рысий коготь висел» (Ю.В. Макаров).

Охотник у знающего человека мог взять «статью», охотничья статья сродни пастушескому отпуску. Если охотник собирался охотиться со статьей, он налагал на себя запрет, например: не пометать капканы прутьями. Наказание могло быть суровым. Н.М. Болознев рассказывал: «Меня дед предупреждал: Будешь охотиться — не бери никаких статей. Если провинишься — завернет под кокору». Его же рассказ «Как охотник нарушил “колдовство”, которое взял у тещи»: охотник поставил капкан на лисий след да побоялся, что «погода падет», сломал прутья и пометил капкан. «Как лес загнулся, до того меня начал хлестать. Я, говорит, до того убежал, до первых росстань, чуть не убило. Пришлось переодеть платье на левую сторону».

В обычаях и поверьях, связанных с лесом, прослеживаются особенности мировоззрения, в котором переплелись православие и язычество, вера в святых покровителей и вера в «хозяев» природных угодий. Как высказался один из информантов — Н.А. Куколев (д. Лекшмозеро): «Всем руководит природа, а не человек. Природа руководит всей жизнью».

Вода, озеро в жизни кенозёр имели первостепенное значение: с озера кормились. Кенозерье славилось многообразием видов рыбы. Рыба была меновым товаром. Она составляла основной рацион питания. Жизнь на озере породила одно из повсеместно развитых мужских ремесел — изготовление лодок. Это уникальное ремесло, которое важно зафиксировать, используя современные технические средства. Такого же внимания требует описание местных способов ловли рыбы, наблюдений и примет, связанных с рыболовством.

К сожалению, мало известно о верованиях рыбаков Кенозера. Хотя можно еще услышать немало рассказов о русалке, которая на закате выходит из озера, садится на камень и расчесывает свои длинные волосы. В 1966 г. в Першлахте была записана сказка о том, как в сети попался водяник. Мужики собрались вытащить его на берег, а тот забормотал: нет-нет-нет. Когда же спросили: «На берег тебя?», тот в ответ послышалось: да-да-да.

Елена Максимовна Мелехова рассказала о поверьях рыбаков, связанных с Оньковым озером (близ Зехнова): «Пойдешь ловить, то ни с кем не говори и чтобы тебя никто не видел. А пришел с кем-то — не говори. Если оборвется рыбка — не ойкни, а ойкнул — можно возвращаться: ни одна рыбина больше не клюнет». Она же рассказала об обряде окуривания сетей перед ловом рыбы и сопровождавшем его заговоре. Повсеместно существовал запрет на купание в озере после захода солнца: в это время озеро спит. К воде обращались со словами: «Вода кормилица, прости мою душу грешную. Думой подумаю, мыслей подумаю, отдаю мое хорошее, возьми мое плохое». Водой, взятой на заре, лечили болезни. Во всем этом прослеживается отношение к воде как к воплощению чистоты и здоровья. Это тоже традиция, которая призвана охранять озеро.

Народ-философ

Много лет я использовал сказочные сюжеты карельских, заонежских, поморских сказок при чтении курса истории религии и атеизма в педагогическом институте будущим учителям; которые, как я считал, должны будут формировать духовный мир поколения XXI века с новым мышлением. Философы, кибернетики по-разному его называют — синергетическое, натурфилософское. Это мышление, которое признает единство природного и социального, вселенского и микроскопического, признает общие универсальные законы и механизмы самоорганизации систем, законы цикличности, ритма, случайностей...

Сказка — след, оставленный на земле народом-мыслителем, народом-художником. Сказка — схематическая модель Вселенной. Народное искусство, народная педагогика, психология, астрономия и астрология, народная медицина, знание поведения животных — все подчинено философии универсума. В сказке народ размышляет и смеется.

Вот сказка «Кот, петух и лиса»... Знаем мы ее с детства. На первый взгляд, сюжет простой: Кот, уходя на работу в лес, наказывает Петушку не уходить из дома, остерегаться Лисы. Но Петушок соблазняется песенкой плутовки и попадает к ней в лапы. Кот выручает Петуха, и все повторяется сначала. По привычке хочется назидательно сказать: «Вот что получается, когда не слушаешься старших!». Конечно, сказка учит, в ней заложены нравственные и педагогические начала, но есть в ней и более глубокий слой. Ситуация уныло повторяется трижды, каждый раз Петушок дает клятвенное обещание не высовываться в окошко. Но как только появляется Лиса, он начинает прыгать, выглядывать в окошко и снова и снова попадает в лапы соблазнительницы: и «несет она его за горы высокие, за леса дремучие». В безнадежности сказительница даже не находит каких-нибудь новых слов оправданий Петуха. Каждый раз после избавления он повторяет: «Не пойду больше, не выйду, нет! Не буду...».

Для сказительницы уже утрачен глубинный, философский смысл бессмысленного поведения Петуха. Но попробуем его восстановить, как мы его понимаем.

Кот есть выражение Бытия, устойчивого, сложившегося уклада жизни. Обозначим это как замкнутую статичную систему, своего рода аттрактор, как называют в синергетике завершившийся этап развития, конечное состояние устойчивости. Сказительница говорит об этом так: «Жили-были, жили-были...», как бы подчеркивая продолжительность времени, в течение которого сложился устойчивый стереотип жизни: Кот ходит на работу, заботится о доме, хозяйстве. На эту формулу сказки обратили внимание Д.С. Лихачев, А.А. Шайкин, Е.М. Неелов и др.

Петух — расшатывающее эту систему начало, разрушение стереотипов. Сказка подчеркивает его динамическую сущность, подвижность, стремление к нарушению запретов. Сказительница так и говорит о нем, как о попрыгунчике: «И давай прыгать! Прыгал, прыгал и на окно вскочил...»¹. Или: «Ко-ко-ко, не боюсь я никого! Лиску убью, себе шубку сошью, курочкам по шапочкам, маленьким ребятам по тапочкам. Как прыгнет...»². Он — фактор нестабильности и, следовательно, фактор развития. Неслучайно Петух — символ солнца, нового дня, начало становления. Сказка подчеркивает его подвижность, стремление к нарушению запретов, неуправляемость. Он — олицетворение Хаоса, беспорядочного состояния материи³.

А вместе — Кот и Петух образуют единое понятие — Бытие-Становление. Бытие характеризуется порядком, устойчивостью, Становление — развитием, эволюцией.

Естественно, Бытие, как всякая устойчивая система, сопротивляется всяким флуктуациям, вольностям, отходу от сложившихся правил. И сказка это хорошо отразила в самоотверженном поведении кота, спасающего Петуха с опасностью для своей жизни. Это отчаянная попытка спасти систему, вернуть ее в состояние равновесия. Сказка — не учебник по философии. Она отражает лишь эвристический характер мышления народа, его стремление понять «начало вещей».

Но есть еще один важный аспект этой сказки — повторяемость ситуации, связанной с похищением Петуха. Она повторяется три раза. Сказочная триада демонстрирует нам идею повторяемости. Это сознательный ход сказочного сюжета, интересная находка сказочной традиции. Повторяемость истории... Она подчинена законам цикличности. Структуралисты истории выделяют циклы 144-летние, 36-летние и 12-летние.

Категорию развития философия трактует как необратимое, закономерно-направленное изменение⁴. Народная философия интуитивно понимала его значительно шире и богаче (она включает в себя регрессы, топтание на месте, прорывы вперед, отрицание старых форм и их апологию, циклы, кружение по кругу). Древняя идея циклов предельно ясно выражена Екклесиастом: «Что было, то и будет; и что делалось, то и будет делаться, и нет ничего нового под солнцем. Бывает нечто, о чем говорят: “Смотри, вот это новое”; но это было уже в веках, бывших прежде нас» (Еккл. 1:9-10). Это-то движение по кругу и показывает нам сказка.

Примечания

¹ Карельские народные сказки. Л., 1967. С. 33.

² Сказки Заонежья. Петрозаводск, 1986. С. 183.

³ Мифы народов мира. М., 1988. Т. 2. С. 580.

⁴ См.: Философский словарь. М., 1983. С. 561.

Об отношениях крестьян с органами государственной власти: закон, обычай, практика (на примере Каргопольского и Пудожского уездов в 1820-х годах)

Как заметил Игорь Христофоров в своей новаторской монографии, мир крестьян, «замкнутый, непрозрачный, не вполне доступный для понимания, а значит и контроля... был главной проблемой, с которой на протяжении XIX и начала XX вв. пришлось иметь дело государственной власти и обществу»¹. В дореволюционной научной литературе этот мир либо идеализировался, либо осуждался, иногда одни черты его романтизировались, другие порицались. В советский период он однозначно идеализировался. В постсоветский период, открывший эру плюрализма в исследовательских подходах, российские историки обратились к реконструкции реальной практики взаимодействия власти и крестьянских обществ императорской России.

Как выясняется, одной из ключевых проблем этих отношений по-прежнему оставалась проблема взяток, но если традиционно всю вину за это исследователи возлагали и до сих пор возлагают на чиновников-вымогателей², то сегодня все чаще начинают высказываться мнения, что в этом не менее виноваты и дававшие взятки (в т.ч. и крестьянские общества)³. Ученые отмечают, что взятки, «подношения» и «подарки» со стороны крестьянских миров были будничным и повсеместно распространенным явлением в первой трети XIX в., и это несмотря на жесточайшие наказания как для берущих, так и для дающих взятки, которые были введены еще Петром I и продолжали действовать в рассматриваемый исторический период.

Одной из главных причин этого явления была непродуманность действовавшего законодательства, которое крестьяне посредством взяток пытались обойти. Ярким тому примером является законодательство, регламентировавшее в конце XVIII — начале XIX в. виды земских и мирских податей и повинностей, их размеры и процедуру формирования. Правительство же, в свою очередь, полагало, что чем более оно урегулирует эту сферу, тем более оградит крестьян от незаконных или излишних сборов. Однако на практике созданное законодательство оказалось крайне обременительным для крестьян, которые в массовом порядке его нарушали.

С определенного времени правительство стало бороться с этим явлением⁴. Например, в одном из указов 1817 г. писалось, что «волостные головы будучи избираемы из зажиточных и значущих в обществе крестьян, снискав себе покровительство членов земского суда и угождая зажиточным же, имеющим в обществе голос крестьян, с поддержкою тех и других остаются в звании на несколько

лет, под видом, что общество ими довольно и перемены не желает; и вместо того, чтобы ежегодно давать отчет в собираемых ими деньгах, общество не имеет от них требовать... От чего бывает... что общества не прежде приступают к проверке их счетов, когда возникшие на них жалобы достигают высшего начальства в губернии и оно принимает меры к их удалению: тогда уже общества насчитывают на голов немалотысячные суммы, которых и взыскивать с них бывает невозможно»⁵. Борьба эта оказалась малоуспешной: суды всех инстанций были завалены подобного рода делами, а жестокость наказаний, применяемых к должностным лицам крестьянского самоуправления за незаконные и излишние сборы, не достигала главной своей цели — «чтоб другим неповадно было». Не случайно, начиная с 1826 г. правительство стало искать выход из ситуации, постепенно изменяя законодательство⁶. Как это делалось, можно увидеть даже из приведенных ниже примеров, но прежде — несколько слов об источниках, использованных при создании этой статьи.

Исследователи, изучающие практики взаимоотношений между властью и крестьянами в первой половине XIX в., либо основываются на документах крестьянского вотчинного делопроизводства, либо на судебных делах. Однако если первые слышат только «голос» самих крестьянских общин, то вторые имеют возможность услышать и «голоса» чиновников. Мы присоединились к последней группе исследователей, отобрав уголовные дела, по которым проходили крестьяне, жившие когда-то на территории так называемого большого Кенозерья (или бывшей Кенозерской вотчины конца XVIII в.), а в 1820-х гг. — на территории Каргопольского и Пудожского уездов.

К сведению: с 1801 г. Кенозерская вотчина (в состав которой до этого входили приходы: Лекшмозерский, Долгозерский десяток, Тайбольский десяток, Почезерский, Ржелахтинский десяток, Кривопочский, Тамецко-Лахтинский десяток и бывшая экономическая деревня Першлахты) отошла окончательно к Олонецкой губернии, но при этом была разделена между Каргопольским и Пудожским уездами. На начало 1820-х гг. (по данным 7-й ревизии 1815–1817 гг.) ее большая часть находилась в составе Пудожского уезда как Кенозерская вотчина (включавшая, в свою очередь, в себя Кенозерскую, Почезерскую, Кривопольскую, Кенорецкую волости и деревню Першлахты), в которой числилось 1633 мужских ревизских душ. Ее меньшая часть находилась в составе Каргопольского уезда Ошевенской вотчины как Кенозерская волость (в которой числилось 686 мужских ревизских душ и 687 женских (по данным Н. Тормасовой, 682 и 715, соответственно)⁷.

По Каргопольскому уезду только по описям Олонецкой палаты уголовного суда (с 1836 г. Олонецкая палата уголовного и гражданского суда)⁸, мы насчитали не менее 9 дел о злоупотреблениях выборного крестьянского самоуправления, рассматривавшихся или начатых в 1820-х гг. Из них, в свою очередь, было выбрано наиболее показательное дело «О незаконных сборах с крестьян Карго-

польского уезда Ошевенской волости», по которому также проходили старосты Кенозерской волости.

Во время инспекции в октябре 1823 г. Каргопольского уезда олонецкий губернатор А.И. Рыхлевский среди прочих выслушал жалобу крестьян на то, что их волостной голова Федот Пакшин и сельские старосты Ошевенского и Егорьевского приходов собирали в этом году деньги: а) сверх установленного земской сметой на содержание волостного правления и земских изб; б) незаконно — на лошадей для разъездов земского суда, на подарки членам земского суда, а также «на вино и пряники мирским людям» при сходах. Сверх того, Ф. Пакшин собирал средства на постройку волостного дома и обывательскую гоньбу по договорам, заключенным его отцом Василием Пакшиным с крестьянами «за неумеренную плату».

Следователи, назначенные Олонецким губернским правлением на следствие, во время его проведения привлекли по делу не менее 11 человек, в т.ч. 9 из них были с 5 октября 1824 г. посажены под стражу в городскую тюрьму (в это число вошли волостной голова Федот Пакшин, от Ошевенского прихода — староста Федор Широких, пятисотский Алексей Долин, соцкий Яков Заусаев, земский писарь Н. Попов, крестьяне-сборщики денег — Леонтий Широких и Дмитрий Попов; от Верхнечуровского и Егорьевского приходов — Трофим Морозов и земский писарь Михаил Попов). Доказательством их вины стали мировые приговоры (в т.ч. на «подарки» чиновникам «за послабление во взыскании податей» и за невысылку на ремонт дороги в летнюю страду). Более того, следователи установили, что Ф. Пакшин, Ф. Широких и Т. Морозов попытались скрыть незаконные сборы, подделав решение мирского схода от 10 февраля 1823 г. о том, что они якобы собирали деньги на законные потребности, и сами же приложили под ним «руки» за крестьян. В ходе расследования были опрошены крестьяне и проверена документация волостных и сельских управлений и в соседних волостях/приходах, где также были установлены аналогичные сборы. В результате было привлечено еще не менее 14 человек (в т.ч., например, старосты Кенозерского и Краснояжского приходов). Дополнительно ко всему каргопольский уездный стряпчий Абрамов сделал «вынос» на земского исправника Андрея о том, что тот брал с крестьян деньги на десятских, а также требовал высылки крестьян на ремонт дороги в самое страдное время. На очных ставках с подследственными Андреев и Абрамов в принятии подарков и в том, что знали о незаконных сборах, не сознались, а крестьяне-общинники, как замечали следователи, и не требовали вернуть им обратно собранные с них излишне деньги. Материалы следствия были переданы в Каргопольский уездный суд в марте 1824 г.

Последний своим решением от 20 октября 1824 г. признал всех выборных виновными и приговорил: а) 9 арестованных к плетям, но с оставлением их при своих селениях, б) Василия Пакшина, отца вотчинного головы Федора Пакшина, и его самого, кроме этого, за принятие на себя подрядов на строительство

дома для волостного правления и обывательскую гоньбу выдержать в градской тюрьме под стражей две недели, в) старост других приходов (в т.ч. Кенозерского) лишь выдержать в тюрьме, т.к. сборы на волостных и сельских писарей сверх положенного им жалованья, на десятских, сторожей и рассыльных, а также на обывательскую гоньбу делались «по согласию» крестьян. Суд также вынес особое постановление об Андрееве и Абрамове, полагая, что хоть они ни в чем и не признались, маловероятно, чтобы они не знали о производимых крестьянами излишних и незаконных сборах, поэтому их судьбу должны решить их губернские начальники. Те, в свою очередь, с позволения генерал-губернатора С.И. Миницкого удалили их от должностей, дело же по установленной процедуре ушло на ревизию в Олонецкую уголовную палату⁹.

Казалось бы, данное следствие и арест должны были привести к тому, что крестьяне Каргопольского уезда прекратят сбор денег на эти предметы, но ничего подобного не произошло. В судебных местах Олонецкой губернии, а затем в Сенате рассматривалось три аналогичных дела: 1) в 1832–1844 гг. «о незаконных сборах денег с крестьян 7 волостей Каргопольского уезда в течение 1824–1826 гг.», в числе которых вновь упоминалась Ошевенская волость¹⁰; 2) в 1828–1832 гг. — «о противозаконных сборах и расходах денежных сумм с крестьян Большешальской волости Вахтомской вотчины Каргопольского уезда и других волостей в производстве сельскими начальниками в подарки чиновникам сборов»¹¹; 3) в 1828–1830 гг. — «об излишних сборах денег с крестьян Бережнодубровской волости, собранных сельскими старшинами за 1-ю половину 1828 г.»¹².

По Пудожскому уезду только по описям Олонецкой палаты уголовного суда мы насчитали не менее 5 дел о злоупотреблениях должностных лиц в сфере крестьянского самоуправления, находившихся уже в производстве или начатых в 1820-х гг. Из них обратим особое внимание на одно, которое было возбуждено по предложению сенатора Д.О. Баранова.

Ревизовавший по приказанию сенатора делопроизводство волостных правлений Пудожского уезда коллежский советник Дурасов в конце 1828 г. донес сенатору, что в Кенозерской и Пудожской вотчинах производились в 1824–1826 гг. излишние сборы, в частности — на жалованье вольнонаемным писарям, сторожам и рассыльным¹³. Кроме этого, крестьяне Пудожской и Купецкой волостей пожаловались ему, что с них сверх положенного по табели податей собираются и в 1827 г. излишние поборы даже без мирских приговоров, а именно: 1) в Купецкой волости — пудожскому земскому исправнику Болтенкову 366 руб., вотчинному голове Ипатову — 50 руб., уездному стряпчему Харитонову — 8 рублей; 2) в Пудожской волости — земскому исправнику Болтенкову — 65 руб., его писарю — 5 руб., вотчинному писарю — 10 руб. Исправник Болтенков в результате допроса признался Дурасову только в том, что брал деньги с крестьян Купецкой волости, но объяснил, что взял эти деньги, чтобы передать их двум крестьянам, согласившимся отправлять гоньбу вместо крестьян Купецкой волости. В при-

нятии же «подарков» по Пудожской вотчине он не сознался. Другие чиновники категорически отрицали факт приема денег «в подарок»¹⁴.

В ответ сенатор Баранов 30 декабря 1827 г. предложил соответствующим губернским присутственным местам немедленно произвести формальное следствие, а сам донес государю рапортом от 13 февраля 1828 г. о принятых им мерах по отрешению от должности и преданию суду Болтенкова, Харитонова и волостных начальников. Самые тяжкие обвинения были выдвинуты против Болтенкова, который обвинялся не просто в получении с крестьян денег за обывательскую гоньбу, но и в принуждении их к сбору на эту повинность¹⁵; а также «в неприличном посредстве в получении денег при найме крестьян на таковую» и «в лихоимстве по рекрутской повинности»¹⁶. Впрочем, далее в своем рапорте он замечал, что такие денежные сборы происходят «почти повсеместно» по всей губернии, и поэтому он по согласованию с Комитетом о земских повинностях составил проект о замене натуральной повинности по исправлению обывательской гоньбы денежным сбором в Олонецкой губернии. Это, полагал сенатор, приведет к тому, что обывательская гоньба, прежде стоившая каждой крестьянской душе от 2 до 7 руб., после введения денежного сбора, который будет вноситься в роспись земских повинностей, будет обходиться не более 88 коп. Хотя этот сбор, как и прочие сборы, противоречит действующим законам, продолжал сенатор, введение его предлагается «не от злоупотреблений, сколько от самой необходимости»¹⁷. Инициатива сенатора, как ни странно, вскоре была положительно решена: указом Сената от 13 июня 1828 г. для Олонецкой губернии этот сбор в виде исключения был допущен¹⁸.

Как же сложилась дальнейшая судьба чиновников и должностных лиц крестьянского самоуправления по упомянутым делам?

Наиболее сложным по рассмотрению оказалось дело «О незаконных сборах с крестьян Каргопольского уезда Ошевенской волости», решение которого затянулось до 1829 г. Ход этого дела наглядно показывает, как могло кардинально меняться наказание в разных судебных инстанциях. Олонецкая уголовная палата, куда, как мы помним, ушло это дело на ревизию, своим решением от 22 января 1824 г. мнение уездного суда кардинально изменила. Губернский прокурор Ф.М. Желябужский, опротестовавший это решение, например, писал, что Палата «во всех частях опровергла» решение уездного суда, «не вникнув в дело», а злоупотребления, открытые следователями, «сделала ничтожным происшествием». В частности, наказание старостам, сборщикам и писарям плетью было заменено на 30 ударов палками, а отцу и сыну Пакшиным — одному по старости (58 лет), а другому по молодости (25 лет) — было вообще отменено (!)¹⁹. Их было предписано выдержать в тюрьме и запретить впредь выбирать, «яко корыстолюбцев», в любые должности по крестьянскому самоуправлению. Всего же, указывал прокурор, Палата определила виновными из крестьянских выборных вместо 26 человек 12, оправдав остальных (в их числе оказались и старосты Кенозерской

и Карбозерской вотчин). В отношении же каргопольских земского исправника Андреева и уездного стряпчего Абрамова Палата, хотя и согласилась с мнением уездного суда, но, вменив им в наказание удаление более года от должностей, допустила их в будущем к занятию должностей в земской полиции. В заключении прокурор полагал, что таким приговором Палата сделала «попоровку» (поблажку) подсудимым.

Палата весьма резко отреагировала на протест Желябужского и оставила свой приговор в силе. Тогда прокурор представил свой протест губернатору, а также донес о своем несогласии с приговором Палаты министру юстиции. Олонецкий губернатор Т.Е. Фан-дер-Флит с прокурором согласился и признал приговор Палаты «несообразным с законами». Он писал, например, что по действующим законам крестьяне должны были быть приговорены: 1) старосты Ф. Широких и Т. Морозов, пятисотский А. Долин за сбор денег (на строительство волостного дома и земских изб, обывательскую гоньбу и подарки чиновникам) и дачу их земским чиновникам в «подарки» — к гражданской смерти, наказанию кнутом и высылке в Сибирь (первые два — «вечно в каторжные работы», а последний — «на поселение»); 2) волостной голова Ф. Пакшин и земский писарь Н. Попов, хоть и не признались в поборах, которые были «чинимы старостами», за одно только составление фальшивого приговора 10 февраля 1823 г. — к 25 ударам плетьюми и недопущению впредь к должностям; 3) писарь М. Попов за составление при неграмотном старосте Морозове приговоров на незаконные сборы и за получение 20 коп. с души «себе в жалованье» без приговора — к 20 ударам плетьюми и потере права в будущем занимать подобные должности; 4) крестьяне-сборщики Д. Попов и Л. Широких — к заключению на 2 недели в тюрьме «на хлебе и воде» и запрету на выборные должности; 5) Василий Пакшин за принятие на себя подрядов за «неумеренные цены» — к заключению на год в тюрьме, а после — к общественным работам в течение месяца. Каргопольских земского исправника Андреева и уездного стряпчего Абрамова, как недоказанных в лихоимстве, но не оправдавшихся в незнании о сборах, губернатор считал необходимым отрешить от должности и впредь к таковым не допускать.

Дело по несогласию губернатора с решением Палаты ушло 9 августа 1825 г. на рассмотрение в V уголовный департамент Сената. Первое решение сенаторы вынесли 10 февраля 1826 г. Они согласились с мнением губернатора, но решили смягчить наказание некоторым крестьянским выборным. Например, старосты Ф. Широких и Т. Морозова и пятисотский А. Долин были приговорены к плетям (первые два — к 30 ударам, последний — к 25) и высылке в Сибирь на поселение, а их имущество следовало продать и вырученные деньги вернуть тем крестьянам, с которых они незаконно взыскивали деньги. Однако при подписании журнала 19 мая 1826 г. некоторые сенаторы не согласились с этим приговором: одни считали, что все крестьянские выборные, а также земские чиновники Андреев и Абрамов подпадают под коронационный манифест от 22 августа 1826 г.

и поэтому должны быть прощены; другие полагали, что Андреев и Абрамов не должны допускаться к должностям; третьи утверждали, что они могут назначаться в должности, но только не в те уезды, где происходили незаконные сборы. В связи с таким разногласием среди сенаторов дело в декабре 1826 г. ушло, в соответствии с существующей процедурой, на рассмотрение в Общее собрание Сената.

В 1827 г. это дело попало в поле зрения сенатора Д.О. Баранова, проводившего в 1827–1828 гг. ревизию Олонецкой губернии. Министр юстиции поручил сенатору проверить правильность возводимых на председателя Олонецкой палаты уголовного суда С.А. Башинского обвинений в изменении приговоров за взятки. Однако в рапорте Николаю I от 11 февраля 1828 г. Баранов лишь изложил суть этого дела, но мнения своего по нему не вынес, предоставив это сделать Сенату. Формальных же доказательств, уличающих Башинского во взятках, сенатор не нашел. Впрочем, на основании проведенной его сотрудником ревизии волостных правлений Каргопольского уезда в следующем своем рапорте царю от 13 февраля он донес, что во всех волостных правлениях этого уезда существуют «излишние против табели значительные сборы, но по доброй воле и согласию крестьян» и не постоянно, а «по надобности. Жалоб на начальство не имеется. На взятки или подарки никогда никому собираемо не было и не давали».

В ноябре 1827 г. Николай I, рассматривая представленные генерал-губернатором С.И. Миницким ведомости об арестантах по Олонецкой губернии, обратил внимание на то, что среди них уже четвертый год состоят волостной голова Федот Пакшин и земский писарь Петр Широких (они сидели в тюрьме, как мы помним, с октября 1824 г.). Император повелел вместо наказания отдать их в солдаты. Олонецкое губернское правление по распоряжению архангельского генерал-губернатора С.И. Миницкого²⁰ поспешило выполнить высочайшую волю.

Решение Сената по этому делу последовало в указе 21 мая 1828 г. В нем сообщалось, что сенаторы, выслушав в Общем собрании два дела («о произошедших в Каргопольском земском суде неудовольствиях между земским исправником Андреевым и уездным стряпчим Абрамовым по поводу сбора денег с поселян на содержание в городе обывательской гоньбы» и «о противозаконных денежных сборах с крестьян Ошевенской волости крестьянскими выборными и прикосновенными к сему делу Андрееве и Абрамове»), во мнениях, в очередной раз, разошлись и дело ушло в Государственный совет. Последний, в свою очередь, согласился с большинством сенаторов, которые полагали: 1) что крестьянские выборные виновны в противозаконных сборах, но, как подпадающие под Манифест 22 августа 1826 г., должны быть прощены; 2) что в отношении Абрамова и Андреева доказано только «слабое рассмотрение за крестьянским начальством», и поэтому они уже достаточно наказаны удалением от должностей и впредь могут быть допущены к службе «к прежним должностям или к другим по ведомству генерал-губернатора по его

усмотрению»; 3) что если, как следует из доноса уездного стряпчего Абрамова на земского исправника Андреева, он и допускал найм крестьянами возчиков и лошадей на разъезды земского суда вместо предоставления их натурой, как требует закон, то крестьяне делали это «по собственной воле» и такое деяние покрывается Манифестом 22 августа 1826 г.

Николай I, утвердив это мнение Государственного совета, создал любопытную юридическую коллизию — одним высочайшим повелением Пакшин и Широких отдавались в солдаты, другим — прощались. Это заметил олонецкий вице-губернатор Б.И. Пестель, возглавлявший в 1828 г. в г. Петрозаводске рекрутское присутствие, куда и поступили в солдаты Ф. Пакшин и П. Широких. Он распорядился приостановить исполнение второго «высочайшего» повеления и представил дело на разрешение к генерал-губернатору С.И. Миницкому, который ответил, что т.к. они лишь прощены, но не оправданы по суду, то их следует отдать в солдаты, тем самым исполнив волю государя. Тогда вице-губернатор обратился в Сенат с вопросом, как же поступить с крестьянами?

Своим решением от 16 февраля 1829 г. Общее собрание Сената окончательно решило судьбу Пакшина и Широких — сенаторы признали более правильным исполнить второе распоряжение царя²¹. Таким образом, ни каргопольские чиновники, ни выборные крестьяне по данному делу не понесли наказания. Следует, однако, учесть, что если чиновники были просто удалены от должностей и получали при этом, как находящиеся под судом, половинное жалование, то выборные крестьяне содержались в тюрьме (в т.ч. волостной голова Федот Пакшин и земский писарь Петр Широких около четырех лет, а затем еще несколько месяцев ожидали своей участи в солдатах).

Дела по Пудожскому уезду были окончательно решены в Сенате в 1829 г. следующим образом.

1. По жалобе крестьян Купецкой вотчины Пудожского уезда о взимании с них сбора за ямскую гоньбу сенаторы нашли Болтенкова виновным, но, учитывая смягчающие обстоятельства (он никем не уличен в присвоении этих денег; не более года состоит в своей должности и соответственно «неопытен в делах»; имеет заслуги на военной службе²²; уже отрешен сенатором Барановым от службы), распорядились вынести ему «сверх того» строгий выговор.

2. По жалобе крестьян Пудожской вотчины «в лихоимстве рекрутских денег» решено всех земских чиновников, включая Болтенкова, как не избалованных представленными по делу доказательствами, освободить от суда.

3. Хотя по законам за сбор денег на обывательскую гоньбу и «в подарок» волостных начальников и следовало «как лиходателей» телесно наказать и сослать в Сибирь, но «по уважению их сельской простоты» и учитывая то, что деньги не отдали чиновникам, принято решение «выдержать [их] в городской тюрьме с употреблением в работы в течение 1 месяца, а затем впредь ни к каким мирским должностям, кроме десятских, не избирать»²³.

Подытожим все выше сказанное. Приведенные примеры из судебных дел о злоупотреблениях выборных должностных лиц крестьянского самоуправления в 1820-х гг. наглядно подтверждают выводы исследователей о распространенности и обыденности незаконных и излишних сборов в крестьянской среде, в т.ч. на «подарки» чиновникам. Думается, такая практика была вызвана не только и не столько традицией, сколько несовершенным законодательством, которое крестьяне пытались всячески обходить. Также следует подчеркнуть, что среди волостного и сельского начальства были не в меньшей степени, нежели в чиновничьей среде, распространены такие пороки, как взяточничество, незаконное присвоение собранных денег, принуждение и обман. Таким образом, русские крестьяне отнюдь не являлись пассивными жертвами произвола российского чиновничества.

Примечания

¹ Христофоров И.А. Судьба реформы. Русское крестьянство в правительственной политике до и после отмены крепостного права (1830–1890-е гг.). М., 2011. С. 18–19.

² См., например: Гросул В.Я. «Лихоимство есть цель всех служащих...»: о злоупотреблениях местной власти Рязанской губернии накануне крестьянской реформы 1861 г. // Вестник РУДН. Серия: История России. 2011. № 1. С. 33–49.

³ См., например: Писарькова Л.Ф. К истории взяток в России (по материалам «секретной канцелярии» кн. Голицыных 1-й пол. XIX в. // Отечественная история. 2002. № 5. С. 33–49; Теряева Е.В. Должностные злоупотребления провинциального чиновничества в конце XVIII — первой половине XIX в. (по материалам Орловской губернии) // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2009. Вып. 2(70). С. 127–134; Корчина Е. «В честь взяток не давать»: почесть и «взятка» в послепетровской России // Российская история. 2015. № 2. С. 3–12.

⁴ По нашим подсчетам только с 1817 по 1827 г. было принято не менее 7 актов, категорически запрещавших крестьянам делать излишние или неустановленные законом сборы. Некоторые из этих указов были приняты в результате сенаторских ревизий (см., например: ПСЗ-1. Т. 34. № 26819; Т. 35. № 27395; Т. 38. № 29454; Т. 39. № 30177; Т. 40. № 30351, 30595; ПСЗ-2. Т. 2. № 1113).

⁵ ПСЗ-1. Т. 34. № 26819. Ему вторил и сенатор Ф.П. Ключаров в своей записке 1818 г., убедившийся в этом в ходе ревизии Тверской губернии в 1816 г. (см.: Сборник исторических материалов, извлеченных из архива С.Е.И.В. канцелярии. Вып. 7. СПб., 1895. С. 264).

⁶ Так, о начале эксперимента по распространению опыта управления удельными крестьянами на Санкт-Петербургскую и Псковскую губернии, в ходе которого, например, казенным крестьянам принципиально разрешили заменять натуральные повинности денежными, см.: ПСЗ-2. Т. 1. № 423 (п. 14).

⁷ См.: Национальный архив Республики Карелия (далее НАРК). Ф. 2. Оп. 41. Д. 2/10. Л. 17–26; Ф. 9. Оп. 1. Д. 245/2540. Л. 82–89; Ф. 27. Оп. 2. Д. 57/4. Л. 73–112; Административно-территориальное деление Архангельской губернии и области в XVI–XX веках. Архангельск, 1997. С. 72–73; Тормасова Н. Каргополье: история исчезнувших волостей. Каргополь, 2011. С. 37 (табл. II).

⁸ НАРК. Ф. 655; 9.

⁹ Там же. Ф. 1. Оп. 36. Д. 25/14. Л. 1–25; Ф. 183. Оп. 1. Д. 6/83. Л. 11–12; Ф. 9. Оп. 1. Д. 292/2844. Л. 62–86, 202.

¹⁰ Там же. Ф. 9. Оп. 1. Д. 245/2540.

¹¹ Там же. Ф. 1. Оп. 36. Д. 31/7; РГИА. Ф. 1345. Оп. 105. Д. 57; ГАРФ. Ф. 109, 1 экспедиция. Оп. 4 (1829 г.). Д. 143.

¹² НАРК. Ф. 655. Оп. 1. Д. 138/1116.

¹³ Кстати, в 1830 г., как видно из представления Олонецкой казенной палаты в Олонецкое губернское правление, Контрольное отделение, ревизовавшее в этом году книги и документы волостных правлений Устьмошской, Кенозерской, Карбозерской и Пудожской волостей Пудожского уезда за 1825–1826 гг., наличие этих излишних и незаконных сборов подтвердило и подробно описало. Оказалось, что всего был допущен перерасход более, чем в 4 тыс. руб. Следствие и суд длились с 1830 по 1841 г. (!). Чем закончилось это дело, по обнаруженным в архивах документам понять сложно; но важно подчеркнуть, что все крестьяне «единогласно» показывали следователям, что приговоры были učinяемы им «с доброго согласия и без принуждения» (см.: НАРК. Ф. 655. Оп. 1. Д. 141/1147; Ф. 9. Оп. 1. Д. 252/2583).

¹⁴ НАРК. Ф. 2. Оп. 68. Д. 344. Л. 55–66.

¹⁵ О том, как волостные начальники вынуждали крестьян собирать деньги на обывательскую гоньбу, есть интересное свидетельство крестьянина Устьмошской вотчины того же Пудожского уезда Сергея Яковлева. В своей жалобе, полученной Олонецким губернским правлением в январе 1828 г., он жаловался, что «по позыву» своего старосты пришел в земскую избу для собрания. Вотчинный голова Василий Пуминов выставил крестьянам полведра вина и после его «выпития», подговорив некоторых своих «союзников», стал уговаривать крестьян собрать с их волости, как и в прошлом году, себе на обывательскую гоньбу по 75 коп. с души. Он — Яковлев, — понимая, что входить в этот подряд Пуминов не имеет права, не согласился, за что «союзники» головы — Федор Афанасьев и товарищи — «схватя его в виду мирского общества били бесчеловечно», а потом, связав, отвели под стражу и заперли в холодную избу. На все это он жаловался в Пудожский земский суд, но земский исправник Болтенков никакого следствия не учинил, поэтому Яковлев и вынужден был жаловаться в Правление. Крестьянин просил учинить следствие по делу о содержании Пуминовым ямской гоньбы, а самого его от должности удалить. Правление вынесло решение — затребовать у земского суда объясне-

ние и произвести немедленно расследование (см.: НАРК. Ф. 2. Оп. 68. Д. 346. Л. 594–595).

¹⁶ РГИА. Ф. 1409. Оп. 2. Д. 5206. Л. 19; НАРК. Ф. 2. Оп. 68. Д. 344. Л. 315–320; Ф. 4. Оп. 44. Д. 60/691. Л. 71–77.

¹⁷ РГИА. Ф. 1409. Оп. 2. Д. 5206. Л. 18; Ф. 1286. Оп. 4. Д. 522 (1828 г.). Л. 2, 19–21; ГАРФ. Ф. 109, 4 экспедиция. Оп. 167 (за 1827 г.). Д. 123. Л. 143–147; НАРК. Ф. 2. Оп. 68. Д. 362. Л. 477.

¹⁸ ПСЗ-2. Т. 2. № 2102; НАРК. Ф. 655. Оп. 1. Д. 139/1123. Л. 126–128.

¹⁹ Хотя по законам Российской империи возраст привлечения к уголовной ответственности определялся с 7 лет. С 70 же лет, в случае назначения обвиняемому телесных наказаний, они заменялись лишением свободы и только.

²⁰ С 1820 по 1830 г. во главе трех северных губерний — Архангельской, Вологодской и Олонецкой — стояли генерал-губернаторы А.Ф. Клокачев и С.И. Милицкий.

²¹ Ход дела восстановлен по следующим архивным делам: НАРК. Ф. 1. Оп. 36. Д. 25/14; 26/14; 29/6; Ф. 2. Оп. 68. Д. 378. Л. 109–117; Ф. 9. Оп. 1. Д. 292/2844; Ф. 655. Оп. 1. Д. 973. Л. 2, 12–14; Ф. 183. Оп. 1. Д. 6/83; РГИА. Ф. 1409. Оп. 2 (1829 г.). Д. 5206; Ф. 1341. Оп. 29 (1828 г.). Д. 883а. Л. 7.

²² Болтенков являлся участником Отечественной войны 1812 г., был ранен, имел боевые награды — ордена Анны и Владимира 4-й степени.

²³ НАРК. Ф. 2. Оп. 68. Д. 377. Л. 363–374; Ф. 1. Оп. 56. Д. 5/13. Л. 33–45.

**«Здесь молитв столько не знали,
сколько заговоров и приговоров...»:
Заговоры А.Н. Тишиной в контексте
магических практик Кенозерья**

Публикуемая подборка заговоров (по-местному также *слов, наговоров, приговоров, присказок, статей, молитв*), записанных в 1959 г. в д. Усть-Поча от Анны Николаевны Тишиной, дает возможность судить о локальном репертуаре «знатких» на период, когда заговорная традиция была еще относительно живой и востребованной. Подобных людей, профессионально занимающихся магическими практиками (а Анна Николаевна относится к таковым), кенозеря и ныне именуют *ведуньями, колдуньями/колдунами, знахарками/знахарями, бабушками/дедушками, старушками, бабульками, бабками*. Последние номинации подчеркивают их отнесенность к старшей возрастной группе социума, что в значительной мере продиктовано устойчивым представлением о том, что магическое знание передается от человека к человеку только перед смертью, когда отпадает надобность в его применении: «...бабушки помнили, а нам ничего не передали. <...> Я у своей спрашивала: со скотиной скажи. А бабуся стала не важна, но для скотины кое-что знала. “Я ведь не сейчас умру!” <...> Так ничего мне и не сказала» (А.А. Капустина, 1928 г.р., д. Погост; АКФ¹. 2013, т. 3, № 23); «...нельзя передавать: коровушку держишь, дак тоже это. <...> У меня сестра Катерина (она в Поча теперь) говорит: “Дак мне еще самой надо ставить...”» (М.Н. Канцедаль, 1936 г.р., д. Усть-Поча; АКФ. 2013, т. 10, № 165). Сказанное объясняет легкость «расставания» А.Н. Тишиной с 29 заговорами: на момент встречи с собирателями фольклора ей было 62 года.

Чувствуя приближение кончины, «знаткие» настойчиво уговаривают родных или знакомых принять их магическое знание (в противном случае долго и мучительно умирают): «Бабушка жила тут Купчина, старенькая, все знала. Добрая была. Она говорила... Приходила к нам за молоком, говорила: “Давай я тебе дам слова, я тебе на хорошее дам, не на плохое”. Тогда чё? Мы были молодые: “Не-не-не, не надо”» (С.А. Нифонтова, 1966 г.р., д. Усть-Поча; АКФ. 2013, т. 11, № 83); «...тут вот некоторые в сомок (конёк. — А.И.) топор вцепляют, чтобы это легче умерал человек» (Н.В. Березина, 1952 г.р., д. Погост; АКФ. 2013, т. 1, № 92). Обычно от подобного «дара» люди отказываются, поскольку *знатьё* предполагает регулярный контакт с inferнальным миром, и потому опасно для человека: «...покойница говорит: “Дает Господь на день наскрести им (нечистой силе. — А.И.) работу. <...> Вот, — говорит, — отведу работу — песок перебирать, и день в покое буду», — говорит. У меня два старицка, бывало (нищих-то полно было)... Один

на печке тут, Кондратий, Захаровский был, тоже просил: “Нинушка, подружка, возьми ты у меня эту беду”. Ведь вот диван там стоял у стены, с печи-то жарко. И вот все время до двенадцати цясов шамкает, вот так бородушку гладит. И говорит: пока двенадцать цясов не стукнет, не дает спать. А утром спит того дольше. А Саша, запокойник: “Не, дядя Кондратий, Христа ради, я тебя не гоню, места хватит, только этой беды мне не отдавай”. И был еще дядя Ваня, тоже на беду попал: только Ивану отдал. Освободился. Все равно что-то есть. Я на своем горьком опыте убедилась» (Н.Ф. Калитина, 1928 г.р., д. Усть-Поча; АКФ. 2013, т. 7, № 20); «У нас раньше была, ну мы ее звали бабушка Поля, она из Усть-Почи <...> Она водилась с лесовым. Она знала на возврат животных. Вот она говорит: “<...> Надо идти в двенадцать часов ночи в лес. Идешь, — говорит, — в лес: туда идешь — по сторонам поглядываешь, а в обратную сторону, если ты с им поразговаривала и несешь ему угощение (там хлеб ржаной да еще чего-нибудь это самое такого). И, — говорит, — если тихо это самое, значит, он еще не ел. Если ветер заходил из стороны в сторону, значит, лесовой уже пришел. Если в него самого можно сказать не веришь, он в образе человека, в любом образе предстать: может солдатом, может стариком предстать. И вот с им пообщаешь, дашь ему все подарки, уходишь. Идешь, — говорит, — не оглядывайся: если оглянешься, всё, можешь вообще не прийти домой”. Вот она рассказывала» (Т.С. Калитина, 1959 г.р., д. Вершинино; АКФ. 2013, т. 7, № 28).

В прошлом передача магического знания происходила разными способами, но обычно по устному вербальному или тактильному каналу: «...передать — надо память да зубов полный комплект» (В.А. Вахромеев, 1952 г.р., д. Вершинино; АКФ. 2013, т. 2, № 43); «говорят, когда такие люди умирают <...> их не отпускают, и надо за руку вот его поддержать, этого человека» (Г.И. Емельянова, 1962 г.р., д. Вершинино; АКФ. 2013, т. 13, № 19). В наши дни трансмиссия заговоров осуществляется преимущественно в письменной форме, что создает возможность расширения местного репертуара за счет других локальных и региональных традиций путем переписывания заговоров из фольклорных сборников, газет и журналов (на это в ходе полевого интервьюирования очень часто указывали сами информанты). Письменная форма обращения, с одной стороны, способствует консервации заговорной традиции, но, с другой, — делает ее весьма уязвимой, поскольку «отключает» нацеленность носителей традиции на запоминание текста, консервацию его в памяти: «Слова у меня записаны, но наизусть не помню» (Н.В. Березина, 1952 г.р., д. Погост; АКФ. 2014, т. 8, № 64).

Одними из главных предписаний при передаче заговоров были следующие — передавать следует от старшего поколения к младшему (а не наоборот) и желательно по крови, по родству, отчего в Кенозерье профессиональные магические практики нередко носили потомственный характер: «[А откуда Ваша бабушка сама узнала?] Я вам говорила, что у их потомственные колдуньи были <...> По роду, один из одного <...> наследство такое было, что передавалось им»

(Н.Ф. Калитина, 1928 г.р., д. Усть-Поча; АКФ. 2013, т. 10, № 233); «...от чужого человека три раза надо, а от матери-то от родной один раз хватит» (Л.В. Краскова, 1954 г.р., д. Вершинино; АКФ. 2013, т. 7, № 70).

Репертуар заговоров, записанных от А.Н. Тишиной (а это 3 детских заговора, 10 лечебных, 6 любовно-семейных, 9 — хозяйственно-промысловых, 1 социальный), подтверждает мнение современных информантов о том, что в прежние времена были заговоры на все случаи жизни: «Здесь молитв столько не знали, сколько заговоров и приговоров. Без приговора здесь ничего — на рыбалку не ходили, в лес не ходили, работы не начинали без приговора. Не то, что молитву сотворить, а заговор скажут <...> На всё есть. В православии — молитвы, а тут... Они первым делом не это самое, не Богу молятся, не крест накладывают, а вот таким образом» (Н.Ф. Пиялкина, 1949 г.р., д. Мыза; АКФ. 2013, т. 10, № 21, 29).

В сравнении с полувековой давностью современная заговорная традиция значительно беднее по репертуару (в 2013 и 2015 гг. нам не удалось в устной форме записать социальных и любовно-семейных заговоров) и носителям (круг профессионалов очень узок и ограничен сферой детских заболеваний и скотоводческих практик).

Заговоры, записанные от А.Н. Тишиной в течение двух дней, приводятся далее в том порядке, как были зафиксированы собирателями. К каждому тексту дается отсылка на архив кафедры русского устного народного творчества МГУ с указанием года записи, номера тетради и номера текста в ней. Названия статей сохранены в исполнительской редакции. Орфография архивных текстов сохранена (за исключением явных описок и ошибок в пунктуации, допущенных собирателями).

Тоску снимать

«Вода светлица-кормилица, бежишь-омываешь пеня-коренья, лихие деревья. Так бы с рабы Божьей Анны ополоскала с рук и с ног и с ретивого сердца, с буйной головы всю думу да печаль. Аминь». *Водушку наговоришь, попьешь и остатками умоешься* (АКФ. 1959, т. 19, № 31).

Чтобы муж жену не бил

«Выйду я из дверей в двери, из ворот в ворота, выйду я в чисто поле. В чистом поле лежит мертво тело. У его ноги не сгибаются, руки не здымаются, и не косятся глаза во лбу. Так и раба Божия Ивана на рабу Божию Марью ноги не сшибались, руки не здымались, не косились глаза во лбу ни днем, ни ночью, ни на вечерней заре, ни на утренней заре во всякую пору, во всякое время, во всякий час, во всякую минуту. Аминь». *Это три раза наговорить в вино и в пищу и мужу дать* (АКФ. 1959, т. 19, № 32).

Грыжу загрызть

«Стану благословясь, пойду перекрестясь, отцом прощёна, матерью благословлёна. Выйду я из дверей в двери, из ворот в ворота. Выйду я в чисто поле

стоит окиян-баба, у ей зубы укладны, глаза оловянны. Она бы заедала и загрызала пуповую грыжу, яичную грыжу, мошоночную грыжу, паховую грыжу, ноговую грыжу, брюшную грыжу, спиновую грыжу, ручную грыжу, головную грыжу, глазную грыжу, уховую грыжу, носовую грыжу, рыковую грыжу. Сорок единую грыжу у раба Божия младеня я заем и загрызу желту грыжу, белу грыжу, синю грыжу, красну грыжу, чтобы у раба Божия младеня не шевелило и не тронуло ни днем, ни ночью, ни на вечерней заре, ни на утренней заре, ни в какую пору, ни в какое время, ни в какую минуту, ни в какую секунду. Аминь» (АКФ. 1959, т. 19, № 33).

Чтобы ребенок ночью спал

«Водушка серебриста, вода золотистая, спишь ты, лежишь ты под светлым месяцем, под красным солнышком. Так и раба Божия моя Татьянаушка спала и лежала темную ноченьку, светлый денек. Сама не беспокоилась и маму не беспокоила». *Три раза в воду наговоришь, в воде выкупаешь, спанюшкать положиши* (АКФ. 1959, т. 19, № 34).

На ночной рык

«Заря-зарица, красная девица, возьми бессонную рыкушу, отдай моему рабу Божию Иванушке ночной покой, а дневное тешенье. Во имя Отца и Сына, и Святого Духа. Аминь». *Ему дунешь в лицо и через него плюнешь. Говорить надо на вечернюю зорю, когда заря тухнет* (АКФ. 1959, т. 19, № 35).

Когда корову в первый раз доить

Ремень с себя снимешь, на телку положишь, поставишь ее, чтобы у стенки стояла: «Кой бы плотно и крепко мой ремешок сидел круг меня, и той бы плотно и крепко раба Божия моя Пестронюшка она стояла на немом мистецьке: она ножками не переступила, фостиком не махнула, головушкой не вернула. На ту пору, на тое время ей и сон на глаза. Аминь». *Доишь да читаешь* (АКФ. 1959, т. 19, № 36).

От оговору

Украдут молоко, оговорят корову — и нет удоя, одна кринка, скажут: «Вот корова-то идё, молока несё — вот удою и пропал. Возьми ей, обкурь под брюшину и возьми ей на призор: «Водушка-матушка, как ты бежала по пеньям, по кореньям, по лихим деревьям, бежала, ополаскивала все пенья, коренья, лихие деревья, так с рабы Божьей Пестронюшки ополоскала с рук и с ног, и с ретивого сердца, и с буйной головы все притчи, призоры, всяки переговоры, ветряны переломы, чужие думы, матерны думы, отцовские думы. Ключ-замок словам моим. Аминь». Зааминешь три раза воду, дашь ей в питье и окатишь. А потом станешь доить, на удою тоже говорить надо (АКФ. 1959, т. 19, № 37).

На удою

«Водушка-матушка, как ты бежала тридевять рек, тридевять ручьев, из тридевяти озеров. Она бежит, не перебегает, она не пересыхает ни днем, ни ночью, ни утренней зари, ни вечерней зари, ни в какую пору, ни в како время, ни в каку минуту, ни в каку секунду. Так и у рабы Божьей Пестронюшки в семьдесят жил,

в семьдесят суставов, в святое вымечко, в четыре титочки. Оно никогда не перебегаеца, оно не пересыхаетца у рабы Божьей Пестронюшки молочко ни днем, ни ночью, ни на утренней заре, ни на вечерней заре, ни в какую пору, ни в какое время, ни в какой час, ни в какую минуту. Аминь моим словам». *Говорить, пока доишь, а после того, как подоишь, сказать: «Господи, благослови рабы Божьей Пестронюшки четыре титочки да пято вымечко на сей день Господен»* (АКФ. 1959, т. 19, № 38).

На приносы

«Матушка Пресвятая Богородица, как ты Исуса Христа родила, благословила Марию родить, на святы место спать валила. Аминь». *Водушки наговорить, до трех раз читать, дать ей выпить, а остатки в лицо выплеснуть, так быстро и родит* (АКФ. 1959, т. 19, № 39).

Ухо колоть

«Господи Исусе Христе, помилуй нас. Кузьма-Демьян, наместный бог, научи меня Божьих слов, ушов заговорить у рабы Божьей Марьи. Я тебя ножом, ты меня другим. Я тебя третьим, ты меня четвертым. Я тебя пятым, ты меня шостым. Я тебя седьмым, ты меня восьмым. Я тебя девятым. Закаливаю, заговариваю рабы Божьей Марьи ушов, чтобы ей не шевелило и не тронуло ни днем, ни ночью, ни на утренней заре, ни на вечерней заре, ни в како пору, ни в како время, ни в како минуту, ни в како секунду. Аминь». *Девять раз кругом уха по солнышку уколешь. А как отколешь, в лавку потычь ножиком* (АКФ. 1959, т. 19, № 40).

Парней приделывать

«Выйду я из дверей в двери, из ворот в ворота, выйду я в чистое поле. В чистом поле стоит золотая чашка. Эта золотая чашка она казалась красняе красного солнышка, святляе светлого месяца. На эту золоту чашку не может наглядеться да налюбоваться ни в како пору, ни в како время, ни в како минуту, ни в како секунду. Так и раба Божья Мария рабу Божию Ивану она казалась красняе красного солнышка, святляе светлого месяца. Раб Божий Иван на рабу Божию Марью он не может налюбоваться, наглядеться ни днем, ни ночью, на вечерней заре и на утренней заре, во всякую пору, во всякое время, во всякую минуту, во всякую секунду. Аминь». *На вино наговоришь до трех раз и дашь ему выпить. Ему в первый стакан наливай. Можно и на чай наговаривать* (АКФ. 1959, т. 19, № 41).

Остуда

«Выйду я из дверей в двери, из ворот в ворота, выйду я подвальным бревном, собачьей тропую, мышьей норою. Как то леший с лешовицей ципались, дрались, кровью обливались, навстрету не встречались, так Марья и Иван дрались, ципались, кровью обливались, навстрету не встречались. Как водяник с водяницей ципались, дрались, кровью обливались, навстрету не встречались, так и Марья да Иван ципались, дрались, кровью обливались, навстрету не встречались. Как кошка и собака дрались, ципались, кровью обливались, навстрету не встречались, так и Марья да Иван дрались, ципались, кровью обливались, навстрету не

встречались». *На вино тоже наговорить. «Аминь» не надо говорить: нечиста сила собрана вся* (АКФ. 1959, т. 19, № 42)

Как корову домой привести, если потерялась в лесу

Набрать пеплу из шарадки (?) и земельки из подполья, положить в бумажку и сказать три раза: «Этой земельке на месте не бывать и моей Пестронюшке в темном лесе ночки не ночевать». Выйти на перекресток в лесу, бросить землю на опашку и идти домой, не оглядываться, ни с кем ни слова не говорить и спать сразу лечь (АКФ. 1959, т. 19, № 43).

Как выгонять скотину

Сказать: «Господи, благослови на сей день господний Пестронюшку». Бросить землю на опашку и идти домой, не оглядываться, а то пропадет (АКФ. 1959, т. 19, № 45).

На зубы

«Выйду я из дверей в двери, из ворот в ворота, выйду я в чистое поле. В чистом поле лежит мертвое тело. У мертвого тела у его все зубы целы, у него не болит, не щемит, не шевелит. И так бы у рабы Божьей Анны зубы не болели, не щемили ни днем, ни ночью, ни утром на зари, ни вечером на зари. Аминь». Наговорить три раза на луковку и к зубу (АКФ. 1959, т. 19, № 46).

От крови

«Стану я, раба Божия Анна, благословясь, пойду перекрестясь, выйду я из дверей в двери, из ворот в ворота, выйду я в чистое поле. В чистом поле красное море, на красном море красный камень, на красном камне сидит красная девица с красной иглой и красной ниткой. Она зашивает и замыкает удар, щипоту уни-мает и кровь останавливает у рабы Божьей Анны. Аминь». Читать до трех раз. После каждого раза провести накрест ножом на ране и плюнуть (АКФ. 1959, т. 19, № 47).

Когда рука пухнет

«Жар печной, жар баенной, я тя, жар, захватываю, я тя, жар, заговариваю щипоту и лому и опухоль — дерево калину, дерево малину, дерево дубло. Откуль притча пришла, туда притча пойдет: с ветра пришла, так на ветер пойдет, от земли пришла, так на землю пойдет от девки пустоволосой, от бабы шимоволо-сой (?)». Награбят угольев немножко, берут веничек и несколько прутиков и воды. Веничком на уголья брызгать и приговаривать. Пар идет и приговаривать. А ря-дом ногу ли руку с опухолью поставит (АКФ. 1959, т. 19, № 48).

Для удачи в рыбной ловле, чтобы не было оговора

«Выйду я из дверей в двери, из ворот в ворота, выйду я в чистое поле. В чи-стом поле стоит смольняной пень. Их этого смольняного пня можно наколупать тридевятных смольня, из этоих тридевятных смольня можно выгнать тридевят-ных ведер смольных. Кто эту смолу может перепить и перехлебать, тот может этого раба Божья Ивана осудить и переговорить. Кто этой смолы не может ни перепить, ни перехлебать, тот не может этого раба Божия ни осудить, ни перего-

ворить ни днем, ни ночью, ни утром на зари, ни вечером на зари. Во веки веков. Аминь». *Смолу наговорить три раза и залепить в сапог или неводу* (АКФ. 1959, т. 19, № 49).

Корову заводить

Как купишь корову, из одной деревни в другую ведешь, дак чтобы один веде, а другой взаде шел. Кто взаде, прутик обламывает, через корову бросат. А кто впереди, прутик поднимают. Так три прутика кинешь да каждый раз приговаривашь: «Пестронюшка домой да фостик за собой». Домой придешь, прутики сунешь под матицу и уж не шевелишь.

Как корову во двор заведешь, скажешь: «Господи Исусе. Большачок, большушка, благословите рабу Божью Анну завести рабу Божию Пестронюшку во крестьянские хоромы, во крестьянский дворец».

Вкруг двора ходишь с коровой по солнышку и говоришь три раза: «Ни на старый месяц, ни на новый месяц, ни на половине месяца, ни на четверть месяца теплое красное солнышко никуды ото двора не отходило, так бы и раба Божия Пестронюшка круг-то двора ходила, никуды ото двора не отходила и во двор ко мне заходила, рабе Божьей Анны к рукам подходила».

Потом надо в хлев завести и сказать до трех раз, как запривязывать: «Господи, меня благослови, большачок, большушка рабу Божию Анну привязать рабу Божию мою Пестронюшку, завести в крестьянский хлевец. Ты ее пой и корми, и гладь и дрочи, и со стороны носи, а сам не ешь да гостям не давай, а коровушку корми». А ежели не по характеру хозяину скотина, у нее шерсть мокра, стойком стоит. Ежели ее не завести, дак тосковать будет (АКФ. 1959, т. 19, № 50).

Тоску по скотине снимать

Корова затоскует, дак, как ведешь, следочки срываешь да через ей шибашь да говоришь: «Я следочки срываю, тоску снимаю у рабы Божьей Пестронюшки с ретивого сердца, с буйной головы». Тоска и проходит (АКФ. 1959, т. 19, № 51).

Ночевать в лесной избушке

«Господи, благослови. Большачок, большушка, благословите ночевать в этой избушке». Три раза повторить (АКФ. 1959, т. 19, № 52).

Против суда

Когда человека судят, он на суд идет, до трех раз на пороге скажет: «Я — волк, а вы — овцы мои. Я вас съем». Судить — осудят, а большой страсти не дадут (АКФ. 1959, т. 19, № 53).

На сухие крыльца

Байну вытопи, своди ей да помой. Моят крыльца да говорят: «Мою-размываю сухие крыльца (лопатки, спину. — А.И.) у рабы Божьей Марьи тоньше ржаного сосня (сочня. — А.И.), тоньше осинового листа, тоньше гербовой бумаги. Притчи во веки веков. Аминь». Размывают крыльца снизу вверх от позвоночника к плечам. А когда «Аминь» говорить, надо косой крест на них начертить безымянным пальцем правой руки (АКФ. 1959, т. 19, № 54).

От ячменя

«Красненько-маленько, не буди, посохни на белом на теле у рабы Божьей Анны. Аминь». *Безымянным пальцем правой руки вокруг ячменя обвести, а потом перечертить его косым крестом. Потом на палец плюнуть и сказать три раза: «Этому пальцу имени нету — этому чирею места нету. Аминь. Аминь. Аминь». И три раза перекреститься. Этот заговор говорить, когда чирей еще не большой* (АКФ. 1959, т. 19, № 55).

От ячменя

А если уже большой, надо говорить следующий заговор: «Кукиш, кукиш, чего купишь?» — «Куплю топорок, секу пупыш поперек. Аминь». Читать три раза (АКФ. 1959, т. 19, № 56).

Чтобы суженый приснился

«Благослови, большачок, большушка, а суженый-ряженный, приходи ко мне спать. Я сегодня одна в первый раз на новом месте» (АКФ. 1959, т. 19, № 57).

От оклева змеи

«Гадик, гадик, гадик, вынь свое жигало, вынь свое жигало, вынь свое жигало! Аминь. Аминь. Аминь» (АКФ. 1959, т. 19, № 58).

Парня приделать

«Как бы раба Божия Анна я не могу без своей месячной ни жить, ни быть, и так бы раб Божий Иван без рабы Божьей Анны и он не мог бы ни жить и ни быть, ни дней дневать, ни ночей коротать, минуты минувать днем по солнцу, ночью по месяцу, вечером на заре, утром на заре. Во веки веков. Аминь». *Капнуть одну каплю месячной крови в кашу или чай и наговорить до трех раз* (АКФ. 1959, т. 19, № 59).

Парня приделать

«Как бы раб Божий Иван без рабы Божьей Анны вздоху он не может ни жить и ни быть, дней дневать, ночей коротать, минуты минувать днем по солнцу, ночью по месяцу, на утренней заре, на вечерней заре. Во веки веков. Аминь» (АКФ. 1959, т. 19, № 60).

Примечание

¹ Здесь и далее АКФ — архив кафедры фольклора (русского устного народного творчества) филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова.

«Дойся, раздаивайся, моя коровушка, на большое молоко...»: Скотоводческая магия Кенозерья

Одна из приметных особенностей культурного ландшафта Русского Севера (и Кенозерья, в частности) — ориентация хозяйственной инфраструктуры деревни на скотоводческие и промысловые практики, что в немалой степени продиктовано особенностями природной среды. Земель, пригодных для занятия земледелием, мало, да и те приходилось отвоевывать у леса, обступающего кенозерские деревни, притулившиеся к озерам Долгое, Свиное, Кенозеро. Стоит ли удивляться, что занятие скотоводством на протяжении нескольких столетий было важнейшей частью жизни кенозёр? Коров здесь и сейчас ласково называют *матушкой*, *кормилицей*, помнят по кличкам всех, что держали, и могут долго рассказывать о каждой. Все это объясняет развитость на территории Кенозерского национального парка скотоводческих обрядов и относительно долгую их сохранность.

У кенозёр традиционно было две формы выпаса скота: свободная и с пастухом. Первая предполагала ежедневный выгон коров и овец на волю в специально огороженные вольеры или просто на улицу. В двух крупных населенных пунктах (Усть-Поча и Вершинино) свободно разгуливающий по деревне скот — и в наши дни неотъемлемая часть местного пейзажа. Носителями скотоводческой магии, привязанной к этому типу выпаса, являются женщины — хозяйки домашних животных. Вторая форма выпаса (с пастухом и сезонным вывозом скота на острова) в настоящее время не сохранилась, хотя старожилы, которым за 50 лет, еще могут сообщить некоторые подробности пастушеской магии. Наиболее часто в их рассказах содержатся указания на характерные признаки.

1. Договорной характер отношений пастуха с лешим, помогающим пасти скот и оберегающим его от лесного зверя¹: *«Вот, говорят, надо на корову-то еще пастуха выбрать, чтоб в лесу ни одной коровы не потерял, чтоб он там с лешими... знался-то, этот пастух»* (В.В. Нечаев, 1956 г.р., д. Усть-Поча; АКФ². 2015, т. 2, № 121); *«Вот отец у меня рассказывал. Был такой пастух: идет к воротам, там чё-то скажет, и коровы бегут. Даже хвосты у них задраны, как будто их кто-то гонит. А он их не пас, как говорят: будешь пасти головой и будешь пасти ногами. Если ты с головой, так попросишь хозяина лесного, так он тебе поможет. А если ты не попросишь, так будешь пасти ногами: будешь бегать за каждой коровой»* (С.А. Нифонтова, 1966 г.р., д. Усть-Поча; АКФ. 2013, т. 11, № 86); *«У нее был дедка Максим, так тот коров пас. Раньше далеко ведь коров пасли, за двадцать километров <...> Дак он тоже не бегал, не собирал коров почему-то. Он колышек в землю втыкнет, поскачет на одной ножке вокруг колышка — все коровы идут.*

Никакая корова не потерялась, ничего» (В.В. Тишина, 1939 г.р., д. Першлахта; АКФ. 2013, т. 6, № 182).

Договор пастуха с лешим предполагал эквивалентный обмен³ между ними. Пастух жертвовал хозяину леса корову из стада, за что лесовой обязан был в течение летнего сезона пасти вместо него скот: «...она (пастушившая бабушка Ульяна. — А.И., П.А.) берет самого жирного барана в деревне, без хозяйки уводит. Хозяйка потеряет барана, она: “Не ищи, девка, рога в землю утянули”. Это она жертвоприношение делает. Она потом пекла пирожки, красну рубаху шила, пенек накрывала. [Для кого?] Для лешего <...> И это было как ему спасибо за то, что отработал лето. И проблем не было» (Г.И. Емельянова, 1962 г.р., д. Вершинино; АКФ. 2013, т. 13, № 18); «Раньше ведь у нас вот Никола Волучанов пас коров. Да прогонит коров это в лес и домой приходит, а потом сходит только ворота открывает — коровы сами придут <...> Но каждый год медведь корову задавит <...> Если он (леший. — А.И., П.А.) уж гонит коров домой, дак ему за работу-то надо расплатиться» (Н.А.; АКФ. 2013, т. 9, № 107).

2. Запреты и ограничения, добровольно налагаемые на себя пастухом на период выпаса (по-местному — «зарок», «обет»): «Стада были большие, один мужчина какую палочку с весны брал, ему до осени ее нельзя было терять. Если даже лег на перекур, надо, чтобы она рядом у него была! <...> Говорят, кто дает обет бороду не брить с первого до последнего дня, пока скотину не закроют. Кто — стопку не брать. Кто — с женой не спать. Это даже моя бабушка рассказывала» (Е.А. Шмайхель, 1955 г.р., д. Усть-Поча; АКФ. 2015, т. 1, № 22); «Каждый пастух давал зарок — свои были у каждого обеты. По-старинному называли “зароки”. Кто волосы не стриг, кто еще что...» (А.М. Зенченко, 1955 г.р., д. Усть-Поча; АКФ. 2015, т. 2, № 28).

3. Наличие у пастуха особого обережного заговора — *отпуска*⁴, с которым тот обходил стадо, чтобы оно не разбрелось и не подвергалось нападению зверей⁵: «А раньше пасли коров в диком лесу. Это сейчас они в полях ходят, а раньше в лесу, в диком лесу. И вот пасут этих коров с отпуском... Ну как? Вот отпуск. А у человека, которого отпуск, это, значит, пастух какой-то совершал обряд <...> какой себе завет давал, что, например: ну пусть пропасу, не буду бриться все лето. Вот такой себе завет, значит, бриться не должен все лето, потому что если побриться, значит, чё-то случится у тебя с животными. [То есть, нельзя нарушать?] Да, нельзя нарушать...» (А.Н. Ножкина, 1954 г.р., д. Вершинино; АКФ. 2013, т. 12, № 14).

Перечисленные характеристики указывают, во-первых, на то, что носителями пастушеской магии были преимущественно мужчины, и, во-вторых, на то, что в деревенском социуме они относились к категории магических специалистов — «знатких», колдунов. Таких людей в кенозерских деревнях уже нет (соответственно экспедициями кафедры русского устного народного творчества МГУ имени М.В. Ломоносова в 2013 г. и 2015 г. не удалось отыскать и пастушеских отпусков).

Почти все скотоводческие заговоры (более 70 текстов), записанные в эти годы, относятся к категории магии непрофессионалов (ее носителями были женщины, державшие коров и овец). И хотя многие информантки указывали собирателям на то, что у каждой хозяйки были свои слова, сравнительный анализ текстов свидетельствует об обратном. Используемые в магических текстах мотивы и их образные воплощения характеризуются однообразием и поразительной устойчивостью, ср. приговоры на первый выгон скота в поле: *«Мама еще крест на крест лопатой провожала, той, что хлеб и рыбки в печку садят: “Господи, благослови на лето красное коровушку”»* (Е.А. Шмайхель, 1955 г.р., д. Усть-Поча; АКФ. 2015, т. 1, № 52); *«...с вербушкой все время выпускала: “Благослови скотинку-матушку на все летушко красное, спаси и береги, помилуй, Господи” <...> Три раза поцитаешь дак выпустишь, первый день. Благословляют. А эту вербушку принесешь да опять во хлев под матицу кладешь, она все время сидит там»* (З.А. Пospelова, 1934 г.р., д. Горы; АКФ. 2013, т. 4, № 16); *«В наши годы уже тут ничего такого. Была тут одна в деревне бабушка, может, одна-две, что-то еще говорили... Ну, как обычно: “Господи, благослови на летушко скотину”»* (А.М. Зенченко, 1955 г.р., д. Усть-Поча; АКФ. 2015, т. 2, № 26).

Устойчивость скотоводческой вербальной магии становится еще более очевидной при сравнении повторных фиксаций приговоров от одного и того же исполнителя, сделанных с большим временным диапазоном, ср.: *«Ходишь и сначала этим кушаком корову шлепаешь: “Хозяин, хозяйюшка, лесовой батюшка, пойте, кормите, берегите, стерегите, на ночку домой пригоните”. Вот так шлепаешь тихонько их всех. А потом этот кушак кладешь на порог, она его переходит, потом кушак подвязываешь на голое тело»* (А.В. Овчинникова, 1935 г.р., д. Шишкина; АКФ. 2013, т. 1, № 144); *«Кушаком провожаешь три раза кругом: “Хозяин, хозяйюшка, лесовой батюшко, пойте, кормите, берегите и стерегите, на ночку домой пригоните”. И этот кушак привязываешь и средь дня его кругом себя держишь. Не снимаешь. Три дня пройде, в таком местечке положишь, чтобы этого кушака не шевелить — пока скотину не закроешь»* (А.В. Овчинникова, 1935 г.р., д. Шишкина; АКФ. 2015, т. 4).

Записанные в селениях Кенозерского национального парка скотоводческие заговоры представляют собой сверхтекст, который отличается тематическим единством и хронологической последовательностью. Как правило, в ходе беседы о скотоводческих практиках информанты сообщают заговоры в определенном порядке: покупка животного — постановка его в хлев — уход за скотом (доение, лечение и др.) — первый весенний выгон в поле — отвораживание животного, «закрытого» лешим или колдуном — постановка его в хлев на зимний сезон⁶. По совокупности они составляют магическую «агиографию» домашнего животного. Полевые материалы, собранные на Кенозерье экспедициями МГУ в 2013, 2015 гг., будут представлены далее в соответствии с данным сценарием, ежегодно проигрываемым кенозёрами (за исключением первого «эпизода»).

Покупка скота и постановка его в хлев

Покупка и постановка домашнего животного в хлев — очень ответственный момент: от него зависит, приживется ли оно на новом месте, будет ли здоровым. Нарушение предписываемых традицией правил грозит неминуемыми бедами: *«У нас было два теленочка, хоть я и попросила, но, видимо, не вовремя. Два теленочка у нас нарушилось»* (Е.А. Шмайхель, 1955 г.р., д. Усть-Поча; АКФ. 2015, т. 1, № 49).

Подобное отношение способствовало формированию в Кенозерском крае узкого круга людей, специализирующихся на данном магическом ритуале. Хозяйки, не уверенные в своих магических способностях, и в наши дни предпочитают прибегнуть к их услугам. Свое знание те держат в тайне, боясь утраты заговорами силы при их тиражировании, и передают его только перед смертью: *«...все старушки знают, но не все они передают. В Поче какая-то была старушка, вот она мне обещала передать слова, как правильно ставить корову. Но она как бы сделала это напослед. И так как она сама держала скот, она сказала, что не может это сказать, пока сама держит скотину. И так и не сказала. А сейчас так, наверное, уже и умерла. Мне тут брат привез с Котласа слова. Я вот теми словами и пользуюсь»* (М.М. Аникеева, д. Усть-Поча; АКФ. 2015, т. 4, № 74).

Вводя скотину в хлев, заговаривающая обращается к «хозяевам» — домовому (по-местному — «жихарь») и его жене — с просьбой заботиться о ней: *«...только во хлев заводишь, дак тоже плотишь хозяину: “Добрый хозяин, добра хозяйюшка, примите мою животинку. Пойте, кормите, гладьте, грустите. Сами не ешьте, чужим не давайте и детям не давайте. Кормите мою коровушку”*. Три раз поглядя от головы до хвоста. Вот просишь домового» (Н.Ф. Калитина, 1928 г.р., д. Усть-Поча; АКФ. 2013, т. 10, № 243); *«Везде есть хозяин. Если скотинку запускаешь, всегда надо разрешения спрашивать: “Хозяин да хозяйка, большачок и большушка, впустите мою скотинку жить, пойте, кормите и со стороны носите”* (Н.Е. Тишина, 1953 г.р., д. Усть-Поча; АКФ. 2013, т. 11, № 30); *«Стелем половик, какое-то полотно любое положим на порог, заводим в хлев со словами: “Большушка, большечок-батюшка, примите скотину, пойте, кормите, погладьте, подлечите, не оставьте, напоите”*» (С.А. Нифонтова, 1966 г.р., д. Усть-Поча; АКФ. 2013, т. 11, № 92); *«Хозяин и хозяйюшка, прими мою коровушку, пои, корми и ухаживай...”*. Во хлев как заводишь, новый. *“... Водушка у нас медовая, травушка шелковая”*. Читаешь, когда заводишь ее в новый хлев» (А.И. Заляжная, 1927 г.р., д. Рыжково; АКФ. 2013, т. 1, № 26).

Тогда же произносятся заговоры на раздаивание и усмирение животного: *«Дойся, раздаивайся, моя коровушка, на большое молоко, на густую сметану, на желтое маслице. Дой морем, дой морем, дой рекой!»* Три раза. Говорят: *“Аминь моим словам”*. А после: *“Будьте, мои слова, крепки, лепки, забористы”* (Е.А. Шмайхель, д. Усть-Поча; АКФ. 2015, т. 1, № 55); *«Витина мать учила, как ставить корову. Когда первый раз корову доишь, значит, ее надо поставить, чтоб она стояла. “Госпо-*

ди, благослови меня, Рабу Божию Антонину, с Пестронюшкой. Стой, коровушка, как гора, дой, как река. Бабушка стояла, матушка стояла и тебе благословляла ножкой не топнуть, глазком не моргнуть, хвостиком не ворохнуть. Будьте мои слова крепки и лепки. Аминь”. Вот это на дойку, чтоб она стояла» (А.Н. Ножкина, 1954 г.р., д. Вершинино; АКФ. 2015, т. 2, № 354); «... хлебушка ломоть возьмешь, на хлебушек слова даешь, от головы до хвоста все водишь (надо три раза) <...> Я вот помню маленько, но всех-то я слов не запомнила. Память стала худа: “Наш хлев стоит в четырех углах, на четырех столбах. Стой, моя коровушка (там имя даешь коровушке), на четырех ножках крепко-накрепко. Хвостиком не лягайся, ножками не... хвостиком не махайся, ножками не лягайся, рожками не бодайся. Веки по веки, отныне до веков. Аминь”. Вот этот хлебушек водишь по ней три раза и скормишь <...> Вот так вот они (знающие бабушки. — А.И., П.А.) меня учили. А я потом всю жизнь ставила: и по деревне ходила» (А.В. Овчинникова, 1935 г.р., д. Шишкина; АКФ. 2015, т. 4); «“Стой, матушка, головкой не кивни, хвостиком не махни, ножкой не топни”. Вроде, вот такие слова. Вот так три раза прочитаешь эти слова, и она будет стоять» (В.В. Тишинина, 1939 г.р., д. Першлахта; АКФ. 2013, т. 6, № 171); «Козу когда первую привела, даже у чужих брала готовую козу, ее, чтобы поставить и выдоить, нужно прочитать. Одной рукой за рог держишь, а другой от рогов и по спине до самого хвоста гладишь. И потом три раза надо прочитать. “(Имя козы), стой и слушай хозяйку (имя хозяйки). С ножки на ножку не переступай, хвостиком не мельтеши, не бойся ни мух, ни сидохи (мошки. — А.И., П.А.)”» (Л.П. Жевакина, д. Шишкина; АКФ. 2013, т. 9, № 7); «Первый раз вот, например, теленка, чтобы стоял: “Бабушка стояла, матушка стояла, и тебя благословляла”. Мол, все стоят — чтоб и он стоял» (С.А. Нифонтова, 1966 г.р., д. Усть-Поча; АКФ. 2013, т. 11, № 98).

Уход за скотом

В кенозерских деревнях лечение скотины традиционно было прерогативой людей, знающих толк в магии. Поскольку институт таких людей практически исчез к началу XXI в., в 2013 и 2015 гг. удалось зафиксировать лишь заговоры, произносимые хозяйкой при дойке коровы: «Когда дою, ну я как говорю: “Господи, благослови рабу Божью Галину и мою Мартиночку. Отдай молочко из всех жил, из всех сосудиков во святое вымечко, в каждое из четырех его титочек, чтоб бежало молоко, не перебежало, золотом осыпалось, а ты каждой хозяйке доить давалась. Стой горой, а дой рекой! Стой горой, а дой рекой! Ключ, замок моим словам. Аминь. Аминь. Аминь”» (Г.С. Калитина, д. Усть-Поча; АКФ. 2015, т. 6, № 99); «“Встану я, раба божья (имя), благословляясь, выйду в чисто поле, в чистом поле стоит тесовая кровать, на этой кровати постелька мягкая, подушечки пуховые, одеяльце бархатное, спит раба божья Дарья. Разбужу рабу божью Дарью. Вставай раба божья Дарья, возьми ключи золотые, открой реки быстрые у рабы божьей (кличка) на белое молоко, на толстую сметанку, на желтое масло”. Читатъ во время дойки через золотое кольцо, где жар у вымени и потереть можно

*кольцом больное место. Три раза»*⁷ (Л.В. Краскова, 1954, д. Вершинино; АКФ. 2013, т. 7, № 47); *«Господи, благослови. Встану я благословясь, пойду перекрестясь из дверей в двери, из ворот в ворота. Выйду я в чистое поле, в чистом поле стоит дуб дерево, а у этого дуба весит милостлива божья мать богородица. Милостливой присвятой матери богородицы стоят три сестры молятся. Одна сестра Марья, другая Дарья, третья Наталья. Они молятся да держат тридевять ключей. Отломают, отворяют тридевять замков. Отмыкают тридевять замков, достовают у Матушки матушки густое молоко, толстую сметанку желтое маслицо. Дой, Мартушка морем, бежи молочко рекой. Аминь, аминь, аминь»*⁸ (Н.В. Березина, 1952 г.р., д. Погост; АКФ. 2013, т. 8, № 72).

Первый весенний выгон в поле

При свободном выпасе скота его ежедневное возвращение домой гарантировали заговоры, которыми сопровождался первый весенний выгон в поле. Запрещалось выпускать скотину на волю в понедельник, постные дни (среду и пятницу), а также в тот день недели, на который пришлось Благовещение. В заговорах с этой целевой установкой хозяйка обращается либо непосредственно к животному (*«Ходи, Анисья, на свое помистье»* — Н.М. Кокурина, 1969 г.р., д. Мыза; АКФ. 2015, Т. 3, № 75; *«Когда мы пили молоко, вот наливаем в чашку, как обычно, например, такие подглиняные, «кашники» назывались у нас, как кринка... Иногда бывает ребенку попить дают. И вот так, если пьет из большой посуды из целой, так говорят: «Ну, ходи, коровушка, прямо домой»* — А.М. Зенченко, 1955 г.р., д. Усть-Поча; АКФ. 2015, т. 2, № 27; *«Выгоняли корову на поскотину-то. Выгоняли дак в праздник, такой Егорий есть. Выгоняли ненадолго, как положено. Потом когда она первый след сделает, берут землю, кусочек, с первых следков — и кидаешь через голову, что: «Туда ходи — и домой приходи»* — Н.Е. Тишинина, 1953 г.р., д. Усть-Поча; АКФ. 2013, т. 11, № 20); либо к тем, кто, по поверьям, патронирует домашний скот — Богу, святым (главным образом — к святому Егорию), домовому и лешему: *«Когда весной ранней вербу ломаем, длинную веточку ломаешь — вот этой вербой выпускаешь корову. И надо, как научила меня баба Лена, на росстани, где дороги сходятся вот так, из-за хлева выпускаешь — сразу крестики наставить и говорить: «Господи, благослови тебя, моя скотинка, на все летушко теплое, красное, в поле и за полем, в осеку и за осеком, от лютого зверя, от лихого человека. Аминь». И вот так три раза надо говорить. [А где крестики ставить?] Следом за коровой, по ейным следам. Как она идет, вот по ним. Вербочкой вот этой за ней следом»* (А.Н. Ножкина, 1954 г.р., д. Вершинино; АКФ. 2015, т. 2, № 353); *«Господи, благослови. На весь день Господень, побереги, Господи, скотинку мою от волка, от медведя, от росомахи, от злых собак, в поле и в лесу, на воде и на суше. Напой, накорми и домой приведи»* (Т.В. Подосёнова, 1953 г.р., д. Погост; АКФ. 2013, т. 5, № 17); *«...когда вербушкой на поскотину выгоняешь: «Господи, благослови на все летушко красное». Бьешь вербушкой, чтоб не болела, не страдала, чтоб домой вовремя ходила: «...в день по солнышку, в ночь по месяцу, во все двад-*

цать четыре часа”. И эту вербушку приносили и ложили, и говорили, чтоб “... от зверя лесного, от человека лихого, от грома гремучего, от змеи ползучей”, чтоб она не трогала скотинку» (Т.С. Калитина, д. Вершинино, 1956 г.р.; АКФ. 2015, т. 2, № 242); «Егорий храбрый, Михайло архангел, спаси и сбереги скотий гон, Господи...» (А.В. Овчинникова, 1935 г.р., д. Шишкина; АКФ. 2013, т. 1, № 143); «А выпускашь потом так тоже на летушко: “Хозяин да хозяйюшка, вот я вам выпускаю скотинку свою, напоите, накормите и чтобы во времечко пригнали ей домой”. И вот во время она и приде домой так тоже. “Напоите, накормите, чтобы благополучно, берегите ото всех: от птицы летучей, да от всякой, от гадюк, да ото всего”. Ну я забыла, надо тут все, было списано, целый лист был написан. Я уж то половину забыла. Так-то припоминаю маленько, а нынче я ни кого не держу...» (В.К. Калитина, 1938 г.р., д. Усть-Поча; АКФ. 2015, т. 6, № 61); «...когда вербочки распускаются, собирают вот эти вербы и ложат за божницу <...> Потом когда выпускаем скотинку, берем вот эти вербушки, и этими вербушками выгоняем: “Хозяин и хозяйюшка с детками, с бабками, мою милую... там Марфушку пойте, кормите...” Да, а это выпускаю: “... и вовремя домой воротите”. Вот такими словами выпускали, вот этими прутиками. А прутики обратно возвращали, а потом, когда они уже погуляют там, на настбище, их сжигали» (Н.В. Березина, 1952 г.р., д. Погост; АКФ. 2013, т. 8, № 62); «Хозяин, хозяйюшка, лесовой батюшко, пойте, кормите, берегите и стерегите, на ночку домой пригоните» (К.В. Шишкина, 1940 г.р., д. Шишкина; АКФ. 2015, т. 4).

Отвораживание животного, «закрытого» лешим или «знатким»

Помощью лешего стремились заручиться не только хозяйки, но и пастухи: в противном случае хозяин леса или колдун мог «закрыть» скотину, т.е. обвести ее невидимой преградой. В таких случаях принято обращаться к людям, специализирующимся на скотоводческой магии (обычно это были те же «знаткие», которые «ставили» скот в хлев и лечили его от болезней): «А у мамы подруга вот, Докучаева тетя Клава, она была ветврачом в совхозе, но она вот знала вот. Знала, вот это мужа к жене приговорить там, добро сделать. С лешим общалась, вот лешия вызвать, там корову найти. Вот корова потерялась, например, где-то в совхозе или у частника, по этому месту сто раз вот пройдут, а ее не найдут. Опять к Клавке побежат: “Клавдия Александровна, поворожись ты ради Бога”. Она сходит, там лешика своего вызовет, спросит, куды корову дел. Он ей говорит: “Поди туды”. Она придет в деревню: “Идите туды!” — “Да мы там сто раз”. — “Идите туды, она там стоит!” Они придут, земля вся вот истоптана у бедной коровы, она тут стоит уже вся тоща, они ее не видят, потому что она закрытая» (Г.И. Емельянова, 1962 г.р., д. Вершинино; АКФ. 2013, т. 13, № 13); «У нас тут Марьюшка такая была, она знала. Мы тогда тоже выпустили теленка, а че, загона не было, а теленку было месяца три, наверно. А мы выпустили из-за двора, и машина как раз идет, а теленок впереди машины побежал, побежал в кусты. “Ой, — говорю, — остались без теленка”. Мы тогда к Марьюшке пошли.

«Ладно, — говорит, — возьмите веревку и, как в лес зайдете, начнется пурга: ветер, начнут деревья качаться. Не бойтесь, не оглядывайтесь только — идите». Высоко в лес-то зашли, ой... Страсть-то такая! Палки даже с земли поднимаются, такой ветер, деревья тонкие ломает, все. И теленок-то прибежал, и бабка раз веревку накинула на шею ему! И домой привели» (В.В. Тишинина, 1939 г.р., д. Першлахта; АКФ. 2013, т. 6, № 180); «...у нас корова потерялась в какой-то год: сутки не было, вторые не было. Мы уже все поляны, на какие ходят они, дошли до Свиного. Все везде, на мотоцикле все дороги объехали — нигде ничего. Пошли к этому... Дедко был такой, там жил. Он говорит: «Завтра идите туда-то...» После обеда ли до — я уж не помню. «И только вы ее сразу поймайте». Он открыл печь и вот смотрит туда. Слова какие-то произносил. Он видит вот как-то заслонку и смотрит в печку. «Идите», — говорит. Хозяин поехал. И мы там проходили сто раз, в этом месте. Она ходит, корова, все везде вытоптано. Она в этом месте и была, как бы закрыта у хозяина была, говорят. Я не знаю. Может, я ее плохо проводила, не знаю» (С.А. Нифонтова, 1966 г.р., д. Усть-Поча; АКФ. 2013, т. 11, № 87); «Вот если корова потерялась, дак я знаю, как. Берешь золотую ниточку: «Большак с большучкой и малыши детками, отдайте мне скотинку, я вам дарю подарки, не простые, а золотые». Вот берешь узелок... Вот это вот я знаю, потому что я сама искала, а больше я ниче не знаю. Берешь платок или тряпочку, ну, любую нитку, позолоченную главное, ложишь конфету — мол, я дарю вам подарки не простые, а золотые. И идешь вон туда вот поклонный крест, и через левое плечо бросаешь. И потом идешь искать» (Л.Е. Мелехова, 1949 г.р.; АКФ. 2013, т. 11, № 112); «А раньше я держала скот: у меня была овца-матка. Она у меня потерялась в лесу, она ходила все с коровами. Ну, нет ее, нет и все. Ну, я сходила к бабушке, она мне и говорит... Вот слова забыла. Она мне сказала: «Стань на ростань и возьми черного хлебушка кусок, посоли и закопай в землю — лесовичку гостинец». Так овца бегом бежала из леса домой. Гостинец дала, он ее и выгнал домой» (Н.Е. Тишинина, 1953 г.р., д. Усть-Поча; АКФ. 2015, т. 5, № 28); «Идти потом на ростань, туда идти — три тропины. И вот надо на каждую тропину положить крестиком веточки: «Хозяин, хозяйюшка, лесовой батюшка, отдайте мою скотинку! Я ее не била, не ругала». И так на каждую» (А.В. Овчинникова, 1927 г.р., д. Шишкина; АКФ. 2013, т. 1, № 149).

Постановка скота в хлев на зимний сезон

Завершение летней пастьбы, как и ее начало, проходило в ритуальной форме, обращенной к Покрову (празднику, в который на Кенозерье принято было загонять скот в стойло) или к «хозяину» хлева — домовому: «Мы на Покров закрываем, из муравейника иногда приносят муравьев, а я никогда этого не делала. Слышать слыхала, из трех муравейников надо взять муравьев принести во хлев, и чтобы муравейник друг друга не видел. Ну, как — чтоб они от одного муравейника дойти до другого, чтоб того не видно. И вот ложат, тут же растягивают снова и говорят: «Батюшка Покров, укрой мою коровушку на долгую холодную зи-

мушку». Вот так 14 октября делали. Как бы говорят, уже корова закрыта на хлев на зиму, ее уже на улицу не выпускаем» (С.А. Нифонтова, 1966 г.р., д. Усть-Поча; АКФ. 2013, т. 11, № 100); «Осенью, в Покров, надо мох по углам кинуть, в четыре угла. “Покров-батюшка, покрой теплом, покрой дубом, чтоб скотинка водилась, родилась, доилась»» (Е.А. Шмайхель, д. Усть-Поча; АКФ. 2015, т. 1, № 50); «Осенью привязывают на зиму: “Батюшка Покров, хлевац покрой, скотинку покрой теплом, добром и богатством на всю зиму”. Вот это три раза» (Н.Ф. Калитина, 1927 г.р., д. Усть-Поча; АКФ. 2015, т. 4, № 15); «“Батюшка-Покров, скотинку покрой теплом да добром, да богатством”. Тут уж каждый коровушку привяжет, животинку погладе, дак желая так» (Н.Ф. Калитина, 1928 г.р., д. Усть-Поча; АКФ. 2013, т. 10, № 251); «Господи благослови, хозяин и хозяйюшка, я иду к вам ни для хитрости ни для мудрости а для своей милой скотинушки пойти и кормите и всю зимушку берегите Днем по солнышку ночью по месяцу Амин амин аминь»⁹ (Н.В. Березина, 1952 г.р., д. Погост; АКФ 2013, т. 8, № 74).

Статистический анализ записанного в 2013 и 2015 гг. материала свидетельствует о том, что редукция репертуара скотоводческой вербальной магии происходит неравномерно: на сегодняшний день из охарактеризованных выше тематических групп заговоров лучше всего сохранились две — на постановку домашних животных в хлев и на первый весенний выгон в поле. Основными носителями их являются не профессиональные обладатели магического знания, но женщины, в массе своей получившие тексты по случаю, а не в ходе специальной передачи или обучения. При этом усвоение текста, как правило, происходит не устным путем (что свойственно традиционной фольклорной культуре), а посредством его письменной фиксации, не предполагающей заучивание и регулярное воспроизведение: «...а я все по бумаге сейчас. Я стараюсь голову не напрягать» (М.М. Анিকেева). Со временем это неизбежно приводит к стяжению текста, а затем и к полному его забвению. Чтобы убедиться в этом, достаточно сопоставить записи заговоров последних лет с теми, что были собраны в кенозерских деревнях экспедициями МГУ:

1959 — «Корова затоскует, дак как ведешь, ее следочки срываешь да через ей шибаешь да говоришь: “Я следочки срываю, тоску снимаю с рабы Божьей Пестроноушки с ретивого сердца, с буйной головы”. Тоска и проходит» (А.Н. Тишинина, д. Усть-Поча; АКФ. 1959, т. 19, № 51);

2015 — «...чтобы мне не жалеть, чтобы я не переживала, говорят, где корова прошла, из следа надо взять земли и вслед за коровой бросить трижды» (Е.А. Шмайхель, 1955 г.р., д. Усть-Поча; АКФ. 2015, т. 1 № 48).

Другая причина редукции традиции состоит в том, что в наши дни местные жители отказываются от содержания домашних животных, поскольку скотоводство — трудозатратная отрасль сельского хозяйства. В ситуации резкого сокращения населения деревень и трудности сбыта молочной продукции кенозёра предпочитают не производить ее, а покупать в магазинах привозные продукты.

Примечания

¹ Ср.: Мороз А.Б. Пастух и леший // Живая старина. 2002. № 4. С. 44–45; Его же. Пастушеская обрядность в восприятии пастуха и крестьянской общины // Актуальные проблемы полевой фольклористики. Вып. 2. М., 2003. С. 42–52; Его же. К вопросу о статусе северно-русского пастуха // Северный текст в русской культуре. Архангельск, 2003. С. 203–216.

² Здесь и далее АКФ — архив кафедры фольклора (русского устного народного творчества) филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова.

³ Подробнее о ритуальной модели обмена между сверхъестественным и человеческим мирами см.: Лотман Ю.М. «Договор» и «вручение себя» как архетипические модели культуры // Лотман Ю.М. Избранные статьи: в 3 т. Таллин, 1993. Т. 3. С. 345–355.

⁴ Образец пастушеского отпуска, записанного на территории Кенозерского национального парка в 2002 г., см.: Ведерникова Н.М. От Егория до Покрова: скотоводческая обрядность на Кенозере // Актуальные проблемы полевой фольклористики. М., 2004. С. 131–140.

⁵ Ср.: Мороз А.Б. Пастушеские отпуска на русском Севере // Живая старина. 2002. № 3. С. 48–51; Его же. «Лесной отпуск». Тайное знание северно-русского пастуха и его репрезентация в крестьянской общине // Локальные традиции в народной культуре Русского Севера: материалы IV международной конференции «Рябининские чтения — 2003». Петрозаводск, 2003. С. 206–208.

⁶ См. статью А.А. Ивановой «Здесь молитв столько не знали, сколько заговоров и приговоров...»: Заговоры А.Н. Тишиной в контексте магических практик Кенозерья» в настоящем сборнике.

⁷ В рукописи целевая установка этого заговора обозначена следующим образом: «на жар, вымя, продой».

⁸ В статье сохранена орфография и пунктуация рукописного заговора, призванного «доставать молоко».

⁹ Текст заговора публикуется из рукописного собрания с сохранением орфографии и пунктуации источника.

«Ране везде хозяева были...»: Леший в культурном ландшафте Кенозерья

Одна из наиболее дискутируемых в современной фольклористике проблем — уровни и формы проявления локальной специфики фольклорной традиции — получает новый разворот, если рассматривать ее через призму концепции культурного ландшафта¹. Последняя позволяет выявлять факторы влияния на состав репертуара и особенности его бытования, находящиеся за пределами народной вербальной культуры. С наибольшей очевидностью это проявляется в фольклорных текстах, сориентированных на местную географию и историю (предания, былички, бывальщины, «географические песни»).

Состав и структура мифологического пантеона в конкретной локальной традиции напрямую зависит от природного ландшафта, селенческой и хозяйственной инфраструктур. Кенозерье относится к таежной зоне с ярко выраженным лесным промысловым типом хозяйствования. Лес для местных жителей и сегодня остается не только средой обитания, но и одним из основных источников существования. Неслучайно дух (или хозяин) леса занимает в мифологической картине мира кенозёр доминирующую позицию, что выражается в разнообразии мотивов и сюжетов, с ним связанных (см. «Указатель мотивов быличек о лешем», приведенный ниже)², а также жанровых форм, в которых может быть представлена и межпоколенно транслирована информация о нем (поверье, быличка, заговор, ритуал).

О популярности лешего и почтительном отношении к нему местных жителей свидетельствует разветвленная система именовании: его ласково и уважительно называют *хозяином*, *батюшкой*, а также по месту обитания — *лешим*, *лесовым*, *лесовиком*, *лешаком*. Нередко в рассказах кенозёр эти номинации объединяются, поскольку леший считается полновластным хозяином лесных угодий. И если человек отправляется в лес за грибами, ягодами, поохотиться или заготовить дрова, то он должен попросить на это изволения у *лесного хозяина* (№ 9–11). Этими поверьями определяется характер помощи или вреда, наносимого лешим человеку: он оказывает содействие в охоте, сборе ягод и грибов, пастьбе (№ 8); заводит человека в чашу и болото (№ 15–22); «запирает» скот (№ 14, 25); уводит проклятого (№ 23–25); наказывает за ночлег на дорогах, по которым ходит (№ 26, 27).

По совокупности перечисленные мотивы составляют характерный для северо-русской традиции репертуар о лешем, но степень популярности каждого из них в разных субрегионах Русского Севера различна³. Так, в Пинежском районе Архангельской области наиболее частотно фиксируется рассказ о том, как леший пугает человека, заночевавшего в лесной избушке⁴; в Афанасьевском районе Кировской области, издавна находившегося в зоне северо-русской ко-

лонизации, — о лешем, «закрывающем» скот⁵ (на Пинежье данный мотив связывается не с лешим, а с колдуном). Причины подобных «предпочтений» коренятся в хозяйственной сфере. Личные охотничьи *путики* (тропы) пинежан обыкновенно находились на большом расстоянии от деревень, расположенных в непосредственной близости от рек⁶, поэтому охотники уходили в лес на длительный срок. Соответственно каждый имел свою лесную промысловую избушку. Пинежане и сейчас называют их не лесными, а боровыми, подчеркивая тем самым удаленность от обжитого пространства: эта территория рассматривается ими как место обитания *борового*, которую тот тщательно оберегает от человека. Приход хозяина леса к ночующему в избушке охотнику с целью выдворения того из леса считается едва ли не обязательным событием во время промысла: редкий пинежский информант не расскажет подобную историю. На Кенозерье же охота в основном велась в непосредственной близости от дома, поэтому отпадала необходимость возведения в лесу временного жилища. В итоге рассказы о лешем, пугающем охотников, заночевавших в лесу, редко фиксировались экспедициями МГУ в 1959, 2013, 2015 гг.

Популярность в Кенозерском крае другого сюжета (о том, как леший «закрыл» корову) связана с распространением на данной территории вольного типа выпаса скота, при котором единственным оберегом от лесного зверя служили возводимые лесные и полевые изгороди, которые без особого труда преодолевались животными. Как следствие, случаи потери скотины были нередкими. Причину этого местные жители усматривали не столько в естественном, сколько в сверхъестественном факторе — кознях лешего, решившего проучить нерадивую хозяйку за то, что она «слешакала» корову или не по правилам выгнала ее на пастбище.

Сравнение материалов экспедиций 1959, 2013, 2015 гг. позволяет утверждать, что репертуар разножанрового материала о лешем за столетия сузился главным образом за счет утраты мотивов, так или иначе связанных с лесными промыслами — пастушеством и охотой. Первый практически исчез вследствие отказа местных жителей от содержания домашнего скота (см. об этом статью А.А. Ивановой и П.П. Артемьевой «Дойся, раздавайся, моя коровушка, на большое молоко...»: Скотоводческая магия Кенозерья» в настоящем сборнике), а второй из сферы промышленного производства перешел в сферу досуга, отдыха. Соответственно информация о лешем по данным практикам скупа, носит обобщенный характер и передается в форме паремий, а не развернутых нарративов. Ср.: «[У вас был разговор, что хозяин помогает?] *С отпуском, да, я слышала*» (Е.А. Шмайхель, 1955 г.р., д. Усть-Поча).

Другая причина редукции репертуара состоит в изменении отношения к рассказываемым историям о лешем. Подавляющее число информантов, с которыми нам довелось поработать в 2013, 2015 гг., — люди 1950-х гг. рождения, выросшие в период активной антирелигиозной пропаганды. Стоит ли удивляться, что

обычно первая реакция кенозёр на наши расспросы о домовом, водяном и лешем была такой: «Что ты, девка? Я уж при советской власти родилась и выросла». И лишь собирателям, проявившим терпение и такт, по ходу разговора все-таки удавалось подвести собеседников к передаче более объективного, взвешенного отношения к рассказанному.

Веру кенозёр в истинность историй о лешем можно назвать «мерцающей». Она позволяет в границах одного текста (обычно в его начале и конце) представить альтернативные точки зрения: «Правда или неправда — мы не верим. Самим видеть не получалось» (М.М. Аникеева, д. Усть-Поча), «Этого никто не видел <...> Вот это было на самом деле. В это можно поверить» (В.В. Нечаев, 1955 г.р., д. Усть-Поча), «Может быть, он на самом деле есть, а может, и нету» (Т.С. Калитина, 1956 г.р., д. Вершинино). Дополнительным стимулом убежденности информанта в истинности повествования служит авторитетность источника получения информации: «[Вы верите, что в лесу какой-то леший, лесовик?] Этому не верю, но есть... [А слышали что-нибудь такое?] Ничего не слышала, но есть. [А откуда же Вы знаете?] А потому что мама сказала: “Девки, вы ходите осенью... (сентябрь, октябрь, мы за ягодами ходим, за клюквой) вы после 25 октября не ходите в лес”. Я говорю: “Мама, почему?” — “Лесовик заберет”. Я говорю: “Да неужто лесовик?” Ну, мама так сказала, что есть лесовик» (Н.В. Лобади́на, 1952 г.р., д. Усть-Поча).

Пока в сознании кенозёр сохраняются усвоенные от предыдущих поколений модели идентификации мифологического персонажа, позволяющие «отличить» простого человека от лешего, истории о последнем будут более-менее регулярно воспроизводиться в живой фольклорной традиции. Одна из исполнительниц объяснила это так: «Я не знаю, я так лично не видела. Ну, старики-то раньше рассказывали.<...> Идешь да что-нибудь в голову-то стукнет» (Т.Ф. Новожилова, 1956 г.р., д. Усть-Поча). Это «что-нибудь» — характерные признаки лешего: его внезапное появление в определенных точках лесного пространства, приметные особенности внешнего облика (старый человек, одетый в длинную или старинную одежду — № 1–5) и др. Ссылкой на подобные общеизвестные в конкретной местности признаки рассказчики и пытаются доказать, что они столкнулись с хозяином леса, а не со случайным прохожим или грибником: «...из лесу же никто больше не выйдет кроме лесового» (Т.С. Калитина, 1956 г.р., д. Вершинино). Утрата памятью данных идентификационных маркеров лешего, скорее всего, заставит видеть в человеке, внезапно появившемся из леса, заезжего туриста, а не демоническое существо.

Постепенное расшатывание веры в существование сверхъестественного мира неизбежно ведет к утрате и ритуальных практик, адресованных ему (в сфере магии как профессиональной, так и общеупотребительной). И если приговоры, обращенные к лешему во время сбора грибов и ягод, пока еще фиксируются более-менее регулярно (№ 9–11), то ритуал вывоаживания «закрытой» лешим

скотины или человека в полном объеме в 2015 г. записать не удалось. В лучшем случае информанты рассказывали о действиях заклинателя, но что он при этом приговаривал, никто сообщить так и не смог, ср.: «А раньше я держала скот, у меня была овца-матка, она у меня потерялась в лесу, она ходила все с коровами. Ну, нет ее, нет и все. Ну, я ходила к бабушке, она мне и говорит... Вот слова забыла. Она мне сказала: “Стань на ростань и возьми черного хлебушка кусок, посоли и закопай в землю — лесовичку гостинец”» (Н.Е. Тишина, 1952 г.р., д. Усть-Поча). Говорилось же в таких случаях, если судить по более ранним записям, следующее: «Царь лесной, царица лесная с малыыми детками, я вам помолюся и покорюся. Я пришла к вам не пустая, а с гостинцем, подарочком. Подарочек не простой, а золотой для ваших деточек. Спасите и сохраните мою скотинку на правильный путь домой заговорит»⁷.

Отмеченный процесс утраты веры в лешего со временем не мог не породить игрового, иронического отношения к системе верований, что, в свою очередь, способствовало формированию текстов, созданных в жанрах смеховой фольклорной культуры — сказки и анекдота: «А еще бабушка рассказывала анекдот тоже. Присказку. Идут два леших-то по деревне. А один одному и говорит: “Смотри-ка, баран-то голову засунул в забор. Давай вытащим, а то сейчас нас будут с тобой ругать”. — “Да мы с тобой ведь не пихали, зачем нас будут ругать-то?” Не успели они отойти от этого забора, выбегает женищина и кричит: “Куда вас леший занес?” (Это деревенская пословица). Он поворачивается: “Я же тебе говорил, что нас будут ругать!”» (З.М. Машакова, 1944 г.р., д. Вершинино; АКФ⁸. 2015, т. 2, № 391).

Ниже приводится указатель мотивов кенозерских быличек на момент их фиксации в 2013, 2015 гг. с отсылкой на соответствующие тексты, помещенные в Приложении к данной статье.

Указатель мотивов быличек о лешем

1. Проявление

1.1. Номинация:

- леший — 1, 5, 17, 19, 22, 23;
- лесовой — 2, 5, 15, 17, 20, 21, 23, 26;
- лесной — 26;
- лешак — 15, 24;
- лесовик — 25;
- батюшка леса — 10;
- хозяин леса — 7, 10, 18;
- хозяин лесной — 8;
- хозяин, хозяйка — 3;
- старичок-лесовичок — 9.

1.2. Ипостаси:

бестелесный (невидимый) — 8, 11, 14, 20, 21, 25, 26, 27;

антропоморфный — 1-4, 5, 12, 15-19, 22, 24;

зооморфный:

- медведь — 5, 17;

- собака — 6;

атмосферный:

- ветер — 5, 7, 14, 15, 17.

I.3. Внешний облик:

пол:

- мужской — 1, 4, 5, 12, 15-19, 24;

- женский — 2, 3, 22;

семейный и социальный статусы:

- родственник — 15;

- кум — 16;

- знакомый — 4;

рост:

- большой — 6;

возраст:

- старый — 3-5, 12, 15, 17, 18, 22, 24;

внешность:

- горбатый — 12;

- обросший ветвями — 12;

- с длинными белыми волосами и бородой — 18;

- бородатый — 24;

одежда:

- старинная одежда — 2, 3;

- длинная одежда — 4;

- длинный серый плащ — 19;

- армяк, подпоясанный красным кушаком — 15.

I.4. Место:

поляна — 1;

лес — 4, 21;

лесная дорога — 2, 3, 5, 6, 10, 12, 16-20, 26, 27;

лесная избушка — 13;

деревня — 24.

I.5. Время:

день — 1;

ночь — 13, 26, 27;

послеполуденное — 15;

лето — 1-4, 6, 9-11, 15, 25.

II. Помощь

II.1. *Промысел:*
скотоводческий — 8.

III. Вредительство

III.1. *Пугает стуком* — 13.
III.2. *«Запирает» скот* — 14, 25.
III.3. *Заводит человека в опасное место (озеро, болото и др.)* — 15-22.
III.4. *На свадьбе лешего* — 22.

IV. Наказание

IV.1. *Уводит проклятого, отданного ему неосторожным словом:*
человека — 23, 24;
домашнее животное — 25.
IV.2. *Пугает за ночлег на дороге, по которой он ходит,* — 26, 27.

Приложение

1. Мы тоже были с моим хозяином на сенокосе. Мы сено пошевелили, пообедали. Пока сено подсохнет, он лег прямо на траву, а я сидела на пенечке, слышу — хруст! Поляна передо мной. Слышу хруст, говорю: «Кто-то ходит». А он говорит: «Леший там ходит». А у меня язык длинный, я говорю: «Да хоть бы один раз посмотреть, какой он есть». И вышел мужик на поляну. Обычный мужик. Он вышел из лесу, не навстречу нам, ко мне он спиной: пятнистая куртка, рюкзак, шапка. И он вдоль леса так и пошел. Как он тихонько вышел, так он тихонько куда-то и потерялся. [Такого разговора, что хозяин может высоким показаться маленьким, не было?] Ну, я тут видела высокого мужика, но сзади. Меня теперь всегда страх берет, когда я на эту поляну прихожу. Мне надо было потом бежать, сено пошевелить, и у меня было такое впечатление, что на меня из кустов кто-то все смотрит» (Е.А. Шмайхель, 1955 г.р., д. Усть-Поча; АКФ. 2015, т. 1, № 18).

2. А пошли мы в лес за черникой. Мы ходили... И такая называется Степановкая, у нас там дорога, по этой дороге пошли. Шла я не одна, нас шло трое. И там обычно говорили, что, мол, водит, шо может казаться. Вот мы идем по тропинке... У меня до сих пор вот мурашки, когда начинаю рассказывать, поэтому туда сейчас не ходим вообще. И мы идем по этой тропинке, перед нами прямо на тропинке стоит женщина. Идем, значит: впереди девчонка шла молодая — подружка дочери моей, потом шла еще женщина, потом шла я (третья, последняя). Она стоит прямо на тропинке, тропинка узкая: ну, в лесу же. И вот я до сих пор помню, как эта женщина была одета. Сейчас уже просто так никто не одевается. Старинный такой клетчатый платок (вот раньше в старину такие носили), завязанный назад, котомка за плечами (не рюкзак, а котомка, вот которая так завязывается на узел), сапоги литые такие вот длинные, юбка холщевая тоже она как бы старинная и эта... И фуфайка, и корзина на руке. Значит... А Яна впереди шла. А мы идем, разговариваем друг с другом — она почти что в упор: метра, может,

три до нее было или сколько. Янка глаза взмахнула и говорит: «Тут-то еще что за чучело?». Я-то поняла, потому что она одета-то не так, как люди, которые это... «Яна, сворачивай с тропинки». Она: «Что я буду сворачивать?» — «Яна, сворачивай с тропинки». Потому что мне стало страшно, что будет, если мы до нее дойдем. Она свернула, мы сделали вид, что пошли тут собирать. Она так и осталась на тропинке стоять, но она ничего не сказала, ничего абсолютно. Мы свернули, значит, с тропинки. Какие ягоды? У нас волосы на голове шевелятся от страха. И когда мы уже зашли за кусты собирать ягоды, она нам крикнула: «Здесь я собираю». И мы обошли это место, там снова по тропинке ушли совсем в другое место. И пока мы ходили по лесу, мы на эту тему не разговаривали вообще. Уже когда мы вышли обратно из леса и пошли по проезжей дороге, где машины ездят, только тогда мы начали разговаривать на эту тему. Видно, как получается, лесовой, наверное, вот так показался нам, в таком виде получается так, наверное. И вот сейчас туда в это... не ходим. И там, как говорят, водит вот на этой дороге и кажется. Показывается лесовой в разных видах: то он вот женщиной показался, то покажется мужчиной в каком-то облики, поэтому мы верим (М.И. Тишинина, 1965 г.р., д. Усть-Поча; АКФ. 2015, т. 5, № 8).

3. Еще бабушку видели, хозяйку. Вообще непонятная бабушка. Лесная бабушка, хозяйка. Они пошли по ягоды. Их было человека три-четыре, наверное, с девочками (они детей взяли). Это несколько лет назад было уже. И они пошли там по чернику. Идут и на тропинке, по которой они идут, стоит старушка. Она подробно помнит ее наряд: она в этих, которые раньше носили, литых резиновых сапогах, в куртке, платки вот эти клетчатые у нее повязаны, корзинка на руке... Она стоит и им говорит: «Это мои ягоды. Я здесь беру». А они только начали собирать. И не пускает их дальше идти! Они и не пошли, они куда-то ушли в сторону, там что-то начали собирать. Головы поднимают — бабушки никакой нет. Они побрали немножко и скорей-скорей ушли домой. Вот не хозяин, а именно хозяйка» (Е.И. Нечаева-Аникеева, д. Усть-Поча; АКФ. 2015, т. 2, № 138).

4. Один дедушка рассказывал... Тоже всю жизнь охотником был. Сосед наш. И ходил в лес на охоту да на рыбалку. Все время в лесу проживал. Всю жизнь прожил, уж пожилой стал. Не видал. «А тут иду, — говорит, — а мне навстречу идет знакомый. Свой сосед, деревенский. Одет в рядницу (так называлась тканая долгая одежда). Идет и говорит: “Погляди-ка сколько малины”. Я взглянул, — говорит, — а малины столько! Тут малиника-то не было! Дак меня, — говорит, — взадорило! Я взял нож... Раньше не было ведь этих ведерок да корзинок — берестину отдерут да свернут, дужку сделают, вот корзинка-берёста. Разговариваем с ним, и он тут ходит. А потом, — говорит, — погляжу — у меня уже полно малины: малина крупная, хорошая... Ну, надо идти домой. А он надо мной, — говорит, — засмеялся. Он такой был: спесивый деда. Говорит: “Эти ягоды ты есть не будешь!”». И какие-то слова еще сказал и засмеялся над им. Он размахнулся — корзина-то его хлопнула, ягоды рассыпались... И дедка нет, и ягод нет! Да. Он с дедком брал ягоды, гово-

рит, засмеялся надо мной. И маличника нет. Вот рассказывал, дак все удивлялись (З.И. Головкина, 1936 г.р., д. Усть-Поча; АКФ 2015, т. 2, № 180).

5. Было в детстве, а овцы у них... не пришли домой овцы. И вот мать заставила ее идти за овцами — искать этих овец. И она говорит: «Я пошла, иду по дороге, гляжу — мне в след старик с кошельком идет. Я догоняю этого старика, чтобы не страх идти-то. Бежала, бежала, вдруг передо мной медведь оказался. Медведь! Я испугалась да обратно бежала, а лес как начал... Ветер так сходил, аж по пятам свищет. Вот еле до дома добежала». Этот леший... Лесовой есть тоже. Вот она рассказывала вот это (Н.В. Березина, д. Погост; АКФ. 2015, т. 5, № 44).

6. Вот мама рассказывала мене. Она раньше пошла с отцом да с двумя братьями за ягодой, за морошкой. И вот в лесу нельзя кричать по имени, например «Вася» или «Саша», надо аукаться. А у них была еще... Она говорит: «Собака с нами побежала, и отец был с ружьем». Вот. И собака-то залаяла в сторонке, а отец-то пошел как на лай-то. Вот пошел, а она осталась на дороге. А эти два брата у нее были, тоже постояли-постояли и тоже побежали к отцу посмотреть. Вот убежали, нету, нету никого. «Я, — говорит, — стою одна на дороге и давай кричать, тоже небольшая была: “Вася! Саша!” По именам. “Папа!” Никто не откликается. Я, — говорит, — кричала-кричала — никого нету. Потом, — говорит, — что-то как голову поверну, — говорит, — такое толстое дерево, вот такое дерево, у дерева такая здоровенная собака сидит. Вот на меня, — говорит, — смотрит. И ружье поставлено около дерева. Вот ружье поставлено, и больше никого нету. Я, — говорит, — поглядела-поглядела, вся перепугалась, потихоньку-потихоньку задом, задом, задом и домой убежала. Убежала, — говорит, — а их все нет». Они вечером приходят, ягод принесли, давай ее ругать, что: «Почему ты с нами не пошла?» А она говорит: «Вы от меня убежали на этот лай собаки-то посмотреть-то. Я кричала, а вы мне не откликнулись». И рассказала им, а они не верят, что так. Они, мол, на нее, что тебе не хотелось идти, ты не захотела идти с нами, что мы, мол, сразу и вышли на дорогу... Вот такое вот рассказывала она. Не знаю... (В.И. Конторина, 1949 г. р., д. Мыза; АКФ. 2015, т. 3, № 86).

7. Хозяина леса не видел, но однажды у папы пропала тёлка. Он сходил, поворожился к бабе Лене и потом пошел искать. Взял колокол с собой тоже: ну, как вешают на шею коровам. Взял, чтобы корову имитировать там. Говорит: «Иду себе, бренчу-бренчу все этим колоколом. И вдруг, — говорит, — слышу такой шум! Ко мне все ближе этот шум, лес шумит изо всех сил, — говорит, — начало гнуть деревья! Я этот колокол не знаю, куда... За пазуху-то его зачихал, — говорит, чтоб он не брякнул-то у меня. И, — говорит, — не помню, куда бежать». Вывернул пиджак на левую сторону, колокол туда зачихал да в худых животах прибежал домой. Вот это, — говорит, — было что-то. Не видел никого, но деревья гнуло до земли! Это он сам рассказывал. А потом через несколько дней мужчины ходили, рыбачили у озера — нашли (А.Н. Ножкина, 1954 г.р., д. Вершинино; АКФ. 2015, т. 2, № 362).

8. Вот отец у меня рассказывал, был такой пастух. Идет к воротам, там чего скажет, и коровы бегут, даже хвосты у них задраны, как будто их кто-то гонит. А он их не пас, как говорят: будешь пасти головой и будешь пасти ногами. Если ты с головой, так попросишь хозяина лесного. Так он тебе поможет, а если ты не попросишь, так будешь пасти ногами. Будешь бегать за каждой коровой. Ну, в общем, так говорили (С.А. Нифонтова, 1966 г.р., д. Усть-Поча; АКФ. 2013, т. 11, № 86).

9. И в лес приходя, тоже: «Старичок-лесовичок, пошли мне беленьких грибов». Я и сейчас с лесом здороваюсь. А как? Конечно! Можно поздороваться с любимым деревом, можно лапочку, ветку, пожать или просто поговорить. Можно им даже гостинец принести, только его надо кидать, не глядя, через плечо. Можно красную тряпочку или хлебушка кусочек. Ну, или просто поблагодарить (Е.И. Нечаева-Аникеева, д. Усть-Поча; АКФ. 2015, т. 2, № 141).

10. Это меня учила Марина Ермак. Она говорит, что перед тем, как в лес зайти вглубь <...> за грибами там, за ягодами, надо поздороваться с хозяином леса, хозяйшкой леса. Да и чтоб она тебя не водила, не крутила нигде: а как ты зашла, чтобы ты и вышла <...> Подходишь только к лесу, но еще не заходишь, идешь пока там по дороге большой, там поклонись: «Здравствуй, батюшка леса! Здравствуй, матушка леса! Вот пришла я к вам!» (К.Ф. Шишкина, 1940 г.р., д. Шишкина; АКФ. 2013, т. 9, № 44).

11. И причем вот что удивительно. Я же говорю, что я в эту чертовщину никогда не верила. И вот это... Я хожу одна всегда по лесу. И вот бывает: идешь, идешь... А ну тоже меня научили, что здороваться надо. Я пришла за ягодами: «Я же ягоды, — говорю, — беру не для продажи, я для детей своих и себе на зиму, на варенье». В общем, объясняю: «Так что ты мне помоги!» Или за грибами там иду. И вот что интересно: хожу, ищу грибы, ищу, ищу. Вот я далёко видела, особенно когда лисицы, дак хорошо видно, далёко видно, где гриб стоит. А тут, значит, иду, иду и разговариваю: «Что это за лес? Лесу полно, а ничего нету!» А вот какой-то внутренний голос, понимаешь: «А ты не ходи туда!» А я говорю: «А я далеко вроде гриб вижу!» — «А ты туда не ходи, а ты иди туда-то, иди чуть-чуть направо». Сверну направо, смотрю — там семья: три, четыре, пять... Слышишь вот явно голос, явно слышишь! Голос такой женский: «А ты вернись назад!» (К.Ф. Шишкина, 1940 г.р., д. Шишкина; АКФ. 2013, т. 9, № 45).

12. Женщина рассказывала, что она заблудилась, сидела на пеньке. Ей руку положил старый человек на плечо и показал выход. Она не поверила: думала, завести хочет. Она пошла той дорогой и вышла на другой берег стороны. [А как он выглядит?] Он описывается как старичок горбатый, весь в ветвях, обросший весь (Семен, 2002 г.р., д. Усть-Поча; АКФ. 2013, т. 11, № 2).

13. Я от отца слышала. Он был охотник и рыбак. И однажды. Не однажды, он часто ночевал ночью в лесу, в избушке. И вот он лег раз спать, пошел на охоту. И, значит, стучат. В стену стучат. Он вышел: «Кто там?» Никого нет. И вот он так

вышел три раза. И после третьего раза он уже не решился зайти в эту избушку. И спал около костра, около избушки (Л.В. Парфенова, 1952 г.р., д. Усть-Поча; АКФ. 2013, т. 5, № 124).

14. Отец у меня рассказывал. Потерялись овцы у них, а баран такой, говорит, здоровый был. Давай искать. А баран бегал, кого-то бодал. «Мы, — говорит, — не видим, кого. И нас не подпускал. Лес-то шумит. А он такой, у него рога здоровые. Он бодал кого-то, ткнет и назад, ткнет и назад. Мы-то не видим никого» <...> А потом окрестили его, он успокоился, и это все пропало. И барана привели обратно в деревню (А.Д. Рыкова, 1931 г.р., д. Коровино; АКФ. 2013, т. 7, № 166).

15. Моя мама была со своей подругой на сенокосе в лесу и надумала сходить домой. После полудня они пограбили сено, и та отправилась по тропинке в деревню, дошла до ручья и вздумала напиться, прильнула к воде губами и вдруг почувствовала, что кто-то на нее глядит. Обернулась — позади стоит старик в армячишке, подпоясанным красным кушаком. У мужика суховата палка. Невестка-то сразу признала в старике своего родного дядю Степу. Говорит ему: «Дядя Степа, ты-то тут откуда?» А он ей отвечает: «Я тут осоку кошу. Пойдем, девка, со мной». Она и подчинилась. Идут они непонятно в каком направлении, подошли к незнакомому озеру, вода в нем черная — ни лопух, ни зерен травы в ней не растет. Старик выломал палицу и стал подругу мамину хлестать и приговаривать: «Брыви в воду!» Девка в слезы: «Боюсь, утону». Старик сам вошел в озеро и кричит: «Брыви за мной. Я впереди пойду». И вот пошли они вместе, а озеро-то им по колено. Перешли на другой берег, тут только девица-то додумала, что это никакой не дядя ее ведет, а сам лесовой. Лешак, в общем. Тут она быстренько стала креститься и молитву читать. Так вот когда она начала читать, поднялся в лесу ураган, деревья стали падать, грохот такой мчался, что страшно это даже представить, а старик повернулся к маминой подружке и с хохотом говорит: «Догадливая ты, девка! Догадливая! Не дядя Степа я, не дядя твой! Ладно, прощай». И сгинул старик в лесу, а тут и ветер стих. Тишина наступила. Девка немного поплутала да на свою тропинку вышла. Так домой потом всю дорогу бежала (Н.В. Березина, д. Погост; АКФ. 2015, т. 5, № 53).

16. А тут случай тоже был. Тоже рассказывала Лиза. Нету в живых-то, нико-го в живых-то нету. Отец у ей охотник был. Лошади были спущены. В лесу силки были поставлены, на рябчика. «Пойду, — говорит, — силков по пути погляжу, где кони ходят наши. Иду, — говорит, — а впереди меня идет мужик. Я, говорит: “Кум! (он показался кумом). Подожди, — говорит, — меня-то, вместях пойдем”. А это кум нет, идет и идет, а я этого кума догнать не могу. Дошли, — говорит, — он остановился. Стоит будто сарай. А под сараем такая, в деревнях-то такое делалось, чтобы курицы лазали, чтобы ходили на воле, такая дырка. Он говорит: “Лезь в эту подворотню”. А он говорит: «Ты что?» — говорит. Его заматюжил. «Ты что, — grit, — я к курям полезу туда?» Заматюгался, оказалось: это все поте-рялось, и показалось озеро. «Вот хорошо, — говорит, — вот так, если бы только я

полез, потонул бы». Вот есть всякий, видит. Он заматюгался, да я вам покажу... Да в обратную сторону пошел, некогда было посмотреть силков, какой ряб будет. Всякие случаи были (А.Д. Рыкова, 1931 г.р., д. Коровино; АКФ. 2013, т. 7, № 148).

17. Так у нас тут запросто заблудиться. У нас мама рассказывала тоже вот. Она маленькая тоже была. Ну, в детстве, не знаю, сколько лет было: может, десять было, может, больше. Тоже, говорит, мать ейна послала ее: не пришли домой овцы. Она послала ее за овцами. Она говорит: пошла за овцами. «Иду, — говорит, — по дороге. Шла, шла, — говорит. — Вдруг передо мной сказался старик: идет с кошелем. Я, — говорю, — бежу за этим стариком, его догоняю. И я его догнать никак не могу, — говорит, — чтоб вместях идти искать. И бежала, бежала... Не могу догнать. Вдруг передо мной, в каких-то там пяти метрах, — говорит, — медведь оказался (он уже перевернулся, этот старик, медведем). Я, — говорит, — испугалась. Да как только не это, так испугалась, бежала домой без оглядки. Не знаю, как даже добежала домой. А бежу-то, ветер-то сильный, — говорит, — сильный, меня по ногам-то хлещет. Леший, все говорят, лесовой. Вот прибежала, мама говорит: «Тебя леший гнал, хорошо, — говорит, — он тебя не увел, а мог бы увести». И все» (Т.В. Подосёнова, 1953 г.р., д. Погост; АКФ. 2013, т. 5, № 25).

18. И он ушел, понимаете. Он идет, пошел за лошадьми, и ему встречается, ну, дед очень старь-старь, с длинными белыми волосами и с бородой. И он grit: «Пошли со мной». И всё. Идут очень быстро. Он и за ним бежит бегом, вообще даже не чувствуя ног под собой, не устает. Какой ручей попадет на пути, он перепрыгивает этот ручей, речка — запросто. Хотите, верьте, хоть не верьте, он его целую неделю водил. Там уже куда он его вывел-то? На Важенской дороге. Потом мать пошла вот тоже просить у хозяйки леса и хозяина леса. Оно потом, видно, дошло, пересеклись эти силы добра и зла, да. И он рассмеялся, засмеялся громко-громко, grit: «А, догадались! <...> Иди вот на эту дорогу, беги домой». Он пришел, пришел, дак его не узнали: весь обрит сталсы, весь ободранный, всё весь прицарапанный, покусан (А.А. Семенова, 1928 г.р., д. Зехнова; АКФ. 2013, т. 4, № 91)

19. Мы пошли с сестрой там за речкой... как оно называется... за реку, перешли мостик, так по тропинке там пошли. Есть у меня, такое вот есть место, я заметила. Вот до того места дойдешь, вот остановишься, и тропинка теряется, перейдешь, вот даже вот знаешь до какого места дойдешь — потеряется тропинка. Пошли мы с сестрой, вдвоем-то. Она рядом, думаю, она на тропинке вот тут пусть станет, а я чуть-чуть зайду. Я зашла, и это самое, и она ко мне пошла. Я ей говорю: «Ты стой». И она ко мне идет, и мы с ней потеряли тропинку: вот она была вот тут, но ее нету, нету ее этой тропинки. Мы только пришли за грибами-то, немножко пособирали по тропинке, ходили то на одну сторону, то на другую сторону. Я говорю: «Туда дальше не пойдем». И все — потерялась тропинка, тропинка потерялась. Я пошла, вот чувствую, что она тут была, я вот так прямо-то иду, видела ее несколько шагов буквально, а нету тропинки. Я ей-то ниче

не говорю: она пугливая-то у меня немножко, сестра. Я ей ниче не говорю, а сама-то пошла. Пошла иду, иду, иду, чувствую, что лес, и тропины никакой нету. Я стала соображать, думаю: «Так, мы шли так, значит, надо идти немножко туда, типа к берегу, а если туда, то это чисто в лес». И вот я иду и чувствую, что тропинки мне не найти уже. Я смотрю так — мужик собирает грибы. В длинном сером плаще собирает грибы, и я смотрю: грибы это... сыроежки тогда уже пошли. Подходим к нему, а он исчез, вот собрался будто и ушел. Бывает такое в лесу, если какой-то грибник есть — они особо не разговаривают. А с лесим разговаривать вообще нельзя — он уведет. И не найти будет тебя никому. Мы-то знаем деревенские все это все. В общем, я подхожу к нему-то, Надя говорит: «Давай спросим у него, куда идти». А я-то тогда-то тоже была молодая. Она была девчонкой, а я-то замужем. Я как подошла, а смотрю, где он грибы-то взял, грибы-то все стоят. Все стоят — не срезан ни один гриб, и я ей сказала: «Спрашивать не будем». Поняла, что это не человек, и я ей сказала: «Переодевай кофту». Мы все-то не переодели, а куртку переодели. «Платок переодень на левую сторону». И сама тоже курточку переодела и платок. И сразу вышла. И сразу я вышла из лесу, и я вышла из лесу, и у нас было четыре катища, и катища примерно по километру вот эти катища... И мы вышли на последнем катище — хорошо еще, что переоделись. Я-то поняла, что этот мужик че-то не то. Вот иду я и из лесу-то выйти не могу. Переоделись и сразу вышли. Мы шли, и нас ноги несли не к берегу, чтоб выйти, а все вдоль катища, вдоль дороги, он не пускал нас. И только мы переоделись, вся эвонная власть закончилась... А мы потом идем, а Надя и говорит: «Мужик-то в черной куртке, в штанах так быстро убежал, надо было спросить». Мне-то он показался в шапке... в шляпе такой, как рыбаки-то вот есть... И длинный серый плащ. Ей вот такой, а мне такой. Разная одёжа (Н.Е. Тишина, 1953 г.р., д. Усть-Поча; АКФ. 2015, т. 5, № 26).

20. Ну, рассказывали, тут однажды. Не мать мне рассказывала, а кто-то другой. Еще в детстве это было... Тут партийных было очень мало, товарищей партийных. Ну, они все такие идейные были, они сразу: Бога нет, а тем более этого, ну, тут напридумывали, того нет, этого нет <...> Поехали они туда рыбачить, два мужчины: вот один партийный, а второй нет. Один, в общем-то, придерживался: ну, да, есть, почему нет? Мы все с детских лет... А этот говорит: «Да ну-у!» Вроде бы и местный, а уже где-то нахватался в верхушках. Говорит: «Да ничего, это — ничего, нет ничего». Сидят, а рыбка там хорошо клевала... Вот они ловят рыбку, хорошо клюет. А партийный говорит: «Слушай, выпусти меня: мне в туалет надо». Он его выпустил, опять встал на понт, ловит... А того нет, нет и нет... Вроде бы там свои делишки провернул и пошел. «Вот река, вот я только что оттуда пришел». И пошел. Идет-идет, идет-идет, а реки-то нет. Он: «Да что за дела такие? Дай-ка поверну в другое место». Повернул, пошел, идет-идет, идет-идет. Смотрит: лес такой, аж, как у нас есть выражение, в небо ввивается, то есть такой лес, еще топор там не бывал. Лес и всё... Стал кричать, этот не отзывается. Он

туда — там еще больше. Туда — там вообще ельник такой. Вот как сел, думает: да, попал. Что же делать-то? И вспомнил: надо хотя бы перекреститься. Перекрестился, рубаху вывернул на левую сторону, как бы стал другим человеком... Что-то там произнес и сидит, и думает, как он сам рассказывал: так, вот сюда. Только пошел — и река. А тот, в лодке: «Слушай, а ты где пропал-то? Я уже хотел тебя искать». Он говорит: «Давай, подъезжай, сейчас все расскажу». А над ним лесовой подшутил: не веришь — ну ничего, щас заверишь (В.Я. Орлица, 1945 г.р., д. Усть-Поча; АКФ. 2015, т. 3, № 53).

21. Вот рассказ от Таисии Федоровны Прокопьевой. Мама моя еще была жива, и пошли мы с сестрой Людкой за клюквой на болото, забрались в самый конец. За перелеском увидели свою маму. Мы не знали, что она тоже по ягоды ушла. Подошли к ней, а она ни с того, ни с сего и говорит: «Какого лешего сюда пришли? Мою клюкву брать? Я тут собираю. Убирайтесь отсюда». Мы глядим — ягод у нее немного да и мелкие. Ладно, уйдем — места в лесу всем хватит. Прошли еще один перелесок, вдруг небо потемнело, ветер хлестанул с мелким дождичком. Забрели в какую-то чащобу — малинник выше головы, под ногами ямы да кочки — ноги сломать можно. И по этой чащобе не идем, а ползем: в одну сторону двинемся — нет выхода, в другую — тоже сплошные заросли. Не знаем, что делать, поспорили с сестрой, куда идти: мне кажется в одну сторону, а ей в другую. Вот сидим на этой самой большой кочке и спорим, тут я вспомнила мамин рассказ, как она блудила и только после переодевания из леса вышла. Сняли мы с сестрой платья, вывернули их на левую сторону и снова оделись. Вот не поверите, а все так и было. Глядим и глазам своим не верим — в трех метрах от нас старая дорога, заросли малинника пропали. Ой, как мы обрадовались, плюнули на все ягоды и домой пошли, а ведь водил нас лесовой, если бы не переодевания, один бог знает, чем бы это закончилось (Н.В. Березина, д. Погост; АКФ. 2015, т. 5, № 51).

22. Я вот расскажу про своего сына про второго. Ушли они все выпиты. А были еще мужики, они на охоту шли. С Москвы. Они остались сзади, он пошел. Я все готовила, они пришли, все сварено. Его нету и нету. Где он есть? Он пошел, попал, наверно, на этот след. И, говорит, чего какая-то старуха водила, он разделся, сапоги брошены, ружье брошено, босиком ходит по болоту. Потом-то рассказывал: «Я пришел, — говорит. — Она мя как это? Свадьба. Заставила меня плясать: “Пляши”, — говорит. Я, — крик, — плясал на свадьбе». А где? На какой свадьбе плясали? Так вот. А потом чего? То ли расчувствовался, то ли отпустила она его... А мужики ходили, его искали. Стреляли в воздух, что, мол, он откликнется. Он говорит: «Я не слыхал, не слышал». Все закрыто было. И потом попал на эту, говорит, мужики его и нашли. Было, всяко было-то. [А старуха эта кто такая?] А леший (А.Д. Рыкова, 1931 г.р., д. Коровино; АКФ 2013, т. 7, № 147).

23. Вот бабушка Ганя еще рассказывала. Случай был. Родители жили, была у них девочка три годика, и вот, видно, отец или мать изругались: «Кабы леший

тебя увез». И эта девочка ушла, и так и не было семнадцать лет. Не могли найти. В восемнадцать лет пришла во двор. Во двор голая пришла и родителям говорит: «Вы не пугайтесь, это я — дочь ваша». Через пятнадцать лет вот вернулись. Мать-то чуть с ума не сошла. Лесовой, видно, кормил уж чем-то, раз живая. Мать говорит: «А чем ты питалась?» — «А я, — говорит, — вместе с вами за столом сидела». Закрыта была, что не видно ее (Т.В. Подосёнова, д. Вершинино; АКФ. 2015, т. 5, № 46).

24. Училась я тогда в Иванов день. Ведь у нас в Рыжково это самый большой праздник. Народ со всех деревень собирается, все пляшут, и дети маленькие тут же под ногами путаются. А сестре моей, Надьке, тогда было четыре годика. Вот. И она в эту пляску сунулась. Там наша мама тоже кадрили ходила и накричала на Надьку: «Иди ты, девка, отсюда подальше, а то стопчем». После кадрили-то глядь, а Надьки-то нет. Давай искать. Дома-то нет, на деревне тоже нет. Обегали все берега: на хорошее-то не подумаешь! Когда девка потерялась, искали часа два. Потом мама побежала к тете Дуне. Пошла тетя Дуня за деревню, поворожила, вернулась и говорит мамке: «Поди домой и не ищите. Сегодня же сама найдется». Уже ближе к ночи другая моя сестра Машка ходила по деревне, а она, наша потеряшка, стоит у угла дома тети Дуни, стоит и улыбается. Рассказывает потом: «Я все время тут стояла, вы меня не видели. А я видела, как вы меня искали. Стояла я с дедушкой бородатым, он меня за ручку держал». Мама после этого и говорит: «Закрыта она была от всех крещеных, хорошо, что успели поворожиться, то бы увел лешак нашу Надьку в лес, сгнула бы она там, как иголка в стогу сена» (Н.В. Березина, д. Погост; АКФ. 2015, т. 5, № 52).

25. Считается, что она закрытая, как бы закрывает скотину лесовик. Тоже был случай в деревне у нас, у мамы. Была стельная корова, она должна была отелиться, но она весной уже... Весной она ее выпустила на деревню, шоб она попаслась. И она, видимо, как бы заболела у нее, готовилась телиться, прибежала домой. Она прибежала, а мама и говорит: «Ты что тут прибежала-то? Иди — ходи еще!» Она ее прогнала, и вот она ушла, и всё: мама ее не могла найти. Она сбилась с ног, а потом папа как раз работал, и они пахали землю в другой деревне, на Бухалове там... Потом у нас в соседней деревне была бабушка Алена Мелехова, она вот это все очень хорошо знала: ну, могла ворожить и всё. Она ее день проискала — не могла найти, поехала к этой бабуле. Бабуля там-то шо... какой-то ритуал сделала, что положено, и сказала: «Тебе самой корову, Аннушка, не найти, потому что ты ее отправила. Тебе надо доставать хозяина, т.е. мужа. Тебе самой не найти, она тебе сама не покажется». И вот она просила, чтобы за папой съездили (а он у нас раньше очень любил выпить), и она говорит: «Он идет с берега пьяный». Пришел домой, а я и говорю ему, шо коровы негу: надо идти искать, ты пьяный. Но они пошли. И она говорит: «Мы идем, я не вижу, а он-то уже корову-то видит. Мы идем (корову звали Шурка), мы с ним на пригорок вышли, а корова была там, внизу». Ручеек такой и как бы у болотины. А он ее: «Шурка,

Шурушка». Она заругалась: «Где ты какую Шурку видишь?» — «Вон-то смотри у ручья-то ходит, и лежат два теленка». Она говорит: «Поди, не мели! Никого там нету!» И она говорит, что пока они не подошли, он ее видит, он разговаривает с коровой. Она говорит: «Я не вижу. И пока мы не подошли уж совсем-совсем близко, мне только ее открыло». Вот она только ее увидела. А были как раз ночи холодные, начало июня, и телята замерзли. Они искали три дня — не могли найти (М.И. Тишина, 1965 г.р., д. Усть-Поча; АКФ. 2015, т. 5, № 22).

26. А вот тут еще раз было так. Поехала я: мне надо за товаром ехать. Я день прокосила, оводов столько дак никак: днем никак на лошади ехать. Надо ночью ехать, оводов меньше, один комар. У нас ехать надо тридцать километров лесом, шоб за товаром съездить на склад в это в Вершинино с Кумбасозера. Я лошадку взяла, поймала да и поехала ночью на телеге одна. Я товды не боялась нечё, нечё я не боялась. А лес вот дремучий уууу! Высокой экой да страшной, да ехала, ехала <...> День прокосила, а так спать-то хочу. Я лошадь-то взяла да распрягла <...> Она ходит да травку ест, а я взяла да на дорогу свалиласи. А на дороге-то нельзя валиться. Вот видишь, я свалилась. Мне бы лучше на телегу бы свалиться, а я тут думаю: в траву лягу, дак змеи ходя, змеи плавают, я на дороге, дорога та все-таки нету травы. Дак я свалиласи и сразу заспала и так доткнулась, у меня глаза ужо закрывалиси. Заспала. Вдруг мне слышитси: как идет с подковами, сапоги стук-стук по дороге. Дорога сухая — стук! Сейчас наступит на меня, раздавит! Идё и идё, и идё, и ближе, и ближе! <...> А нигде никого нету. Нету никого! А мне мама-то говорит: «На дорогу никогда не ложаться, шо дорогу это не загромождают. А ты свалиласи да ницё ни “Господи благослови”... Да так вот. Тебя согнал, этот лесовой». А я скорей выскочила, погляжу, нигде никого нету, я на лошадь и поехала. Вот два раза так было. Меня напугало. Говорят, лесной тебя так сбил (А.И. Чистякова, 1927 г.р., д. Усть-Поча; АКФ. 2013, т. 4, № 69).

27. Так опять же не от меня, а от матери. Мать рассказывала, что у нас [Свиная], это там, за Усть-Почей, кто-то из деревни заблудился. А он лег спать-то поперек тропинки, а нельзя ложиться-то. Вот. И вдруг он, это самое, ну и заснул. Устал, выйти не может, и вдруг весь лес зашатался, всё. Потом он сообразил, что спит неправильно. Только встал, как бы дорогу дал, ветер прошел, и всё на месте. А потом одежду передел, как бы догадался или что-то сообразил, и вышел. Бывали такие случаи (Ф.М. Богданов, 1956 г.р., д. Горы; АКФ. 2013, т. 8, № 167).

Примечания

¹ Калуцков В.Н. Основы этнокультурного ландшафтоведения. М., 2000; Иванова А.А. Концепция культурного ландшафта как методологический принцип организации комплексных полевых исследований // Актуальные проблемы фольклористики. М., 2002. С. 6–13; Иванова А.А., Калуцков В.Н. Концепция культурного ландшафта в исследовании и репрезентации фольклора // Экология культуры. 2006. № 2. С. 10–23.

² См. также: Указатель сюжетов русских быличек и бывальщин о мифологических персонажах / сост. С. Айвазян, О. Якимова. URL: <http://www.ruthenia.ru/folklore/ayvazan1.htm>.

³ Иванова А.А. Мифологический ландшафт северно-русской деревни: типология и специфика // Поморские чтения по семиотике культуры. Вып. 4: Геокультурное пространство Европейского Севера: генезис, структура, семантика. Архангельск, 2009. С. 164–174.

⁴ Мифология Пинежья / сост., вступ. ст., коммент. А.А. Ивановой. Карпогоры, 1995.

⁵ Вятский фольклор. Мифология / сост., вступ. ст., коммент. А.А. Ивановой. Котельнич, 1995; Иванова А.А. Леший в мифопоэтической картине Верхокамья // Вятский родник: сборник материалов седьмой научно-практической конференции. Вып. 7. Киров, 2004; Ее же. Пропажа и поиск скота в мифоритуальной практике Верхокамья и Пинежья // Актуальные проблемы полевой фольклористики. М., 2004. Вып. 3. С. 140–155.

⁶ Культурный ландшафт Русского Севера / В.Н. Калуцков и др. М., 1998.

⁷ Кенозерские сказки, предания, былички / вступ. ст, сост., прим. Н.М. Ведерниковой. М., 2003. С. 105.

⁸ Здесь и далее АКФ — архив кафедры фольклора (русского устного народного творчества) филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова.

О топонимическом наследии Кенозерья

Топонимическое наследие кенозерского ландшафта — важная часть нематериального наследия, включающего также фольклор, культурные традиции, духовные практики.

С одной стороны, топонимическое наследие смыкается с местной географической терминологией, а с другой — представляет собой компонент фольклорного наследия (через топонимические и исторические предания, географические песни и другие формы территориально локализованного фольклора).

Подобно другим компонентам наследия топонимическое наследие Кенозерского ландшафта является продуктом русской и финно-угорской этнических культур¹.

Значительная часть местной географической терминологии и топонимии (прежде всего гидронимия, т.е. система названий рек, озер и болот) унаследована русскими насельниками от финно-угорских предшественников, прежде всего от карел и вепсов. Другая же (русская) часть этого наследия сформирована в процессе сельскохозяйственного освоения региона, поэтому селитебная (названия поселений) и особенно сельскохозяйственная (названия полей и лугов) топонимия имеет преимущественно русское происхождение.

Топонимия Кенозерья носит *ландшафтный характер*. Это означает, что она ярко отражает исторические, этнические, пейзажные и морфологические особенности Кенозерского ландшафта: его земноводный характер (с обилием водных пространств), холмистый рельеф, залесенность и заболоченность территории²; поэтому для данного региона можно говорить об уникальной *ландшафтной топонимии* как системе ландшафтных топонимов и ландшафтных топоформантов (см. таблицу). Напомним, что в диалектологии топоформантом называют часть топонима, которую образует местный географический термин. Пример: *Иванова гора* — топономим, термин *гора* в составе топонима — топоформант.

Основные ландшафтные топоформанты Кенозерья

Группы топоформантов по частоте встречаемости в парке	Индикаторы рельефа	Индикаторы почвенно-геологических условий	Индикаторы растительности	Индикаторы акваторий
Массовые	Гора, Наволок	–	Бор	Лахта

Окончание таблицы

Группы топоформантов по частоте встречаемости в парке	Индикаторы рельефа	Индикаторы почвенно-геологических условий	Индикаторы растительности	Индикаторы акваторий
Распространенные	Лухта, Плоско, Кряж (Крёж), Ключеватик, Шалга	Песчаница, Песок	–	Прость, Чолма
Редкие	Горб, Лог	–	Осиновец, Березовец	–
Единичные	–	Гнилка, Гниловатики, Ил, Сыть	Сосновец, Мянда, Еловец	–

Финно-угорские и русские географические термины и топонимы, отражающие земноводный характер кенозерского ландшафта. Самый мощный пласт финно-угорской (вепсовской и карельской) географической терминологии сохранился у водных объектов.

Среди наиболее характерных географических терминов, широко встречающихся в названиях озер, особенно в северной части парка, — лахта. Лахта означает залив в озере³. В регионе этот термин не имеет русского аналога. В Кенозере насчитывается несколько десятков лахт.

Близок к *лахте* по написанию и звучанию финно-угорский географический термин *лухта*. Основные значения термина: заливной берег, низкая ежегодно заливаемая вешними водами озерная терраса, используемая в качестве сенокосного угодья; поэтому, как правило, топонимы *лухта* расположены недалеко от деревень, а сам термин местными жителями понимается как заливной сенокосный луг (ил. 1). Русский терминологический аналог, встречающийся в пределах Кенозерья, — *наволоок*.

Еще один водный географический термин финно-угорского происхождения — *чолма*, что означает пролив или протоку. В регионе также используют и русский (точнее древнерусский, имеющий новгородское происхождение) аналогичный термин *прость*. Именно так — Прость — называется деревня, расположенная в северной части парка, на проливе, соединяющем озера.

Русские и финно-угорские географические термины и топонимы, отражающие холмистый характер рельефа и облесенность кенозерского ландшафта. Среди местных географических терминов, характеризующих рельеф и растительность региона, нужно выделить такие массовые топоформанты, как гора, шалга (сельга), бор.

Русский географический термин *гора* является наиболее массовым не только для Кенозерья, но и для всего Русского Севера (ил. 2).

В данном регионе термин сохранил архаичное значение: горой местные жи-

тели называют крутые берега рек и озер. Не случайно большая часть топонимов с термином *гора* расположены на крутых берегах озер и рек региона. Об этом красноречиво свидетельствует график распределения топонимов, содержащих местный географический термин *гора* (ил. 3).

Наибольшее сгущение топонимов с основой *гора* наблюдается в южной части Кенозера, где зафиксировано 12 таких топонимов: в окрестностях деревни Зехнова — 4, Майлахта — 2, Семёново — 2, вокруг деревень Ведягино, Горбачиха, Ряпусово, Спицына — по одному. Такая локализация связана с крутыми берегами в этой части озера: именно холмистые моренные равнины выходят к берегу Кенозера. В центральной части национального парка, где озер не так много, выявлено всего 2 топонима с основой *гора* (ил. 3).

Шалга (сельга) представляет собой характерный местный термин финно-угорского происхождения. Он означает небольшую возвышенность, холм, грядку, нередко поросшую лесом⁴. Наиболее известный топоним, включающий данный формант, — Масельга, деревня, расположенная в южной части парка на залесенной моренной гряде. В качестве ландшафтного индикатора *шалга (сельга)* с высокой степенью надежности характеризует холмистые территории, поросшие еловым и сосново-еловым лесом.

Важным ландшафтно-топонимическим индикатором Кенозерья можно считать местный термин русского происхождения *бор*. Древнерусское, хорошо сохранившееся на Севере значение этого народного термина — лес. Данный термин в смысловом плане имеет существенное перекрытие с уже упомянутым финно-угорским термином *шалга (сельга)*.

И в северной и в южной частях национального парка топоформант *бор* приурочен в основном к моренным равнинам, покрытым преимущественно хвойными лесами (ил. 4).

Таким образом, топонимическое наследие Кенозерья обладает уникальными свойствами. С одной стороны, оно полиэтнично, т.к. отражает роль русского и финно-угорского населения в материальном и духовном освоении территории. С другой стороны, оно точно характеризует земноводный характер ландшафта, своеобразное сочетание озер, болот и возвышенностей.

Примечания

¹ Калуцков В.Н. Топонимия северорусского культурного ландшафта (на примере Пинежья и Кенозерья) // Этническая экология: народы и их культуры. М., 2008. С. 316–328.

² Калуцков В.Н., Бондарь Ю.Н. Природные ландшафты в топонимии Кенозерского национального парка // Кенозерские чтения. Архангельск, 2003. С. 130–140.

³ Дерягин В.Я., Дерягина З.С., Манихин Г.И. Топонимика Кенозера: методическая разработка для студентов пединститутов и учителей школ. Архангельск, 1987. Ч. 2.

⁴ Там же.

Нищие стихопевцы на Русском Севере

В Древней Руси *калика*ми называли странствующих «божьих» людей, побывавших на Святой земле. Это слово считается этимологически тождественным слову *калига*. Так называлась обувь странника, упоминавшаяся еще в древнерусской литературе¹.

Среди паломников были люди разных сословий, первоначально слово *калика* вовсе не обозначало нищего и убогого странника. Известны былинные калики, одетые в богатые наряды, они берут милостыню тысячами рублей, от их покриков богатырских сыплется терема, короли и князья угощают их яствами и питьями, щедро одаривают. Калики, совершившие паломничество к святым местам, пользовались уважением и, вернувшись со Святой земли, нередко оставались странствующими нищими на всю жизнь, добывая пропитание милостыней.

С.В. Максимов говорил о чести, которую оказывали каликам русские князья и цари. Калик принимали в придворный штат и называли «верховыми богомольцами». Они пели государям стихи, рассказывали сказки и все, что слышали в своих странствиях по свету. При царе Алексее Михайловиче нищие жили рядом с царскими хоромами, а когда умер один из калик Венедикт Тимофеев, его отпевали с великими почестями патриархи и архимандриты. Нищих содержали в богатых домах, крестьянский люд также относился к бродячим старцам с любовью и вниманием. «Ватаги слепцов — явление на Руси самое древнее, и притом такое, которое народ бережно уберег про себя до наших дней во всей неприкосновенности, чистоте и цельности»².

Вс. Миллер писал: «Наши калики, странствуя по святым местам в Греции и Палестине, встречали там странников, которые пели перед собравшейся толпой священные песни и жития, нередко основанные на апокрифических сказаниях. Отсюда и русские калики усвоили обыкновение петь духовные стихи и снискивать себе пропитание этим занятием»³. Далее он замечает, что калики переходящие, слагавшие песни церковно-легендарного и апокрифического содержания и рассказывавшие о виденном и слышанном на Святой земле, оказали большое влияние на нравственные и религиозные воззрения русского народа, а также на распространение в нем аскетических идеалов⁴. Поскольку Христовым именем побирались и люди нетрудоспособные, искалеченные, каликами переходящими стали называть на Руси странствующих нищих, поющих духовные стихи. Слово *калика* было переосмыслено и изменено на *калека*. В таком значении оно более употребительно на Русском Севере.

Исследователи неоднократно обращались к происхождению этого явления русской культуры, поражавшего современников. А.Н. Веселовский говорил

о сходстве калик переходящих с богомильскими странниками, проповедовавшими крайний аскетизм. Он считал, что «первые калики переходящие приходили к нам с византийского юга, центра богомильской проповеди»⁵. Странствующие нищие сохранили богатое и ценное духовное наследие, в первую очередь это духовные стихи. Слова *калики*, *калеки* стали ассоциироваться с исполнителями духовных стихов⁶. П.А. Бессонов в своем предисловии к первому выпуску сборника под названием «Калеки переходящие» прямо указал на «слагателей» и носителей этого жанра: это бродячие нищие, убогие, слепцы. Он писал об интересе, который испытывал с детства к этим певцам как к явлению, исходящему из «глубочайшей славяно-русской древности»⁷.

Нищенство является характерной чертой русской культуры. И. Прыжов в своем исследовании говорил о том, что в древней Греции немисливо было представить человека, одетого в рубище и почитаемого за какие-то качества, и что нищета — явление средневековое⁸. На Руси нищими становились те, кто терял трудоспособность или был нетрудоспособен с рождения. Странствующие нищие считались на Руси «Христовой братией», «друзьями Христовыми», распространяющими божественные словеса, к ним относились как к богомольцам, паломникам, приближенным к миру горнему⁹. Нищему подавали милостыню, считавшуюся лучшим средством для спасения души. Отказ просящему слепцу в милостыне считался тяжким грехом, нищий за это мог проклясть человека. Образ нищего был окружен ореолом странствующего подвижника, обладающего особой благодатью и знаниями. А. Маслов отмечал, что в северном крае так называли людей по обету или вследствие недуга принужденных искать себе пропитание именем Божиим, переходя с одного места на другое¹⁰. На Русском Севере были не только странствующие нищие, но и односельчане, собиравшие подаяние на своей территории, в родном селе и его окрестностях. Самая «доходная» до Спасителя милостыня — та, которая сделана тайно, без огласки. В Поморье даже существовало такое понятие, как «темная милостыня», которую привязывали ночью у ворот бедного человека¹¹.

Нищие исполняли стихи около церквей и монастырей, на ярмарочных площадях, а также в крестьянских домах за скромное подаяние. П.Н. Рыбников, посетивший Шуньгскую ярмарку в декабре 1859 г., писал, что в старое время сюда приходило много калик, они садились около погоста и пели духовные стихи, а слушатели подавали им милостыню. С 1850-х гг. земская полиция стала запрещать убогим певцам исполнять стихи на улицах, и только по особому настоянию собирателя двух калик отыскал и привел к нему сотский. Один из них был родом из Купецкой волости Пудожского уезда, другой — из села Кузаранда Петрозаводского уезда. В эту первую встречу, а также в марте 1860 г. и в январе 1861 г. П.Н. Рыбников записал от них «Алексия человека Божия», «Агрикова сына Василья», «Голубиную книгу», «Осипа Прекрасного», «Егория Храброго» и т.п.¹² Впо-

следствии эти записи были опубликованы П. Бессоновым в его собрании «Календарь переходов»¹³.

С.В. Максимов отмечал, что особенно много нищих собиралось в глухих местах, в раскольничьих северных скитах, где они пользовались большим почетом и находились в безопасности. «В село Шуныгу (Повенецкого уезда), вблизи Выгорецких скитов, сходилось их на рыбную Благовещенскую и Никольскую ярмарки до десятка артелей: певали и в одиночку и парами, певали втроем и целыми десятками. Зато уже из этого места, как и из всего олонецкого края, вывозились самые длинные, старинные и лучшие былины. В Шуныге и новикинищие учились, как в академии, и промышленные архангельские люди-поморы вывезли в свои места много редкостных сказаний (и нам, во время поездки на Белое море, охотно пели и сказывали эти словоохотливые люди)»¹⁴.

В местах, где было особенно много нищих, например у монастырей, на ярмарках, они могли пополнить свой репертуар, усвоив новые для себя произведения от других певцов. И. Хрущов в описании путешествия по реке Ояти упоминает о хромом певце Н. Богоданове, который выучился стихам от слепых стариков. Он познакомился с ними в Александро-Свирском монастыре, где, как он сам говорил, садился «под губами поющих»¹⁵.

Большинство исполнителей, сообщивших духовные стихи собирателям, говорили о том, что усвоили традицию от нищих стихопевцев. Здесь было немало людей, собиравших милостыню на определенной территории, они периодически появлялись в одних и тех же деревнях и были знакомы с местными жителями. Так, например, жители села Авдеево знали нищего по прозвищу Круглыш. Он ходил в лаптях, в старой одежде, за что его называли «рибушником». Однажды житель села застал свою мать и дяденку (тетку) стоящими на коленях и молящимися под пение Круглышом стиха¹⁶, настолько пение, очевидно, соответствовало молитве.

Собиратели Большакова и В.Р. Дмитриченко записывали в деревне Авдеево стих о двух Лазарях у А.Н. Тимониной, которая сообщила, что запомнила его от одной старушки по прозвищу Паня Телица, исполнявшей песни и духовные, и про богатырей, за что ей подавали милостыню, которой она жила. А.Н. Тимонина воспроизвела и манеру исполнения: «После первой же строчки Авдотья Никитична стала петь, пела она протяжно, жалобно» (АКНЦ 8/100).

Об исполнении стихов нищим, которого хорошо знала вся округа, в селе Кандалакша, писал С.П. Колпаков в 1895 г.: «Изба была полна народу <...> Все толпились вокруг лавки, на которой сидел седой морщинистый старик с сумкой через плечо. Перед стариком на столе виднелась кружка с чаем, лежали шаньги, стояла миска с палтусиной и треской. Но старик ни до чего не дотрагивался. Сложив руки на коленях и уставив выцветшие глаза куда-то вдаль, он пел. Это не была песня, но не была и молитва. Это было что-то медлительное, красиво-однообразное по напеву, который повторялся через каждые три строчки <...> В тот

же день я узнал все подробности этого события. Оказывается, что слушание "стихов", этих длинных повествований эпического стиля, — одно из любимых развлечений терчан. Кое-где по берегу живут старики и старухи, которые славятся особенно искусным исполнением стихов. Об этих мастерах знает весь берег. Дед Михайло — один из лучших певцов во всем уезде. В Кузреке он был редким гостем. Он жил тут уже несколько дней, и его не пускали домой, вода из избы в избу и упрашивая погостить еще»¹⁷.

Много нищих приходило в Поморье из Каргопольского края. В отчете об экспедиции 1956 г. Московского госуниверситета, проходившей под руководством Э.В. Померанцевой, говорилось о широком распространении стихов среди жителей северных деревень: «"Стихи" (4–6 сюжетов) знает почти каждая старуха, слышавшая их в детстве от каргопольских нищих. Этот промысел в начале XX в. на Севере был очень распространенным и прибыльным» (АКНЦ 79, т. 1).

О том, что нищие приходили из Каргополя, свидетельствовали и исполнители. Например, жительница поморского села Шуерецкого Е.М. Каллиева рассказывала, что в их доме всегда останавливались каргопольские стихопевцы. «У нас век калики стояли, от них и слышала». Они пели стихи про Михаила Архангела, про двух Лазарей, Егория Храброго, «да всяких пели, всяких» и собирали подавание, от них научилась петь исполнительница. Как она говорила, теперь всем дают милостыню, а тогда, чтобы получить ее, надо было петь стихи. Не только она сама, но и другие жители села усваивали стихи от нищих, ходивших по деревням (АКНЦ 127/51). Исполнители говорили о том, что некоторые односельчане владели большим репертуаром стихов и были. Так, в селе Чапома на Терском берегу жила слепая М.Е. Суредова, «велико знавшая стихов», ее специально приглашали в гости «так, стихов попеть» (АКНЦ 54/247).

Жители поморских сел вспоминали, как слышали еще в детстве пение калик, которые время от времени приходили за подаванием. Ф.И. Мыхина из села Колежма вспоминала, что в их село все время приходила супружеская пара «Ванька косою да Оксюха», а она еще маленькой девочкой слушала их пение стихов и запоминала. Где проживали эти нищие, никто не знал, «по всему свету белому стихи пел дак! Давали ему за это хлеб, муки, кто сахару, кто чаю, кто чего. Как придут, попросятся, так и ночевать пустят. Оны откуда-то приезжали, оттуль... Ивану было уж лет под пятьдесят, одеты оны были обнаковенно: у него на голове шапка, у ней платок. Детей у них не было. Она пела тоненьким голоском, а он таким... Оны много пели, но я теперь не помню» (АКНЦ 145/41).

М.Н. Афонина из деревни Воренжи слышала духовные стихи от слепого старика, он знал их много, и дети часто приходили слушать его пение. От этого старика Матрена Николаевна выучила много стихов (АКНЦ 79/648). А.А. Галашина из заонежской деревни Деригузово рассказывала, что научилась петь стихи от

стариков, которые приходили к ним в дом. «Он как пропоет, старик, я вот девчонкой была, вот я от их, от этих стариков научилась стихи петь»¹⁸.

А.И. Суслонova из села Сумский Посад говорила о стихе «Алексей человек Божий»: «А только один раз и слышала, просить приходил, дак где тут поймешь всё, нищие такие ходили. Много нищих было, приедут, кто на лошади, кто пёшо. Ну да дают там, кто на погорёло... Сельдей-то ведь там раньше много морских попадало, дак селедок повозят, да им воз сельдей дают за это, они и поедут домой, оны дома напродают, ведь дороги там селедки... Ну да просят ходят, потом подают лошадям корки, а деньги-то остаются...». Нищие приходили в дом примерно с такими словами: «Не подадите ли Христа ради милостинку-то, ну!», и стихи запоют «Жил-был Ефимьян...» (АКНЦ 130/13).

На Русском Севере наряду с калеками были крестьяне, которые также собирали пропитание для семьи, занимаясь нищенским промыслом. В зимнее время многие крестьяне северных уездов отправлялись в дальний путь на своих лошадях для сбора подаяния. Как только заканчивались сельские осенние работы и устанавливался хороший санный путь, крестьяне запрягали в сани своих лошадок и направлялись в Поморье, где можно было собрать милостыню. И.М. Дуров сообщает, что «с наступлением зимы из Каргопольского и Вытегорского уездов на Беломорье наезжали старики, старухи, дети и даже взрослые побираться Христовым именем, нарядившись в лохмотья. Разъезжают эти калики на своих клячах из села в село, собирают в каждом доме милостыню (мукой, хлебом, одеждой, рыбой и деньгами) распевая стихи об Алексее человеке Божьем, Архангеле Гаврииле и другие духовного содержания»¹⁹. Приезжие просители из Каргополя, как вспоминали исполнители, ходили «цельми десятками по фатерам», они просили милостыню «ради Христа» (АКНЦ 79/436).

Как правило, нищие не проходили в помещение, стояли или сидели на лавке у дверей, где и исполняли стихи. В поморских домах для подачи милостыни многочисленным нищим даже появилась особая деталь в конструкции: из внутреннего помещения проделывалось отверстие в стене наружу, в него вставлялась под уклоном вниз трубка, по которой опускалась милостыня прямо к просителю, так что он мог даже не заходить в дом.

Исполнителями духовных стихов являлись и дети. Нередко их толкала на путь нищенства бедность, сиротство и другие обстоятельства жизни. О.П. Илюха в своем исследовании подросткового отходничества пишет о том, что нищенство являлось наиболее ранней «специализацией» детей вне дома, что такие дети собирали подаяние не только для себя, они зарабатывали пропитание для всей семьи в тяжелые годы²⁰.

Об особенностях исполнения духовных стихов сведений довольно мало. С.В. Максимов слышал как сольное, так и групповое пение; он сообщает, что в Поморье духовные стихи и баллады пели плаксиво²¹, есть сведения, что нищие пели тонким голосом, жалобно; слепцы в Каргопольском уезде пели

гнусаво, в нос²²; Ю.М. Соколов замечает, что в Кижях старики, приезжавшие с Купецкого озера, садились около печки, пели гнусавым голосом, в характерной позе²³.

Тексты, записанные от профессиональных исполнителей, какими являлись калики, или калеки, до сих пор специально не рассматривались. Безусловно, среди бродячих певцов были особенно талантливые певцы с блестящей памятью. Таковым, очевидно, был слепой калика, встреченный П.Н. Рыбниковым на Шуньгской ярмарке, от которого были записаны великолепные образцы духовной поэзии, как, например, стих об Иосифе Прекрасном в ранней эпической редакции объемом в 637 стихов²⁴. В репертуаре калик были и довольно редкие сюжеты.

Этот жанр народной религиозной поэзии имел календарную приуроченность. Произведения, о которых идет речь, называли еще «постными» стихами. Их пели не только калеки, но и жители северных деревень на беседах, когда не разрешалось исполнять никаких других произведений. Вспомним о том, как упорно отказывался петь былины Т.Г. Рябинин при первой встрече с П.Н. Рыбниковым, так как шел Великий пост. Во время постов духовная поэзия заменяла для деревенской молодежи плясовые песни и игры. Особенно активно посещали нищие стихопевцы крестьянские дома и погосты в праздники. В Каргополе, например, в праздничные дни нищие слепцы пели на базарной площади духовные стихи, а к вечеру они, утомленные пением в течение целого дня, уходили из города²⁵. Исполнительница из Заонежья говорила о том, что в их дом постоянно приходили нищие, в особенности по праздникам. Их кормили около порога и давали поношенную одежду²⁶.

Институт нищенства и связанные с ним традиции устного народного творчества на Русском Севере изучены недостаточно. Сейчас можно с уверенностью сказать, что калики, или калеки, сыграли большую роль в распространении и сохранении жанра духовных стихов. Благодаря им репертуар духовной поэзии был усвоен широкой крестьянской средой. Этот репертуар состоял в основном из эпических, или «старших», духовных стихов. Предварительные наблюдения, изложенные в настоящем исследовании, говорят о том, что северные крестьяне, терявшие трудоспособность, стремились к усвоению репертуара бродячих певцов, становясь иногда «местными» нищими, не выходящими за пределы своей, известной им территории. Иногда увечные крестьяне вовсе не выходили за пределы своей деревни, но благодаря мастерству исполнения и обширному репертуару были желанными гостями в крестьянских домах и пели стихи. Было на Севере и такое явление, как «сезонное» нищенство обычных крестьян, помогавшее выжить в суровых зимних условиях. Всем этим категориям нищих духовные стихи с их высокими нравственными идеалами служили моральной поддержкой, а их исполнение зачастую давало единственную возможность прокормить себя и семью.

Примечания

¹ См., например: Хождение игумена Даниила // Библиотека литературы Древней Руси / под ред. Д.С. Лихачева, Л.А. Дмитриева, А.А. Алексеева, Н.В. Понурко. СПб., 1997. Т. 4: XII век.

² Максимов С.В. Калики перехожие // Максимов С.В. Избранные произведения: в 2 т. М., 1987. Т. 2. С. 473, 475.

³ Миллер В. Калики или калеки перехожие // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. СПб., 1890. Т. 27. С. 28.

⁴ Там же.

⁵ Веселовский А.Н. Калики перехожие и богомильские странники // Вестник Европы. 1872. № 4. С. 718–720.

⁶ Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М., 1986. Т. II. С. 166–167.

⁷ Бессонов П. Предуведомление // Калеки перехожие. Сборник стихов и исследование П. Бессонова. М., 1861. Вып. 1. С. I.

⁸ Прыжов И. Нищие на Святой Руси. Казань, 1913. С. 9.

⁹ Федорова Е. Нищий // Мужики и бабы: Мужское и женское в русской традиционной культуре. СПб., 2005. С. 403–406.

¹⁰ Маслов А. Калики перехожие на Руси и их напевы. СПб., 1905. С. 6.

¹¹ Фонограммархив ИЯЛИ КарНЦ РАН. Материалы экспедиции 2010 г. в Кемский и Беломорский районы Карелии. Записано в с. Гридино от В.Н. Коноваловой. Ед. хр. 4100.

¹² Песни, собранные П.Н. Рыбниковым / подгот. А.П. Разумовой, И.А. Разумовой, Т.С. Курец. Петрозаводск, 1989. Т. 1. С. 48–49.

¹³ Калеки перехожие. Сборник стихов и исследование П. Бессонова. М., 1861–1864. Вып. 1–6.

¹⁴ Максимов С.В. Указ. соч. С. 475–476.

¹⁵ Хрущов И. Заметки о русских жителях берегов реки Ояти // Записки Императорского Русского географического общества по отделению этнографии. 1868. Т. II. С. 68.

¹⁶ Архив КарНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Кол. 164. Ед. хр. 64 (Далее в тексте: АКНЦ, № коллекции / № единицы хранения).

¹⁷ Колпаков С.П. [Дневник путешествия на Терский берег] // Колпакова Н.П. Терский берег. Вологда, 1937. С. 43–44.

¹⁸ Фонограммархив ИЯЛИ КарНЦ РАН. Ед. хр. 3397.

¹⁹ Дуров И.М. Словарь живого поморского языка в его бытовом и этнографическом применении / подгот. И.И. Муллонен, В.П. Кузнецовой, А.Е. Беликовой. Петрозаводск, 2011. С. 159.

²⁰ Илюха О.П. Подростковое отходничество в конце XIX — начале XX в. (Олонеккая и Архангельская Карелия) // «Уведи меня, дорога»: сб. статей памяти Т.А. Бернштам. СПб., 2010. С. 122.

²¹ Максимов С.В. Год на Севере. СПб., 1864. Ч. 1. С. 144.

²² Светлов Я. Доклад о поездке в Олонецкую губернию летом 1892 года, читанный в заседании Отделения этнографии 23 окт. 1892 года // Архив РГО. Фонд Олонецкой губернии. Р. 25. Оп. 1. № 37. Л. 6. URL: http://ethnomap.karelia.ru/local_historian.shtml?id=117&map_id=

²³ Заметка Ю.М. Соколова об исполнителе Н.С. Абрамове из д. Войнаволок (Кижы) // Неизданные материалы экспедиции Б.М. и Ю.М. Соколовых: 1926–1928: По следам Рыбникова и Гильфердинга: в 2 т. / вступ. ст., подгот. текстов, коммент., справочного аппарата В.А. Бахтиной; отв. ред. В.М. Гацак. М., 2007. Т. 1: Эпическая поэзия. С. 543.

²⁴ Калеки переходные. Вып. 1. № 37.

²⁵ Светлов Я. Указ. соч. Л. 6 об.

²⁶ Фонограммархив ИЯЛИ КарНЦ РАН. Ед. хр. 3399/7.

Ритуальные специалисты Кенозера

Ритуальные специалисты не раз становилась предметом исследования в науке, в том числе и в последние десятилетия в России¹. Вместе с тем, в русской этнологии до сих пор недостаточно изучены представления русских о магической силе и сакральном знании.

Кенозеро — известное в отечественной фольклористике место: там работали А.Ф. Гильфердинг, П.Н. Рыбников и другие, в наши дни это территория Кенозерского национального парка, где создается музей эпоса. Кенозеро обладает высоким сакральным статусом. У населения Кенозерья до настоящего времени сохраняется самосознание локальной группы — «мы — кенозёра», а также принадлежности к региону: «Я не руська, а архангельска»². В начале 1990-х гг. мы столкнулись с достаточно хорошо сохранившейся духовной традицией, имеющей свою специфику. Это, в частности, относится и к представлениям, связанным с ритуальными специалистами.

Ритуальных специалистов во многих русских локальных традициях, в том числе кенозерской, называют «знающими». «Знающим» в традиционном русском обществе считали человека, который обладал комплексом тайных знаний, мог узнавать сокровище от других (ворожить, предсказывать будущее), привораживать и отвораживать, напускать порчу и болезни, а также лечить их. К категории «знающих» принадлежат специалисты-неземледельцы — знахари, пастухи, коновалы, охотники, кузнецы и др. Таких людей в русской традиции считают колдунами.

Ритуальные специалисты Кенозера имеют следующие наименования: по обладанию тайным знанием — *знать, знающий, знаток, ворожилка, колдун*, кроме того, их называют по функциям *ворожиться, делать*; также по возрасту: *старушка, бабушка, старичок* и др.

В отечественной научной литературе существуют разные классификации ритуальных специалистов³. Наиболее распространенной является классификация «знающих» в зависимости от направленности их деятельности — на добро и на зло, но, как уже не раз отмечалось, на русском материале она не всегда работает, поскольку многие ритуальные специалисты «знают» и на добро и на зло.

Представляется, что ритуальные специалисты различаются по степени обладания магической силой и тайным (сакральным) знанием. Эти два понятия следует различать, хотя они неразрывно связаны⁴. Один из возможных способов дифференциации ритуальных специалистов — по локализации его магической силы: во внешнем («своем» или «чужом») мире или в теле «знающего»; а также по характеру отношений «знающего» и его помощников.

В традиции Кенозера самыми сильными ритуальными специалистами считаются колдуны, прошедшие обряд посвящения, после которого они получают тайное знание и помощников, в которых заключена их магическая сила.

Дифференциация понятий «магическая сила» и «тайное знание» достаточно хорошо прослеживается на примере колдуна. Колдун получает магическую силу и тайное знание во время прохождения обряда инициации. Так, один из вариантов обряда инициации, зафиксированный на Кенозере, заключался в том, что неопит должен был поглотить хтоническое животное: «Колдун поведет тебя в байну на зари, он попросит, она выскочит, скакуха (лягушка. — *Н.М.*), эту скакуху нужно проглотить в себя, это не скакуха — это нечистый»⁵. Таким образом магическая сила в виде мифологического животного внедряется в организм человека и становится частью его организма. Кроме того, здесь под влиянием христианства происходит переосмысление образа мифологического персонажа: животное воспринимается как нечистый дух. У славян бесплодная женщина должна была проглотить лягушку, чтобы забеременеть и родить ребенка⁶. Получение сакрального знания и магической силы ассоциируется с беременностью и родами.

Ритуальное поглощение хтонического животного можно также сравнить с внедрением мифологического персонажа икоты в тело жертвы. Отголоски этих представлений сохранились у кенозёр: «Это называют, что икота — нечистая сила, это какой-то портеж. У них тяга, человека так и ломат, она на пол паде и покатается, ее часа два мучит, а потом она спокойно лежит, только пена идет из рта»⁷.

После прохождения обряда инициации неопит получал помощников, обычно чертей, в которых заключается его магическая сила, и тайное знание, которое, прежде всего, проявляется в способности колдуна управлять помощниками⁸.

По поверьям кенозёр, колдун считается хозяином помощников, они беспрекословно выполняют его приказания. Вместе с тем, колдун — раб своих помощников: они заставляют колдуна постоянно причинять вред, даже самым близким людям. Так, колдун зарезает собственную дочь в уверенности, что зарезал овцу: «Его черти подтолкнули, он увидел, что овцу зарезал»⁹.

Помощники колдуна — черти — локализованы в реальном мире людей, они не видимы для непосвященных, находятся, как правило, вне жилых помещений, например в коридоре. Нередко в описаниях кенозёр действия, которые выполняют помощники, носят демонстративный характер, цель этих действий — показать силу колдуна. Так, например, колдун-охотник заставляет ходить деревянный стол без гвоздей: «Стол ходит, прямо до порога дойдет. Так ноги и сгибаются. Он чертей вызовет, они его и носят. Опять сходит в коридор. Что-то поделает, чертям откажет, стол на место»¹⁰.

Колдун должен был передать помощников-чертей при жизни. В противном случае они внедрялись в его тело и мучали его: «Колдуны трудно умирают, силу от них не все забирают»¹¹.

После смерти черти-помощники пытаются покинуть могилу колдуна и отправиться на поиски нового хозяина; чтобы этого не произошло, по поверьям кенозёр, в гроб колдуна следует класть палку из ольхи. Мифологические персонажи-помощники обладают весом; тела колдунов после смерти приобретают дополнительный вес: во время похорон колдуньи «лодка стала тонуть, когда гроб поставили»¹².

Некоторые обрядовые акции колдун проводит без помощников, благодаря обладанию тайным знанием, например обряды наведения свадебной порчи. Свадьба содержит чрезвычайно архаические элементы, утратившие смысл для носителей традиции. В прошлом колдун являлся знатоком и руководителем проведения свадебного обряда, в результате которого юноша и девушка становились собственно людьми, членами социума, и могли выполнять важнейшую функцию — продолжения рода¹³.

Сакральное знание колдун использует для того, чтобы ввести жениха и невесту в лиминальное состояние, в частности, лишая их способности передвигаться: «Свадьбу испортит, может на ноги, не заможешь ходить. Если портеж сожгут, то уж не наладить, никакому колдуну не отделать: “У тебя спорчено, сожгано”»¹⁴.

Чаще всего свадебная порча заключалась в том, что колдун делал жениха неспособным к соитию в первую свадебную ночь. У кенозёр эта обрядовая акция называлась «отнять пояс» у жениха: «Так встанет, а на девушку залезет — падет»¹⁵. Для восстановления сексуальной потенции жениха обращаются либо к колдуну, который навел порчу, либо к другому ритуальному специалисту: «Свадьбы колдуют. У одних свадьбы была. Сыну колдуна девчонка нравилась, другой перебил. Специально [колдун] пришел на свадьбу: “Идикю, Ваня, покури моей махорки”. Он его закурил, он его спортил. Спать легли, на следующий день невеселый, на ее не смотрит... Он не сожгал. В другой деревне был колдун — отделал»¹⁶. Представляется, что эти поверья восходят к архаическим представлениям об опасности невесты для жениха в первую брачную ночь, а действия колдуна по ее нейтрализации стали восприниматься как свадебная порча¹⁷.

Отличительная особенность традиции кенозёр заключается в том, что у колдунов может быть одновременно несколько помощников: не только черти, но духи природы — леший, водяной. Отметим, что прежде всего это относится к коновалам, охотникам, мельникам, пастухам и другими специалистами-неземледельцам, которые по роду своей деятельности связаны с природой, обладают специализированными профессиональными знаниями и которые слывут колдунами: «Разно говорят: кто как сдават, иные знают на воды, с водяным знают, с лесовым знают, которые в лесу ходят...»¹⁸. По представлениям кенозёр, это самые сильные «знающие».

Одна из форм посвящения такого ритуального специалиста заключается в следующем: чтобы «знать» все — «лесово» и «водно», человек должен поцеловать хтоническое животное — лягушку: «Целуют лягуху, если хочешь знать все,

я голой не могла (не могла поцеловать лягушки. — *Н.М.*), через платок»¹⁹. «Если все знать, и лесово, и водно, надо в бане скокуху поцеловать, голу <...> а ежели сквозь платок, то половину — на земле, на воде»²⁰.

В славянской традиции поцелуй рассматривается как форма кормления (ср.: описанное проглатывание хтонического животного) и ассоциируется с такими формами установления искусственного родства, как смешение крови или слюны. Он устойчиво встречается в тех обрядовых ситуациях, которые связаны с закреплением родственных отношений — во время бракосочетания, при кумлени и братании²¹. Представляется, в этот ряд можно добавить и описанный обряд посвящения «знающего», только здесь целуют животное, и благодаря этому неофит получает тайные знания, причем прямой контакт с мифологическим персонажем приводил к получению большего уровня знания по сравнению с опосредованными.

Так, у мельника Мыза, который считался сильным колдуном, были разные помощники. Главными из них были черти: «Мимо ехали, а он обиделся. Кони распряглись, он за двери вышел, плюнул»²²; «...черти уж собрались его... пойдем подшутить, да вышел на воды, и кони распряглись, видно, под собой нечистая сила»²³. Он также вступал в контакт с водяным: при строительстве мельницы «он так водяному сказал, что мельницу понесло»²⁴. В качестве помощника, выполняющего его распоряжения, также выступает леший: «Лешому отводил веревку вить из песка и тянуть»²⁵. В русской традиции этот мотив связан с чертями, которые постоянно требуют от колдуна работы. Некоторые обрядовые действия Мыза проводил без помощников. Знание магических приемов позволяло ему определить виновника болезни и наказать его: «Мыза был, в воды покажет, кто (изображение колдуна. — *Н.М.*). В воду ткни, и глаз выколешь»²⁶.

Уровень тайного знания ритуального специалиста определяет его отношения с лешим: «Ежели она знающая, то он ей подчиняется». У сильного «знающего» леший находится в беспрекословном подчинении: «Дядюшка рассказывал, его отец коневалил, в Каргополь шли. Шли назад: “Андрюшка, показать тебе лешего?” Сперва побоялся, потом с отцом же: “Покажи”. Ветер поднялся. Леший выходит, гораздо высокий, выше лесу. Дядюшка скомандовал: “Меньше”... Отец лешему сказал: “Мне не время”. Меня как ветром смахнуло»²⁷. Отметим, что обычно леший целиком подвластен «знающему»-мужчине.

Следует отметить, что леший — грозный властитель леса. У кенозёр существовали его табуированные названия: «“Подьте к огню”, нельзя лешего называть, так называется»²⁸. В русской традиции магическая сила колдуна ассоциируется с огнем. Это универсальное представление встречается у многих народов мира.

Еще одна категория ритуальных специалистов, более слабых в сравнении с колдунами, — ворожеи — наделена способностью вступать в контакт с духами природы, выполняя, по сути, единственную функцию выведывания; они «специ-

ализируются на ворожбе как на гадании с целью узнать прошлое или будущее, открыть источник несчастий, порчи, потерь»²⁹. Основными функциями кенозерских ворожей были поиски пропавшего человека или животного, предсказание будущего и др.

Способность ворожить приобреталась после передачи тайного знания — заговоров и магических приемов, благодаря которым можно было общаться с лешим. Один из способов передачи таких заговоров у кенозёр заключался в следующем: неофит должен сидеть на коленях у передающего, причем следовало неукоснительно выполнять следующее предписание — старый специалист должен быть достаточно здоровым: «Здоровому надо передавать... Не могу теперь сдать (ворожея была тяжело больна. — *Н.М.*) Мне надо сдавать, мне надо сича сидеть, и чтоб он ногами стоял... чтоб он сидел у ее на коленях. И вот она... будет ему слова говорить, она выучит... Надо с лешим знаться»³⁰.

Этот обряд передачи слов напоминает родильный: в случае трудных родов роженица должна была сидеть на коленях у мужа. Как уже говорилось, исследователи связывали рождение и знание: «рождение и есть одна из форм знания»³¹. Представляется, что и в родильном обряде, и в обряде получения тайного знания телесный контакт означает воссоздание ситуации зачатия: мужчина передает женщине семя, а знающий неофиту — заговоры, первый — чтобы вызвать рождение, второй — чтобы породить знание слов. В обряде передачи знания слова «проходят» через тело неофита и становятся его частью.

Ворожка вступает в контакт с лешим, отправляясь в лес: «Она на росстани сходит, слова положит»³². К ней выходит леший, и ворожея вступает с ним в диалог: «Овца пропадает, леший закроет. Утром на заре или вечером она (ворожка. — *Н.М.*) его вызывает. Он грубым голосом: «Какой масти?». Он скажет: «За мной есть, будет в таком-то месте»³³. Ответ лешего может быть отрицательным: «Она с лесовым зналась, дак она и спросила у него, он ей ответил, она мне назавтра: «Зря мы потревожили, Аганюшка, лесового, у него, говорит, нету. Он сказал: "За мной нету, овца взята руками"»³⁴.

Ворожея может составить программу действий для матери пропавшего ребенка или хозяина пропавшего животного, дать ему наговоренные предметы, и тот сам отправляется в лес: «Щепки дала: «Крест накрест на росстань кресты положь, иди домой, не обвертывайся, кто встретится, иди, не отвечай, прямо домой». Вдруг тракторист бежит: «Вот твой бык стоит»³⁵; «Она (ворожка. — *Н.М.*) дает узелок... я с этим узелком... узелок бросила через левое плечо, на багог села как на лошадь, только узелок бросила и пошла, как пошел ветер, как до креста дошла, ветер стихал. Домой дошла, на улице как дождит. Овца пришла, дождит, а овца сухая»³⁶.

Человек должен неукоснительно выполнять предписания ворожей и не нарушать запреты, связанные с лешим: не оборачиваться на обратном пути, не разговаривать ни с кем, подходя к дому, иначе обряд нахождения животного или человека не будет эффективным.

Отношения ворожей с лешим основаны на договорных отношениях — обмене: либо они сами, либо потерпевший относят ему дар — *золотинку* (нитку из золототканого шитья), яйца, хлеб. Особенно ценным даром считалась красная рубаха; она также использовалась пастухом в обряде отпуска скота как жертва лешему.

Во время визита к лешему у ворожей нет зрительного контакта с лешим: «Лесовой закрыт — ворожейка его не видит»³⁷. Отметим, что колдун, более сильный ритуальный специалист, видит своих помощников. Также видит лешего и проклятый ребенок, которого он «водит» (по народным представлениям, ребенок не утратил связей с природой).

Ворожки, в отличие от колдунов, испытывают к лешему почтительное, боязливое отношение; здоровье и физическая сила необходимы им для того, чтобы избежать опасности, связанной с контактом с ним: «Колдуньи — глаза надо хорошие, и ноги хорошие, страсть покажется, чтобы убежать»³⁸.

Леший подчиняется только тому «знающему», который сохраняет физические силы, показателем которых является наличие зубов: «Была старушка на Поче, звали Парасковья. Она стала вызывать [лешего]. Пришел военным: «Уйди, бабка, у тебя зубы нет»³⁹. Человек, утративший физическую силу (зубы, зрение), не мог отправлять магические практики, они оказывались неэффективными: «Ни зуба во рте, ни глаза во лбе, так ничего не пристанет, никакое колдовство»⁴⁰. Это поверье основано на представлениях о связи магической силы и жизненной.

Иногда ворожки умели не только ворожить, но обладали и другими видами тайного знания: любовной (приворотами и отворотами) и лечебной магиями.

Кенозерский ритуальный специалист (колдун и ворожей) напоминает жрецов в других этнических культурах, которые выполняют социальный заказ, осуществляя необходимые для общества контакты с потусторонним миром.

Помощником «знающей» мог быть домовый, который предсказывает события, происшедшие или происходящие с членами одного рода: «Тетка умела с домовым разговаривать, двери откроет: “Расскажи, придет ли мой сын”. — “Придет. А второго — не жди, не придет. Еще раз вызовешь, сама жива не будешь”»⁴¹. Отношения «знающей» с домовым основаны на его приоритете. Отметим, что домовый-помощник — достаточно редкое поверье в русской традиции.

И хотя, казалось бы, ворожки делали «на добро», удовлетворяли потребности социума, вступая в контакт с духами природы: осуществляли поиск пропавшего человека или животного, отношение крестьян к ним было настороженным, сходным с отношением к колдунам. Вероятно, под влиянием христианства такие люди стали представляться «нечистыми».

Магическая сила знахара заключается в силе слов (заговоров), которыми он владеет. Роль заговоров заключается в том, что они основаны на сакральном знании: заговор — это «слово-речь, несущее и хранящее то знание, которое признается священным и в силу именно этого становится действенным. Этот процесс

говорения-деяния и его результат слово-дело составляют самое основу заговора, его суть»⁴². Любое из состояний человека (здоровье, сила, благополучие и т.п.) может быть нарушено и повреждено. В этом случае прибегают к заговору, которому присуща «установка на положительный смысл мира и человека»: «Выстраивая упорядоченные структуры элементов макро- и микрокосмоса, заговор как бы стремится эту накопленную “благую” инерцию передать и страждущему, чтобы помочь ему...»⁴³.

Слова в традиции кенозёр, как и во всей русской традиции, воспринимаются как нечто материализованное. Если слова произносят у печи, то закрывают трубу, в противном случае «слова могут улететь» и не попадут в воду или пищу, а затем в тело больного.

Попадая в тело больного через естественные отверстия, слова в крови вступают в борьбу с локализованными там болезнями. Если заговоры обладают достаточной магической силой, они побеждают болезнь и изгоняют ее из тела человека во внешний мир. Знахарка произносит заговорную формулу: «Откуль пришло — туда и пойд...». Знахарь осуществляет контакт с миром природы, изгоняя болезнь в «иной мир», в частности к лешему, водяному, которые могли наслать болезнь на человека. Распространенная формула отсылки болезни в кенозерских лечебных заговорах следующая: «От лесового пришло — на лесового пойд, от водяного пришло — на водяного пойд».

Если за словами приходил не сам больной, а кто-либо из его близких, то, возвращаясь домой, он не должен нарушать определенные запреты. По дороге нельзя ни с кем разговаривать. Существует запрет переносить слова через реку — «их смоеет вода» и лечение не будет эффективным: «Через речку переезжаешь, то не впрок»⁴⁴. Невыполнение этих требований приводит к тому, что слова «теряются» и лечение больного оказывается неэффективным.

«Знающие» обладают заговорами, наделенными разной силой. У хороших знахарок «слова хорошие», «слова хорошо пристают», т.е. слова воспринимаются как нечто внешнее по отношению к человеку, *приставать* означает «прикрепляться, плотно прилегая, прилипнуть».

Определение эффективности лечения заговорами связано с представлениями, связанными с важнейшей субстанцией человеческого тела — кровью. Например, лечение заговорами будет успешным лишь в том случае, если у больного и знахаря одинаковая кровь («белая» или «черная»). По народным представлениям, слова локализируются в крови знахаря и пациента. При этом существует поверье о совместимости и несовместимости знахарки и пациента по крови: у светловолосых людей с белой кожей «белая кровь», у темноволосых со смуглой кожей — «черная». Лечить больного с «белой» кровью может знахарка с такой же кровью, а больного с «черной» кровью не может вылечить знахарка с «белой» кровью — «не по крови». Так, знахарка не может вылечить ребенка, если «не по крови пришлось», в этом случае приглашали другого «знающего»: «Иногда бабуку

Шуру Кухтину позовут, так ребенок доревелся, почернел. Меня позвали, я поде-
лала, вымыла. Пойди благословясь. Тетка Шура — не по крови пришлась. Надо
было перемыть»⁴⁵.

У кенозёр зафиксировано множество предписаний и запретов, связанных
с лечением заговорами. Так, передавать слова можно только человеку, младшему
по возрасту. Еще один запрет, связанный с передачей заговоров, — «записывать
нельзя, только запоминать» — основан на представлении о том, что заговоры
должны стать принадлежностью человеческого тела, а не быть зафиксированы
материально.

У кенозёр существует представление о том, что сила, которой обладают заго-
воры, мешает знахарю умереть: «Надо слова передать, а то мучает нечистая сила,
с этими словами долго не умирают»⁴⁶. Представляется, что это поверье основа-
но на том, что «знающий» является вместилищем магической силы: «волшебная
сила может сосредоточиваться в гортани, где размещается разум, и оттуда изли-
вается через голос, главный орган человеческой души. Таким образом, магия не
только является существенным достоянием человека, но и буквально находится
внутри человека в любой момент его жизни, а также может передаваться только
от человека к человеку по строгим правилам посвящения в таинство, наследова-
ния и инструкции»⁴⁷.

Этнокультурная традиция кенозёр на протяжении почти всего XX в. носи-
ла архаический характер, ее отличает пантеизм, представления о неразрывной
связи человека с природой. Особенно сильно связаны с ней «знающие». «Знаю-
щие» Кенозерья отправляются в мир природы для того, чтобы вступать в кон-
такт с мифологическими персонажами — лешими, водяными так же, как шаман
отправляется к духам на поиски искомой ценности⁴⁸. Ритуальные специалисты
этих мест благодаря обладанию магической силой и тайным знаниям удовлетво-
ряли потребность деревенского социума в периодических контактах с природой,
необходимых для его нормального существования.

Примечания

¹ Виноградова Л.Н. Народная демонология и мифоритуальная традиция славян. М., 2000; Добровольская В.Е. Народные представления о колдунах в сказочной прозе // Мужской сборник. Вып. 1: Мужчина в традиционной культуре. М., 2001; Криничная Н.А. Русская народная мифологическая проза. Истоки и полисемантизм образов. Т. 2: Былички, бывальщины, легенды, поверья о людях, обладающих магическими способностями. Петрозаводск, 2000; Мазалова Н.Е. Этнографические аспекты изучения личности «знающего». СПб., 2011; Щепанская Т.Б. Сила (коммуникативные и репродуктивные аспекты мужской магии) // Мужской сборник. Вып. 1: Мужчина в традиционной культуре. М., 2001.

² Полевые материалы автора. Плесецкий р-н Архангельской обл. 1991 г. // Архив Музея и антропологии РАН. Ф. К-1. Оп. 2. № 1707. Л. 40.

³ Криничная Н.А. Русская народная мифологическая проза. Истоки и полисемантизм образов. Т. 2: Былички, бывальщины, легенды, поверья о людях, обладающих магическими способностями. Петрозаводск, 2000. С. 8–27.

⁴ Мазалова Н.Е. Этнографические аспекты изучения личности «знающего». СПб., 2011. С. 9–25.

⁵ Полевые материалы автора. Плесецкий р-н Архангельской обл. 1991 г. // Архив Музея и антропологии РАН. Ф. К-1. Оп. 2. № 1707. Л. 35.

⁶ Баранов Д.А., Мадлевская Е.Л. Образ лягушки в вышивке и мифопоэтических представлениях восточных славян // Женщина и вещественный мир культуры у народов Европы и России: Сборник Музея антропологии и этнографии. СПб., 1999. Т. XLVII.

⁷ Полевые материалы автора... Л. 93.

⁸ Мазалова Н.Е. Указ. соч. С. 15.

⁹ Полевые материалы автора... Л. 19.

¹⁰ Там же. Л. 20.

¹¹ Там же. Л. 22.

¹² Там же. Л. 26.

¹³ Мазалова Н.Е. Указ. соч. С. 132.

¹⁴ Полевые материалы автора... Л. 27.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же.

¹⁷ См.: Мазалова Н.Е. Указ. соч. С. 127.

¹⁸ Полевые материалы автора... Л. 23.

¹⁹ Там же. Л. 25.

²⁰ Там же. Л. 37–38.

²¹ Байбурин А., Топорков А. У истоков этикета. Этнографические очерки. Л., 1990. С. 50.

²² Полевые материалы автора... Л. 36–37.

²³ Там же. Л. 47.

²⁴ Там же. Л. 37.

²⁵ Там же. Л. 16.

²⁶ Там же. Л. 37.

²⁷ Там же. Л. 37.

²⁸ Там же. Л. 7.

²⁹ Власова М. Энциклопедия русских суеверий. СПб., 2008. С. 120.

³⁰ Полевые материалы автора... Л. 24.

³¹ Топоров В.Н. Об одной индоевропейской заговорной традиции (избранные главы) // Исследования в области балто-славянской культуры: Заговор. М., 1993. С. 74.

³² Полевые материалы автора... Л. 23.

³³ Там же. Л. 18.

-
-
- ³⁴ Там же. Л. 55.
³⁵ Там же. Л. 27.
³⁶ Там же. Л. 36.
³⁷ Там же. Л. 18.
³⁸ Там же. Л. 59.
³⁹ Там же. Л. 37.
⁴⁰ Там же. Л. 43.
⁴¹ Там же. Л. 46.
⁴² Топоров В.Н. Указ. соч. С. 11.
⁴³ Там же. С. 11.
⁴⁴ Полевые материалы автора... Л. 75.
⁴⁵ Там же. Л. 34.
⁴⁶ Там же. Л. 46.
⁴⁷ Малиновский Б. Магия, наука и религия. М., 1998. С. 27.
⁴⁸ Зеленин Д.К. Восточнославянская этнография. М., 1991. С. 423.

Родословная сказительской династии Сивцевых (Поромских) как ценный источник для изучения эпического наследия Кенозерья

Научный интерес фольклористов к И.П. Сивцеву (Поромскому) как к ярко-му, самобытному исполнителю былинного эпоса, оказавшему большое влияние на кенозерских сказителей, обусловил необходимость изучения как биографии певца, так и родословия сказительской династии Сивцевых. А.Ф. Гильфердинг писал: «На Кенозере я встретил двух весьма замечательных сказителей <...> это — Иван Сивцев, по прозванию Поромской <...> и Петр Воинов, ученик того же старика Поромского (Павла Семеновича Сивцева. — М.М.), у которого он жил в работниках»¹.

По мнению А.Ф. Гильфердинга, «это лучший из кенозерских певцов <...> былины его отличаются большей полнотой и складностью»². В.И. Чичеров считал, что «тексты И.П. Сивцева можно считать образцами для многих кенозерских сказителей <...> Не имея данных утверждать, что варианты Павла Семеновича (отца И.П. Сивцева. — М.М.) и Ивана Павловича Сивцевых были истоком традиции (тексты их учителей и других учеников Шерепкина и Подметкина неизвестны), мы имеем право называть традицию их именем, как наиболее выдающихся сказителей Кенозера, передавших свое искусство другим мастерам и исполнителям былевого эпоса»³. Известно, что от Ивана Павловича эпические песни восприняли жители Поромского Острова и деревень на побережье Кенозера.

Фольклористами братьями Б.М. и Ю.М. Соколовыми в 1927 году записаны былины от внуков И.П. Сивцева — Федора Тимофеевича (1874–1956) и Ивана Васильевича Сивцевых (даты жизни не известны), родственницы — Авдотьи Тимофеевны Артемьевой (1834–1943)⁴. Участники фольклорной экспедиции МГУ имени М.В. Ломоносова под руководством Ю.И. Смирнова и Ю.А. Новикова в 1962 году записали на магнитофонную пленку былину «Чурила и Екатерина» в исполнении правнука И.П. Сивцева — Александра Михайловича Сивцева⁵. Эту «старину» в исполнении певца зафиксировали в 1980 году и участники экспедиции Петрозаводского филиала Ленинградской государственной консерватории имени А.К. Глазунова⁶. Шесть поколений сказительской династии Сивцевых (Поромских) на протяжении 200 лет бережно хранили завещанные предками эпические тексты.

Кенозерские былины исследователи относят к группе текстов северо-восточной части Олонецкой губернии и подчеркивают их отличия от вариантов Заонежья. «Биографические данные Сивцевых указывают на общность традиции

Кенозера и района реки Онеги», — пишет В.И. Чичеров⁷. Подтверждением этого научного вывода могут стать новые биографические сведения о сказительской династии Сивцевых, обнаруженные нами в архивных источниках Национального архива Республики Карелия, семейных архивах жителей Кенозерья и их родственников, экспедиционных записях сотрудников Кенозерского национального парка и Института русской литературы РАН⁸.

О родоначальнике династии Иване Павловиче Сивцеве известно по публикации А.Ф. Гильфердинга: «по прозванию Поромской, богатый крестьянин из дер. Поромска, лежащей у впадения речки Пормы в Кенозеро, старше 65 лет»⁹. Выявленные архивные сведения позволили уточнить время рождения И.П. Сивцева — 9 января 1810 года¹⁰. Дата смерти зафиксирована в дневниковых записях фольклористов Соколовых — 1899 год¹¹. В архивном источнике дополнено, что «при крещении восприемником был той же деревни крестьянин Василий Иванов. Священник Федоров»¹². «Отец И.П. Сивцева — Павел Семенович был деревенским портным и лучшим знатоком былин во всем околоте. Павел Семенович умер на шестом десятке лет от роду <...> Былины он перенял от стариков, в Плесском погосте, что у впадении Кены в Онегу-реку», — пишет А.Ф. Гильфердинг¹³. Благодаря документам удалось получить точные биографические сведения не только об отце сказителя, но и о его деде. В Ревизских сказках 1782 года зафиксированы Семен Иванов (1735–1819)¹⁴ — дед И.П. Сивцева — и Павел Семенов (1774–1832)¹⁵ — отец сказителя. Примечательно, что С.И. Сивцев и П.С. Сивцев записаны как жители Олонецкой губернии Каргопольского уезда Кенозерской волости деревни Зехнова (южная акватория Кенозера). По выявленным материалам пока нет возможности однозначно утверждать, что Семен Иванов родился в деревне Зехнова. О месте рождения Павла Семенова, отца И.П. Сивцева, можно уверенно говорить, что местом его рождения стала деревня Зехнова¹⁶. У Павла Семенова Сивцева и его жены Авдотьи Ивановны кроме Ивана родились сыновья Петр (1813–?)¹⁷, Логин (1815–?)¹⁷, Иван (1822–1841)¹⁸ и дочь Наталья (1819–?)¹⁹. Таким образом, у Ивана Павлова Сивцева было три брата и сестра.

История династии Сивцевых тесно связана с местом их проживания в деревне Поромское. Для уточнения вопроса о том, в какое время семья стала проживать здесь, обратимся к истории этой деревни.

Остров Поромский был частью земель Кенской Пахомиевой пустыни, упраздненной в 1764 году. «На бывших же огромных монастырских землях, почти сразу, по упразднению обители, поселились крестьяне, образовав три деревнишки, именно <...> 2) на острове Поромском, озера Кена, в 8 верстах от Пахомьевой пустыни <...> Во всех 3 деревнях теперь не более 20 дворов», — писал олонецкий краевед К.А. Докучаев-Басков²⁰. На Генеральном плане Пудожского уезда 1788 года деревня Поромское еще не фиксируется. В ревизских сказках Пудожского уезда Кенозерской волости за 1795 год мы нашли инфор-

мацию о «деревне вновь поселившейся Поромского малого острова»²¹. Следовательно, время появления деревни можно связывать с концом XVIII века. На карте 1860 года Олонецкой губернии Пудожского уезда Вершининской волости Вершининского сельского общества деревень Вершининой, Шишкиной, Фоминой, Трехновой, Поромского Острова, Чудиновской, дачи Кенозерской интересующая нас деревня указана с расположенными в ней домами²² (ил. 1). В XIX веке деревня Поромский Остров занесена в Список населенных мест Олонецкой губернии Каргопольского уезда. В документах 1843 года сообщается, что здесь проживали 22 человека в трех крестьянских дворах²³. По сведениям за 1873 год деревня Поромский Остров (в документе она называется «Порожский малый остров») состояла из 4 домов и 29 жителей²⁴. В 1905 году население острова увеличилось: деревня состояла из 10 домов, 10 семей, 56 жителей²⁵. Обнаруженная в РГАЛИ фотография деревни Поромское, сделанная во время экспедиции фольклористов Б.М. и Ю.М. Соколовых в 1927 году, подтверждает данные о достаточно плотном расположении домов на берегу Кенозера²⁶.

Исторические данные свидетельствуют, что дед и отец Ивана Павловича Сивцева могли поселиться на острове Поромском не ранее конца XVIII века. Иван Павлов Сивцев родился уже в деревне под названием «Поромский малый остров»²⁷.

По сведениям, сохранившимся в дневниковых записях экспедиций 1927, 1958–1959 и 1962 годов, а также на основании полевых материалов автора данной статьи, выявлена следующая информация: у И.П. Сивцева (Поромского) было 6 детей: Николай, Василий, Тимофей, Андрей, Андрей, Надежда («бездетна») ²⁸. По ревизским сказкам 1850 года у И.П. Сивцева родилось 8 детей: Андрей (1831 — ?), Иван (1833–1836), Надежда (1835 — ?), Василий (1838 — ?), Федор (1840 — ?), Николай (1842 — ?), Тимофей (1846 — ?), Андрей (1848 — ?)²⁹. Известно, что Иван умер в младенчестве, вероятно Федор также умер в раннем возрасте. Именно поэтому в устной памяти местных жителей сохранилась информация о шестерых детях И.П. Сивцева. На острове Поромском было построено 5 домов для сыновей Ивана Павловича³⁰.

Согласно сведениям старожиллов, в деревне Поромский Остров жили две семьи Сивцевых. Одна вела свою линию от Ивана Павловича Сивцева и насчитывала 36 человек. Другая происходила от Ивана Андреевича Сивцева и состояла из 18 человек. Между семьями существовал давний конфликт, закрепивший за членами каждой устойчивые прозвища. Клан И.П. Сивцева называли «воропаи», другую семью — «волхоны»³¹. К.Ф. Шишкина (урожденная Сивцева), праправнучка И.П. Сивцева дополняет: «Мы их звали волхоны — долги балахоны»³². Семейное предание поромцев гласит, что «воропаи» поселились в деревне позже «волхон». А.Ю. Кастров, записавший эту информацию, пишет о значении слова «вороп» — «налет, небег»³³. Эти данные могут свидетельствовать о более позднем

поселении семьи И.П. Сивцева на острове. Прозвище «волхоны» другая семья получила в связи с тем, что родоначальник ее Сивцев Иван Андреевич «прекрасно поет песню "Ванька ключник и князь Волхонский"»³⁴. Каждый семейный клан проживал в деревне в своем ряду домов: ряд «волхонов» и ряд «воропаев» («Иванов ряд»)»³⁵.

«Воропаям», ведущим свое начало от И.П. Сивцева, посвящена основная часть настоящего исследования. Практически все члены большой семьи И.П. Сивцева пели былины. Сын Василий Иванович (1838 — ?) «больше всех пел». К сожалению, до нас дошли только сведения И.В. Сивцева об отце и сказителе В.И. Сивцеве: «Как батюшка был бы, так спел бы ого! Он от дедушки научился Ивана Павловича, а может и от самого Павла»³⁶. Экспедиции братьев Соколовых удалось записать у Ивана Васильевича Сивцева, сына В.И. Сивцева, эпические тексты «Дюк Степанович» и «Таракашка» («Царь Соломан и Василий Окулович»)»³⁷. Дочь В.И. Сивцева, Иринья Васильевна, вышла замуж за Макара Петровича Глущевского из деревни Глущево, тоже известного сказителя (ил. 2).

В семье Глущевских родилась дочь Анна Макаровна (в замужестве Артемьева) (1886–1963), талантливая правнучка И.П. Сивцева (ил. 3). Эпические песни она усвоила от своего деда — Василия Ивановича Сивцева. Она вспоминала: «Раньше седее дедушко сети вязать, да пое, да вяжо»³⁸. По мнению Ю.И. Смирнова, участника фольклорных экспедиций МГУ, «Анна Макаровна одна из лучших, если не самая лучшая, из числа тех, от кого мы записывали на Кенозере»³⁹. С ней фольклористы МГУ встретились в экспедициях 1958, 1959, 1962 годов. «Маленькая, неприметная для чужака старушка, с удивительно чистым, словно навеки промытым лицом, в неприменном передничке, спозаранку и допоздна занятая какой-либо работой, Анна Макаровна благодушно отнеслась к нашему появлению в июле 1958 года. Неграмотность заметно крепила ее фольклорную память и вместе с тем не мешала интересоваться современными событиями. Она дружно жила с мужем Федором Константиновичем, во время записи частым слушателем и комментатором. Их небольшая избушка стояла на окраине Першлахты, близ дороги, ведущей на восток, к перевозу на реке Онеге», — вспоминал Ю.И. Смирнов⁴⁰. В семье Анны Макаровны родилось 13 детей, но выжили только две девочки — Клавдия и Лидия⁴¹. В 1958 году фольклористами МГУ у Анны Макаровны было записано 12 стихов общим объемом более 800 строк. Прежде всего, это былины «Три поездки Ильи», «Царь Соломан», «Иван гостинный сын»; баллады «Моряночка», «Рябинка», «Молодец и река Смородинка», духовный стих «Егорий и Елисафья», сказки «Про царя да про бороду»⁴².

Внук И.П. Сивцева от сына Николая — Сивцев Алексей Николаевич (1887–1973) (ил. 4), рассуждая о людях, поющих былины говорил: «А не всякий старины пел, надо маленько знание. Другой не интересовался, а иной и не толковал (не понимал, не мог)»⁴³. Фольклористам МГУ удалось записать на маг-

нитофонную ленту в его исполнении былины «Три поездки Ильи» и «Чурило и Катерина»⁴⁴.

В 1980-х годах сотрудники Пушкинского Дома зафиксировали рассказ о совместном исполнении эпических напевных форм сына И.П. Сивцева Тимофея Ивановича с супругой Агриппиной Кузминичной⁴⁵. Собиратели были удивлены богатством их репертуара. Их сын, внук И.П. Сивцева, Федор Тимофеевич (1874–1956) былины выучил от родителей и деда. Фольклористам братьям Б.М. и Ю.М. Соколовым удалось записать замечательные былины в его исполнении «Илья Муромец и голи кабацкие», «Молодость Чурилы», «Чурило и Катерина»⁴⁶. Для сказителя все имело значение: поза, артистизм, умение перевоплощаться, личные замечания, манера сказывания, сопереживание героям. Ф.Т. Сивцев, начиная петь былину, усаживался поудобнее и говорил: «Мне сисьть надо нога на ногу, чтобы пить-то»⁴⁷.

Дочь певца, Анна Федоровна, вспоминала: «Батюшка рыбак был. Плел сети да все делал. Уж так не пел он, а когда вот плете, ли ске пряжу»⁴⁸. В деревне Федора Тимофеевича знали как искусного мастера, который изготавливал валы к мельницам⁴⁹. Со своей семьей (жена Иринья Григорьевна, три сына и четыре дочери) он жил в большом двухэтажном доме. Федор Тимофеевич занимался торговым делом и считался зажиточным крестьянином: в его хозяйстве было пять коров, две лошади. «Батюшку родного кулачили», — вспоминала его дочь Анна Федоровна Сивцева⁵⁰.

Анна Федоровна (1918–2006) также была одной из талантливейших сказительниц династии И.П. Сивцева (ил. 5). Она не имела своей семьи — «в девках живу»⁵¹. «Живет одна в большущем доме, отсюда замкнутость и не стремление рассказывать ни о чем, хотя принимает искренне, приветливо. От нее так и не удалось записать статьи (только один заговор), хотя именно с этой стороны она широко известна в деревне», — записали в экспедиционном дневнике молодые собиратели МГУ⁵². Однако удалось зафиксировать исполнение ею лирических песен в 1988 году экспедициям Петрозаводского филиала Ленинградской консерватории⁵³ и в 1987 году Пушкинского Дома. Сохранились звукозаписи духовного стиха «Алексей Божий человек» и былин «Соломан и Василий Окулович», «Три поездки Ильи Муромца»⁵⁴. Дневниковые заметки юношеской комплексной научно-исследовательской экспедиции «Донской гимназии» (г. Москва) свидетельствуют, что Анна Федоровна помнила тексты духовных стихов «Сон Богородицы», «Про Кирика и Иулиту»⁵⁵. Культуру исполнения былин, манеру «сказывать» сохранила А.Ф. Сивцева до конца своей жизни. В деревне Шишкина проживает Клавдия Федоровна Шишкина (ил. 6), ее племянница, прекрасно исполняющая песни и частушки. Она внучка Федора Тимофеевича и праправнучка Ивана Павловича Сивцевых.

Примечательное описание внешности исполнителя былин Степана Андреевича Сивцева (двоюродный брат Федора Тимофеевича Сивцева, внук И.П. Сив-

цева) мы встретили у фольклористов МГУ: «Представьте: перед вами дед в длинной холщевой рубаше, перевязанной веревочкой. Темная борода, несмотря на возраст. Руки положены на колени, а взгляд где-то далеко, далеко, и начинает рассказывать. При этом у него удивительный голос былинника. И говорит он нараспев»⁵⁶.

Ярким исполнителем сказок был Иван Григорьевич Сивцев (1884–1957), внук Андрея Ивановича — сына И.П. Сивцева. Об И.Г. Сивцеве участница фольклорных экспедиций МГУ Н.М. Ведерникова пишет: «Об Иване Григорьевиче как знатоке старин и сказок говорили еще в Першлахте, в Поромском сразу же указали на его дом. Он человек уважаемый, степенный, во время Великой Отечественной войны был председателем колхоза. Любит читать, особенно сказки, в его доме есть два или три сборника русских сказок. Иван Григорьевич производит впечатление замкнутого и молчаливого человека, но он охотно согласился и старину спеть, и сказки припомнить. Его репертуар — эпические произведения — в какой-то степени отражает его характер. Поет Иван Григорьевич, не глядя на слушателей, — весь в пении, будто ощущая всю значимость содержания былины. То же при рассказывании сказок: сосредоточенность на сюжете, серьезность, обстоятельность. Если что забывает, вспоминает, долго роюсь в памяти, но не пытается внести что-то свое»⁵⁷ (ил. 7). У Ивана Григорьевича московскими фольклористами были записаны сказки «Иван коровий сын», «Олена краса, золота коса», «Про русскую соль», «Евстафий Плакида»⁵⁸. У второго Андрея Ивановича, сына И.П. Сивцева, знатоками былин были сын Михаил Андреевич (1861–1942) и внук Александр Михайлович (1901–1983). Фольклорной экспедицией МГУ в середине 1950-х годов записаны прекрасные тексты былин и сказок, в том числе редкая былина «Молодость Чурилы Пленковича», в исполнении А.М. Сивцева⁵⁹.

Наталья Михайловна Ведерникова, участница фольклорных экспедиций, вспоминает: «Приехав в Поромское морозным днем, я остановилась в доме Алексея (Александра. — М.М.) Михайловича и Марии Константиновны Сивцевых, где радушные хозяева отогрели меня на печи, напоили чаем, а уж после стали выспрашивать (все, как в сказке!). Александр Михайлович оказался подлинным рассказчиком, со своим репертуаром, чьи тексты специально собираются послушать. Ему всегда была нужна аудитория; их живой отклик — смех, реплики — воодушевляли исполнителя, и потому, когда слушатели расходились, Александр Михайлович сникал и отказывался рассказывать что-либо еще»⁶⁰ (ил. 8). Н.М. Ведерникова опубликовала тексты сказок А.М. Сивцева «Жена доказчица», «Муж ищет глупее своей жены», «Пошехонская бэль», «Про шута московского», «Жена обманщица»⁶¹. Звукозаписи лирических песен, исполненных А.М. Сивцевым, хранятся в Фольклорном архиве Петрозаводской консерватории⁶². Александр Михайлович, участник Великой Отечественной войны, вспоминал: «На войне в окопах сказки рассказывал солдатам. Бывало, бомба загудит — примолкнут,

а взорвется, так опять спрашивают: "Ну, что дальше?". Порой начальники призывали сказки рассказывать»⁶³.

Известным знатоком старин был родоначальник другой семьи Сивцевых — Иван Андреевич (Волхонов). В его исполнении братьями Соколовыми записаны былины «Три поездки Ильи Муромца» и «Добрыня и Маринка». Былинам он выучился у И.П. Сивцева⁶⁴. Его двоюродные братья Иван и Егор также были известными в деревне сказителями. Брат Дмитрий Андреевич и сестра Степанида Андреевна славились как совместным, так и индивидуальным исполнением былины «Соломан и Василий Окулович». Степанида Андреевна пела старину во время работы, сидя за прядением пряжи, вязанием чулок или плетением рыболовной сети⁶⁵. Сын Дмитрия Андреевича, Григорий Дмитриевич (1907–1990) (ил. 9), также перенял исполнение эпических текстов от отца и тети. Былины «Василий Окулович», «Царь Соломан» и целый ряд лирических и рекрутских песен в исполнении Г.Д. Сивцева записали сотрудники Петрозаводского филиала Ленинградской консерватории в 1979 году⁶⁶. Былины «Исцеление Ильи Муромца, Илья Муромец и Соловей-разбойник», «Соломан и Василий Окулович» зафиксировал А.Ю. Кастров (Пушкинский Дом)⁶⁷. О Г.Д. Сивцеве говорили: «Это человек-песня. Он пел всегда, в кузнице, на косилке, не пел, если спал»⁶⁸.

К сожалению, фольклористы не смогли записать всех талантливых исполнителей сказительской династии Сивцевых. Б.М. и Ю.М. Соколовы записали в своих дневниках: «Так и пришлось уехать из Поромска, не сняв никого из потомков Ивана Павловича Сивцева и не записав в фонограф поромских былинных мотивов»⁶⁹.

Свидетельства старожилов, записанные собирателями в XX веке, позволяют описать хозяйственный и праздничный уклад деревни Поромское. «На острову» проживали состоятельные крестьяне (ил. 10). «Люди были хлебны, работали много, солнышко выкатилось, мы и вставали на работу», — вспоминала А.И. Сивцева⁷⁰. У поромцев издавна все было свое: богатые пашни, обильный рыбный промысел, удобные поляны для сенокосения. Кузнечные работы выполнял Григорий Дмитриевич Сивцев (1907–1990), известный исполнитель эпических песен. В деревне была своя мельница, стоящая в месте, где «с озера река Порма выпадает»⁷¹. Кухарем на ней был Алексей Иванович Сивцев⁷². Водяные колеса для всей округи мастерил Федор Тимофеевич Сивцев⁷³, внук сказителя И.П. Сивцева и замечательный исполнитель былин.

В 1930-х годах зажиточные крестьяне в деревне были раскулачены и в их дома стали подселять бедняков⁷⁴. После организации колхоза «Красный остров», на Поромское стали переселяться «приемыши». С хутора Пормы, а туда родители их ранее перебрались с Медвежьего острова, переехали в деревню братья Татариновы Иван Николаевич и Григорий Николаевич, а также Александра Ефимовна Сидорова, жившая обособленно, с пятью внуками на руках. До 1949 года здесь была своя школа, в которой учила Евдокия Николаевна Сластикова⁷⁵.

На острове Поромском находится небольшая часовня преподобного Антония Сийского, построенная не ранее середины XIX века, т.к. в церковных перечнях Кенозерского прихода ранее она не упоминается. Посвящение часовни не было случайным. В Пахомиево-Кенской пустыни, которой принадлежал остров, преподобный Антоний принял монашеский постриг (ил. 11).

На часовенный праздник «Антония Великого» по заведенной традиции приезжало много гостей из Ряпусова, Почезера, Кузьминок и других деревень, где жили родственники⁷⁶. «Все Кенозеро собиралось. Бабы-то набраны с Кенозера. 18 лошадей в праздник ночевали», — вспоминала Анна Федоровна Сивцева⁷⁷. «В Поромское приезжал отец (священник) Михаил Иванович Ухотский из деревни Коровино. Крестить за ним ездили. А венчаться в церковь ездили», — свидетельствует хранительница часовни Анна Ивановна Сивцева⁷⁸ (ил. 12). «Вторым престолом» деревни стал Петров день, т.к. именно в этот праздник был организован колхоз «Красный остров»⁷⁹. Сегодня деревня Поромский Остров оставлена местными жителями и оживает лишь в летнее время, когда приезжают родственники поромцев (ил. 13).

В настоящее время пока остается невыясненным вопрос о месте первого поселения семьи Сивцевых. Не исключено, что представители этой семьи, жившие в начале XVIII века, происходили из деревни Сивцева (см. ил. 10)⁸⁰. Эту версию подтверждают рассказы старожилов Поромского Острова⁸¹. По существующей в Кенозерье традиции, фамилии первых поселенцев одноименны с названиями деревень (Спицыны в деревне Спицына, Глушцы в деревне Глуцево и т.д.). Из источников, хранящихся в Российском государственном архиве древних актов, известно, что деревня Сивцева существовала ранее деревни Поромское, в 1762 году она фиксируется в документах⁸².

Выявленные биографические сведения о сказительской династии Сивцевых (Поромских), живших целыми поколениями на острове Поромском; географическая близость острова с рекой Онегой и Плесским погостом, где Павел Семенов Сивцев (родоначальник сказительской династии) учился «сказывать», позволяет подтвердить предположение фольклористов о прочном и длительном сохранении «поромских» былинных изводов и связи текстов И.П. Сивцева с онежскими эпическими вариантами.

В современных исследованиях пока не нашла отражения тема родословий сказительских династий, происходивших из других кенозерских деревень. По мысли Ю.И. Смирнова, «здесь были 2 группы переселенцев и более ранние связаны с южной акваторией Кенозера»⁸³. В.И. Чичеров писал, что «тексты Кропачева (из д. Мамонов Остров. — М.М.) следует признать наиболее далекими от основных редакций местной традиции и, в частности, от вариантов, записанных от Поромского»⁸⁴. Изучение данной темы позволит сделать сравнительный анализ и точнее определить роль «поромского старика» И.П. Сивцева в истории эпического наследия Кенозерья.

Примечания

¹ Гильфердинг А.Ф. Онежские былины, записанные Александром Федоровичем Гильфердингом летом 1871 года. СПб., 1900. 2-е изд. Т. 3. С. 131.

² Там же. С. 138.

³ Чичеров В.И. Былины на Кенозере. Архангельск, 2015. С. 8, 12.

⁴ Бахтина В.А. Неизданные материалы экспедиции Б.М. и Ю.М. Соколовых. 1926–1928. М., 2011. С. 753, 755; Летописи. Кн. 13: Онежские былины / подбор былин и науч. ред. текста Ю.М. Соколова. М., 1948. С. 935.

⁵ Звукозаписи былин см.: Фольклорный архив МГУ им. М.В. Ломоносова. Ф. 62/6 (д. Поромское). Оп. 1. Копии см.: Научный архив ФГБУ «Национальный парк «Кенозерский». Ф. 1. Оп. 8. Д. 286.

⁶ Ковыршина Ю.И. Былинная традиция Кенозера: рукопись // Научный архив ФГБУ «Национальный парк «Кенозерский». Ф. 1. Оп. 2. Д. 496. С. 40–50. Звукозапись см.: Фольклорный архив Петрозаводской государственной консерватории. Пленка 258–5959 (запись И.Б. Семаковой).

⁷ Чичеров В.И. Указ. соч. С. 7.

⁸ Настоящее исследование является продолжением работы, опубликованной нами ранее: Мелютина М.Н. Эпическое наследие Кенозерья: родословная сказительской династии Сивцевых (Поромских) // Михайловские чтения. 2013: сборник статей научно-практической конференции / сост.: Ю.А. Сибирцева, Н.Н. Григорьева Архангельск, 2014. С. 20–29. Новые архивные источники и экспедиционные записи позволили уточнить и расширить ряд определений указанной статьи.

⁹ Гильфердинг А.Ф. Указ соч. С. 137.

¹⁰ Национальный архив Республики Карелия (далее НАРК). Ф. 4. Оп. 18. Д. 21/211. Л. 135–135 об.; Ф. 25. Оп. 26. Д. 9. Л. 183.

¹¹ Бахтина В.А. Неизданные материалы экспедиции Б.М. и Ю.М. Соколовых. 1926–1928. М., 2011. С. 359.

¹² НАРК. Ф. 25. Оп. 26. Д. 9. Л. 183.

¹³ Гильфердинг А.Ф. Указ. соч. С. 137.

¹⁴ НАРК. Ф. 4. Оп. 18. Д. 21/211. Л. 135–135 об. Дата смерти зафиксирована в Ревизских сказках 1834 года.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же.

¹⁷ НАРК. Ф. 4. Оп. 45. Д. 6/50. Л. 141 об. — 142. В 1858 году Логин был жив (см.: НАРК. Ф. 222. Оп. 15. Д. 15/63. Л. 317 об. — 318).

¹⁸ НАРК. Ф. 4. Оп. 18. Д. 56/537. Л. 98 об. — 100.

¹⁹ Там же.

²⁰ Докучаев-Басков К.А. Подвижники и монастыри Крайнего Севера. Кенский монастырь, Пахомьева пустыня // Христианское чтение. 1887. № 9/10. С. 514.

²¹ НАРК. Ф. 4. Оп. 18. Д. 21/211. Л. 207 об.

-
-
- ²² Копию карты из Национального архива Республики Карелия см.: Научный архив ФГБУ «Национальный парк «Кенозерский». Ф. 1. Оп. 8. Д. 404.
- ²³ Заручевская Е., Шаповалова Л., Кольцова Т. Свод памятников // Небеса и окрестности Кенозерья: расписные потолки, иконы, деревенские часовни и церкви, составляющие историко-культурный ландшафт Национального парка «Кенозерский». М., 2009. С. 270.
- ²⁴ Олонецкая губерния: Список населенных мест по сведениям 1873 года. СПб., 1879. С. 190. URL: <http://elibrary.karelia.ru/book.shtml>.
- ²⁵ Там же.
- ²⁶ Деревня Поромский остров. 1927 г. Экспедиция братьев Ю.М. и Б.М. Соколовых // РГАЛИ. Ф. 1456. Д. 1. Оп. 53. Л. 16.
- ²⁷ НАРК. Ф. 4. Оп. 18. Д. 27/258. Л. 38.
- ²⁸ Информант — Сивцева Любовь Ивановна, 1959 г.р., д. Першлахта (запись М.Н. Мелютиной, 2013 г.).
- ²⁹ НАРК. Ф. 4. Оп. 45. Д. 6/50. Л. 141 об. — 142.
- ³⁰ Информант — Сивцева Анна Федоровна (1918–2006), д. Першлахта (запись Г.И. Емельяновой, 1998 г.). См.: Научный архив ФГБУ «Национальный парк «Кенозерский». Ф. 1. Оп. 8. Д. 336.
- ³¹ Кастров А.Ю. Кенозерские эпические напевы: материалы и комментарии // Русский фольклор. Т. 28: Эпические традиции: материалы и исследования. СПб., 1995. С. 357.
- ³² Информант — Шишкина Клавдия Федоровна, 1940 г.р., д. Шишкино (запись М.Н. Мелютиной, 2013 г.).
- ³³ Кастров А.Ю. Указ. соч. С. 357.
- ³⁴ Бахтина В.А. Указ. соч. С. 359.
- ³⁵ Информант — Сивцева Анна Ивановна (1912–2004), д. Поромское (запись Г.И. Емельяновой, 1998 г.). См.: Научный архив ФГБУ «Национальный парк «Кенозерский». Ф. 1. Оп. 8. Д. 336.
- ³⁶ Летописи. Кн. 13: Онежские былины. С. 753.
- ³⁷ Там же. С. 743–748.
- ³⁸ Кенозерские сказки, предания, былички / сост. Н.М. Ведерникова. М., 2003. С. 12.
- ³⁹ Там же.
- ⁴⁰ Там же. С. 12.
- ⁴¹ Информант — Старицына Лидия Федоровна (1926–2009) (запись Г.И. Емельяновой, 1998 г.). См.: Научный архив ФГБУ «Национальный парк «Кенозерский». Ф. 1. Оп. 8. Д. 336.
- ⁴² Звукозаписи см.: Фольклорный архив МГУ им. М.В. Ломоносова. Ф. 62/7 (д. Першлахта). Оп. 6; Ф. 62/8 (д. Першлахта). Оп. 1–3; Ф. 62/9 (д. Першлахта). Оп. 2; Ф. 62/10 (д. Першлахта). Оп. 1–4; Ф. 62/11 (д. Першлахта). Оп. 1–2; Ф. 62/12 (д. Першлахта). Оп. 3. Копии см.: Научный архив ФГБУ «Национальный парк «Кенозерский». Ф. 1. Оп. 8. Д. 286.
-
-

-
-
- ⁴³ Фольклорный архив МГУ им. М.В. Ломоносова. 1959. Кенозерский маршрут. Тетрадь 1. Л. 6960 (запись Ю.И. Смирнова, Ю.А. Новикова).
- ⁴⁴ Звукозаписи см.: Фольклорный архив МГУ им. М.В. Ломоносова». Ф. 62/6 (д. Поромское). Оп. 2; Ф. 62/5. Оп. 8. Копии см.: Научный архив ФГБУ «Национальный парк «Кенозерский». Ф. 1. Оп. 8. Д. 286.
- ⁴⁵ Кастров А.Ю. Указ. соч. С. 357.
- ⁴⁶ Летописи. Кн. 13: Онежские былины. С. 737–742.
- ⁴⁷ Там же.
- ⁴⁸ Кастров А.Ю. Указ. соч. С. 357.
- ⁴⁹ Информант — Сивцева Татьяна Александровна, 1931 г.р., д. Першлахта (запись М.Н. Мелютиной, 2010 г.).
- ⁵⁰ Информант — Сивцева Анна Федоровна (1918–2006), д. Першлахта (запись Г.И. Емельяновой, 1998 г.). См.: Научный архив ФГБУ «Национальный парк «Кенозерский». Ф. 1. Оп. 8. Д. 336.
- ⁵¹ Информант — Сивцева Анна Федоровна (1918–2006), д. Першлахта (запись Г.И. Емельяновой, 1998 г.). См.: Научный архив ФГБУ «Национальный парк «Кенозерский». Ф. 1. Оп. 8. Д. 336.
- ⁵² Фольклорный архив МГУ им. М.В. Ломоносова. № 1–16–1958. Архангельская обл. 54. № 351. ФЭ — 103; 0987–1030 (запись В. Велинской, А. Грибанова).
- ⁵³ Звукозаписи см.: Фольклорный архив Петрозаводской государственной консерватории. CD-1. Пленка 337 (Вершинино, Майлахта, Першлахта).
- ⁵⁴ Звукозаписи см.: Фонограммархив Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН. МФ 3704.01–3705.09. Копии см.: Научный архив ФГБУ «Национальный парк «Кенозерский». Ф. 1. Оп. 8. Д. 340.
- ⁵⁵ Свешникова Н.В. Отчет фольклорно-этнографической специализации. «Кенозеро — 96». Отчет о юношеской комплексной научно-исследовательской экспедиции. 1997: рукопись // Научный архив ФГБУ «Национальный парк «Кенозерский». Ф. 1. Оп. 2. Д. 30. С. 57.
- ⁵⁶ Фольклорный архив МГУ им. М.В. Ломоносова. № 1–16–1958. Архангельская обл. 54. № 351. ФЭ — 103; 0987–1030 (запись В. Велинской, А. Грибанова).
- ⁵⁷ Кенозерские сказки, предания, былички. С. 73.
- ⁵⁸ Там же. С. 144.
- ⁵⁹ Звукозаписи см.: Фольклорный архив МГУ им. М.В. Ломоносова. Ф. 62/6 (д. Поромское). Оп. 1. Копии см.: Научный архив ФГБУ «Национальный парк «Кенозерский». Ф. 1. Оп. 8. Д. 286.
- ⁶⁰ Кенозерские сказки, предания, былички. С. 83.
- ⁶¹ Там же. С. 144.
- ⁶² Звукозаписи см.: Фольклорный архив Петрозаводской государственной консерватории. CD-1. Пленка 258 (Вершинино, Першлахта, Усть-Поча).
- ⁶³ Кенозерские сказки, предания, былички. С. 83.
- ⁶⁴ Летописи. Кн. 13: Онежские былины. С. 753–756.

⁶⁵ Кастров А.Ю. Указ. соч. С. 354.

⁶⁶ Звукозаписи см.: Фольклорный архив Петрозаводской государственной консерватории. CD-1. Пленки 256–5939; 257–5940 (Поромское).

⁶⁷ Звукозаписи см.: Фонограммархив Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН. МФ 3716.02, 3718.01. Копии см.: Научный архив ФГБУ «Национальный парк «Кенозерский». Ф. 1. Оп. 8. Д. 340.

⁶⁸ Информант — Сивцева Любовь Ивановна, 1959 г.р., д. Першлахта (запись М.Н. Мелютиной, 2013 г.). Автор статьи благодарит Л.И. Сивцеву за помощь в подготовке материалов.

⁶⁹ Бахтина В.А. Указ. соч. С. 359.

⁷⁰ Информант — Сивцева Анна Ивановна (1912–2004), д. Поромское (запись Г.И. Емельяновой, 1998 г.). См.: Научный архив ФГБУ «Национальный парк «Кенозерский». Ф. 1. Оп. 8. Д. 336.

⁷¹ Информант — Сивцева Анна Ивановна (1912–2004), д. Поромское (запись Г.И. Емельяновой, 1998 г.). См.: Научный архив ФГБУ «Национальный парк «Кенозерский». Ф. 1. Оп. 8. Д. 336.

⁷² Информант — Сивцева Мария Александровна (1924–2006), д. Поромское (запись Г.И. Емельяновой, 1998 г.). См.: Научный архив ФГБУ «Национальный парк «Кенозерский». Ф. 1. Оп. 8. Д. 336.

⁷³ Информант — Сивцева Анна Ивановна (1912–2004), д. Поромское (запись Г.И. Емельяновой, 1998 г.). См.: Научный архив ФГБУ «Национальный парк «Кенозерский». Ф. 1. Оп. 8. Д. 336.

⁷⁴ Информант — Сивцева Клавдия Александровна (1931–2006), д. Поромское (запись Г.И. Емельяновой, 1998 г.). См.: Научный архив ФГБУ «Национальный парк «Кенозерский». Ф. 1. Оп. 8. Д. 336.

⁷⁵ Информант — Сивцева Ольга Степановна, 1926 г.р., д. Нетома; Сивцева Мария Александровна (1924–2006), д. Поромское (запись Г.И. Емельяновой, 1998 г.). См.: Научный архив ФГБУ «Национальный парк «Кенозерский». Ф. 1. Оп. 8. Д. 336.

⁷⁶ Информант — Сивцева Ольга Степановна, 1926 г.р., д. Поромское (запись Г.И. Емельяновой, 1998 г.). См.: Научный архив ФГБУ «Национальный парк «Кенозерский». Ф. 1. Оп. 8. Д. 336.

⁷⁷ Информант — Сивцева Анна Федоровна (1918–2006), д. Першлахта (запись Г.И. Емельяновой, 1998 г.). См.: Научный архив ФГБУ «Национальный парк «Кенозерский». Ф. 1. Оп. 8. Д. 336.

⁷⁸ Информант — Сивцева Анна Ивановна (1912–2004), д. Поромское (запись Г.И. Емельяновой, 1998 г.). См.: Научный архив ФГБУ «Национальный парк «Кенозерский». Ф. 1. Оп. 8. Д. 336.

⁷⁹ Информант — Сивцева Анна Ивановна (1912–2004), д. Поромское (запись Г.И. Емельяновой, 1998 г.). См.: Научный архив ФГБУ «Национальный парк «Кенозерский». Ф. 1. Оп. 8. Д. 336.

⁸⁰ Карта Кенозерской волости Каргопольского уезда Вологодской губернии. 1925 г. // Государственный архив Архангельской области.

⁸¹ Информант — Сивцева Татьяна Александровна, 1931 г.р., д. Першлахта (запись М.Н. Мелютиной, 2013 г.).

⁸² РГАДА. Ф. 350 (Ландратские книги и ревизские сказки). Оп. 2. Д. 1277. Л. 2652 (Перепись Каргопольского уезда 1762 г.). Автор благодарит за информацию А.Н. Старицына.

⁸³ Смирнов Ю.И. Видеозапись. 2014 год // Научный архив ФГБУ «Национальный парк «Кенозерский». Ф. 1. Оп. 8. Д. 423.

⁸⁴ Чичеров В.И. Указ. соч. С. 31.

Вербальный код иноэтнического воздействия на бытовую и устнопоэтическую речь жителей Русского Севера*

Лексическая система архангельских говоров, сложившаяся в течение веков на русской языковой основе, корнями уходит в территориальные диалекты с центрами Новгород, Псков, Ростов, Суздаль, Москва. В ее составе содержатся единицы с признаками нерегулярного характера, появившимися под влиянием фонетических особенностей соседних прибалтийско-финских и других иноструктурных языков. К настоящему времени выявлена целая система таких признаков, которые могут быть обозначены как экстенциальные¹. В своей совокупности они выступают в качестве своеобразного кода инокультурного воздействия. В данной работе представим некоторые примеры экстенциальной лексики, бытующей в архангельских говорах и отраженной в устнопоэтических произведениях Русского Севера.

В области **гласных** наблюдаются явления, которые связаны с переносом ударения на предшествующий или первый слог, обусловленным влиянием акцентологической системы прибалтийско-финских и других финно-угорских языков. В архангельских говорах отмечены единичные примеры так называемого заонежского «яканья»², т.е. перехода 'e > 'a с одновременным переносом ударения на первый слог: *дря́сва* (Вин., Лен.), ср. *дресва́*. Чаще встречается изменение гласного *o* первого безударного слога в ударный *á*, распространенное на широкой территории русских говоров³, ср.: *да́гада* 'догадка, понимание' (Онеж.) и *дога́да* (Пин.); *да́полна* 'много, большое количество' (Пин.) и *дополна́* (Вил., Вин., В.-Т., Карг., Кон., Красн., Леш., Нянд., Онеж., Плес., Прим., Холм.).

Перенос ударения на первый слог А.А. Шахматов объясняет влиянием неродственных языков, в частности карельского: «В Петрозаводском и Повецком уездах под карельским влиянием произошел перенос ударения с конца слова на его начало (*то́пор, о́кно, го́ворить, му́жик, мо́лодой*), а местами с таким переносом связывается изменение гласных *e* и *o*, перенесших на себя ударение, в дифтонги *ea, oa*, чуждые вообще русскому языку, но свойственные карельскому, вместо чего дальше и просто *a* (*не́асу, но́ана, то́анор, ня́су, па́на, та́пор*)»⁴. Описываемое изменение входит своей частью в большое число явлений предшествующего состояния, которое было характерно для периода «перехода к иной монокультуре и в языке и в материальной культуре»⁵, наступившего после периода билингвизма.

© Михайлова Л.П., 2016

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Программы стратегического развития ПетрГУ в рамках реализации комплекса мероприятий по развитию научно-исследовательской деятельности на 2012–2016 гг.

Переход *o > á* в начальном слоге спорадически встречается в произведениях устной народной поэзии. В былине «Молодец и река Смородина», записанной А.Ф. Гильфердингом на Кенозере от Лядкова (Кропачева) Ивана Михайловича, представлен один случай модификации гласного *o* в *á* в начальном слоге при последующем употреблении слова без изменения:

Да женил молодца родной батюшко,
Да на чужой-то дальней сторонушки.
Да бралде он ему молоду жену,
Да брал за женой приданого
Три, три чернёных **ка́рабля**:
Да первой-от грузон черён *корабь*
Был золотом и серебром,
А другой-от грузон черён *корабь*
Все скатниим жемчугом,
А третьей-от грузон черён *корабь*
Все жениным приданным⁶.

Ср. также отрывок из свадебного причитания «Приустали ножки реизвыи», записанного А.А. Шахматовым в конце XIX в. в деревне Лукин Остров Кондопожской волости Олонецкой губернии от Гришиной (пожилой женщины):

Как удариў мене в ли́цё,
У мне ли́цё стало, как **а́гонь** горичё⁷.

В области **согласных** в описываемых говорах активно закрепились результаты такого процесса, как мена звуков *v* и *b*: *боткаться* (Нянд.) (< *воткаться*) 'возиться с чем-н.', *ботола* (Карг.) (< *вотола*) 'охотничий мешок' и т.д. В этом отношении интересны модификаты, восходящие к исходной лексеме *атаман*. Слова *батаман* 'мифическое существо, обитающее в доме, сарае, бане и т.п.' (Лен. Арх.), 'в суеверных представлениях — домовый' (Волог.), *батамушко* 'то же, что батаман' (Лен., Красн., Котл. Арх., Орл., Вят., Волог., Сол., Устьс. Волог.) бытуют параллельно с *ватаманушко* 'домовой' (В.-Уст. Волог.), *ватамушко* 'мифическое существо, обитающее в доме' (Красн. Арх.), *атаман* 'нечистая сила, дьявол' (Чуд. Новг., Медв. Карел.). В значении 'домовой' на той же территории употребляются варианты *батаман*, *батаманка*, *батаманко*, *батаманко*, *батамушка*, *батанко*, *батанушка*, *батанушко*⁸. При всей сложности вопроса об этимологии слова *атаман*, связанного с тюркским языком⁹, отметим как существенный факт наличия данного слова в памятниках письменности в разных вариантах. Лексема *атамань* (*атомань*, *отомань*) 'старший в каком-л. деле; вождь, предводитель' фиксируется памятниками письменности в XVII в.¹⁰, хотя известна была гораздо раньше и зафиксирована с протетическим *v-*, появившимся, по всей вероятности, в северно-русском ареале с его оканьем: *отаман* > *вотаман*, в дальнейшем представленное в виде *ватаман*. Последний вариант

встречаем в грамоте Двинской 1294 г.: «Ходити тремъ ватагамъ моимъ на море, а ватаман Ондрей Критцкый», а позднее, в середине XV в., в памятниках Великого Новгорода¹¹.

Вариант с протетическим *в-* закрепился в северно-русской ономастике. В документах «Строкиной пустыни», исторически связанной со Спасо-Каргопольским монастырем, представлен антропоним *Андрей Ватаманов* (1589 г.)¹²; возможно, от антропонима произошло и название деревни *Ватамановская* в Каргопольском районе Архангельской области.

Этимологи предполагают, что *батаман* 'домовой' — это «эвфемизм, возникший из преобразований (*в*)атаман под влиянием *батья*»¹³. Однако следует учесть фактмены звуков *в* и *б* как типичное явление для северно-русских говоров, ср. *баркун*, *боранда*, *бздавать*, *бодорезь*, *боркун*, *боронец*, *бараника*, *быводье*, *вагровище*, *вагула*, *верлога*, *войкой*¹⁴. Интерес представляет и название гриба волнушки: *болнушка*, *болденец*, *волбенка*, *ббвеница*,

Исследователи особенностей фонетической субституции и адаптации лексики финно-угорского происхождения в русских говорах Северо-Запада России отмечают, что при определенных условиях переход [v] в начале слова в [b] характерен для вепсского языка и некоторых говоров карельского языка¹⁵.

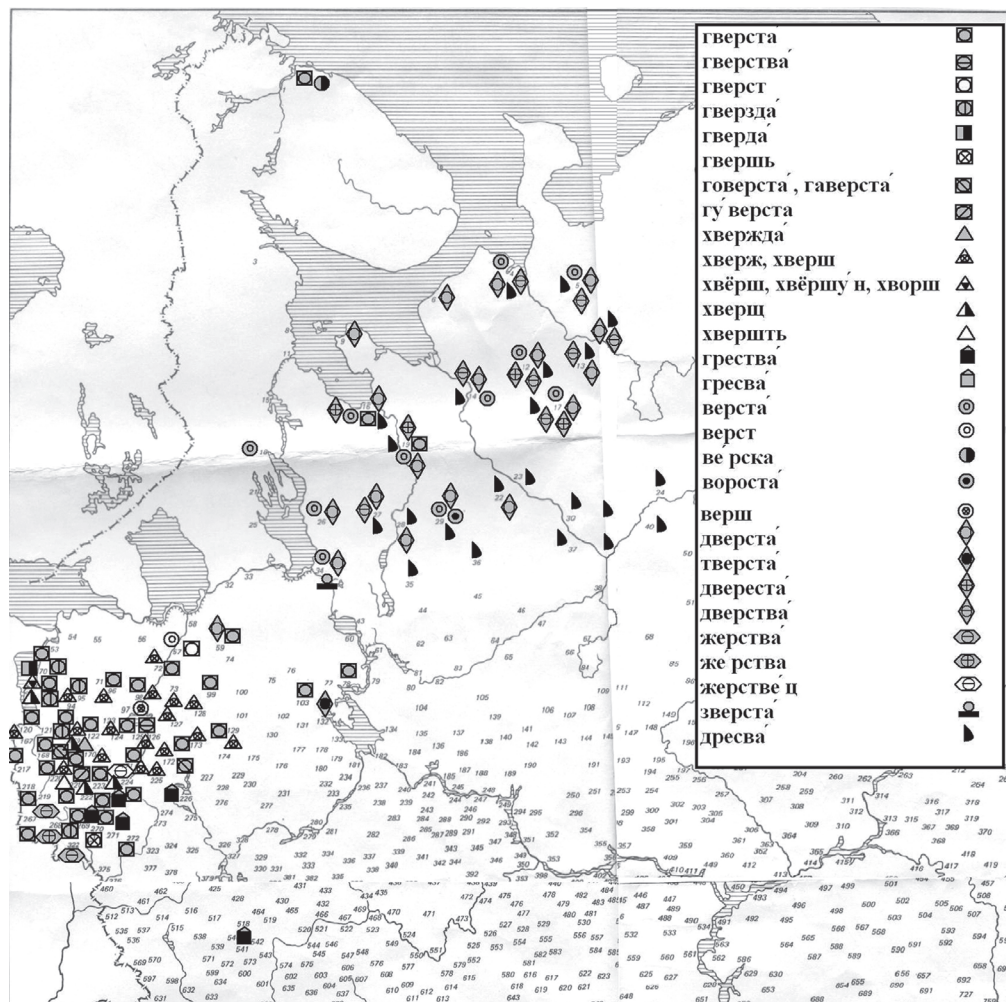
В позиции *начала слова* отмечается лексикализация явлений, связанных с преобразованием консонантных сочетаний начального слога, обусловленных их отсутствием в прибалтийско-финских и других финно-угорских языках¹⁶. По этой причине модификация русского слова проходит разными путями, в частности происходит упрощение согласных (по формуле *tt- > t-*), например:

гб- > б-: *бало* 'деревянное приспособление, орудие для загибания полозьев, дуг, колес', широко известное в архангельских говорах (Вель., Вин., Котл., Лен., Леш., Мез., Пин., Усть., Холм., Шенк.); единичными фиксациями отмечены варианты *бал* (Мез., Прим.), *бóло* (Вин., Мез.), слово *бало* известно также заонежским говорам (Медв.)¹⁷, ср. **гбало* (< *гбало*) и (*гбало* >) *гбало* 'приспособление для выгибания дуг, полозьев' (Нянд., Уст. Арх., Баб., Бабуш., Ваш., Кир., М.-Реч., Ньюкс., Устюж., Хар., Череп., Шексн. Волог.);

дв- > в-: *верно-угол* 'ближний к двери угол в крестьянской избе' Карг., Пуд., вариант *верноугол* (Карг.), ср. *дверной угол* 'угол около порога, напротив печки' (Медв., Кем.);

гв- > в- или *дв- > в-*: *верста* 'мелкий щебень, каменный песок, употребляющийся для оттирания деревянного пола от грязи' (Мез., Нянд., Онеж., Холм. Арх.), 'мелкий камень, щебень; дресва' (Пин. Арх., Выт. Волог., Петрозав. Олон.), 'мелкодробленный камень, дресва' (Медв., Пуд. Карел.), ср. *гверста* 'мелкий камень, щебень; дресва' (Онеж. Арх., Севмор. Мурман., Тихв. Ленингр., Уст., Чер. Волог., Чуд. Новг.), 'дресва' (Холм. Арх., У.-Куб., Устюж., Чаг. Волог.), *дверста*

‘измельченный камень, крупный песок, используемый для очистки деревянных поверхностей’ (Карг., Леш., Мез., Нянд., Онеж., Пин., Плес., Прим., Холм., Шенк. Арх.). Вопрос о первоисточнике (*гверста* или *дверста*) на данном этапе не может считаться окончательно решенным¹⁸. О «независимости» функционирования и ареальной обособленности данных слов может свидетельствовать и карта, показывающая противопоставленность псковско-новгородского и архангельского регионов.

Слово *гверста* и его фонетические преобразования

Упрощение начального сочетания согласных до одного звука, с учетом дегриентов, имеет рассеянный ареал: *верста́* — Медв., Пуд. Карел., Пин. Арх., Выт. Волог., Мез., Нянд., Онеж., Холм. Арх., *верстíнка* — Остр. Пск., *верстлívый* Н.-Рж. Пск., *верстя́ный* — Стрельна Мурман.; *верст* — Кириш. Ленингр. Точечный ареал имеют варианты *вёрска* — Севмор. Мурман. и *вороста́* — Нянд. Арх. Наличие упрощенного анлаута в указанных ареалах может выступать показателем преобразования обоих сочетаний согласных независимо друг от друга.

В Словаре русских народных говоров при слове *верста́* 'мелкий камень, щебень; дресва' (Петрозав. Олон.) имеются дополнительные сведения, иллюстрирующие непонятное значение слова: «Как у тако́го-то двор на семи столбах, На семи столбах и двенадцати **верста́х**. И на каждой на **верстíнке** — по жемчужинке» (Валд. Новг. Верещагин)²⁰. Данная иллюстрация (с обобщением «у тако́го-то» в отношении конкретного имени героя) часто употребляется в былинных текстах. Приведенный текст, действительно, не дает возможности определить точное значение слов *верста* и *верстинка*, хотя указывает на их отношение к названию основы дома, на которой он держится.

Для установления семантики слова *верста* интерес представляют тексты свадебного причитания, записанные А.А. Шахматовым в деревне Тавой-Гора Кондопожской волости от Лукерьи Филипповны Марковой в конце XIX в.

Причитание: И сваха смоувила словечушко,
Похваляла чюжу стóрону
Как на чюжой стóронушки
Стóбит дом и на семи *верстах*,
На семи *вёрстах* с половиной
На серёдки двóра горьница,
И ёна сахаром посыпана...²¹

Невеста отвечает: Ах ты, молода сваха́ спесива,
Не хвали-ко чюжой стóроны,
И на чюжой дальнёй стóронушки
Стóбит дом и на семи *шахах*,
На семи *шахах* с половиной,
И на серёдки двора байнишко
И доской ёна усбивана
Е кручинушкой обсыпана...²²

При очевидной антитезе содержания начала свадебного причитания, в котором представлено богатство дома жениха, и ответа невесты, воспринимающей новое место жительства как убогое, развалившееся строение, как предстоящее горе, в обоих текстах использованы выражения, указывающие на основу, фундамент, на котором стоит дом: *на семи верстах* и *на семи шахах*.

Слово *шах*, употребленное именно в этом контексте, толкуется как 'твердый, жесткий, крепкий'²³. Это дает основания для такого же толкования слова *верста*. В пользу этой семантики и сведения по русским говорам: *верста* — 'у каменщиков — лицевой ряд кирпича или камня, по которому ровняют и ведут кладку'²⁴, 'крайний ряд булыжной мостовой, по которому кладут и ровняют остальные камни' (Яросл., 1820)²⁵.

При очевидной семантической дифференциации слова *верста* в говорах и текстах устной народной поэзии обнаруживаются и общие компоненты, однако происхождение его имеет разные источники.

Рассмотрение нескольких фактов иноэтнического воздействия на северно-русскую лексику на материале бытовой речи жителей Архангельской области и текстов Онежских былин позволяет сделать предварительный вывод о значительной большей подверженности изменениям лексической системы говора в сравнении с произведениями устнопоэтического творчества. Свободное употребление диалектного слова в обыденной речи служит основанием для возникновения разных вариантов, включая экстенциальные. Текст былины ограничивает такие возможности.

Примечания

¹ Михайлова Л.П. Словарь экстенциальных лексических единиц в русских говорах. Петрозаводск: Изд-во КГПА; М.: Вариант, 2013. С. 7–9.

² Колесов В.В. Фонетические условия заонежского «яканья» // Русские говоры: К изучению фонетики, грамматики, лексики. М., 1975. С. 53–58.

³ См.: Михайлова Л.П. Рефлексы процесса удлинения гласных звуков в лексике русских говоров (о > а) // Северно-русские говоры: Вып. 12: межвуз. сб. / отв. ред. А.С. Герд. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2012. С. 218–249.

⁴ Шахматов А.А. Русская диалектология: лекции / под ред. Б.А. Ларина. СПб.: Факультет филологии и искусств СПбГУ, 2010. С. 35.

⁵ Герд А.С. Исторические границы и ареалы Обонежья по данным разных гуманитарных наук // Очерки исторической географии: Северо-Запад России: Славяне и финны / А. Алквист, В.А. Булкин, И.Ю. Винокурова и др.; под общ. ред. А.С. Герда, Г.С. Лебедева. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2001. С. 416.

⁶ Онежские былины, записанные А.Ф. Гильфердингом летом 1871 г. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1951. Т. III. С. 379.

⁷ Фольклорное наследие А.А. Шахматова / подгот., вступ. ст., коммент. В.И. Ереминой. СПб.: Изд-во РХГА, 2005. С. 312.

⁸ Подробнее см.: Михайлова Л.П. Словарь экстенциальных лексических единиц в русских говорах. С. 33.

⁹ Ср. сведения из лексикографических источников: Фасмер М. Этимологический словарь русского языка / под ред. Б.А. Ларина. М.: Прогресс, 1964. Т. 1. С. 95; Шанский Н.М., Иванов В.В., Шанская Т.В. Краткий этимологический сло-

варь русского языка / под ред. С.Г. Бархударова. М.: Просвещение, 1971. С. 30.

¹⁰ Словарь русского языка XI–XVII вв. / гл. ред. С.Г. Бархударов. М.: Наука, 1975. Вып. 1. С. 57.

¹¹ Срезневский И.И. Словарь древнерусского языка. М.: Книга, 1989. Т. 1. Ч. 1. С. 231.

¹² Кюршунова И.А. Словарь некалендарных личных имен, прозвищ и фамильных прозваний Северо-Западной Руси XV–XVII вв. СПб.: Дмитрий Буланин, 2010. С. 84.

¹³ Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. 1. С. 133.

¹⁴ Михайлова Л.П. Словарь экстенциальных лексических единиц в русских говорах. С. 32–87.

¹⁵ Мызников С.А. Лексика финно-угорского происхождения в русских говорах Северо-Запада: Этимологический и лингвогеографический анализ. СПб.: Наука, 2004. С. 361.

¹⁶ Лыткин В.И. Сравнительная фонетика финно-угорских языков // Основы финно-угорского языкознания (вопросы происхождения и развития финно-угорских языков). М., 1974. С. 119.

¹⁷ В качестве источников используются словари: Архангельский областной словарь / под ред. О.Г. Гецово́й. М.: Изд-во Московского ун-та; Наука, 1980–2004. Вып. 1–12; Словарь говоров Русского Севера / под ред. А.К. Матвеева. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2001–2005. Т. 1–3; Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей / гл. ред. А.С. Герд. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1994–2005. Вып. 1–6. Сохранены географические пометы, представленные в словарях, но сами источники не указываются.

¹⁸ О.Н. Трубочев включает оба слова в статью с праславянской формой **dvrstva*, куда входит и *дресва*, при этом форму *гверста* он считает измененной, и, следовательно, первичным является начальное *dv-*. См. об этом: Этимологический словарь славянских языков (праславянский лексический фонд) / под ред. О.Н. Трубочева. М.: Наука, 1978. Вып. 5. С. 226. Фасмер представляет слово *гверста́* как «независимое», связанное с сербохорв. *зврст* ‘вид камня’, с одной стороны, и литов. *žvirzdai* ‘крупный песок’, с другой (см.: Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. 1. С. 398). А.И. Попов обнаруживает связь варианта *гресва́* с немецким *Grieß* (см.: Попов А.И. Из истории лексики языков Восточной Европы / под ред. Ф.П. Филина. Л., 1957. С. 12).

¹⁹ Данная карта, составленная А.А. Поповым, впервые опубликована в работе: Михайлова Л.П., Попов А.А. О картографировании экстенциальных лексических вариантов // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования). 2010. СПб.: Наука, 2010. С. 95.

²⁰ Словарь русских народных говоров / гл. ред. Ф.П. Филин. Л.: Наука, 1969. Вып. 4. С. 148.

²¹ Фольклорное наследие А.А. Шахматова. С. 296.

²² Там же. С. 297.

²³ Словарь архаических и диалектных слов // Фольклорное наследие А.А. Шахматова. С. 750.

²⁴ Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. СПб., 1863–1866. Т. 1.

²⁵ Словарь русских народных говоров. Вып. 4. С. 148.

Как крестьяне писали прошения (на материале Вологодской губернии конца XIX — начала XX века)

На рубеже XIX и XX веков крестьяне по целому ряду вопросов вступали в контакт с местными чиновниками (прежде всего, с земскими начальниками или чиновниками по крестьянским делам). Непосредственное влияние на такое взаимодействие оказывали стереотипы о крестьянстве. Как отмечал Я. Коцонис, анализируя деятельность крестьянских кооперативов, «при случае рядовые члены в своих действиях умело эксплуатировали стереотипы отсталости, нищеты и беспомощности»¹. Так, например, крестьяне могли скрывать свою грамотность, чтобы избежать дополнительных обязанностей, и «при встрече с чиновниками они (грамотные крестьяне. — Д.М.) играли привычную для них роль простодушных безграмотных поселян»².

Подобные стратегии могли использоваться крестьянами и при подаче прошений на имя чиновников.

Особенностью прошений как источника является высокий уровень их субъективности, а также большая вероятность фальсификации указываемых в них обстоятельств. Приводимая в прошениях аргументация далеко не всегда соответствовала реальному положению вещей. Например, изменялся возраст просителя (так, при рассмотрении жалобы сборщика податей Бельковского общества Вознесенской волости Никольского уезда выяснилось, что ему не 60 лет, как было заявлено в прошении, а только 56, а сыну ивковского сельского старосты не 17, а 21, поэтому староста вовсе не единственный работник в семье³) или у просителя появлялись несуществующие болезни⁴.

Как отмечает Э.М. Вернер на материале прошений, подававшихся в 1905 году на имя Николая II, Государственной думы и ее депутатов, крестьяне прекрасно представляли, кому и каким образом нужно писать прошения. В результате «впечатление крайней нужды и отчаянья всегда передавалось получателям, как будто определенный уровень трудностей был необходим, чтобы обратиться за помощью со стороны»⁵. Задачей прошения было сформировать нужное представление у адресата, при этом реальные условия жизни могли замалчиваться.

Прожения являются прекрасными источниками для изучения не столько реальной ситуации в крестьянской общине, сколько взаимодействия крестьян с чиновничеством и представления крестьян о способах достижения целей, заложенных в прошениях.

В данной статье ставится задача не анализа крестьянских прошений, а только выделения отдельных наиболее распространенных стратегий крестьян, на-

правленных на получение положительного результата от местного чиновничества (земских начальников или чиновников по крестьянским делам, а также их съездов)⁶.

Источниками для изучения данного вопроса стали 225 прошений выборных крестьянских должностных лиц, поданных в 1890–1902 годах, из 5 уездов Вологодской губернии (Вологодского, Кадниковского, Тотемского, Устюжского и Никольского), обнаруженных в Государственном архиве Вологодской области (далее ГАВО) и Великоустюжском центральном архиве (далее ВЦА). Подобных прошений подавалось значительно больше, чем выявленные 225, но, к сожалению, сохранность соответствующих фондов (волостных правлений, земских начальников, чиновников по крестьянским делам) плохая. Так, полностью не сохранились фонды земских начальников Грязовецкого уезда; из более чем 4700 дел, зафиксированных в 30-х годах XX века описью 76 фонда ГАВО (фонд земского начальника 6-го участка Вологодского уезда), сохранилось только около 1700 дел. Похожим образом обстоит и ситуация с некоторыми фондами ВЦА. Так, в 1947 году было дано разрешение уничтожить около 1000 дел из фонда земского начальника 5-го участка Устюжского уезда (Ф. 353). Из всех фондов волостных правлений Вологодской губернии в относительно полном виде сохранились только материалы Благовещенского правления Вологодского уезда (ГАВО. Ф. 97), Нестеферовской и Трегубовской волостей Устюжского уезда (ВЦА. Ф. 200, 201). Поэтому на данный момент невозможно определить, сколько всего подобных документов было подано.

Одним из наиболее распространенных аргументов, приводимых крестьянами, была сложная семейная ситуация, не позволявшая терять работника в случае его избрания на какую-либо должность (выявлено 69 прошений). Причем особенностью такого рода аргументации было то, что практически любая жизненная ситуация могла быть описана как сложная.

Наиболее распространенным в прошениях был вариант, когда на одного работника (взрослого мужчину) приходилось большое количество едоков. Так, в своем прошении крестьянин Богородской волости и общества Вологодского уезда Николай Петров Коричев жаловался: «У меня семейство 10 человек, из них: 7 детей из которых старшему сыну 12 лет, убогая сестра и я с женой»⁷. Аналогично отставной боцман Иван Филиппов Автономов, приписанный к Спасо-Щекинскому обществу Трегубовской волости Устюжского уезда, просил освободить его от должностей полицейского десятского и учетчика сборщика податей, «как человека одинокого, имеющего семейство из жены, двух малолетних дочерей и сына, не имеющего и полугода от рождения»⁸.

В то же время и вариант, когда в семье относительно много работников, также может описываться как сложный, поскольку количество земли, выделяемой общиной семейству, прямо зависело от количества работников, а, следовательно, чем больше было работников, тем больше сил необходимо было затратить на об-

работку земли. Так, например, сельский староста Заозерского общества Тотемского уезда Гаврил Пятовский ссылался на то, что в его семействе из 4 человек было 2 работника, но при этом земли на 3 с половиной души⁹. Показательным является прошение крестьянина Благовещенской волости Вологодского уезда Михаила Тимофеева Румянцева об увольнении от должности Исправинского сельского старосты. В прошении Михаил Румянцев, в частности, сообщал: «Не говоря уж о моем семейном положении, когда я в семье имею четырех сыновей, из которых старшему Афанасию Михайлову — 31 г. женат, следующему Василию, прослужившему полный срок на действительной службе, — 27 л., холостой, и малолетним Владимиру, призываемому на будущий 1896 год, и Александру — 15 л.»¹⁰. Даже в случае ухода Владимира на военную службу в семействе оставалось 4 работника, то есть семья трудовыми ресурсами была обеспечена полностью.

В ответ на прошение крестьянина Попадьянской волости Алексея Кириллова Шестерякова, описывавшего свое сложное семейное и материальное положение, волостное правление в своем рапорте сообщило, что «имущественное положение — самое лучшее сравнительно с прочими домохозяевами этого общества»¹¹.

В отношении описания сложной семейной ситуации нередко расчет делался на незнание чиновниками ситуации в крестьянском обществе, особенностей повседневной жизни общины, за счет чего практически любая ситуация могла толковаться как крайне тяжелая.

Показателем того, что прошения ориентировались именно на восприятие их некрестьянским начальством, был приводимый аргумент, что семья в случае несения службы должна обеднеть из-за недостатка рабочей силы. Однако акцент делается не на обеднении как таковом, а на его важном для чиновничества следствии: невозможности выплачивать подати. Так, в приговоре Березовского общества Шонгско-Николаевской волости Никольского уезда от 30 ноября 1889 года о досрочном увольнении от должности сельского старосты Поджогова говорилось: «У него крестьянский быт начинает приходить в упадок, и даже то, что у него нечем будет выплачивать подати, если продолжить ему службу»¹². На это же ссылается и сельский староста Заозерского общества Мосеевской волости Тотемского уезда Гаврил Пятовский: «Состоя в должности сельского старосты совершенно не в состоянии заработать деньги за уплату податей с 3 ½ души и за неуплату податей будет накапливаться податная недоимка»¹³.

Крестьяне, зная стремление отдельных земских начальников поддерживать нравственность в вверенном им обществе, пытались сослаться и на те аспекты процесса выборов, которые прямо не противоречили закону, но могли быть неприемлемы с точки зрения начальства. Например, неправильность выборов обосновывалась винопитием на сходе или после него.

В некоторых случаях земские начальники и чиновники по крестьянским делам рассматривали факт винопития как вариант взятки сельскому обществу. Именно таким образом был рассмотрен случай, произошедший в 1895 году в

Алексеевском обществе Плесовской волости Никольского уезда: «За освобождение от выбора в сельские старосты крестьянина деревни Княщины Дмитрия Огаркова брат его Степан после окончания схода и отъезда старшины и писаря дал бывшим на сходе крестьянам 6 рублей, на ковые деньги было куплено водки, и ее распивали в квартире общества»¹⁴.

В отличие от предыдущего случая, выбор сельского старосты Лихинского сельского старосты Тотемского уезда был отменен «за выбор в преддверии винопития», поскольку «после схода <...> они (домохозяева. — *Д.М.*) сидели в избе десятского Абрама Митичева и выпивали <...> на деньги, составленные из штрафов (по 20 копеек с каждого, неявившегося на сход)»¹⁵. То есть основанием для отмены было не вино как взятка или несоответствие морального облика выбранного, а сам факт аморального, с точки зрения земского начальника, поведения домохозяев общества в целом, борьба с которым рассматривалась как одна из основных задач земских начальников. В частности, вологодский губернатор Кормилицын, инспектируя в 1891 году крестьянские учреждения Грязовецкого уезда, обращаясь к волостным старшинам и земским начальникам, «указал на существующее по селениям винопитие и неразрывно связанный с оным упадок нравственности»¹⁶.

Чтобы не подвергаться обвинениям в винопитии, в своих объяснениях должностные лица пытались показать, что деньги были даны не на водку. Например, писарь Алексинского общества Василий Зайцев заявил, что «однообщественники по примеру прежних лет истребовали от Медведева (избранного старосты. — *Д.М.*) на крендели»¹⁷. Похожий пример имел место в Страденской волости Никольского уезда, где при выборах нового старосты Олева, последний «за такое назначение жалования (72 руб. 77 коп. — *Д.М.*) после схода дал домохозяевам общества в благодарность на чай 12 рублей, но куда они были израсходованы, не знает»¹⁸.

На рубеже XIX и XX веков тяга к алкоголю рассматривалась образованным обществом как одна из основных негативных характеристик крестьянства, поэтому ссылка на личное пристрастие к алкоголю возникала в прошениях тех крестьян, которые рассчитывали избавиться от нежелательного выбора. Крестьянин Вепревской волости Вологодского уезда Александр Григорьев Жиделев писал в своем прошении: «Я человек неграмотный и придаюсь слабости винопития, из-за чего я могу подвергнуться растрате»¹⁹. Михаил Тимофеев Румянцев из Богоявленской волости Вологодского уезда сообщал в прошении о себе следующее: «Вследствие неумеренного потребления спиртных напитков, страдаю сильнейшим сердцебьением и галлюцинациями»²⁰. Такие крестьяне могли быть удалены от должности, как лица «заведомо развратного поведения».

Таким образом, крестьяне при составлении прошений ориентировались не только на реальную ситуацию, но и учитывали представление о себе со стороны адресатов прошения — земских начальников и чиновников по крестьянским делам.

Примечания

¹ Коцонис Я. Как крестьян делали отсталыми: Сельскохозяйственные кооперативы и аграрный вопрос в России 1861–1914. М., 2006. С. 280.

² Историческая память русского народа об Отечественной войне 1812 года / А.В. Буганов, М.Г. Вандалковская, Л.А. Сидорова, А.Д. Соколова. Тула, 2012. С. 23.

³ ВЦА. Ф. 63. Оп. 1. Д. 699. Л. 32, 41.

⁴ Там же. Л. 27.

⁵ Вернер Э.М. Почему крестьяне подавали прошения, и почему не следует воспринимать их буквально. По материалам Юрьевского уезда Владимирской губернии во время революции 1905 года // Менталитет и аграрное развитие России (XIX–XX вв.): материалы международной конференции. М., 1996. С. 194–207.

⁶ В соответствии с Положением о земских участковых начальниках, отменять приговоры, в том числе и об избрании должностных лиц, могли только съезды, но, как, в частности, отмечал К.Я. Кожухар, в нарушение закона такие решения могли принимать и земские начальники (см.: Кожухар Н.Я. Земские начальники // Вестник права. Журнал юридического общества при Императорском Санкт-Петербургском университете. СПб., 1905. № 5. С. 67). С.Н. Тутолмин, анализируя прошения, подававшиеся съезду, также приходит к выводу о том, что жалобы на выбор на сельские должности редко шли далее земских начальников (см.: Тутолмин С.Н. Представления российских крестьян о коронной администрации в 1914 — начале 1917 г.: смена парадигмы или сохранение традиций? // Нестор. 2007. № 11. С. 200–201).

⁷ ВЦА. Ф. 63. Оп. 1. Д. 699. Л. 22.

⁸ Там же. Ф. 11. Оп. 1. Д. 466. Л. 137.

⁹ ГАВО. Ф. 685. Оп. 1. Д. 692. Л. 5.

¹⁰ Там же. Ф. 76. Оп. 1. Д. 1275. Л. 1.

¹¹ Там же. Д. 1309. Л. 2об.

¹² ВЦА. Ф. 61. Д. 253. Л. 65.

¹³ ГАВО. Ф. 685. Оп. 1. Д. 692. Л. 5об.

¹⁴ ВЦА. Ф. 288. Оп. 1. Д. 513. Л. 1об.

¹⁵ ГАВО. Ф. 247. Оп. 1. Д. 234. Л. 4.

¹⁶ Поездка г. Вологодского Губернатора в город Грязовец на ревизию крестьянских учреждений // Вологодские губернские ведомости. 1891. № 41. С. 9.

¹⁷ Там же. С. 6.

¹⁸ ВЦА. Ф. 11. Оп. 1. Д. 325. Л. 150 об.

¹⁹ ГАВО. Ф. 73. Оп. 1. Д. 905. Л. 15.

²⁰ Там же. Ф. 76. Оп. 1. Д. 1275. Л. 1–1об.

**Научное наследие Кенозерья:
персоналии, архивы,
предметы материальной культуры**

М.Н. Власова
(г. Санкт-Петербург)

Вклад А.И. Никифорова в подготовку первого научного издания «Онежских былин» А.Ф. Гильфердинга

Классический памятник русской фольклористики, сборник «Онежские былины, записанные Александром Федоровичем Гильфердингом летом 1871 года»¹ вышел в свет уже после безвременной кончины выдающегося ученого и собирателя.

Как первое, так и второе, предпринятое в конце XIX в.², издания сборника быстро стали библиографической редкостью. К середине XX в. назрела необходимость подготовить третье (и первое научное) издание, тщательно выверенное по рукописям А.Ф. Гильфердинга, снабженное развернутой вступительной статьей и комментариями. Реализация этого проекта, инициированного Фольклорной секцией Института этнографии и антропологии АН СССР³, была поручена выдающимся исследователям-фольклористам А.И. Никифорову и Г.С. Виноградову, а общую редакцию осуществляли академики И.И. Мещанинов, А.С. Орлов, Ю.М. Соколов и профессор М.К. Азадовский⁴.

Единый в первом издании том был разделен, как и во втором издании, на три части. Второй и третий тома «Онежских былин», проиллюстрированные И. Билибиным (ил. 1), увидели свет в 1938 и 1940 гг. Первый том, подписанный к печати в сентябре 1941 г., не был опубликован «по условиям военного времени», его набор не сохранился. Таким образом, третье издание осталось незаконченным, однако легло в основу четвертого издания, осуществленного Сектором народнопоэтического творчества ИРЛИ РАН⁵ в полном объеме. В 1949 г. вышел из печати первый том (Повенецкое побережье. Толвуй), в 1950 г. — второй (Киж. Выгозеро), в 1951 г. — третий (Водлозеро. Кенозеро. Моша). Первый, утраченный в наборе том, как сообщается в преамбуле трехтомника⁶, был напечатан по сохранившемуся рукописному оригиналу, подготовленному А.И. Никифоровым и Г.С. Виноградовым.

Фрагментарные документы и рукописи, проливающие свет на то, как велась работа над изданием 1938–1941 гг., удалось обнаружить лишь в Фонде А.И. Никифорова, хранящемся в Санкт-Петербургском отделении Архива РАН.

Среди «Материалов по деятельности и для биографии А.И. Никифорова» сохранились две копии договоров о подготовке к печати второго и третьего томов «Онежских былин». Один из них, от 26 ноября 1936 г., заключен с А.И. Никифоровым; другой, от 28 января 1937 г., — с А.И. Никифоровым и Г.С. Виноградовым.

Согласно документам, «А.И. Никифоров берет на себя обязательство по подготовке к печати второго тома сборника А.Ф. Гильфердинга “Онежские былины”, объемом 45 [печатных] л[истов], чтение корректуры в гранках и одной вер-

стке означенного тома»; работа должна была быть завершена к 10 января 1937 г. и представлена «в готовом для печати виде, переписанная на машинке в два переката»⁷.

«А.И. Никифоров и Г.С. Виноградов берут на себя обязательство по подготовке к печати третьего тома сборника А.Ф. Гильфердинга «Онежские былины», объемом 44 п[ечатных] л[иста], чтение корректуры в гранках и одной верстке означенного тома»; срок выполнения — 10 марта 1937 г.⁸

Отсутствие каких-либо документов или рукописей, относящихся к работе над первым томом, оставляет невыясненной долю участия в ней Г.С. Виноградова. Не удалось пока обнаружить и рукописи (либо машинописи) первого и третьего томов. Принимая на веру сведения, сообщенные в издании 1951 г.⁹, пока можно лишь констатировать, что Г.С. Виноградов готовил комментарии к текстам № 244–322, опубликованным в третьем томе.

Архивные разыскания подтверждают единоличное авторство А.И. Никифорова в написании преамбулы «Примечаний» (научных комментариев) к текстам «Онежских былин» и, соответственно, в создании концепции комментирования. В Фонде А.И. Никифорова хранится перебеленный самим Александром Исааковичем чистовой вариант «Примечаний» за его подписью (ил. 2)¹⁰. Первоначально он был им написан для второго тома «Онежских былин», но, практически без изменений, опубликован и в третьем томе.

В переиздании 1939–1940 гг. преамбула «Примечаний» предваряет публикации былин и помещена на страницах III–IV¹¹. И хотя справочно-комментирующий аппарат переиздания 1949–1951 гг. имеет иную структуру¹², проведенные сравнения показывают, что изначальный вариант преамбулы, созданный А.И. Никифоровым, с небольшими различиями сохранен и в том, и в другом издании.

Преамбула 1939–1940 гг. в основном следует чистовику, перебеленному и подписанному Александром Исааковичем. Дополнен пункт 6, обосновывающий сохранение фонетических особенностей записей; введен пункт 9, перечисляющий «технические особенности нового издания»¹³. В пункте 11, также отсутствующем в чистовике А.И. Никифорова, кратко сообщено, что заметки о сказителях, написанные А.Ф. Гильфердингом, «печатаются в его редакции без перемен»¹⁴.

В преамбуле 1949–1951 гг. дано более развернутое описание рукописей А.Ф. Гильфердинга¹⁵.

Обобщая, можно констатировать: правка преамбулы к «Примечаниям» вносит, по большей части, технические, редакторские уточнения и не касается принципиальных подходов к работе с рукописями, сформулированных А.И. Никифоровым, на которых мы и остановимся подробнее.

Начиная со второй четверти XIX в. русская фольклористика поэтапно шла к выработке классического типа академического издания, предполагающего предельно бережную и точную передачу фольклорного текста, а также наличие

справочно-аналитического аппарата. Если иметь в виду именно былины, то для первой половины XX в. образцовой работой такого рода является трехтомное собрание, опубликованное А.Д. Григорьевым, в которое вошли сведения об исполнителях и местах записи, многочисленные указатели, текстологический комментарий¹⁶.

Существенно и символично, что у истоков этого движения стоял А.Ф. Гильфердинг, сознававший, что «былинный материк», открытый П.Н. Рыбниковым, «должен быть освоен академически и стать пригодным для подлинно научной работы»¹⁷. Будучи ко времени своей поездки в Олонецкий край опытным собирателем¹⁸, Александр Федорович быстро сориентировался в новой обстановке. Выработав четкую методику фиксации текстов, он сумел за месяц с небольшим интенсивной полевой работы записать более 300 былин.

Столь же увлеченный и блистательный собиратель-исследователь А.И. Никифоров спустя почти 70 лет с предельным вниманием разобрался в особенностях этой методики, ее достоинствах и отдельных недостатках, применив при подготовке нового издания целый ряд, по его выражению, «приемов», уточняющих изначально звучание зафиксированных А.Ф. Гильфердингом текстов.

«Самые полевые записи Гильфердинга, — пишет А.И. Никифоров в преамбуле к “Примечаниям”, — отличаются некоторым своеобразием. Они делались в большинстве случаев достаточно точно, но не ставили целью полную фонетическую точность.

Следуя своей методике, Гильфердинг часто не записывал целиком строки, а отмечал лишь начальные одно-два слова стиха. И так иногда на протяжении нескольких строк. Во многих случаях не дописывались окончания стихов. Уже в Петербурге, при подготовке к печатанию, все эти недописанные слова дописывались частью самим Гильфердингом, частью — чьим-то другим почерком.

С другой стороны, большая часть былин, записанных в Петербурге (общеизвестно, что Гильфердинг добился приглашения Рябинина и некоторых других талантливых сказителей в столицу для публичных выступлений; неоднократно прослушивал их и у себя дома. — М.В.) при более спокойной и удобной обстановке, имеют аккуратные и полные, без сокращений, записи»¹⁹.

Учитывая эти обстоятельства, А.И. Никифоров счел необходимым ввести в «Примечания» краткое описание рукописи каждой былины.

В издании 1949–1951 гг. (как и в неполном издании 1939–1940 гг.) краткие описания имеют все тексты былин, содержащиеся в рукописях А.Ф. Гильфердинга, в том числе кенозерские записи № 219–243, прокомментированные А.И. Никифоровым.

К примеру: «XLIII. Иван Поромской, II²⁰, л. 400, чернильная заметка рукою Г[ильфердинга]. В примечании к слову “петаря” Г[ильфердинг] под текстом замечает: “Слово *петарь* употребляется на Кенозере и Моше в том же смысле, как *сказитель* на Онежском побережье; оно означает певца былин <...>

№ 220. Илья Муромец в Цареграде, II, лл. 405–406, карандашная полевая запись, заглавие и дата рукой Г[ильфердинга], одна чернильная допись строки рукой не Г[ильфердинга]. Заглавие первоначально было: “Илья Муромец в Ца и голи кабацкие”. Стихи: $57 - 65 = 32 - 40$ ²¹.

№ 221. Три поездки Ильи Муромца, II, лл. 407–409 + 1 чистый. Полевая карандашная запись заглавие и дата рукой Г[ильфердинга]. Никаких пометок и поправок нет, только в самом начале зачеркнуты два стиха: “Как за славным-то было за синим морём \ Во начальном-то было во Цареграде”. При стихе 35 к слову “точмяна” заметка Г[ильфердинга]: “sic”²².

Термин «допись» широко использован А.И. Никифоровым именно в контексте комментирования А.Ф. Гильфердинга. Он тщательно анализирует дописи в каждом из текстов, что представляется совершенно необходимым, если вспомнить сложную судьбу сборника, лишь частично подготовленного самим Александром Федоровичем к печати, увидевшего свет уже после его смерти.

«В части рукописей, особенно тех, которые, вследствие болезни Гильфердинга подготовлялись к печати не им, раскрытие сокращений производилось людьми, недостаточно компетентными в былинном творчестве, — констатирует А.И. Никифоров. — В дописях сокращений введены в рукописях прямые ошибки. Некоторые из этих ошибок были столь очевидны, что редакторы издания 1873 г. их исправляли. Наше издание в подобных случаях следует за изданием 1873 г. или дает самостоятельное раскрытие текста»²³.

Еще одна существенная особенность методики Гильфердинга — фиксация повторения общих мест (*loci communes*) и даже целых эпизодов путем механического переноса повторяемого текста из предшествующей части былины в последующую. Иногда на оставленном пустом месте записываются первые слова повторяемого отрывка, но чаще оставляется пробел с отметкой «Вписать от А до Б». Окончательная разметка того, что нужно повторить, делалась, как полагает А.И. Никифоров, уже в Петербурге, ибо внесена чернилами. «Есть былины, которые почти сплошь составлены из шивки таких повторений»²⁴.

Пример подобного рода — текст кенозерского сказителя Петра Воинова «Илья Муромец и сын его», который в рукописи состоит из многочисленных помет:

«Стихи $56 - 74 = 24 - 42$; $104 - 126 = 24 - 26$; $147 - 151 = 137 - 141...$ »²⁵ (и далее, до трехсотых стихов).

Относительно этого текста комментатор делает вывод: значительная его часть «не записана непосредственно, а составлена позже, путем механических переносов частей текста»²⁶.

Эта методика отчасти обоснована представлениями А.Ф. Гильфердинга о структуре былины, включающей «места типические и переходные». Типические места — неизменяемые («застывшие») словесные формулы, передаваемые из уст в уста. Переходные места варьируемы и творятся в процессе исполнения — на основе хранимых в памяти традиционных «эпических картин»²⁷.

А.И. Никифоров педантично сохраняет все помеченные собирателем повторы, не сомневаясь, однако, в том, что «сказители на деле далеко не всегда дают рабски механическое повторение текста», и критически относясь к такой методике, впрочем, зачастую неизбежной в полевых условиях XIX в.

Сложные условия полевой работы, предполагающие быстроту и «экономность» фиксации текста, все же повлияли, как нам кажется, на чрезмерную формализацию методов записи, поскольку А.Ф. Гильфердинг (как, кстати, и А.И. Никифоров), уделял особое внимание личному, творческому началу, значимому для талантливых сказителей даже и в заданных традицией рамках.

«Каждая былина, — утверждает А.Ф. Гильфердинг, — вмещает в себя и наследие предков, и личный вклад певца»²⁹; «в былине участвует личная стихия, вносимая в нее каждым певцом, участие это чрезвычайно велико»³⁰.

Искренний интерес и уважение к крестьянам-сказителям, близкое знакомство с ними позволило Александру Федоровичу выявить роль творческой личности в хранении художественного наследия. В своем сборнике он расположил былинные тексты не по сюжетам, а в соответствии с репертуаром певцов, дополнив разделы «географическими справками и вдумчивыми творческими характеристиками»³¹. Этот принцип был впоследствии использован при публикации других жанров фольклора; сохранен во всех переизданиях сборника А.Ф. Гильфердинга и подхвачен самим А.И. Никифоровым в его собирательской и научной деятельности³².

Приверженный всему творческому, вариативно-индивидуальному, А.И. Никифоров чрезвычайно внимателен к сохранению фонетики текстов, — в частности, к «колебаниям рукописи Г[ильфердинга] в написании одних и тех же слов — явление, отражающее колебания живого народного произношения, прекрасно известное всем собирателям и имеющее важное значение для лингвистики»³³.

Наряду со структурными и фонетическими особенностями записей, отмеченными А.Ф. Гильфердингом, комментарии фиксируют такие важнейшие аспекты его работы над рукописями, как заметки и примечания к текстам, зачеркнутые разночтения, факты позднейшей проверки исполнения былин и т.п. «Издания 1873 и 1894 гг.»³⁴ их не включали вовсе, — пишет А.И. Никифоров, — но, несмотря на мелочный характер этих примечаний, многие из них дают ценные указания к приемам исполнения или бытования и жизни былин 65 лет назад»³⁵.

Значимость и перспективность избранного А.И. Никифоровым подхода становятся очевидными при вдумчивом прочтении составленных им комментариев, например:

«№ 225. Дюк, II, лл. 427–436, полевая карандашная запись, заглавие и дата рукою Г[ильфердинга]. Имеется немного чернильных дописей и пунктуация рукою не Г[ильфердинга]. К слову “тун-травы” в стихе 167 на поле примечание: “Sic. Не знает что”».

Стихи: 322 — 325 = 307 — 310; 338 — 341 = 307 — 310.

К слову “изучение” в стихе 203 на поле заметка: “Образование”, после стиха 293 зачеркнута строка: “Приехали они к широку”. К слову “опришно” в стихе 376 на поле примечание Г[ильфердинга]: “Т. е. кроме этой церкви”. Самое слово сначала было написано: “А прично” и исправлено. В стихах 424 и 451, 512 слово “зázорко” можно прочесть и “зázорно”. Против стихов 534–535 на поле заметка Г[ильфердинга]: “На замечание о пропусках говорит, что так поется”³⁶.

«№ 227. Добрыня и Маринка, II, лл. 444–446 + 1 чистый, карандашная полевая запись, заглавие и дата рукой Г[ильфердинга]. Чернильные дописи не Г[ильфердинга]. К слову “ликуются” в стихе 28 на поле записана реплика: “милуются”. В стихе 38 к слову “прицеленку” на поле заметка: “рама”. Против стиха 93 на поле: “Так поет”. В стихе 121 сначала было: “сорочикою”»³⁷.

Казалось бы «мелочные», но весьма значимые особенности рукописей А.Ф. Гильфердинга отмечены и в изданиях, входящих в проект «Свод русского фольклора: Былины в 25 томах», ориентирующихся на стиль комментирования, предложенный А.И. Никифоровым³⁸. Несмотря на сложность и трудоемкость, работа с рукописями Александра Федоровича всегда интересна и содержательна, ибо дает живое представление о ходе его собирательской деятельности, размышлениях и колебаниях, предельной добросовестности и стремлении к труднодостижимому совершенству в передаче фольклорного текста.

Примечания

¹ Полное название и выходные данные сборника: «Онежские былины, записанные Александром Федоровичем Гильфердингом летом 1871 года: С двумя портретами онеж<ских> рапсодов и напевами былин» (вступ. ст. П. Гильтебрандта. СПб., 1873). Предыстория издания, как и сведения о разносторонней плодотворной деятельности Александра Федоровича Гильфердинга изложены, в частности, в статье, предваряющей четырехтомник «Былины Пудогы» (Новичкова Т.А., Власова З.И. Собиратели онежских былин П.Н. Рыбников и А.Ф. Гильфердинг // Свод русского фольклора: Былины в 25 томах. СПб., 2013. Т. 16. С. 160–171.

² Сборник 1873 г., опубликованный одним томом, был лишь частично подготовлен самим собирателем. Во втором издании «Онежских былин», приуроченном к 25-летию со дня смерти А.Ф. Гильфердинга, записи распределили по трем томам: «Повенецкое побережье. Толвуй. Пудога» (Т. 1); «Киж. Выгозеро» (Т. 2); «Водлозеро. Кенозеро» (Т. 3). Кроме того, в переиздание включили краткий очерк жизни и деятельности А.Ф. Гильфердинга, подготовленный редактором, академиком К.Н. Бестужевым-Рюминым. Непосредственное участие в работе принимал и П.К. Симони. Первый том вышел из печати в 1894 г.; второй — в 1896 г.; дальнейшая подготовка замедлилась — завершающий третий том увидел свет лишь в 1900 г. За исключением формата и количества томов, радикальных различий между первым и вторым изданиями не имелось.

³ Ныне Отдел русского фольклора Института русской литературы РАН (Пушкинский Дом).

⁴ От редакции // Онежские былины, записанные А.Ф. Гильфердингом летом 1871 года: в 3 т. 4-е изд. Т. 1 / под ред. А.М. Астаховой, вступ. ст. В.Г. Базанова, подгот. текстов и коммент. А.И. Никифорова, Г.С. Виноградова. М.; Л., 1949. С. VIII.

⁵ Ныне Отдел русского фольклора Института русской литературы РАН (Пушкинский Дом).

⁶ От редакции // Онежские былины, записанные А.Ф. Гильфердингом летом 1871 года. Т. 1. С. VIII.

⁷ Материалы по деятельности и для биографии А.И. Никифорова (1927–1940 гг.) // Санкт-Петербургское отделение Архива РАН. Ф. 747. Оп. 1, № 112. Л. 37.

⁸ Там же. Л. 39.

⁹ Онежские былины, записанные А.Ф. Гильфердингом летом 1871 года. Т. 3. С. 634.

¹⁰ Предисловие и примечания ко второму тому «Онежских былин» А.Ф. Гильфердинга // Санкт-Петербургское отделение Архива РАН. Ф. 747. Оп. 1, № 14. Л. 16–17. Здесь же содержатся черновики Предисловия (Л. 1–15) и чистовик Примечаний (Л. 18–48).

¹¹ Сами «Примечания», отделенные от преамбулы к ним, располагаются в конце томов: Гильфердинг А.Ф. Онежские былины: в 3 т. 3-е изд. Т. 2. М.: Изд-во АН СССР, 1939. С. 780 и далее; Т. 3. М.: Изд-во АН СССР, 1940. С. 585 и далее.

¹² Преамбула к «Примечаниям» помещена в завершающей части первого тома (Онежские былины, записанные А.Ф. Гильфердингом летом 1871 года: в 3 т. 4-е изд. Т. 1. С. 702–705) и предваряет текстологические комментарии ко всем трем томам.

¹³ Онежские былины, записанные А.Ф. Гильфердингом летом 1871 года: в 3 т. 4-е изд. Т. 1. С. 704–705.

¹⁴ Там же. С. 706. Не располагая рукописями этих вставок, сделанных при жизни А.И. Никифорова, мы не можем однозначно утверждать, что они принадлежат ему самому.

¹⁵ Онежские былины, записанные А.Ф. Гильфердингом летом 1871 года: в 3 т. 4-е изд. Т. 1. С. 702.

¹⁶ Архангельские былины и исторические песни, собранные А.Д. Григорьевым в 1899–1900 гг. с напевами, записанными посредством фонографа. Т. 1. Ч. 1: Поморье; Ч. 2: Пинега. СПб., 1904; Архангельские былины и исторические песни, собранные А.Д. Григорьевым. Т. 2: Кулой. Прага, 1939; Архангельские былины и исторические песни, собранные А.Д. Григорьевым в 1899–1901 гг. с напевами, записанными посредством фонографа, с картой распространения старин на крайнем севере Европейской России. Т. 3: Мезень. СПб., 1910.

¹⁷ Новичкова Т.А., Власова З.И. Собиратели онежских былин П.Н. Рыбников и А.Ф. Гильфердинг. С. 146.

¹⁸ Подробнее о собирательской деятельности А.Ф. Гильфердинга до 1871 г. см.: Новичкова Т.А., Власова З.И. Собиратели онежских былин П.Н. Рыбников и А.Ф. Гильфердинг. С. 160–161.

¹⁹ Онежские былины, записанные А.Ф. Гильфердингом летом 1871 года: в 3 т. 4-е изд. Т. 1. С. 703.

²⁰ Так обозначен второй из двух фолиантов, содержащих рукописи А.Ф. Гильфердинга; насчитывающий 751 лист с записями и 11 чистых листов.

²¹ Пояснение этой формулы см. ниже, сноска 24.

²² Онежские былины, записанные А.Ф. Гильфердингом летом 1871 года: в 3 т. 4-е изд. Т. 3. С. 640.

²³ Там же. Т. 1. С. 703.

²⁴ Там же.

²⁵ Там же. Т. 3. С. 642.

²⁶ Там же.

²⁷ Онежские былины, записанные Александром Федоровичем Гильфердингом летом 1871 года: С двумя портретами онежских рапсодов и напевами былин / вступ. ст. П. Гильтебрандта. СПб., 1873. С. XXVII.

²⁸ Онежские былины, записанные А.Ф. Гильфердингом летом 1871 года: в 3 т. 4-е изд. Т. 1. С. 703.

²⁹ Онежские былины, записанные Александром Федоровичем Гильфердингом летом 1871 года... С. XXVIII.

³⁰ Там же. С. XXVI.

³¹ Базанов В.Г. А.Ф. Гильфердинг и его «Онежские былины» // Там же. Т. 1. С. 22.

³² Вариативность фольклора в его живом бытовании напрямую связана для А.И. Никифорова с проблемой соотношения индивидуального и коллективного; канона и инноваций; сюжетных схем и «частных эпизодов». Об этом см.: Никифоров А.И. Сказка, ее бытование и носители // Русские народные сказки / предисл. С.Ф. Ольденбурга; сост. О.И. Капица. М.; Л., 1930. С. 7–62; Никифоров А.И. Проблема сказочного сборника // Советский фольклор: сборник статей и материалов. М., Л., 1935. № 2–3. С. 412–423; Никифоров А.И. Победитель змея (из севернорусских сказок) // Советский фольклор: сборник статей и материалов. М.; Л., 1936. № 4–5. С. 143–242; и др.

³³ Онежские былины, записанные А.Ф. Гильфердингом летом 1871 года: в 3 т. 4-е изд. Т. 1. С. 704.

³⁴ А.И. Никифоров здесь имеет в виду первый том издания конца XIX в.

³⁵ Онежские былины, записанные А.Ф. Гильфердингом летом 1871 года: в 3 т. 4-е изд. Т. 1. С. 704.

³⁶ Там же. Т. 3. С. 641–642. Былина исполнена Иваном Пóромским.

³⁷ Там же. С. 642. Былина исполнена Петром Воиновым.

³⁸ См.: Былины Пудогги // Свод русского фольклора: Былины в 25 томах. СПб.; М., 2013. Т. 16. С. 936, 941–944; и др.

Достопримечательное место как форма охраны и сохранения культурного наследия

Проблемы сохранения памятников истории и культуры с момента создания соответствующих механизмов и по настоящий момент несколько не потеряли своей актуальности. Заинтересованное профессиональное сообщество последние десятилетия XX века и в начале века XXI выражает значительную обеспокоенность проблемой, связанной с катастрофическим исчезновением объектов культурного наследия и народной многонациональной архитектуры Российской Федерации.

Именно уникальные объекты и исторические населенные пункты являются символами страны, привлекают международное научное сообщество и туристическую индустрию.

Одной из проблем в рассматриваемой области является незаконная градостроительная и иная хозяйственной деятельности на территории объектов культурного наследия (далее — ОКН) и в зонах особого регулирования (зонах охраны ОКН). Сложности совместного осуществления контроля в области обеспечения сохранения ОКН и в области градостроительного регулирования являются предметом продолжительных дискуссий и громких разбирательств современной России¹.

Так сложилось, что с принятием в 2002 году федерального закона № 73-ФЗ ранее разработанные и утвержденные (в основном в советское время) инструменты охраны ОКН, которые не нашли отражения и (или) разъяснений о переходных положениях и преемственности в новом законе, фактически потеряли свою юридическую применимость. Таким образом, создалась возможность неоднозначного толкования отдельных требований, которыми пользуются недобросовестные лица, преследуя на ОКН и их территориях интересы, отличные от охраны и сохранения.

Действующее на территории Российской Федерации законодательство в области культурного наследия содержит несколько способов государственной охраны и сохранения объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов. Одним из видов ОКН является «достопримечательное место».

По смыслу закона достопримечательное место подразумевает:

1. Создание отдельного ОКН с собственной закрепленной территорией, которое может включать в себя все существующие на рассматриваемой территории ОКН, в том числе объекты, обладающие признаками ОКН. По информации Министерства культуры России, складывающаяся практика показывает, что площадь территории образуемых достопримечательных мест превосходит площадь ОКН, его составляющих².

2. Формирование и утверждение особых требований к ведению градостроительной и иной хозяйственной деятельности в границах достопримечательного места. Таким образом, оно фактически выполняет задачи зон охраны, предусмотренных статьей 34 федерального закона «Об объектах культурного наследия»³, в том числе и для объектов, обладающих признаками ОКН, для которых требования к установлению зон охраны законом не предусмотрены.

3. Возможность включения в границы территории ОКН ценных объектов природы (ландшафта), отдельно не являющихся ОКН.

4. Научное обоснование возможности дальнейшего развития (формирования) территории, в том числе приспособления под современные нужды и требования, которые обуславливают необходимость внесения изменений в документы территориального планирования и т.п. (в частности, приказ Минкультуры России от 20 ноября 2015 г. № 2834 «Об утверждении порядка обеспечения условий доступности для инвалидов объектов культурного наследия»). В данном случае заказчик (пользователь) имеет возможность получить актуальные и аргументированные решения по вопросам, которые являются задачами генерального плана (в основном для территориально сформированных и регулируемых учреждений).

Таким образом, конструкция достопримечательного места при условии ее применимости к конкретному случаю является наиболее привлекательной для пользователя по следующим причинам:

1. Единовременная, комплексная разработка реальных инструментов для решения практически всех серьезных задач сохранения и охраны ОКН, в том числе объектов, не обладающих правовым статусом ОКН.

2. Разработка научно-проектной документации одним авторским коллективом в рамках одной работы (закупки, подряда, контракта).

3. Сравнительно малые финансовые затраты по сравнению с решением задач в рамках разных работ (контрактов, закупок и т.д.), в том числе единая историко-культурная экспертиза научно-проектной документации (ст. 28)⁴.

Следует отметить, что вопросы создания системы достопримечательных мест на территории Российской Федерации являются неотъемлемой составляющей ежегодного «Государственного доклада о состоянии культуры в Российской Федерации», подготавливаемого Министерством культуры России. Так, по данным этого министерства, в период с 2013 по 2014 год было разработано и утверждено более 15 достопримечательных мест и 10 исторических поселений⁵.

Для совершенствования деятельности в рассматриваемой области было разработано множество специальных подзаконных актов, в том числе отдельные поручения президента Российской Федерации:

– № Пр-1782 от 24 июня 2011 года, подразумевающее организацию особого контроля со стороны органов исполнительной власти и прокуратуры над всеми

сделками с землей, которые могут привести к нарушению облика или невосполнимой потере целостности памятников истории и культуры;

– № Пр-2217 от 20 августа 2012 года о проведении инвентаризации всех объектов культурного наследия и особо охраняемых природных территорий на предмет наличия у них установленных границ территорий и зон охраны, а также предоставления информации о возможных сроках установления данных границ, о наличии и потребности.

Как видим, вполне обоснованно можно утверждать об эффективности работы государства в процессе создания инструментов по сохранению ОКН.

Для дальнейшей безусловной реализации основных направлений государственной политики в рассматриваемой области с применением разработанных инструментов и механизмов требуется эффективное взаимодействие всех субъектов (участников) процесса.

Для работы на ОКН, в том числе для разработки научно-проектной документации, требуются профессионалы. В области реставрации существует значительный возрастной разрыв между специалистами. Профессиональное образование для работы на ОКН приобретают единицы, сильные специализированные мастерские практически отсутствуют. Реставрационная школа, которая складывалась с послевоенного времени и имела очевидные успехи, практически утрачена.

К сожалению, сложившаяся практика организации и проведения работ по сохранению ОКН имеет признаки коммерциализации. Велика вероятность фактической подмены приоритета сохранения национального наследия на приоритет получения максимальной выгоды.

Разработка научно-проектной документации по обоснованию создания ОКН в виде достопримечательного места, как любая другая проектная деятельность, имеет определенные риски:

– недостаточного объема и глубины исследований аспектов, влияющих на сохранность ОКН, в том числе прямо не указанных в исходных данных, но реально существующих (оформленные и утвержденные документы градостроительного планирования развития территории);

– недостаточного и (или) неаргументированного обоснования особых требований к ведению градостроительной и иной хозяйственной деятельности в границах достопримечательного места;

– пренебрежения значимостью подготовительных работ и качественной подготовки исходных данных для разработки научно-проектной документации (в частности изготовление актуальной геодезической основы района проектирования);

– исключения пользователя ОКН из процесса подготовки исходной документации (технического задания).

Большинство контрактов (договоров) на разработку научно-проектной документации имеет срок исполнения не позже окончания текущего финансово-

го года (освоение средств в текущем году). Решение вопросов получения более-менее качественной исходной информации (документации) начинается только после заключения контракта. Формирование и развитие взаимоотношений разработчика научно-проектной документации и заказчика после заключения контракта (договора) по результатам конкурсных процедур имеет определенные жесткие рамки, нарушение которых может привести к значительным дополнительным финансовым обязательствам одной из сторон. В условиях указанных и прочих рисков это приводит к появлению формально законных «компромиссов», что влечет к снижению качества результата работ, и к неэффективному расходованию средств бюджета. В худшем случае результат может оказаться противоположным цели.

Складывается впечатление, что в процессе развития деятельности по сохранению ОКН в России система критериев оценки эффективности рассматриваемой деятельности претерпела изменения, которые допускают одновременное существование противоположных суждений, что не может не сказываться на состоянии ОКН. Большую часть причин составляет недостаточная компетенция и (или) недостаточная заинтересованность разработчиков научно-проектной документации в качественном результате своего труда, а также риск заказчика, человеческий фактор.

Отдельно следует выделить сложность взаимной увязки и однозначной трактовки специальных градостроительных норм и соответствующих норм в области сохранения ОКН. Разработчик научно-проектной документации как минимум в силу отсутствия специальных знаний и осведомленности в области градостроительной деятельности (территориального планирования) не уделяет должного внимания грамотному совместному учету требований (условий, ограничений и пр.) указанных неразрывно связанных областей.

Государственная историко-культурная экспертиза является единственным государственным инструментом квалифицированной оценки научно-проектной документации по обоснованию создания ОКН в виде достопримечательного места. В силу специфики вопроса на этапе историко-культурной экспертизы эксперты не могут выявить недостатки, которые относятся к градостроительной области специальных знаний, проверить в полной мере достоверность и актуальность использованных сведений и предлагаемых решений в этой области историко-культурной экспертизы. Законодательно требование о наличии у экспертов высшего образования закреплено только по специальностям «история», «музейное дело и охрана памятников» и «археология»⁶.

Таким образом, можно предположить, что одной из главных причин возникающих сложностей, необходимости дополнительных работ и т.п. является то, что научно-проектная документация утверждается без достаточной квалифицированной проверки.

Рассмотренные выше проблемы явились переметом обсуждения участников XIV Всероссийского съезда органов охраны памятников истории и культуры (16–18 октября 2015 г., Сочи), в котором приняли участие представители органов охраны из 60 субъектов Российской Федерации, а также общественных организаций и объединений. Участники съезда кроме прочего отметили необходимость дальнейшего совершенствования нормативно-правовой базы, а также просили Министерство культуры России:

– «установить ответственность государственным экспертам за подготовку заключений государственной историко-культурной экспертизы с ненадлежащим качеством, а также в случае, если реализация выводов, содержащихся в экспертизе, повлечет нанесение вреда объектам культурного наследия, их территориям и зонам охраны»⁷;

– «разработать комплекс правовых, организационных и иных мер направленных на повышение роли органов архитектуры и градостроительства в системе исполнительной власти и их ответственности за мониторинг внесения изменений в генеральные планы и правила землепользования и застройки муниципального образования в связи с утверждением границ территории и предмета охраны исторического поселения»⁸.

Многие представители профессионального сообщества неоднократно заявляли о необходимости комплексного подхода к решению вопросов сохранения ОКН с привлечением всех заинтересованных сторон. Сформировавшийся позитивный и негативный опыт процесса сохранения ОКН как межведомственного процесса и его анализ должны в ближайшем будущем получить однозначное, законодательно закрепленное решение, учитывающее интересы всех областей государственного регулирования.

Примечания

¹ О резонансных случаях см.: Твардовская Е. Есенинская Русь — оптом и в розницу // Сайт «Хранители наследия». URL: http://hraniteli-nasledia.com/articles/proekty/eseninskaya-rus-optom-i-v-roznitsu/?sphrase_id=5614; Томск: зоны охраны подгоняют под застройщиков // Там же. URL: http://hraniteli-nasledia.com/articles/gradozashchita/tomsk-zony-okhrany-podgonyayut-pod-zastroyshchikov-/?sphrase_id=5615.

² Глава департамента Министерства культуры Владимир Цветнов: «У нас не пройдешь, не прорвешься» // Новая газета. 2014. 13 окт. URL: <http://www.novayagazeta.ru/society/65651.html>.

³ Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации: федер. закон Рос. Федерации от 25 июня 2002 г. № 73-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁴ Там же.

⁵ Государственный доклад о состоянии культуры в Российской Федерации в 2014 году. URL: <http://mkrf.ru/report/report2014>.

⁶ Об утверждении Положения о государственной историко-культурной экспертизе: постановление Правительства РФ от 15 июля 2009 г. № 569. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁷ Резолюция XIV Всероссийского съезда органов охраны памятников истории и культуры. URL: http://mkrf.ru/ministerstvo/departament/detail.php?ID=873935&SECTION_ID=62029.

⁸ Там же.

Творческий потенциал человека и возможности его реализации

Человек — главная ценность развития цивилизации. Редко цитируемый в последнее десятилетие, великий русский советский писатель Алексей Максимович Горький вложил в уста своего героя пьесы «На дне» (напомним, что действие происходит в ночлежке, где живут люди обездоленные, с трагической судьбой) такие слова: «Человек — это великолепно, это звучит гордо! Все в человеке, все для человека. Существует только человек, все остальное — дело его рук, его ума».

В Конституции России эта мысль зафиксирована в статье 2: «Человек, его права и свободы — главная цель нашего государства».

Вся история цивилизации — это история изучения и постижения человека. Все существующие науки обращаются к этой теме. Давались разные определения, на их базе формировались разные подходы: то человека рассматривали как элемент, винтик единой государственной системы, отказывая ему в праве на самостоятельное действие, то возвышали его до богоподобного создания.

Процесс постижения человека продолжается. Как охарактеризовать мотивации человека, движущую пружину его действий, его жизнеопределения? Наша точка зрения состоит в следующем: в каждом человеке заложен творческий потенциал, т.е. способность к созиданию; задача в том, чтобы раскрыть этот потенциал, пробудить талант, а это значит, помочь сделать жизнь человека счастливой, а его труд — интересным и результативным. Таким житетворчеством, житнесозидательным настроением пронизаны произведения Бориса Викторовича Шергина («У Архангельского города, у корабельного пристанища», «Поморщина-корабельщина», «Народ — художник», «Океан — море русское»), волшебника русского слова, в книгах которого «двери распахнулись в мир духовной, иной жизни, в которой человек живет свободно и прямо, и дела его прекрасны, слова ясны и точны, чувства искренни, даже если это гнев и досада, помыслы благородны... И так он живет потому, что дело его, труд его, радостное творчество, а не подневольная бесконечная работа, а цель этого творчества — единственная: жизнь и человек в этой жизни»¹. Думаю, закономерно, что конференция наша проходит на северной земле, в заповеданном Кенозерье, вдохновляющем людей на творчество. О том, что это так, наглядно свидетельствует культурный облик кенозерской земли. Талантом русских людей здесь возведены и сохранены многочисленные памятники истории и культуры, прежде всего, деревянного зодчества: свыше 100 часовен, церкви и монастырские комплексы, дома и амбары. Среди них Филипповская церковь и Порженский погост — памятники мирового значения.

Уникальность парка — в симфонии культуры и природы, это единое эколого-образовательное пространство. Деревни парка, система расселения — это тоже памятники. Именно поэтому земельные участки в парке — не предмет торга, а развитие бизнеса подчинено интересам парка. В парке выделено 24 культурно-ландшафтных комплекса (7 из них соответствуют всем международным критериям и являются приоритетными). Их необходимо сохранить, ибо они вместе с деревнями и создают неповторимый облик Кенозерского парка, вдохновляющий людей на творчество. Свидетельств тому множество. В парке не просто сохранено, но и активно развивается искусство работы с деревом. Бригады плотников-кенозёр востребованы не только в стране, но и за рубежом. Секреты мастерства не хранят за семью замками, а щедро делятся ими со всеми, кто желает их постичь. В пушкинском Михайловском мне рассказывали, что отреставрировали мельницу в деревне Бугрово только благодаря помощи мастеров из Кенозерья, здесь их научили сложному искусству деревянного зодчества. В Кенозерье возрождаются к жизни многие другие традиции. Не случайно так популярны проходящие здесь семинары и конференции. Хочу процитировать местного журналиста Елену Попову, которая очень точно ответила на вопрос, почему так хочется приехать в Кенозерье: «Разве не чудо, что во времена, когда большие города задыхаются от дыма, а их жители проводят свою жизнь в пробках, когда мерилом становятся пачки купюр и быстротечная мода... живет земля, которая впускает в свою жизнь цивилизацию очень мудро, вплетает ее в традиционный быт, бережет часовни, построенные предками, хранит природу, поет детям песни, что пели их родителям матери. И на этой земле невозможно не быть собой, она оставляет один на один со своей душой и с тем, кто ты есть на самом деле»².

В концепции «Основы государственной культурной политики», утвержденной Указом Президента от 24 декабря 2014 г., после многих лет невнимания к этим вопросам, говорится о роли архитектурной среды в развитии культуры, в формировании личности и отношения человека к жизни (этому посвящен специальный раздел).

В связи с этим интересно проанализировать роль и возможности деревни, малого города и поселения. Для этого обратимся к статистике. В сельской местности в 2014 г. действовало около 72 тыс. учреждений культуры — 80% от общего количества учреждений культуры в России. По сравнению с 1990 г. сеть сельских учреждений культуры сократилась на 23%. Сокращение числа сельских населенных пунктов за 20 лет составило 1,5 тыс. Треть зданий сельских учреждений культуры находится в неудовлетворительном состоянии, 32% требуют капитального ремонта; износ оборудования составляет 70% (здания и оборудование не обновлялись с 1970–1980-х гг.).

Эти тревожные цифры особенно наглядно убеждают, что крайне необходимо заинтересованное и практическое внимание к селу, к тому содержатель-

ному богатству, которое несет в себе сельский образ жизни. В отличие, скажем, от большинства дачников, которые на даче живут временно, и если заводят подсобное хозяйство, то для удовольствия; в деревне люди живут постоянно, имеют устойчивое подсобное хозяйство, обеспечивающее жизненные запросы. В деревне складывается особый сельский тип жизни, тесно согласованный с природой; дачник же старается перенести привычный городской тип жизни, нередко конфликтующий с окружающей средой. В деревне, как правило, существуют тесные контакты жителей друг с другом («от людей на деревне не спрятаться, нет секретов в деревне у нас»); дачные поселки отличаются высокими заборами, охранниками и злыми собаками, контакты признаются только «со своими». Что более способствует формированию гармонической личности, взаимопонимания и взаимопомощи, доброты? Думается, ответ очевиден. Желание иметь дачу похвально, но хотелось бы, чтобы с выездом за город мы обогащали себя тем богатством, что способна дать природа и сельский образ жизни.

Заповеданное Кенозерье — место былинного и песенного творчества. И закономерно создание здесь, в деревне Вершинино, музея исконной, родниковой, русской словесности — «В Начале было Слово».

Нам посчастливилось познакомиться с первыми залами этого уникального музея. Они посвящены сказителям, собирателям былин и сказаний. На этой земле былины были записаны и передавались из поколения в поколение. В последние годы сохранению нематериальной культуры стало уделяться значительно больше внимания в мире и в нашей стране. К сожалению, до сих пор в России не ратифицирована Конвенция ЮНЕСКО «О нематериальном культурном наследии», а России есть что предьявить и показать миру.

Возрождаются народные праздники. Из опыта Кенозерья за последние годы — это фестиваль традиционных знаний и праздник «День Ивана Купалы». На фестивале собираются сотни мастеров народных промыслов и ремесел и передают свой опыт, обучая друг друга. А промыслы и ремесла, сохраненные на Севере, очень разнообразны: ткацкое и гончарное производства, обработка дерева и кости, кружевоплетение, роспись, глиняная игрушка и посуда, народная кулинария и др.

Только что закончился ежегодный праздник в Устьянском районе Архангельской области под названием «Ссыпчина». Это восстановленная народная традиция: народ устьянской земли, убрав урожай с полей, собирался вместе, чтобы внести свою долю — «ссыпать» в общее пользование. Каждый праздник отмечен завершением общего полезного дела, важного для всех жителей района. В последние годы это открытие лыжной трассы международного уровня, строительство современного детского сада и другие дела. Проходят семинары, научные конференции. В этом году их было две: в библиотеке, состоялась конференция, посвященная изучению истории устьянской земли, и в Доме культуры — посвя-

щенная развитию образования. Конечно, проводятся смотры самодеятельности народных коллективов. И это не только концерты на сцене, но и активное участие населения. Не могла не порадовать кадрили — народный танец на площади, в котором участвовало более 300 человек. Именно это и есть живая традиция, востребованная временем.

Культурное наследие не воспринимается только разумом, к пониманию добавляется впечатление, чувство, душа. И огромную роль в этом играет художественная литература, музыка. Облик Севера запечатлен замечательными русскими писателями, уроженцами Севера и его гостями, полюбившими этот суровый загадочный край и вдохновленными им. Это протопоп Аввакум, М.В. Ломоносов, Б.В. Шергин и С.Г. Писахов, Ф.А. Абрамов, В.В. Личутин и многие другие. В связи с искусством Северного академического русского народного хора академик Б.В. Асафьев писал, что это зеркало жизни: «светло, простодушно, задумчиво, иронически, весело и задорно» в музыке звучит «всей глубиной своей человечность, все пережитое, передуманное и испытанное русским народом. Звучит без крикливого, шумного, парадного пафоса — в глубокой серьезности, в величавом своей скромностью сосредоточении чувства»³.

Северный хор в 2016 г. отмечает свое 90-летие, коллектив все эти годы сохраняет лучшие традиции, заложенные в 1930-х гг. Антониной Яковлевной Колотиловой. А в прошлом году жители Каргопольского сектора парка познакомились с творчеством детского коллектива Северного русского народного хора — очень талантливого и современного, вселяющего надежду на творческое развитие песенной традиции.

Север стал творческой лабораторией, мастерской для выдающихся русских писателей — кудесников русского слова — еще и потому, что сохранил русский язык в наибольшей чистоте и подлинности. В документах, принятых нашим государством в последние годы, тема русского языка звучит достаточно часто, специальный раздел посвящен русскому языку и русской литературе в «Основах государственной культурной политики». Это не случайно: сегодняшнее состояние языка — тревожное. Дело не только в том, что в мире уменьшается число людей, владеющих русским языком. Снижается качество языка, девальвируется его ценность, вульгаризируются смыслы. Слушая современную речь на официальных каналах радио и телевидения, наглядно видишь, как много мы потеряли и как важно и государству, и обществу, и, прежде всего, тем, кто считает себя интеллигентами или интеллектуалами, заняться решением этой проблемы. Север может стать базой для этого — здесь немало людей, хорошо говорящих по-русски.

Для того, чтобы напомнить, как может звучать родниковая народная русская речь, позвольте привести небольшой отрывок из сказки С.Г. Писахова «Мюнхгаузен из деревни Уйма»:

«...Вот старуха моя сердится на мои рассказы, корит — зачем выдумываю? А ежели придуманное тоже правда? Взять, к примеру, дом, в котором живу. Коли сказать, что дом стоит на четвереньках (на четырех углах), то это вот уже выдумка. Мой дом когда как встанет, и все по-разному.

Утром рано, если взглядывать мельком, дом-то при солнышке весь распрямится, вздымется да станет всяки упражнения, как ребята малы, выделывать, а сам довольнехонек, улыбается. Коли впериться в дом глазами, то он будет стоять как истукан, только крыша зарумяниться на солнце. Глядеть надо вполглаза, как бы ненароком.

Да что дом! Баня у меня и вся-то никудышна, скособочилась, как старуха-табашница, весь перед от дыму закоптел. А раз перед утром глянул я на баню вполглаза, а баня-то как путевая постройка, окошечком улыбку сделала, коньком тряхнула, присела, двинулась и пошла! Я рот разинул и стою столбом, а за баней овин вприпрыжку! Ну тут и меня надо: скочил на овин и поехал. А за мной дом со свай сдвинулся, охнул поразмялся да за мной! По дороге как гулянка кака невиданна. Дома идут, крыши набекрень для форсу. Которы крашены, норовят протолкаться вперед. А бани да овины, как малы ребята, вперегонки. Я и спросил:

– Эй вы, постройки, постойте! Скажите, куда дорогу топчете?

Дома повети распустили, как подолы праздничных сарафанов, половицами заскрипели, дверными петлями завизжали.

– В город на свадьбу идем! Соборная колокольня за пожарную каланчу замуж идет. Гостей уйму позвали. Мы всей Уймой и идем!»⁴.

Во многих музеях-заповедниках и национальных парках стремятся способствовать развитию творческих способностей людей, приезжающих к ним, взаимодействуют с образовательными учреждениями, творческими союзами в решении этой одной из самых трудных задач. Есть интересный и полезный опыт проведения творческих конкурсов, фестивалей и олимпиад, поощрения победителей, организации творческих семинаров, «вживания в среду» (практика движения добрототов). Все му этому надо содействовать, объединение усилий даст желаемый результат.

В заключение хочется привести слова Ксении Петровны Гемп, легендарно-го знатока и хранителя Севера, из ее книги «Сказ о Беломорье»: «Уважительно и бережно должны мы относиться к народной памяти, к наследию творцов безвестных, веками хранящемуся в ней. Оно всегда находит отклик в родной душе, отчее наследие, и зачастую помогает человеку на трудных путях жизни. Напоминает нам это наследие и о величии нашей Родины, и о нашем долге перед нею. Напоминает о несокрушимой верности народной родной Земле, своему краю, о готовности стоять за них»⁵.

Примечания

¹ Шергин Б. Изящные мастера. Поморские былины и сказания / под ред. Ю. Галкина. М.: Молодая гвардия, 1990.

² Попова Е. Вступительное слово // Кенозерье. 2009. № 1. С. 3.

³ Асафьев Б. О народной музыке / сост. И. Земцовский, А. Кунанбаева. Л.: Музыка, 1987. С. 29.

⁴ Пономарева И. Главы из жизни Степана Писахова. Архангельск: Правда Севера, 2005. С. 121–122.

⁵ Гемп К.П. Сказ о Беломорье. Словарь поморских речений / вступ. ст. Д.С. Лихачёва, Ф.А. Абрамова; науч. ред. В.Н. Булатов. 2-е изд.; доп. М.; Архангельск, 2004. С. 232.

Н.В. Дранникова
(г. Архангельск)

А.Н. Нечаев — ученый-фольклорист, писатель (материалы к биографии)

В 1999 г. произошла моя встреча с дочерью советского ученого-фольклориста и писателя Александра Николаевича Нечаева Татьяной Александровной Нечаевой, проживавшей в Москве. Незадолго до этого она обратилась ко мне с просьбой разобрать архив ее отца, который она собиралась передать в дар Поморскому государственному университету. Вскоре мне представилась такая возможность — я приехала в Москву на стажировку в Институт мировой литературы РАН имени А.М. Горького, во время которой я смогла заняться систематизацией архива. В том же году архив был подготовлен мною к передаче в Отдел редкой книги Поморского университета имени М.В. Ломоносова, в дальнейшем преобразованного в Северный (Арктический) федеральный университет (далее — ОР САФУ). Полевые материалы Нечаева поступили в архив Центра изучения традиционной культуры Европейского Севера САФУ и составили отдельный фонд¹ (далее — ФА САФУ).

В историко-культурных кругах Архангельска долгое время имя Нечаева было недостаточно известно². Во время работы с архивом мне в руки попало письмо редактора областной архангельской газеты «Правды Севера», директора Северо-Западного книжного издательства Б.С. Пономарева, адресованное А.Н. Нечаеву. В письме Пономарев глубоко сожалел о том, что не знал Нечаева раньше и по этой причине не включил статью о нем в первый выпуск книги «Литературного Архангельска»³. Ошибка была исправлена в 1989 г. — во втором выпуске книги появилась статья Б.С. Пономарева, посвященная А.Н. Нечаеву, «Жизнь, отданная сказке»⁴. В 1996 г. директор Архангельского литературного музея Б.М. Егоров опубликовал несколько статей с воспоминаниями А.Н. Нечаева⁵.

Александр Николаевич Нечаев родился 20 апреля 1902 г. в деревне Екимово Плесецкого района Архангельской области (бывший Пудожский уезд Олонецкой губернии). Он происходил из семьи родовитого кенозерского крестьянина. Родовитыми на Севере считались семьи первопоселенцев. К таким семьям в крестьянской среде существовало уважительное отношение. Родовитые крестьяне хорошо знали свои родословные. Семья Нечаевых была глубоко патриархальной. Очень высок был авторитет деда. Именно он сыграл главную роль в морально-этическом воспитании Александра Николаевича. В своем рассказе «Дед Григорий Степанович» Нечаев приводит его афоризмы: «Водку пей, а на другой день не опохмеляйся. Нехорошее дело — карты — я век прожил, никогда не игрывал, а буде и сядешь играть да проиграешь — не отыгрывайся, в бардак не ходи — всегда человеком будешь...»⁶. Осмысляя

влияние на себя деда, семьи и Кенозерья, он напишет: «Как ни странно, подобная сентенция, может быть и не совсем уместная с педагогической точки зрения, когда слушателю всего 8 лет, еще и тогда вполне дошла до меня и запомнилась на долгие годы. Объясняется все тем, что в крестьянской среде, нравственно чистой, а потому целомудренной, взрослые не таились в разговоре с детьми, называя вещи своими именами именно в силу и собственной высокой нравственности и в силу тех бытовых обстоятельств, когда вся жизнь и все отношения в семье протекали не в сокрытии, а на глазах других членов семьи, в том числе и детей»⁷. Об уважительном отношении Нечаева к своему деду свидетельствует хотя бы тот факт, что в его архиве сохранилось четыре машинописных варианта этого рассказа⁸.

В течение всей жизни Нечаев с любовью относился к своей родине, считал, что воспитание, полученное им в крестьянской семье, позволило ему состояться как человеку и профессионалу. Приведу еще одни слова Нечаева из рассказа, посвященного деду, передающие его отношение к Кенозерью: «С нежностью вспоминаю детские мои годы, когда в грубоватой на первый взгляд среде, такой естественной в своей кристально-чистой непосредственности и высокой нравственности, закладывались основы человека — члена общества»⁹.

На Кенозерье до сих пор хорошо сохранились фольклорные традиции¹⁰. В детстве Нечаев слышал былины и сказки, которые в тот период вызывали у него неподдельный интерес, в дальнейшем знание фольклора оказало влияние на его профессиональные интересы — он стал фольклористом. Самые первые сказки Нечаев запомнил от матери Евдокии Федоровны Нечаевой. Сильное впечатление в детстве на него произвела встреча со сказочником Поликарпом из села Вершинино. «Думаю, — вспоминал А.Н. Нечаев, — что в какой-то степени сказки матери и Поликарпа повлияли в юности на выбор моих занятий»¹¹. К этому можно добавить, что носителем фольклорной традиции был и его дед Григорий Степанович Нечаев. В вышеназванном рассказе Нечаев цитирует любимые пословицы деда, врезавшиеся в его память: «Украл — за голую пазуху клал», «Пустой человек как пустой колос — голову вверх задирает»¹² и др.

Отец Нечаева Николай Григорьевич (1876 г.р.) имел начальное образование. В 1888 г. он закончил Кенозерскую образцовую школу. В 1900 г. получил свидетельство о бессрочном освобождении от воинской повинности. Свидетельства об окончании школы Н.Г. Нечаева и его освобождении от воинской службы также находятся в архиве А.Н. Нечаева¹³.

После окончания кенозерской сельской школы Нечаев учился два года в Пудожской школе 2-й ступени. В 1921 г. закончил Пудожские педагогические курсы и стал заведующим начальной школы в деревне Минино на Кенозере. В начале 1920-х гг. он уехал в Петроград, где по комсомольскому призыву строил целлюлозный завод в Невской Дубровке под Петроградом, а затем служил в армии, потом вернулся на завод, где работал варщиком целлюлозы.

В 1927 г. Нечаев по рекомендации А.В. Луначарского поступает на Высшие государственные курсы искусствоведения при Государственном институте истории искусств (ГИИИ); по закрытии курсов перевелся в Ленинградский институт литературы и истории (будущий филологический факультет Ленинградского университета). Здесь он знакомится со своей будущей женой Ниной Владимировной Рыбаковой, дочерью настоятеля храма Спасана-Водах В. Рыбакова, которая в дальнейшем совместно с ним занималась литературной обработкой сказок и их изданием для детей. В 1931–1932 гг. Нечаев работал в ГИИИ, а когда фольклорная секция была переведена в Институт по изучению народов СССР (ИПИИ), то в ИПИНе в группе М.К. Азадовского.

В 1932 г. вместе с А.М. Астаховой, И.В. Карнауховой и С.С. Писаревым совершил экспедицию на Белое море. В этой поездке он открыл знаменитого сказочника М.М. Коргуева (1883–1943). Со слов М.М. Коргуева он записал и издал 115 сказок. На тот момент это было рекордным количеством для одного сказочника. Нечаев зафиксировал практически весь его репертуар, который опубликовал в нескольких книгах¹⁴. Интерес к личности сказителя и сказочника — типичная черта советской фольклористики. Сборник ценен прежде всего тем, что основан на новых принципах собирания и записи. Впоследствии к Коргуеву направлялось множество экспедиций и в настоящее время в Научном архиве Карельского научного центра Российской академии наук хранятся 122 сказки, записанные от этого сказителя. Среди сказок М.М. Коргуева преобладают волшебные. Кроме сказок на русском языке, Коргуев исполнял карельские руны и ёйги. Нечаев предполагал издать «Сказки Карельского Беломорья» в 12 книгах (в 6 томах), но вышел только первый том в двух книгах. Сейчас книга стала библиографической редкостью. В 1938 г. за издание «Сказок Карельского Беломорья» он был награжден премией на Всесоюзном конкурсе молодых ученых. Высоко оценил работу А.Н. Нечаева известный ученый, историк и теоретик фольклора М.К. Азадовский. Он отметил точность записи народной речи сказочника, но в то же время указал на то, что в сказках воспроизведены не все фонетические особенности речи исполнителя, а только самые типичные¹⁵. «Открытие А.Н. Нечаевым М.М. Коргуева и Ф.Л. Свиньина, — писал он, — начинается собой новую эру в истории изучения русской сказки в Карелии и принадлежит к крупнейшим явлениям русского сказковедения в целом»¹⁶.

В 1933 г. Нечаев работал в Ленинградской высшей школе профдвижения. С 1934 по 1938 г. он заведует этнографо-лингвистическим сектором в Карельском научно-исследовательском институте (г. Петрозаводск)¹⁷. Институт был создан в 1931 г., и Нечаев внес большой вклад в создание его фольклорного архива. С 1932 по 1939 г. Нечаев продолжает заниматься полевой работой в Карелии, Беломорье и Прионежье, записывает около 500 авторских листов русских народных сказок, около 6000 машинописных страниц¹⁸. Именно в эти годы Нечаев сложился как ученый. В соответствии с установками своего времени он занимался соби-

ранием «советского фольклора»¹⁹. Во время работы в Карельском научно-исследовательском институте он подготовил также несколько изданий по материалам классических собраний²⁰. Оказывал помощь известному исполнителю былин, представителю четвертого поколения династии сказителей Рябиных П.И. Андрееву-Рябинину²¹. Рябинин-Андреев был награжден орденом «Знак Почета», принят в члены Союза писателей, получил персональную пенсию, несмотря на то, что ему еще не было и 40 лет. Его популярность была вызвана не столько знанием былин, сколько сочинением так называемых «новин» — эпических песен о советских вождях и героях — Сталине, Ворошилове, Чапаеве, Антикайнене и др.

Нечаев поддерживал работу над «Словарем живого поморского языка» известного карельского краеведа из села Сумпосад И.М. Дурова²². В 1938 г. Дуров был объявлен «врагом народа» и расстрелян. В архиве Института русского языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН в Петрозаводске сохранилась переписка А.Н. Нечаева с И.М. Дуровым²³.

В 1938 г., опасаясь волны репрессий в Карелии, Нечаев оставил Петрозаводск. В связи с этим необходимо отметить, что существует заявление Нечаева, написанное им в связи с его обвинением со стороны Карельского научно-исследовательского института и газеты «Красная Карелия» в «присвоении... творчества сказителя Коргуева»²⁴.

В Ленинграде Нечаев стал секретарем А.Н. Толстого, вместе с которым разработал принципы издания «Свода русского фольклора». Особенно большую помощь он оказал Толстому в работе над проектом «Свода русских сказок». В связи с работой писателя над литературными обработками сказок для детей он давал ему различные варианты сказок. Часто сюжеты сказок он брал из своих полевых материалов, в частности из репертуара М.М. Коргуева. Работа над сводом сказок ввела его в литературные круги. Он был хорошо знаком с А.А. Фадеевым, А.П. Чапыгиным, Н.С. Тихоновым, В.Я. Шишковым, Ю.П. Германом, А.П. Платоновым и позднее с М.А. Шолоховым. В 1939 г. Нечаев по рекомендации А.Н. Толстого и В.Я. Шишкова становится членом Союза советских писателей. В 1940 г. решением Ученого совета Ленинградского педагогического института за издание книги «Сказки Карельского Беломорья»²⁵ ему была присуждена ученая степень кандидата филологических наук.

Во время Отечественной войны Нечаев ушел на фронт в ополчение, воевал на Карельском фронте. В 1943 г. он получил контузию и был комиссован из Красной армии. После контузии служил корреспондентом армейской газеты «Часовой Севера». После войны был зачислен сотрудником Московской части Института этнографии Академии наук СССР (в Ленинграде и Москве), в дальнейшем работал в Институте мировой литературы АН СССР имени М. Горького (Москва).

С 1956 г. А.Н. Нечаев оставил научную работу и полностью посвятил себя литературной деятельности. В области литературы он нашел свою нишу — за-

нялся литературной обработкой сказок и былин, предназначенных для детей. Одновременно с конца 1945 г. вместе с П.П. Бажовым, А.П. Платоновым и М.М. Пришвиным Александр Николаевич вновь работал над созданием свода русских народных сказок. Он подготовил и издал более 50 книг, включающих в себя фольклорные сказочные и былинные тексты в авторской интерпретации²⁶. Проблема адаптации русских народных сказок для детской аудитории была поднята Нечаевым в ряде его статей²⁷. Сам он называл свою творческую манеру пересказом фольклорных текстов для детей. Многие из них получили широкое распространение. Нечаев занимался литературным переводом с украинского, белорусского, сербского и других языков. Его книга «Иван меньшей, разумом большой» под редакцией М.А. Шолохова была издана в течение 30 лет более 30 раз. Общий тираж ее составил свыше 10 миллионов экземпляров. Многие сказки в обработке Нечаева были переведены на языки народов СССР и зарубежья (Англии, Испании и др.).

Умер А.Н. Нечаев 24 января 1986 г. в Москве. Похоронен на кладбище Донского монастыря. 1 июня 1990 г. на здании Кенозерской библиотеки в деревне Вершинино Плесецкого района была установлена мемориальная доска памяти ученого.

В архиве А.Н. Нечаева есть рукописи рассказов «Кенозерская республика»²⁸ и «Варуховщина»²⁹. Сюжеты обоих имеют непосредственное отношение к Кенозерью. Рассказ «Кенозерская республика» посвящен событиям послереволюционной России, действие в нем происходит в 1918 г. в Вершинино. Сюжет носит трагикомический характер. Бывший волостной писарь Тимофей Шилицын, отсидевший за мелкое хулиганство в царское время в губернской тюрьме, подбивает местных мужиков отделить бывшую Вершининскую волость, в которой в то время проживало около 5000 человек, от Советской Республики и создать самостоятельную республику, после чего сам становится ее президентом. Но вскоре республика была разогнана прибывшим карательным отрядом, который начал мародерствовать в Вершинино, а сам Тимофей Шилицын куда-то сбежал во время нэпа. Деятельность карательного отряда Нечаев рассматривает как предтечу репрессий 1930-х гг.

Рассказ «Варуховщина» содержит интересные фольклорно-этнографические сведения. В нем рассказывается о вечеринке, известной на Кенозере под названием варуховщины, или варващины. Она проходила вечером 3 декабря (по старому стилю) накануне дня святой Варвары. Нечаев раскрывает ритуализованный контекст вечеринки, давая ее описание. Помимо этого, он упоминает, другую праздничную вечеринку васильевщину, которая проходила накануне для святого Василия в ночь на Новый год. Нечаев указывает, что наряду с праздничными вечеринками на Кенозерье существовали будничные супрядки, на которые девушки приходили с работой. В рассказе упоминается о традиции мужского колядования на утро после встречи Нового года. Рассказ имеет рамочную ком-

позицию — внутри него находится развернутый в сюжетном отношении текст мифологического рассказа-былички об оборотнях, которые явились двум женщинам в виде их погибших мужей. В рассказе приводятся поверья, существовавшие на Кенозерье, например, о том, что обезопасить себя от нечистой силы можно с помощью круга, очерченного кочергой, или о том, что опасного, «нечистого» человека следует хоронить лицом вниз и протыкать его при этом осиновым колом и др. Опубликованная в рассказе быличка представляет собой самостоятельный интерес как редко встречающийся по полноте сюжета и этнографических подробностей текст.

В архиве А.Н. Нечаева также находятся еще несколько материалов, имеющих отношение к Кенозерью, — это рассказ «Кенозерская родня», «Тетушка Татьяна Ивановна» и «Кенозерские воспоминания и литературные зарисовки»³⁰.

Подводя итог всему изложенному выше, можно сделать вывод, что судьба А.Н. Нечаева является типичной для советского ученого и писателя, в творческом и научном наследии которого отразились все тенденции своего времени.

Публикации о А.Н. Нечаеве

1. Аникин В.П. Об А.Н. Нечаеве — писателе-фольклористе // Нечаев А.Н. Чудесные ягоды: Былины и сказки в обработке А.Н. Нечаева. М.: Дет. лит-ра, 1983. С. 5–6.

2. Голубев Г.В. Нечаев Александр Николаевич // Краткая литературная энциклопедия. М., 1978. Т. 9.

3. Дранникова Н.В. Нечаев Александр Николаевич // Поморская энциклопедия: в 5 т. Т. 4: Культура Архангельского Севера. Архангельск, 2012. С. 363.

4. Дранникова Н.В. Нечаев Александр Николаевич // Русские фольклористы: библиографический словарь. Пробный выпуск / отв. ред. Т.Г. Иванова, А.Л. Топорков. М., 2010. С. 192.

5. Дранникова Н.В. Со сказкой по жизни // Правда Севера. 1999. 12 авг. С. 8.

6. Иванова Т.Г. История русской фольклористики XX века: 1900 — первая половина 1941 г. СПб., 2009.

7. Кузнецова В.П. «Словарь живого поморского языка» И.М. Дурова как источник для изучения этнокультурных контактов // Межкультурное взаимодействие в полиэтническом пространстве пограничного региона: материалы международной научной конференции. Петрозаводск, 2005. С. 74–85.

8. Марковская Е.В. Проблемы собирания, систематизации и архивного хранения фольклора: дис. ... канд. филол. наук. Петрозаводск, 2006.

9. Макаров Н.А. Жил-был сказочник... // Труды XI съезда Русского географического общества. Т. 7: Краеведение и краеведы. Архангельск, 2000. С. 202–210.

10. Макаров Н.А. Об открытии мемориальной доски памяти писателя-сказочника А.Н. Нечаева // Правда Севера. 1990. 22 июля.

-
-
11. Мезинов Л. Три дороги Александра Нечаева: К 75-летию со дня рождения // Детская литература. 1977. № 3. С. 25–26.
 12. Пономарев Б.С. Жизнь, отданная сказке // Литературный Архангельск: События, имена, факты. 2-е изд., доп. и испр. Архангельск, 1989. С. 242–246.
 13. Пономарев Е.А. Сказочник Нечаев: 20 апреля, известному писателю-сказочнику Александру Нечаеву исполнилось бы 90 лет // Волна. 1992. 18 апр.
 14. Сенькина Т.И. Забытые и неизвестные страницы истории фольклористики Карелии: Очерки и материалы. Петрозаводск, 2012.
 15. Сенькина Т.И. Русская сказка Карелии. Петрозаводск: Карелия, 1988.

Примечания

- ¹ ФА САФУ. Ф. 28.
- ² Дранникова Н.В. Со сказкой по жизни // Правда Севера. Архангельск. 1999. 12 авг. № 145. С. 8.
- ³ Пономарев Б.С. Литературный Архангельск. Архангельск: Сев.-Зап. кн. изд-во, 1982.
- ⁴ Его же. Жизнь, отданная сказке // Литературный Архангельск: События, имена, факты. 2-е изд., доп. и испр. Архангельск: Сев.-Зап. кн. изд-во, 1989. С. 242–246.
- ⁵ Нечаев А.Н. Кенозерская республика: курьезы прошлых лет / публ. Б.М. Егорова // Правда Севера. 1996. 10 апр.
- ⁶ ОР САФУ. П. 1.
- ⁷ Там же.
- ⁸ Там же. П. 1; 5; 11; 12.
- ⁹ Там же. П. 1.
- ¹⁰ Дранникова Н.В. Новые материалы к изучению мифологического пространства Кенозерья // Традиционная культура. 2007. № 4. С. 123–127.
- ¹¹ ОР САФУ. П. 1.
- ¹² Там же.
- ¹³ Там же.
- ¹⁴ Нечаев А.Н. Сказочник Коргуев // Народное творчество. М., 1938. № 12. С. 33–35; Беломорские сказки, рассказанные М.М. Коргуевым: в 2 кн. / под ред. А.Н. Нечаева. М.: Сов. писатель, 1938; Сказки Карельского Беломорья: в 2 кн. / зап., вступ. ст. и коммент. А.Н. Нечаева; предисл. М.К. Азадовского. Петрозаводск: Каргосиздат, 1939. Т. 1.
- ¹⁵ Азадовский М.К. Предисловие // Сказки Карельского Беломорья. Т. 1. С. 7.
- ¹⁶ Его же. Отзыв на работу А.Н. Нечаева «Сказки Карельского Беломорья» (11 нояб. 1937 г.) // ОР САФУ. П. 6.
- ¹⁷ См.: Нечаев Н.А. Фольклор и его значение // Красная Карелия. Петрозаводск, 1934. 30 окт. № 251; Его же. Работа фольклористов в Карелии // Советский фольклор: сб. статей и материалов. М.; Л. 1936. № 23. С. 454–455.

-
-
- ¹⁸ Часть полевых материалов этого периода находятся в ФА САФУ. Ф. 28.
- ¹⁹ Нечаев А.Н. За советскую Карелию (Рассказы партизан, записанные со слов участников гражданской войны) // Начало: альманах. Петрозаводск, 1934. Кн. 2. С. 3–34.
- ²⁰ Федосова И. Причитания (Избранные). Петрозаводск: Каргосиздат, 1937; Избранные былины. Тексты, записанные в Карелии / вступ. ст. А.Н. Нечаева. Петрозаводск, 1937; Избранные былины. Тексты, записанные в Карелии / вступ. ст. А.Н. Нечаева. 2-е изд. Петрозаводск, 1938.
- ²¹ ОР САФУ. П. 9.
- ²² Дуров И.М. Словарь живого поморского языка в его бытовом и этнографическом применении / подгот. И.И. Муллонен, В.П. Кузнецовой, А.Е. Беликовой. Петрозаводск, 2011.
- ²³ Кузнецова В.П. «Словарь живого поморского языка» И.М. Дурова как источник для изучения этнокультурных контактов // Межкультурное взаимодействие в полиэтническом пространстве пограничного региона: материалы международной научной конференции. Петрозаводск, 2005. С. 79.
- ²⁴ ОР САФУ. П. 6.
- ²⁵ Сказки Карельского Беломорья. Т. 1.
- ²⁶ Русские народные сказки / вступ. ст., сост. и подгот. текстов А.Н. Нечаева, Н.В. Рыбаковой. М., 1952; Илья Муромец: Русская былина / пересказ для детей А.Н. Нечаева. М., 1969; Садко. М., 1970; Соломенный бычок — смоляной бочок. М., 1983; и др.
- ²⁷ Нечаев А.Н., Рыбакова Н.В. А.Н. Толстой и русская народная сказка // Толстой А.Н. Полное собрание сочинений. М., 1948. Т. 12. С. 329–344; и др.
- ²⁸ ОР САФУ. П. 5; 12.
- ²⁹ Там же. П. 12.
- ³⁰ Там же.

Аспекты использования древесины в современном гражданском строительстве

Строительство и архитектура в целом всегда являлись показателями историко-культурного, социального, экономического и научно-технического состояния общества.

С неизбежной закономерностью достижения науки и техники рано или поздно отражаются в архитектуре. Это прослеживается как в изменении масштабов и пластики в архитектуре, так и во внедрении новых материалов, технологий и оборудования при создании инженерных конструкций и отделки.

Все новые технологии и материалы, внедряемые в современной архитектуре, как правило, связаны со сложными технологическими процессами производства и применения. Высокотехнологичные производственные процессы, как правило, реализуют себя в крупных городах или в непосредственной близости от них. Это обуславливается рентабельностью как производства, так и потребления продукта. По этой причине самые новые технологии и материалы в гражданском строительстве всегда применялись и в дальнейшем будут применяться в городах с развивающейся экономикой. Это отчасти порождает некое социальное неравенство между жителями крупных городов и небольших населенных пунктов. Одной из составляющих решения этой большой и многосторонней проблемы могло бы быть создание современных архитектурно-планировочных решений, ориентированных на использование традиционных, более доступных материалов. Не секрет, что на большей части России основным строительным материалом традиционно являлось дерево. По сути, древесина — один из немногих природных восполняемых строительных материалов. Объективной альтернативой строительству из древесины для массового использования во многих случаях можно считать строительство из кирпича. Но в силу специфики производства и дальнейшей транспортировки для значительной части удаленных территорий, особенно на Севере России, кирпич является нерентабельным и мало эффективным при строительстве.

Использование новых материалов в строительстве всегда считалось признаком высокого уровня достатка, в следствие чего формировались некоторые временные предпочтения. Сложившиеся стереотипы о нецелесообразности применения дерева как основного строительного материала в строительстве сначала в СССР, а теперь и в России заставляют архитекторов обходить использование дерева в качестве основного строительного материала. Также у нас почему-то стало непопулярно использование традиционных способов обработки дерева

при возведении малоэтажных объектов гражданского и жилого назначения, а эффективность этих способов доказана веками эксплуатации.

Парадокс ситуации заключается в том, что, обладая как сырьевой, так, по сути, и производственной основой обработки дерева в качестве строительного материала, мы практически не применяем его в своих архитектурных решениях. А потребность для многих регионов России в современных архитектурно-планировочных решениях с применением дерева в качестве основного строительного материала очевидна. Возможно, пора уже подумать заказчикам и архитекторам о том, что использование традиционных материалов во многих случаях рентабельнее и эффективнее стали, бетона, стекла и т.д. Люди, живущие в небольших и удаленных населенных пунктах, нуждаются в современных архитектурно-планировочных решениях из доступных им материалов.

Если отбросить предрассудки и объективно рассмотреть использование древесины, то очевидный эффект будет не только в экономических показателях. Достаточно широкие возможности при создании объемно планировочных структур уже доказаны временем и целым рядом всемирно известных памятников архитектуры. Дерево в архитектуре ничем не уступает остальным строительным материалам, оно просто отличается от них. В реальности стальные и бетонные сооружения не являются долговременными, они лишь кажутся такими из-за их видимой массивности. Любое сооружение требует капитального ремонта через 150 лет, в то время как сооружение из дуба при правильном уходе может простоять 800 лет и более. Для примера: зал Феникса в Удзи в Японии насчитывает 900 лет. Исторически дерево в строительстве появилось раньше камня, и до сих пор оба материала продолжают существовать вместе.

В истории архитектуры особняком располагаются деревянные постройки. Одним из всемирно известных памятников русской архитектуры является ансамбль Кижского погоста (ил. 1). Конструкция деревянных сооружений подчинена особой логике. Логика, прежде всего, заключается в сохранении запасов древесины на планете. В мире существует огромное количество деревянных построек. Многие шедевры уже утрачены, но даже оставшееся количество показывает, насколько богата лесами была наша планета. Как правило, лесные массивы образуют широкие полосы, идущие вдоль параллелей. Породы деревьев отражают характерные климатические условия. Таежные леса тянутся по всему северу нашей страны, продолжают в странах Скандинавии и Канаде. В тайге сосредоточена треть запасов древесины на земле. Здесь растут ель, сосна, пихта, лиственница.

Древесина как строительный материал применялась в странах с разнообразными климатическими особенностями. На севере в деревянном доме гораздо легче переносится стужа, и отопить такой дом гораздо легче. На юге в легком открытом деревянном сооружении жара менее утомительна. Дерево — прочный и легкий материал. Конструкции из хвойных пород весят в 16 раз меньше сталь-

ных и в 5 раз меньше бетонных, прочность при этом остается равной. Деревянные сооружения легки по весу и способны трансформироваться, их можно перевозить с места на место. В сейсмически опасных зонах деревянные сооружения зарекомендовали себя как наиболее безопасные. Издревле формировался подход к экологической оценке строительных материалов по их жизненному циклу, соблюдались экологические принципы строительства. Материал в конструкции должен выдержать все нагрузки и не разрушиться, сохраняя и неся информацию о таланте, мастерстве зодчих, их умение оценить новые экологические факторы, действующие сегодня.

В наше время мы возвращаемся к оценке материалов на более высоком уровне, обладая новыми знаниями, технологиями, учитывающими законы природы, состояние природной среды. Использование экологически чистого дерева будет составлять только часть природоохранной стратегии, но в связи с этим материал должен порождать альтернативные подходы к строительству. Это позволит переносить здания, изменять их конфигурацию, вносить изменения в конструкцию.

Трансформация и перемещение построек из дерева были достаточно распространенным явлением в России. При необходимости жители разбирали свои срубы, перемещали и собирали их на новом более благоприятном месте. Такие перемещения происходили и в недалеком прошлом, например в деревню Вершинино Кенозерского национального парка — из мелких малоперспективных деревень и хуторов, расположенных на другом берегу озера. «Северная деревня — воедино слившаяся красота земли и красота творений рук человеческих. Основу каждой постройки составляет бревенчатый сруб — всегда мощный, вне зависимости от своих размеров. Высокий подклет, придающий всей избе массивность и монументальность, уникальная по своей продуманности безвоздевая самцовая конструкция кровли, крытые дворы с низкими взвозами — таковы общие черты большинства северных домов... Дома строились большими, так как все хозяйство находилось внутри. Внутренняя часть избы так же закономерна, как и внешняя. Обязательная печь (иногда их несколько), красный угол, куда ставились иконы»¹.

Деревянная застройка более, чем любая другая, определяет национальный колорит и специфическое ни с чем не сравнимое обаяние старых русских поселений. Ярко выраженные черты народной архитектуры — откровенная открытость материала и мотивы декора — выполняют символично-знаковую функцию (ил. 2). Из глубины веков несли строители плотницкое мастерство, строили избы и царские хоромы, возводили неприступные крепости. Лес для русского человека всегда был понятием живым, одухотворенным. Он кормил и одевал, согревал и укрывал в непогоду. И неудивительно, что не умирал он под топором мастера, а лишь обретал новую жизнь.

За последние годы жизнь в нашей стране стала стремительно меняться. Появились многочисленные возможности для изменения собственного образа жиз-

ни и смены сферы деятельности. Человек уже не так привязан к своему месту жительства или прописки. Все чаще мы узнаем о появлении или возрождении экологических поселений. Как правило, за основанием и возрождением этих поселений стоят активные и грамотные люди, способные трудиться, применяя доступные достижения цивилизации. Во многих случаях основным принципом их деятельности становится сохранение и возрождение национального русского колорита, но в условиях нового прогрессивного образа жизни и хозяйствования. Замечательным примером может служить национальный парк «Кенозерский», где перед администрацией стоит ряд сложных задач, две из которых: возрождение поселений и сохранение национального колорита. И именно потому, что есть такие места и там живут люди, необходимо изменить подход в архитектурном образовании и последующем проектировании объектов гражданского назначения. И для местных жителей, и для новых переселенцев ясно, что жить в таких местах лучше в деревянном доме. Старые методы проектирования и технологии уже не удовлетворяют современного потребителя, поэтому должны быть внесены изменения и в проектирование, и в строительные технологии деревянных строений.

В последнее время в архитектурном проектировании дерево не является основным строительным материалом. Молодые архитекторы зачастую не умеют с ним работать. И это хотелось бы изменить. На протяжении нескольких лет студенты Московского архитектурного института выезжают на Север для обмеров и изучения оставшихся деревянных сооружений. В Кенозерском национальном парке на протяжении последних трех лет проводились работы в деревнях Зехнова, Филипповской (ил. 3), Вершинино, Гужово. В рамках совместного шведско-российского проекта изучалась ситуация в деревне Усть-Поче. Эта практика чрезвычайно полезна для формирования мировоззрения и вкуса молодых архитекторов. Молодежь знакомится с реальной деревянной архитектурой, видит ее в родной среде, понимает ее красоту и ценность. Студенты начинают мыслить реалиями сегодняшнего дня и предлагают свои проекты и решения. Свежие архитектурные предложения деревянных жилых и гостевых домов уже имеются в анналах МАРХИ. Наверное, им еще предстоит пройти проверку временем, но первые шаги в этом направлении уже сделаны.

Примечание

¹ Шатковская Е.Ф. Кенозерский национальный парк // Небеса ручной работы: сборник ст. М., 2010. С. 35.

Т.Н. Жуковская
(г. Санкт-Петербург),
Е.А. Калинина
(г. Петрозаводск)

Общественные училища Каргополья в первой половине XIX века

Общественные училища Каргополья¹ XIX в., находящиеся в ведомстве Министерства народного просвещения, являлись частью образовательного пространства Олонецкой губернии. В первой половине XIX в. в разное время здесь действовали следующие учебные заведения: в уездном городе Каргополь — две школы (уездное и приходское училища), в уездном городе Пудоже — одно приходское училище и в уездах сельские приходские училища: Егорьевское, Златоустовское, Красновское, Кенозерское, Купецкое, Рыжковское и др.

Каргопольское уездное училище. По образовательной реформе Александра I формирование уездных училищ в России началось в 1804–1805 гг. и проходило на основе уже существовавших в то время в уездных городах малых народных училищ, созданных при Екатерине II. Школьный «Устав учебных заведений, подведомых университетам» 1804 г. определил задачи школ данного уровня. Уездные училища предполагали осуществить подготовку юношества для поступления в гимназии и дать детям «различного состояния необходимые познания, сообразные состоянию их промышленности»². Преобразование Каргопольского малого народного училища, созданного в 1787 г., в уездное состоялось в 1810 г. (по приезде сюда учителей В.А. Соколова и Н.В. Талицкого — выпускников Петербургского педагогического института).

Важным вопросом в деятельности учебных заведений всегда являлось финансирование. Еще «Предварительные правила об устройстве училищ» (1803 г.) определяли, что уездные училища «будут содержимы из доходов городских обществ с достаточным положением от казны, где оное потребует»³. На содержание уездного училища в Каргополе предполагалось 1600 руб. в год. Сюда входила оплата годового жалования штатному смотрителю — 400 руб., двум учителям — 600 руб. (по 300 руб. каждому), законоучителю — 100 руб., учителю рисования — 100 руб., кроме того, выделялось 400 руб. на содержание училищного дома и «прочих расходов»⁴. Суммы на училище отпускались по третям (три раза в год), но этих государственных ассигнований было крайне недостаточно для нормальной работы учебного заведения, и требовалось дополнительное финансирование.

Увеличить финансирование можно было только одним способом — привлечением благотворителей. В 1804 г. олонецкий гражданский губернатор В.Ф. Мертенс отправил предписание в каргопольскую городскую Думу, призывая «бла-

городных жителей» к пожертвованиям в пользу просвещения, на организацию школ. Каргопольской шестигласной Думе предписывалось собрать «неукоснительно градское общество и отобрать от него (т.е. получить обязательство. — Т.Ж., Е.К.), какое оно может давать пособие на содержание уездных училищ»⁵. Оказалось, что выделять деньги на содержание училищ городские граждане не очень-то торопятся. Каргопольское городское общество «по бедности и малолюдству» в тот момент не взяло на себя финансирование уездного училища, считая, что государственных ассигнований на него вполне достаточно. Впрочем, это было типичной стратегией жителей малых городов начала XIX в., мещан и мелких купцов, для которых польза даже начального обучения не была очевидна. Таким образом, уездное училище в Каргополе получало финансирование только из государственной казны.

На какие нужды расходовались эти средства? Большая их часть уходила на жалованье педагогам, смотрителю и сторожу училища. Так, в приходно-расходной ведомости училища за 1822 г. в статьях расхода на жалование двум учителям значилась сумма 847 руб. (сумма немалая по меркам уездного города, сопоставимая с оплатой штата выпускников университета, оставшихся преподавать в нем в звании магистров, которое равнялось 400 руб.). Остальные суммы были потрачены на наем квартиры для учителя — 42 руб., на жалованье сторожу, приобретение дров, свечей, канцелярских принадлежностей — 317 руб. 15 коп., приобретение книг для училищной библиотеки — 6 руб. 30 коп., на лечение учителей в больнице — 8 руб. 55 коп.: всего 1221 руб. Остаток в сумме — 379 руб. (так называемая экономическая сумма) — отправлялся директору училищ для дальнейшего помещения его в банк для приращения процентов к училищному капиталу⁶. Очевидно, что выделенных из казны средств хватало только на выплату самого необходимого: жалования учителям, покупку необходимых для деятельности школы дров, свечей. Заметим, что на пополнение учебно-материальной базы, библиотечных фондов, ремонт училищных зданий — денег не было.

Интересно, что пудожская городская Дума обещала выделить на школу в 1805 г. только 25 руб., но, как сообщил в феврале 1805 г. директор училищ Олонецкой губернии А.Е. Крылов исполняющему должность попечителя Петербургского учебного округа графу П.А. Строганову: «Уездные... города Повенец, Пудож, Лодейное Поле по малолюдству и по бедности граждан оные населяющих, как равномерно и по неимению никаких градских доходов, находятся не в состоянии учредить и содержать положенные по штату уездные училища, коих там и в заведении никогда не было. Почему дети граждан и чиновников, там по службе пребывающих, лишены всех способов к просвещению»⁷. В связи с отсутствием финансирования уездное училище в первой половине XIX в. в Пудоже так и не появилось.

Уездное училище в Каргополе находилось в наемном доме, в котором небольшие по размеру комнаты (классные помещения) не могли вместить достаточное

количество учащихся. Поскольку денег на содержание училищного здания не выделялось и в течение длительного времени в нем никакого ремонта не производилось, школьное помещение находилось в плачевном состоянии.

Рядом с классными помещениями располагались квартиры учителей, а т.к. свободных комнат не хватало, то педагогам приходилось проживать прямо в классе, отгородившись занавеской. Отдельного жилья прибывшие в 1810 г. учителя В.А. Соколов и Н.В. Талицкий не получили — хозяйка отказывалась освобождать дополнительные комнаты под жилье в училищном здании, ссылаясь на отсутствие непосредственного владельца нанятого помещения. Один из учителей В.А. Соколов с женой был помещен в «отдельном покое», в классе, «перегороженном хорошими ширмами, так что стоящей за оными кровати вовсе не видно»⁸. Только после долгих разбирательств по поводу определения «жил-площади» для учителей в 1811 г. в училищном доме освободили одну комнату для семьи Н.В. Талицкого. В.А. Соколов с супругой так и вынуждены были жить «за ширмой» прямо в классе. Такое положение дел, несомненно, влияло на ход учения и порождало конфликтные ситуации между самими педагогами и владельцами домов. В 1818 г. данная проблема разрешилась путем найма жилья для обоих учителей в разных домах Каргополя.

По утвержденному штатному расписанию 1804 г. в уездном училище полагалось два учителя. Один из них обучал всеобщей и российской истории, всеобщей и российской географии, арифметике, геометрии, физике, естественной истории, технологии и рисованию, второй — Закону Божьему, Священной истории, российской грамматике, правописанию слога и чистописанию. Недельная нагрузка учителя составляла 28 часов в неделю. По школьному уставу 1828 г. численность преподавателей в уездных училищах увеличивалась до пяти, с разделением по предметам: законоучитель вел Закон Божий, Священную и Церковную историю, второй учитель преподавал русский язык, третий — арифметику и геометрию, четвертый — историю и географию, пятый — рисование, черчение и чистописание.

Среди педагогов, работавших в Каргопольском уездном училище на протяжении первой половины XIX в., необходимо отметить смотрителя училищ С.С. Полидорова. В 1806 г. он был определен учителем Каргопольского малого народного училища и одновременно смотрителем народных училищ Каргопольского уезда. С 1811 г. он преподавал в Каргопольском приходском училище и выполнял должность смотрителя одновременно в двух уездах Олонечкой губернии — Каргопольском и Вытегорском, поэтому к его официальному жалованью ежегодно добавляли 150 руб. на прогоны из средств Вытегорского училища⁹.

На протяжении многих лет трудились на пользу народного просвещения в уездном училище Каргополя Н.В. Талицкий (1810–1835), В.А. Соколов (1810–1825), И.А. Горский (1824–1843), М.И. Ачалов (1839–1845), Г.В. Розанов (1836–

1842), П.И. Смирнов (1843–1845). Первые двое, обязанные как казенные студенты Педагогического института прослужить по ведомству Министерства народного просвещения не менее 6 лет, прослужили учителями гораздо дольше.

Организация обучения наталкивалась на непонимание обществом пользы грамоты для своих детей. Так, в объяснении смотрителя училищ С.С. Полидорова старшему учителю Олонецкой гимназии М.И. Троицкому, обозревавшему Каргопольские уездное и приходское училища в июле 1815 г., сообщалось, что «сами родители познания свои ограничивают чтением и письмом. Они так ведут и детей их, разве прибавят к тому начальные познания в арифметике... Бедность состояния не позволяет детям их оставаться долгое время в училищах. Два года учения их, а ежели более, превышает уже меру терпения их родителей. Частые к тому же в столь короткое время отлучки по домашним занятиям и промышленности, разумеется, препятствуют утвердиться в юных самым даже первоначальным понятиям»¹⁰.

Отметим, что долгое время Каргопольское уездное училище оставалось малочисленным (от 1 до 10 учеников). Например, в 1816 г. в нем обучалось всего 4 ученика¹¹. Родители предпочитали отдавать своих детей в приходское училище, где срок обучения был всего 1 год. Только в 1830–1840-х гг. численность обучающихся в уездном училище увеличилась. Например, в 1838 г. в нем обучался 31 мальчик¹².

Каргопольское и Пудожское приходские училища. Наряду с уездными училищами в провинциальных городах России действовали городские приходские училища. Законодательные акты начала XIX в. учреждали приходские училища «для нравственного образования граждан, соответственно обязанностям и пользам каждого состояния»¹³. Они рассматривались как первая, низшая ступень общеобразовательной системы, давали элементарные знания в русской грамматике, арифметике, чтении и Священной истории, готовили учащихся к поступлению в уездные училища. Учебная программа приходских училищ соответствовала уровню начальной школы.

Городские начальные школы стали открываться в губернских и уездных городах России с 1804 г. Однако работа по созданию новых школ, особенно в отдаленных уездных городах, затягивалась на неопределенное время из-за отсутствия пригодных зданий и подготовленных учителей. Если Каргопольское приходское училище было открыто в 1810 г., то Пудожское — только в 1836 г.

Вопрос о финансировании приходских училищ также был одной из самых серьезных проблем их организации, т.к. на их содержание государственных средств не выделялось. Городские общества должны были сами изыскать возможности и способы открытия школ. В 1804 г. каргопольская городская дума согласилась выделить на организацию приходского училища 230 руб. в год (150 руб. учителю и 80 руб. на содержание школы), а с 1805 г. — 250 руб. в год, в 1810 г. — 300 руб. в год¹⁴.

Выделяемая на обустройство школы сумма постоянно изменялась, в зависимости от городского бюджета. В 1832 г. годовой бюджет Каргопольского приходского училища составил 455 руб. ассигнациями в год. В 1848 г. финансирование было сокращено¹⁵. Пудожское приходское училище находилось в лучшем положении, т.к. оно было открыто вместо уездного училища и финансировалось от государственной казны. С 1836 г. на него выделялось 1450 руб. в год¹⁶.

О деятельности этих училищ сохранилось очень мало сведений. Известно, что преподавателями в Каргопольском приходском училище кроме С.С. Полидорова работали И. Спиридонов (1811–1813), Ф.И. Успенский (1821–1822), В.П. Яжелбицкий (1829–1830), В.А. Шабров (1842–1843), в Пудожском — Т.А. Лавров (1836), И.А. Горский (1843), В.А. Желаев (1843), В. Оленев (1845). Школы располагались в помещичьих домах. Обучалось в них от 15 до 25 человек, состав учащихся ежегодно изменялся. В училищах имелись небольшие библиотеки.

Сельские училища. Сельские приходские училища как начальная ступень системы образования в начале XIX в. учреждались для того, чтобы доставить «детям земледельческого и других состояний сведения им приличные, сделать их в физических и нравственных отношениях лучшими, дать им точные понятия о явлениях природы и истребить в них суеверия и предрассудки, столь вредные их благополучию, здоровью и состоянию»¹⁷.

В 1804–1806 гг. директором Олонецких народных училищ был Авраам Егорович Крылов (уроженец Олонецкой губернии, воспитанник Александро-Невской духовной академии). В 1806 г. вместе с С.С. Полидоровым они посетили деревни и села Каргопольского уезда, где лично беседовали с местными священниками и призывали их к открытию школ. В своих письменных посланиях к местным священникам и причту С.С. Полидоров не только призывал их помочь в открытии школ в собственных селах, но и просил их оказать воздействие на священнослужителей соседних приходов, чтобы склонить их к устройству школ. Так, в своем письме священнику Устьмошинского прихода о. Алексею в 1806 г. он писал: «Постарайтесь внушить им, что сие почетное звание дает им право на отличное пред прочими уважение»¹⁸.

Для содействия открытию училищ С.С. Полидоров неоднократно обращался в Каргопольский уездный земский суд и лично к каргопольскому земскому исправнику И.П. Ярославцеву с просьбой о содействии в избрании начальников училищ из почетных поселян уезда. Земский суд в свою очередь предписал всем волостным правлениям избрать в селениях почетных начальников будущих училищ и оказывать всяческое содействие новому делу.

Такая совместная активная деятельность С.С. Полидорова и А.Е. Крылова позволила начать обучение детей в восьми приходских училищах Каргопольского уезда. Как свидетельствует «Историческая записка о заведении и состоянии народных училищ в Олонецкой губернии», в 1806 г. в Каргопольском уезде начали работу следующие сельские приходские училища: Ловзанское приход-

ское училище (с 23 декабря; учитель — священник Т. Алексеев), Златоустовское (с 24 декабря, учитель — пономарь Я. Попов), Ольское (с 26 декабря; учитель — священник С. Алексеев), Никольское (с 27 декабря; учитель — пономарь Н. Никифоров), Лекморецкое (с 28 декабря; учитель — дьячок И. Иванов), Лекшморзерское (с 29 декабря; учитель С. Арефинский), Колодозерское (с 30 декабря; учитель — священник Ф. Иванов) и Нокольское училище¹⁹.

Однако к 1825 г. все эти школы прекратили свое существование. В ведомости о составе учебных заведений Олонецкой губернии за 1825 г., составленной директором народных училищ С.А. Башинским, в губернии вообще не значилось ни одного действующего училища: «В прочих сельских приходских училищах учения не было за неимением учеников...»²⁰.

В июле 1834 г. было издано «Положение о домашних наставниках и учителях». Согласно этому положению, официально учреждались особые звания домашних наставников, учителей и учительниц, которые имели право открыть частную школу. В Пудожском уезде в Купецком погосте диакон Азиданов открыл частную школу в 1835 г., причем в то время это было единственное официальное учебное заведение в уезде. Однако уровень обучения в нем был низким. Так, по сообщению смотрителя Пудожского уезда А. Ивинского в январе 1837 г. в Купецком училище обучалось пять мальчиков и две девочки, которых «в знании Закона Божьего, чистописания, чтении церковной и гражданской печати успехи не вполне удовлетворительны, а правила арифметики и вовсе им не показаны. При училище не имеется черной для решения арифметических задач доски и прочей учительской мебели... Содержатель училища и учитель дьякон Азаданов к преподаванию наук первоначальных способен, только, кажется, имеет мало свободного времени для занятий с учащимися по отвлечению к полевым и домашним работам...»²¹.

В первой половине XIX в. Духовное ведомство также принимало активные меры для содействия распространению грамотности среди крестьянского населения. В 1836 г. Святейший синод составил «Правила для первоначального обучения поселянских, в том числе и раскольничьих детей», которые предназначались лишь для Олонецкой губернии, но затем с высочайшего соизволения были распространены на другие епархии, где селились раскольники. По этим «Правилам» обязанность начального обучения поселянских детей, т.е. детей казенных крестьян, возлагалась на приходское духовенство, которое, как указывалось в документе, «сим средством и случаем должно воспользоваться для использования своей беспрекословной обязанности наставления детей в вере и благочестии»²². В 1837 г. в Каргополье появились: Егорьевское, Красновское, Мошинское, Устьерожское, Кенозерское, Нигижемское приходские училища. Учителями в них являлись священники местных приходов.

Новый период развития сельских школ был связан с началом деятельности Министерства государственных имуществ, которое с 1838 г. принимало

активное участие в открытии волостных училищ в селениях государственных крестьян Олонецкой губернии. Усилиями министерства в 1841–1845 гг. были открыты Речно-Георгиевское, Троицкое и Рыжковское сельские начальные училища.

Отличительной особенностью Каргополья было существование в среде крестьянского населения старообрядческих школ. Учителями в таких школах состояли грамотные крестьяне-старообрядцы. Такие школы возникали сами по себе, действовали нелегально, не требовали никаких расходов и были распространены по всей территории Олонецкой губернии. Их деятельность находилась под запретом, и местные власти всячески пытались воспрепятствовать их работе.

Иногда нелегальные «домашние» школы открывали местные священники, которые за определенную плату обучали детей самым элементарным знаниям. Факты активной деятельности нелегальных школ были замечены визитатором из Санкт-Петербургского педагогического института профессором П.Д. Лодием в 1811 г., который в своем отчете отметил, что жители Каргополя «преимущественно отдают детей своих на учение священникам, содержащим домашние школы без всякого порядка»²³. Каргопольский городничий обещал проверяющему из Петербурга «прекратить сии беспорядки». Такое положение дел наблюдалось повсюду. Однако на протяжении всего XIX в., несмотря на существование государственных училищ, частные «домашние» школы были особенно популярны среди местного населения.

Таким образом, расширение сети учебных заведений в Каргополье началось в 1805 г. Однако отсутствие постоянного финансирования препятствовало стабильной деятельности школ, сельские училища часто прерывали свою деятельность. И городские, и сельские школы страдали от тесноты, малограмотности учителей, нехватки учебных пособий и учебников, ютились большей частью в непригодных для образовательных целей помещениях. Остро стоял вопрос о нежелании жителей обучать своих детей в общественных школах, о предпочтении ими частного обучения.

Примечания

¹ В территориальные рамки исследования вошла территория Каргопольского и Пудожского уездов Олонецкой губернии.

² Устав учебных заведений, подведомых университетам // ПСЗ РИ. СПб., 1830. Собр. 1. Т. 27. № 21501.

³ Предварительные правила народного просвещения // Там же. № 20597.

⁴ Примерное исчисление сумм на ежегодное содержание университетов, гимназий и уездных училищ в России // Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. СПб., 1864. Т. I. Стлб. 33–34.

⁵ Национальный архив Республики Карелия (далее НАРК). Ф. 29. Оп. 1. Д. 21/166. Л. 8.

-
-
- ⁶ Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (далее ЦГИА СПб). Ф. 139. Оп. 1. Д. 2838. Л. 15–16
- ⁷ НАРК. Ф. 27. Оп. 2. Д. 57/3. Л. 10.
- ⁸ Государственный архив Архангельской области (далее ГААО). Ф. 1995. Оп. 1. Д. 2. Л. 108.
- ⁹ Периодическое сочинение о успехах народного просвещения. 1811. № 29.
- ¹⁰ НАРК. Ф. 17. Оп. 5. Д. 1/1. Л. 393–395.
- ¹¹ ЦГИА СПб. Ф. 139. Оп. 1. Д. 1630. Л. 28.
- ¹² НАРК. Ф. 17. Оп. 5. Д. 8/16. Л. 600.
- ¹³ Предварительные правила народного просвещения.
- ¹⁴ ЦГИА СПб. Ф. 139. Оп. 1. Д. 133. Л. 2–5 об.
- ¹⁵ НАРК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 8/6. Л. 8.
- ¹⁶ Там же. Ф. 17. Оп. 5. Д. 5/13. Л. 313.
- ¹⁷ Устав учебных заведений, подведомых университетам.
- ¹⁸ ГААО. Ф. 1995. Оп. 1. Д. 1. Л. 5.
- ¹⁹ Историческая записка о заведении и состоянии народных училищ в Олонецкой губернии // Олонецкие губернские ведомости. 1889. 6 дек.
- ²⁰ НАРК. Ф. 17. Оп. 10. Д. 1/1. Л. 2.
- ²¹ Там же. Оп. 5. Д. 5/13. Л. 416.
- ²² Российский государственный исторический архив. Ф. 381. Оп. 1. Д. 23054. Л. 20.
- ²³ Там же. Ф. 733. Оп. 20. Д. 125. Л. 22.

**Подпрестольный крест —
вещественный памятник освящения
в 1880 году главного престола Кенозерской Успенской церкви**

Загадка деревянного креста. Точную дату освящения главного престола церкви во имя Успения Божией Матери в Кенозерском погосте удалось установить благодаря уникальной находке — старому деревянному кресту, обнаруженному при проведении ремонтных работ в алтаре храма в 2005 г. (ил. 1).

Летом 2014 г. председатель Приходского совета Лидия Ивановна Чалова показала крест, найденный при ремонте полов в алтарной части храма около 10 лет назад прихожанами — ее сыном Иваном Николаевичем Чаловым и его товарищем Иваном Викторовичем Тарасовым. Это был православный восьмиконечный деревянный крест, имеющий следующие размеры: длину 542 мм, ширину (примерную, т.к. средняя перекладина утрачена и заменена новой) 310 мм, толщину 29 мм. Все это время со дня находки крест хранился в алтаре.

На лицевой поверхности креста находилась трудночитаемая надпись, выполненная черной краской на церковнославянском языке. При внимательном рассмотрении текста, состоявшего из двух частей, написанных, соответственно, вверху и в низу креста, удалось прочесть:

«Храм во имя Успения Божией Матери с благословения Преосвященн...

...Местные духовенство составляли Священники Николай Малиновский, Александр Фрязинов и Василий Ильинский» (ил. 2, 3).

По всей видимости, эти слова явно были написаны не просто так, а служили свидетельством о каком-то значительном событии. Загадку самого креста и надписи на нем удалось разгадать автору статьи благодаря проведенному исследованию и обнаруженным в ходе его архивным историческим документам.

Старинная история подпрестольного креста. Из Ведомости о церкви за 1883 г., хранящейся в Национальном архиве Республики Карелия известно, что церковь Успения Божией Матери в селе Вершинино «построена в 1875 году усердием прихожан. Зданием каменная с таковою же колокольною, крепкие. Престолов в ней два: один теплый во имя Первоверховных Апостолов Петра и Павла, освящен в 1876 году; а другой главный освящен в 1880 году». В той же ведомости далее записано: «Утварью, книгами и ризницею недостаточны по случаю пожара бывшего в 1875 году»¹.

О пожаре известно, что он случился 17 июля 1875 г., в результате которого сгорел, стоявший рядом с вновь построенной, но неосвященной еще Успенской церковью, деревянный храм во имя Богоявления Господня. Об этом пожаре га-

зета «Олонецкие губернские ведомости» 23 августа сообщала следующее: «В ночь на 18 июля, Пудожского уезда, в Кенозерском погосте, сгорели деревянная церковь во имя Богоявления Господня и девять домов священно-церковно-служителей, со всеми пристройками. Пожар начался в доме настоятеля от неизвестной причины. Убыток неопределен»².

Через год в той же газете за 16 октября 1876 г. в статистике пожаров за 1875 г. уточнялось: «В ночь на 18 июля Пудожского уезда, в Кенозерском погосте от неизвестной причины сгорели 1 церковь и 9 домов, на 22000 р.»³.

Да, великое было горе для погорельцев — церковного причта и прихожан! Этим и объясняется четырехгодичный перерыв между освящениями двух престолов вновь построенной каменной Успенской церкви.

О священниках, имена которых указаны на кресте, удалось выяснить следующее. В той же Ведомости о церкви за 1883 г. написано, что, согласно «Высочайше утвержденному 20 марта 1871 года штату и расписанию приходов, Церквей и причтов Олонецкой Епархии», в Кенозерской Успенской церкви полагалось служить одному настоятелю и двум помощникам.

В разделе «II. Пудожский уезд» этого расписания о наименовании и составе прихода в пункте 10 записано так: «Кенозерский. 1981 душа м[ужского] п[ола] в 52 дер[евнях] на расстоянии от церкви:

7 дер. от ½ до 1 вер[сты]; 10 — в 2 вер.; 26 — от 4 до 8 вер.; 2 — в 9 вер.; 3 — в 20 вер.; 3 — от 33 до 35 вер.

Состоящие в приходе церкви. Успенская (приходская). При деревне Чудимовской.

Состав причтов. Настоятель 1. Его помощников 2. Псаломщиков 2»⁴.

О первых двух священниках, имена которых написаны на кресте, удалось узнать из Ведомостей о церкви, в частности в графе о причте, за 1883 и 1890 гг.⁵

Там говорится о том, что священник Николай Львович Малиновский служил при Кенозерской церкви с 1878 по 1880 г., причем с 1878 г. он был вторым священником, а по указу Олонецкой консистории от 28 июня он был назначен с 1 июля 1879 г. настоятелем церкви. Священник Н.Л. Малиновский умер молодым в 1880 г., оставив вдову Марию Федоровну Малиновскую и детей Клавдию и Анну, которым, по данным о причте, в графе «Заштатные сиротствующие», указанным в Ведомости о церкви за 1883 г., записано, соответственно, лет от рождения: 27, 5 и 3.

Но бог не оставил сирот без помощи. В Ведомости о церкви за 1890 г. записано, что: «Священническая вдова Мария Федорова Малиновская, 35 лет... состоит просвирней при местной Кенозерской церкви, за что по приговору крестьян получает вознаграждение 42 руб. в год. Имеет деревянный дом на Кенозерском погосте. Дети ее: Клавдия, 17 лет, — обучается в Епархиальном женском училище, на казенном содержании; Анна, 10 лет, — получает из Олонецкого Епархиального Попечительства пособие 7 руб. 50 коп. в год».

Священник Александр Николаевич Фрязинов служил в должности помощника настоятеля с 28 июня 1871 г., а 21 января 1881 г. (после смерти Малиновского) определен настоятелем. В ведомости за 1883 г. записано: «В семействе у него: жена Ироида Александрова, 50 лет; дети их: Клавдия, 22 лет; Мария, 21 лет, Анна, 19 лет, грамотные; Стефанида 18 лет, Павла, 14 лет, окончили курс в женском училище и имеют свидетельства, выданные из Пудожского училищного Совета; Елисавета, 10 лет, грамотная; Екатерина, 7 лет».

В ведомости за 1890 г. дополнительно сообщается, что он «имеет дом со службами на Кенозерском погосте. Вдов. Дети его (сыновья, без указания возраста. — В.К.): Александр — волостным писарем в Вытегорских Кондушях; Николай — состоял до сего учителем в образцовом Министерском двухклассном Архангельском училище, но по болезни уволен; Алексей — служит в Пудожской земской больнице; [дочери] Клавдия, 29 лет, Анна, 24; Павла, 20; Елисавета, 17, грамотные; Екатерина — обучается в Епархиальном женском училище со вносом 40 рублей; Стефанида — в замужестве за Дяконом Тихомировым в Коневском приходе; Мария — в замужестве за крестьянином Вытегорского прихода».

Данные о третьем священнике Василии Ильинском были найдены в «Деле о рукоположении...» его во священника. В резолюции Преосвященнейшего Палладия, Епископа Олонецкого и Петрозаводского написано, что окончивший полный курс Олонецкой духовной семинарии в 1875 г. и состоявший 4 года учителем Ладвинского двухклассного образцового сельского училища Ильинский по его прошению и указу Олонецкой Консистории от 28 июня 1879 г. был рукоположен во священника и назначен помощником настоятеля (на место Малиновского, назначенного настоятелем) в Кенозерский приход⁶. Других сведений о нем нет.

Таким образом, установлено, что все три священника, имена которых указаны на кресте, действительно служили в Кенозерской Успенской церкви, причем в одно и то же ограниченное коротким промежутком время, с 1879 по 1880 г.

Чтобы узнать повод написания имен и фамилий вышеназванных священников, а также установить точную дату изготовления креста, пришлось обратиться к рапорту благочинного, настоятеля упраздненного Кенского монастыря, священника Федора Плотникова. Рапорт был адресован Преосвященному Палладию, Епископу Олонецкому и Петрозаводскому и сообщал об освящении церкви во имя Успения Божией Матери в Кенозерском приходе Пудожского уезда в 1880 г.

В рапорте сказано: «По благословию Вашего Преосвященства Милостивейшего Архипастыря и Отца, прописанному в граммате от 28 минувшего февраля за № 477 мною недостойнейшим Служителем Св[ятого] Алтаря с местным и окружным Духовенством при многочисленном собрании сынов православной Церкви освящен по чиноположению в требнике Церковном изложенному вновь устроенный в Кенозерском приходе Пудожского Уезда каменный храм во имя Успения Божией Матери, сего марта 24 дня, достопамятный для прихожан Кено-

зерской Церкви день, так как и прежний храм во имя Успения Божией Матери, сторевший в 1842 году, освящен был того же 24 дня марта. Благословенная грамота по освящении храма сдана Кенозерскому причту для хранения в Церковном Архиве»⁷.

Таким образом, из рапорта установлена точная дата освящения церкви — 24 марта 1880 г. В нем же сказано о «Благословенной грамоте», переданной в церковь об освящении храма, но о самом кресте не упомянуто.

Натолкнуться на разгадку назначения креста удалось при помощи публикации старейшего сотрудника музея-заповедника «Кижы» Виолы Анатольевны Гущиной «К истории изучения культового деревянного зодчества в России в Олонецкой губернии»⁸, написанной 15 лет назад.

Опираясь на неопубликованные материалы XIX в. иеромонаха Алексея Виноградова, В.А. Гущина сообщает как о храмоздательных грамотах, так и о храмоздательных крестах, о которых, в частности, она пишет: «Кресты, “полагаемые под престолом и под жертвенником”, являлись еще одним видом документов, содержащих сведения о времени сооружения и освящения церкви. На них упоминались имена членов императорской семьи, годы от сотворения мира и Р[ождества] Х[ристов], название церкви, название населенного пункта или погоста, где должен храниться храмоздательный крест. Указывались также имена освящавшего церковь священника, местного церковного старосты и строителя».

В телефонном разговоре с В.А. Гущиной 4 марта 2015 г. удалось выяснить, что эта рукопись А. Виноградова хранится в научной библиотеке Российской академии художеств (г. Санкт-Петербург), а также то, что сама автор статьи в своей богатой научной практике ни разу не видела подобных храмоздательных крестов. Поэтому потребовалось в научной библиотеке Российской академии художеств целиком изучить текст этого уникального документа, написанного иеромонахом Алексеем Виноградовым, и сделать вывод о назначении креста.

Здесь стоит сообщить, что иеромонах Алексей Виноградов был известным человеком. Он являлся сотрудником Императорского Русского археологического общества, Почетным членом Императорской академии художеств и корреспондентом Общества поощрения русских художников в Санкт-Петербурге, автором многих трудов, книг и публикаций. Кроме этого он был путешественником, объездившим немало губерний в России, посетившим многие храмы. В его отчете насчитывается более 100 чертежей древнерусских церквей и часовен.

Так, в работе А. Виноградова на страницах 33–36 в разделе «II. Церковный архив», в подразделе «I. Предварительные замечания и понятия», в части «Касющиеся Церкви — ея сооружения, освящения и украшения» обозреваемые документы и вещественные памятники суть следующие:

- под буквой *а* записано: «Храмоздательные грамоты»;
- под буквой *б*: «Кресты, полагаемые под престолом и под жертвенником, суть другие документы, содержащие в надписях по славянски данные о времени

сооружения Церкви и освящения. Упомянуты имена Государей и Государынь, В[еликих] Князей, имена Епархиальных Преосвященных, годы от сотворения Мира и Р[ождества] Х[ристов], название Церкви которой престол освящен во имя Спасителя, Богоматери, или Святых, с точным означением имени, а также название самого села или погоста, города где долж[ен] храниться **храмоздательный животворящий Крест**. Означалось также имя освящавшего Церковь местного священника или ближайшего духовного Начальника — благочинного или Соборного уездн[ого] Протоиерея, местного Церковного старосты и строителя — и освятится жертвенник во имя Господа или N Святого местного есть обычн[ная] начальная формула по виду этого рода. Кресты суть восмиконечные седмиконечные деревянные»⁹.

Таким образом, можно сделать вывод, что найденный крест действительно является храмоздательным, установленным при освящении Кенозерской Успенской церкви под престолом (его нижний конец выполнен специально так, чтобы его можно было установить в прямоугольное отверстие). Сохранившаяся на нем надпись свидетельствует о том, каков был порядок освящения храмов в XIX в. в Олонецкой епархии.

Справедливо будет сказать, что и сейчас в XXI в. в церковной практике также устанавливают подпрестольные кресты при освящении престолов вновь построенных и восстановленных церквей, однако надписи на них наносят крайне редко.

К сожалению, средняя часть текста на лицевой поверхности креста осталась нам неизвестна, т.к. средняя перекладина его утрачена, но с учетом описания иеромонаха Алексея Виноградова можно домыслить недостающую часть надписи.

«Благословенная граммата», сданная по освящении храма Кенозерскому причту для хранения в церковном архиве, в настоящее время не обнаружена.

Об истории закрытия Кенозерской Успенской церкви в советское время удалось найти некоторые архивные документы.

В списке церковных зданий по Приозерному району на 15 июня 1951 г. значилась: «Успенская церковь Климовского сельсовета — не функционирует по решению верующих с 1933 года, в настоящее время не занята»¹⁰. Таким образом, установлена примерная дата закрытия Успенской церкви — 1933 г. Как сообщил в архивной справке № 06-21/528 от 13 сентября 2013 г. Государственный архив Архангельской области, точную дату закрытия Успенской церкви в деревне Вершинино (Погост) Приозерного райисполкома установить не удалось.

Можно считать, что подпрестольный крест стоял под действующим престолом примерно 53 года.

В отношении Архангельского облисполкома за № 931/7 от 26 августа 1959 г. председателю Приозерного райисполкома указывалось следующее: «Исполком не возражает бывшее каменное здание Успенской церкви в д. Погост Климовского сельсовета переоборудовать под интернат»¹¹.

Таким образом, престол мог быть нарушен в 1959 г. и подпрестольный крест мог пролежать под полом алтаря 46 лет.

Современное продолжение истории подпрестольного креста. Теперь, переходя от прошлого к настоящему, напомним, что в 2004 г. была зарегистрирована местная православная религиозная организация — приход храма Успения Божией Матери деревни Вершинино Плесецкого района Архангельской и Холмогорской епархии Русской православной церкви.

Председателем приходского совета была избрана Лидия Ивановна Чалова, членами — Н.Н. Быкова, С.И. Глущевская, М.А. Потапова, Н.П. Евсеева (все из деревни Вершинино), И.Т. Привалихина, М.Н. Малютин (обе из поселка Поча) и М.Н. Гусева (из поселка Усть-Поча)¹², а также В.А. Калитин (из деревни Мыза, проживающий в Санкт-Петербурге).

23 августа 2005 года по благословлению епископа Архангельского и Холмогорского Тихона настоятель Свято-Ильинского кафедрального собора г. Архангельска, благочинный Плесецкого округа протоиерей Владимир (Кузив) сослужил водосвятный молебен на начало ремонтных работ в Кенозерской Успенской церкви, в ее теплой части¹³.

13 октября 2005 г. и холодная часть Успенской церкви с главным престолом (после перемещения в рухольный амбар хранящихся в ней небес из кенозерских часовен) была предоставлена Кенозерским национальным парком местной общине верующих для совершения богослужений. В тот же день вечером священник московского храма Рождества Христова в Измайлово Владимир (Кутикин), приехавший по благословлению епископа Архангельского и Холмогорского Тихона, произвел малое освящение храма перед всенощной.

На следующий день, 14 октября 2005 г., в день праздника Покрова Пресвятой Богородицы им же была проведена первая служба в Кенозерской Успенской церкви. На память об этом знаменательном событии все участвующие в богослужении местные прихожане сфотографировались на крыльце церкви (ил. 4).

В период с августа по ноябрь 2005 г. силами местных жителей выполнен частичный ремонт крыши, закрыты оконные проемы (ил. 5), настелены новые полы в алтаре церкви¹⁴. Тогда-то и был найден крест под полом в алтарной части храма. Так случилось, что подпрестольный крест стал первой святыней церкви, возвращенной кенозерским верующим.

6 августа 2006 г. по благословлению в церкви Успения Божией Матери деревни Вершинино прошла Божественная литургия, которая была первой спустя 75 лет после закрытия церкви советской властью. Литургию служил священник Дионисий Сахарчук из храма Архистратига Михаила, специально приехавший в Вершинино из города Мирного по благословлению епископа Архангельского и Холмогорского Тихона для освящения храма. Ему сослужили иерей Владимир (Кутикин) и дьякон Владимир (Исаков) из московского храма Рождества Христо-

ва в Измайлово. Перед литургией был отслужен водосвятный молебен и освящено внутреннее пространство храма¹⁵ (ил. 6).

5 сентября 2007 г. епископ Архангельский и Холмогорский Тихон издал распоряжение, в котором иерею Глебу (Должикову), настоятелю Иоанно-Богословского храма поселка Плесецк благословлялось духовное окормление прихода в Вершинино. Так в Кенозерской церкви появился свой священник, после чего богослужения стали проходить более-менее регулярно.

Летом 2014 г. председатель приходского совета Лидия Ивановна Чалова показала прихожанам крест, найденный при ремонте полов в алтарной части храма. Осенью 2014 г. она передала Вячеславу Васильевичу Ершову крест для того, чтобы он доставил его в Санкт-Петербург для его изучения, а затем для реставрации. Таким образом, история обретения подпрестольного креста получила продолжение в 2014–2015 гг.

Автором статьи осенью 2014 г. в Санкт-Петербурге была исследована надпись на кресте, выяснено назначение креста и составлена историческая справка, о чем было сообщено священнику Владимиру (Кутикину), которым было сделано предложение о реставрации найденного креста с закреплением сохранившегося красочного слоя и сохранившегося на нем текста.

Эту работу в марте — июне 2015 г. выполнил алтарник храма Рождества Христова в Измайлово Александр Витальевич Вабищевич, который отреставрировал подпрестольный крест, закрепив сохранившийся красочный слой и текст, а также затонировав под цвет креста установленную вновь среднюю перекладину.

В Санкт-Петербурге в дни Петрова поста (в период с 1 по 10 июля 2015 г.) для подпрестольного креста столяром Вячеславом Викторовичем Агалаковым из Художественно-ювелирной мастерской Александро-Невской Лавры (заведующий — Дмитрий Олегович Былинкин-Богатырев) был изготовлен специальный киот из древесины ценной породы — бука, обработанного морилкой до светло-коричневого цвета и покрытого лаком. Киот был изготовлен так, чтобы помещаемый в него с задней стороны крест плотно входил в рамку. Крест закреплен с помощью широкого плоского штапика толщиной около 4 мм и шириной 2 см. Он одновременно крепил стекло и фиксировал крест в неподвижном состоянии между штапиком и задней крышкой. Таким образом, при вставке креста в киот не использовалось ни одного гвоздя, чтобы не повредить крест.

Для контраста под крест в киоте была наклеена специальная подложка из серебристой парчи с небольшим рисунком в виде маленьких штрихов (листочков), а под парчу — бязь. Киот с передней стороны был закрыт осветленным стеклом марки «Optiwhite» (толщиной 4 мм, размером 305×433 мм), поэтому через него хорошо читается отреставрированная надпись на кресте.

Для крепления на киоте гравером Петром Олеговичем Пудовкиным в ювелирном центре «Мастер» была изготовлена латунная табличка в форме полушеры, символизирующей святую гору Голгофу. На табличке был выгравирован

согласованный со священником Владимиром (Кутикиным), поясняющий текст на русском языке:

«КРЕСТ подпрестольный был установлен при освящении главного престола храма Успения Божией Матери в Кенозерском погосте Пудожского уезда Олонецкой епархии 24 марта (6 апреля) 1880 года по благословию епископа Олонецкого и Петрозаводского Палладия, совершенном благочинным Федором Плотниковым — настоятелем храма Преображения Господня бывшего Кенского монастыря при участии местных священников: настоятеля Николая Малиновского и его помощников Александра Фрязинова и Василия Ильинского. Обретен в ноябре 2005 года при восстановлении храма».

Крест в киоте был привезен поездом из Санкт-Петербурга в Плесецк 14 июля 2015 г., установлен на аналое в центре храма Святого Апостола и Евангелиста Иоанна Богослова, где был представлен настоятелю храма иерею Глебу (Должикову), а после его одобрения доставлен в деревню Вершинино.

19 июля 2015 г. в воскресенье в церкви Успения Божией Матери совершилась божественная литургия, после которой протоиерей Владимир (Кутикин) показал всем присутствующим в храме отреставрированный подпрестольный крест и произнес проповедь о важности креста в жизни православного христианина. Он также сказал о том, что было бы хорошо попросить всем миром руководство Кенозерского национального парка выдать из фондов в пользование верующим часть церковных богослужебных предметов, в частности запрестольный крест, который выполнен в Санкт-Петербурге в традиции XIX в. и который мог бы украсить алтарь храма. В противном случае прихожанам снова, как более 100 лет назад, пришлось бы собирать деньги на церковную утварь.

Автор статьи добавил несколько слов о найденных архивных материалах, которые вошли в историческую справку. По окончании службы все приложились к подпрестольному кресту, выставленному посредине церкви на аналое.

Осенью 2015 г. киот с подпрестольным крестом был повешен внутри храма на стену справа от царских врат для украшения церкви.

На этом можно поставить точку в истории подпрестольного креста (ил. 7). Подводя итоги, следует сказать, что проведенным исследованием установлено:

1) найденный крест является храмовладельческим и представляет собой вещественный памятник освящения главного престола Кенозерской Успенской церкви;

2) священники, имена и фамилии которых указаны на кресте, действительно служили в Успенской церкви в 1880 г., когда был освящен главный престол храма;

3) документально установлена дата освящения храма — 6 апреля (24 марта по ст. ст.) 1880 г., что говорит о том, что в 2015 г. Кенозерская Успенская церковь отметила 135-летний юбилей со дня освящения главного престола. Это событие было освещено в газете «Кенозерье» и на сайте Кенозерского национального парка¹⁶.

Примечания

¹ Ведомость о церкви Главной во имя Успения Божией Матери, что в Кенозерском погосте Пудожского уезда, Олонецкой Епархии, за 1883 год // Национальный архив Республики Карелия (далее НАРК). Ф. 501. Оп. 1. Д. 7. Л. 1–2 об., 3 об., 6 об.

² Олонецкая летопись. Происшествия в губернии. Пожары в селениях // Олонецкие губернские ведомости (далее ОГВ). 1875. № 64. 23 авг. С. 8.

³ Олонецкая летопись. Статистика пожаров в Олонецкой губернии за 1875 год // ОГВ. 1876. № 79. 16 окт. С. 6–7.

⁴ [Высочайше утвержденное 20 марта 1871 года] Росписание [сельских] приходов, церквей и причтов Олонецкой Епархии // Русский фонд. Российская национальная библиотека [Из библиотеки Санкт-Петербургской Духовной Академии]. [1876] Б. н. С. 16.

⁵ Ведомость о церкви Главной во имя Успения Божией Матери, что в Кенозерском погосте Пудожского уезда, Олонецкой Епархии, за 1890 год // НАРК. Ф. 501. Оп. 1. Д. 8. Л. 1–1 об., 5 об., 6 об., 7 об., 9 об., 10 об.

⁶ Дело о рукоположении во священника к Кенозерской церкви на вакансию Помощника Настоятеля учителя Василия Ильинского от 28 июня 1879 г. // НАРК. Ф. 25. Оп. 1. Д. 59/17. Л. 1, 8–8 об., 9.

⁷ Дело по рапортам священноцерковно-служителей церквей, пустыней Олонецкой епархии по вопросам строительства церквей, проведения ремонтных работ (Рапорт Благочинного упраздненного Кенского монастыря настоятеля священника Федора Плотникова об освящении церкви во имя Успения Божией Матери в Кенозерском приходе Пудожского уезда в 1880 году) // НАРК. Ф. 25. Оп. 19. Связка 22. Д. 315. Л. 1–1 об.

⁸ Гущина В.А. К истории изучения культового деревянного зодчества в России и Олонецкой губернии // Кижский вестник: сб. ст. Петрозаводск, 2000. № 5. С. 166–179.

⁹ Виноградов А. Памятники деревянного церковного зодчества в епархиях Новгородской, Тверской, Ярославской, Иркутской и Красноярской 17 и 18 веков: Учебно-миссионерский отчет, 1895 // Российская академия художеств. Научная библиотека. Н-1516. Л. 33–36.

¹⁰ Государственный архив Архангельской области. Ф. 2171. Оп. 2. Д. 8. Л. 87.

¹¹ Там же. Ф. 2063. Оп. 1. Д. 5210. Л. 74.

¹² Калитин В. Восстановление Кенозерской Успенской церкви // Плесецкие новости. 2005. 23 авг. № 96 (9780). С. 3.

¹³ Его же. Возрождение Кенозерской православной общины: [дореволюц. история приходов в Кенозерье и их сегодняшний день] // Плесецкие новости. 2005. 7 июня. № 64 (9748). С. 3.

¹⁴ Его же. Сей храм на вашем попечении // Плесецкие новости. 2006. 11 февр. № 15 (9849). С. 3.

¹⁵ Его же. Первая литургия в Успенской церкви Кенозерья // Плесецкие новости. 2006. 19 авг. № 94 (9928). С. 1–2.

¹⁶ Его же. 6 апреля Успенская церковь отметила 135-летие со дня освящения главного престола // Кенозерье. 2015. № 1–2 (45–46). С. 36–37; URL: <http://www.kenozero.ru/6-aprelya-uspenskaya-tserkov-otmechaet-135-letie-so-dnya-osvyashcheniya-glavnogo-prestola.html>.

Кончина председателя этнографического отделения Русского географического общества А.Ф. Гильфердинга

Александр Федорович Гильфердинг (2/14 июля 1831 г. — 20 июня / 2 июля 1872 г.) — общественный и государственный деятель, ученый-славист, историк, дипломат, этнограф, фольклорист, член-корреспондент Петербургской академии наук, председатель этнографического отделения Русского географического общества, председатель Санкт-Петербургского отдела Славянского благотворительного комитета, помощник статс-секретаря Государственного Совета, действительный статский советник, собиратель русских былин...

Во вступительной статье ко второму изданию «Онежских былин» Константин Николаевич Бестужев-Рюмин был вынужден написать об А.Ф. Гильфердинге следующее: «Была бы очень интересна подробная его биография, но для нее нужна обширная подготовительная работа...»¹.

Кончине А.Ф. Гильфердинга посвящено много статей, в которых приводятся отдельные события и эпизоды последних дней жизни Александра Федоровича, которые в основном правдивы, но некоторые из них описаны неточно.

Поводом для написания данной статьи послужило размещенное на сайте Национального архива Республики Карелия письмо от 23 июля 1873 г. вдовы А.Ф. Гильфердинга Варвары Францевны (далее по тексту есть вариант написания отчества «Францовна») Гильфердинг с прошением губернатору Олонецкой губернии Григорию Григорьевичу Григорьеву, в котором впервые было упомянуто духовное завещание А.Ф. Гильфердинга².

Мы попытались обобщить собранную из разрозненных документов, писем, статей и других источников известную и вновь открытую информацию о последних днях А.Ф. Гильфердинга и последовавших за ними скорбных событиях, привязав их к течению времени и уточнив некоторые моменты, с тем, чтобы осветить последний период его биографии.

Последняя экспедиция А.Ф. Гильфердинга на Русский Север. Как известно, в 1871 г. Александр Федорович Гильфердинг по заданию Русского географического общества совершил свою первую знаменитую поездку на Русский Север, перед которой он 26 мая 1871 г. написал письмо секретарю общества Федору Романовичу Остен-Сакену: «Милостивый Барон. Еду сегодня в Москву. Между тем позволяю себе напомнить Вам обещание Ваше — подготовить для меня открытый лист от Геогр[афического] Общ[ества] и рекомендательное письмо в Петрозаводск. Я все еще питаю надежду, что по возвращении из Москвы удастся мне им воспользоваться. Вам преданнейший А. Гильфердинг»³.

В тот же день 26 мая 1871 г. открытый лист и рекомендательное письмо были подписаны вице-председателем общества графом Федором Петровичем Литке. В открытом листе было написано: «Председательствующий в Отделении этнографии и [мператорского] Р[усского] г[еографического] о[бщества] действительный ст[атский] сов[етник] Александр Федорович Гильфердинг предпринял поездку по Олонецкой губернии, для этнографических исследований. Вследствие сего И.Р.Г.О. имеет честь покорнейше просить как начальствующих лиц, так и своих членов и посторонних лиц, с коими А.Ф. Гильфердинг войдет в сношение по предпринятым им исследованиям, оказывать зависящее содействие в его занятиях и допустить его к пользованию материалами и сведениями, какие в распоряжении означенных лиц находятся».

В письме губернатору Олонецкой губернии Г.Г. Григорьеву читаем: «Милостивый государь Григорий Григорьевич. Председательствующий в Отд[елении] этногр[афии] и [мператорского] Р[усского] г[еографического] об[щества] Ал[ексан]др Федор[орович] Гильфердинг предпринял поездку с этнографической целью по Олонецкой губернии. Успех изысканий г[осподина] Гильфердинга во многом будет зависеть от того содействия, которое может быть ему оказано со стороны местных властей, а потому я позволяю себе обратиться к Вашему превосходительству с покорнейшею просьбою не отказать в Вашем просвещенном внимании г[осподину] Гильфердингу при посещении им губернии, вверенной Вашему управлению. Примите, м[илостивый] г[осударь], уверение в совершенном моем почтении и таковой же преданности. Граф Ф. Литке».

В деле сообщается, что обе эти бумаги посланы секретно 15 июня 1871 г.

28 июня 1871 г. письмо было получено в Петрозаводске олонецким губернатором Г.Г. Григорьевым⁴.

Первая поездка закончилась вполне успешно, и через год состоялась вторая.

23 мая 1872 г. А.Ф. Гильфердинг написал письмо графу Константину Федоровичу Литке (сыну Ф.П. Литке): «Милостивый государь граф Константин Федорович. Имея удовольствие встретить Вас сегодня, я хотел, но не успел передать Вам просьбу, которую позволяю себе изложить письменно. Будьте столь обязательны, велите написать мне, по примеру прошлого года, открытый лист от Географического общества для Архангельской губернии, куда я еду недели через полторы для продолжения исследований, в прошлом году предпринятых мною по Олонецкой губернии. Премного обяжете Вам преданного слугу А. Гильфердинга. 23 мая. На всякий случай, к Архангельской губернии я прочим бы прибавил и Вологодскую»⁵.

2 июня 1872 г. по образцу был написан «Открытый лист» на поездку А.Ф. Гильфердинга по Вологодской и Архангельской губерниям, который подписал за вице-председателя ИРГО П.П. Семенов. Того же дня были написаны по образцу 1871 г. рекомендательные письма за № 740 и 741 губернаторам, соответственно, в Вологодскую губернию Станиславу Федоровичу Хоминскому и в Архангель-

скую — Николаю Павловичу Игнатьеву. С получения этих командировочных документов и началась вторая поездка А.Ф. Гильфердинга.

Перед отправкой в командировку А.Ф. Гильфердинг получил в Государственной канцелярии, где он служил, соответствующий документ — свидетельство следующего содержания: «Предъявитель сего помощник статс-секретаря действительный статский советник Александр Федорович Гильфердинг отправляется в Олонецкую, Архангельскую и Вологодскую губернии. В удостоверение чего дано сие свидетельство с приложением печати Государственной Канцелярии. Санкт-Петербург. Июня 4 дня 1872 года»⁶.

В соответствии с законами Российской империи, А.Ф. Гильфердинг, отправляясь в длительное путешествие, оставляет своей супруге свидетельство, разрешающее ей поездку в Москву к ее сестре: «Предъявительница сего жена моя Варвара Францевна отправляется в Москву на четыре месяца. В удостоверение чего дано мною ей сие свидетельство. Июня 8 дня 1872 года»⁷. Это был последний документ, подписанный А.Ф. Гильфердингом в день отъезда.

Газета «Архангельские губернские ведомости» сообщала 17 июня 1872 г.: «Мы узнали из источников положительно достоверных, что в настоящее лето в нашей губернии с учеными целями будут следующие лица <...> Председательствующий в Отделе этнографии императорского Русского географического общества, действительный статский советник Александр Федорович Гильфердинг. Местами научных изысканий этого ученого будут Онежский и Кемский уезды. Поездка г. Гильфердинга совсем не имеет официального значения»⁸.

«Александр Федорович, увлеченный успехом (прошлым летом он успел собственноручно написать 1203 полулиста) прошлогодней своей этнографической поездки в Заонежье, предпринятой для собрания былин, отправился 8-го июня в Поморье для дополнений, ожидая жатвы еще большей. Но столь прекрасному намерению не суждено было сбыться» сообщал П.А. Гильтебрандт в некрологе, опубликованном в «Биржевых ведомостях»⁹.

В некрологе, посвященном Александру Федоровичу Гильфердингу и помещенном в журнале «Русская старина», М.И. Семевский пишет: «А.Ф. Гильфердинг скончался на 41 году от рождения, 20 июня 1872 года, в Каргополе, ничтожном, некогда ссылочном, городке в северном углу Олонецкой губернии.

Еще 7-го июня мы видели его полным сил и в обычном ему добром расположении духа. Весело простился он со своими товарищами по службе и немногими знакомыми и 8-го июня отправился, в сопровождении слуги, в путешествие по северным окраинам России. То была вторая поездка его, исключительно с ученою целью, в край суровый по климату, но привлекательный для него по тем драгоценным памятникам народного творчества, какие впервые открыты здесь г. Рыбниковым и которые проверил и дополнил новым богатством А.Ф. в прошлогоднее свое туда путешествие.

Еще 10-го июня А.Ф. писал к жене, что он благополучно проехал на трешкоте (грузовое или пассажирское деревянное судно, ходившее по Ладожскому каналу и Мариинской водной системе. — В.К.) семьдесят верст в 17 часов, и едет далее, а через десять дней его не стало»¹⁰.

Болезнь А.Ф. Гильфердинга. В письме Владислава Прокоповича из Каргополя в редакцию «Олонецких губернских ведомостей»¹¹, опубликованном затем в газете 12 июля 1872 г., а также впоследствии перепечатанном (с правками и сокращением) в журнале «Русская старина»¹², наиболее подробно описаны обстоятельства последней поездки, смерти и похорон в Каргополе А.Ф. Гильфердинга.

Приведем эти сведения: «Председатель Отделения этнографии императорского Русского географического общества, действительный статский советник Александр Федорович Гильфердинг, человек с многосторонним образованием, составивший себе известность в ученой литературе по части этнографии, увлекаемый любознательностью и пользуясь свободным от кабинетных занятий временем, выехал из Петербурга 8 июня с целью посетить север России, а также имел в виду объехать и наш Каргопольский уезд для изучения древнего русского народного эпоса, сохранившегося здесь в замечательной чистоте языка и богатстве вариантов. По словам его камердинера [Ефима Ивановича], который за болезнью и в настоящее время находится в Каргополе в больнице, г. Гильфердинг ехал по Свири на пароходе с г[осподином] начальником губернии Г[ригорием] Г[ригорьевичем] Григорьевым, возвращавшимся из Лодейного Поля, и был совершенно здоров. Расставшись с губернатором на Вознесенской пристани, Александр Федорович, увлекаемый интересами науки, захотел пробыть некоторое время между толпой простого народа, прислушаться к его говору, услышать старинную песню и т.п.; а потому отправился до Вытегры на трешкоте. Нельзя утверждать положительно, но очень вероятно, что здесь-то он и заразился смертельной болезнью. На трешкоте всегда толпа черного, рабочего народа, в которой часто бывают полубольные или заболевающие тифом; доехав до Вытегры, они обыкновенно поступают больницу; да и вообще скучивание большой массы неряшливых людей в одном месте, под палящими лучами солнца, не может не повлиять вредно на свежего с слабым организмом человека, попавшего в эту массу. Как только покойный сошел в Вытегре с трешкота, тотчас почувствовал упадок сил, потерю аппетита и общее расстройство здоровья; но, к несчастью, так мало придавал всему этому значения, что вовсе не обратился к доктору за советом; а доктор, конечно, сделал бы правильную диагностику и выяснилось бы тогда, что у него развивается страшная болезнь — брюшной тиф. Немедленное возвращение в столицу на пароходе, привычная обстановка, попечения родных и искусство врачей, — более чем вероятно спасли бы жизнь нашего ученого; но судьба определила иначе. По какому-то необъяснимому ослеплению, а очень может быть, вследствие начавшейся утраты сознания, почти в бреду, покойный считал себя совершенно здоровым, за исключением потери аппетита, а потому выехал из Вытегры и про-

ехал еще 200 верст по гористой дороге. По приезде в Каргополь 15 июня, вечером, симптомы болезни выразились с такой силой и в таких формах, что продолжать поездку было невозможно и врачебная помощь оказывалась необходимою. Наш городской врач, доктор медицины Волоцько, призванный к больному, с ужасом увидел, что имеет дело с быстро развивающимся брюшным тифом, а от прислуги узнал, что болезнь, имевшая в высшей степени острый характер, продолжается уже несколько дней. Сам же больной уверял, что он совершенно здоров и просил только об одном: возратить ему аппетит. Доктор с первого раза увидел, что болезнь развита в такой степени, при которой благополучный исход весьма сомнителен; за всем тем взялся за лечение с неутомимой энергией и визитировал своего пациента 10–15 раз в сутки. Между тем, по прибытии покойного в Каргополь, на другой день послана была телеграмма к супруге его в Петербург, извещавшая об опасной болезни ее мужа. Через четыре часа ответ: “Принять всевозможные меры к спасению страждущего, не жалея никаких издержек”. 18-го июня, когда была потеряна всякая надежда, доктор, чтобы не поразить внезапным ударом родственников своего пациента, уклонился ответом на полученную телеграмму г-жи Гильфердинг, просившей сообщить о положении мужа, и телеграфировал на имя г. Б.Р. (вероятно, Константин Николаевич Бестужев-Рюмин. — В.К.), своего человека в семействе Гильфердинг, — что надежда на выздоровление немыслима, а потому просил приготовить супругу и родных к роковому известию»¹³.

В то же время Варвара Францевна Гильфердинг, стремясь облегчить участь больного своим присутствием и надеясь на благоприятный исход, испросила разрешение на поездку в Каргополь, о чем на оборотной стороне свидетельства В.Ф. Гильфердинг об отправлении в Москву, выданного ее мужем, была сделана следующая приписка: «По сему Свидетельству разрешается жене действительно-го статского советника Варваре Францевне Гильфердинг ехать в Олонецкую губернию и обратно. Санкт-Петербург. 19 июня 1872 года. И[сполняющий] д[олжность] обер-полицмейстера Свиты Его Величества генерал-майор (подпись)»¹⁴.

По поводу переписки о болезни А.Ф. Гильфердинга из некролога, опубликованного в «Биржевых ведомостях» 24 июня 1872 г., известно следующее: «Первая телеграмма о его болезни была получена в Петербурге 18 июня, в которой, между прочим, говорилось, что А.Ф. заболел “в сильной степени”; затем 19-го уведомлялось, что А.Ф. “безнадежном положении”, а 20-го, “в 4 часа по полудни, Александр Федоровича не стало!”»¹⁵.

Кончина А.Ф. Гильфердинга. В некрологе о смерти председателя Отделения этнографии Русского географического общества А.Ф. Гильфердинга из газеты «Голос», перепечатанном в газете «Олонецкие губернские ведомости», уточнено, что он «скончался в 4½ часа пополудни»¹⁶.

В тексте письма Владислава Прокоповича из Каргополя сообщается: «Наконец 20 июня, во вторник, около полудня, после сильной рвоты, последовала смерть – и в тот же день получена телеграмма из Петербурга, извещавшая, что

г-жа Гильфердинг собирается выехать в Каргополь и привести с собой доктора. Г[осподин] Волоцько отвечает чрез того же г[осподина] Б[естужева] Р[юмина], что все кончено, и после этого телеграф передает уже только распоряжения относительно похорон, отправки тела в Петербург и проч». Далее Прокопович продолжает: «Так умер человек, стремившийся оказать пользу науке, и умер на чужой стороне, не имея в последние минуты отрады пожать руку жены, родных, друзей... Случай очень грустный! <...> Покойный, если только он был в полном сознании, имея возможность оставить поездку и со всеми удобствами возвратиться на пароходе из Вытегры в Петербург, преодолевает физические страдания и с удивительным самоотвержением продолжает путешествие для выполнения задуманного плана, – и только смерть останавливает и разрушает бескорыстно задуманное полезное предприятие. Вообще у нас на Руси не долго живут замечательные даровитые люди; вспомним Пушкина, Гоголя, Добролюбова, Грибоедова и многих других, – все они улеглись в преждевременную могилу в период самой кипучей деятельности, в период полнейшего развития гениальных способностей. Хотя покойного никто в Каргополе не знал, даже никто не мог видеть, однако же все оказали живейшее и неподдельное сочувствие к его положению во время его кратковременной болезни. Многие осаждали ежечасно доктора вопросами о состоянии здоровья покойного; всякий с искренним участием следил за ходом болезни страдальца на чужбине, всякий соболезнавал душевно о человеке, который единственно вследствие любви к науке обречен судьбой на мучительную и преждевременную смерть»¹⁷.

21 июня 1872 г. Каргопольское уездное полицейское управление направило рапорт в Канцелярию Государственного Совета: «Помощник статс-секретаря действительный статский советник Гильфердинг прибыл в город Каргополь 15 июня, после пятидневной болезни брюшным тифом умер 20 июня. О чем Полицейское Управление имеет честь донести Канцелярии Государственного Совета и представить Свидетельство, выданное от 4 июня сего года за № 191, на проезд господина Гильфердинга в Олонецкую, Архангельскую и Вологодскую губернии»¹⁸.

Петербургская общественность узнала о смерти А.Ф. Гильфердинга на следующий день после смерти, т.е. 21 июня 1872 г., из краткого некролога, опубликованного в газете «Голос» в котором сообщалось: «Сегодня получено из Каргополя печальное известие о последовавшей там кончине известного русского ученого и председателя славянского благотворительного комитета Александра Федоровича Гильфердинга. Наука понесла в нем весьма чувствительную потерю, а славянский мир лишился в нем одного из самых жарких приверженцев возрождения славян и родственного сближения их с Россией»¹⁹.

На следующий день, 22 июня 1872 г., в газетах «Голос» и «Санкт-Петербургские ведомости» был напечатан более объемный текст некролога, написанный Константином Николаевичем Бестужевым-Рюминым, слова из которого

уместно здесь воспроизвести: «Известный нам писатель и политический деятель А.Ф. Гильфердинг скоропостижно скончался <...> в Каргополе 20-го июня <...> Нынешним летом А.Ф. решился предпринять <...> ученую поездку по некоторым уездам Архангельской губернии. 8-го июня он выехал из Петербурга, 12 июня писал он своей жене из Вытегры о своем плавании на трешкоте, на котором они сделали 70 верст за 17 часов, о покупке им тарантаса для отправления далее, а 20 июня роковая телеграмма из Каргополя известила жену и друзей покойного о последовавшей его кончине в три часа пополудни того же дня. Умер он от тифозной горячки, вероятно, схваченной на трешкоте <...> Многие знали Александра Федоровича и как сослуживца, и как председателя Петербургского отдела Славянского благотворительного комитета, которому он принес так много пользы, и как председателя Этнографического отделения [Русского географического общества]; все знавшие его, конечно, высоко ставили ум и деятельность покойного, сознавали благородство каждого его поступка; но близко его знали немногие; со всеми вежливый и любезный, Александр Федорович сблизился не часто. Зная его близко, нельзя было довольно налюбоваться его тонким и, вместе с тем, ясным умом, умением быстро схватить самую сущность дела и представить ее чрезвычайно оригинально, его ненасытимой любознательностью; но выше всех этих умственных качеств стоят его нравственные качества; неизменный друг своим друзьям, он не был врагом ничьим; если он знал о ком-нибудь нехорошее, то знал про себя. Личности более изящной во всех отношениях, как в умственном, так и в нравственном, мне, по крайней мере, не случалось видеть. Много потеряли и друзья и общество с потерей такого человека. Это можно сказать прямо, без всякой аффектации панегириков.

Quis desiderlo sit pudor aut modus

Tam cari capitis?²⁰

скажем мы словами великого поэта. Будем надеяться, что такие лица являются в обществе не даром, что они своим примером и воспоминанием о себе приносят существенную пользу»²¹.

Похороны А.Ф. Гильфердинга в Каргополе. После смерти А.Ф. Гильфердинга было решено похоронить его первоначально на кладбище Каргополя.

Прощание с ученым подробно описывает в своем письме В. Прокопович: «Похороны происходили 23 июня, в пятницу. Телеграммы из Петербурга уполномочили доктора Волоцько быть полным распорядителем этой печальной церемонии, которая и совершилась в отличном порядке. С утра были разосланы повестки ко всем чиновникам и почетным жителям города с приглашением присутствовать на похоронах. Тело было выставлено в Введенской церкви; над ним была отслужена соборне всем духовенством девятнадцати церковей Каргополя обедня, потом панихида и произнесено надгробное слово священником церкви Св[ятого] Духа отцом Николаем Поповым. Слово

было сказано с чувством, в трогательных и совершенно приличных случаю выражениях. Перед выносом добрые каргополы и в особенности каргополки со слезами подходили ко гробу человека, известного им только по имени да по несчастному своему жребию, и по православному обычаю прощались с покойником. Кстати заметить, что хотя покойник носил чисто немецкую фамилию, но был православного исповедания. Наконец, гроб, обитый лиловым бархатом, был поднят гг. чиновниками и, в сопровождении всего города, снесен на кладбищенскую Св[ятого Феодора] Стратилата церковь; здесь, по отпевании, тело опущено в могилу, в которой пролежало до 28 июня; этого числа смертные останки вынуты из могилы, обыкновенный гроб вложен в свинцовый, а этот еще в высмоленный деревянный ящик, и таким образом герметически запертый труп нашего ученого под присмотром одного отставного, очень благонадежного чиновника г. С., на переменных лошадях сегодня (29 июня) отправлен в Петербург. Когда было все готово к отправлению, Каргопольским духовенством еще раз отслужена панихида у гроба покойного под открытым небом. В этот раз также было много народа, который и проводил покойника с четверть версты по Петербургской дороге, пожелав ему от души царствия небесного и вечного покоя»²².

В 1908 г. Николай Семенович Шайжин в своей статье «Памяти исследователя Олонецкого края Александра Федоровича Гильфердинга» уточнил, что в некрологе, написанном Владиславом Прокоповичем, говорится, что над гробом А.Ф. Гильфердинга было сказано слово священника Николая Попова, и добавляет: «Это красноречивое слово поныне здравствующего, маститого о. протоиерея, впервые появляющегося в печати, служит прекрасным дополнением к некрологу Прокоповича»²³.

В слове протоиерея Николая Попова — выразителя общего настроения жителей Каргополя и отношения их к почившему, сказано следующее:

«На тягостные размышления вызывает предлежащий гроб, заключивший в себе останки раба Божия, боярина Александра Федоровича!

Человек высокообразованный, высокопоставленный, из престольного царствующего града, из той среды его, которая дает России на всех путях жизни просветительное руководство и направление, он предпринял недавно не первое уже, сколько известно, путешествие на дальний север.

Для чего было шествие твое, почивший, на наш суровый, скудный, него- степриимный север? Для того, чтобы познакомить Россию с бытом, с суровой жизнью ее северного населения, — с его нуждами и потребностями, — чтобы открыть этому населению пути к лучшей жизни, — указать, как дары Божии, дары природы везде, более или менее, приготовлены для человека, и как люди, при доброй воле и уменье, могут этими дарами воспользоваться. — С такими, или подобными, предположениями предпринял свое путешествие труженик общественный.

Но вот, дорогой постигает его болезнь... Но эта болезнь не останавливает его: силою духа он думает препобедить немощь плоти, и продолжает свое путешествие. Между тем труд этого путешествия, по мере удаления на север, увеличивается, и вот уже больной он едва приют себе нашел здесь, — приют, может быть, далеко не соответствующий его положению, его привычкам, натуре.

О больном прилагаются здесь попечения — чужих людей; и сам он думает помочь себе средствами своего ума, науки: и — конец, — он умирает...

Что там, назади его осталось? Супруга, друзья искренние, покровители подобные, или такие же как он, труженики ума, знания, деятельности, ожидающие от него новых вкладов на пользу науки, на пользу народную, государственную... Что впереди? — Впереди — не сбывшиеся предположения об этой пользе.

От запада к северу было шествие твое, почивший; хладный север, может быть, порадован бы был чрез тебя теплым дыханием запада: и вот, теперь ты сам, или лучше сказать только тело твое, бездыханное, мертвое, холодное, возвратится в родную землю... Господи, Господи! Этого ли чаял в пути своем почивший?! Господи, Господи! мысль тягостная, скорбная до зела, мысль жгучая о его смерти — хоть эта мысль — взамен всего, что ожидалось от почившего, — искру бы заронила теплого сочувствия, содействия, уважения в наших хладных краях к тем трудам, на какие обрекают себя труженики общественные, по мановению благостной воли нашего Государя!

Из той высокой среды очутившись здесь, как один от смиренных, сей почивший, больной, одинокий, до конца своей жизни так и остался здесь один-один; не обеспокоил он окружавших его даже и таким простым распоряжением по телеграфу, которое могло бы ослабить, облегчить ту неизвестность, в которой он сам был, и которою могли быть поражены оставленные им в столице; видно, высоте его положения соответствовало смирение в нем духа, и — он молчал о себе... Об одном только он позаботился, — о напутствии в жизнь вечную... Он пригласил служителя алтаря... “Что долго священника нет?” говорил он, и, может быть, этот только один и был у него вопль, — вопль христианской души, для которой едино на потребу. И — по вере и желанию своему — он соединился со Спасителем в Божественном таинстве причащения! — Одно только это, братие и примиряет верующего с поразительною судьбою почившего боярина! — Ядущий Мою плоть и пьющий Мою кровь имѣетъ жизнь вѣчную и Я воскрешу его въ послѣдній день. Ядущий Мою плоть и пьющий мою кровь пребываетъ во Мнѣ и Я въ немъ. Какъ послалъ Меня живой Отець и Я живу Отцемъ, такъ и ядущий Меня жить будетъ Мною (Іоан. 6, 54, 56—[5]7).

Жив он во Христе! вот что только примиряет, успокаивает христианина, — при виде сего — необычного у нас — гроба.

Помолимся, отцы и братия, смиренные обитатели смиренного городка, помолимся на высоких сидящему и на смиренных призирающему — Богу нашему, да упокоит Он душу раба своего, боярина Александра, верно, до смерти послу-

жившего ему здесь в высокой доле общественного служения, и так смиренно, среди трудов и от трудов, почившего сном смерти. Аминь»²⁴.

По смерти А.Ф. Гильфердинга было выдано метрическое свидетельство Христорождественского собора города Каргополя за № 56, «данное в двадцать третий день (23) сего Июня месяца тысяча восемьсот семьдесят второго года (1872 г.) причтом Каргопольского Христорождественного Собора на основании 1579 ст. 9 Том. Св[да] Зак[аконов]. Изд[ание] 1857 года, о смерти и погребении действительного статского советника Александра Федоровича Гильфердинга, по просьбе супруги его Варвары Францовны. Г-жи Гильфердинг»²⁵.

В каргопольской «Метрической книге на 1872 год, в части третьей, о умерших» о смерти А.Ф. Гильфердинга есть запись:

«Счет умерших, мужеска: [№]14.

Месяц и день смерти: 20 июнь, погребения: 23 июнь.

Звание, имя, отчество и фамилия умершего: Действительный статский советник, помощник статс-секретаря Государственного Совета Александр Федорович Гильфердинг.

Лета умершего: 41.

От чего умер: от тифозной горячки.

Кто исповедовал и приобщал: помощник настоятеля священник Матфей Светлов.

Кто совершал погребение и где погребен: настоятель Собора, протоиерей Александр Иванов Попов, со священниками Иоанном Суперанским, Матфеем Светловым, Николаем Поповым, Стефаном Георгиевским, Василием Георгиевским и Григорием Нименским; диакон Собора Василий Тихонов Хотеновский, исправляющие должность псаломщиков Михаил Васильев Пономарев, Иван Александров Романов и Иван Алексеев Кипрев; — на городском кладбище.

Олонецкой Епархии город Каргополь Христорождественского Собора: настоятель протоиерей Александр Иванов, священник Иоанн Исидоров Суперанский, священник Матфей Иванов Светлов, диакон Василий Хотеновский, испр[авляющий] должность псаломщика Иван Алексеев Кипрев, испр[авляющий] должность псаломщика Михаил Васильев Пономарев»²⁶.

Павел Васильевич Николаевский, окончивший Олонецкую духовную семинарию и в 1871–1875 гг. учительствовавший в земском училище в Каргополе, а в 1898 г. ставший священником, вспоминал (слова его стали достоянием печати только в 1905 г. после его смерти): «Как сейчас помню А.Ф. Гильфердинга... Тучный был господин... Приехал к нам уже больной. Квартиру ему отвели в доме Ешевского. Пожил недельку-полторы (в действительности 5 дней. — В.К.) и скончался... Пришла депеша из Петербурга — похоронить временно на Каргопольском кладбище. Тут его и похоронили на городском кладбище. А потом... гроб откопали и увезли в Вытегру, а оттуда водой в Петербург. Большого ума и великого старания был человек»²⁷.

В некрологе о смерти А.Ф. Гильфердинга в газете «Олонецкие губернские ведомости» за 24 июня 1872 г. сообщалось: «20-го сего июня в Каргополе, скончался, после пятидневной болезни, председатель Отделения этнографии императорского Русского географического общества, действительный статский советник, Александр Федорович Гильфердинг <...> Тело А.Ф. Гильфердинга, по желанию его супруги, будет перевезено в Петербург»²⁸.

Газета «Архангельские губернские ведомости» сообщала 2 августа 1872 г.: «В 49 № нашей газеты было, между прочим, сообщено, что Председательствующий в отделе этнографии императорского Русского географического общества, действительный статский советник Александр Федорович Гильфердинг имеет посетить настоящим летом, с ученой целью, Онежский и Кемский уезды. В настоящее время мы имеем несчастье сообщить, что Александр Федорович умер на дороге в эти уезды в Каргополе от брюшного тифа»²⁹.

Похороны А.Ф. Гильфердинга в Петербурге. 21 июня 1872 г. статс-секретарь С.М. Жуковский написал прошение о назначении вдове Гильфердинга единовременного пособия: «Состоящий по Главному Комитету об устройстве сельского состояния и по Комитету по делам Царства Польского помощник статс-секретаря действительный статский советник Гильфердинг 20 сего июня скончался в Олонецкой губернии, куда он, пользуясь разрешенным ему отпуском, отправился для научных исследований. После Гильфердинга осталась вдова, которая находясь в болезненном состоянии, усилившемся вследствие понесенной ею потери, нуждается в необходимых средствах для своего лечения. Ввиду сего и принимая во внимание постоянно усердные и полезные труды покойного Гильфердинга, я, впредь до окончательного обеспечения участи его вдовы назначением ей пенсии за службу ее мужа, о чем я обязан представить Его Императорскому Высочеству Председательствующему в Главном Комитете, — обращаюсь к Вашему Высокопревосходительству с покорнейшею просьбою об исходатайствовании вдове Гильфердинга Всемилостивейшего единовременного денежного пособия в том размере, в каком Ваше Высокопр[евосходительст]во изволите признать возможным. Покойный действительный статский советник Гильфердинг получал содержание: по Главному Комитету... 4500 р.; по Польскому Комитету, добавочных... 3600 р. Итого 8100. Подписал стат[атс]-секр[етарь] Жуковский»³⁰.

В «Санкт-Петербургских ведомостях» от 22 июня 1872 года, сообщалось: «Варвара Францовна с душевным прискорбием извещает родных и знакомых о кончине своего мужа Александра Федоровича Гильфердинга, последовавшей 20-го сего июня, в г. Каргополе. Панихиды по усопшем будут совершаться ежедневно, в 1 час пополудни и в 8 часов вечера, на квартире на Сергиевской, № 81. О времени погребения будет объявлено особо»³¹.

Из Департамента государственного казначейства Министерства финансов 24 июня 1872 г. было отправлено уведомление: «Господину члену Комитета по делам Царства Польского и управляющему делами оного. Имею честь уведомить

Ваше Превосходительство, что во исполнение Высочайшего повеления, последовавшего в 23 день сего июня, предложено Главному казначейству об отпуске 2250 р. (- 225 = 2025) в пособие вдове действительного статского советника Гильфердинга, за удержанием 10% в инвалидный капитал. Министр финансов, статс-секретарь [М.Х.] Рейтерн»³².

24 июня 1872 г. Государственный секретарь Д. Сольский подписал приказ № 18: «Умерший помощник статс-секретаря Государственного Совета действительный статский советник исключается из списков чинов Государственной Канцелярии»³³. В «Формулярном списке о службе» А.Ф. Гильфердинга была сделана последняя запись: «Приказом Государственного Секретаря от 24 июня 1872 г. за № 18, исключен, за смертью, из списков чинов Государственной Канцелярии»³⁴.

В «Санкт-Петербургских ведомостях» от 1 июля 1872 г. было опубликовано извещение о смерти А.Ф. Гильфердинга: «Распорядительный Комитет Петербургского отдела Славянского благотворительного комитета приглашает членов Отдела почтить память покойного председателя А.Ф. Гильфердинга присутствием на его похоронах. О дне похорон будет извещено в газетах»³⁵.

О похоронах А.Ф. Гильфердинга его вдова разослала 3 июля 1872 г. печатное извещение друзьям покойного, в том числе Ивану Петровичу Корнилову: «Варвара Францовна Гильфердинг, с душевным прискорбием извещая о кончине своего супруга Александра Федоровича, последовавшей 20-го июня в г. Каргополе, покорнейше просит пожаловать во вторник 4 июля в 8½ часов утра на вынос тела его с Воскресенской пристани Северного пароходства, что у Литейного моста, и затем на погребение в Новодевичий монастырь»³⁶.

Это же извещение было опубликовано в тот же день, 3 июля 1872 г., в газете «Санкт-Петербургские ведомости»³⁷.

Подробности скорбного события похорон в Санкт-Петербурге описаны в Приложении III «Погребение Гильфердинга в Петербурге» к некрологу М.И. Семейского: «4 июля, рано утром, тело А.Ф. Гильфердинга привезено в Петербург из Каргополя в свинцовом гробе; его тогда же встретила большая толпа знакомых и почитателей покойного. На пароходе “Царь”, на котором привезено тело, совершена была лития архимандритом в сослужении нескольких иереев. Родственники, друзья и близкие покойного Александра Федоровича вынесли к пристани на руках тяжелый гроб и поставили на приготовленную колесницу. Печальная процессия потянулась через весь город к Новодевичьему монастырю, где после заупокойной обедни было предано земле тело ученого труженика...»³⁷.

При совершении печального обряда ректором Санкт-Петербургской духовной семинарии, архимандритом Хрисанфом (впоследствии епископ Нижегородский) было сказано замечательное слово, которое полностью приведено в «Русской старине», потом в «Московских епархиальных ведомостях», издававшихся Обществом любителей духовного просвещения, а затем процитировано

во вступительной статье К.Н. Бестужева-Рюмина ко второму изданию «Онежских былин». Слово хорошо известно читателям: «Это был деятель в полном и широком смысле слова... Не напрасно и не по имени только здесь, у нас, он был центром всех живых деятельных стремлений наших во имя славянства. Все мы знаем это, знают об этом и там — среди самих славянских племен. В самой государственной службе он является как ревностный помощник одного, также недавно умершего поборника русского дела [Милютин Николай Алексеевич], русских интересов в борьбе с одноплеменным, но неприязненным нам народом. Словом, вся жизнь его была одним нераздельным, цельным служением одному делу — одной национальной идеи. Но то ли же ли говорит о нем и сама смерть его, так поразившая нас своею неожиданностью? Перед нами, братья, жертва любви к науке и своему призванию, жертва ревности к своему делу. Смерть постигла его в глухом краю, куда стремился он единственно за тем, чтобы собрать дорогие для него предания из уст народа, среди которого еще уцелели следы первобытных времен, имеющие скоро и здесь исчезнуть... Конец, достойный жизни!»³⁹.

М.И. Семевский в Приложении II к некрологу А.Ф. Гильфердинга в «Русской старине» сообщал: «Весть о смерти А.Ф. Гильфердинга была принята русским обществом с глубоким соболезнованием; оно поспешило выразить уважение к памяти достойного деятеля. Во многих периодических наших изданиях появились, проникнутые глубоким чувством, некрологи (особенно замечательна статья о покойном, одного из его близких друзей, профессора К.Н. Бестужева-Рюмина в газете “Голос”)⁴⁰. В Петербурге — Славянским комитетом, русским кружком в одном из городов Прибалтийской окраины и в Каргополе отслужены панихиды по покойному... За родным рубежом, в Карлсбаде, протоиерей от[ец] Кустодиев, после литургии, отслуженной 24-го июня в русской церкви, взволнованным голосом объявил присутствующим весть о смерти А.Ф. Гильфердинга; при этом почтенный священник сказал, как известил корреспондент газету “Голос”, приблизительно следующее: Ныне дошло сюда горестное известие о смерти известного нашего литературного, общественного и даже церковного деятеля Александра Федоровича Гильфердинга. Известие это до того меня поразило, что я чувствую потребность сообщить его вам, и сообщить именно здесь в храме. Конечно, немногие из вас не знают имени покойного; вижу среди вас и людей, знавших его лично, как и я знал его. Александр Федорович умирает еще молодым, когда по нашим человеческим расчетам, нужно бы было еще надеяться на долгую его жизнь, и умирает, судя по короткому известию о его смерти в Каргополе, жертвой своих ученых трудов на нашем дальнем севере, куда он отправлялся и в прошлом году для своих ученых изысканий. Мысль его многоплодно простиралась и на север, но она более утверждалась в той великой задаче, к решению которой он стремился с свойственною ему настойчивостью и благоразумием. Вот что сердечно жаль:

молодым он оставил эту жизнь!... Мы потеряли в усопшем, что особенно нужно заметить и чего особенно недостает в нашей общественной и церковной деятельности, деятеля с энергией и последовательностью в тех задачах, которые он преследовал. Будем помнить это, примем к сердцу эту потерю. Помолимся об усопшем, да Господь Бог из его смерти, как из семени, воздвигнет тысячи подобных деятелей»⁴¹.

А.Ф. Гильфердинг недаром назван церковным деятелем, т.к. «Московские епархиальные ведомости» от 9 июля 1872 г., перепечатав биографические сведения о покойном, помещенные К.Н. Бестужевым-Рюминым в газете «Голос», дополнительно сообщали: «Александр Федорович несколько лет состоял членом Общества любителей духовного просвещения и в декабре прошлого 1871 года вместе с о. протоиереем И.Л. Янышевым, также членом Общества, отнесся к Обществу любителей духовного просвещения от лица и других членов, живущих в Петербурге, с предложением открыть в Петербурге отдел Общества. Как известно, отдел этот, при участии Великого Князя Константина Николаевича, приступил уже к важной и в высшей степени плодотворной деятельности»⁴².

Также, будучи председателем Славянского благотворительного комитета, А.Ф. Гильфердинг много помогал различным приходам православной церкви во всех славянских странах, и в частности, «его усилиями создан был в Праге православный храм»⁴³. Еще 17 июня 1871 г., задолго до официального открытия храма, он заботился «относительно первоначального устройства причта при православном храме Св. Николая в Праге»⁴⁴. Освящение храма на Староместской площади состоялось уже после кончины А.Ф. Гильфердинга, 4 августа 1874 г., о чем сообщалось в русском еженедельном журнале «Всемирная иллюстрация»: «В устройстве православной церкви в Праге чувствовалась крайняя потребность; но для выполнения такого громадного дела требовались и значительные денежные средства, и люди, которые бы серьезно за него взялись. Петербургский отдел Славянского благотворительного комитета пожелал взять на себя трудную задачу — удовлетворить эту насущную потребность русских путешественников, в значительном числе посещающих Чехию. Действительно, он сумел привести к концу свой труд, причем был во многом обязан той деятельной поддержке, какую нашел себе во всех слоях нашего общества»⁴⁵.

За границей в венской газете «Die Presse» в номере от 14 июля 1872 г. с пометкой «корреспонденция из С-Петербурга от 7 июля» был помещен некролог, в котором описывалась деятельность Александра Федоровича Гильфердинга в Польском комитете и его панславистские настроения. В тексте указывалось, что, заразившись тифом, Гильфердинг скончался в Каргополе на 8-й день болезни в возрасте 41 года, где находился в исследовательской поездке, целью которой был сбор народных песен (былин)⁴⁶.

Кроме уже указанных статей Александром Николаевичем Пыпиным был написан некролог в журнале «Вестнике Европы»⁴⁷, в журнале «Русская старина»

вышла статья олонецкого певца былин Ивана Аникиевича Касьянова «Воспоминание крестьянина об А.Ф. Гильфердинге»⁴⁸.

В журнале «Всемирная иллюстрация» в номере от 16 декабря 1872 г. была опубликована статья «Трое из недавно умерших ученых и литературных деятелей», посвященная памяти Владимира Ивановича Даля, Петра Петровича Пеккарского и Александра Федоровича Гильфердинга, где, в частности, по поводу А.Ф. Гильфердинга, который был самым молодым из почивших, написано следующее: «Если тяжела потеря заслуженного деятеля, когда он прошел уже с честью свое поприще и изведаль даже ослабление сил, сознаваясь, что наступила пора бездействия и отдыха, то насколько горче потерять труженика в полном цвете жизни, сил и опытности, заставлявшей ожидать от него в будущем новых, более совершенных трудов, которым предыдущая деятельность служила только, так сказать, подготовкою или пробую? Между тем, такую именно горькую потерю понесла русская наука в лице А.Ф. Гильфердинга.

Отправился он, 8-го июня, здоровый и бодрый, в Олонецкий край, чтобы довершить свое исследование о народном творчестве. Олонецкий край обещал неутомимому ученому такую обильную жатву, по находкам в истекшем году, что вся ученая братия недаром ожидала блистательного завершения труда председателя Отделения этнографии императорского Географического общества. Но прошло 2 недели и все надежды — в прах! Гильфердинг не существует, и настолько ревностного и знающего труженика трудно указать между живыми собратиями. Даже для роли председательствующего в Отделении этнографии — которую с честью занимал покойный — после него трудно сделать выбор лица, сколько-нибудь напоминавшего бы горячую преданность и любовь к делу оставившего нас ученого <...> Развитие деятельности Отделения этнографии императорского Географического общества в нем, как в председателе, находило тоже надлежащую поддержку и, трудясь над «Сборником песен и былин» северного края России, нашел неутомимый ученый славянист безвременную кончину»⁴⁹.

В этом же номере журнала была помещена гравюра Л.А. Серякова по рисунку П.Ф. Бореля, на которой изображены «Трое из недавно умерших ученых и литературных деятелей». Эта гравюра хранится в Литературном музее Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН (ил. 1)⁵⁰.

В Публичную библиотеку (ныне Российская национальная библиотека) в Санкт-Петербурге передана на память о посещении ее А.Ф. Гильфердингом и работе в ней его фотография, на оборотной стороне которой есть надпись: «От Варвары Францевны Гильфердинг после кончины ее мужа». До сих пор фотография хранится в Отделе эстампов (ил. 2)⁵¹.

А.В. Никитенко в Отчете о деятельности Второго отделения Академии наук за 1872 г., читанном на публичном собрании 29 декабря, сказал о члене-корреспонденте Александре Федоровиче Гильфердинге так: «Вся жизнь его была одним прекрасным подвигом, посвященным благородным целям и потребностям

общества <...> Последние труды Гильфердинга были посвящены разработке и объяснению нашего народного эпоса, остатки которого уцелели на дальнем севере России, в Олонецкой губернии... как и в исследованиях о славянах, Гильфердинг решился лично на месте изучить памятники нашей старины, и если можно, пополнить их новыми открытиями. Дорого стоило это прекрасное намерение его виновнику и русской науке. Он устремился с жаром и кажется без надлежащих о своем здоровье предосторожностей, за новой добычей для науки — и на этом пути постигла его неожиданная смерть в полной силе возраста и его дарований, вдали от друзей и родных. О нем можно сказать, что он был верен до конца одному из тех человеческих призваний, о высоком достоинстве которых сомневаться нельзя — о призвании — служить истине»⁵².

К.Н. Бестужев-Рюмин в статье «Александр Федорович Гильфердинг», опубликованной в 1892 г. в «Славянском обозрении»⁶³ и впоследствии перепечатанной в предисловии ко второму изданию сборника русских былин Гильфердинга, сообщал: «14-го февраля 1873 г. Петербургский отдел Славянского благотворительного комитета собрался под председательством И.П. Корнилова (ранее председательствовал Гильфердинг. — В.К.). Это торжественное заседание с присутствием публики было памяти Гильфердинга. Тогда Т.И. Филиппов прочел речь о московских годах жизни Гильфердинга⁵⁴, О.Ф. Миллер — об его заслугах в собирании памятников народного творчества, В.И. Ламанский — об его трудах по славянству, а нижеподписавшийся — об его исторических трудах»⁵⁵.

И.С. Аксаков в своей речи, произнесенной 25 февраля 1873 г. на заседании Общества любителей российской словесности при Московском университете, сказал: «Гильфердинг сошел в могилу в самой лучшей поре своих лет, не успев докончить самой главной своей работы, для которой всю свою предшествовавшую, полезную деятельность считал только подготовлением. Столько уже было дано и совершено им одним на всех разнообразных поприщах его кратковременной жизни, что этого дела достало бы на заслугу многим, и многие тем бы и удовлетворились; но не в природе Гильфердинга было ослабевать и успокаиваться, да и мы не переставали простираť все новые и высшие требования к этой ведомой нам силе труда и таланта. Он не был художником слова; для него — человека науки и мысли — русская речь служила по преимуществу средством для объяснения истин исторических, этнографических, политических; однако ж и филология входила в круг его научных исследований, а в последнее время привлекла его к себе область русского песенного народного творчества, и не только привлекла, но и напрягла его ученую любознательность до крайней степени самоотвержения, далее которой не может идти человек: он пожертвовал ей здоровьем и самой жизнью, — болезнь и смерть застигли его в самом странствии — в поисках за былинами и сказаниями. Он умер на 41 году своего возраста»⁵⁶.

В «Отчете императорского Русского географического общества за 1872 г.», составленном секретарем общества графом К.Ф. Литке в 1873 г., в некрологе,

посвященном А.Ф. Гильфердингу, написано: «Неожиданная, почти внезапная кончина глубоко уважаемого сочлена нашего, председательствующего в Отделении этнографии, Александра Федоровича Гильфердинга, составляет одну из наиболее чувствительных потерь, понесенных нашим Обществом. Занятый столь важными и сложными обязанностями по государственной службе, изумлявший всех знавших его необычайной своей энергией и деятельностью, Александр Федорович никогда не отговаривался недосугом и всегда находил время для своих ученых занятий, — для дел общественных. Потому мы видим его: председателем Петербургского отдела Московского Славянского благотворительного комитета, ревностным членом-основателем Петербургского отдела Московского Общества любителей духовного просвещения и председательствующим в Отделении этнографии нашего Общества. Поступив в действ[ительные] члены Географического общества в 1858 г., он принимал самое деятельное участие во всех занятиях Отделения, и многочисленные труды его свидетельствуют о постоянных трудах его на пользу этнографической науки <...> Страстный охотник до путешествий, Александр Федорович почти каждое лето совершал разные поездки, не выпуская при этом из виду научных интересов <...> Увлеченный успехом первой своей поездки, Александр Федорович в июне прошлого года отправился на новую жатву, но через неделю по выезде из Петербурга уже больной приехал в Каргополь, и через несколько дней, 20-го июня, на 41 году от роду, скончался, вдали от друзей и родных. Таким образом, смерть постигла нашего талантливое сочлена в полном цвете лет, трудящегося на пользу именно той науки, попечение о развитии и успех которой было ему вверено нашим Обществом»⁵⁷.

Здесь стоит упомянуть еще о статьях, написанных спустя много лет после смерти А.Ф. Гильфердинга, — А.М. Лободы⁵⁸ (к 25-й годовщине кончины) и А.М. Солнышковой⁵⁹ (к 30-й годовщине).

5 мая 1873 г. поэт Федор Иванович Тютчев годовщине смерти А.Ф. Гильфердинга посвятил стихотворение «Хоть родом он был не славянин», выделив определяющую черту его деятельности — глубокий интерес к славянскому языку и истории:

Хоть родом он был не славянин,
Но был славянством всем усвоен,
И честно он всю жизнь ему служил,
Он много действовал, хоть мало жил,
И многого ему принадлежит почин —
И делом доказал, что в поле и один
Быть может доблестный и храбрый воин!..⁶⁰

Премия в память А.Ф. Гильфердинга. Автограф стихотворения Ф.И. Тютчева был написан на обратной стороне печатного письма к нему Славянского благотворительного комитета: «М[илостивый] г[осударь] Федор Иванович. В среде

членов Славянского благотворительного комитета возникла мысль об учреждении в память покойного председателя С.-Петербургского отдела Гильфердинга денежного капитала для выдачи из процентов оного премии за лучшие сочинения по славянской филологии и истории, составлявших специальность Александра Федоровича...»⁶¹.

Действительно, 5 ноября 1872 г. прошло заседание Московского благотворительного комитета, о чем сообщала газета «Московские ведомости» от 21 ноября так: «Заседание это происходило под председательством вице-президента П.Н. Батюшкова <...> читано было составленное И.С. Аксаковым предложение к членам Комитета о пожертвовании капитала для выдачи из него премий за лучшее сочинение на русском языке по славяноведению, в память А.Ф. Гильфердинга; определено было: напечатать это приглашение, разослать его между членами Комитета и его отделов»⁶².

В той же газете от Московского славянского благотворительного комитета был приведен некролог, посвященный А.Ф. Гильфердингу, в котором говорилось о составлении капитала так: «Недавно смерть вырвала из нашей среды одного из самых ревностных и талантливых — мало сказать тружеников — подвижников славянского дела <...> Не мало было сделано; но Гильфердинга, принявшего на себя обязанность председателя этнографического отдела в Русском Географическом обществе, привлек к себе новый могучий интерес — русское народное эпическое творчество... Он умер как боец в честном бою, в самом разгаре и на поле своей деятельности, жертвой любви к русской науке и русской народности. Не только горевать о такой утрате должно наше общество, но и позаботиться о том, чтобы жизненный подвиг А.Ф. Гильфердинга не вполне умер вместе с ним, а продлился в некотором смысле и после его кончины. Ничем иным не может быть более почтена память этого высокого труженика науки как таким напоминанием, которое постоянно вызывало бы к жизни новые ученые труды в дорогой для него области — научного знания о славянстве, — посвященные дорогой для него истине — славянской взаимности. С этой целью Московский Славянский Комитет, с ведома и согласия всех своих отделов, открывает подписку для составления такого капитала, который мог бы быть употреблен весь или по частям на образование премии за лучшее русское сочинение по славянской истории, этнографии, филологии, литературе»⁶³.

Распорядительное собрание Петербургского отдела Славянского благотворительного комитета по этому же вопросу, представляя отчет о движении сумм за истекший год, сообщало: «Из поступивших сумм употреблено в Расход к 6 дек. 1872 г. на стипендиатов Комитета <...> Кроме того воспитанниц обучают церковному пению и рукоделию, а на содержание каждой из них отпускается из средств комитета по 50 р. в год, причем между ними <...> одна стипендиатка имени покойного А.Ф. Гильфердинга»⁶⁴.

С 1873 г. Петербургский отдел Славянского благотворительного комитета стал целенаправленно собирать деньги на премию в память А.Ф. Гильфердинга, чему есть письменные подтверждения, например:

– в «Смете доходов и расходов... комитета на 1873 год»: «Доходы: <...> Статья 7. На премию Гильфердинга 478 [рублей] — В число этой суммы входят одни пожертвования»⁶⁵;

– в «Смете... на 1874 год»: «Доходы: <...> Статья 4. На премию в память А.Ф. Гильфердинга — руб. 142. коп. 22. На капитал 1805 р. 50 к. причитается процентов в год 72 р. 22 к. И ожидается уплаты по подписке 70 р. — Итого 142 р. 22 к.»⁶⁶;

– в «Смете... на 1875 год»: «Доходы: <...> Статья 4. Специальные суммы. На премию в память А.Ф. Гильфердинга 165 руб. В капитале на премию А.Ф. Гильфердинга состоят 3 ренты 5½ % по покупной цене 1016 р. каждая, серия Б. №№ 3194, 3195, 3196 по кои проценты получают в мае и ноябре. На капитале 3048 р. причитается процентов в год 165 р.»⁶⁷ и т.д.

Средства на премию А.Ф. Гильфердинга расходовались очень экономно. Так, например, поступила справка от 5 декабря 1874 г.: «В Петербургский отдел Славянского благотворительного комитета. К настоящему числу по Отделу остается расходного капитала, за исключением всех предвиденных расходов до нового года — более 7150 р. Поэтому я считаю долгом предложить Отделу, не признает ли он удобным отчислить ныне из этой суммы во 1-х, 1180 р. 57 к. на премию в память А.Ф. Гильфердинга, в пополнение имеющихся на этот предмет 1962 р. 29 к., чтобы составить капитал в 3142 р. 80 к., с которого проценты чрез два года, т.е. ко времени представления сочинений, приносили бы ровно 300 р., предназначенных для выдачи за удостоенное премии сочинение. Казначей Отдела В. Нечаев»⁶⁸.

В журнале «Известия С.-Петербургского благотворительного общества» напечатаны «Действия... общества», в которых помещены извлечения из протоколов заседаний за 1883 г. — юбилейный 15-й год общества. В них часто упоминается имя А.Ф. Гильфердинга. Приведем некоторые выдержки: «В Славянском обществе издавна существовал обычай в память почивших членов, оказавших особенные услуги Обществу, присваивать пособиям, выдаваемым стипендиатам Общества, имена таких лиц. В недавнее время, а именно 31 октября 1882 г., по докладу Совета, дорогие для Славянского общества имена: А.Ф. Гильфердинга <...> присвоены пособиям, выдаваемым Обществом воспитывающимся в России славянам»; далее «кроме того, ожидается доходов с % на специальные капиталы: <...> 3) Премии в память А. Гильфердинга — 3963 р. 54½ к. ... — 16 р. 74 к.»⁶⁹.

В заседании, состоявшемся 5 февраля 1883 г. постановлено «утвердить предложенные Издательскою комиссиею темы для соискания премий <...> в память А.Ф. Гильфердинга, которые и объявят в торж[ественном] собрании 14-го февраля в зале Государственной Думы». Далее в протоколе заседания читаем: «Состояние кассы Общества представляется в следующем виде: в остатке к 1-му января

1884 года <...> Специальных сумм: На премию А.Ф. Гильфердинга и за описание Червоной и Угорской Руси — 4477, 47»; и далее: «По прочтении этого отчета секретарем общества Аристовым были объявлены две темы на соискание премии Общества: Кирилло-Мефодиевской и в память А.Ф. Гильфердинга следующего содержания: <...> 2) Тема на соискание премии от С[анкт]-П[етер]б[ургского] С[лавянского] б[лаготворительного] о[бщества] в память А.Ф. Гильфердинга (на 2 года): Изложить в хронологическом порядке внешнюю историю: 1) Венгрии; 2) Чехии; 3) Польши; 4) Руси <...> Примечание <...> За лучший труд на указанную тему автору будет выдана, в торжественном собрании 14 февраля 1886 года, премия в память А.Ф. Гильфердинга, в триста рублей, при чем он (автор) сохранит все авторские права на свою рукопись».

В «Обращении к членам Общества в связи с 25-летним его юбилеем», которое было напечатано к маю 1893 г., написано: «В общем собрании 22 членов Славянского общества, состоявшемся 20 декабря 1892 г., между прочим, утверждены следующие, одобренные советом предложения особой, выделенной из его состава комиссии для разработки вопроса о праздновании 25-летия существования Общества: <...> г) объявить к тому времени тему на соискание премии в память А.Ф. Гильфердинга, разработку которой, а также определение размера премии и срока представления конкурсных сочинений возложить на Издательскую Комиссию <...> д) уплату премии за лучшее сочинение в память А.Ф. Гильфердинга и расход на печатание оногo отнести на капитал его имени». Далее в обращении говорилось: «Последовавшие затем предложения некоторых членов Общества: а) об издании к 25-летию портретов должностных лиц и некоторых членов, особенно потрудившихся для Славянского общества...»⁷⁰.

Действительно, по поводу 25-летия общества был выпущен сборный портрет, на котором помещены фотографии важнейших деятелей Славянского благотворительного общества, в том числе К.Н. Бестужева-Рюмина, князя А.И. Васильчикова, графа Н.П. Игнатьева, М.Г. Черняева, В.И. Ламанского, О.Ф. Миллера, И.С. Аксакова, А.В. Васильева, митрополита сербского Михаила и А.Ф. Гильфердинга (ил. 3)⁷¹.

Дополнительно хотелось бы сообщить, что о расходовании средств премии в память А.Ф. Гильфердинга хорошо было известно из газет и журналов. Так, например, Петербургское Славянское благотворительное общество (образованное в 1877 г. из Петербургского отдела Славянского благотворительного комитета) сообщало в 1889 г. в издаваемой им газете, что объявлен «Конкурс на соискание премии А.Ф. Гильфердинга в 1000 руб. Совет С.ПСБО сим объявляет, что на соискание премии имени покойного А.Ф. Гильфердинга предлагается следующая тема: “представить географический и этнографический очерк современной Македонии. За сочинение — полная премия в тысячу рублей. Эта премия может быть разделена на две в 700 р. и 300 р.”»⁷². В журнале «Исторический вестник» было размещено объявление о том, что «возобновляется конкурс на премии

имени А.Ф. Гильфердинга, учрежденных 11 мая 1893 года. Премии присуждаются и выдаются на основании особого положения, за лучшие сочинения на следующие темы: а) премия в 3000 рублей тому, кто представит сжатый, но обстоятельный очерк истории южных и западных славян, начиная с так называемой исторической эпохи их существования в Европе до наших дней, — в связи с историей сопредельных народов и государств. Очерку должен быть предпослан обзор главнейших источников для истории южных и западных славян и указатель, по крайней мере, важнейших пособий для более подробного ознакомления с тем или другим отделом славянской истории; б) в случае, если бы не было представлено ни одного сочинения, заслуживающего премии в 3000 рублей, эта сумма может быть разделена на шесть премий по 500 рублей каждая. Премии эти могут быть присуждены и выданы тем авторам, которые представят части очерка истории южных и западных славян, а именно очерки истории: 1) болгар, 2) сербов, 3) хорватов, 4) словинцев, 5) словаков, 6) чехо-моравов, 7) поляков или ляхов и вообще польской группы и 8) и полабских славян, как вымерших, так и живущих. Премия в 1000 рублей выдается тому, кто представит обстоятельный, основанный на точном знании источников очерк истории и современного положения заграничной Руси (Галицкой, Буковинской и Угорской), в отношениях: политическом, религиозном и экономическом (за последнее время), причем к сочинению должна быть приложена карта заграничной Руси. Сочинения на премию должны быть представлены в совет Петербургского славянского благотворительного общества, обязательно на русском языке, не позднее 14 февраля 1901 г.»⁷³.

Премии в память А.Ф. Гильфердинга присуждалась Славянским благотворительным обществом вплоть до закрытия его в 1917 г.

Духовное завещание А.Ф. Гильфердинга. После смерти А.Ф. Гильфердинга встал вопрос о его наследстве. «Дело о духовном завещании действительного статского советника Александра Федоровича Гильфердинга»⁷⁴ обнаружено в Российском государственном историческом архиве в Санкт-Петербурге. Началось дело с того, что в Санкт-Петербургский Опекунский совет императорского Воспитательного Дома (в Справку для доклада) поступило Объявление (как сейчас пишут, заявление) от действительного статского советника Павла Егоровича Татарина: «Представляя при сем свидетельство о смерти действительного статского советника Александра Федорова Гильфердинга, последовавшей 20 июня 1872 года, покорнейше прошу пакет этот вскрыть и препроводить завещание, для явки и удостоверения в С.-Петербургский Окружной суд. Июля 3 дня 1872 года. Расписка в приеме завещания неизвестно где находится и в случае ее отыскания, будет прочтена особо. Действительный статский советник П. Татарин. Жительство имею: по Греческому проспекту дом № 17, кв. № 4».

Через три дня Варвара Францевна Гильфердинг в своем письме к Ивану Петровичу Корнилову от 6 июля 1872 года пишет: «От Гильфердинг. Многоуважаемый

Иван Петрович, завтра должно быть вскрыто в Опекунском совете завещание моего покойного мужа, которое затем должно быть отослано в Окружной суд. Это дело единственное, которое меня задерживает в Петербурге, так как мой доктор требует, чтобы я уехала скорее. Потому только беру смелость, зная Ваше расположение к моему бедному мужу и Вашу безграничную обязательность, просить Вас содействовать скорейшей, по возможности, отсылке завещания в Окружной суд. Из слов моего покойного мужа, я знаю, что душеприказчиком он назначил действительного статского советника Павла Егоровича Татаринова, который явится в Опекунский совет, чтобы узнать, если это возможно, содержание завещания. Примите уверение в моем искреннем уважении. В. Гильфердинг. 6 июля 1872»⁷⁵.

На следующий день состоялось заседание, о ходе которого было записано следующее: «Записано в журнале 7 июля 1872 года. Положили. Пакет с духовным завещанием действительного статского советника Александра Федорова Гильфердинга, по случаю смерти завещателя, последовавшей 20 июня 1872 года, вскрыть и затем подлинное завещание, по сделании на нем установленной надписи и по оставлении с него к делу копии, на основании Высочайшего повеления, опубликованного в Сенатском Указе 9 апреля 1869 года, препроводить на зависящее распоряжение в Санкт-Петербургский Окружной суд, вместе с свидетельством о смерти завещателя (Метрическое свидетельство и выписка из Метрической книги на 1872 год, часть третья, об умерших приведены выше. — В.К.); а действительному статскому советнику Татаринову предложить, по отыскании расписки в приеме на хранение означенного завещания, представить оную в Канцелярию Опекунского совета. И.о.д. Директора А. Веневитинов. За журналиста Медосьев. Читал Действ[ительный] ст[атский] сов[етник] Татаринов».

При вскрытии пакета с завещанием были установлены некоторые подробности составления этого документа. В объявлении от 16 апреля за № 432 на имя императорского Воспитательного дома в Санкт-Петербургский Опекунский совет от действительного статского советника Александра Федоровича Гильфердинга читаем: «Представляя при сем запечатанный пакет с духовным моим завещанием и в пользу Воспитательного Дома 10 р. — коп. сер., покорнейше прошу хранить завещание это впредь до востребования или предъявления достоверного свидетельства о моей смерти; в прием же оно выдать мне установленную расписку. С.-Петербург, 1871 года апреля 16 дня. Действительный статский советник Александр Федорович Гильфердинг. Жительство имею: по Сергиевской против Таврического сада, д. Алышева № 81».

На обороте объявления написано: «Личность завещателя удостоверена г. почетным опекуном Корниловым; за экспедитора Смородин».

Александру Федоровичу Гильфердингу была выдана расписка за № 2119 следующего содержания: «Императорского Воспитательного Дома в С.-Петербургский Опекунский совет. № 2119. Действительного статского советника Александра Федорова Гильфердинга объявление. Представляя при сем запечатанный

пакет с духовным моим завещанием и в пользу Воспитательного Дома 10 р. сер[ебром], покорнейше прошу хранить завещание это впредь до востребования или предъявления достоверного свидетельства о моей смерти; в приеме же оного выдать мне установленную расписку. С.-Петербург, 1871 года апреля дня.

Действительный статский советник Александр Федорович Гильфердинг.

Копия сия в приеме означенного духовного завещания выдана апреля 16 дня 1871 года.

Председатель Михаил [нрзб.], За Директора А. Веневитинов. Экспедитора Смородин...».

В журнале Опекунского совета, подписанном 24 апреля 1871 г., читаем: «Положили: пакет с духовным завещанием действительного статского советника Александра Федоровича Гильфердинга хранить с прочими, выдав в приеме оного установленную расписку, представленные 10 руб., причислить к доходам Опекунского совета. Директор Веневитинов. Журналист Смородин».

На обороте страницы журнала написано: «Расписку за № 2119 получил А. Гильфердинг».

Из вышеприведенного установлено, что Александр Федорович Гильфердинг 16 апреля 1871 г., т.е. за пару месяцев до второй поездки на Русский Север (наверное, предчувствуя свою кончину) написал свое духовное завещание.

Духовное завещание было вскрыто в заседании Опекунского совета 7 июля 1872 г., где должность председателя исполнял почетный опекун Сергей Петрович Озеров.

Приводим текст завещания полностью.

«Во имя Отца и Сына и Святого Духа.

Я, нижеподписавшийся, Александр Федоров сын Гильфердинг, будучи в полном уме и здравой памяти, сим объявляю волю мою на случай моей смерти, а именно

1. Всемилостивейше пожалованное мне в полную и безусловную собственность имение Ельбецин в Сувалкской губернии Царства Польского, а равно купленное мною в Новгородской губернии имение Арефино завещаю любимейшей жене моей Варваре Францовне, рожденной Ридель. При этом прошу ее настоятельно и от всего сердца не отказать мне в выполнении следующего моего положительного желания: во-первых, чтобы она имения Ельбецин, в память моего покойного отца, которого она так горячо любила и вследствие заслуг, которого это имение мне даровано, ни в коем случае не продавала, а передала по наследству члену нашего рода, и притом русскому, и во вторых, чтобы она во всех распоряжениях своих по оставляемым мной ей имениям и денежным делам руководствовалась советами многоуважаемого моего душеприказчика, нижепоименованного.

2. Так как я надеюсь, что моей жене не будет отказано в пенсии (что мне было обещано уже в 1864 году, когда я ехал в Царство Польское для принятия участия

в работах статс-секретаря Милютина), то ходатайство об этом возлагаю на моего душеприказчика и уповаю, что лица, бывшие моими начальниками, его в сем отношении поддержат.

3. Одну треть капитала, который окажется у меня при моей смерти деньгами и ценными бумагами, а равно все мои вещи оставляю ей же, моей жене Варваре Францовне.

4. Оставшиеся две трети капитала, какой у меня окажется, прошу разделить на две половины, и одну половину назначаю сыну Федосьи Степановны Майоровой, малолетнему Николаю, а другую половину детям гвардии капитана Федора Петровича Карпова, Александру и Дмитрию, или тому, который из них останется в живых. Как та, так и другая часть должна быть предоставлена в их распоряжение по принадлежности только после окончания ими полного курса в университете или другом высшем учебном заведении или по достижении 25-летнего возраста, а до той поры проценты должны быть употребляемы в их пользу, чтобы дать им возможно лучшее воспитание и образование. Усерднейше прошу моего многоуважаемого душеприказчика не отказать позаботиться о точном соблюдении этого.

5. Во внимание к долговременной, честной и преданной службе отцу моему и мне слугителя моего Ефима Иванова прошу жену мою наградить, и считаю лучшим способом это исполнить то, чтобы жена моя помогла ему дать своим сыновьям образование в гимназии или другом учебном заведении смотря по их способностям и желанию.

6. Так как между моими бумагами могут найтись такие, которые будут пригодны или для печати или как материал для учебных работ, то прошу мою жену пригласить к разбору этих бумаг Константина Николаевича Бестужева-Рюмина или Владимира Ивановича Ламанского или Антона Семеновича Будиловича или предоставить им воспользоваться по своему усмотрению тем, что они найдут годным.

7. Исполнителем сего духовного завещания и моим душеприказчиком назначаю сослуживца моего действительного статского советника Павла Егоровича Татарина.

С.-Петербург 16 апреля 1871 года. Сие духовное завещание писал и подписал действительный статский советник Александр Федоров сын Гильфердинг.

Что это духовное завещание писано и подписано самим завещателем Александром Федоровичем Гильфердингом, им мне лично предъявлено и что при сем я его видел в полном уме и здравии и твердой памяти, в том свидетельствую протоиерей Космо-Дамиановской церкви, что при лейб-гвардии Саперном батальоне Александр Григорьевич Филатов.

Что это духовное завещание писано и подписано самим завещателем Александром Федоровичем Гильфердингом, им лично предъявлено и что при сем я его видел в полном уме и здравии и твердой памяти, в том свидетельствую коллежский асессор Павел Александрович Соловьев.

Что это духовное завещание писано и подписано самим завещателем Александром Федоровичем Гильфердингом, им лично предъявлено и что при сем я его видел в полном уме и здравии и твердой памяти, в том свидетельствую титулярный советник Олимпам Матвеев Белов.

Что это духовное завещание писано и подписано самим завещателем Александром Федоровичем Гильфердингом, им лично предъявлено и что при сем я его видел в полном уме и здравии и твердой памяти, в том свидетельствую коллежский асессор Илья Яковлевич Рудаков.

Что это духовное завещание писано и подписано самим завещателем Александром Федоровичем Гильфердингом, им лично предъявлено и что при сем я его видел в полном уме и здравии и твердой памяти, в том свидетельствую титулярный советник Иван Петров Корнилов.

Верно. За экспедитора Смородин».

Читая этот текст о распоряжениях, которые отдает А.Ф. Гильфердинг на случай своей смерти, стоит еще раз вспомнить о тех словах, которые были сказаны о его нравственных качествах в выше приведенных некрологах.

Возвращаясь к архивному делу, стоит сообщить, что на одном из листов дела о духовном завещании А.Ф. Гильфердинга есть следующая надпись:

«Переписать. Пакет с духовным завещанием действительного статского советника Александра Федорова Гильфердинга, представленный им лично мне, принят был на хранение по журналу Опекунского совета 16 апреля 1871 года. По получении от действительного статского советника Павла Егоровича Татаринова свидетельства о смерти завещателя, последовавшей 20 июня 1872 года, означенный пакет в заседании Опекунского совета 7 сего Июля вскрыт и при этом постановлено: завещание по сделаннии на нем надписи и по оставлении с него к делу копии на основании Высочайшего повеления, распубликованного в Сенатском Указе 9 апреля 1869 года, препроводить на зависящее распоряжении, в С.-Петербургский Окружной суд, вместе со свидетельством о смерти завещателя. С.-Петербург. Июля дня 1872 года.

Председатель. Почетные опекуны. Директор. Экспедитор (все без подписей. — В.К.)».

14 июля 1872 г. Опекунский совет направил в Петербургский Окружной суд письмо за № 2844: «На основании Высочайшего повеления распубликованного в Сенатском Указе 9 Апреля 1869 г. <...> препроводить при сем в Окружной суд, на зависящее распоряжение, хранившееся в Оп[екунском] совете духовное завещание д[ействительного] ст[атского] с[оветника] Александра Федоровича Гильфердинга и свидетельство о смерти. И[сполняющий] д[олжность] дир[ектора] А. Веневитинов. За эксп. Смородин».

Так 14 июля 1872 г. закончилось начатое 16 апреля 1872 г. рассмотрение «Дела» в Опекунском совете, которое предстояло теперь рассмотреть через неделю в Окружном суде.

Тем временем, 10 июля 1872 года, В.Ф. Гильфердинг, намереваясь побыстрее решить вопросы, связанные с наследством, и уехать из Санкт-Петербурга, получила свидетельство, в котором было написано: «Дано сие из Государственной Канцелярии вдове умершего помощника статс-секретаря Государственного Совета, действительного статского советника Александра Федоровича Гильфердинга, Варваре Францовне Гильфердинг для свободного жительства во всех городах Российской Империи»⁷⁶.

Павел Егорович Татаринов в силу принятия на себя звания душеприказчика, приступив к распоряжениям, известил свидетелей, в частности Ивана Петровича Корнилова, о предстоящем слушании дела в суде 21 июля 1872 г.: «Душеприказчик покойного А.Ф. Гильфердинга, действительный статский советник Павел Егорович Татаринов имеет честь известить, что дело об оставленном покойным духовном завещании будет слушаться в VII гражданском отделении С.-Петербургского окружного суда в пятницу 21 сего июля в 12 дня. Так как на сем завещании есть подпись в качестве свидетеля его превосходительства Ивана Петровича Корнилова, то для подтверждения сей подписи необходимо прибытие его превосходительству к назначенному времени в окружной суд»⁷⁷.

Результат рассмотрения дела был положительным, что описано в справочнике «Санкт-Петербургские сенатские объявления по казенным, правительственным и судебным делам. Четверг 26 октября 1872 г. № 86» под № 5444: «Санкт-Петербургским Окруж[ным] судом утверждены духов[ные] завещания: ... 1872 г. июля 21-го, умершего в г. Каргополе 20 июня 1872 г., действ[ительного] ст[атского] сов[етника] Александра Федоровича Гильфердинга, составленное 16 апреля 1871 г.»⁷⁸.

Исполнение завещания А.Ф. Гильфердинга. Мы попытались узнать, как были исполнены поручения, записанные в завещании, и вот что выяснилось.

Пункт 1. Имена. В деле о службе А.Ф. Гильфердинга, точнее в его формулярном списке за 1861 г., записано: «Есть имение. Благоприобретенное. У отца в Августовской губернии (существовала с 1837 по 1866 г., Царство Польское, центр г. Ломжа, а с 1844 — г. Сувалки. С 1867 г. территория губернии передана частью в Сувалкскую, частью — в Ломжинскую. — В.К.). Высочайше пожалованный майорат Пршитулы с годовым доходом в 750 руб. сер.»⁷⁹.

В 1864 г. А.Ф. Гильфердинг вступил в наследство этим имением, о чем есть документ в «Деле о службе... Гильфердинга» — Свидетельство № 172 от 27 января 1864 г., в котором записано следующее: «Государственная канцелярия сим свидетельствует, что служащий в оной помощник статс-секретаря Государственного Совета коллежский советник Александр Федорович Гильфердинг вероисповедания православного и есть законный и единственный сын умершего в Санкт-Петербурге 5 января сего 1864 года сенатора тайного советника Федора Ивановича Гильфердинга. Это Свидетельство с приложением печати Государственной канцелярии дано ему, Александру Гильфердингу, для предъявления прав на наследство,

оставшееся после смерти отца его, милостивейше пожалованного ему в 1838 году майората Пршитулы, в Августовской губернии Царства Польского»⁸⁰.

В октябре 1864 г. А.Ф. Гильфердинг в письме в Варшаву князю Владимиру Александровичу Черкасскому (главному директору правительственной комиссии внутренних дел) подал прошение на передачу «фольварка (помещичье хозяйство. — В.К.), Дембова Клода с Парчевским лесом, состоящим в Родзынском уезде, взамен принадлежащего мне майората»⁸¹.

Чем закончилось это ходатайство, неизвестно, т.к. в следующем формулярном списке А.Ф. Гильфердинга за 1868 г. по поводу имений записано совершенно другое: «Есть имение. Родовое. В Сувалкской губернии Высочайше пожалованное имение Елжбецин. Благоприобретенное. 500 десятин земли в Новгородской губернии Валдайского уезда»⁸².

Таким образом, документально подтверждено, что перед смертью А.Ф. Гильфердинг владел двумя имениями.

Что касается наследства в Царстве Польском, то с оформлением его у Варвары Францевны Гильфердинг возникла заминка, поэтому ей пришлось написать 17 июля 1873 г. прошение олонецкому гражданскому губернатору Григорию Григорьевичу Григорьеву: «Комиссия юстиции Царства Польского, не довольствуясь представленным мною духовным завещанием и метрическим свидетельством для ввода во владение имением, оставшимся после смерти моего мужа Александра Федоровича, требует еще, чтобы о смерти моего мужа последовало сообщение начальника губернии, где умер мой муж. А так как Александр Федорович скончался в г. Каргополе Олонецкой...»⁸³.

На конверте заказного письма, пришедшего 23 июля 1873 г. в Петрозаводск из Москвы, в которое было вложено прошение, вдова написала свой обратный адрес: «Жит[тельство] имею в Москве, Басманной части, в 1-м кварт[але] в доме Рафальской»⁸⁴, из чего мы узнаем, что она выбрала из всех городов России для постоянного места жительства Москву, где жила ее родная сестра Рафальская (Екатерина Францевна, урожденная Ридель).

Олонецкий гражданский губернатор Г.Г. Григорьев выслал В.Ф. Гильфердинг сообщение о смерти ее мужа в Каргополе в Комиссию юстиции Царства Польского для решения вопроса о наследстве на следующий день, т.е. 24 июля 1873 г.⁸⁵

Село Арефино в Новгородской губернии (сейчас оно числится в Бологовском районе Тверской области), упоминаемое в завещании, исчезло с карты, т.е. было заброшено. От него сохранились лишь фундаменты отдельных усадеб, которая из них Гильфердинга, неизвестно⁸⁶.

Пункт 2. Пенсия. О признании огромных заслуг А.Ф. Гильфердинга перед Россией наглядно показывает текст Рапорта о назначении его жене пенсии, поэтому стоит привести этот текст целиком:

«Состоявший помощником статс-секретаря по Главному Комитету об устройстве сельского состояния и по Комитету по делам Царства Польского дей-

ствительный статский советник Гильфердинг, пользуясь вакантным временем сего года, отправился для исследования старинных народных былин и устных сказаний на дальнем севере России, но на пути заразился тифом и 20-го июня умер в г. Каргополе Олонецкой губернии.

Ваше императорское величество по всеподданнейшему докладу Министра финансов всемилостивейше соизволили пожаловать оставшейся после Гильфердинга вдове, на погребение мужа ее, единовременное пособие 2250 рублей.

Ныне вдова Гильфердинга, находящаяся в болезненном состоянии, которое усилилось вследствие понесенной ею тяжкой потери, просит о назначении ей пенсии.

Действительный статский советник Гильфердинг, по окончании курса наук в Московском университете, получив ученую степень магистра славянской словесности, начал службу в 1852 г. в Министерстве иностранных дел по Азиатскому департаменту; в 1857 г. временно управлял Русским консульством в Сараеве. В 1861 г. был переведен на службу в Государственную канцелярию; в 1863 г. назначен помощником статс-секретаря Государственного Совета и в этом звании состоял сперва по Департаменту государственной экономии, а с 1865 г. по Главному комитету об устройстве сельского состояния. Но еще до этого, в начале 1864 г. Гильфердинг, по просьбе покойного статс-секретаря Милютин, был командирован для занятий при нем по высочайше возложенным на него поручениям по Царству Польскому. По окончании сих занятий статс-секретарь Милютин всеподданнейше представлял вашему императорскому величеству, что Гильфердинг оказывал ему самую деятельную и усердную помощь; что при его ближайшем и исключительном участии разработаны были, в самое короткое время, проекты по учебной части в Царстве, а также по устройству там духовенства и по делу о закрытии католических монастырей. В виду сего признав особенно полезным участие Гильфердинга в предстоящих Комитету по делам Царства Польского важных работах, статс-секретарь Милютин испросил высочайшее вашего императорского величества соизволение на назначение Гильфердинга, независимо от постоянных его обязанностей по званию помощника статс-секретаря, для занятий по Польскому комитету. С производством ему добавочного содержания (по 300 р. в месяц).

Председательствующий в Комитете по делам Царства Польского генерал-адъютант Чевкин свидетельствует, что покойный Гильфердинг принимал самое деятельное участие в работах сего Комитета и своим всесторонним знанием и дел и местных отношений, своим неутомимым трудолюбием приносил самую существенную пользу при рассмотрении всех важных проектов по преобразованиям в Царстве.

Во внимание к примерно-полезным трудам покойного Гильфердинга, генерал-адъютант Чевкин признает вполне справедливым ходатайствовать перед Вашим императорским величеством о назначении вдове Гильфердинга особой,

вне правил, пенсии, могущей обеспечить ей необходимые средства к жизни, и именно по 2500 рублей в год (Гильфердинг получал содержания по должности помощника статс-секретаря 4500 р., добавочных по Польскому Комитету 3600 р. и по должности цензора славянских газет 1500 р., всего 9600 р. в год), согласно бывшим примерам. К назначению таковой пенсии Министр финансов не встречает препятствия.

Я со своей стороны долгом считаю повергнуть на всемилостивейшее воззрение Вашего императорского величества, что служебные труды покойного Гильфердинга по Главному комитету, близко мне известные, были также неутомимы, вполне добросовестны и существенно полезны для дела. Но независимо от служебной деятельности, покойный Гильфердинг оказал неоспоримые заслуги на пользу отечественной науки; посвятил свои труды преимущественно исследованиям истории и быта славянских народов, он издал по этой части сочинения, которые познакомили впервые русских с судьбами родственных им племен и приобрели ему почетную известность, не только у нас в России, но и за границу. Быв председателем Отделения этнографии императорского Географического общества, он предался исследованию памятников нашей народной поэзии; с этой целью он совершил в 1871 году трудную поездку по самым глухим частям северных губерний и, желая дополнить начатые им тогда исследования, пал жертвою своей горячей любви к науке, которая лишилась в нем одного из замечательнейших и полезнейших своих деятелей.

Ввиду сего, признавая вполне справедливым не оставить вдовы Гильфердинга без достаточно обеспеченных средств к жизни, я приемлю смелость всеподданнейше испрашивать всемилостивейшее соизволение вашего императорского величества во внимание к отлично-усердной и полезной службе покойного действительного статского советника Гильфердинга, а также к полезным ученым его трудам, назначить вдове его пенсию из казны в предположенном генерал-адъютантом Чевкиным и министром финансов размере, т.е. по 2500 рублей в год.

Председательствующий в Главном Комитете Константин (Великий князь Константин Николаевич. — В.К.)»⁸⁷.

31 октября 1872 г. В.Ф. Гильфердинг было направлено письмо о назначении пенсии: «Ее Прев[осходительст]ву В.Ф. Гильфердинг. Милостивая государыня Варвара Францовна. Государь император, во внимание к отлично усердной и полезной службе покойного Вашего супруга, а также к полезным ученым его трудам, всемилостивейше соизволил повелеть производить вашему превосходительству пенсию из казны по две тысячи пятисот рублей в год. О такой высочайшей воле, сообщенной, вместе с сим, г[осподину] министру финансов для зависящих с его стороны распоряжений к производству Вам означенной пенсии, я имею честь уведомить Вас, милостивая государыня, покорнейше прося принять уверение в моем отличном уважении и совершенной преданности. С. Жуковский»⁸⁸.

Пункт 3. По поводу одной трети капитала, оставшегося после смерти А.Ф. Гильфердинга, а также его вещей, стоит думать, что они достались его жене Варваре Францевне.

Пункты 4 и 5. В отношении этих пунктов завещания, касающихся обучения детей и их будущего, нам, к сожалению, ничего не известно (к сожалению, родной сын супругов А.Ф. и В.Ф. Гильфердингов, Федор, умер в 10-летнем возрасте. — В.К.).

Однако здесь стоит остановиться на личности служителя Ефиме Ивановиче, который сопровождал А.Ф. Гильфердинга в его поездках. Сказитель Иван Аникиевич Касьянов, с которым А.Ф. Гильфердинг познакомил-ся во время первой поездки на Русский Север в 1871 г., вспоминал: «И, во-первых, увидел служителя при нем, Ефима Ивановича, который собою очень приветливый и скромный, и просит меня чаю пить. Но, желая я прежде познакомиться со слугою, пью и думаю: “должно быть хорошего господина слуга: он всех учтиво принимает”»⁸⁹.

Здесь следует обратить внимание на то, что в духовном завещании слово «Иванов» — это отчество Ефима, а не его фамилия.

Сам А.Ф. Гильфердинг о Ефиме Ивановиче в своей статье «Олонецкая губерния и ее народные рапсоды» писал: «...со мной ехал русский простолюдин, петербургский житель»⁹⁰. Зоя Ивановна Власова сообщает: «Ухаживая за больным Гильфердингом, Ефим Иванович сам заразился тифом. Дальнейшая судьба его неизвестна»⁹¹. Здесь уместно сказать, что З.И. Власова была первым исследователем биографии А.Ф. Гильфердинга в советское время⁹². Стоит думать, что завещание А.Ф. Гильфердинга в отношении детей Ефима Ивановича и других детей, упомянутых в завещании, было исполнено точно, и что они получили хорошее образование, т.к. покойный своим душеприказчиком назначил достойного человека — Павла Егоровича Татарнинова, о котором речь пойдет чуть ниже.

Пункт 6. Бумаги. По поводу документов А.Ф. Гильфердинга можно сообщить следующее. М.И. Семевский сообщал: «Бумаги покойного, по его завещанию, разобраны К.Н. Бестужевым-Рюминым, В.И. Ламанским и г. Будиловичем»⁹³. Однако З.И. Власова пишет: «И мировоззрение Гильфердинга, и его биография изучены далеко не исчерпывающим образом. Одна из причин — утрата личного архива ученого. По сообщениям периодики конца XIX в., архив должны были разбирать К.Н. Бестужев-Рюмин и В.И. Ламанский, но никаких следов этой работы нет»⁹⁴.

М.И. Семевский также писал: «После Александра Федоровича осталась прекрасная библиотека (слишком 6 т[ысяч] томов), собранная с большим выбором. Желательно, чтобы она, в полном составе, была приобретена каким-либо ученым обществом или учреждением в России»⁹⁵.

Что касается рукописей, то 6 февраля 1873 г. В.Ф. Гильфердинг написала письмо Афанасию Федоровичу Бычкову, являвшемуся в то время помощником директора Публичной библиотеки: «Милостивый государь, Афанасий Федоро-

вич. Я узнала от Константина Николаевича Бестужева-Рюмина, что Вы желаете просмотреть рукописи, принадлежавшие моему покойному мужу. Посылаю Вам при этом письмо ящик с рукописями и список рукописей. Примите уверение в моем уважении. В. Гильфердинг»⁹⁶.

Напомним читателям, что большую часть своего собрания рукописных книг (101 рукопись) Гильфердинг еще при жизни подарил Петербургской Публичной библиотеке⁹⁷. Все эти рукописные книги южнославянского происхождения (болгарские, боснийские и сербские) в настоящее время составляют отдельный Фонд № 182 — «Собрание А.Ф. Гильфердинга». Этот фонд подробно описал в 1958 г. Владимир Алексеевич Мошин — белоэмигрант, известный югославский славист, который сотрудничал с сектором древнерусской литературы Пушкинского Дома⁹⁸.

Другую значительную часть южнославянских рукописей Гильфердинг еще при жизни уступил московскому купцу, известному собирателю рукописей Алексею Ивановичу Хлудову, по сообщению М.И. Семевского, за 6 тыс. руб.⁹⁹ Коллекцию рукописей Хлудова описал в 1872 г. Андрей Николаевич Попов, указав, что «не ограничиваясь частными покупками из разных рук, А.И. Хлудов приобретал рукописи целыми коллекциями. Так в состав его библиотеки вошло собрание А.Ф. Гильфердинга, составленное последним во время путешествия по южно-славянским землям»¹⁰⁰. В 1917 г. она перешла в собственность Исторического музея в Москве.

В исторической справке к «Собранию А.Ф. Гильфердинга»¹⁰¹ написано, что «после смерти ученого была куплена Императорской Публичной библиотекой у его наследников» еще одна часть собрания — рукописи греческие, славянские и турецкие. В справке далее указано, что «приобретенные рукописные книги не составили отдельный фонд, а были распределены по уже существующим: славянские влились в ф. 550 (Основное собрание рукописной книги), а греческие — в ф. 906 (Собрание греческих рукописей)»¹⁰².

Пункт 7. Исполнитель завещания. Александр Федорович Гильфердинг своим душеприказчиком назначил сослуживца и друга Татаринова Павла Егоровича (23.11.1833 — 2.11.1905).

Кто такой был Павел Егорович Татаринов, поведала его правнучка Ольга Марковна Татаринова, проживающая в Москве. Она предоставила фотопортрет П.Е. Татаринова (ил. 4)¹⁰³ из ее личного архива, а также копию «Формулярного списка о службе...», в котором записано, что он «приказом государственного секретаря за № 9 переведен на службу в Государственную Канцелярию экспедитором, с зачислением для занятий в Отделение дел об устройстве сельского состояния (с 11 апреля 1866 г.)»¹⁰⁴, где в это же время служил (с 22 июня 1865 г.) статский советник А.Ф. Гильфердинг.

Также в формулярном списке указано, что с 1 января 1870 г. П.Е. Татаринов «именным высочайшим указом, данным Государственному Совету всемилости-

вейше назначен помощником статс-секретаря сего Совета сверх штата с оставлением для занятия при главном Комитете об устройстве сельского состояния» (т.е. по должности он был равным А.Ф. Гильфердингу), 1 января 1871 г. «высочайшим приказом, отданным по Государственной Канцелярии, за № 1 произведен, за отличие в действительные статские советники» (т.е. по чину он был также равным А.Ф. Гильфердингу), 12 января 1872 г. «избран действительным членом Императорского Русского географического общества», а с 9 июня по 29 сентября 1872 г. (во время рассмотрения Дела о духовном завещании А.Ф. Гильфердинга) П.Е. Татаринов был назначен «с высочайшего соизволения управлять делами Главного Комитета об устройстве сельского состояния на время отсутствия, за болезнью, Управляющего сими делами статс-секретаря тайного советника Жуковского» и, таким образом, ему пришлось заниматься оформлением всех документов, связанных с кончиной А.Ф. Гильфердинга.

Здесь, стоит указать, что в списке чиновников в Отделении по делам об устройстве сельского состояния Государственной канцелярии за 1872 г. значились: «Упр[авляющий] Делами Глав[ного] Ком[итета], Ст[атс]-Секр[етарь], Т[айный] С[оветник] Степ[ан] Мих[айлович] Жуковский. — П[о]м[ощник] Его: Д[ействительный] С[татский] С[оветник]: Ал[ексан]др Федор[ович] Гильфердинг; Пав[ел] Егор[ович] Татаринов (св[ерх] шт[ата]... — Делопр[оизводители]: <...> Мих[аил] Ив[анович] Семевский...»¹⁰⁵.

Таким образом, выяснено, что А.Ф. Гильфердинг, являясь помощником статс-секретаря, был начальником у П.Е. Татаринова, занимавшегося его духовным завещанием, а также у М.И. Семевского, написавшего некролог по его кончине. На самом деле, отношения между сослуживцами были скорее дружескими, чем начальственными.

В «Списке высшим чинам» за 1880 г. в «Отделении по делам об устройстве сельского состояния» записан состоящий при Отделении на правах исправляющего должность статс-секретаря Государственного Совета, тайный советник Павел Егорович Татаринов (ниже записан помощник статс-секретаря действительный статский советник Михаил Иванович Семевский)¹⁰⁶.

Стоит обратить также особое внимание на то, что у П.Е. Татаринова, помимо служебных дел, с которыми он великолепно справлялся, также как и у А.Ф. Гильфердинга, было свое увлечение, как говорят «хобби», которому он с любовью посвящал все свободное время. Немного остановимся на этом, чтобы понять его личность. Согласно формулярному списку 5 декабря 1881 г. он был избран секретарем Императорского общества садоводства. Решением Общества садоводства и по личному указу Александра II он делегируется на все Всемирные выставки, где возглавляет русский садовый отдел. П.Е. Татаринов всю жизнь увлеченно занимался разведением и акклиматизацией декоративных и редких растений. После выхода в отставку 17 июня 1882 г. в чине тайного советника он полностью отдался любимому делу.

Он переезжает в Сухум, где на приобретенном участке земли занимается интродукцией полезных плодовых и технических растений в этом крае. В своем саду на даче П.Е. Татаринов имел 48 редких видов пальм, 20 видов эвкалиптов, 46 видов агав, 27 видов кипарисов и множество других деревьев и растений (ил. 5). Помимо этого, он на своем участке проводит многолетние гидрометеорологические наблюдения¹⁰⁷. Именно П.Е. Татариновым из Франции была завезена и культивирована в Сухуме хурма, которая впоследствии была передана в Никитский ботанический сад Крыма.

В 1891 г. П.Е. Татаринову предлагают возглавить Сухумский ботанический сад. Им проводится реорганизация сада и на его базе создается Сухумская садовая и сельскохозяйственная опытная станция, включавшая ботанический сад в качестве отдела в структуре станции. Он активно пополняет коллекцию ботанического сада, выписывая семена и саженцы из других российских ботанических садов. П.Е. Татаринов является также одним из основателей Батумского ботанического сада.

Скончался Павел Егорович 2 ноября 1905 г.¹⁰⁸

Вопрос постановки на государственный учет и восстановление надгробия А.Ф. Гильфердинга. Как сообщалось выше, А.Ф. Гильфердинг был похоронен на Новодевичьем кладбище в Санкт-Петербурге. Было также установлено, что рядом с его могилой расположена могила его супруги В.Ф. Гильфердинг, скончавшейся 30 мая 1909 г. в Севастополе в возрасте 76 лет и похороненной 6 июня 1909 г. Здесь стоит сообщить, что места для мужа и себя на Новодевичьем кладбище были куплены ею 24 июня 1872 г.¹⁰⁹

В настоящее время семейное захоронение А.Ф. Гильфердинга и его супруги находится на том же кладбище (Московский проспект, д. 100), причем по плану Новодевичьего кладбища 1992 г. надгробие А.Ф. Гильфердинга зарегистрировано на участке № 8 под № 80, а могила В.Ф. Гильфердинг не зарегистрирована. Надгробие Александра Федоровича, выполненное в виде гранитного постамента в форме волны, именуемого «петровской горкой», сегодня не имеет завершения, крест на нем утрачен. Что касается надгробия Варвары Францевны, то оно полностью утрачено. Таким образом, семейное захоронение Гильфердингов требует полного восстановления (ил. 6).

Необходимо сообщить, что это семейное захоронение не стоит на государственной охране, хотя на Новодевичьем кладбище поставлены на учет 90 могил известных деятелей, в том числе уже упоминавшихся Константина Николаевича Бестужева-Рюмина (1829–1897) — общественного деятеля, историка (между 2-й и 3-й дорожками, правая сторона); Михаила Ивановича Семевского (1837–1892) — историка, публициста и общественного деятеля (22 дорожка, правая сторона); Александра Николаевича Пыпина (1833–1904) — историка русской общественной мысли, литературоведа (1 дорожка, правая сторона); Федора Ивановича Тютчева (1803–1873) — поэта (4 дорожка, правая сторона)¹¹⁰.

Вопросом постановки на учет и восстановлением могилы А.Ф. Гильфердинга мы начали заниматься с марта 2007 г., когда впервые обратились в Комитет по государственному контролю, использованию и охране памятников истории и культуры Санкт-Петербурга (КГИОП). 16 апреля 2007 г. из КГИОП был получен ответ, что необходимо выполнить историко-культурную экспертизу объекта. В 2008 г. мы обратились за помощью в Фонд имени Д.С. Лихачева, который стал содействовать реставрации могилы А.Ф. Гильфердинга¹¹¹.

С 2007 г. в течение 8 лет мы неоднократно обращали внимание различных государственных и общественных организаций на необходимость постановки на государственный учет и восстановление могилы¹¹².

В августе 2009 г. в газете «КижИ» по нашей просьбе была опубликована следующая информация: «Музей-заповедник "КижИ" поддерживает инициативу культурной общественности Санкт-Петербурга и Фонда имени Д.С. Лихачева и призывает всех людей, заинтересованных в сохранении русской культуры, оказать финансовую помощь в реализации данного проекта»¹¹³. К сожалению, никто не отозвался на этот призыв.

2 июля 2008 г. результаты «Историко-культурной экспертизы по заоронению, обладающему признаками объектов культурного наследия, представляющему историческую ценность "Могила Гильфердинга Александра Федоровича (1831–1872)"», выполненной в лицензированной организации ООО «АРС (Архитектура. Реставрация. Строительство)» специалистами Еленой Игоревной Луцко и Вероникой Александровной Сорокиной, были отправлены в КГИОП от лица Фонда им. Д.С. Лихачева. 12 ноября 2008 г. историко-культурная экспертиза была согласована КГИОП и в письме, адресованном в Фонд им. Д.С. Лихачева сообщалось, что возможность постановки на государственный учет будет рассмотрена в установленном порядке, о чем будет сообщено дополнительно. Но, к большому сожалению, дополнительно ничего не было сообщено, т.к. экземпляры согласованной экспертизы были потеряны в недрах КГИОП, их бесполезно искали в течение двух лет и не могли найти.

Учитывая важность начатого дела, в 2010 г. историко-культурная экспертиза по нашей просьбе была восстановлена специалистами ООО «АРС» и передана повторно в КГИОП 13 июля 2010 г. КГИОП, в свою очередь, рекомендовал обратиться к руководителю Управления Росохранкультуры по Северо-Западному федеральному округу, т.к. в связи с выходом распоряжения Правительства РФ от 09.06.2010 г. № 950-р Новодевичье кладбище, в том числе все находящиеся под охраной могилы, были включены в перечень объектов культурного наследия федерального значения. 19 августа 2010 г. Фонд им. Д.С. Лихачева направил экспертизу в Управление Росохранкультуры по Северо-Западному округу. 22 сентября 2010 г. из Управления Росохранкультуры пришел ответ, что экспертиза, выполненная в 2008 г., не соответствует требованиям Федерального закона № 73-ФЗ, а именно Положению о государственной историко-культур-

ной экспертизе, утвержденному постановлением Правительства РФ от 15 июля 2009 г. № 569, и Управление рекомендует привести экспертизу в соответствие с действующим законодательством для возможного последующего внесения объекта в реестр.

Стоит добавить, что 1 сентября 2010 г. в Управление Росохранкультуры было направлено для рассмотрения «Предложение по воссозданию элементов надгробия (креста) на могиле А.Ф. Гильфердинга на кладбище Новодевичьего монастыря», выполненное в ОАО «СПб Институт Ленпроектреставрация» и ООО «Рест-Арт-Проект» архитектором Татьяной Николаевной Ознобишиной.

В этот же период между Управлением Росохранкультуры по Северо-Западу и КГИОП возникли разногласия о том, какой из организаций следует заниматься постановкой на учет и восстановлением надгробья А.Ф. Гильфердинга — федеральной или региональной.

В этом поистине безвыходном положении в 2011 г. был написан запрос в Министерство культуры Российской Федерации о постановке на учет могилы А.Ф. Гильфердинга. Из Москвы пришел ответ от 3 августа 2011 г. о том, что Министерство культуры обратилось в КГИОП с предложением рассмотреть наше обращение.

30 сентября 2011 г. КГИОП сообщил нам, что ему можно отправить на рассмотрение историко-культурную экспертизу.

28 февраля 2012 г. выполненный по новым правилам «Акт государственной историко-культурной экспертизы объекта, обладающего признаками объекта культурного наследия: семейное захоронение Александра Федоровича Гильфердинга и Варвары Францевны Гильфердинг (урожденной Ридель), расположенное по адресу: г. Санкт-Петербург, проспект Московский, 100, Новодевичье кладбище» (в новую историко-культурную экспертизу была включена и могила жены), подписанный 16 февраля 2012 г. кандидатом искусствоведения экспертом Михаилом Исаевичем Мильчиком, был направлен в КГИОП.

21 июня 2012 г., наконец, Акт государственной историко-культурной экспертизы «Семейное захоронение А.Ф. и В.Ф. Гильфердингов» был согласован. Об этой радостной весте была размещена новость на сайте Кенозерского национального парка: «Появилась надежда, что в ближайшее время крест надгробного памятника будет восстановлен. Семейное захоронение отныне будет находиться под охраной государства, а историческая память "почтенному изыскателю" восстановлена»¹¹⁴.

Казалось бы, что этот многотрудный путь, связанный с волокитой по согласованию историко-культурной экспертизы, пройден. Однако возникли новые непредвиденные трудности по постановке на учет семейного захоронения Гильфердингов, связанные с включением в реестр его вновь выявленных памятников. С 2010 г., как было указано выше, КГИОП и Управление Минкультуры России по Северо-Западному федеральному округу, в чьем ведении находился

объект «Новодевичье кладбище», не могли решить, кто будет заниматься постановкой на учет могилы А.Ф. Гильфердинга.

Помимо общения с КГИОП нами были предприняты и другие шаги по обращению в разные организации. Так, предполагалось, что в постановке на учет и восстановлении захоронения А.Ф. Гильфердинга сможет помочь Русское географическое общество, по просьбе которого было дано интервью 7 апреля 2011 г. в его штаб-квартире в Москве (Новая пл., д. 10, стр. 2), размещенное на сайте общества¹¹⁵.

Далее по нашей инициативе 5 декабря 2011 г. в Большом зале Комиссии по этнографии Русского географического общества в Санкт-Петербурге (пер. Гривцова, д. 10, литера А) состоялось выездное расширенное заседание Отдела русского фольклора Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, посвященное 180-летию со дня рождения первого председателя Этнографического отделения Русского географического общества А.Ф. Гильфердинга¹¹⁶. На этом заседании присутствовали многие сотрудники Отдела русского фольклора, представители культурных сообществ г. Санкт-Петербурга. Подробно об этом заседании была размещена информация на сайте Кенозерского национального парка¹¹⁷ и в сборнике Пушкинского Дома «Русский фольклор»¹¹⁸. Но, к большому сожалению, и эта затея с Географическим обществом осталась без внимания.

Можно было бы, конечно, самостоятельно поставить крест на могиле Александра Федоровича, используя наши личные средства (как нам и советовали), завершить это дело и успокоиться, но хотелось бы, чтобы с учетом значимости заслуг исследователя перед Россией это сделало наше государство. Исчерпав все силы в борьбе с административным аппаратом по постановке на учет и восстановлению семейного захоронения Гильфердингов и не зная, к кому обратиться за помощью для решения этого, по нашему мнению, не частного дела, а дела государственной важности, мы решили обратиться лично за помощью к президенту Российской Федерации и председателю Попечительского совета Русского географического общества Владимиру Владимировичу Путину (направив письмо 23 декабря 2014 г. через Аппарат полномочного представителя президента Российской Федерации в Северо-Западном федеральном округе) с просьбой ускорить этот процесс. В результате 12 марта 2015 г. «Акт государственной историко-культурной экспертизы "Семейное захоронение А.Ф. и В.Ф. Гильфердингов"», как следует из письма Комитета по государственному контролю, использованию и охране памятников истории и культуры г. Санкт-Петербурга, направлен на рассмотрение в Министерство культуры Российской Федерации в Москву. Однако до сегодняшнего дня решение о включении памятника в реестр объектов культурного наследия федерального значения так и не было принято.

9 сентября 2015 г. мы выступили с презентацией «Забытый Гильфердинг» на конференции «Рябининские чтения — 2015» (сверх программы конференции), организованной музеем-заповедником «Кижы», рассказав о возникшей пробле-

ме постановки на учет и восстановлении надгробья А.Ф. Гильфердинга, а также указав ученым, работающим в области русского фольклора, на их незнание проблемы и, следовательно, на бездействие по привлечению государственных и общественных организаций в дело увековечения памяти о А.Ф. Гильфердинге. В конце презентации мы обратились ко всем участникам конференции и, в частности, к председателю ее научного оргкомитета доктору филологических наук, главному научному сотруднику Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН Татьяне Григорьевне Ивановой с просьбой оказать содействие в постановке на учет и восстановлении семейного захоронения Гильфердингов.

Конференция положительно отреагировала на эту просьбу и включила в рекомендации конференции «Рябининские чтения — 2015» отдельный пункт: «8. Конференция предлагает администрации музея "Кижы" от имени участников "Рябининских чтений" обратиться в Министерство культуры России с настоятельной просьбой обеспечить восстановление на Новодевичьем кладбище в Петербурге надгробья выдающегося собирателя былин в Обонежском крае Александра Федоровича Гильфердинга (1831–1872), трудами которого была прославлена традиционная культура Олонецкой губернии»¹⁹.

Вопросом постановки на учет семейного захоронения Гильфердингов снова заинтересовалось Русское географическое общество, в адрес которого 26 сентября 2015 г. было отправлено письмо на имя президента Русского географического общества С.К. Шойгу о затягивании вопроса на годы. 20 октября 2015 г. из исполнительной дирекции Русского географического общества пришел ответ: «Приведенная в Вашем обращении информация вызывает беспокойство и интерес со стороны Общества. В связи с этим Ваше обращение направлено для рассмотрения в Этнографическую комиссию Общества. О рассмотрении Вам как заявителю будет сообщено дополнительно».

В заключение хотелось бы напомнить последние слова из некролога, опубликованного в «Отчете императорского Русского географического общества за 1872 г.», составленного секретарем Общества графом К.Ф. Литке в 1873 г.: «Таким образом, смерть постигла нашего талантливую сочлена в полном цвете лет, трудящегося на пользу именно той науки, попечение о развитии и успех которой было ему вверено нашим Обществом»²⁰.

Будем надеяться, что Всероссийская общественная организация «Русское географическое общество», являющееся приемником Императорского Русского географического общества, созданного 170 лет тому назад, позаботится о месте упокоения председателя этнографического отделения Александра Федоровича Гильфердинга. Или это сделают другие?

Примечания

¹ Бестужев-Рюмин К.Н. Александр Федорович Гильфердинг // Онежские былины, записанные А.Ф. Гильфердингом летом 1871 г. 2-е изд. СПб., 1894. Т. 1. С. XII.

² Прощение вдовы действительного статского советника Гильфердинга А.Ф. Олонецкому губернатору Григорьеву Г.Г. о получении свидетельства о смерти мужа в г. Каргополе для представления в комиссию юстиции Царства Польского для решения вопроса о наследстве. 1873 г. 17 июля // Национальный архив Республики Карелия (далее НАРК). Ф. 1. Оп. 1. Д. 66/65. Л. 85–85 об.

³ Дело императорского Русского географического общества. Этнографическая поездка действ. члена А.Ф. Гильфердинга в Олонецкую губернию. Началось 26 мая 1871 года // Научный архив РГО. Ф. 1-1871. Оп. 1. Д. 16. Л. 1–3.

⁴ Письмо председателя Императорского русского географического общества олонецкому губернатору о предстоящей поездке по Олонецкой губернии А.Ф. Гильфердинга. 1871 г. [Получено 28 июня 1871 г.] // НАРК. Ф. 1 (Канцелярия олонецкого губернатора). Оп. 1. Д. 60/91. Л. 493.

⁵ Дело императорского Русского географического общества. О поездке Председателя Отделения этнографии А.Ф. Гильфердинга в Архангельскую и Вологодскую губернии для этнографических исследований. Началось 26 мая 1872 года // Научный архив РГО. Ф. 1-1872. Оп. 1. Д. 19. Л. 2–4.

⁶ Свидетельство Государственной Канцелярии об отправлении Гильфердинга в Олонецкую, Архангельскую и Вологодскую губернии. Выдано 4 июня 1872 г. // Российский государственный исторический архив (далее РГИА). Ф. 1162. Оп. 7. Д. 234 (Дело о службе помощника статс-секретаря Государственного Совета действительного статского советника Гильфердинга за 1861–1872 гг.). Л. 84.

⁷ Свидетельство, данное А.Ф. Гильфердингом своей жене В.Ф. Гильфердинг об отправлении в Москву. 8 июня 1872 г. // РГИА. Ф. 1162. Оп. 7. Д. 234 (Дело о службе помощника статс-секретаря Государственного Совета действительного статского советника Гильфердинга за 1861–1872 гг.). Л. 82.

⁸ [О предстоящей поездке А.Ф. Гильфердинга в Онежский и Кемский уезды] // Архангельские губернские ведомости. Часть неофиц. 1872. 17 (29) июня. № 49. С. 6–7.

4 Гильтебрандт П. А.Ф. Гильфердинг (Некролог) // Биржевые ведомости. 1872. 24 июня. № 170. С. 4.

¹⁰ Семевский М.И. Александр Федорович Гильфердинг (Некролог) // Русская старина. СПб., 1872. Т. 6, № 10. С. 452–470.

¹¹ Прокопович В. Кончина и похороны А.Ф. Гильфердинга в г. Каргополе (Письмо в редакцию Олонецких губернских ведомостей) // Олонецкие губернские ведомости. 1872. 12 июля. № 53. С. 596–597.

¹² «Письмо из Каргополя о болезни Гильфердинга» см.: Семевский М.И. Александр Федорович Гильфердинг (Некролог) // Русская старина. СПб., 1872. Т. 6, № 10. С. 465.

¹³ Прокопович В. Указ. соч. С. 596–597.

¹⁴ Приписка (о разрешении В.Ф. Гильфердинг ехать в Олонецкую губернию и обратно) на Свидетельстве, данном А.Ф. Гильфердингом своей жене В.Ф. Гиль-

фердинг об отправлении в Москву. 19 июня 1872 г. // РГИА. Ф. 1162. Оп. 7. Д. 234 (Дело о службе помощника статс-секретаря Государственного Совета действительного статского советника Гильфердинга за 1861–1872 гг.). Л. 82 об.

¹⁵ Гильтебрандт П. Указ. соч. С. 4.

¹⁶ Бестужев-Рюмин К. Гильфердинг Александр Федорович (Некролог, перепечатанный из газеты «Голос» № 53 от 23 июня 1872 г. С. 1) // Олонецкие губернские ведомости. 1872. 5 июля. № 51. С. 567–568.

¹⁷ Прокопович В. Указ. соч. С. 596–597.

¹⁸ Рапорт Каргопольского уездного управления в Канцелярию Государственного Совета № 4499 от 21 июня 1872 г. о смерти А.Ф. Гильфердинга, скончавшегося от брюшного тифа в г. Каргополе, от 20 июня 1872 г. Получен 28 июня 1872 г. // РГИА. Ф. 1162. Оп. 7. Д. 234 (Дело о службе помощника статс-секретаря Государственного Совета действительного статского советника Гильфердинга за 1861–1872 гг.). Л. 83а, 83б.

¹⁹ Некролог [Гильфердинг Александр Федорович] // Голос. 1872. 21 июня (3 июля). № 52. С. 2.

²⁰ Какая может быть сдержанность или мера в тоске по столь дорогому другу? (Гораций «Оды», I, 24, 1-2; пер. О. Румера).

²¹ Бестужев-Рюмин К. [Гильфердинг Александр Федорович (Некролог)] // Санкт-Петербургские ведомости. 1872. 22 июня (4 июля), № 168. Первый лист. С. 2; Его же. Гильфердинг А.Ф. (Некролог) Голос. № 53. 22 июня (4 июля) 1872 г. С. 1.

²² Прокопович В. Указ. соч. С. 596–597.

²³ Шайжин Н. Памяти исследователя Олонецкого края Александра Федоровича Гильфердинга [Смерть в Каргополе] // Олонецкие губернские ведомости. 1908. 31 мая. № 51. С. 1–2.

²⁴ Там же.

²⁵ Метрическое свидетельство о смерти А.Ф. Гильфердинга // РГИА. Ф. 758 (Санкт-Петербургский Опекунский совет Ведомства учреждений императрицы Марии). Оп. 28 (О духовных завещаниях). Д. 62 (Дело о духовном завещании действительного статского советника Александра Федоровича Гильфердинга). Л. 6.

²⁶ Метрическая книга на 1872 год, часть третья, о умерших (выписка о смерти и погребении Гильфердинга А.Ф.) // Там же. Л. 7.

²⁷ Священник Павел Васильевич Николаевский [Некролог] // Олонецкие епархиальные ведомости. 1905. № 7. С. 225.

²⁸ Некролог о смерти в г. Каргополе председателя Отделения этнографии императорского Русского географического общества Гильфердинга А.Ф. // Олонецкие губернские ведомости. 1872. 24 июня. № 48. С. 539.

²⁹ [Сообщение о смерти А.Ф. Гильфердинга в Каргополе от брюшного тифа по дороге в Онежский и Кемский уезды] // Архангельские губернские ведомости. 1872. 2(14) авг. № 62. С. 3.

³⁰ Рапорт статс-секретаря Жуковского о назначении вдове Гильфердинга единовременного пособия. 21 июня 1872 г. // РГИА. Ф. 1162. Оп. 7. Д. 234 (Дело о службе помощника статс-секретаря Государственного Совета действительного статского советника Гильфердинга за 1861–1872 гг.). Л. 87–87 об.

³¹ Санкт-Петербургские ведомости. 1872. 22 июня (4 июля). № 168. Второй лист. С. 2.

³² Уведомление Министра финансов члену Комитета по делам Царства Польского и управляющему делами его о назначении вдове Гильфердинга единовременного пособия. 21 июня 1872 г. // РГИА. Ф. 1162. Оп. 7. Д. 234 (Дело о службе помощника статс-секретаря Государственного Совета действительного статского советника Гильфердинга за 1861–1872 гг.). Л. 88.

³³ Список с Приказа Государственного Секретаря об исключении Гильфердинга из списков чинов Государственной Канцелярии. 24 июня 1872 г. // Там же. Л. 86.

³⁴ Формулярный список о службе помощника статс-секретаря Государственного Совета и цензора С. Петербургского почтамта действительного статского советника Александра Гильфердинга. 1868 г. // Там же. Л. 99.

³⁵ Извещение Распорядительного Комитета Петербургского отдела Славянского благотворительного комитета о приглашении членов Отдела почтить память покойного председателя А.Ф. Гильфердинга присутствием на его похоронах // Санкт-Петербургские ведомости. 1872. 1 (13) июля. № 179. С. 2.

³⁶ Гильфердинг Варвара Францевна, жена писателя Александра Федоровича Гильфердинга. Письмо и печатное извещение Ивану Петровичу Корнилову (о кончине А.Ф. Гильфердинга в Каргополе, пожаловании на вынос тела его с Воскресенской пристани Северного пароходства и на погребение в Новодевичий монастырь). 3 июля 1872 г. // Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (далее ОР РНБ). Ф. 377 (Корнилов И.П.). Д. 591. Л. 1.

³⁷ [Извещение о кончине А.Ф. Гильфердинга] // Санкт-Петербургские ведомости. 1872. 3 (15) июля. № 179. С. 4.

³⁸ Семевский М.И. Указ. соч. С. 467–470 (Приложение III. «Погребение Гильфердинга в Петербурге»).

³⁹ К некрологу А.Ф. Гильфердинга [Надгробное слово ему архим. Хрисанфа] // Московские епархиальные ведомости. 1872. 13 августа. № 33. С. 253–254.

⁴⁰ Бестужев-Рюмин К.Н. Гильфердинг А.Ф. (Некролог) // Голос. 1872. 22 июня. № 53. С. 1.

⁴¹ Семевский М.И. Указ. соч. С. 467 (Приложение II. «Поминки Гильфердинга в Карлсбаде»).

⁴² Александр Федорович Гильфердинг [Некролог] // Московские епархиальные ведомости. 1872. 9 июля. № 28. С. 207–208.

⁴³ Лавров П. Гильфердинг, Александр Федорович // Русский биографический словарь: в 25 т. СПб.; М., 1916. Герберский — Гогенлоэ. С. 195–205.

-
-
- ⁴⁴ Официальное письмо товарищу обер-прокурора Синода Юрию Васильевичу Толстому об устройстве причта при православном храме Св. Николая в Праге. 17 июня 1871 г. № 456 // ОР РНБ. Ф. 182 [Гильфердинг А.Ф.]. Ед. хр. 20. Л. 1.
- ⁴⁵ Л.Б. Русская церковь во имя Св. Николая, в Праге. Гравюра: Прага. — Церковь св. Николая, освящение которой предположено 4 августа // Всемирная иллюстрация. СПб., 1874. № 292. С. 84, 86.
- ⁴⁶ Petersburg, 7 Juli. A.T. Hilferding // Die Presse. 1872. 14 Juli. Nr. 191. S. 4–5.
- ⁴⁷ А. П[ыпин]. Некролог: Александр Федорович Гильфердинг // Вестник Европы. 1872. № 8. С. 902–907.
- ⁴⁸ Касьянов И.А. Воспоминание крестьянина об А.Ф. Гильфердинге // Русская старина. СПб., 1872. Т.6, № 12. С. 694–698.
- ⁴⁹ Трое из недавно умерших ученых и литературных деятелей. 1) Владимир Иванович Даль. 2) Петр Петрович Пекарский. 3) Александр Федорович Гильфердинг // Всемирная иллюстрация. СПб., 1872. 16 дек. № 207. С. 393–398. Здесь же гравюра (рис. П.Ф. Борель, грав. Л.А. Серяков).
- ⁵⁰ Групповой портрет. Трое из недавно умерших ученых и литературных деятелей. П.П. Пекарский. В.И. Даль. А.Ф. Гильфердинг. 1872 г. Л.А. Серяков по рисунку П.Ф. Бореля. Гравюра на дереве. Лист из «Всемирной иллюстрации». 16 декабря 1872 г., № 207, т. VIII, № 25. С. 393 // Литературный музей Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН. Вх. № 217. Инв. № 46743.
- ⁵¹ Портрет. А.Ф. Гильфердинг. От Варвары Францевны Гильфердинг после кончины ее мужа. Фото Г. Денъера. С. Петербург // Отдел эстампов РНБ. Инв. № 168525. Шифр: Э ФП/І-Г477.
- ⁵² Никитенко А.В. Отчет о деятельности Второго отделения Академии наук за 1872 год: Чит. на публичном собрании 29-го дек. орд. акад. А.В. Никитенко // Сборник отделения русского языка и словесности императорской академии наук. СПб., 1873. Т. X, № 9. С. 1, 26–28.
- ⁵³ Бестужев-Рюмин К.Н. Александр Федорович Гильфердинг // Славянское обозрение. 1892. Т. III, кн. IX — сентябрь. С. 1–14.
- ⁵⁴ Филиппов Т.И. В память А. Ф. Гильфердинга. Некролог // Гражданин. 1873. 19 февр. № 8. С. 243–245.
- ⁵⁵ Бестужев-Рюмин К.Н. Александр Федорович Гильфердинг, как историк (Читано на торжественном заседании Петербургского отдела Славянского благотворительного комитета 14-го февраля 1873 г.) // Бестужев-Рюмин К.Н. Биографии и характеристики. СПб., 1882. С. 351–358; Голос. 1873. 23 февр. № 54. С. 4–5.
- ⁵⁶ Аксаков И.С. Речь о А.Ф. Гильфердинге, В.И. Дале и К.И. Невоструеве // Аксаков И.С. Сочинения. М., 1887. Т. 7. С. 784–794.
- ⁵⁷ Некролог [А.Ф. Гильфердинга сообщен для отчета чл.-сотр. П.А. Гильтебрандтом] // Отчет императорского Русского географического общества за 1872 год / сост. К.Ф. Литке. СПб., 1873. С. 1, 5, 6, 7.

⁵⁸ Лобода А.М. Памяти А.Ф. Гильфердинга (к 25 годовщине его смерти) // Этнографическое обозрение. 1897. № 4. С. 89–98.

⁵⁹ Солнышкова А.М. Памяти Гильфердинга (Прочитано на лит. утре в женской гимназии 6 февраля 1903 г.). Петрозаводск, 1903. 14 с.; Некролог о смерти в г. Каргополе председателя Отделения этнографии императорского Русского географического общества Гильфердинга А.Ф. // Олонецкие губернские ведомости. Часть неофиц. 1903. 18 февр. № 18; 20 февр. № 19.

⁶⁰ [Памяти А.Ф. Гильфердинга] Первая публикация // Тютчев Ф.И. Полное собрание сочинений и писем: в 6 т. СПб., 1886. Т. 2: Стихотворения. 1850–1873. С. 356 (в сокращенном виде, в редакции А.Н. Майкова, озаглавлено «Памяти А.Ф. Гильфердинга»). Полный текст опублик.: Изд. 1900. С. 371, по списку. В Лирике II (с. 271) — по автографу, без заглавия.

⁶¹ Автограф см.: РГАЛИ. Ф. 505 (Тютчев Федор Иванович). Оп. 1. Ед. хр. 49. Л. 10–11 об.

⁶² Заседание [Московского] славянского комитета) // Московские ведомости. 1872. 21 нояб. № 295. С. 4.

⁶³ От Московского славянского комитета [Некролог А.Ф. Гильфердинга] // Там же.

⁶⁴ О денежных пожертвованиях отделу и вообще о приходе и расходе сумм // Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (далее ЦГИА СПб.). Ф. 400 (Петроградское Славянское благотворительное общество (1868–1917)). Оп. 1. Д. 12. Л. 22.

⁶⁵ Смета доходов и расходов Петербургского отдела Славянского благотворительного комитета на 1873 год. [СПб., 1872]. С. 8.

⁶⁶ Смета доходов и расходов Петербургского отдела Славянского благотворительного комитета на 1874 год. [СПб., 1874]. С. 8.

⁶⁷ Смета доходов и расходов Петербургского отдела Славянского благотворительного комитета на 1875 год. [СПб., 1875]. С. 4.

⁶⁸ Справка казначея Отдела о начислении процентов на премию в память А.Ф. Гильфердинга. О денежных пожертвованиях Отделу и вообще о приходе и расходе сумм // ЦГИА СПб. Ф. 400. Оп. 1. Д. 12. Л. 11.

⁶⁹ Извлечения из протоколов 1883 г.: Действия Санкт-Петербургского Славянского благотворительного общества // Известия Санкт-Петербургского Славянского Благотворительного общества. 1884. Т. 1. С. 1, 2, 4; Т. 3. С. 1, 4, 5.

⁷⁰ Славянское благотворительное общество. Обращение к членам общества в связи с 25 летним его юбилеем // ОР РНБ. Ф. 601 [Половцовы]. Ед. хр. 23. Л. 1–2.

⁷¹ Гильфердинг Александр Федорович (1831–1872). Славист и собиратель русских былин. Председатель этнографического отделения Русского географического общества с 1870 г. На сборном листе: Россия. Портрет тех. способ воспроизв. // Отдел эстампов РНБ. Шифр: Э Тюм/ЧИ 266.

⁷² Конкурс на соискание премии имени А.Ф. Гильфердинга в 1000 руб. // Славянские известия. 1889. № 10. С. 260.

⁷³ Премия Гильфердинга // Исторический вестник. 1898. Август. Т. LXXIII. С. 742–743.

⁷⁴ Дело о духовном завещании действительного статского советника Александра Федоровича Гильфердинга // РГИА. Ф. 758 (Санкт-Петербургский Опекунский совет Ведомства учреждений императрицы Марии). Оп. 28 (О духовных завещаниях). Д. 62. Л. 1–13.

⁷⁵ Гильфердинг Варвара Францевна. Письмо Ивану Петровичу Корнилову с просьбой содействовать скорейшей, по возможности отсылке завещания А.Ф. Гильфердинга из Опекунского совета в Окружной суд. 6 июля 1872 г. // ОР РНБ. Ф. 377. Ед. хр. 591. Л. 2.

⁷⁶ Свидетельство Государственной Канцелярии вдове умершего помощника статс-секретаря Государственного Совета Варваре Францовне Гильфердинг для свободного жительства во всех городах Российской империи // РГИА. Ф. 1162. Оп. 7. Д. 234 (Дело о службе помощника статс-секретаря Государственного Совета действительного статского советника Гильфердинга за 1861–1872 гг.). Л. 85.

⁷⁷ Татаринцов Павел Егорович, действ. ст. советник. Извещение Ивану Петровичу Корнилову с просьбой прибыть в Окружной суд на слушание дела о духовном завещании А.Ф. Гильфердинга // ОР РНБ. Ф. 377. Ед. хр. 1158. Л. 1.

⁷⁸ Алфавитный указатель к Санкт-Петербургским и Московским Сенатским объявлениям, заключающий в себе указания первых публикаций по казенным, правительственным и судебным делам. За октябрь, ноябрь и декабрь месяцы 1872 г. // Санкт-Петербургские сенатские объявления по казенным, правительственным и судебным делам. Четверг 26 октября 1872 г. № 86. Разряд XV. О духовных завещаниях и о явке их к засвидетельствованию и для ввода во владение... Гильфердинга, № 5444. СПб., 1872. С. 41, 42, 742.

⁷⁹ Формулярный список о службе старшего столоначальника в Азиатском департаменте надворного советника Гильфердинга // РГИА. Ф. 1162. Оп. 7. Д. 234 (Дело о службе помощника статс-секретаря Государственного Совета действительного статского советника Гильфердинга за 1861–1872 гг.). Л. 3–8.

⁸⁰ Свидетельство, выданное Государственной Канцелярией А.Ф. Гильфердингу, в том, что он единственный сын умершего в Санкт-Петербурге 5 января 1864 г. сенатора, тайного советника Федора Ивановича Гилфердинга имеет право на наследование майората Приштула Августовской губернии // Там же. Л. 55.

⁸¹ Письмо А.Ф. Гильфердинга к В.А. Черкасскому. 2 октября 1864 г. // Отдел рукописей Российской государственной библиотеки. Ф. 327/II (Черкасские). Карт. 7. Д. 15. Л. 1–1 об.

⁸² Формулярный список о службе помощника статс-секретаря Государственного Совета и цензора Санкт-Петербургского Почтамта, действительно статского советника Александра Гильфердинга. 1868 г. // РГИА. Ф. 1162. Оп. 7. Д. 234 (Дело о службе помощника статс-секретаря Государственного

Совета действительного статского советника Гильфердинга за 1861–1872 гг.), Л. 89–89 об.

⁸³ Прощение вдовы действительного статского советника Гильфердинга А.Ф. Олонецкому губернатору Григорьеву Г.Г. о получении свидетельства о смерти мужа в г. Каргополе для представления в комиссию юстиции Царства Польского для решения вопроса о наследстве. 1873 г. 17 июля // НАРК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 66/65. Л. 85–85 об.

⁸⁴ Конверт с Прощением вдовы действительного статского советника Гильфердинга А.Ф. Олонецкому губернатору Григорьеву Г.Г. 1873 г. 17 июля // Там же. Л. 86–86 об.

⁸⁵ Письмо Олонецкого губернатора Григорьева Г.Г. вдове действительного статского советника Гильфердинга А.Ф. о высылке сообщения о смерти ее мужа в г. Каргополе в комиссию юстиции Царства Польского для решения вопроса о наследстве. 1873 г. 24 июля // Там же. Л. 85а.

⁸⁶ См.: Калитин В.А. Новые биографические данные А.Ф. Гильфердинга, обнаруженные в архивах и библиотеках // Кенозерские чтения — 2009. Этнокультурный ландшафт Кенозерья: сборник материалов IV Всероссийской научно-практической конференции. Архангельск, 2011. С. 160–176, 414.

⁸⁷ Прощение Великого Князя Константина к Государю Императору о назначении вдове Гильфердинга пенсии из казны // РГИА. Ф. 1162. Оп. 7. Д. 234 (Дело о службе помощника статс-секретаря Государственного Совета действительного статского советника Гильфердинга за 1861–1872 гг.). Л. 101–106.

⁸⁸ Письмо к В.Ф. Гильфердинг о повелении государя императора производить пенсию из казны // Там же. Л. 107–107 об.).

⁸⁹ Касьянов И.А. Воспоминание крестьянина об А.Ф. Гильфердинге // Русская старина. СПб., 1872. Т. 6, № 12. С. 694–698.

⁹⁰ Гильфердинг А.Ф. Олонецкая губерния и ее народные рапсоды // Вестник Европы. 1872. № 3. С. 902–907; Его же. Олонецкая губерния и ее народные рапсоды // Онежские былины, записанные А.Ф. Гильфердингом летом 1871 г. М.; Л., 1949. Т. 1. С. 57–58.

⁹¹ Власова З.И. Новое о А.Ф. Гильфердинге // Советская этнография. 1991. № 1. С. 71.

⁹² Ее же. Гильфердинг Александр Федорович // Русские писатели. 1800–1917: биографический словарь. М., 1989. Т. 1. С. 560–561.

⁹³ Семевский М.И. Указ. соч. С. 465.

⁹⁴ Власова З.И. Новое о А.Ф. Гильфердинге. С. 60.

⁹⁵ Семевский М.И. Указ. соч. С. 465.

⁹⁶ Гильфердинг В.Ф. Письмо ее Афанасию Федоровичу Бычкову. Посылка на просмотр А.Ф. Бычкову рукописей ее мужа // ОР РНБ. Ф. 120 (Бычковы). Ед. хр. 548. Л. 1.

⁹⁷ Отчет императорский Публичной библиотеки за 1868 год. СПб., 1869. С. 10–159.

⁹⁸ Мошин В.А. К датировке рукописей из собрания А.Ф. Гильфердинга Государственной Публичной библиотеки // Труды Отдела древнерусской литературы. М.; Л., 1958. Т. 15. С. 409–417; Его же. Славянские рукописи в Македонии // Труды Отдела древнерусской литературы. СПб., 1993. Т. 47. С. 413–414.

⁹⁹ Семевский М.И. Указ. соч. С. 465.

¹⁰⁰ Попов А. Описание рукописей и каталог книг церковной печати библиотеки А.И. Хлудова. М., 1872. С. 1.

¹⁰¹ Собрание А.Ф. Гильфердинга // ОР РНБ. Ф. 182. Оп. 1. Л. 2.

¹⁰² Отчет императорский Публичной библиотеки за 1873 год. СПб., 1875. С. 9–22.

¹⁰³ Надпись на обороте: Татаринов Павел Егорович (примерно 1880-е годы). Штмп на обороте: А. Пазетти. Фотограф Ея Императ. Высочества Госуд. Велик. Княгини Александры Иосифовны. Невский пр. № 24. С. Петербург.

¹⁰⁴ Формулярный список о службе состоящего при Государственной Канцелярии на правах исправляющего должность Статс-Секретаря Государственного Совета, Тайного Советника Татаринова. 1882 г. // РГИА. Ф. 1162. Оп. 7. Д. 1089 (Дело о службе тайного советника Татаринова Государственной Канцелярии Отделения дел Государственного Секретаря). Л. 74 об. — 77.

¹⁰⁵ Адрес-календарь. Общая роспись начальствующих и прочих должностных лиц по всем управлениям в Российской империи на 1872 год. Ч. I: Власти и места центрального управления и ведомства их. Раздел второй. СПб., [б.г.]. С. 79–81.

¹⁰⁶ Список Высшим чинам государственного, губернского и епархиального управления. 1880 г. СПб., [1880]. С. 10.

¹⁰⁷ Татаринов П.Е. Шестилетние опыты по культуре и акклиматизации растений в Сухуме, на восточном берегу Черного моря. С 2-мя рисунками // Вестник садоводства, плодородства и огородничества. 1892. Июль [№ 7]. С. 300–310; Август [№ 8]. С. 357–367.

¹⁰⁸ Н.К. Павел Егорович Татаринов. Некролог // Вестник императорского Российского общества садоводства. 1905. № 11. С. 40.

¹⁰⁹ Калигин В.А. Новые биографические данные А.Ф. Гильфердинга, обнаруженные в архивах и библиотеках // Кенозерские чтения — 2009. Этнокультурный ландшафт Кенозерья: сборник материалов IV Всероссийской научно-практической конференции. Архангельск, 2011. С. 160–176, 414.

¹¹⁰ Памятники истории и культуры Ленинграда: учеб. пособие / сост. Р.А. Кирилина, В.А. Пейчева, М.Н. Петрова и др.; науч. ред. К.И. Качина. 1975. Вып. 2. С. 61–65.

¹¹¹ Реставрация могилы А.Ф. Гильфердинга // Фонд имени Д.С. Лихачева. URL: <http://www.lfond.spb.ru/chronicle/261> (дата обращения: 27 февраля 2008 г.).

¹¹² Долгошева А.Б. Доблестный и храбрый воин (135 лет со дня смерти) // Санкт-Петербургские ведомости. 2007. 2 июля. № 118 (3910). С. 4; Калигин В.А. Сохранение памяти о Гильфердинге А.Ф. (1831–1872) и восстановление креста на его могиле // Наука и техника: Вопросы истории и теории: Тезисы XXVIII Меж-

дународной конференции Санкт-Петербургского отделения национального комитета по истории и философии науки и техники РАН (26–30 ноября 2007 г.). СПб., 2007. Вып. 23. С. 135–137; Его же. Александр Гильфердинг. Собиратель Олонецких былин // Киж. 2007. Сентябрь. № 8 (37). С. 3; Его же. Памяти Гильфердинга — собирателя былин на Кенозере. (К 136 годовщине со дня смерти) // Плесецкие новости. 2008. 1 июля. № 73 (10205). С. 3.

¹¹³ Внимание! Акция! // Киж. 2009. Август. № 7 (58). С. 1.

¹¹⁴ [Калитин В.А.] Семейное захоронение Гильфердингов признано памятником федерального значения. Новости // Кенозерский национальный парк. URL: <http://www.kenozero.ru/semeinoe-zakhoronenie-gilferdingov-priznано-pamyatnikom-federalnogo-znacheniya.html> (дата обращения: 2 июля 2012 г.).

¹¹⁵ [Калитин В., Яковлев А.] И один в поле воин. Беседа в Русском географическом обществе, посвященная 180-летию со дня рождения Гильфердинга и 140-летию со времени его знаменитой экспедиции по сбору былин в Олонецкой губернии // Русское географическое общество. URL: <http://old.rgo.ru/2011/04/i-odin-v-pole-voin> (дата обращения: 7 апреля 2011 г.).

¹¹⁶ Памятное заседание к 180-летию со дня рождения А.Ф. Гильфердинга (5 декабря 2011 г. в Большом зале штаб-квартиры Русского географического общества в Санкт-Петербурге) // Санкт-Петербургское городское отделение Русского географического общества. URL: <http://www.rgo.ru/ru/article/pamyatnoe-zasedanie-k-180-letiyu-so-dnya-rozhdeniya-af-gilferdinga> (дата обращения: 1 декабря 2011).

¹¹⁷ Хроника памятного заседания Отдела русского фольклора Института русской литературы (Пушкинский дом) РАН, посвященное 180-летию со дня рождения Александра Федоровича Гильфердинга // Кенозерский национальный парк. URL: <http://www.kenozero.ru/spetsialistam/khronika-pamyatnogo-zasedaniya-otdela-russkogo-folklora-instituta-russkoi-literatury-p> (дата обращения: 5 декабря 2011 г.).

¹¹⁸ Калитин В.А. Хроника выездного заседания отдела русского фольклора ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН (К 180-летию со дня рождения А.Ф. Гильфердинга (1831–1872) // Русский фольклор: Материалы и исследования. СПб., 2012. Т. 36. С. 660–662.

¹¹⁹ Рекомендации конференции «Рябининские чтения — 2015» (Петрозаводск, 7–11 сентября 2015) // Государственный историко-архитектурный и этнографический музей-заповедник «Киж». URL: <http://kizhi.karelia.ru/whatson/konferentsii-i-seminaryi/546/9909.html>.

¹²⁰ Некролог [А.Ф. Гильфердинга сообщен для отчета чл.-сотр. П.А. Гильтебрандтом] // Отчет императорского Русского географического общества за 1872 год / сост. К.Ф. Литке. СПб., 1873. С. 7.

Л.Е. Каршина
(г. Архангельск)

Северные сказители на «Литературной карте Архангельской области»

Современная библиотека (от греч. *biblion* — книга и *theke* — хранилище, вместилище) давно перестала быть просто хранилищем книг. Являясь сегодня в первую очередь информационным центром, библиотека создает на основе своего фонда собственные электронные информационные ресурсы, которые предоставляет для широкого доступа в виде тиража или размещает на своем веб-сайте.

Таким информационным ресурсом является тематический сайт «Литературный Север» — продукт совместной деятельности Архангельской областной научной библиотеки имени Н.А. Добролюбова и Архангельского регионального отделения Общероссийской общественной организации «Союз писателей России». Сайт знакомит своих пользователей с членами Архангельской писательской организации, с литературной жизнью региона, с новыми книгами писателей-земляков, с литературными журналами и альманахами, издающимися в области.

Благодаря участию библиотеки во всероссийском конкурсе проектов «Литературная карта региона», организованном Федеральным агентством «Роспечать» и Некоммерческим фондом «Пушкинская библиотека», как раздел веб-сайта была создана и продолжает наполняться информацией «Литературная карта Архангельской области». «Литературная карта» предоставляет расширенную информацию о местных писателях, литературных музеях, памятниках и памятных местах комплексно, объединяя все материалы по территориальному принципу.

В статье «Литература Архангельского Севера», открывающей раздел, профессор, литературовед Е.Ш. Галимова пишет: «Наш край называют богатейшей сокровищницей фольклора. Не случайно в серии "Былины" издающегося сейчас академического "Свода русского фольклора" из 25 томов 20 — былины Русского Севера».

Заповедником народных старинных обычаев и обрядов, былин и песен долгое время было Кенозерье. Первым познал эти края П.Н. Рыбников, но подлинную известность кенозерская эпическая традиция получила после выхода в свет сборника А.Ф. Гильфердинга «Онежские былины» (1873 г.). Более четверти сборника (84 текста) составили былины, записанные фольклористом от кенозерских сказителей летом 1871 г. во время его первой поездки в Олонецкую губернию.

Заповедное Кенозерье — родина талантливого писателя-сказочника, ученого-фольклориста Александра Николаевича Нечаева. Он родился в 1902 г. в деревне Екимово Кенозерской волости Пудожского уезда Олонецкой губернии (ныне Плесецкий район Архангельской области). Самые первые сказки услышал

от своей матери Евдокии Федоровны. В детстве яркое впечатление произвела на А. Нечаева встреча со сказочником Поликарпом из деревни Вершиино. «Думаю, — вспоминал А.Н. Нечаев, — что в какой-то степени сказки матери и Поликарпа повлияли в юности на выбор моих занятий». По окончании Кенозерской сельской школы Александр поступил в Пудожскую школу 2-й ступени. Затем работал в родных краях каменщиком, служил в продотряде. В 1921 г. окончил в Пудоже педагогические курсы, после которых заведовал начальной школой в деревне Мина на Кенозере.

В 1923 г. А. Нечаев уехал из родных мест. Служил в Красной армии, работал на целлюлозном заводе под Петроградом. В 1927 г. произошла встреча А. Нечаева с А.В. Луначарским, которая предопределила его будущую судьбу. Наркома заинтересовали фольклорные знания А. Нечаева, его суждения о народном творчестве, личные знакомства с известными сказителями. По совету Луначарского А.Н. Нечаев поступил в Государственный институт истории искусств в Ленинграде. По окончании его в 1932–1936 гг. Нечаев совершил несколько фольклорных экспедиций в Карелию, Прионежье, Беломорье. Итогом его поездок стало издание первой крупной работы — «Танцы и песни танцевальные в Кенозерье».

В 1934–1938 гг. А. Нечаев работал в Карельском научно-исследовательском институте языка и литературы (Петрозаводск). Подготовил и издал книгу «Избранные былины» (1937 г.), «Причитания» известной сказительницы XIX в. И. Федосовой (1937 г.). Все эти годы он был участником экспедиций, организованных Карельским НИИ и Фольклорной комиссией Академии наук СССР. Встречи со многими сказочниками дали А.Н. Нечаеву возможность воспринять и осмыслить сказку в ее живом звучании. Результатом экспедиций стали изданные в 1938 г. «Беломорские сказки, рассказанные М.М. Коргуевым».

С 1938 г. А.Н. Нечаев жил в Ленинграде. С 1945 г. вместе с А.П. Платоновым и под руководством М.А. Шолохова работал над созданием свода русских народных сказок. Именно тогда А.Н. Нечаев сложился как писатель-сказочник. К лету 1946 г. он подготовил рукопись литературных пересказов русских народных сказок, которую редакция классической русской литературы отправила Шолохову. Так появилась книга А.Н. Нечаева «Иван Меньшой — разумом большой» под редакцией М.А. Шолохова, которая получила широкую популярность и была издана более 30 раз только на русском языке. Говоря о сказках Александра Нечаева, профессор В.П. Аникин отмечал, что «творчество А.Н. Нечаева — редкий успех... Сказки и былины, пересказанные писателем, пронизаны пафосом утверждения высоких народных идей и образов». Всего ученый подготовил и издал около 60 книг народных сказок и былин.

В августе 1983 г. А.Н. Нечаев побывал на родном Севере. Выступая по Архангельскому телевидению, он сказал: «Север вскормил и напоил меня, наградил языком... Север — исток моего творчества».

Богатой и самобытной сокровищницей произведений русского фольклора сльвет сказово-песенное Пинежье. Отсюда вышли талантливые сказительницы Мария Дмитриевна Кривополенова, Ангелина Евдокимовна Суховерхова, Анна Ивановна Гладкобородова. Обладая незаурядной памятью, они знали несметное количество исторических, лирических, обрядовых, хороводных и иных песен, сказов, прибауток, причитаний, бывальщин, новин, пословиц и поговорок. Эти женщины были не только знатоками народного творчества, но и творчески одаренными натурами, слагавшими новые произведения. А.И. Гладкобородова и А.Е. Суховерхова прославились своими сказами и новинами в годы Великой Отечественной войны. В 1947 г. был издан сборник сказов А.И. Гладкобородовой «Сказы и песни». Песни и сказы А.Е. Суховерховой публиковались в периодических изданиях. Всего она написала три сказа и около 100 песен на тему современной советской действительности. Писала о своей малой родине, об обычной жизни пинежан, сочинила несколько песен о борьбе с фашистской Германией.

Всероссийскую известность получила пинежанка М.Д. Кривополенова — исполнительница скоморошин, сказок, былин и исторических песен. Самобытное дарование этой неграмотной и нищей старушки — свидетельство того, насколько талантлив и памятлив русский народ, насколько богата его культура, веками создававшаяся в глубинах народной жизни.

Поездки М.Д. Кривополеновой по стране в 1915–1921 гг., организованные О.Э. Озаровской, положили начало традициям народного исполнительского искусства на эстраде. Мария Дмитриевна покоряла слушателей природным артистизмом, сильным музыкальным голосом, необычайной чуткостью к слову. В 1921 г. решением СНК РСФСР Кривополеновой была назначена академическая пенсия как виднейшему деятелю русской культуры.

Отдельная страничка посвящена актрисе, собирательнице фольклора Ольге Эрастовне Озаровской. Богато и разносторонне одаренная от природы, математик по образованию, О.Э. Озаровская в то же время была талантливой исполнительницей сказок, автором книг, среди которых выделяются две: «Бабушкины старины» (1916 г.) и «Пятиречие» (1931 г.). Обе эти книги посвящены Русскому Северу и являются в жанровом отношении уникальными: это и сборники фольклорных текстов и яркие авторские работы, раскрывающие личность самой исследовательницы.

Пинежские корни — у Степана Григорьевича Писахова, северного художника и сказочника. Предки со стороны матери — пинежские крестьяне из деревни Труфанова Гора. От мамы, бабушки, деда слышал он в детстве много самобытных сказок, старин и скоморошин. Потом и сам стал сочинять сказки, и у некоторых из них есть подзаголовок «Старинная пинежская сказка».

В Печорском уезде Архангельской губернии родилась сказительница и писательница Маремьяна Романовна Голубкова. В 16 лет она вышла замуж и переехала в Пустозерск (сейчас это территория Ненецкого автономного округа). Обладая

ла отменной памятью и даром импровизации, знала много старинных причетов, плачей, сказов, сочиняла собственные плачи и сказы.

Поэтическое самосознание М. Голубковой помог открыть и развить журналист, поэт и фольклорист Николай Леонтьев, уроженец Холмогорского уезда Архангельской губернии. Он познакомился с Голубковой в 1937 г., а затем в альманахе «Север» и в газетах появились ее сказы. Голубкову пригласили в Москву, где она выступила перед писателями и фольклористами; песни ее стал исполнять хор имени М.Е. Пятницкого. После войны М. Голубкова и Н. Леонтьев совместно создают несколько прозаических произведений, которые составили трилогию «Мать Печора». Сюжетный стержень трилогии — судьба сказительницы, через которую показана полувековая история Печорского края.

«Литературная карта Архангельской области» — ресурс, постоянно развивающийся. Рассказ о северных сказителях не завершен, работа по созданию новых персональных страничек продолжается. Создавая «Литературную карту», библиотека словно бы расширяет свои стены, привлекая все большее число неравнодушных к художественной литературе людей. «Литературная карта Архангельской области» — это не только вклад библиотеки в литературное образование северян, но и напоминание о богатстве российских традиций и величии нашей культуры.

**Хергозерский и Юрьегорский монастыри
в первой половине XVIII века.
Последствия секуляризационной политики
Российского государства**

Мужские обители на Хергозере (Каргопольский уезд) и Юрьевой горе (Водлозерский Рождественский погост) располагались далеко друг от друга, однако в их исторических судьбах мы найдем немало общего. Основанные в первой половине XVII в., по материальному достатку они относились к числу средних северно-русских монастырей. Их церкви имели одинаковые посвящения главных престолов — во имя Святой Живоначальной Троицы и Введения во храм Пресвятой Богородицы. В первой половине XVIII в., ставшей временем тяжелых испытаний для всего российского монашества, оба монастыря дважды теряли самостоятельность. При Екатерине II они были упразднены по секуляризационной реформе 1764 г., после чего существовали в качестве полноценных приходов вплоть до их уничтожения при советской власти.

До сих пор прошлое Хергозерского и Юрьегорского монастырей мало изучено, особенно последние десятилетия их существования¹. Первые и пока единственные работы обобщающего характера по истории двух обителей принадлежат перу К.А. Докучаева-Баскова². Говоря о событиях первой половины XVIII в., он приводит скудную информацию о зависимости Хергозерского и Юрьегорского монастырей от Спасо-Каргопольского монастыря в 1721–1727 гг. Схематичность исследования Карпа Андреевича объясняется нехваткой источников: свое повествование он строил на тех документах, которые ему посчастливилось найти в архиве Спасо-Каргопольского монастыря.

В начале 20-х гг. XVIII в. Хергозерский и Юрьегорский монастыри (вместе с Кодлозерской, Елгомской и Челмогорской пустынями³) по официальной причине «малобратства» переходят под власть архимандрита Иосифа, настоятеля Спасо-Каргопольского монастыря, в который были выведены остававшиеся в них монахи. Подобные объединения запустевших обителей предписывались «Прибавлением к Духовному Регламенту» (1722 г.): «Монастыри, идеже мало братии, надлежит сводити во едину обитель, идеже прилично будет, ради лучшего благоговения»⁴.

Архимандрит Иосиф, обратившись к новгородскому архиерею с просьбой отдать ему сразу несколько обителей, объяснял в челобитной, что «в Каргопольском уезде обретаются малые пустыни Челмогорская, Демьяновская⁵, Гелгомская, Кодлозерская и Хергозерская, в которых обитает монахов малое число, а именно человека по три и по четыре, и надлежащего над собою присмотру и добраго

управления не имеют и монастырскими своими землями и угоды владеть не могут...»⁶. В те годы Спасо-Каргопольский монастырь нуждался в дополнительных источниках средств. В августе 1721 г. архимандрит Иосиф с братиею просили Синод «о выдаче им по прежнему положенного царскими жалованными грамотами жалованья», так как с 1719 г. они перестали получать полагавшиеся им деньги на свечи, ладан и церковное вино «из каргопольских кабацких доходов»⁷.

В случае с Хергозерским монастырем стремление архимандрита Иосифа принять его в свое ведение вполне понятно. Мужская обитель на Хергозере, основанная в честь преподобного Макария Желтоводского, славилась чудотворной иконой этого святого⁸ и была важным духовным центром Каргопольского края⁹. Причисление Юрьегорского монастыря, расположенного в труднодоступном и удаленном от Каргополя месте, может вызывать у историков некоторое недоумение. Обитель на Юрьевой горе входила в состав Водлозерского стана Олонецкого уезда и до потери самостоятельности в духовных делах традиционно подчинялась архимандритам Александро-Свирского монастыря¹⁰.

Накануне потери самостоятельного статуса в Хергозерском монастыре стояли две деревянные церкви, построенные монахами в середине XVII в.: Троицкая (освящена 16 декабря 1652 г.) с приделом преподобного Макария Желтоводского и Введенская (1658 г.) с приделом Николая Чудотворца¹¹. Отдельно от них стояла колокольня с четырьмя небольшими колоколами¹². Монастырские постройки окружала рубленая ограда с воротами («в ограде ворота с приворотцем одне двери на крюках и петлях железные»). На реке Чаженге стояла монастырская мельница «об одном жернове»¹³.

Вотчина Хергозерского монастыря включала «черные» земли в Каргопольском уезде, отписанные ему по царскому указу в 1641 г. каргопольским воеводой Ларионом Антоновичем Слотиным. Межа монастырских владений подробно описана в тексте грамоты: «от Чюрьюжской волости по Мяндовому болоту, и от тово болота по сиверную сторону монастыря от Кенозера по Чаженге речке и по Янго-ручью, а от Порженсково по Морщикину болоту, а от Лекшмоозера по Порженге речке, а с Труфановы стороны по Щучью озеру, а от тово Щучья озера до первого урочища, до Мяндового же болота»¹⁴. По данным В.И. Иванова, к 1678 г. Хергозерский монастырь владел десятью крестьянскими и тремя монастырскими дворами (без указания названий деревень)¹⁵.

В коллекции новгородских актов Архива Санкт-Петербургского института истории РАН сохранилась «память», отправленная в 1704 г. хергозерским строителем монахом Германом епархиальному начальству со сведениями об устраиваемой братией рыбной ловле. Обители принадлежали три небольших озера в ее окрестностях: «владеют де они строитель з братией около тое пустыни озерком названием Хергозеро да другое Келейное, третье Кривое. А те озера малые и мелкие, а ловят они на трех озерах рыбу весной... а зимою на тех озерах лов не бывает... А в улове бывает рыба мелкая и малое число»¹⁶. Другой документ из той же

коллекции новгородских актов относится к июню 1720 г. и свидетельствует о затруднительном положении обители в конце первой четверти XVIII в. Это «заемная роспись», выданная хергозерским строителем иеромонахом Ионой казначею Софийского дома иеромонаху Феодосию о деньгах, взятых им в долг¹⁷. По данным переписей, проводившихся в 1712–1713 и 1718–1719 гг., в братских кельях на Хергозере проживали три человека — строитель Герман и два монаха¹⁸.

Хергозерский монастырь в течение всего года принимал паломников, приходивших поклониться явленному образу преподобного Макария Желтоводского, которому крестьяне молились «о здравии и умножении скота»¹⁹. Позднее, уже после упразднения обители, богомольцы по-прежнему приходили сюда и оставляли в церквах коровье масло, холсты, приводили «разного скота довольно» и заказывали молебны. Когда в 1800 г. игумен Мисаил из Александро-Ошевенского монастыря по заданию Каргопольского духовного правления проводил ревизию Хергозерского прихода, он неожиданно выяснил, что местная «ризница и прочее благолепие превосходят иных градских приходов» (игумен Мисаил насчитал «свеч и мелких огарков и воску красного и белого всего 11 пудов, денежной казны всего 2265 рублей 14 копеек, масла коровьего в паперти наложено было до 8 пудов, холста до 200 аршин») ²⁰.

Небольшая вотчина Юрьегорского монастыря к началу XVIII в. включала десять крестьянских дворов в деревнях Калгачихе, Лузе и Коркале Каргопольского уезда. Также в его владении находилась пустошь Голья Гора в Водлозерском погосте, пожалованная монастырю в 1640 г.²¹ В деревне Есиповской на Водлозере стоял монастырский двор «на тяглой земле», где жили старец и работники «для скота»²². «Переписная окладная книга Каргопольского уезда дворцовых, синодальных и монастырских деревень, составленная по результатам переписи 1725 года всех душ мужского пола в уезде» зафиксировала те же владения Юрьегорского монастыря «в Колгострове» (деревня Есиповская) — один скотный двор, шесть скотников; в деревне Калгачева (Калгачиха) — 27 крестьян; «на пустоши ж подле Лузозера» (Луза) — пять крестьян; в Коркиничих (Коркала) «на пустоши» — три крестьяна²³.

Юрьегорские старцы не раз писали царям в челобитных, что «их пустыня самая убогая, питаютца своими трудами, а мирского подаяния за далностию им нет»²⁴. В самом деле, обитель преподобного Диодора была труднодоступна в течение большей части года²⁵, поэтому в отличие от Хергозерского монастыря ей не приходилось рассчитывать на постоянный приток пожертвований. Паломники приходили помолиться возле главной святыни обители — гробницы преподобного Диодора Юрьегорского. В XVIII в. она располагалась под сводами просторной шестиглавой Троицкой церкви, имевшей два придела во имя Николая Чудотворца и преподобных Зосимы и Савватия Соловецких²⁶. В 1723 г., в период зависимости от настоятелей Спасо-Каргопольского монастыря, на Юрьевой горе срубили «теплый с трапезой» Введенский храм вместо старого²⁷.

Скорее всего, «быть под ведением одного Спасского монастыря властей с братьею» было не сладким для хергозерских и юрьегорских монахов, которые мечтали когда-нибудь вернуться в родные обители. Это стало возможным в 1727 г. после выхода в свет императорского указа о том, что все «маловотчинные и безвотчинные монастыри и пустынки» могут снова обрести самостоятельность. В тексте официального документа отдельно напоминалось «о возвращении из настоящих в те приписные монастыри и пустынки взятого»²⁸.

К.А. Докучаев-Басков приводит текст «доношения», составленного в 1727 г. бывшим строителем Хергозерского монастыря иеромонахом Иоилем и монахами Пахомием, Пафнутием и Савватием. Они желали перебраться на Хергозеро, ссылаясь при этом на монахов Елгомской пустыни, ставшей одной из первых независимой от Спасо-Каргопольского монастыря. «Приговор», подписанный его братией, иеромонахом Евфимием, монахами Александром, Антонием и Гавриилом (архимандрит Иосиф к тому времени уже умер), гласил: «отпустить с росписками, чтоб им во оной пустыне, по их прошению, в той Хергозерской пустыне быть в труде, а в другие места не изходити»²⁹.

Вследствие драконовских законов Петра I и его ближайших преемников число монахов в Хергозерском и Юрьегорском монастырях неуклонно сокращалось. Именной императорский указ от 28 января 1723 г. требовал переписать всех, кто уже принял монашеские обеты, и «впредь отнюдь никого не постригать»³⁰. Исключение делалось только для «священников и диаконов вдовых, желающих монашества». Как показывают архивные материалы, этот закон часто и повсеместно нарушался³¹.

В Хергозерском монастыре в 1735 г. при проверке обнаружили два «безуказных»³² монаха. Первый, Пахомий, «природою Каргопольского уезда Петровского погоста из крестьянства дворцовой Лекшмозерской вотчины деревни Ожегова» был пострижен строителем иеромонахом Иоилем 12 декабря 1723 г.³³ Второй — Сергей — родом из дворцовых крестьян деревни Потылицыно Плесской вотчины Вознесенского погоста (Каргопольский уезд). Его постригал в монашество иеромонах Серафим из Александро-Ошевенского монастыря «по приказанию строителя монаха Пахомия» 17 июля 1732 г.³⁴

В Юрьегорском монастыре с марта 1727 г. по декабрь 1731 г., во время настоятельства строителя монаха Матфея, монашеские обеты «в обход закона» приняли семь человек³⁵. Все постриги совершал некий иеромонах Иоасаф. Скорее всего, именно его имя упоминается в списке юрьегорских монахов за 1738 г.³⁶ Восьмой «безуказный» монах Андроник (Артемьев), живший на Юрьевой горе, пришел в обитель из Хергозерского монастыря. Его постригал в монашество 8 мая 1730 г. хергозерский строитель иеромонах Иоасаф³⁷.

В марте 1735 г. «безуказных» хергозерских монахов Пахомия и Сергея повезли для разбирательства в Новгород, однако по дороге они сбежали от сопровождавшего их архиерейского подъячего Ильи Бухвостова³⁸. Двое юрьегорских

монахов Евфимий и Андроник умерли, не дождавшись решения своей участи, Лаврентий скрылся в лесах, остальные (Кирилл, Никодим, Илларион, Иродион и Евагрий) были водворены «на прежнее жилище»³⁹.

За каждого «неуказнопостриженного» монаха с настоятеля монастыря, при котором происходил постриг, взимался штраф «на госпитали» в размере 10 рублей. Таким образом, хергозерские строители Иоиль и Пахомий должны были заплатить по 10 рублей каждый⁴⁰, но эти деньги так и не были получены. Как сообщает ведомость, «иеромонах Иоиль ис тое пустыни бежал» задолго до проверки⁴¹. Ставший после него строителем монах Пахомий, как уже говорилось ранее, также сумел избежать наказания, совершив побег из-под стражи. Строитель Юрьегорского монастыря монах Матфей, который был оштрафован на 80 рублей, не имея столь значительной суммы на руках, расплатиться не смог: «за неуказнопостриженных осми монахов з бывшего того монастыря строителя монаха Матфея штраф не взыскан, за которым невзысканием и за не платежем выслан он Матфей в Новгородский Его Архиерейства Разряд за поруками»⁴².

Бывший хергозерский строитель иеромонах Иоиль, самовольно покинувший монастырь в промежутке между 1723 и 1732 гг., упоминается в синодальных делопроизводственных документах 1752 г. Из них следует, что в канцелярию тайных дел был прислан «бывший иеромонах Новгородской епархии Каргопольского уезда Хергозерской пустыни» Иоиль, который «за его провинности содержался в монастырских трудах в Николаевском Антониевом монастыре Бежецкого уезда»⁴³. За какие именно проступки монах лишился священства, не говорится. В канцелярию тайных дел старец попал «для надлежащего наказания по рассмотрению Святейшего Синода за ложное сказывание за собою слова и дела». Вместе с недельщиком Новгородской духовной консистории Трефилом Карповым и служителем Николаевского Антониева монастыря Егором Семеновым они объявили «слово и дело»⁴⁴. «При допросе его в канцелярии тайных и розыскных дел оказалось, что все его показания были ложны, поэтому он был отослан в Московскую Синодальную контору, где после наказания его плетью он был предназначен к отсылке в тот же Николаевский Антониев монастырь через Новгородскую духовную консисторию»⁴⁵. По дороге старец снова объявил «слово и дело», был возвращен в Москву и подвергнут очередным допросам. Показания и на этот раз оказались ложными. Из тайной канцелярии его дело переслали на рассмотрение в Святейший Синод.

Синодальные члены 20 февраля 1752 г. решили отправить Иоиля в Новгород к архиепископу Стефану (Калиновскому). Отставной солдат Григорий Горбунов должен был доставить Иоиля на берега Волхова («дать одну ямскую с возвратом подводу и на нее прогонные деньги из положенной на канцелярские расходы суммы»⁴⁶). Дальнейшая судьба бывшего хергозерского строителя по известным нам документам не прослеживается.

Во второй половине 30-х гг. XVIII в. Хергозерский и Юрьегорский монастыри снова лишились самостоятельности. Братские кельи на Хергозере к тому времени уже пустовали. «Во оной Хергозерской пустыни как настоятеля, так и монашествующих никого не имеется и надлежащего штрафа взыскать за оных неуканно-постриженных монахов не с кого», — сообщалось в ведомости за 1736 г.⁴⁷ Обезлюдившая обитель снова была отдана Спасо-Каргопольского монастырю. В 1738 г. его настоятеля архимандрита Иоасафа лишили сана «по некоторому секретному делу», вместо него был прислан архимандрит Иосиф (Арбузов) из Рдейской пустыни Холмского уезда⁴⁸. По предложению Синода, он временно заведовал теми обителями Каргопольского уезда, где отсутствовали настоятели: Кожезерским и Хергозерским монастырями, Кенской, Елгомской, Кодлозерской пустынями⁴⁹.

Список монахов Юрьегорского монастыря за 1738 г. из Российского государственного архива древних актов включает сведения о 14 братьях во главе со строителем монахом Матфеем (иеромонах Иоасаф, келарь Савва, казначей Фелог, хлебной Варсонофий, «посельные» Кирилл, Макарий, Сильвестр, портной Ефрем, больничные схимонахи Иоаким, Исакий, Герман, Савва, Алексей)⁵⁰. Заголовок архивного документа говорит о том, что эта обитель также числилась приписанной к Спасо-Каргопольскому монастырю: «Олонецкого уезда приписного к Спасо-Каргопольскому монастырю Юрьевых Гор Демьяновой пустыни». К.А. Докучаев-Басков ошибался, когда предполагал, что она была приписана «в самые последние перед упразднением монастырей годы» (т.е. накануне секуляризационной реформы 1764 г.)⁵¹. Сведения из «Истории Российской иерархии» о ее причислении к Клименецкому монастырю не имеют документального подтверждения⁵². Доподлинно известно, что в зависимости от клименецких настоятелей находились только три пустыни в Прионежье (Соломенская, Машезерская и Яшезерская)⁵³.

В первой половине 60-х гг. XVIII в. Хергозерский монастырь уже находился в подчинении настоятелей Александро-Ошевенского монастыря, которые должны были следить за состоянием его церквей и других построек. О том, когда именно произошла приписка, известные нам документы молчат. Накануне реформы 1764 г. ошевенский архимандрит Рафаил обращался к епархиальному архиерею с просьбой ходатайствовать перед Синодом о перестройке двухэтажного Введенского храма на Хергозере с переносом его на более сухое место. Дело в том, что к этому времени церковь была сильно повреждена ежегодными весенними наводнениями. Если два верхних придела во имя трех московских святителей Петра, Алексия и Ионы и преподобного Александра Свирского были «в целости», то «нижние церкви от подмою болшей вешней воды огнили и стоят на подпорках»⁵⁴. Внизу богослужения уже давно не проводились. Все иконы были вынесены в соборную Троицкую церковь, в их числе — чтимые храмовые образа Введения Пресвятой Богородицы с серебряными позолоченными семью венцами и двумя цатами и Николая чудотворца с серебряным венцом⁵⁵.

Архимандрит Рафаил писал, что «преподняв без повреждения святых престолов, подрубить оные церкви не безсумнительно», предлагая «для подмою на другом пристойном месте построить» новый Введенский храм⁵⁶. 19 сентября 1763 г. владыка благословил строительные работы, но монахи не успели поставить церковь до начала секуляризационной реформы. В описи монастырского имущества упраздненной обители отмечен тот же покосившийся храм: «Церковь во имя Введения Пресвятыя Богородицы с пределом Николая чудотворца деревянная с трапезою, из которой все образа вынесены в соборную Троицкую церковь, антиминсов святых на предписанных престолах один хранится в ризнице, а другого не значится и в ризнице не отыскалось, и та церковь огнила и стоит на подпорах. Над оной церковью два предела холодные, один трех святителей московских Петра, Алексия и Ионы, второй Александра Свирского»⁵⁷.

К середине XVIII в. монашеская жизнь на Хергозере окончательно замерла. Богослужения в обветшавших храмах проводились нерегулярно. В том же 1763 г. архимандрит Рафаил сообщал в Новгородскую консисторию, что ему некого посылать в Хергозерский монастырь для церковной службы по праздникам, так как в самом Александро-Ошевенском монастыре череду справлял вдовый 70-летний священник Иоанн Меркурьев. «Взять из детей священноцерковнослужительских», — такова была архиерейская резолюция⁵⁸.

Перед закрытием Хергозерского монастыря внутри его деревянной ограды рядом с Введенским храмом стояла «церковь Живоначальныя Троицы древняя с приделом преп. Макария Желтоводского об одной главе чешуйной шатровая ветхая». Отдельно возвышавшаяся колокольня также пришла к тому времени в негодность. Поблизости располагались три кельи с сенями — настоятельская, братская и келарская, а также хлебный амбар. За оградой — две избы, «белая двойная» и «работничья» (в них «окончины слюдяные, одна окончина стеклянная») со скотным двором на четыре хлева, конюшня, сарай, амбар, погребец. На берегу Хергозера — почти развалившаяся баня; на реке Чаженге — монастырская мельница и при ней изба, «все самое ветхое»⁵⁹.

В отличие от Хергозерского монастыря постройки в центральной монастырской усадьбе на Юрьевой горе — две деревянные церкви, пятиглавая Троицкая и Введенская с «трапезой», «особь стоящая» колокольня, братские кельи, а также скотный двор и конюшня, «сетный» амбар, «байна» и «портомойная» — находились «в твердости» и не требовали особого ремонта⁶⁰. Юрьегорский монастырь, где еще оставались монахи, вполне мог быть определен «за штат», но число российских обителей, оставленных «на собственном содержании», жестко регламентировалось императорским указом. Для Олонецкой епархии полагалось не более четырех мужских заштатных монастырей (ими стали Спасо-Каргопольский, Клименецкий, Муромский и Палеостровский монастыри).

Итак, в 1764 г. Хергозерский и Юрьегорский монастыри в числе многих других были закрыты и преобразованы в приходы. В 1766 г. на Хергозеро приехал

молодой дьячок Егор Федоров, который впоследствии стал местным священником⁶¹ (по данным К.А. Докучаева-Баскова, первый настоятель, чье имя мне пока неизвестно, умер в 1775 г.). В пользование причта передали бывшие монастырские земли: «усадебной 500 кв. саженей, пашенной и сенокосной 55 десятин 2238 кв. саженей, дровяного леса, под озерами и дорогами 244 десятины 1368 кв. саженей, всей 299 десятин 2106 кв. саженей»⁶² (межевание производилось в 1783 г.). Как указывалось в клировых ведомостях, «дополнительное к казенному жалованью содержание было от служения молебном пред чудотворной иконой преподобного Макария»⁶³. К Хергозерскому приходу относились приписная деревянная церковь Николая Чудотворца (1782 г.) при Порженской выставке в деревне Федоровской и две часовни — Честнаго Животворящего Креста Господня при погосте и кладбищенская пророка Илии в деревне Думиной⁶⁴. В 1790 г. хергозерский причт поставил каменную Введенскую церковь с приделом Николая Чудотворца⁶⁵. Троицкий храм, срубленный еще монахами в XVII в., простоял на Хергозере более 200 лет. К 1873 г. его сменил кирпичный храм с тем же посвящением⁶⁶.

На Юрьевой горе поселился со своим семейством молодой священник Семен Никитин, ставший духовным пастырем для крестьян бывших монастырских деревень Лузы, Калгачихи и Коркалы. К его приходу была приписана Петропавловская часовня, существовавшая «издревле» в Лузе (в 1854 г. здесь построили церковь с тем же посвящением⁶⁷). Еще одна древняя часовня находилась в Калгачихе — во имя иконы Божией Матери «Одигитрия» (в 1841 г. вместо сгоревшей часовни поставили церковь). Из монастырских владений юрьевогорский причт получил 16 десятин земли под пашню и 100 десятин («на 160 возов») на сенокос⁶⁸. В 1795 г. Троицкий и Введенский храмы на Юрьевой горе сгорели «от молнии»⁶⁹. Новая Троицкая церковь с Введенским приделом строилась по 1802 г.⁷⁰ Гробница над могилой преподобного Диодора находилась в часовне-усыпальнице, устроенной «под церковью» в ее высоком подклете⁷¹.

Память о том, что когда-то в хергозерском и юрьевогорском приходах существовали мужские обители, всегда сохранялась среди местного населения⁷². Их святыни — икона преподобного Макария и «Погребение преподобного Диодора» — почитались прихожанами и привлекали множество паломников. Оба монастыря оставили важный след в истории православия Каргопольского края и заслуживают самого пристального внимания исследователей.

Примечания

¹ В справочнике В.В. Зверинского приводится лаконичная информация об основании Хергозерской пустыни около 1640 г. и ее преобразовании в приходскую церковь по реформе 1764 г. (см.: Зверинский В. В. Материал для историко-топографического исследования о православных монастырях в Российской империи. СПб., 1890. Т. 1. С. 398. № 1340). П.М. Строев приводит одно имя ос-

нователя монастыря Сергия (см.: Строев П.М. Списки иерархов и настоятелей Российския церкви. СПб., 1877. Стлб. 1005). Отдельные вопросы ранней истории рассматриваются в работах современных авторов (см.: Пигин А.В. О некоторых источниках по истории Макарьевской Хергозерской пустыни // Православие в Карелии. Петрозаводск, 2003. С. 245–252; Старицын А.Н. Каргопольские чудеса и повседневность в XVII веке // Рябининские чтения — 2007. Петрозаводск, 2007. С. 446–449).

² Докучаев-Басков К.А. Хергозерская Макарьевская пустынь // Христианское чтение. СПб., 1890. № 11/12. С. 787–814; Его же. Преподобный Диодор Юрьегорский и основанный им монастырь // Христианское чтение. 1885. № 5/6. С. 771–812.

³ Есть сведения, что в 1721 г. к Спасо-Каргопольскому монастырю также был приписан Девичий монастырь Иоанна Власатого. См.: Описание документов и дел, хранящихся в архиве Святейшего Правительствующего Синода. СПб., 1868. Т. 1. С. 562–563.

⁴ Полное собрание законов Российской империи. Т. 6. № 4022.

⁵ Демьянова (Дамианова) пустынь — второе название Юрьегорского монастыря по имени его основателя старца Дамиана (в схиме — Диодора).

⁶ Цит. по: Докучаев-Басков К.А. Елгомская Богоявленская пустынь // Христианское чтение. 1886. № 5/6. С. 859.

⁷ Описание документов и дел, хранящихся в архиве Святейшего Правительствующего Синода. СПб., 1868. Т. 1. № 493.

⁸ Докучаев-Басков К.А. Сказание о чудесах в Каргопольской Хергозерской пустыни от иконы преп. Макария Унженского и Желтоводского // Чтения в Обществе истории и древностей российских. М., 1902. Кн. 3. Отд. 4. С. 1–34; Кипреев А. Чудотворная икона преподобного отца нашего Макария Унженского и Желтоводского чудотворца, находящаяся в Хергозерском приходе Каргопольского уезда // Олонецкие епархиальные ведомости. 1910. № 33. С. 687–689; Пигин А.В. Сказание о иконе Макария Желтоводского в Хергозерском монастыре // Словарь книжников и книжности Древней Руси. СПб., 2004. Вып. 3. Ч. 4. С. 603–605.

⁹ Пигин А.В. Памятники рукописной книжности Олонецкого края. Петрозаводск, 2010. С. 136–151.

¹⁰ Кожевникова Ю.Н. Братская община Троицкого Юрьегорского монастыря в 1726 году // Святые и святые Обонежья: материалы Всероссийской научной конференции «Водлозерские чтения-2013». Петрозаводск, 2013. С. 41–43.

¹¹ Отдел письменных источников Государственного исторического музея. Ф. 450. Д. 698. Л. 3 об. — 4.

¹² В 1804 г. старую деревянную колокольню Хергозерского монастыря приобрел священник Иван Арефинский, служивший в упраздненной Наглимозерской пустыни. См.: НАРК. Ф. 25. Оп. 16. Д. 14/31. Л. 1.

¹³ РГИА. Ф. 834. Оп. 3. Д. 2457. Л. 143 об.

¹⁴ Курдюмов М.Г. Описание актов, хранящихся в архиве Императорской Археологической комиссии. СПб., 1908. С. 39; Пигин А.В. Материалы к истории Макарьевской Хергозерской пустыни в Каргопольском уезде // Кенозерские чтения: материалы Первой Всероссийской научной конференции «Кенозерские чтения». Архангельск, 2004. С. 264–276.

¹⁵ В.И. Иванов берет сведения из «Выписи из переписных книг 186 и 187 годов о количестве крестьянских, бобыльских дворов» (РГАДА. Ф. 1195. Оп. 3. Д. 221. Не ранее 1679 г.). См.: Иванов В.И. Монастыри и монастырские крестьяне Поморья в XVI–XVII веках. СПб., 2007. С. 125, 494.

¹⁶ Архив СПбИИ РАН. Кол. 183. Картон 3. № 470. Л. 3 об. — 4.

¹⁷ Там же. Картон 2. № 391.

¹⁸ РГАДА. Ф. 350. Оп. 1. Д. 167. Л. 836; Д. 169. Л. 862 об.

¹⁹ См.: Кипреев А. Чудотворная икона преподобного отца нашего Макария Унженского и Желтоводского чудотворца, находящаяся в Хергозерском приходе Каргопольского уезда // Олонецкие епархиальные ведомости. 1910. № 33. С. 687–689.

²⁰ НАРК. Ф. 25. Оп. 15. Д. 97/2073. Л. 94.

²¹ Архив СПбИИ РАН. Кол. 172. Переплет XII. № 121.

²² Там же. Д. 600.

²³ Жуков А.Ю. Водлозерская волость Каргопольского уезда: середина XVI — первая четверть XVIII века // Ильинский Водлозерский погост: материалы науч. конф. Петрозаводск, 2009. Приложение.

²⁴ Например, см.: Архив СПбИИ РАН. Кол. 172. Переплет XII. Д. 600.

²⁵ Причт, служивший в церквах упраздненного Юрьегорского монастыря в середине XIX в. свидетельствовал, что добираться в соседние приходы удобнее всего зимой: «В летнее время, осенью и наипаче весною в половодье препятствуют реки, озера и болота. Однако водою и лесом хоть с трудом, но ход бывает, а зимою конный удобный путь почти во всякое время по всему проходу существует» (Государственный архив Архангельской области (далее ГААО). Ф. 462. Оп. 1. Д. 1. Л. 22 об.).

²⁶ Кожевникова Ю.Н. Диодор Юрьегорский — покровитель Водлозерья (материалы к традиции погребения и почитания основателей монастырей) // Ученые записки ПетрГУ. Общественные и гуманитарные науки. 2014. № 6. С. 15–18.

²⁷ РГИА. Ф. 834. Оп. 3. Д. 57. Л. 115 об.

²⁸ Цит. по: Докучаев-Басков К.А. Хергозерская Макарьевская пустынь. С. 805–806.

²⁹ Цит. по: Там же. С. 806.

³⁰ Полное собрание законов Российской империи. Т. 7. № 4151.

³¹ Кожевникова Ю.Н. Монастыри и монашество Олонецкой епархии во второй половине XVIII — начале XX в. Петрозаводск, 2009. С. 66–67.

³² Т.е. принявших монашеский постриг без соответствующего указа.

³³ Государственный архив Новгородской области (далее ГАНО). Ф. 480. Оп. 1. Д. 358. Л. 13.

³⁴ Там же.

³⁵ Кожевникова Ю.Н. Троицкий Юрьегорский монастырь в эпоху церковных реформ: «незаконные» постриги в монашество в 20–30-х гг. XVIII в. // Особо охраняемые природные территории в XXI веке: современное состояние и перспективы развития: материалы Всероссийской научно-практической конференции. Петрозаводск, 2011. С. 367–370.

³⁶ РГАДА. Ф. 311. Оп. 1. Д. 1. Л. 58 об.

³⁷ ГАНО. Ф. 480. Оп. 1. Д. 358. Л. 18 об.

³⁸ Там же.

³⁹ Кожевникова Ю.Н. Троицкий Юрьегорский монастырь в эпоху церковных реформ... С. 369.

⁴⁰ ГАНО. Ф. 480. Оп. 1. Д. 358. Л. 25.

⁴¹ Там же. Л. 24 об.

⁴² Там же. Л. 17 об. — 18 об.

⁴³ Описание документов и дел архива... Т. 32. № 34.

⁴⁴ «Сказывать слово и дело государево» означало иметь сведения о совершенных или готовящихся преступлениях против государя (оскорбление царского имени, государственная измена).

⁴⁵ Описание документов и дел архива... Т. 32. № 34.

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ ГАНО. Ф. 480. Оп. 1. Д. 358.

⁴⁸ Описание документов и дел... 1739 г. № 162.

⁴⁹ Там же.

⁵⁰ РГАДА. Ф. 311. Оп. 1. Д. 1. Л. 58 об.

⁵¹ Докучаев-Басков К.А. Преподобный Диодор Юрьегорский... С. 801.

⁵² Амвросий (Орнатский). История Российской иерархии. М., 1815. Ч. 6. С. 829.

⁵³ Барсов Е.В. Олонецкий монастырь Клименцы, с приписными к нему Пустынями, царскими и иераршими грамотами. М., 1871.

⁵⁴ ГААО. Ф. 1514. Оп. 1. Д. 1. Л. 24.

⁵⁵ РГИА. Ф. 834. Оп. 3. Д. 2457. Л. 140–140 об.

⁵⁶ ГААО. Ф. 1514. Оп. 1. Д. 1. Л. 24.

⁵⁷ РГИА. Ф. 834. Оп. 3. Д. 2457. Л. 141.

⁵⁸ ГААО. Ф. 1514. Оп. 1. Д. 1. Л. 117–117 об.

⁵⁹ РГИА. Ф. 834. Оп. 3. Д. 2457. Л. 143–143 об.

⁶⁰ Там же. Л. 112–126 об.

⁶¹ НАРК. Ф. 2. Оп. 61. Д. 16/216. Л. 106 об.

⁶² Там же. Ф. 25. Оп. 15. Д. 54/1182. Л. 92–96 об.

⁶³ ГААО. Ф. 104. Оп. 3. Д. 444. Л. 1.

⁶⁴ Там же.

⁶⁵ Там же.

⁶⁶ Там же.

⁶⁷ Краткое историческое описание приходов и церквей Архангельской епархии. Архангельск, 1896. Вып. 3. С. 29.

⁶⁸ ГААО. Ф. 462. Оп. 1. Д. 1. Л. 19–22 об.

⁶⁹ Там же. Д. 31. Л. 2.

⁷⁰ Там же. Л. 9.

⁷¹ Кожевникова Ю.Н. Диодор Юрьегорский — покровитель Водлозерья... С. 15–16.

⁷² См.: Мелютина М.Н., Терехин Н.М. Сакральный ландшафт Кенозерья. Архангельск, 2013; Червякова Н.В., Фофанова В.В. Почитание прп. Диодора Юрьегорского на Русском Севере // Особо охраняемые природные территории в XXI веке: современное состояние и перспективы развития. Петрозаводск, 2011. С. 407–411.

Памятники деревянного зодчества: очевидные проблемы и поиск решений

В 2015 году в Санкт-Петербурге прошел фестиваль «Санкт-Петербургские дни Харлея», вошедший в мировой календарь мотособытий, рекомендуемых к посещению компанией «Харлей-Дэвидсон». За уникальность маршрута и его красоту представители руководства компании — изготовителя легендарных мотоциклов, организующей парады по всему миру более 30 лет, признали этот фестиваль лучшим в мире: петербургский мотопарад единственный, который проходил в историческом центре города¹.

«Судьбы исторических памятников так или иначе зависят от поведения слоев общества, историческая культура которых во многом отлична от представлений и норм отношения к наследию, выработанных к этому времени специализированными, институциональными органами исторического знания»². Памятники архитектуры «теснее прочих связаны с современной повседневной жизнью и потому более других зависят от интегрального отношения общества к наследию (включая сугубо утилитарные, "ненаучные", "непередовые" подходы)»³.

Представленные тезисы вступительной статьи доктора архитектуры А.С. Щенкова и главного редактора серии «Литературное наследство» Н.В. Котрелёва к «Очеркам истории архитектурной реставрации» послужили основанием для отбора наиболее очевидных вопросов, связанных с памятниками истории и культуры деревянного зодчества. В их числе:

- нарушение стандартов профессиональной реставрационной школы, утрата традиционной плотницкой культуры и традиционных способов передачи профессиональных знаний и умений «из рук в руки»;
- агрессивное развитие городов и деградация сельских населенных пунктов;
- отсутствие ответственных пользователей и собственников памятников истории и культуры.

Проблема сохранения памятников истории и культуры деревянного зодчества — вопрос не только и не столько архитектурный, сколько гуманитарный.

В России действовало два взаимозависимых направления, формировавших российскую реставрационную культуру: профессиональная реставрационная школа и народное плотницкое мастерство.

Ценностная установка профессиональной реставрационной деятельности — научное и историко-культурное значение памятника истории и культуры, сохранение его подлинности без изменения особенностей, составляющих предмет охраны памятника истории и культуры.

Приходится констатировать, что постепенно все более устойчивые позиции в деле сохранения памятников истории и культуры начинает занимать коммерция. Профессиональная реставрационная ценностная установка нарушается и подменяется: научная реставрация подменяется реконструкцией и утратой подлинности, подлинность — популярными сооружениями копий памятников истории и культуры, строительством «по мотивам» снесенных памятников истории и культуры, тематическими парками.

В результате — дискредитация понятия научной реставрации, девальвация труда реставратора, утрата профессионализма.

Зададимся вслед за архитектором, кандидатом архитектуры Н.О. Душкиной вопросами: «Закономерен ли этот процесс?», «Как к этому относиться — как к злу или как к неизбежности?», «Подходит ли к концу время "героев", заложивших основополагающие принципы научной реставрации, на которых выросли поколения профессионалов XX века?»⁴.

Позволю себе присоединиться к рассуждениям Н.О. Душкиной на этот счет.

Относиться к подобной тенденции положительно невозможно. Уверенность в этом базируется, в том числе, на положениях Венецианской хартии по консервации и реставрации памятников и достопримечательных мест (1964 г.), суть которых в следующем: «Человечество с каждым днем все более осознает общечеловеческую ценность памятников, рассматривает их как общее наследие и перед лицом будущих поколений признает совместную ответственность за его сохранность. Оно считает себя обязанным передать памятники во всем богатстве их подлинности»⁵.

Вместе с тем нельзя не замечать кардинальные изменения в обществе, в котором консервативное сознание, присущее профессии реставратора, входит в конфликт с новой временной реальностью. Как отмечает Н.О. Душкина, стала заметна асинхронизация жизненных ритмов — статичных у наследия и динамичных у жизненных процессов, протекающих в его рамках⁶.

Факты и визуальные образы берут верх над концепциями, усиливаются процессы унификации и упрощения. Высокие скорости информационных потоков и смены визуальных образов приводят к фрагментарности сознания и потере целостности в восприятии мира.

Наталья Душкина констатирует: если на всем протяжении истории реставрации формировалась закрытая консервационная система, находившаяся в рамках научных принципов и теории подлинности, то сейчас просматривается тенденция к ее постепенному раскрытию. Классический аппарат научной реставрации стал подвергаться процессам мутации, а подчас и девальвации.

Признавая мудрость итальянского философа Бенедетто Кроче (1866–1952), заложенную в его вопросе: «Как нам двигаться навстречу новой жизни, как создавать новые формы деятельности, не покидая прошлого и не оказываясь над ним?», Н.О. Душкина отвечает: только посредством мысли, которая превращает наши отношения с прошлым в знание⁷.

«Смею предположить, — отмечает Н.О. Душкина, — что сегодня мы стоим на пороге новой эпохи в истории архитектурной реставрации, и, вероятно, пройдет не одно десятилетие, прежде чем удастся вновь получить ясную картину в отношении наследия и современных методов его сохранения»⁸.

Одна из основных проблем, связанная с утратой плотницкого мастерства, — разрушенное состояние сельских поселений, отток населения из сельской местности, и, как следствие, бесхозность памятников деревянного зодчества.

Многолетняя дискуссия о судьбе так называемых неперспективных населенных пунктов, а также о том, какие населенные пункты считать перспективными, поставила в уязвимое положение традиционные деревни и села.

Традиционные территории — сложные территориальные комплексы. Вместе с тем, правовые нормы, применяемые в отношении таких территорий, не являются достаточными для решения вопросов их бытования.

В связи с этим способом сохранения наследия является создание правовых, финансовых и организационных мер, направленных на повышение привлекательности проживания в сельской местности.

В 2015 году Правительством Российской Федерации принята Стратегия устойчивого развития сельских территорий Российской Федерации на период до 2030 года⁹, в которой отмечается, что сельские территории — важнейший ресурс страны, значение которого только растет при одновременном усилении значения природных и территориальных ресурсов в развитии страны.

Вместе с тем, утрата сельской традиционной культуры не осознается обществом как проблема, заслуживающая внимания и общественных ресурсов для ее преодоления, в результате разрушаются и исчезают уникальные памятники материального и нематериального наследия народов России, служащие основой их идентичности.

Оценить важность культурного наследия традиционных территорий можно с разных точек зрения, в том числе:

- с экономической, связанной с исчерпанностью экстенсивного развития и заставляющей обращать внимание на «внутренние» факторы развития, связанные с самой территорией, например, традиции, человеческий капитал;
- туристической, связанной с интересом, вызванным «турами к истокам», сельскими кустарными промыслами и ремеслами, способствующими оживлению подобных территорий.

Для этого следует руководствоваться не только количественными характеристиками в выборе приоритетов развития территорий, но и качественными оценками важности; поэтому представляется необходимым:

1. Выделить традиционные территории как самостоятельную категорию, для которой необходимо предусмотреть соответствующие меры государственной поддержки.

-
-
2. При разработке и принятии решений на федеральном, региональном и муниципальном уровне учитывать специфику традиционных территорий и безусловную ценность сохранения их культуры и укладов жизни.

В Архангельской области есть немало инициатив, направленных на поиск путей сохранения жизни в традиционных сельских территориях за счет поддержания их своеобразия и сохранения наследия. Одна из них — деревня Кимжа Мезенского района.

В 2015 году в Кимже прошел фестиваль плотницкого мастерства, получивший грант губернатора Архангельской области, участие в котором наряду с местными плотниками приняли мастера Кенозерского национального парка (ил. 1).

Участники фестиваля демонстрировали изготовление традиционных для Русского Севера узлов срубов. Как оказалось, факт участия в подобном событии очень важен не только для конкурсантов, получающих дополнительный стимул, в том числе по обмену мастерством, но и для туристов, вовлеченных в соревновательный процесс и приобщающихся к традиционному плотницкому искусству.

Местная инициатива занимает большое место в сохранении наследия. Это показал конкурс плотницкого мастерства. Плотницкая культура угасает, исчезает действенная технология передачи умений «из рук в руки». Эффективных способов сохранения и приумножения плотницкой культуры на государственном уровне нет. Акции, подобные фестивалю в Кимже, играют важную роль в сохранении плотницкого искусства и заслуживают поддержки.

Развитие традиционных сельских территорий как живых музеев, создание историко-культурных заповедников может способствовать не только сохранению памятников деревянного зодчества, но и преодолению тенденции угасания жизни самих территорий.

Возможные риски и объективные проблемы, возникающие при этом, требуют внимательного к ним отношения и учета:

1. Статус территории-памятника носит, прежде всего, практический характер, направленный на сохранение ее исторического облика.
2. Режим достопримечательного места и исторического поселения предполагает ограничения, а это, в свою очередь, налагает ответственность на жителей данной местности. В связи с этим неизбежен объективный конфликт между сохранением наследия и развитием места.
3. Территориальный комплекс включен в сферу интересов различных управленческих институтов, что существенно влияет как на процесс принятия решений, так и на собственно охрану и сохранение объектов культурного наследия.

Так, чтобы деревня жила, необходимо, чтобы в ней оставались жить молодые. А для этого нужна, по крайней мере, начальная школа. Вместе с тем, традиционные территории обычно малочисленны и не попадают в систему «нормативно-подушевого финансирования».

Важно отметить деятельность музеев деревянного зодчества, один из которых — Архангельский государственный музей деревянного зодчества и народного искусства «Малые Корелы» — это реальный способ спасения памятников истории и культуры от безвозвратной потери, и бесценный опыт национального парка «Кенозерский», действующего в духе Венецианской хартии по консервации и реставрации памятников и достопримечательных мест, провозгласившей, что «памятник неотделим от истории, свидетелем которой он является, и от окружающей среды, где он расположен»¹⁰.

Исчезновение традиционной застройки исторических территорий и исторических центров — один из основных вопросов охраны наследия.

Алоиз Ригль (1858–1905), крупнейший австрийский искусствовед конца XIX — начала XX века, главный хранитель памятников Австрийской империи, в статье «Современный культ памятников, его возникновение и сущность» (1903 г.) отмечал, что только неиспользуемые произведения могут вызывать наслаждение исключительно с точки зрения ценности старины, те же, которые до сих пор используются, сопротивляются такому чистому рассмотрению¹¹.

Подтверждение этому тезису есть в российской истории.

А.С. Щенков в очерке «Организационные и правовые вопросы охраны памятников древности» отмечает, что только взаимодействие «управляющих» и «управляемых», инициаторов переделок и органов контроля над ними исторически определяет подлинное состояние дел с охраной памятников¹². Давая характеристику подходов к оценке наследия в период 1890–1917 годов, А.С. Щенков отмечает, что для пользователей на первом месте всегда — вопросы утилитарных нужд. Основную часть потока дел, которые рассматривали органы контроля в описанное А.С. Щенковым время, составляли просьбы разрешить расширение храма, если речь шла о культовом объекте наследия, одобрить поднятие свода и кровли для увеличения его объема и т.п. Чинить обветшавший храм казалось нерациональным, и тогда заявители просили разрешения снести его и построить новый. Относительно художественной стороны памятников истории и культуры взгляды пользователей и охранявших памятники также различались: «Требования охраняющих органов воспринимались как совершенно лишние осложнения, иногда — губительные, создаваемые оторванными от жизни людьми. Причем осложнения тем более досадные, что проистекали от посторонних, распоряжавшихся почему-то тем, что приход считал своей собственностью»¹³.

Созвучно нашему времени высказывание архимандрита Московского Новопасского монастыря Макария, которое приводит в очерке А.С. Щенков, выразившего позицию оппонентов движению охраны памятников, требовавших сохранять древний вид Никольского храма: «Всем известно, насколько почтенно стремление охранять и сохранять произведения древнего русского церковного зодчества. Но тем, кто стоит близко к церковному служению, в то же время не менее известны и понятны и нужды приходов <...> Между тем среди археологов, особен-

но решительных специалистов, не имеющих никаких других занятий, ревность по "археологическим подробностям" нередко доходит до своего рода идолопоклонства перед каждым древним кирпичом или каждой архитектурной завитушкой, и ради сохранения древностей храма, подобных которому немало, отказывают в переделке его, в расширении, или советуют строить новый храм <...> В таком случае остается или закрыть глаза и уши на указание современности и предоставить храму... стоять в запустении и разрушаться, или разумно использовать этот храм <...> Несомненно, церковная власть скорее поймет, что любовь к старине у "варваров монахов" более целесообразна и более глубока, чем у археологов"¹⁴.

Градостроительное планирование предполагает необходимость обозначить и разделить зоны развития и зоны консервации. К последним обычно относится историческая часть города, территория которой, обладающая уникальным сочетанием качеств, должна быть выделена и получить описание.

В Архангельске это было сделано: в 2014 году постановлением Правительства Архангельской области был утвержден проект зон охраны памятников истории и культуры исторической части города. Но это одна, пусть и архиважная часть вопроса охраны памятников истории и культуры.

Памятники истории и культуры жилой постройки, историческая фоновая жилая постройка, придающая своеобразие любому городу, — болезненная тема массового обветшания жилого фонда.

Памятники истории и культуры жилой постройки в городах, располагаясь на «напряженной» территории, «конфликтуют» с хаотичной точечной окружающей застройкой, которая деформирует образ жизни и сомасштабность человеку исторической территории. Агрессивная действительность вторгается непосредственно в историческую среду: рядом с малоэтажными объектами культурного наследия и другими объектами исторической застройки растут высотные новостройки.

На территории Архангельской области 441 памятник истории и культуры жилой постройки, или 24% от общего количества памятников истории и культуры.

Сохранение исторического центра любого города связано с решением общих проблем. Его застройка осуществлялась при иных условиях жизни, не удовлетворяющих современным требованиям, поэтому подходы к сохранению объектов исторической постройки требуют правовых, финансовых и неординарных деятельностных усилий.

Решение вопросов сохранения памятников истории и культуры жилой постройки осложняется плохим физическим состоянием большинства из них. Кроме того, данные памятники находятся в частной собственности, используются преимущественно как объекты муниципального жилого фонда.

Постановлением Правительства Архангельской области от 22 апреля 2014 года № 159-пп утверждена региональная программа капитального ремон-

та общего имущества в многоквартирных домах, расположенных на территории Архангельской области. В программный перечень планировалось включение домов, являющихся памятниками истории и культуры.

Вместе с тем, в рамках программы возможно финансирование исключительно капитального ремонта, тогда как по отношению к памятникам истории и культуры применим метод сохранения, т.е. ремонтно-реставрационные работы. Однако выполнение их по региональной программе капитального ремонта носит нецелевой характер.

Большинство жилых домов, являющихся памятниками истории и культуры, находятся в муниципальной, частной или смешанной собственности и не попадают под действие региональной программы, направленной на сохранение памятников истории и культуры. Следовательно, бремя по обеспечению их сохранности лежит на собственниках и муниципальных образованиях и связано со значительными в сравнении с капитальным ремонтом многоквартирных домов, не являющихся памятниками истории и культуры, затратами.

Данная ситуация требует дополнительных организационных, правовых, финансовых и временных мер, накладывая отпечаток негативного отношения населения к вопросам обеспечения сохранности памятников истории и культуры.

Являясь объектами муниципальной и (или) частной собственности, памятники истории и культуры жилой постройки не обеспечены гарантией сохранности, вольно или невольно подвергаются приспособлениям под нужды собственников, хотя имеющиеся единичные примеры сохранения дают положительный результат. Один из них — завершение работ по сохранению памятника истории и культуры регионального значения, находящегося в собственности муниципального образования «Город Архангельск», — «Дом Ананьевой», расположенного по адресу: г. Архангельск, пр. Чумбарова-Лучинского, д. 15 (ил. 2).

Один из вопросов, связанных с обеспечением сохранности памятников истории и культуры, — отсутствие собственников и пользователей.

В собственности Архангельской области находятся 24 памятника истории и культуры регионального значения, или 1,7% от общего количества памятников истории и культуры регионального значения. Памятники истории и культуры федерального значения в собственности Архангельской области отсутствуют. Из 507 памятников истории и культуры федерального значения, расположенных на территории Архангельской области, в собственности Российской Федерации — 501, или 98,8% от общего количества памятников истории культуры федерального значения.

Муниципальные образования, на территории которых находятся памятники истории и культуры, являющиеся бесхозными, не спешат вводить их в правовое поле ввиду отсутствия достаточных ресурсных возможностей.

На уровне муниципальных образований не сформирована нормативная правовая база в сфере сохранения и государственной охраны памятников исто-

рии и культуры. Между тем, в соответствии с Правилами ведения «Единого государственного реестра прав на недвижимое имущество и сделок с ним и в целях обеспечения сохранности объектов культурного наследия», начиная с 2015 года органы местного самоуправления, на территории которых располагается подобный бесхозный памятник истории и культуры, должны будут поставить данный памятник на учет бесхозных недвижимых вещей в Федеральной регистрационной службе. По истечении года со дня постановки памятника истории и культуры на учет орган местного самоуправления обращается в суд с требованием о признании права муниципальной собственности на бесхозный памятник истории и культуры.

Есть еще один потенциальный субъект деятельности, направленной на сохранение памятников истории и культуры, — общественные формирования и местная инициатива.

Роль и место общественных формирований в сохранении памятников истории и культуры — слабое место в российском законодательстве.

Привлекая небольшие финансовые средства, общественные объединения могли бы не только следить за состоянием памятников истории и культуры, но и осуществлять практические работы. Однако их деятельность как производителей работ по сохранению памятников истории и культуры входит в противоречие с законодательством. Необходимо работать над введением их деятельности в правовые рамки.

В большей степени на территории Архангельской области имеют место примеры местной инициативы, направленной на осуществление общественного контроля, например уборка территории вокруг памятника истории и культуры, наблюдение за поведением и деятельностью организаций, работающих на памятниках истории и культуры. Такие примеры мы имеем в деревне Пиале Онежского района и деревне Кимже Мезенского района Архангельской области.

Ежегодно проводимые конференции, круглые столы и иные мероприятия, посвященные сохранению памятников истории и культуры, позволяют выявить наиболее типичные и реальные для рассмотрения на федеральном и региональном уровне вопросы. В их числе необходимость разработки федеральной и региональных программ сохранения памятников истории и культуры деревянного зодчества.

Отметим вместе с тем, что комплексный проект «"Культура Русского Севера", сохранение наиболее ценных памятников деревянного зодчества» федеральной целевой программы «Культура России (2012–2018 гг.)» является эффективным источником финансирования работ по сохранению памятников истории и культуры федерального значения деревянных культовых, но явно недостаточным. В проекте не учтены не менее важные, чем реставрация памятников истории и культуры, мероприятия, к которым относятся, например, организация мониторинга, разработка проектов зон охраны памятников истории и культуры.

В числе других вопросов:

- меры стимулирования собственников памятников истории и культуры, финансовой поддержки лиц, выполняющих за счет собственных средств работы по сохранению памятников истории и культуры;
- внесение изменений в Федеральный закон от 4 апреля 2013 года № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» в части установления требований к одноактному проведению закупок для проведения полного объема реставрационных работ, установления требования приоритета опыта и профессионализма при проведении конкурса; обязательности предоставления участником конкурса на выполнение работ по сохранению объекта культурного наследия документов, подтверждающих наличие у него опыта работы по тем видам работ, в отношении которых проводится конкурс.

Критическая масса вопросов, связанных с обеспечением сохранности памятников истории и культуры, свидетельствует о необходимости системного подхода, в основе которого координация деятельности и взаимодействие всех сторон, затрагивающих интересы памятников истории и культуры.

Примечания

¹ См.: Невское время. 2015. 11 авг. С. 8.

² Памятники архитектуры в дореволюционной России: Очерки истории архитектурной реставрации / под общ. ред. А.С. Щенкова; сост. А.С. Щенков, А.Л. Баталов, Т. А. и В.А. Куликовы. М.: ТЕРРА — Книжный клуб, 2002. С. 5.

³ Там же.

⁴ См.: Душкина О.Н. Теория и философия сохранения культурного наследия. Стагнация или системный кризис? URL: <https://exchang.es/e/tieoriia-i-filosofia-sokhraneniia-kul-turnogho-nasliediia-stagnatsiia-ili-sistiemnyi-krizis>

⁵ Венецианская хартия по вопросам сохранения и реставрации памятников и достопримечательных мест. URL: <https://docs.google.com>.

⁶ Душкина О.Н. Указ. соч.

⁷ Ее же. ИКОМОС и отечественная практика сохранения наследия. URL: http://www.ifarcom.ru/files/Monitoring/dushkina_ikomos_otech_prakt.pdf.

⁸ Там же.

⁹ Утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 2 февраля 2015 года № 151-р.

¹⁰ Венецианская хартия... Ст. 7.

¹¹ Памятники архитектуры в дореволюционной России... С. 490–491.

¹² Там же. С. 353.

¹³ Там же. С. 354.

¹⁴ Там же. С. 354–355.

Архетипы Кенозерья

Если Кенозерье — это своеобразный геокультурный космос, то все согласятся с тем, что Вершинино — его организующая и центрирующая ось, так сказать, *Axis mundi* в масштабах местности. Упругий, словно играющий мышцами холм вскидывает в небо Никольскую часовню, получая в ней свое рукотворное продолжение и развитие. Естественное возвышение и надстроенный над ним артефакт: между ними явственен глубинный симбиоз. Перед нами одно целое, задающее окружению мощную доминанту: это уверенная в своей силе, спокойная, но неукоснительная вертикаль. Творимая ею подъемная тяга захватывает и пейзаж, и человека.

Благословенен ландшафт, имеющий всхолмления. Земля здесь как бы дышит — и этим показывает, что она живая. Каждый бугор бросает вызов мертвенному нивелиру равнины.

Холмы как таковые — независимо от своего происхождения — есть явление замечательное. Умеренно высокие, в пределах 200 м, они тяготеют к округлой или овальной форме, исподволь потворствуя чувству симметрии. Склоны у них обычно пологие, окатанные. Обеспечивая далекий обзор, холмы являются природными вежами; сама их морфология благоприятствует обносу кольцом крепостных стен. Закономерно, что холмы становятся своего рода *аттракторами*, привлекающими человека на предмет устройства различных поселений. Города и веси часто зачинаются на холмах.

Вспомним семь римских холмов.

В XVI в. явно под влиянием перспективы, открывшейся псковскому старцу Филофею, латинскому семихолмию стала вторить русская Москва. Возлежащими на семи холмах себя видят Вятка, Чердынь, Ижевск. Главный московский холм — Боровицкий — имел еще и такое название: *Маковица*. Этот образный топоним перекликается с сергиевым *Маковцем*.

Метафоры здесь имеют равно вегетоморфный и фитоморфный характер: выпуклостями своими Мать-Земля указывает как на свою плодородность, так и на верхнюю точку роста — *макушку*.

Вершининский холм вместе с Никольской часовней — суть маковица Кенозерья. Ключевой архетип Русского Севера получает в ней свое максимально выразительное раскрытие.

В понятие *архетипа* мы вкладываем два смысла:

— это некая предельно схематичная матрица, кодирующая ключевые смыслы бытия в абстрактной форме, но способная принять на себя сколь угодно богатое образное наполнение;

– и это *телос* в смысле Аристотеля: конечная цель, направляющая процесс — маячащая в будущем как идеал, с которым надо сблизиться, дабы воссоединиться, совпасть.

Поясним данные значения на примере:

– если мы созданы по образу и подобию Бога, то он является для нас архетипом (первообразом, парадигмой);

– смысл нашего бытия, согласно христианской телеологии, заключается в нашем теозисе: человек должен стать Богом — мы поднимаемся к Нему.

Альфа и омега замыкаются в архетипе друг на друга. Он одновременно является и первопричиной, и энтелехией.

В понятии теозиса имплицитно содержится идея восхождения.

Axis mundi — Мировая Ось — видится нами как исходный архетип, определяющий и содержание, и динамику данной идеи. У него масса алломорфов. Если понятие оси в его геометро-механическом истолковании истаивает до полной абстракции, то этого никак нельзя сказать о весьма образных, принимающих вид ярких тропов, наглядных и конкретных алломорфах. Приведем некоторые из них: *Мировое Древо* — *Мировая Гора* — *лестница* и т.п.

Наши предки *пресмыкались* и *пластались* — двигались, плотно и тесно прилегая к плоскости. Величайшим эволюционным обретением стало прямохождение. Вертикаль здесь бросила вызов горизонтали, оторвав гоминид от поверхности Земли. Они дерзнули *подняться*. Была обретена третья координата движения. Позвоночник человека совпал с *Axis mundi*. Начавшаяся тогда *история духа* твердо и необратимо получила свой вектор.

Мы знаем, что *высота* — это главная эстетическая категория северно-русского деревянного зодчества: шатровые храмы являются одним из самых совершенных воплощений архетипа *Axis mundi*. В Кенозерье этот архетип проявился широко и разнообразно.

Язык оппозиций естественен для нашей темы: *верх* и *низ* структурируют *Axis mundi* — предопределяют ее и сущностные, и ценностные характеристики. С противоположением *верх-низ* хорошо коррелирует противоположение *возвышенность-равнина*. О России стало принято говорить в терминах планиметрии. Наша равнинная страна строится *плоскостно*. Спорадически и умеренно проявляющаяся волнистость монотонного евразийского рельефа может быть проигнорирована. Е.Ю. Тюгашев интересно пишет о «роли плоскости в организации евразийского аксиологического пространства»¹. Подчеркнем: речь идет именно о *ценностном измерении* — оно оправдывает соположение резко различных явлений, прямолинейное аналогизирование которых в других ситуациях было бы заведомо некорректным.

Жизнь на равнине и склонность к обезличивающему равенству (если не сказать — к уравниловке): вряд ли тут мы найдем объективную причинную зависимость, но тем не менее сближения подобного рода эвристичны. Точное соот-

ветствие сомнительно — ассоциативное сходство реально, пусть даже оно имеет лишь поэтическую ценность; но именно на этом суггестивном уровне может обнаруживаться родство внешне очень и очень далеких друг от друга феноменов.

История России — цепная реакция бифуркаций: одно раздвоение следует за другим. Вологодский писатель и искусствовед И.В. Евдокимов, павший жертвой сталинских репрессий, писал о том, что широта Новгорода Великого делит нашу страну на две части: к Югу — тоталитарный московский дух, закабаление крестьянства; к Северу — пусть реликтовое, но вполне ощутимое дыхание новгородской свободы, отсутствие крепостного права.

Москва *уплощает, сглаживает*; Новгород *рыхлит, структурирует*. Применив это противопоставление и к общине, и к личности, мы убедимся, что оно имеет определенный смысл. Среднерусская община: торжество обезличивающей энтропии; северно-русская община: цветение хозяйственной жизни. К Югу — холопы, к Северу граждане. Если Москва ставила на унифицирующее единство, то Новгород культивировал динамичное разнообразие. Эти антитезы могут казаться механистичными. Но ведь трудно представить, что рязанские или пензенские крестьяне сподобились построить что-то подобное Кижам, а в их среде появился свой Трофим Рябинин или Иван Поромской. Север здесь приоритетен. И на то имеются глубокие причины.

Ландшафт Русского Севера и его духовная культура: между ними существуют неуловимо тонкие, далекие от однозначности, упрямо не поддающиеся формализации созвучья. *Genius loci* проявляет себя и в масштабах всего региона, задавая ему стилевую общность, и в отдельных локусах, придавая им самобытные черты, позволяющие легко различать, скажем, реалии Водлозерья и Кенозерья, Подвинья и Пинежья.

Это ледниковый ландшафт. Если к нему применить информационные критерии, то надо будет признать: по степени разнообразия он не знает себе равных. Ему свойственны различные *перепады* и *неоднородности* — так сказать, *разности потенциалов*. Они крайне благоприятны для того, чтобы вырабатывалась духовная энергия.

Ландшафт Кенозерья в этом отношении отмечен особой харизмой. Уединенное и замкнутое сочетаются в нем с открытым и распахантым. Природа словно играет противоположностями. Этот контрапункт благоприятствует креативным процессам. Главную партию в геоморфологической симфонии ведут различные подъемы рельефа. Благодаря Кенозерской моренной гряде кенозёры в разных ее точках имеют возможность пережить эффект отрыва от земли. Надо вспомнить и о соседней Андомской возвышенности. Замечательно, что многие острова на Кенозере отмечены красивыми всхолмлениями — это и Медвежий, и Мамонов, и Кислуха, и Каменный. Сам рельеф воплощает здесь архетип *Axis mundi* — причем делает это спокойно и уверенно, без экзатичности, свойственной горам.

Эрозия еще очень нескоро разутюжит ландшафт Русского Севера. Он молод и бодр. Его творческий потенциал далеко не исчерпан.

Интересно, что главный московский холм имеет два названия — *Маковица* и *Боровицкий*. Последнее указывает на лес. Место бора заняли храмы. Имела место своеобразная наследственность, о ней говорит инвариантный признак: вертикаль. Архетип *Axis mundi*, реализованный в дереве, нашел новый субстрат для себя в церквях и звонницах. Об этой преемственности Кенозерье свидетельствует многократно. Конгруэнтность ели и часовни запечатлена в оригинальной эмблеме парка.

Вот характерное признание человека, влюбленного в эти места, — их символ он нашел в деревне Зехнова: «Часовня хорошо обозревается с трех сторон. С севера же она угадывается по высокой ели и крестам часовни, но прежде всего по высокой ели. Именно эта часовня является для меня концентрированным выражением красоты геокультурного пространства Кенозерья»².

Вероятно, описываемая ель является остатком *священной рощи* — типичнейшего для Кенозерья феномена. Это удивительный, полный поэзии пережиток *дендролатрии* — культа деревьев. Священная роща узнается сразу. Очень выразительно она *выступает* — *выделяется* — *вычленяется* из окружения. Улавливая веянье нездешнего, мы ощущаем в священной роще присутствие какой-то тайны — она инициирует в нас чувство возвышенного.

Тема *Axis mundi* получает в священных рощах несколько минорное, или меланхоличное, звучание. Это места поминовения предков-родоначальников? Или всех умерших в череде поколений? Как бы то ни было, но трудно согласиться с лучшим знатоком дендролатрии Д.К. Зелениным, когда он пишет: «На нашем севере имелось большое количество зловредных, неприкосновенных рощ, прошлая история которых остается неразгаданною»³. В чем заключается их зловредность? Анимизм одушевлял дерево — приписывал ему чувство боли. А также и способность мстить за порубку. Считать ли это проявлением враждебности? Хотя священные рощи могли внушать людям чувство благоговейного трепета, в конечном счете такие переживания положительны — можно и должно говорить о душеполезности контакта с архаическими насаждениями. Они выводили человека из потока времени, перемещая его в координаты вечности. Очаги сакрального — в континууме обыденности: так можно сказать о священных рощах. Они *возвышали* человека.

Еще один позитив священных рощ, сознательно в них не закладывавшийся, а потому и непреднамеренный, заключается в том, что волей судеб они выполняли природоохранную функцию. Ведь перед нами — микрозаповедники! А.А. Невский подчеркивал: «никто из верующих не решается воспользоваться из них ни сучком»⁴. Табу на сведение деревьев консервировало ценозы. Продолжая взаимодействовать с окружающей средой, священные рощи обретали пусть относительную, но, тем не менее, очевидную автономность. Нам предстают це-

лостные и самодовлеющие экосистемы. Они могут иметь эталонное значение при исследовании биосферного разнообразия.

За священными рощами стоит сложное мироощущение. Оно актуально и в философском, и в педагогическом плане. Основой его является тотемизм. Все ли в его построениях следует считать изжитым? Вот главная посылка: человек и природа родственны — они суть одно. Вначале клеточная теория, а потом генетика блестяще подтвердили эту интуицию мифа. Что касается его обрядовых экспликаций, то их поэтическая ценность несомненна. Достаточно вспомнить троичские и семицкие ритуалы. Береза облачается в женские одеяния — девушки маскируются под березу. В этих игровых взаимоуподоблениях и взаимопревращениях сохраняется память о тотемной функции дерева. Она давно оттеснена в бессознательное. Тем дороже и значимей ее зримые проявления в наши дни.

Ночь на Ивана Купалу... Это верхняя точка *Axis mundi* в ее проекции на земной календарь. Сейчас и только сейчас деревья способны передвигаться, разговаривать между собой и с людьми, принимать человеческий облик. Антропоморфизация леса достигает в купальскую ночь своего максимума. Вот пик игры! Озирая мир с его высоты, мы обнаруживаем в нем много чудесного. Священные рощи содействуют воссозданию этой сказочной атмосферы. Она благоприятна для проведения результативного экологического воспитания.

Д.К. Зеленин писал о «тотемической табуации деревьев»⁵. Человек, заключивший с ними союз, брал на себя ряд ограничительных обязательств. При всей условности этой практики она, бесспорно, содействовала сохранению экологического равновесия. Тотемизм этичен. Священные рощи — памятник тотемизма. Живой памятник! Ведь местами в них до сих пор отправляется культ деревьев. Где-то даже следует говорить не просто о бытовании, а скорее об усилении и расцвете никогда не умиравшей на Русском Севере древней традиции. Она вполне вписывается в схему двоеверия. Вот мы видим, как в березу заплетают атласную ленту, а потом букет незабудок кладут в подножие процветшего Голгофского дерева. Тут надо говорить не о скрытой преемственности, а скорее о некоей изумительной синхронии: одно вполне совместимо с другим — язычество и христианство дополняют друг друга — в них реализуются идентичные архетипы.

Дерево является верным союзником человека в неукоснительном следовании *Axis mundi*. Кенозерье выявило и закрепило в своей культуре единственность двух вертикалей. Человек дендроморфен, дерево антропоморфно. Тотемизм является одним из способов объяснить этот изумительный унисон.

Кенозерская прялка была открыта экспедицией Русского государственного музея в 1963 г. Без преувеличений: это великое этнографическое открытие, его приближающийся полувековой юбилей стоит отметить. По своей значимости и неожиданности оно может быть соотнесено как с полевыми записями былин П.Н. Рыбниковым, так и с результатами историко-архитектурных экспедиций Л.В. Даля и В.В. Суслова.

Вернемся в славную деревню Зехнова.

Ученые застали здесь в живых мастера Прокопия Прокопьевича Завьялова (1887–1967). Из-под его рук вышли ошеломительно красивые прялки, как ни парадоксально, производящие впечатление глубокой языческой архаики. Современник двух мировых войн, свидетель трех революций и коллективизации, даровитый резчик работал в знаковой системе, абсолютно созвучной тем, какие мы находим в искусстве древних цивилизаций. Схожие символы независимо используются тысячелетиями при полном игнорировании пространственных и временных разрывов, обнаруживая этим общность стоящих за ними фундаментальных архетипов. Конечно, может иметь место миграция тем и образов, но первенствует все же конвергенция, заставляющая подозревать существование единого (причем идеального, в духе Платона) первоисточника.

Лицеурея дивную завьяловскую прялку, мы наслаждаемся ее самоценной орнаментальностью и одновременно пытаемся наложить на декор вполне определенные смыслы. Прялка воспринимается нами как текст, насыщенный архетипами, возникает желание правильно истолковать их. И вот тут возникает острейшая проблема интерпретации.

Что вкладывал мастер в свое создание? И что вкладываем мы?

Прокопий Прокопьевич не владел понятием архетипа. Скажем так: творимая им музыка узоров вряд ли была программной — прямые значения в нее не вносились. Однако через бессознательное мастера могла говорить многовековая история культуры.

Мы знаем эту историю. И мы читаем в прялке то, что мастером не осознавалось.

Насколько оправдана уверенность в том, что наше прочтение отвечает истине? Нет ли тут самообольщения?

Памятуя о реальной опасности такового, все же возьмем на себя смелость сказать, что кенозёр П.П. Завьялов и, скажем, такие маститые ученые, как Ю.М. Лотман или В.Н. Топоров, черпают из одного кладезя. Мастер это делает инстинктивно, истолкователь опирается на *ratio*. Возможно ли совпадение? Думается, что да. Талантливая интерпретация ничего не навязывает тексту. Конечно же, она неизбежно накладывает на него новые культурные слои, однако их структура порой точь-в-точь — и это предзадано — соответствует структуре бессознательных впечатлений мастера, проясняя и обогащая их сокровенные смыслы.

Произведения народного искусства все шире и глубже осваиваются современным эстетическим сознанием. Естественно, они получают более богатый ассоциативный контекст по сравнению с тем, внутри которого возникли. Не приносим ли мы в них содержание, отсутствовавшее в момент создания? Издержки тут вероятны, но перед нами — новая культурная реальность. С ней надо считаться.

Что сегодня читается в кенозерской прялке?

Вряд ли можно усомниться в том, что она реализует архетип *Axis mundi* — вытянутая по вертикали, прялка через весь свой орнаментальный строй передает идею подъема, восхождения.

В число алломорфов Мирового Древа мы можем включить и кенозерскую прялку. Образно и экспрессивно, с эмоциональной яркостью в ней моделируется трехъярусное строение космоса.

Солярная символика обильно представлена на прялке. Множество солнц! Они вовлечены в движение, которое двойственно: мастер ему задает и циклический, и линейный — направленный ввысь — характер.

Мы вправе предположить, что прялка является метафорическим образом как *солнопутья*, годичного движения нашего светила по Зодиаку, так и его кажудневной дороги — от первых лучей утром до ухода под горизонт на закате. Существует мнение, что прямо над копылом — в начале лопаски — изображено подземное Солнце.

Мастер использует прием, который в современном искусстве называется *симультанностью*: разные фазы движения, разные позиции одного объекта передаются *синхронно*. Вот Солнце в нижнем положении, а вот его мажорная кульминация.

Именно взлет, именно высота, именно апофеоз Ра-Феба-Ярилы доминируют в декоре прялки. Внутри ее знакового пространства совершается поклонение Солнцу. Прялка двупланова: она выполняет свои прямые функции и вместе с тем предстает как неявный атрибут солярного культа.

Закат Солнца — его ночное отсутствие — утренний восход: культура наложила на этот извечный ритм новые смыслы, мифологизировала его. Солнце умирает — Солнце возрождается. Это обнадеживало наших пращуров. В судьбе Солнца они увидели ключ к собственным судьбам.

Дерзкая аналогия включила в себя и ритм растительной жизни. Погребенное осенью, зерно воскресает весной. Путь Солнца, путь зерна, путь человека: зреющая здесь единство, человек уповал на то, что его смерть условна и относительна — он вернется к жизни.

Этот параллелизм имеет ключевое значение для становления культуры. Он положен в основу древних мистерий. Два солнечных круга — суточный и годовой — корреспондируют с архетипом Вечного Возвращения. Религии умирающего и воскресающего Бога (христианство завершает их эволюцию) проявляют и расцвечивают этот базисный архетип.

Кенозерская прялка мистериальна.

Двигаясь посолонь по орнаментальному полю прялки, мы фактически оказываемся в роли мистагога — Вершинино аукается с Элевсином. Здесь нет преувеличения. Вот реальный инвариант: архетип Вечного Возвращения. В своей сущности кенозерская прялка изоморфна великим средиземноморским мистериям.

Солнце торжествует над тьмой, зерно — над силами тления, человек — над ужасом смерти.

Архаический ритуал был призван содействовать этому торжеству. Кенозерская прялка хранит память обряда — как бы калькирует и фиксирует схему священнодействия. Она универсальна: за схождением вниз, в сумрак загробного мира воспоследует возвращение к жизни и свету.

Центральный круг в композиции кенозерской прялки объемлет собой образ Мирового Древа. Он геометрически обобщен, схематизирован до абстракции.

Два основополагающих архетипа — Вечного Возвращения и *Axis mundi* — встречаются в композиции. Это знаменательный синтез. Благодаря ему обретается полнота в картине мира — нам дают представление о его горизонтальном и вертикальном сечениях.

Мировой Круг из своего центра прорастает Мировым Древом.

Лучи Солнца и ветви дерева: на возможность их метафорического отождествления указывает В.Н. Топоров. Нечто схожее мы видим и в кенозерской прялке. Узор одновременно и лучится, и ветвится. Растительное и солярное дивно контаминируют в нем.

Ритуал древнее мифа. Исходный ритуал довербален.

Элементы ритуального поведения обнаруживаются у животных в разных типах и классах. Инстинкты и тропизмы предопределяют его формирование.

Гелиотропизм присущ многим формам живого. Своеобразно проявляется он и у человека.

О кенозерской прялке можно сказать так: она является художественно значимой манифестацией гелиотропизма — обнаруживает первичное влечение жизни. Возможно, именно к этим глубинам нашей психики восходит генезис кенозерской прялки. Солнцопоклонничество в его широком понимании естественно для культуры.

Гелиотропизм — оформление соответствующих реакций и движений в ритуале — закрепление ритуала словом, надстройка его мифом: так можно представить главные вехи в становлении солярного культа. Кенозерская прялка представляется нам его реликтом.

Уникально завершение кенозерской прялки. Горка городков! Она вторит и абрису еловой кроны, и клинчатой крыше часовни. Поэтичная аналогия разнородных форм — природной и архитектурной — теперь может быть дополнена еще одним элементом. Ель — часовня — кенозерская прялка: за их вторением друг другу мы чувствуем единый порыв бытия.

Внутри узорной, звучно раскрашенной лопаски действуют восходящие токи. Они увлекают нас вверх, вдоль *Axis mundi*. Адорирующая Макошь на северных вышивках, вздымающая руки к небу, хорошо гармонирует с кенозерской прялкой.

Axis mundi — ось духовности: Русский Север утвердил ее прочно и основательно.

Деревня Зехнова — жемчужина России.

Разнопланово она раскрывает свою самобытность. Здесь и только здесь утвердился удивительный культ богатыря Добрыни. Ю.И. Смирнов вспоминает: «В д. Зехново летом 1958 г. о Добрынюшке, как его здесь постоянно величают, мог что-то рассказать едва ли не каждый житель. Все о нем знали, могли цитировать и отрывки былины, но хорошо спеть полностью былинку уже никто не мог»⁷. Замечательно, что и сегодня в этой деревне, несмотря на всеобщую амнезию, все еще помнят Добрыню. Даже могут напеть зачин былины о нем. Откуда это предпочтение? Ю.И. Смирнов утверждает: в других районах Кенозерья первенствует образ Ильи Муромца — только южная его часть отмечена повышенным интересом к Добрыне. Говоря о Кенозерье в целом, следует подчеркнуть: оно идет впереди других регионов по количеству записанных былин о Добрыне. Вот показательная статистика — всего известно 107 фиксаций былины «Добрыня и змей». Начало перечня мест и, соответственно, количество записей выглядят так (данные Ю.И. Смирнова):

Кенозеро — 16
Заонежье, Пудога — 15
Зимний берег Белого моря — 11
Мезень — 10
Печора — 7
.....

А вот данные по былинке «Добрыня и Маринка»:

Кенозеро — 16
Пудога — 9
Заонежье — 7
Печора — 6
.....

Образ Добрыни складывался на порубежной полосе перехода Руси от язычества к христианству. Его вероятный летописный прототип прославился в Новгороде Великом на стезе утверждения новой веры, но былинный Добрыня навсегда сохранил в себе инерцию языческого прошлого. Можно говорить о его очень и очень личностном *колеблющемся двоеверии*. Вот мы застаем богатыря на православной службе:

Отстояли соборную обеденку,
*Пошли как они да из божьей церкви*⁸.

А вот он поклоняется поганым кумирам:

Маринкиным богам да идет молится⁹.

Двоеверие проявляет себя и в скоморошестве Добрыни. Он прекрасно играет на гусях — скоморошьем инструменте:

*А дай-ко мне доску гусельную,
Да дай-ко мне платье скоморошное¹⁰.*

Князь Владимир обращается к нему как к скомороху:

*Говорил Владимир таково слово:
— Да ай-ты весела скоморошина!
Садись, скоморох, за дубовый стол¹¹.*

Богатырь-скоморох Добрыня Никитич освобождает соотечественников от змеинного плена. В этом отношении произведение выступает предвестником великой былины «Вавило и скоморохи» с ее темой орфической силы искусства, испепеляющего мировое зло.

В былине о Добрыне выпукло и отчетливо проступают языческие пласты. Достаточно вспомнить магическое подрезание следов героя с целью негативного воздействия на него. А мотив оборотничества? Амплитуда превращений весьма широка — от золоторого тура до жабы. В последнем случае — при достижении предельного низа в сущностной и оценочной шкале — метаморфоза становится необратимой:

*Обвернуть тебя как жабой подкодню,
А от жабы подкодней повороту нет¹².*

Смеем утверждать, что архетип Axis mundi тоже преломился в образе Добрыни (и не только в его богатырской стаге) или в желании стать деревом, о котором так впечатляюще пел Трофим Рябинин:

*Нет, так бы спородила Добрынюшку
На гору Сарачинскую деревинкою,
Не для красы, не для угожества,
А для-ради приезда богатырского:
Ко этому бы ко деревцу
Съезжались русские могучие богатыри,
И стояла бы эта деревиночка век по веку,
Век по веку без шевелимости¹³.*

Главенствующая в былине идея змеборчества глубинно связана с архетипом *Axis mundi*. Торжествующий змеборец знаменует ее верхнюю точку, тогда как истребленный змей олицетворяет собой хтонический низ. Немало сказано о внутреннем родстве Добрыни Никитича и Егория Храброго. Победоносное копье святого совпадает с *Axis mundi*.

Змеборчество Добрыни получило у русских филологов различные интерпретации. О.Ф. Миллер — талантливый представитель мифологической школы — видел в Добрыне воплощение солнечного начала. В.Ф. Миллер — приверженец исторической школы — считал, что уничтожение змея символизирует победу христианства над язычеством. Архетип змеборчества может принять на себя оба толкования. Нельзя исключить и того, что противостояние Добрыни и змея являет проекцию внутренней борьбы в человеке — он одолевает в себе низменное, темное.

Д.С. Лихачев писал о том, что поступки богатырей «приподняты, возвышены». В этой оценке неявно присутствует *Axis mundi*: человек возрастает по вертикали — поднимается, возвышается, наращивая в себе потенциал добра¹⁴.

Быть может, Добрыня Никитич привлек жителей деревни Зехнова своей нравственной высотой? Поразительны пацифистские ноты в некоторых былинах о Добрыне. Беззаветно выполняя свой богатырский долг, он вместе с тем тяготится необходимостью лишать людей жизни:

*Я не ездил бы Добрыня по чисту полю,
Я не убивал бы Добрыня неповинных душ,
Не пролил бы крови я напрасныя¹⁵.*

Вот цитата из О.Ф. Миллера: «Что заставляет Добрыню тяготиться своим богатырством — это отвращение к напрасной крови, это сострадание ко вдовам и сиротам»¹⁶.

Ученый видит в этих гуманистических установках проявление славянского духа. Как бы то ни было, но образ Добрыни в своем психологизме, несомненно, опережает время, предваряя нравственные искания русской классической литературы.

Добро возвышает. Добрыня служит добру и воплощает его, задавая нам на этическом высотометре предельные значения. Об этом хорошо думать на Вершининском холме, глядя в сторону Зехнова, где так чтили Добрыню.

Кенозерье любит высокое. Уклонов от *Axis mundi* здесь не найдешь. Все работает на возвышение человека.

Примечания

¹ Тюгашев Е.Ю. Плоскость равнины // Евразийский мир. Ценности, константы, самоорганизация. Новосибирск, 2010. С. 173.

-
-
- ² Кортаев В.И. Север любовь моя. Визуальная геопоэтика Кенозерья // Поморские чтения по семиотике культуры. Архангельск, 2011. С. 15. Вып. 5.
- ³ Зеленин Д.И. Избранные труды. Статьи по духовной культуре. 1917–1934. М., 1999. С. 146.
- ⁴ Там же.
- ⁵ Зеленин Д.И. Избранные труды. Статьи по духовной культуре. 1934–1954. М., 2004. С. 161.
- ⁶ Топоров В.Н. Мировое дерево. М., 2010. Т. I. С. 216.
- ⁷ Добрыня Никитич и Алеша Попович. М., 1974. С. 396.
- ⁸ Онежские былины, записанные А.Ф. Гильфердингом. М.; Л., 1951. Т. III. С. 249 (записано на Кенозерье от Петра Андреевича Воинова).
- ⁹ Там же. С. 474 (записано на Кенозерье от Андрея Тимофеевича Гусева).
- ¹⁰ Там же. С. 224 (записано на Кенозерье от Петра Андреевича Воинова).
- ¹¹ Там же. С. 225 (записано на Кенозерье от Петра Андреевича Воинова).
- ¹² Там же. С. 216 (записано на Кенозерье от Петра Андреевича Воинова).
- ¹³ Песни, собранные П.Н. Рыбниковым. Петрозаводск, 1989. Т. I. С. 119–120.
- ¹⁴ Лихачев Д.С. Человек в литературе Древней Руси. М., 1970. С. 63–64.
- ¹⁵ Песни, собранные П.В. Киреевским. М., 1864. Т. II. С. 30–31.
- ¹⁶ Миллер О.Ф. Илья Муромец и богатство киевское. СПб., 1869. С. 30–31.

Русский Север в творчестве Ивана Билибина

Серебряный век — Иван Билибин — Русский Север: это едино — это как неразрывная цепь.

Интересом к народному искусству, а оно к началу XX столетия хорошо сохранилось лишь в удалении от центра, на высоких лесистых широтах, отмечено это время. Тогда сложился крайне своеобразный культ Русского Севера. Иван Яковлевич Билибин (1876–1942) — один из зачинателей этого культа, быть может, его главный жрец (ил. 1, 2, 3).

Из художников рядом окажутся И.Э. Грабарь (1871–1960) и В.А. Плотников (1866–1917). Среди писателей назовем в первую очередь имена М.М. Пришвина (1873–1954) и Н.А. Клюева (1884–1937).

Картины и очерки, созданные мастером на материале его северных экспедиций (1902–1904 гг.), получили резонанс, далеко превосходящий тот, который ранее вызвали первооткрытия Л.В. Дала (1834–1878) и В.В. Сулова (1857–1921). Иллюстрации И.Я. Билибина к русским сказкам и былинам полюбила вся Россия. Художник развивал в этих работах впечатления, полученные в путешествиях по Вологодской, Архангельской и Олонецкой губерниям, куда его командировал этнографический отдел Музея Александра III специально для изучения деревянной архитектуры. Но были охвачены и быт, и люди, и природа — в результате сложился целостный *геиштальт* края, не знающий аналогий. Первая экспедиция художника на Север получила преломление в иллюстрации сказки «Перышко Финиста Ясна Сокола» (ил. 4). В декабре 1904 г. И.Я. Билибин начинает иллюстрировать «Сказку о царе Салтане». В первом рисунке (ил. 5) преломились впечатления о северных путешествиях. Думается, что в иллюстрации И.Я. Билибина к «Сказке о царе Салтане» (1904 г.) причудливо соединились кижские и соловецкие реалии: многоглавие внутри каменных стен (ил. 6).

Без преувеличения: образы Русского Севера вошли в сознание многих людей благодаря И.Я. Билибину — он зажег над забытой стариной притягательный романтический ореол. О том, насколько устойчиво в культуре Серебряного века Китеж ассоциировался с Русским Севером, свидетельствует декорация К.А. Коровина к опере Н.А. Римского-Корсакова «Сказание о невидимом граде Китеже и деве Февронии» (1908 г.), на которой перед зрителями предстала Нёнокса с ее пятишатровой Троицкой церковью (ил. 7). Иван Яковлевич не только художнически освоил, но и теоретически осмыслил феномен Русского Севера. Билибин понял: это совершенно особый *хронотоп* — у него нет подобий.

Начнем с *пространства*.

Оно здесь и огромно, и автономно. Главная его черта — *изоляция* от остальной территории. На это работают и большие расстояния, и характер местности — задебренная тайга, топкие болота, лабиринт озер и рек. Будто стена ограждала великие просторы — защищала самобытность местной культуры.

Время: его специфика выражена еще резче.

Тезисно вычленим аспекты, так или иначе отраженные в очерках И.Я. Билибина «Остатки искусства в русской деревне» (Журнал для всех. 1904. № 10) и «Народное творчество Русского Севера» (Мир искусства. 1904. № 11) (ил. 8), — хрональные, темпоральные:

– Русский Север *выпал* из единого — так сказать, общегосударственного — времени;

– время тут *замедлилось* — притормозило;

– местами оно вообще *встало* — зафиксировалось на определенной исторической фазе;

– где-то — прежде всего в очагах старообрядчества — *потекло вспять*: прошлое там не просто сохраняли и лелеяли — нет, хотели безоглядно вернуться в него; причем как можно ближе к истокам: чем исконнее, тем лучше.

На Русском Севере начала XX века И.Я. Билибин уверенно и безошибочно (интуиция не обманывала мастера) прозревал реалии XVII века. К этой эпохе он имел особую тягу, видя и ее позитивные стороны, и ее противоречия: «Еще лет сорок тому назад Россия была полна отголосками XVII в., этого очаровательного сказочного времени в отношении народного художественного творчества и кошмарно тяжелого в отношении политическом»¹.

Свои историософские размышления И.Я. Билибин подкрепляет апелляцией к А.С. Пушкину: «Двести лет истекло с тех пор, как Россия "уздой железной" была вздернута на дыбы; и после этого бег ее жизни направился в другую сторону, на другую дорогу, не на ту, по которой она текла от времен стародавних»².

Это был крутой, крайне болезненный поворот. Однако на северных землях инерция старого оказалась куда как сильнее импульсов нового. Еще около 200 лет здесь продолжали идти своей дорогой, которая началась в вечевом Новгороде Великом, но на наших глазах оборвется в никуда.

Наступило громогласное Екатерининское время — кульминация XVIII века. Однако Север норовит остаться в эпохе полюбившегося ему Алексея Михайловича. У стен Преображенской церкви в селе Соденьга И.Я. Билибин придет к такому примечательному наблюдению: «Ведь все это в такой глуши, что эпоха Екатерины Второй для тех мест вряд ли отличалась многим от времен Тишайшего царя»³.

Можно и должно говорить о мощи репродуктивного начала в народной культуре. Ментальная наследственность была надежно защищена от всякого рода мутаций.

Плотники следовали каноническим образцам, избегая при этом буквалистского копирования — каждый храм нес на себе напечатление личностного нача-

ла. Процесс шел в русле традиции, но оно не походило на узкие тиски: свободы для самореализации у зодчего было вдосталь.

Сколь благоприятные условия сложились тогда для развития деревянного зодчества! Разнообразятся формы шатровых храмов. Возникают кубоватые покрытия. Это решение окажется поразительно устойчивым — продержится до конца XIX века.

Консерватизм Русского Севера на руку историку культуры. В Европе — музейное и легендарное, здесь — живое и дышащее. Колоссальный перепад! Принципиальное различие!

Вместо машины времени — Русский Север: в мгновение ока он перенес художника на три века назад (ил. 9, 10).

Вот на какие мысли навел И.Я. Билибина Георгиевский храм в селе Поча: «Церковь эта относится к XVIII веку. Очень интересно, что много церквей, по типу ничем не отличающихся от церквей XVII века, построены в XVIII в. Это только лишний раз подтверждает, как крепка была старая культура, как плотно внедрилась она в плоть и кровь народа, умевшего инстинктивно, точно по наитию, создавать великолепные художественные произведения, и как в сущности близко подошла она к нашему времени. Можно сказать, что в народе XVII век кончился не тогда, когда наступил XVIII в., а чуть ли не вчера»⁴.

Отсюда возникает уникальная *гетерохрония*: пересечение разных исторических пластов в жизни страны — их парадоксальная совмещенность.

Не сразу общественное сознание отразилось этот момент. Поняв, удивилось.

Формально время одно. По сути оно двойственно.

Разве не парадоксально, что в нем сосуществуют исполнители досюльных былин и поэты-футуристы? Немыслимо представить, что в Европе миннезингер может встретиться с Р.М. Рильке, а трубадур — с Г. Аполлинером, тогда как в России сложилась именно такая необычная ситуация.

Ведь что получается? Мария Кривополенова и Марина Цветаева — современницы. Хотя в исторической поэтике между ними наличествует огромный разрыв. Характерно выражение И.Я. Билибина: «двуглавый XVIII век»⁵. Центр смотрит в будущее, окраины глядят в прошлое.

Север не скоро начнет колебаться — он успешно противостоит соблазну. И все же однажды его иммунитет даст слабину — художник увидит начало печальных трансформаций. Мысленно он постоянно возвращается в ту пору, когда тяга к привычному еще первенствует — коренная традиция имеет перевес над пришлой новацией.

Это не было косностью, застоєм. Творческий процесс на Русском Севере шел непрерывно, однако плавно, медленно, без резких скачков. Возникали невиданные прежде формы, но не на пустом месте: потенциально они содержались в предыдущих решениях, как если бы осуществлялось развитие *ex ovo*. Сколь

не похожи сменяющие друг друга фазы! Но это реализация одной генетической программы.

Всмотримся в историю деревянного зодчества.

Мы видим, как происходят глубокие метаморфозы — так сказать, качественные преобразования. Каждая ступень авангардна по сравнению с предыдущей. Тем не менее, переходы органичны — они осуществляются без ломок, эксцессов.

И.Я. Билибин чутко фиксирует в развитии народной архитектуры и броские подвижки, и скрытую преемственность.

На первый взгляд перед нами — дискретный ряд, но на поверку обнаруживается органическая взаимосвязь всех звеньев. Способность к трансформации у деревянного зодчества — свойство изначальное, имманентное. Аналогия с живой природой напрашивается сама собой. Нам явлен своего рода морфогенез. В двух небольших статьях художник-ученый наметил практически все его основные стадии.

Первая вежа — *клетские* церкви. Стреловидные скаты вырывают нас из фона бытовой застройки — устремляют взгляд в небо.

Здесь предвосхищается силуэт шатров. Они подхватят эстафету, но это будет уже словно вторая ступень в завоевании высоты.

И.Я. Билибин с особым пиететом относился к древнейшему типу храмов. Он пишет: «У многих двускатных церквей ребро крыши очень острое и поднято очень высоко. Чувствуется близость скандинавов. По-моему, эти церкви не менее красивы, чем шатровые, и в них как-то особенно явственно подчеркивается Север»⁶.

Эти ощущения в И.Я. Билибине вызвала Воскресенская церковь в Усть-Паденге (1675 г.). О ее покрытии хочется сказать так: угол вхождения (врезания) в атмосферу выбран оптимально. Своеобычная аэродинамика! Радует взор симметрия бочечных покрытий на прирубах церкви. Впечатляет крутизна ее повалов. Принадлежность храма к новгородской ветви деревянного зодчества очевидна. Взлетную силу можно увеличить удвоением, утроением скатов.

Такова Георгиевская церковь в селе Юсовичи (1493 г.). Именно ее хочется в первую очередь сопоставить с норвежскими ставкирками.

Созвучий много. Кто может это отрицать?

Смелая для своего времени гипотеза И.Я. Билибина о связи древнерусской и варяжской архитектур оказалась эвристичной — она ждет своей разработки.

Шатровые храмы доминируют в архитектурном ландшафте Русского Севера (ил. 11). Веками они вырабатывают свою неизбывную духоподъемную тягу. Было их множество. Остались единицы.

Храмы этого типа постоянно встречались на пути И.Я. Билибина. Первое сильнейшее впечатление — своего рода импринтинг, предопределивший тоналность всего путешествия, — он получил от Богородицкой церкви XVII века в селе Верховье.

Храм выделялся причудливостью своего декора. Вот билибинское описание: «На каждом из четырех концов крестовидного корпуса стоит тоже по миниатюрному шатру, что придает церкви необычайно своеобразный вид»⁷.

В другой статье — чистые эмоции: «Когда я увидел эту церковь, я пришел в благоговейный трепет; я пожалел, что я не великан и не могу взять это милое архитектурное произведение и перенести куда-нибудь далеко, в сохранное место»⁸.

Соло восьмигранного шатра и квартет четырехгранных шатриков: композиция и впрямь исключительная. Такого мы больше нигде не увидим. Пятикратие канонично для завершения православных храмов. Как оригинально оно реализовано здесь!

Церковь Спаса в селе Кокшеньга (1683 г.) получила широкую известность. В.В. Сулов был ее первооткрывателем.

И.Я. Билибин пишет, что застал храм только что обшитым и окрашенным в белый цвет. Восстановить потерянное при обновлении ему помог снимок местного фотографа-любителя.

Считать ли тогда прекрасный рисунок художника графической реконструкцией? Ведь известно фото и самого И.Я. Билибина, где храм предстает точно таким, как на обмере В.В. Сулова, и там нет никакого теса. Для ответа на этот вопрос необходимы архивные изыскания.

Масштабность — понятие не только метрическое, но и ценностное. Оно коррелирует с эстетической категорией *возвышенного*. В семантическое гнездо могут войти и такие определения, как: *величественное* — *грандиозное* — *богатырское* — *циклопическое* — *исполинское*.

Русский Север *масштабен*. Это его качество всей своей статью и мощью воплощает Владимирская церковь в селе Белая Слуда (1642 г.). И.Я. Билибин глядел на нее с трепетом и замиранием: «Она поражает своей громадной величиной»⁹. Не лиственница ли пошла на ее постройку? Очень вероятно — по описанию сруба: «Бревна от времени стали темнокоричневыми, но они крепки, будто построили их не при Михаиле Федоровиче, а несколько лет тому назад»¹⁰. Обратим внимание на эпитет, использованный художником в другой статье: «Восьмерик, срубленный из титанических бревен»¹¹.

Эпика! Это начало растворено не только в былинах, но и храмах Русского Севера. Суровая природа поддерживает эту высокую ноту.

Благодаря И.Я. Билибину — его фотографии и рисунку — удалось вернуть подлинный облик ансамблю в деревне Филипповской на Почозере. Старая датировка — 1700 год — ныне подверглась пересмотру и дифференциации: «Шатровая церковь Изнесения Честных древ Животворящего Креста Господня, 1783 г. Церковь Обретения главы Иоанна Предтечи, 1880–1883 гг. Шатровая колокольня, не позднее начала XIX в.».

Дуэт шатровых и три бочечных покрытия: где еще мы найдем столь оригинальное сочетание?

Прочитируем почезерские записи И.Я. Билибина: «Очень красива, хотя и обшита тесом, церковь во имя Происхождения Честных Древ Животворящего Креста Господня в Почозере. Она состоит из шатровой колокольни, зимней и летней церкви, причем все эти три составные части соединены переходами. Я даю, кроме общего вида церкви, деталь ее: шатер и главку, оставшиеся в их первоначальном виде. Это то милое покрытие глав чешуею, которое теперь усиленно изгоняется и заменяется железными листами»¹².

В других местах эту чешую И.Я. Билибин называет *лемихом*. Именно так: *лемихом*, а не *лемехом*.

Продолжим, следуя описаниям Билибина, наш морфологический ряд, отражающий эволюцию деревянного зодчества. На очереди кубоватые храмы.

Добраться до них из деревни Филипповской совсем нетрудно: р. Поча — оз. Свиное — Кенозеро — р. Кена — р. Онега. А там — едва ли не за каждой излучкой — путешественника в начале XX века встречали потрясающие ансамбли, в чьем составе — храмы с уникальными кубоватыми покрытиями.

Увы, маршрут И.Я. Билибина пролегал мимо архитектурной сокровищницы Поонежья. Кубоватые храмы не получили отражения в творчестве мастера. Это досадная лакуна.

Но вот церковь Рождества Богородицы в селе Заячерижье (1808 г.). Она завершена *банькой*. Этот вид покрытия И.Э. Грабарь относил к *кубам* — сегодня оно выделено в особую группу, однако мы будем помнить о сближении восьмигранной баньки и четырехгранного куба. Это история.

Весьма неординарное для Русского Севера покрытие инициировало поиск, породило дискуссии.

Билибинское описание храма запечатлело всю неопределенность тогдашней архитектурной терминологии. Интересно оно и в плане философского подхода к развитию северной архитектуры: «Эта церковь, несомненно, принадлежит по типу скорее к старым церквям, чем к новым. Правда, шатровая крыша уже не имеет старинной формы острой пирамиды: шатер как бы сплюснулся и принял округлые формы, но все же крыт он лемихом; церковь по-старому срублена из необшитых бревен и обладает очень стильным крыльцом. Эта церковь — младшая дочь старшего поколения, а не старшая — младшего»¹³.

Нет пирамиды с прямыми гранями — шатер как бы *сплюснулся*. Весьма oddly и точно И.Я. Билибин говорит о *топологическом преобразовании*, которое реально могло иметь место. По крайней мере, оно вполне логично (хочется сказать: *номогенетично*) отвечает глубинному коду формообразования, предзадано неким алгоритмом.

Адекватное определение тогда фактически отсутствовало. Явление, только-только вовлекаемое в сферу научного анализа, еще не было закреплено в понятиях. Описание восполняло их дефицит.

Двускатные — бочечные — шатровые — кубоватые завершения: это закономерная череда структур, внутри которой могут совершаться и прямые, и обратные переходы. Формы скрещивались — давали гибриды. Внедряясь друг в друга, порождали небывалое. Примером могут служить шатры на крещатых бочках или кубы, пронизанные такими же бочками, как мы это видим в Бережной Дуброве.

Указанная нами последовательность имплицитно присутствует в билибинских статьях. Прямо о ней не говорится, но мы вчитываемся в тексты, и перед нами означает вектор, вдоль которого выстраиваются северные храмы.

От формы к форме! Тут есть преемство — есть подобие эстафеты.

Художник предвосхитил новейшее понимание проблемы. В конце эволюционной линии мы видим ярусные и многоглавые церкви. Это как бы заключительные аккорды.

Ярусные храмы в их классическом виде имеют пространный ареал, далеко выходящий за пределы Севера. Здесь это позднее, скорее всего заимствованное решение. Хотя возможно и его конвергентное появление, ибо пирамидальная структура повсеместна, космополитична, и здесь она могла прорасти вполне самостоятельно.

Думается, что именно к этому вероятно склонялся И.Я. Билибин, когда описывал ярусный храм Преображения в селе Соденьга (1759 г.): «На массивном четырехгранном срубе громоздятся один на другом, все уменьшаясь, несколько восьмигранных срубиков, заканчиваясь небольшим куполом. Это церкви XVIII в. Но они тоже вполне народны и являются продуктом изменившихся собственных вкусов»¹⁴. Сразу отметим, что это новое для региона решение художник считает продолжением исконной формотворческой традиции.

Многоглавое кижское Преображение — энтелехия северного зодчества.

И.Я. Билибин всколыхнул интерес к тогда маргинальному, мало кому известному шедевру.

Северная провинция долго держала оборону от агрессивных поползновений центра, но прорыв был неизбежен. Крестьянский порядок вещей оставался незыблемым в течение столетий. И вот он вдруг дрогнул, зашатался.

Формотворческий поиск оборвался на порубежье XVIII и XIX веков. Причина очевидная: изменение внешних условий — вторжение чуждого.

Был ли потенциал у деревянного зодчества? Могло бы оно дать новые формы? Или задатки раскрылись сполна? Размышляя над этим, можно только предполагать.

Дешевый ширпотреб из городов стал метастазами распространяться в здоровом организме народной культуры. И.Я. Билибин пишет об этом с величайшей болью и в то же время со смирением: он понимает фатальность происходящего. Древние церкви обшиваются тесом, а их интерьеры обклеивают дачными обоями. Это порча.

Научная реставрация может снять «болезненные наросты», но многие храмы в результате радикальных переделок стали «неоперабельными». Большинство из них попросту исчезло.

Чем можно объяснить эти бесвкусовые поновления?

У И.Я. Билибина мы находим характерный ответ: «Когда я раз спросил одного местного жителя, зачем они выбрали именно этот цвет, то он мне ответил, что выкрашенная в белый цвет церковь походит на каменную»¹⁵. Деревянное хотя бы заgrimировать под каменное — чудовищная aberrация!

Художника глубоко интересовал крестьянский быт.

Понятие-метафора «*космос избы*» ныне закономерно ассоциируется с Н.А. Клюевым; но восприятие северного дома как некоторой самодостаточной целостности, организованной по законам красоты, было близко и И.Я. Билибину.

Узорный — узористый — узорчатый Север!

Для И.Я. Билибина *узор* — важнейшая эстетическая категория. Красота северных вышивок, прялок, домашней росписи, женских нарядов ошеломили художника. Он попал под гипноз увиденного в северных избах.

Это была лепота крестьянского декора, которая впечаталась в душу молодого художника, а потом получила новую жизнь в его стилеобразовании.

После поездки на Север существенно обогатился орнаментальный язык мастера.

Предвосхищая поэтические интуиции Н.А. Клюева, И.Я. Билибин уловил синтез, присущий культуре Русского Севера. Тут собрались и взаимодействовали различные влияния. Среди них И.Я. Билибин отмечает три: *византийское, скандинавское и архаическое*¹⁶.

Под последним, вероятно, следует подразумевать восходящие к палеолиту, как правило, общечеловеческие мотивы Мирового Древа, солярную символику и т.д.

Самое завораживающее в северной вышивке — соприсущий ей дух превращений. Одна форма, к примеру растительная, исподволь переходит в другую, скажем, зооморфную.

Конечно, потаенное движение в каждой отдельной вышивке застывает, фиксируется, перед нами — как бы остановленные кадры. Но когда мы рассматриваем их совокупность, то становится ясным: нам явлена цепочка преобразований. Замечательно тонкое наблюдение И.Я. Билибина: обычно вышивальщица не имеет понятия, где и с чего начались эти превращения — семантика сюжетов остается для нее непонятной. Вот что художник пишет об одном из мотивов: «Орел часто терял свои определенные формы, принимая, в своей переходной стадии, вид оригинального узора с элементами и животного и растительного орнамента. Сами бабы не усматривали этого перехода и уже не замечали больше орла, называя узор очень странными и непонятными названиями, напр. "корабельная пристань" — несомненный видоизмененный двуглавый орел. Далее следы орла

постепенно совершенно исчезают, и получается уже узор "наводами" скорее растительного характера»¹⁷.

Это как закон: первичные смыслы забываются, и тогда декоративное берет верх над содержательным. Перестают ли вышивки в силу этих причин передавать глубинную информацию? Думается, что архетипы, присутствующие в них, продолжают действовать на бессознательное. В человека неисповедимо вкладывается чувство единства всего сущего, внушается причастность к миру-космосу, прививается понимание красоты как чего-то бытийного и витального, несущего благодать.

Важнейшее свойство народного искусства — запрет на шаблоны, стереотипы: двух одинаковых произведений мы здесь не встретим. Дерево жизни на вышивках: у каждого своя структура. Шатровые храмы: есть близкие по решениям, но никогда — идентичные.

Художник подчеркивает: «Узоры часто бывают однородны, но редко повторяются с абсолютной точностью»¹⁸.

Особое внимание И.Я. Билибина привлекали крыльца изб и церквей. Декоративное начало получило в них сильное выражение — и опять-таки: дала себя знать неиссякаемая вариативность. Художник пишет: «Бывают высокие крылечки с боковыми входами, прямые, полукруглые; иногда они подпираются пузатыми столбиками, и все носят элементы старинного деревянного зодчества, которое было инстинктивно присуще каждому плотнику»¹⁹.

Сколь многообразны конструкции! И вот на смену этому разнообразию приходит штамп.

Что переживал Русский Север во времена И.Я. Билибина? Художник определяет ситуацию трагическим словом: это *агония*. До летального исхода оставалось, по прогнозу И.Я. Билибина, не более одного-двух десятков лет. Здесь он ошибся: еще в 1960-х годах, несмотря на катаклизмы, которые принесла революция, северная деревня сохраняла значительную часть своих вековых обретений. Сегодня остались реликты. Их мало, но они бесценны.

И.Я. Билибин понял: Русский Север — память отечества.

Амнезия давно поразила центр и те территории, по которым не раз прошел шквал исторических бедствий: от татаро-монгольского ига до множества войн, мятежей, нестроений. И.Я. Билибин пристально вглядывался в чистый колодезь северной памяти. В Кокшеньге сквозь волшебное стекло здешнего уклада художник прозрел истоки северной культуры: «Жители этой местности, наполовину старообрядцы, имеют своими предками выходцев павшего свободного Великого Новгорода, и по сие время они сохранили какую-то важность и степенность. В них нет заботности крестьян средней полосы России, и, как почти все крестьяне Севера, они никогда не ведали гнета крепостного рабства»²⁰.

Верховье, Уфтуга, Поча — древние села переносили художника на столетия назад. То, что давно погибло в метрополии, бережно сохраняла провинция. Всем

своим существом И.Я. Билибин ощутил эту преемственность: всматриваясь в настоящее, он видел прошлое — наводил на резкость размытые временем черты.

Виды памяти разнообразны.

Как наши гены хранят память всей эволюции, так и культура: в ее современных явлениях пристальный взгляд может различить истоки.

Вот пример такой прозорливости И.Я. Билибина: связка *хоромы* — *храмы*. В ней выражена причинно-следственная связь: от светских строений она протянута к сакральным сооружениям. Светское погубило, сакральное осталось. *Храмы* несут в себе память *хором*. Это генетика культуры.

Умозаключая от следствия к причине, И.Я. Билибин стремился увидеть средневековый архитектурный пейзаж в полноте его охвата — и Китеж, и Леденец пробрезжили ему на нашем Севере. Художника удручает надвигающаяся из очагов цивилизации пошлость. Всюду дешевые сытинские литографии! Но вот — вздох облегчения: «Позже мне удалось найти лубочные картины XVIII в.»²¹.

Быть может, это были настенные картинки из Выгореции? Вероятно, среди сюжетов встречались райские птицы — Сирин (ил. 12) и Алконост. Не отсюда ли она переселилась в графику И.Я. Билибина, найдя тут убежище? И вот радуют нас по сей день. По крайней мере, генезис клюевских райских птиц точно восходит к Выгу — многое говорит за то, что и И.Я. Билибин был задет этим влиянием (ил. 13). Конечно же, он отлично знал «Русские народные картинки» Д.А. Ровинского, но северное путешествие дало ему дополнительные импульсы.

Мечтательность, идеализм — это качества, сопричастные народному искусству Русского Севера, отсылающего нас к нездешнему, обетованному.

И.Я. Билибин размышляет: «Вообще, говоря об утвари крестьян и их узорах, можно сказать, что в них отразилось, как и в песнях, все их поэтическое настроение»²². И далее: «В них, как в былинах, сказках и песнях, мы видим их мечтания о далеких заморских землях, где все особенное: и птицы, и звери, и цветы»²³. Нам явлено своеобразное *трансцендирование* — отлет от яви, уход за горизонт обыденного. Быть может, это главная черта крестьянского мироощущения. Далекое, недоступное превалирует над близким, сподручным. Даже предметы быта, как бы превосходя свое прозаическое назначение, сопричастны чудесному.

И.Я. Билибин еще раз возвращается к этой теме: «Народ русский, придавленный безотрадной серой действительностью, искал утешения в сказочных мечтах о далеких неведомых царствах с их необычайными деревьями, птицами и зверьми, и прежде, когда простому народу не было видно никакого выхода в лучшую жизнь, он всецело предавался народному творчеству, как душевному отдыху, а потом, когда мелькнула зоря возможного улучшения, перед ним вознесся мирраж города и "пава-птица" отлетела далеко и безвозвратно»²⁴.

Таково творчество и самого И.Я. Билибина. В целом это сказка. Она одухотворена Русским Севером.

Примечания

- ¹ Билибин И.Я. Народное творчество Русского Севера // Мир искусства. 1904. № 11. С. 303.
- ² Его же. Остатки искусства в русской деревне // Журнал для всех. 1904. № 10. С. 609.
- ³ Там же. С. 615.
- ⁴ Там же. С. 613.
- ⁵ Билибин И.Я. Народное творчество Русского Севера. С. 304.
- ⁶ Его же. Остатки искусства в русской деревне. С. 613.
- ⁷ Там же. С. 612.
- ⁸ Билибин И.Я. Народное творчество Русского Севера. С. 306.
- ⁹ Его же. Остатки искусства в русской деревне. С. 613.
- ¹⁰ Там же.
- ¹¹ Билибин И.Я. Народное творчество Русского Севера. С. 307.
- ¹² Там же. С. 308–309.
- ¹³ Билибин И.Я. Остатки искусства в русской деревне. С. 613.
- ¹⁴ Там же. С. 613–615.
- ¹⁵ Там же. С. 610.
- ¹⁶ Там же. С. 617.
- ¹⁷ Билибин И.Я. Народное творчество Русского Севера. С. 314.
- ¹⁸ Его же. Остатки искусства в русской деревне. С. 617–618.
- ¹⁹ Там же. С. 616.
- ²⁰ Там же. С. 610.
- ²¹ Там же. С. 612.
- ²² Там же. С. 617.
- ²³ Там же. С. 618.
- ²⁴ Билибин И.Я. Народное творчество Русского Севера. С. 315.

Кубоватые храмы: западная граница ареала (Шуерецкое — Вирма — Малый Колгостров)

Северно-русское кубоватое зодчество имеет ясно и четко прорисованный ареал: Поморский берег Белого моря (от Шуерецкого до Нименьги) и течение реки Онеги (от Подпорожья до Архангело). Это цельный пространственный континуум. Малый Колгостров как бы выплескивается из него в сторону Онежского озера, являя собой обособленность. Тем не менее, воздвигнутая там Ильинская церковь принадлежит к данной традиции.

Характер распространения кубоватых храмов — их привязанность к определенному локусу — представляет из себя интересную проблему. Ареал в нашем случае есть нечто интегральное, внутренне единое. Здесь работает своеобразное стилевое поле — оно предопределяет специфику формообразования. Мерой его напряженности как раз и задаются контуры ареала. Вероятно, у шатровых храмов это поле сильнее, потому и область их распространения много шире. К тому же ей свойственны рыхлость и разорванность, тогда как кубоватые храмы распределены компактно и непрерывно.

Ареал кубоватых храмов возвращает нас к загадке *Genius loci* — гения места. Это явно некая реальность, но какова ее природа? Чисто феноменологически можно сказать, что *Genius loci* действует (в терминах синергетики) как направляющий аттрактор: подчиняет себе развитие формы. Подходит здесь и образ камертона. Роль такового сыграла Пятницкая церковь в Шуерецком (1666 г.). На ее импульс настроилась Вознесенская церковь в Кушереке (1669 г.). Далее сигнал двинулся на восток, свернув к югу в устье Онеги. Это похоже на фронт волны. Она колыхалась в регионе более двух столетий. Имели место затухания, всплески, реверберации.

Аналогичный процесс зафиксировала история готики. Роль аттрактора сыграло аббатство Сен-Дени. Казавшиеся поначалу весьма скромными новации клирика Сюжера вскоре охватили всю Европу. Новый стиль двигался поступательно и победительно, дав на своем пути много местных преломлений и вариаций. Схожее мы наблюдаем и в истории модерна: сохраняя образное единство, он тоже реагирует на дух региона.

Кубоватое зодчество повторило эти закономерности (конечно же, в меньшем масштабе); тем не менее, мы видим здесь и верность типу, и местные модификации. *Genius loci* не авторитарен. Он допускает в зоне своего влияния широкое разнообразие. Каждый кубоватый храм индивидуален. Шаблон не было. Кубы разнятся и профилем, и системой пропорций, и композицией главок. Классификация кубоватых покрытий сложна. В ней наличествуют

и крупные, и средние, и малые подразделения. Стилевая общность не означает нивелировки.

Почему мы остановили свое внимание на западной границе ареала? Генезис кубоватых храмов далек от окончательного прояснения. Перед исследователем встает дилемма: необычная форма возникла в силу имманентных законов архитектурного развития, или детерминатором были внешние влияния? Условно приняв реальность таковых, мы должны признать: они могли исходить только со стороны Запада. Соседнюю Норвегию надо исключить. Если искать переключку между нашими церквями и ее ярусными храмами, где клинчатые покрытия словно вторят архитектонике ели, то определенным аналогом для них может быть храм Рождества Иоанна Предтечи на Ширковом погосте. Это далеко от наших мест. Бионическое родство северных шатров и елей имеет несколько другие структурные предпосылки.

Кубоватые покрытия характерны для закарпатского деревянного зодчества. Наиболее близка к ним как раз Пятницкая церковь в Шуерецком: грани куба у нее сходятся в стрелку через характерное утолщение. Нечто подобное мы видим и в Закарпатье, но это единственный случай подобия. Во всех других русских кубоватых храмах данная деталь исчезнет начисто.

Двигаясь дальше на Запад, мы оказываемся в барочной Вене. Куб здесь не культивировался, но все же изредка использовался. Причем весьма выразительно. Достаточно вспомнить башни, фланкирующие знаменитую Карлскирхе (1716–1737 гг.).

Не австрийское ли каменное барокко исподволь повлияло на деревянное зодчество Закарпатья? Между кубами Севера и Юга явственен большой пространственный разрыв. Тем не менее, мы смеем утверждать, что кубоватое покрытие как таковое — феномен барокко. Великие стили космополитичны. В них проявляется дух времени, не знающий территориальных рубежей.

Барокко искривляет пространство. Этого его воздействия не избежала и архитектура Русского Севера. Кубоватые храмы вторят эстетике криволинейных очертаний. Это заимствование? Скорее перед нами феномен конвергенции, отражающий глубинный унисон культур, пространственно разобщенных, но раскрывающихся в одном времени.

Поморский берег Белого моря был зоной активного взаимодействия с Западной Европой. Уместно вспомнить, что недалеко от Шуерецкого — в Сумском Посаде — находилась крупнейшая таможня. В принципе можно допустить, что в эти края проникала информация об архитектуре других стран — она могла произвести впечатление на местных зодчих. После воссоединения России и Украины имела место миграция населения с Юга. Гипотеза о заимствованиях правомерна. Однако ее нельзя ни верифицировать, ни фальсифицировать. С ней конкурирует гипотеза вполне самобытного происхождения кубоватой формы. Она отвечала и новым функциональным задачам, и новым эстетическим потребностям.

Первенствующим элементам деревянного зодчества — главке, бочке, кубу — свойственно наличие *пучины*. Характернейшая выпуклина! Она острянает и обогащает привычные абрисы.

Река Онега видится как шествие кубоватых храмов. И вдруг в их ряд вклинивается Пустынька! Ее Благовещенская церковь (1719 г.) имеет уникальное бочечное покрытие. Соседство его с кубами заставляет вспомнить предположение, согласно которому именно топологическое преобразование бочки привело к новому архитектурному решению.

Пучина видится нам как наиважнейшая категория русского деревянного зодчества. Она нарушает симметрию купола, геометрически близкого полусфере или ее сегменту. Это усложняет и обогащает форму. В нее вносится дополнительный момент разнообразия, подчас он имеет решающее значение для создания эстетического впечатления.

Очертания каждого северного куба неповторимы. То они круглятся, то уплощаются. Необходимо пристальное изучение их топологии.

1666 — 1696 — 1798 гг.: это даты строительства трех интересующих нас храмов — Пятницкого в Шуерецком, Петра и Павла в Вирме, Ильи на Малом Колгострове. В их рядоположении можно уловить определенную эволюционную последовательность. Так, куб в Шуерецком не имеет главок на своих ребрах, куб на Малом Колгострове тоже свободен от них. Посредствующий между ними куб в Вирме прорастает классическим пятиглавием. Это похоже на замыкание цикла — начало отзывается в конце.

Кубоватые храмы строились и позже. По крайней мере два из них — Никольский в Унежме (1826 г.) и Богоявленский в Поле (1853 г.) — были одноглавыми. Но кубы XIX в. — это все же инерция. Сущностная эволюция формы завершена в пределах намеченного нами ряда.

Имеется ли причинная зависимость между реформами Никона и кубоватыми храмами? Охватываемая ими территория как нельзя точно совпадает с топосом его деятельности до принятия патриаршества. Здесь любили шатры. Могло ли исходившее из Москвы мнение о том, что пятиглавие предпочтительней шатра, выглядеть особо авторитетным в глазах поморов и поонежан? Куб и впрямь кажется компромиссной формой: от шатра он сохраняет элементы высотности и, вместе с тем, без всяких признаков отторжения принимает на себя пятиглавие.

Это логичные посылки. Однако их не просто согласовать с исторической реальностью. Ведь мы обязаны принять во внимание следующие обстоятельства:

— активное строительство кубоватых храмов началось после отхода Никона от дел;

— первые храмы этого типа были построены в Шуерецком и Кушереке — центрах старообрядчества; патриаршие вкусы там имели нулевое значение — столичные прещения игнорировались. Кстати, наличие таковых относительно шатров все чаще подвергается сомнению.

Поэтому вероятно, что куб возник вне всякого идеологического контекста — в силу глубинной телеологии архитектурного формообразования. Это похоже на номогенез — закономерную эволюцию. Форма от этапа к этапу раскрывает свой потенциал, как если бы в ее развитие был заложен направляющий код. Эта гипотеза объясняет явление конвергенции в архитектуре. Идея куба могла независимо проявиться в разных местах. Не было влияния — была номогенетичность.

Кубоватые покрытия внесли новую ноту в красоту Русского Севера. Они усилили впечатление его поэтичности и сказочности.

Детская прялка в культуре Русского Севера (философско-педагогические аспекты)

Самовоспроизведение — важнейшая характеристика жизни. Культура перенимает это ее ключевое свойство. Понятия наследственности и памяти — общие для них. Мы знаем, какую роль в жизненном процессе играет нить ДНК — метафорически, но, тем не менее, очень точно в сущностном плане, мы можем утверждать: аналогичную роль в крестьянском космосе играет прядомая нить.

Выдающийся этнограф детства Г.С. Виноградов писал: «Этнографы, изучая культуру народных масс, мало интереса проявили к процессу унаследования культуры одними поколениями от других, уходящих со сцены. Этнографы имеют мало материалов для суждения, каким путем мы вступаем во владение культурным богатством, добытым ранее жившими поколениями»¹.

Попытаемся восполнить лакуны.

Это бездонная тема: мифологизация прядения, прялки, нити.

Если моток кудели при случайности, запутанности его строения можно соотнести с хаосом, то извлекаемая из него нить несет в себе все признаки организованности, порядка, смысла.

Прядение есть образ космогенеза. Бегущая нить становится символом времени, взятого не абстрактно, а в живом сопряжении с «длением» нашего бытия — с процессом судьботворения.

Нить жизни — река жизни — течение жизни: это фразеологизмы-синонимы.

Приведем два примера из анналов славянской этнографии:

1) пуповину новорожденного младенца перерезают на прялке — как бы одну нить (физическую — *пупочный канатик*) соединяют с другой (символической — тянущейся от пращуров к потомкам); через обряд утверждается непрерывность родовой экзистенции;

2) дитя передается крестной матери через прялку, выступающую здесь как своеобразный гарант единства поколений — из прошлого в будущее посредством обряда направляется духоносная энергия.

Мойры — парки — норны: в их руках — нити жизней. Устойчивая мифологема! В мире славянства схожую, но не тождественную роль играют женские образы Кикиморы и Макоши. Их причастность к прядению повышает статусность этого процесса. Он протекает как бы в двух измерениях — видимом и невидимом, профанном и сакральном. По сведениям Г.С. Масловой, «только на Севере сохранилась вера в Макошь, которая в Великий пост якобы обходила дома и "забирала" жертвенный клочок овечьей шерсти, специально оставленный хозяйкой»².

Прядение превращается в настоящую мистерию. Творясь в крестьянском доме, она создает внутри него атмосферу значительности и чудесности действий, принадлежащих к сугубо обыденной сфере. Жизнь творит саму себя. И делает это качественно!

В Белозерье бытовало такое поверье: «Отлого прядешь, дак отлого и будешь жить. Ну, худо с мужем будешь жить. Ну да вот так и жизнь пойдет. А кто как прядет, пряжа настоящая, крутая, такой она, жизнь, будет»³.

Нить, связующая поколения, — ее призывал искать Г.С. Виноградов.

В северном крестьянском доме эта жизненная нить дается прямо в руки — мы воочию видим, как действует механизм культурного наследования. Отлаженность его вековой работы не может не изумлять.

Рядом с прялкой — ее малое подобие. Мать и дочь: они плетут разные нити, но в мифопоэтическом пространстве происходит их слияние. Это уже двойная нить, как ДНК. Наше сравнение — и образная фигура, и точная аналогия.

Космос детства — фрактальное повторение космоса взрослых: это инвариантные, но разномасштабные миры. Детское соотносено со взрослым, малое — с великим, часть — с целым.

Если мы вспомним биологическую концепцию преформизма, говорящую о вложенности поколений друг в друга по принципу матрешки, то станет ясной связь понятий фрактальности и преемственности. Детская прялка — фрактал взрослой прялки.

В интерьере крестьянского дома фрактально вложен детский закуток, полностью изоморфный своему первообразу, но все-таки живущий самостоятельной жизнью. В.Н. Майнов так описывает печной угол в вепской избе: «От внешнего угла печи на веревочке перекинута к передней стене занавеска, а за нею — женское и детское царство: здесь вся поллица уставлена горшками и бабьим причендалом, валяется детвора, писк, визг, возня и кутерьма непомерная»⁴.

М. Мид отмечала: «...Первые восторги, сопровождающие открытие бесконечно большого и бесконечно малого и вызвавшие к жизни множество фантастических путешествий в космос и игр с изменением масштабов, были предвосхищением того, что и сегодня владеет умами»⁵.

Это игра, построенная на подобиях. Она эвристична, философски значима, всегда результативна в педагогическом отношении.

Обратимся к *кенозерской прялке*. Ее исключительная наполненность космологическими смыслами была в свое время раскрыта Б.А. Рыбаковым. Прялка моделирует трехуровневый мир. Топография его хорошо известна: *нижний — средний — верхний ярусы*. Они перед нами.

Для взрослых это возможность целостно обозреть предивный мир, для детей еще и наглядное пособие. В то же время кенозерская прялка — полная карта *солнопутия*: отражение и суточного, и годового движения Солнца. Вот оно под землей, а вот — в зените.

На наш взгляд, пирамидально построенные городки — это уже что-то надсолнечное, надмирное. Знак славянского Вырия напоминает про дантовский Эмпирей.

Наружная, наиболее красочная сторона прялки обращена к нам. На пряку смотрит внутренняя грань. Как правило, на тыльной поверхности изображались символы, отражающие идею плодородия.

Крестьянский космос витален. Репродуктивность присуща ему как целому, но она заложена и в его элементах: будь то вспаханное поле или женское лоно.

Мировое Древо — Космическое Яйцо — Круг бытия: все эти универсалии так или иначе присутствуют в декоре кенозерской прялки. Это не значит, что столь сложное содержание программно вкладывается в резьбу и роспись — здесь работает бессознательное, транслирующее художнику свои архетипы.

Совсем недалеко от Кенозера Е.Е. Левкиевская записала нечто весьма интересное для нас: «Вблизи космодрома Плесецк бытует убеждение, что в небе существует дыра, которую провертели космонавты. Через нее они летают на тот свет и сажают там картошку»⁶. Запись датирована 1995 г.

По мнению Ю.А. Аксёновой, это современная вариация все той же трехуровневой модели мира, которую мы видим на наших прялках: «Здесь мы находим одно из основополагающих противопоставлений мифологической модели мира: срединный мир — верхний мир; кроме того, не менее типичное уподобление верхнего мира срединному по образу действий (ведение хозяйства) попавшего туда человека, а также архетипический образ дыры как средства связи между мирами»⁷.

Очень возможно, что через детское творчество глубинные архетипы проступают более адекватно и достоверно, чем через творчество взрослых. В рисунках детей нетрудно обнаружить все те графемы и идеограммы, которые в украшении прялок играют декоративную роль.

Еще раз сошлемся на Г.С. Виноградова «...если мир испытывает на себе влияние мира взрослых, то есть факты, указывающие на обратное влияние: например, детский язык держит под своим влиянием некоторые элементы языка взрослых (слова, прозвища)»⁸.

Это блестящая мысль. Все чаще высказываются догадки, что мифогенез осуществляется в измерениях детства — взрослые закрепляют то, что озарило и поразило их, когда они были детьми. По Платону, взросление означает удаление от первоисточника жизни — мира идей. Именно там — средоточие архетипов. Дитя ближе нас к этому миру, оно черпает из него напрямую.

Разумеется, мы сейчас рассуждаем в духе платонизма, но это оправдано в данном контексте.

Мифотворчество связано с *транцендированием* — выходом за грань эмпирической действительности. Крестьянский дом контактирует с трансцендентным — в нем множество своего рода узлов связи, обеспечивающих взаимодействие с *иномиром*. Прялка здесь занимает выделенное положение.

На любой составляющей крестьянского быта лежит печать нездешнего. Скажем, запечье — не просто часть пространства, а своего рода шлюз или буфер, соединяющий два мира: *явный* и *неявный*. Прялка тоже является таким средоточием.

Если нить — поток жизни, то прялка — ее среда или окружение: она уверяет нас в красоте и благодатности Универсума.

Сколь цельное мироощущение формировалось в крестьянском доме!

Откуда бежит нить? Из вечности. Куда она уходит? В вечность.

Это серьезная философия, но ей учат не через силлогизмы, а через обряды и поверья. Они регламентируют жизнь — задают ей порядок и ритм.

В этом плане особый интерес для нас представляют различные табу, связанные с прялкой. Так, запрещалось прясть по пятницам, что, как полагает О.А. Набокова, «было связано с культом Макоши — св. Параскевы-Пятницы»⁹. У карел запрет прясть в святки объясняется наказанием, которое может принести мифологический зверь — *«кегри»*. Существовал запрет прясть в субботу после обеда и в воскресенье, иначе Кикимора могла запутать нити и кудель.

Сколь глубокое мировоззрение культивировалось в крестьянском доме!

Это была философия имманентная, а не навязанная извне — она растворялась в реалиях быта и поведения, неисповедимо присутствовала в структуре хозяйства.

Дитя проходило через удивительную школу. Процесс воспитания был вроде как непреднамеренным, никаких тебе методик, но всей своей сутью он отражал опыт многих поколений, формирующий саму ткань крестьянского существования.

Прядение и обучение — прядение и образ жизни — прядение и ценностные приоритеты: это были органичные и глубокие корреляции.

Новорожденной девочке закрепляют прялку в колыбель, чтобы она выросла искусной пряхой. Для отпугивания Кикиморы русская женщина произносит заклинание: «Днем — гуляха, ночью — пряха» или «Днем гуляй, ночью нашему (имя) спать давай. Аминь!»¹⁰. А уже в 6–7 лет девочку серьезно обучают прядению. У русских на Севере существовал такой обычай: мать сжигала первую спряденную девочкой нить, посыпала хлеб пеплом, и дочка съедала его, чтобы стать хорошей пряхой. Обучение прядению, ткачеству нередко сопровождалось наставлениями матери: «Крой да песни пой, шить станешь — наплачешься», «Мни лен доле, волокно будет доле»¹¹.

Воспитанию задавался мифопоэтический контекст. Бессознательное здесь часто первенствовало над сознательным, иррациональное — над рациональным. Умозрительные дидактические схемы отсутствовали, однако результат был великолепным: торжествовал именно Логос — праздновала София.

«"Любовный труд" свободного развертывания человеком софийности в бытии является также не только хозяйством, но и искусством», — писал С.Н. Булгаков¹².

Прялка работала лучше грифельной доски и указки, давала гораздо больше. Крестьянский космос — это мир метаморфоз. Одно превращается в другое: скажем, фитоморфное — в зооморфное, древоподобное — в человекоподобное.

На вышивках и прялках нам предстают порой весьма сложные цепочки таких трансформаций. Овечка — кудель — нить — одежда: все превращается во все. Это великая формула диалектики.

*Пять-пять овечек
Зарод подъедают,
Пять-пять овечек
Прочь отбегают¹³.*

Крестьянский космос диалектичен вдоль и поперек, сверху донизу, от начала и до конца. Нескончаемы переходы и обращения (или *оборачивания*, как любили говорить в народе)!

Прялка является ступком подобных претворений. Она инициировала в сознании ребенка игру воображения — обогащала его творческий потенциал.

Принадлежность крестьянского дома сразу двум планам бытия — эмпирическому и трансцендентному — сегодня воспринимается как его поэзия, сказочность, романтичность.

*Кикиморка на печке
Ширинку шьет,
Петух в сарафане
Овес толчет.
Куручка в сапожках
Избушку метет¹⁴.*

Взрослый верит: Кикимора может допряхсть оставленную кудель. По сути это детская вера.

Если использовать трехступенчатую схему исторического процесса, предложенную О. Контом, то можно утверждать, что северное крестьянство в каком-то смысле оставалось инфантильным и в начале XX века (преывало на исходной ступени) или не теряло связи с нею, хотя время силой перетаскивало его на третью ступень, грохочущую железом и искрящую электричеством.

В глазах философа-позитивиста, это царство наивности. Сегодня мы понимаем: ну да, пресловутый пережиток, но вместе с тем и величайшая, воистину вечная ценность.

Сам дух крестьянской усадьбы со всеми его домовыми, банниками и пр. поддерживал режим своеобразной детскости, как бы вышедшей за рамки своих сроков. Несомненно, это способствовало сохранению старого уклада, который по многим пунктам обеспечивал цельность и прочность бытия куда как лучше, чем неизбежно нагрывавшая модернизация.

Можно сказать, что в какой-то мере крестьянский дом (весь как есть, целиком) — большая детская. Утверждение это не уничтожительно, наоборот: дело

в том, что традиция в такой среде была надежно защищена от расшатывания и затухания.

М.П. Чередникова просто и точно выразила известную мысль: «Первые стихийные попытки осмысления ребенком действительности аналогичны первичным стадиям первобытного мифотворчества»¹⁵. Речь идет о возможности экстраполяции биогенетического закона на постнатальное развитие ребенка: как в онтогенезе повторяется филогенез, так и в детстве воспроизводится стадильность человеческой культуры.

Начертания северного неолита имеют унисон с детскими рисунками. Последние очень похожи на онежские петроглифы.

Взрослая рука поправляет каракули ребенка. Иногда требуется совсем небольшая корректура — порой дитя сызмальства являет зрелость письма, однако наивность всегда присутствует. Крестьянское искусство обладало способностью удерживать это качество. Отсюда его свежесть и чистота.

Прялки на Севере в основном делали сами крестьяне, в своем же хозяйстве. Прялки могли быть изготовлены кустарями-ремесленниками той же местности, но никогда не привозились издалека. Прялка могла быть подарком от жениха, но чаще всего она выступала досвадебным подарком отца. Расписные прялки берегли, передавали по наследству, причем только по женской линии.

Прялки и для матери, и для дочки делает мастер (ил. 1–4). Естественно, что у них одна стилистика, однако мы допускаем: ее генезис восходит к детскому творчеству.

Вот и деревянные игрушки «панки» вырезает взрослый человек, в котором живет дитя. Играющее дитя!

Известна метафора: *детство культуры*. Имеется в виду архаика разной степени глубины.

На Русском Севере это детство в каком-то смысле или задерживается, или воспроизводится. В последнем случае апелляция к биогенетическому закону вполне правомерна.

Мы проводим очень тонкие параллели. Их ценность — в эвристичности.

Буквализм сводит на нет эти условные, во многом игровые соотношения.

Бытование прялки на Русском Севере еще в начале XX века было повсеместным. Прялка была не просто орудием обработки льна, оберегом-заклинанием, но и оберегом-благопожеланием, назиданием.

Цветочный орнамент (ваза с букетом цветов и плодов или цветочный куст) преобладал на прялках в Петрозаводском, Повенецком, Пудожском уездах. Особенностью подобной росписи, восходящей к изобразительным традициям Древней Руси, являлось отношение к миру, как к источнику человеческого счастья. С образом девушки ассоциировался распутившийся цветок, птица. Пожелание девушке-невесте состояло в цветущей, как цветок, жизни.

Со второй половины XIX века в росписи прялок на Русском Севере появляются новые мотивы — «розаны». Это букет с цветами, плодами и птицами или

две переплетающиеся ветви. Подобные росписи были заимствованы из старообрядческих картинок, в большом количестве имевшихся у крестьян. О.А. Набокова предположила, что наполнение знакомых образов религиозным содержанием «напрямую связано с протестом крестьян против уничтожения Выгозерья в I половине XIX века и стремлением сохранить в своей культуре то, что многие столетия составляло основы жизни»¹⁶. Изображенный букет на прялке нес воспитательную нагрузку, выраженную аллегорически: «корень послушания», «листья терпения», «семена кротости», «цвет чистоты», «плод добрых дел»¹⁷. Узор приобретал силу заговора, нравственного назидания: послушание рождает терпение и кротость, скромность и смирение приводят к очищению души и ума, а чистая совесть — к совершению истинно добрых поступков.

Таким образом, особое отношение к прялке воспитывало с детства уважение к старшим, доверие ко всему древнему, досюльному, проверенному, опытному. Вместе с тем решалась актуальная задача сохранения преемственности поколений не только отдельной семьи, но всего рода. Поскольку прялка являлась девичьим (женским) символом, в крестьянской семье воспитывалось уважительное отношение к матери, женщине — хранительнице семьи, рода, жизни, красоты. Эстетические образы прялки отражали не только представления о красоте, но и нравственные идеалы, нормы поведения, строй жизни. В целом прялка на Русском Севере заключала идею о единстве природного и человеческого миров, о их благодатности.

Примечания

¹ Виноградов Г.С. Страна детей. Избранные труды по этнографии детства. СПб., 1999. С. 10.

² Маслова Г.С. Орнамент русской народной вышивки как историко-этнографический источник. М., 1978. С. 158.

³ Русский Север. М., 2004. С. 628.

⁴ Майнов А. Приоятская чудь // Древняя и новая Россия. 1877. № 5. С. 52.

⁵ Мид М. Культура и мир детства. М., 1988. С. 376.

⁶ Левкиевская Е.Е. Механизмы порождения новых текстов в восточнославянской традиционной культуре // Речевые и ментальные стереотипы в синхронии и диахронии. М., 1995. С. 60–64.

⁷ Аксёнова Ю.А. Символы мироустройства в сознании людей. Екатеринбург, 2000. С. 24.

⁸ Виноградов Г.С. Этнография детства и русская народная культура в Сибири. М., 2009. С. 670.

⁹ Набокова О.А. К проблеме бытования прялки на территории Карелии в конце XIX — начале XX века // Кижский вестник. 2000. № 5. С. 62.

¹⁰ Сурхаско Ю.Ю. Семейные обряды и верования. Л., 1985. С. 73.

¹¹ Даль В. Пословицы русского народа. М., 1957. С. 523, 505.

¹² Булгаков С.Н. Философия хозяйства. М., 1990. С. 39.

¹³ Детский поэтический фольклор. Антология. СПб., 1997. С. 462.

¹⁴ Мудрость народная. Жизнь человека в русском фольклоре. Вып. 1: Младенчество. Детство. М., 1991. С. 151.

¹⁵ Чередникова М.П. Современная русская детская мифология в контексте фактов традиционной культуры и детской психологии. Ульяновск, 1995. С. 22.

¹⁶ Набокова О.А. Прялки Заонежья: традиции и индивидуальные особенности мастерства // Мастер и народная художественная традиция Русского Севера. Петрозаводск, 2000. С. 384.

¹⁷ Там же. С. 384.

Лодка «кенозерка» на Водлозере

Среди традиционных плавающих средств у русских Водлозерья отмечались плоты (*кобылки*), долбленые лодки однодеревки (*ругочи, ушкои, корытья*) и двухдеревки (*руганы*), шитые корнем или сбитые гвоздями небольшие лодки (*лодочки*) для плавания по местной речной системе и вблизи обитаемых островов, озерно-речные лодки для дальней транспортировки грузов (*куйто*), а также сугубо озерная лодка, именуемая «водлозеркой»¹. В середине XX века к ним добавились новые типы лодок: простейшие, высотой в два набоя, лодочки-плоскодонки для плавания у своей деревни, *сплавные*, или *шальские*, лодки для сопровождения сплава леса (снабженные мощными килем, в силу чего их еще именовали «килевушками»), а также деревянные озерные лодки, прозванные «кенозерками». Переход на моторную тягу и распространение лодок из металла, пластика и резины привел к исчезновению большинства прежних традиционных водных транспортных средств, построенных из дерева. Даже поздние по возникновению лодки-плоскодонки исчезли к концу первого десятилетия нынешнего века. Лодки «килевушки» в значительно более грациальной конструкции² сохранились в единичных экземплярах — едва ли не в виде некой экзотики. Зато «кенозерками» и «водлозерками» водлозеры все еще активно пользуются, их строят не менее десятка местных мастеров-лодочников и по нынешний день.

То, как лодки «кенозерки» появились на Водлозере, почему пришлось по душе местным жителям, вошли в их повседневную жизнь и стали одним из весьма заметных туристических брендов современного Водлозерья, и составляет основную проблему нашего небольшого исследования. Попытка разобраться в этих вопросах дает возможность проследить возникновение и действие на практике неких причинно-следственных связей, делающих целесообразным заимствование материального предмета из культурного фонда одной группы населения в культуру другой группы. При рассмотрении поставленных в данной статье вопросов мы также выходим на феноменальный пример того, как заимствованный элемент культуры иной группы включается в состав тех культурно-идентификационных признаков, по которым локальная группа выделяет себя среди родственных и неродственных групп соседнего населения. В крестьянской среде включение подобного механизма заимствований приводило к тому, что в одной из своих ранних публикаций автор обозначил как проявление «некоего закона "локального варьирования культур"»³.

Наше небольшое исследование удалось осуществить исключительно благодаря тому, что среди водлозеров до наших дней сохранилась память о человеке, который первым построил «кенозерку» на Водлозере, а также о мест-

ных лодочных мастерах, вносящих в конструкцию той лодки необходимые изменения. Благодаря этим изменениям ее удалось приспособить к условиям водоема, на эксплуатацию в котором изначально данная лодка совершенно не была рассчитана⁴.

Процесс эволюции «кенозерки» на Водлозере в наши дни зашел настолько далеко, что чужаку, непрофессионалу в области лодкостроения даже после неоднократных объяснений местных жителей с трудом удастся понять, какая же именно из нескольких рядом стоящих лодок является «водлозеркой», а какая «кенозеркой». Обе лодки примерно одинаковых размеров в длину и ширину, корма у той и другой «тупая»⁵ (так называемая транцевая корма, которая перпендикулярна центральной оси лодки). Система гребных весел в наши дни у этих лодок ничем не различается. Разве что носы у этих типов лодок вверх задраны несколько по-разному. Однако данный признак, легко опознаваемый рисовальщиками, буквально ускользает от внимания и зрительной памяти не посвященного в эти тонкости, стоит только ему перевести взгляд на другую группу деревянных лодок. Как правило, посмотрев вправо-влево, несведущий человек замечает на берегу лодку, форма носа которой совершенно отличается от тех форм, на которые было указано. Радоваться собственной наблюдательности получается не долго. Быстро выясняется, что внимание его привлекла вовсе не «кенозерка» и не «водлозерка», а «килевушка» с ее «родовой» формой носа, выстроенной «по плавной дуге», или же еще более вычурной — как нос боевого корабля (из чисто эстетических соображений⁶), вплоть до украшения форштевня вырезанной из дерева головой фантастического существа (ил. 1).

Итак, попробуем разобраться, что и откуда взялось.

Начнем с лодки «водлозерки». Ее традиционные пропорции (соотношение длины и ширины корпуса), а также форма носового штевня идеально приспособлены к сопротивлению водлозерской длине и высоте волны, к обычной для тех мест качке с носа на корму, к местным, большей частью каменистым берегам, на которые приходится высаживаться с лодки⁷. На самой ранней из сохранившихся до наших дней фотографии (ил. 2) вид сбоку позволяет прекрасно рассмотреть многие уже канувшие в лету конструктивные особенности традиционной «водлозерки». Видно, что две пары гребцов сидят на скамейках, установленных в передней половине лодки, что на корме с круто загнутым внутрь лодки ахтерштевнем сидит рулевой и рулит однолопастным веслом.

Такая лодка легко рассекала встречную волну, была «ходкой» хоть под веслами, хоть под одним парусом (мачта устанавливалась в носу лодки), хоть под двумя парусами (вторую мачту ставили на среднем сиденье). Главный недостаток «водлозерки» — ее валкость при боковой волне и резком перемещении груза с одного борта на другой, вызванная эстетически привлекательной, но не рациональной поперечной профилировкой корпуса. Она приближена к форме разрезанного по горизонтали цилиндра. Еще больше проблем возникает, когда мастер

с целью уменьшения встречного сопротивления корпуса лодки (что увеличивает быстроходность) делает ее нос длинным и узким. Иногда она бывает настолько неустойчивой к качке с борта на борт, что это даже начинает представлять опасность для людей, находящихся в лодке. В таких случаях водлозеры шутят, что в такой лодке «и поболтать друг с другом не получается: повернул язык налево, лодка на левый борт завалилась, повернул язык на право — завалилась на правый борт»⁸. С недостатками своих традиционных лодок водлозеры всегда мирились, поскольку альтернативных вариантов до середины XX века они не знали.

Новый вариант конструкции лодки на Водлозеро принес с собой переселенец с Кенозера — Степан Федорович Фофанов. Так уж сложилось, что Гражданская война расколола российское общество на две непримиримых части. Тех, кто воевал на стороне белых, советская власть пыталась полностью уничтожить. Некоторые участники белого движения с Поилекся и Водлозера перебрались на берега Кенозера и там благополучно провели остаток своей жизни. Точно так же с берегов Кенозера кое-кто из воевавших на стороне белых перебрался в Карелию, в том числе — в Пудожье. С.Ф. Фофанов не сразу поселился в Водлозерье. Сначала он крестьянствовал в районе Пудожгорского поселения, а с началом колхозного переустройства увез семью в глухомань на Водлозеро. Поселились на острове Охтостров. Пришлось пристраиваться к местной жизни, к советской власти. Супруги вступили в колхоз, жили, как все, бедновато. До самой «скирды» (до заморозков) дети Фофанова бегали босиком, хоть и был глава семьи мастером на все руки. С началом Финской войны, в 1939 году, Фофанов стал получать постоянные заказы от Шальского рыбозавода на бочки для соленья рыбы (благодаря чему во время Великой Отечественной войны получил бронь и не был призван на фронт). Чтобы поставка готовых изделий для завода осуществлялась быстрее, семью перевели на постоянное жительство в Куганаволок. Здесь Степан Фофанов построил бондарную мастерскую, совместив ее со своей баней, и мастерил бочки из материалов заказчика, которые ему доставляли вплоть до 1953 года. Для себя он делал и лодки.

Построив свою первую лодку для плавания по Водлозеру, Фофанов вовсе не выступил реформатором местного водлозерского лодкостроения. Лодка была именно кенозерского типа, но не малой, предназначенной для проверки сетей и переездов по озеру без груза, рассчитанной на двух-трех человек, а «длинной» (в масштабах Кенозерья) лодкой для перевозки сена, мешков с мукой или иных тяжелых или объемных грузов. Ее нос и корма были почти ровень с бортами⁹. Точно такие же лодки имелись или все еще имеются и на других некрупных водоемах Каргополья и на прилегающих территориях, например на Колодозере в Карелии (ил. 3). Что же здесь особенного? Тем более, что первые из лодок Фофанова не имели узкого, приподнятого вверх форштевня, отчего их опасно заплескивало шквалистой волной при встречном ветре. Они были коротковаты для судоходства по Водлозеру, а их единственная (!) пара весел, расположенная

в передней части, ближе к середине лодки, не позволяла развить хороший ход по воде, который удавался на «водлозерке» сразу четырьмя гребцам, усердствующим на двух парах весел одновременно. Такие лодки, действительно, были мало пригодны для Водлозера. Однако со временем мастер внес в конструкцию своего типа лодки те изменения, в которых лично он больше всего нуждался и которые пришлось так по душе водлозерам, что они приняли его лодку в свою устоявшуюся культуру, плохо воспринимавшую инновации.

Задачи у Фофанова, как у владельца своей лодки и навигатора, были специфические: 1) погрузить в лодку как можно больше бочек, чанов, деревянных ведер и другой бондарной продукции; 2) эффективно двигаться по озеру, когда нет попутного ветра, а функцию гребца может выполнять только его супруга; 3) рулить лодкой и одновременно помогать жене грести.

Проще всего решалась первая задача — свои лодки он стал изготавливать той же длины и ширины, что и водлозеры. Решить остальные задачи ему помогло знакомство с устройством гребной системы на лодках, типа «куйто». На фотографии 1927 года, запечатлевшей вид на погост в Вершинино в день Успенской ярмарки (ил. 4), видно, что местные лодочки кенозёр (как короткие, так и те, что подлиннее) расположены на берегу поближе к храму (местные прибыли раньше гостей), а длиннющие лодки «куйто» с запоздавшими торговцами из далеких мест — на периферии справа. Надо заметить, что лодки-«куйто» шили из досок одинаковой ширины, из-за чего нос и корма у них задирались вверх, а борта в средней части лодки едва не касались поверхности воды, что создавало реальную опасность при плавании по большим водоемам. Зато такие лодки легче проходили по речным порогам (садились на камни не всем днищем, а лишь самой нижней точкой килевой доски). Для Водлозера эти особенности «куйто» были ни к чему. Однако «куйто», предназначенное для перевозки грузов по водно-волоковым речным путям, а также по порожистым и извилистым рекам, имело хорошо приспособленную для этого систему управления веслами. Передняя пара гребцов вкладывала все силы в греблю, сидя в носовой части лодки спиной по направлению к движению, а задние гребцы (или один гребец), сидя лицом по направлению движения, работали веслами от себя, либо на речных быстринах подруливали в нужном направлении то правым, то левым веслом раздельно.

Именно такую систему весел применил Степан Фофанов, чтобы усовершенствовать коренную «кенозерку». Теперь при попутном ветре, сидя на корме, Фофанов без труда подруливал на лодке с помощью задних гребных весел, не используя обязательное для управления «водлозеркой» однолопасное рулевое весло, а когда отпускал парусную веревку и парус начинал полоскаться на ветру, продолжал эффективно грести (от себя), оставаясь лицом по направлению движения лодки. В «водлозерке» же, имеющей две пары гребных весел, расположенных в передней половине лодки, гребцы без рулевого постоянно вынуждены

были оглядываться через плечо. Лицом по ходу движения лодки мог сидеть только рулевой или пассажиры.

Именно с появлением на Водлозере «кенозерок» местное население стало различать *верхние* (расположенные в носовой части лодки) и *нижние* (расположенные в кормовой части лодки) *пары весел*, но и это оказалось не единственным преимуществом новой «кенозерки». При равной с «водлозеркой» длине в «кенозерку» вмещалось чуть ли не в полтора раза больше объемных грузов. Поскольку рулевой (он же — второй гребец) сидел на корме, то в лодке освобождалось дополнительное пространство, на котором располагали дополнительный груз. Таким образом, Степан Фофанов, создавая для себя лодку, в которой вдвоем с женой вполне бы справлялся с доставкой своих бочек из Охтомострова в Куганаволок, заодно создал и новый тип лодки для Водлозерья, очень и очень любившийся местным жителям за новые, прежде недоступные преимущества и возможности. Особенно такая лодка требовалась водлозерам в личном хозяйстве для доставки в деревню заготовленного за озером сена¹⁰. У Фофанова появились ученики и подражатели, потом ученики учеников, и постепенно лодка «кенозерка» на Водлозере стала восприниматься как нечто, почти имманентно присущее водлозерам и их культуре, чего у соседей никогда не было и нет.

Наверное, решающим в процессе полной аккультурации лодки «кенозерки» водлозерской традицией стало то обстоятельство, что усовершенствования в ее конструкцию в процессе развития вносили именно местные лодочные мастера, водлозеры. А в усовершенствовании лодка очень нуждалась. У новой «кенозерки», построенной Фофановым, остались два ее «родовых» недостатка — низкий нос, зарывавшийся в воду при встречной волне, и валкость лодки с бока на бок.

Первую проблему решил водлозерский лодочный мастер Петр Петрович Парамонов, на треть удлинив форштевень (носовую часть лодки) и приподняв ее вверх, как у «водлозерки»¹¹. Это существенно улучшило «мореходные» качества лодки при движении против высокой встречной волны¹². Устойчивость к крену на правый и левый борта первым на Водлозере придал «кенозерке» лодочный мастер Андрей Моисеев¹³. Он сделал дно лодки не округлым, а плоским, крепя два самых нижних набоя к килевой доске (*матице*) лодки в одной и той же плоскости. На усовершенствованной Моисеевым лодке стали доставлять с покосов, расположенных за озером, не по четыре-пять копен, а сразу целый стог. Да и дрова укладывать стали ровень с бортами и выше, а не под уровень сиденья. Именно данными качествами усовершенствованная на Водлозере лодка «кенозерка» более всего пришлась по душе местным колхозникам. Такую лодку они стали воспринимать как родную, водлозерскую. В наши дни «кенозерка» воспринимается уже и в качестве маркера особой, субэтнической самоидентификации группы водлозеров. А почему ее называют «кенозеркой», для них уже не важно. Ведь именно они ее «довели до ума».

Традиции Фофанова продолжили на Водлозере лодочные мастера Василий Болтушкин, Петр Лукин, сын Петра Лукина Василий. Всего лет десять назад известный на всю Карелию реконструкциями шитых корнем сосны лодок лодочный мастер Михаил Наймарк сделал «кенозерку» еще более устойчивой к боковому крену. Он придумал первым двум набоям лодки, примыкающим к матице лодки, отрицательный уклон. Транцевая корма таких лодок (ил. 5) из-за этого приобрела весьма специфический вид¹⁴. В одиночку на берег кормой вперед такую лодку стало вытаскивать неудобно: одна половина обязательно провиснет и зацепится за камни или песок. Зато устойчивость повысилась кардинально. Можно вдвоем сесть на один борт и не бояться, что лодка от этого опрокинется. Именно Наймарк придумал совмещать в одной лодке признаки «водлозерок» и «кенозерок». Обращая внимание на форму носа, чужаки не могут понять, к какому типу местных лодок стоит относить ту или иную их конструкцию. Но этот же мастер на лодке «кенозерке» (см. ил. 5) воспроизвел уже ненужный рудимент — утолщения в бортах около кормы, в которых раньше устраивали задние уключины для весел. Это говорит не только об использовании лекал прежних лодочных мастеров, но и о том, что даже такой современный лодочный мастер, как Михаил Наймарк, создавая новое, продолжает отдавать должное старинным народным традициям. Именно исследовательские вопросы о том, с какой целью сделаны на лодке, казалось бы, ненужные в наши дни утолщения верхних бортов, послужили той ниточкой, потянув за которую, удалось расследовать эту давнюю небезынттересную историю.

Деревянные лодки водлозеров до сих пор живут, пленяя обитателей Водлозерья и приезжих своей эстетичностью, изящными, словно бы летящими над водой формами. «Водлозерка» ли, «кенозерка» ли (ил. 6), «килевушка» ли — не важно. Все они красивы.

Примечания

¹ Логинов К.К. Этнолокальная группа русских Водлозерья. М.: Наука, 2006. С. 193–201, 255.

² За счет уменьшения массивности киля, а также толщины досок бортов.

³ Логинов К.К. Являются ли «заонежане» локальной группой русских // Советская этнография. 1986. № 2. С. 91–95; Его же. Материальная культура и производственно-бытовая магия русских Заонежья (конец XIX — начало XX в.). СПб.: Наука, 1993. С. 132.

⁴ Его же. Полевой дневник № 2 Логинова К.К. полевого сезона 2014 г. // Научный архив Карельского научного центра РАН (далее НАКНЦ). Ф. 1. Оп. 6. Д. 902. Л. 1–27.

⁵ За исключением лодок «трещеток» с установленными в них стационарными двигателями, которые имеют «острую» корму с навесным железным рулем. Нос современных «трещеток» на Водлозере имеет форму, совсем не характерную

для местной традиции. Является ли это результатом какого-либо заимствования или же следствием сознательного упрощения формы форштевня (на Кенозере лодки с форштевнем, не имеющим ни малейшего изгиба, встречаются в наши дни сплошь и рядом), выяснить пока не удалось.

⁶ Авторство принадлежит лодочному мастеру Семихину — единственному, кто еще продолжает строить «килевушки» на Водлозере.

⁷ При достаточной прибрежной глубине водоемов с далеко выступающего вперед носа лодки «водлозерки» удобно высаживаться на каменистый берег, не замочив ног.

⁸ НАКНЦ. Ф. 1. Оп. 50. Д. 902. Л. 8.

⁹ Там же. Оп. 6. Д. 902. Л. 10.

¹⁰ Там же. Л. 10–11.

¹¹ Там же. Л. 14.

¹² Справедливости ради, надо отметить, что людей в «водлозерке» при той же высоте встречной волны забрызгивает забортной волной все же меньше, чем в «кенозерке».

¹³ НАКНЦ. Ф. 1. Оп. 6092. Л. 18.

¹⁴ За что в народе прозывается «жопой».

Потенциальное место Кенозерского парка в Списке Всемирного наследия ЮНЕСКО

Конвенция ЮНЕСКО «Об охране Всемирного культурного и природного наследия», принятая в 1972 г., нацелена на выявление, сбережение и популяризацию наиболее значимых природных, культурных и природно-культурных достопримечательных объектов, которые расположены в разных странах и на разных континентах. Это могут быть памятники архитектуры и градостроительства, археологические или сакральные объекты, шедевры садово-паркового и инженерного искусства, памятники науки и техники, уникальные культурные ландшафты или же обширные участки дикой природы, равно как и отдельные природные феномены. Все они признаются достоянием всего человечества, однако основную ответственность за их эффективное сбережение для будущих поколений несут страны-участницы Конвенции.

Во исполнение Конвенции ведется Список Всемирного наследия, где по состоянию на начало 2016 г. числится 1031 объект в 163 странах, включая 802 объекта Всемирного культурного наследия, 197 объектов Всемирного природного наследия, 32 объекта Всемирного культурно-природного наследия. Российское участие в этом глобальном своде достопримечательностей мирового уровня — 27 объектов, включая 10 природных и 17 культурных объектов. В Предварительном перечне от России — еще около 30 объектов-кандидатов (в настоящее время данный список находится в стадии пересмотра).

Каждый год Список Всемирного наследия пополняется в среднем на 15–20 объектов. На то существует определенная процедура, которую должен пройти и Кенозерский национальный парк, который фигурирует в российском Предварительном списке с апреля 2014 г. как «Заповеданное Кенозерье». Здесь надо учитывать, что номинационные досье по объектам-кандидатам, составленные по определенной форме, принято представлять в Комитет Всемирного наследия не позднее 30 сентября каждого года. Затем в течение нескольких месяцев документы проходят оценку международных экспертов (представители МСОП, ИКОМОС и ИККРОМ).

На самом начальном этапе (октябрь — февраль) экспертов прежде всего интересует техническая сторона дела, например комплектность и качество представленного номинационного досье (могут быть затребованы недостающие составные части номинации, а также дополнительные документы и разъяснения по конкретным вопросам).

Далее, согласно принятой процедурной схеме, в период с марта по май эксперты занимаются предварительной оценкой содержания номинации, акценти-

руя внимание на вопросах — действительно ли представленный объект имеет «выдающуюся универсальную ценность» (ВУЦ), и по каким конкретно критериям он может пройти в Список Всемирного наследия (в итоге критерии, по которым первоначально продвигался данный объект, могут быть пересмотрены). Аутентичность и целостность объекта также находятся в центре внимания. На этой стадии может быть предложено откорректировать границы выдвигаемого объекта — либо, чтобы исключить из границ чрезмерно освоенные или заселенные участки, не обладающие ценностью с точки зрения Всемирного наследия, либо, наоборот, чтобы включить какие-то новые элементы, выгодно дополняющие уже разработанную номинацию. Ближе к лету предусмотрена и так называемая полевая миссия — выезд экспертов ЮНЕСКО на место с целью общей рекогносцировки и уточнения необходимых деталей.

Наконец в случае позитивной предварительной оценки, номинация допускается к рассмотрению на очередной сессии Комитета Всемирного наследия, которые проходят в июне — июле каждого года. Однако и в этом случае полный успех отнюдь не гарантирован, поскольку на сессии может быть вынесен не только положительный вердикт, но и решение о необходимости серьезного пересмотра номинационного досье (с формулировкой — «приходите на следующий год»), или же — в самом худшем случае — о несоответствии объекта установленным требованиям (хотя последний вариант после позитивной предварительной оценки и допуска номинации к рассмотрению на сессии мало вероятен).

Что же необходимо для успешного продвижения объекта в Список Всемирного наследия? В чем залог позитивного решения международных экспертов? И в чем будет состоять стержень политики управления объектом в будущем, когда, допустим, получив искомый высокий статус, он заживет своей повседневной жизнью?

Главное, что здесь необходимо показать, — это исключительность данного места, его уникальность в глобальном масштабе, и то, что у него нет явных аналогов ни в ближайших географических окрестностях, ни в стране в целом, ни в других регионах мира. Именно это соображение, если оно будет убедительно доказано и принято международными экспертами, откроет путь объекту в Список ЮНЕСКО. Именно необходимость сохранения глобально значимых характеристик местности следует поставить в центр всей политики управления данным объектом наследия во все последующие годы. И именно такие аргументы, связанные с «выдающейся универсальной ценностью», позволят более эффективно противостоять возможным «атакам», угрожающим как отдельным достопримечательностям, так и культурным ландшафтам и охраняемым территориям в целом.

В случае Кенозерского парка доказательство глобальной ценности, а также сравнение с возможными конкурентами необходимо произвести в ракурсе всех критериев, по которым данный объект было решено номинировать в Список

ЮНЕСКО. Таких критериев на данный момент, когда работа над номинацией находится еще в начальной стадии, выявлено четыре: i, iii, v и vi (см. Приложение). При этом важно не ограничиваться исследованием других выдающихся объектов и/или территорий, уже занесенных в Список Всемирного наследия и расположенных в разных странах мира. Для полноты картины и с целью выявления всех возможных конкурентов целесообразно изучить состав Предварительных списков, прежде всего в странах того же геокультурного региона (в данном случае речь идет о Севере Европы, прежде всего о Скандинавских странах). И наконец крайне полезным будет учет самых ближайших «соседей» — других памятников, ансамблей и особо ценных историко-культурных территорий, расположенных также на севере и северо-западе европейской части России («Русский Север»), которые могут иметь с «Заповеданным Кенозерьем» определенное сходство.

Ниже будут представлены основные этапы и результаты такого сравнительного анализа, в результате чего, собственно, и будет определено то место, которое может занять Кенозерье в ряду прочих объектов, уже фигурирующих в Списке ЮНЕСКО — этом престижном перечне всемирно значимых памятников природы и культуры.

I. Критерий i: **выдающиеся творения человеческого гения** — шедевры деревянной архитектуры Русского Севера.

Здесь речь идет об уникальных памятниках деревянного зодчества Кенозерья: крупных храмах и ансамблях (Порженский и Почезерский погосты), небольших часовнях с их расписными сводами — «небесами», а также различных хозяйственных постройках, выполненных из дерева.

Среди памятников деревянного зодчества, которые уже внесены в Список ЮНЕСКО и могут теоретически послужить конкурентами для деревянных творений Кенозерья, выделим следующие¹.

Погост Кижы (Россия) — живописный ансамбль из двух уникальных деревянных церквей XVIII в. и восьмигранной колокольни середины XIX в., окруженных по периметру невысокой оградой (критерии: i, iv, v).

Деревянная церковь в Урнесе (Норвегия), или «ставкирке». Сооружена в XII–XIII вв., является выдающимся примером традиционной скандинавской деревянной архитектуры. Сочетаются элементы кельтского искусства, традиции викингов и романский стиль (критерии i, ii, iii).

Старая церковь в деревне Петяявеси (Финляндия). Построена из бревен в 1763–1765 гг. Симметричная планировка церкви Ренессанса соединяется с более старыми формами, берущими начало от готических крестовых сводов (критерий iv).

Украшенные сельские дома Хёлсинганда (Швеция). Деревянные строения XIX в., особенностью которых являются украшения в стилях барокко и рококо и просторные помещения для проведения торжеств (критерий v).

Деревянные церкви на юге Малой Польши (Польша). Построены с использованием методов горизонтальной укладки бревен, характерных для Восточной и Северной Европы со Средних веков (критерии iii, iv).

Деревянные церкви Польши и Украины в Карпатах (Польша, Украина). 16 срубов, возведенных в XVI–XIX вв. Построены по трехчастному плану, имеют открытые снизу квадратные или восьмиугольные в плане барабаны и увенчивающие их купола. Характерны колокольни, иконостасы и внутренние многоцветные росписи (критерии iii, iv).

Деревянные церкви исторической области Марамуреш (Румыния). Узкие и высокие деревянные сооружения, имеющие одно- или двускатные крыши, покрытые дранкой, и характерные стройные часовые башни на западной стороне (критерий iv).

Церкви на островах Чилоэ (Чили). Представляют архитектурную традицию, начатую в XVII–XVIII вв. иезуитской странствующей миссией, продолженную и развитую в XIX в. францисканцами и превалирующую до сих пор (критерии ii, iii).

Памятники Хорюдзи (Япония). Некоторые из них относятся к VII–VIII вв., считаясь одними из старейших в мире деревянных строений, дошедших до наших дней. Иллюстрируют проникновение китайской буддийской архитектуры в японскую культуру (критерии i, ii, iv, vi).

Как видно, ни один из этих памятников ЮНЕСКО нельзя признать полным аналогом Кенозерья. При этом наиболее далеки от Кенозерских построек оказываются объекты в Японии и Чили, как принадлежащие совершенно иным культурным традициям и созданные в принципиально иных природно-климатических условиях. Однако и более близкие (географически и культурно) деревянные постройки, расположенные в странах Европы, также обнаруживают значительную разницу в техническом исполнении и архитектурных решениях. Так, норвежская «ставкирке» — каркасная (а не срубная, как в Кенозерье), и отражает явное влияние романского стиля. Церкви Украины и Польши четко иллюстрируют влияние стиля барокко, а также обладают целым рядом других конструктивных особенностей. Финская церковь Петяявеси — отражает влияние готики и ренессанса и т.д.

В Предварительных списках, предложенных странами Северной Европы (Норвегия, Финляндия, Швеция, Дания и некоторые др.), деревянные постройки культового, жилого и хозяйственного назначения, аналогичные кенозерским, в качестве особого предмета охраны не фигурируют. Однако похожие старинные постройки из дерева можно обнаружить в других районах Русского Севера, как-то:

– *Историко-архитектурный и этнографический музей-заповедник Кижы* (Республика Карелия) — особо ценный объект культурного наследия народов России; в границах погоста — объект Всемирного наследия с 1990 г.;

– *Музей деревянного зодчества «Малые Корелы»* (Архангельская обл.) — особо ценный объект культурного наследия народов России;

-
-
- *Водлозерский национальный парк* (Республика Карелия);
 - *Каргопольский историко-архитектурный и художественный музей-заповедник* (Архангельская обл.);
 - *деревня Кимжа* (Архангельская обл.) — памятники федерального значения;
 - *деревня Веркола* (Архангельская область) — памятники федерального значения, ландшафтный заказник.

Однако и тут речи не идет о полной аналогии, а разве только о сходстве в определенных аспектах. Действительно, на фоне вышеперечисленных заповедных объектов Русского Севера Кенозерье сильно выделяется, и прежде всего тем, что здесь:

- отмечается очень высокая концентрация аутентичных деревянных строений, размещенных в компактном ареале (на ряде прочих объектов этого региона также представлены несомненные памятники деревянного зодчества: Ильинский погост в Водлозерском национальном парке, церковь Одигитрии в Кимже, деревянный храм в Верколе; однако это скорее «штучные шедевры», количество которых ограничено; но даже и там, где отмечено большое скопление деревянных памятников, как, например, в музеях под открытым небом «Кижы» и «Малые Корелы», основную их часть, строго говоря, аутентичными признать нельзя, ибо эти сооружения были перемещены сюда с весьма обширной округи);

- представлен богатый типологический ряд деревянных сельских построек (разные функциональные типы, разные эволюционные формы), что позволяет проследить трансформацию традиций деревянного зодчества на протяжении нескольких столетий;

- отмечается неразрывная взаимосвязь историко-культурных памятников с вмещающим их культурным ландшафтом, неотъемлемым элементом которого деревянные строения остаются и поныне.

Таким образом, вывод об уникальности Кенозерского парка по критерию i можно признать вполне справедливым. Эта уникальность связана, прежде всего, с наличием на этой территории старинных, но вполне хорошо сохранившихся деревянных построек — культовых, жилых и хозяйственных, все еще бытующих в аутентичной обстановке и представляющих собой неотъемлемую часть здешней патриархальной северорусской культуры и культурного ландшафта в целом. Деревянные строения Кенозерского национального парка действительно очень оригинальны и не похожи ни на один памятник из современного Списка ЮНЕСКО. В Предварительных списках от североευропейских стран-соседей подобные объекты отсутствуют. Полных аналогов на просторах Русского Севера также не выявлено.

II. Критерий iii: ***архаичный крестьянский ландшафт как место бытования живой реликтовой крестьянской культуры Русского Севера с ее уникальными материальными свидетельствами*** — редчайшим собранием часовен с расписными «небесами», священными рощами, уникальными памятниками

храмовой народной архитектуры, традициями домостроительства и организации жизненного пространства.

В отличие от предыдущего критерия, здесь для рассмотрения берутся не только памятники деревянной архитектуры, которые, несомненно, остаются для Кенозерья ярким компонентом здешнего культурного пространства. По идее, здесь должны быть рассмотрены все основные — наиболее существенные элементы местной культуры, прежде всего так называемые священные рощи (которых около 50), а также традиционные знания, умения, представления о мире, хозяйственный и бытовой уклад, отношение к окружающей природе, особенности организации местных праздников, сакральные практики и иные составляющие патриархальной сельской северорусской культуры.

Возможные аналоги Кенозерья по критерию iii — это сельские местности с еще живыми традициями, укладами, обычаями и ритуалами коренного населения. Приведем лишь некоторые примеры из современного Списка ЮНЕСКО.

Лапландия (Швеция) — район близ Северного полярного круга, населенный саами (или лаппами), которые сохраняют свой традиционный кочевой образ жизни, основанный на сезонной смене пастбищных угодий (критерии iii, v, vii, viii, ix).

Рисовые террасы Филиппинских Кордильер — созданные более 2 тысяч лет назад террасированные рисовые поля, которые следуют контурам горных склонов, образуя ландшафт исключительной красоты (критерии iii, iv, v).

Священная роща Осун-Осогбо (Нигерия) — лесной ландшафт, насыщенный святилищами, скульптурами и произведениями искусства, посвященными богествам местной народности йоруба (критерии ii, iii, vi).

Культурный ландшафт провинции Бали (Индонезия) — культурный ландшафт, включающий систему рисовых террас, ирригационные сооружения и общинные храмы (критерии ii, iii, v, vi).

В Предварительных перечнях Всемирного наследия, составленных странами Северной Европы, аналогичных объектов среди тех, что соответствовали критерию iii, выявлено не было (например, Лофотенские острова и Памятники викингов в Норвегии).

Что касается Русского Севера, то здесь, в качестве возможного конкурента в сфере сохранения традиционной культуры этого региона России, выделяется лишь одна охраняемая территория — *Водлозерский национальный парк*, расположенный на границе Карелии и Архангельской области. Во многом он действительно напоминает район Кенозера, вместе с тем ни о каком полном тождестве не может быть и речи. Прежде всего, потому, что значимость природного наследия на Водлозере в целом превышает значимость историко-культурного наследия. В случае же Кенозерья мы имеем обратную картину — на первый план выходит именно историко-культурное наследие, природное играет все же подчиненную роль.

В связи с этим упомянем еще об одном уникальном объекте, расположенном на Южном Урале, примерно в тысяче километров к юго-востоку от Кенозерья. Этот объект — «*Башкирский Урал*» (Россия), который значится в Предварительном списке Всемирного наследия от России с января 2012 г. Первоначально он был предложен по целому набору разных критериев (i, iii, v, vi, viii, x), т.е. речь шла тогда об объекте культурно-природного наследия. Помимо известной Каповой пещеры с доисторическими рисунками ценность представляют местные традиции башкирского народа, включающие бортничество и разведение продуктивной борзянской пчелы, а также древние святилища этого народа. Однако в последующем эта номинация была сведена к одному феномену — Каповой пещере (критерий i), что не позволяет говорить об этом объекте как о реальном конкуренте Кенозерского культурного ландшафта.

Таким образом, становится ясна уникальность Кенозерья как района бытования архаичной северорусской крестьянской культуры, что позволяет говорить о соответствии этого региона критерию iii. Возможные зарубежные аналоги Кенозерского парка в аспекте критерия iii, как можно видеть, иллюстрируют другие культурные традиции, сакральные практики, технологии природопользования и принципы организации жизненного пространства в принципиально иных природно-климатических условиях.

III. Критерий v: *выдающийся пример культурного ландшафта Русского Севера*, сформировавшегося в результате сочетания традиционного землепользования и промыслово-земледельческого уклада хозяйства с традиционной системой крестьянских поселений, сохранившегося с XVI в. и чрезвычайно уязвимо в связи с современными социально-экономическими процессами.

Представленные в Кенозерье традиционные земледельческие культуры лесной зоны умеренного пояса северного полушария помимо Российской Федерации можно встретить лишь в США и Канаде, а также в странах Северной, Восточной и Западной Европы. Некоторые из наиболее ценных образчиков такого культурного ландшафта уже фигурируют в Списке Всемирного наследия ЮНЕСКО.

Так, канадский объект ландшафт Гранд Пре (критерии v, vi) на атлантическом побережье в заливе Фанди демонстрирует польдерную земледельческую фермерскую культуру, заложенную в XVII в.

Другой пример — сельскохозяйственный ландшафт на юге острова Эланд в Швеции (критерии iv, v), сформировавшийся на возвышенном известняковом плато и сохранивший оригинальные формы фермерского хозяйства и расселения со времен Средневековья, однако есть следы еще с доисторических времен (3 тыс. лет до н.э.).

Далее, у западных берегов Норвегии, почти у Северного полярного круга, располагается еще один объект ЮНЕСКО: Вегаэйн — архипелаг Вега (критерий v). Здесь также сформировался уникальный культурный ландшафт — свидетельство традиционного уклада рыбаков и фермеров, существовавшего на про-

тяжении последних 1500 лет. Сохранились рыбацкие поселки, причалы, склады, искусственно созданные места для гагачьих гнездовий, обрабатываемые земли, маяки и бакены.

Однако упомянутые выше три объекта, демонстрирующие разнообразные северные приморские уклады, не обнаруживают большого сходства с Кенозерьем ни по историко-культурным, ни по природным особенностям.

С несколько большим успехом Кенозерье можно сравнить с озерно-лесостепным районом на границе Австрии и Венгрии, получившим название «Культурный ландшафт Фертё-Нойзидлер-Зе» (критерий v). По своей ландшафтной структуре это также обширное поозерье (одно крупное озеро и множество мелких) со сложной мозаикой лугов, болот, полей, лесов и перелесков и с небольшими живописными сельскими поселениями по берегам. История освоения этой местности также очень давняя, причем следы исторического землепользования отчетливо прослеживаются на столетия назад. Однако в культурном ландшафте Фертё-Нойзидлер-Зе преобладают виноградники и пастбища, в то время как в Кенозерском парке набор агроландшафтов другой, поскольку он отражает систему общинного земледелия с характерным для нее гармоничным соотношением лесных промысловых, луговых пастбищных и полевых сельскохозяйственных угодий. Помимо всего прочего, следует учесть, что австро-венгерский объект лежит существенно южнее, в зоне не хвойных лесов, как Кенозерье, а на южном пределе зоны широколиственных лесов (лесостепь), а также существенно западнее, находясь под значительным влиянием Атлантики. Отметим также, что Кенозеро — пресноводный водоем, а Фертё-Нойзидлер-Зе — соленый. Наконец ландшафт Кенозерья можно определить как значительно более сохранный, не столь освоенный.

Что касается Предварительных списков Всемирного наследия от стран Северной Европы, то аналогичных Кенозерью объектов, предложенных по критерию v, в них выявлено не было.

Вместе с тем, на территории Русского Севера можно указать на целый ряд охраняемых природных и историко-культурных территорий, где еще встречаются следы исторической системы землепользования и расселения, характеризующие данную часть России.

В частности, это Водлозерский национальный парк, национальный парк «Русский Север», природный парк Вепсский лес, а также музей-заповедник на острове Кижы. Всем этим местностям в той или иной мере свойственны суровая и живописная северная природа, наличие следов освоения разных эпох (начиная с доисторического времени и до Средних веков), а также выдающихся памятников деревянного или каменного зодчества.

Однако только на территории Кенозерья мы имеем дело с практически полностью сохраняющимся до наших дней феноменом культурного ландшафта Русского Севера. Суть этого феномена, по мнению Е. Колбовского, состав-

ляют различные типы ландшафтно-хозяйственных ареалов (или комплексов), адаптированных к сложным природным экотонам (переходным контрастным зонам), — озерным побережьям с глубокими заливами, принимающими устья лесных рек, и высокими выступами мысов, нависающих над водной гладью. Побережья сочетаются с террасами разных уровней, залесенными гребнями водоразделов, отдельными холмами, дюнами долинных задров и пятнами верховых и низинных болот.

Довольно четко прослеживаются все основные уровни восприятия кенозерского пространства. С одной стороны, это верхний уровень, сформированный общей архитектурой озера: водной гладью, крупными островными массами и выступами береговых мысов, разделяемых глубокими заливами. С другой стороны, это нижний уровень внутридеревенского общинного пространства («косые» ограды, дощатые мостки и причалы на столбах, лавочки вдоль палисадников, скирды и стоговища на жердях, картофельные гряды и капустаники в огороде и т.д.).

Всем этим — устройством культурного ландшафта в уникальных природных условиях и сохранностью нескольких иерархических уровней функционирования и восприятия жилой сельской среды Русского Севера — и уникально Кенозерье. В других же местах сохранились либо памятники, выхваченные из аутентичной среды (Киж), либо природа (парк Вепсский лес), либо отдельные элементы культурного ландшафта (парки Водлозерский и «Русский Север»).

Столь явных аутентичных следов реликтового сельского северорусского ландшафта, восходящих еще к XVI в., по которым можно судить о былых системах землепользования и расселения, а также о традиционных промыслово-земледельческих укладах, нигде более на Русском Севере не выявлено. Это подтверждает ценность Кенозерья в аспекте критерия v (уникальный культурный ландшафт).

IV. Критерий vi: Кенозерье — **один из ключевых центров русского былинно-го творчества**, обогативший мировую фольклористику.

Среди историко-культурных и природно-культурных объектов, уже внесенных в Список Всемирного наследия ЮНЕСКО, мест, подобно Кенозерью, хранящих старинные фольклорные традиции, — очень мало. Причем практически все они относятся к далеким (в прямом и переносном смысле) от Русского Севера экзотичным странам Африки, Латинской Америки, Австралии и Океании. Одно из таких мест — национальный парк Тонгариро в Новой Зеландии, который является местом рождения легенд аборигенных народов маори и имеет для них особое культурное и религиозное значение, символизируя духовные связи туземцев с окружающей природой.

На Севере Европы аналогичных Кенозерью «фольклорных объектов», которые проходили бы по критерию vi, не выявлено (это относится как к основно-

му Списку Всемирного наследия, так и к Предварительным спискам Норвегии, Финляндии, Швеции, Дании и т.д.)².

Вместе с тем, если переместиться на Русский Север, то здесь все еще можно выявить некоторые ценные геокультурные ареалы, важные с точки зрения сбережения эпического, фольклорного наследия, например расположенный недалеко от Кенозерья национальный парк Водлозерский, а также отдельные районы Поонежья (окрестности Онежского озера).

Однако на их фоне Кенозерский парк выделяется тем, что здесь фольклорное наследие оказалось богаче как по числу записанных текстов, так и по сюжетному составу и числу исполнителей. Кроме того, если на Кенозере это была исконная традиция (принесенная сюда первыми поселенцами), то на Водлозере, по наблюдениям исследователей, из семи человек, знавших былины, только один заимствовал их от отца, прочие же переняли навыки на стороне, в частности на Кенозере.

Скорее всего, на всем Русском Севере уже нельзя найти другого района, помимо Кенозерья, со столь значительным многообразием русских эпических произведений (былины, духовные песни, баллады, сказки, частушки, заговоры и т.д.), отражающих самые разные сюжеты, и со столь многочисленными исполнителями, мастерство которых проявлялось вплоть до 1970-х гг. И, хотя к началу XXI столетия живых носителей этого эпоса практически не осталось, все еще сохраняется ассоциативный озерно-лесной ландшафт, породивший и поддерживающий на протяжении десятилетий местные устные традиции. Старинные напевы включены в репертуар современных фольклорных ансамблей края. Традиция продолжает жить!

Единственным достойным конкурентом в этом плане является объект на границе Карелии и Финляндии — национальный парк «Калевальский», территория которого с середины XVI в. была населена саамами и карелами. Их длительное совместное сосуществование создало уникальные культурные традиции, где переплетены язычество саамов и православие карел. В здешних деревнях были собраны многие руны знаменитого карело-финского эпоса «Калевала», который ныне является кандидатом на включение в перечень памятников духовного наследия человечества (Конвенция ЮНЕСКО 2003 г.). Однако «Калевала» — это сугубо финский (мифологический) эпос. Его руны в той же мере специфичны для финнов, как и русские былины для русских, в своих истоках связанные с историей Древней Руси, т.е. сравнивать их нельзя ни по каким параметрам — и те и другие по своему уникальны.

Таким образом, можно утверждать, что Кенозерье, этот патриархальный и малоизмененный цивилизацией район Русского Севера, сыгравший важную роль в зарождении уникальной фольклорной традиции — былинного эпоса, вполне соответствует критерию vi.

Напрашивается общий вывод о том, что уникальность Кенозерья в глобальном масштабе проявляется сразу с нескольких точек зрения. В частности:

-
-
- в уникальной деревянной архитектуре (критерий i);
 - уникальных культурных традициях (критерий iii);
 - архаичном культурном (сельском) ландшафте Русского Севера и реликтовой системе землепользования и расселения (критерий v);
 - развитию северорусского фольклора, где еще сохраняются его аутентичные проявления (критерий vi).

Благодаря высокой ценности в самых разных аспектах Кенозерский национальный парк не обнаруживает явных аналогов ни на Русском Севере, ни на Севере Европы, ни в других регионах мира; поэтому этот край вполне достоин присвоения ему высокого охранного статуса — объекта Всемирного культурного наследия. Среди тысячи прочих мировых достопримечательностей, вошедших в Список ЮНЕСКО, «Заповеданное Кенозерье» займет свою совершенно определенную — уникальную нишу.

Приложение

Критерии отнесения к Всемирному культурному наследию

Культурный объект, выдвигаемый на статус ЮНЕСКО, должен:

- i — являться произведением творческого гения человека;
- ii — отражать важность взаимосвязи человеческих ценностей, существующих в течение определенного периода времени или в пределах определенной культурной области, и развития архитектуры или технологии, монументального искусства, градостроительства или ландшафтного планирования;
- iii — являться уникальным или, по меньшей мере, исключительным свидетельством культурной традиции или цивилизации, существующей или исчезнувшей;
- iv — представлять собой выдающийся образец типа строения, архитектурного или технологического ансамбля или ландшафта, иллюстрирующего важный этап (этапы) в истории человечества;
- v — представлять собой выдающийся образец традиционного человеческого поселения, землепользования или использования, характерного для той или иной культуры (или культур), взаимодействия между человеком и природной средой, в особенности, если существует опасность его разрушения под воздействием необратимых изменений;
- vi — быть непосредственно или значимо связанным с событиями или традициями, идеями или верованиями, произведениями литературы и искусства, представляющими собой выдающееся мировое достояние.

Пояснение: для отнесения к Всемирному наследию необходимо и достаточно полное соответствие объекта какому-то одному из предложенных критериев.

Примечания

¹ С описаниями объектов, вовлеченных в сравнительный анализ в качестве возможных аналогов Кенозерья, можно ознакомиться на официальном сайте Центра Всемирного наследия на английском языке (URL: <http://whc.unesco.org/en/list>), а также на русском языке — на сайте Института Наследия (URL: http://www.heritage-institute.ru/index.php?option=com_content&view=category&layout=blog&id=324&Itemid=159).

² Здесь следует отметить, что столь сильный дефицит объектов, сохраняющих традиции, ритуалы, фольклор и т.п., в современном Списке Всемирного наследия объясняется, прежде всего, тем, что они подпадают под действие иной конвенции ЮНЕСКО — «Об охране нематериального культурного наследия» (2003 г.). И в особом списке, который подпадает под действие этой конвенции, можно обнаружить довольно много номинаций, отражающих традиции разных народов мира. Примеры по России и странам СНГ: традиционная культура старообрядцев Забайкалья (семейских), эпический жанр якутского фольклора «олонхо», грузинское полифоническое пение, манас, мугам, игра на дудуке и др.

Участница экспедиции «По следам Рыбникова и Гильфердинга» В.А. Дынник-Соколова

«Бабий телефон в один день разнес по лахтам и наволокам Кенозера весть о прибытии “телеграфистов”, записывающих песни и старины. Фонограф встретили с доверием и даже с восторгом. Старухи пели в рупор со смелостью подлинных артисток. И только кой-кто называл его сакраментальным именем “Он”, да одна восьмидесятилетняя певица усомнилась, не грешно ли петь в машину в пост. Но когда труба с граммофонной хрипотцой обратно выбрасывала напетые слова, все одобрительно примолкали, сказители одинаковым движением прикладывали к уху ладонь и с веселым удивлением моргали подслеповатыми глазами:

– Да он лучше нас поет.

Молодцы, профессоря!».

Это цитата из очерка В.А. Дынник «Кенозере», напечатанного в № 2 журнала «Новый мир» за 1928 год. Экспедиция «По следам Рыбникова и Гильфердинга» проходила, как известно, под эгидой Государственной академии художественных наук (ГАХН) и под руководством Б.М. и Ю.М. Соколовых в течение трех летних сезонов 1926, 1927 и 1928 годов. Так случилось, что вместе братья Борис Матвеевич и Юрий Матвеевич приняли личное участие в экспедиции только в 1927 году, и именно в то лето они записывали былины на Кенозере. Тогда же к мужу и деверю присоединилась Валентина Александровна Дынник (ил. 1).

В.А. Дынник-Соколова известна прежде всего как исследователь и переводчик французской литературы. Ниже с небольшими сокращениями и изменениями печатается статья из словаря «Русские литературоведы XX века», готовящегося к изданию на филологическом факультете МГУ имени М.В. Ломоносова (в рамках проекта РГНФ № 11-04-00015а).

Валентина Александровна Дынник-Соколова [20.03(01.04).1898, Киев — 02.09.1979, Москва; в личном деле в Литературном институте Дынник указывает дату рождения по новому стилю — 02.04.1898, в одной из автобиографий — 03.04.1898 (РГАЛИ. Ф. 984)], историк и теоретик литературы, кандидат филологических наук, профессор; переводчик, член Союза писателей СССР. Отец Александр Ефимович Дынник — адвокат, мать Вера Давыдовна Дынник — учительница. Один из братьев Михаил Александрович Дынник стал видным ученым-философом, сестра Татьяна Александровна Дынник — театроведом. В.А. Дынник окончила с золотой медалью семь классов женской гимназии, затем восьмой педагогический класс. В 1914 году поступила и в 1920-м окончила историко-филологический факультет Высших женских курсов (по романо-германскому и славяно-русскому отделени-

ям). После их окончания была оставлена на кафедре западноевропейской литературы Киевского университета; занималась изучением творчества провансальских трубадуров, современной французской и русской поэзией, теорией поэтического творчества; читала пробные лекции о трубадурах Прованса и о предшественниках символистов во Франции. В 1922 и 1923 годах в Киеве вышли ее первые печатные работы — переводы стихов Ш. Бодлера, П. Верлена и Э. Верхарна. Дынник была членом Киевского философского общества и Общества исследования искусств, а также членом-учредителем Общества любителей книги при Киевской публичной библиотеке. Вела занятия по поэтике, эстетике, современной русской поэзии и стихосложению в Литературной студии Украинского Наркомпроса и в Центральной литературной студии Киева. Осенью 1922 года Дынник была отправлена в научную командировку в Москву, а с 1923 года, выйдя замуж за Ю.М. Соколова, стала жить в Москве постоянно (ил. 2). Была научным сотрудником ГАХН (затем ГАИС) вплоть до переезда Академии в Ленинград в 1932 году. Для словаря литературных терминов (М.; Л., 1925) и для первого издания Большой советской энциклопедии писала статьи по теории литературы. Была активным участником «Никитинских субботников».

В 1920–1930-х годах в журналах «Красная новь», «Новый мир» и других Дынник печатала рецензии и статьи о современных русских писателях. После смерти С.А. Есенина опубликовала о нем ряд работ. Ее статью «Лирический роман Есенина», напечатанную в сборнике «Памяти Есенина» (М., 1926), похвалил М. Горький: «Очень хорошо написала В. Дынник...» (в письме С.А. Толстой-Есениной 8 декабря 1926 года). Дынник рассматривает поэтическое творчество Есенина в совокупности, как единое произведение, и определяет его жанр как «лирический роман» (термин принадлежит Б.М. Эйхенбауму), главным героем которого является сам поэт. Она убедительно демонстрирует наличие в лирике Есенина «явственно ощутимого целостного сюжета». «Поэт, в большинстве стихотворений своих, даже не р а с к а з ы в а е т о себе, — писала она, — он просто п о к а з ы в а е т себя, как умеют показывать своих героев некоторые мастера романа <...> Из отдельных рассеянных по стихам характерных особенностей складывается в восприятии читателя единый образ, перед нами возникает герой лирического романа — по мере того, как из отдельных эпизодов, ситуаций, мотивов скывается непрерывная цепь». По мнению Дынник, есенинскому «лирическому роману» присущи черты эпического произведения: в нем есть несколько сюжетных линий, показаны духовные искания героя, его надежды и разочарования, скитания и возвращения на родину, трансформация любовного чувства и т.д. В другой статье о поэте Дынник писала: «Есенин не был властителем дум, он был властителем сердец: его стих, как песня, покорял своим простым напевом слух и чувство» (Прожектор. 1926. № 2).

Основная сфера научной деятельности Дынник — французская литература — неотделима от ее работы в качестве переводчика этой литературы. Так,

в 1926–1927 годах для небольшого собрания сочинений Ги де Мопассана в трех томах, вышедшего в издательстве «Земля и фабрика» под редакцией И.Э. Бабеля, она перевела одиннадцать рассказов и написала вступительную статью «Рассказы Мопассана», в которой выделила три единства в новеллах французского писателя: темы, стиля и мировосприятия. Дынник подметила также ряд особенностей его новеллистического творчества: «... в каждой строчке Мопассана звучит темперамент рассказчика, неистребимая склонность к меткому слову и к острой ситуации», «Мопассан в своих рассказах почти никогда не говорит непосредственно от своего имени, и если не бесстрастно, то спокойно показывает нам отдельные кусочки жизни, не морализируя, не сгущая мрачных красок, не обличая, не обвиняя, не негодуя, — разве лишь улыбаясь».

3 марта 1926 года на подсекции западной литературы ГАХН Дынник сделала доклад на тему: «О некоторых развязках рассказов у Мопассана» (тезисы доклада см.: РГАЛИ. Ф. 941). Говоря об этой композиционной составляющей новелл Мопассана, она выделяет несколько моментов: 1) неожиданная развязка при ретроспективном рассмотрении совершенно закономерна и объяснима в психологическом и бытовом плане; 2) неожиданная развязка обычно строится на более простом, чем ожидаемое, разрешении коллизии; 3) эффект такой развязки возникает из-за построения сюжета на отталкивании, но не от другого узнаваемого литературного сюжета, а от обычных бытовых или этических представлений читателя.

Эстетическим взглядам и творческому методу Э. Золя посвящена большая статья Дынник «Романтик натурализма» (1929 г.). В этой работе подчеркивается в первую очередь страстность Золя в отстаивании своих теоретических позиций, его «темперамент пропагандиста-проповедника». Но хотя, как пишет Дынник, в творчестве Золя «его теоретические взгляды сказались достаточно явственно» и в своих произведениях он выставляет напоказ «излюбленные идеи своего мирозерцания», его теоретические поиски вступают в противоречие с художественным воплощением. «Художник оказывается в нем глубже и значительней теоретика», в каждом своем романе он говорит «больше, чем намеревался сказать. Непредвиденность искусства проявляется во всей ткани произведения, начиная с основного замысла — с идеи, кончая стилистическими деталями».

Особое место в литературоведческом наследии Дынник отведено А. Франсу. С сентября 1928-го около года она жила в Париже и изучала рукописи писателя в Национальной библиотеке Франции. Результатом этих исследований стал ряд статей о нем начала 1930-х годов и монография «Анатоль Франс. Творчество» (М., 1934). Анализируя главные произведения Франса — от «Коринфской свадьбы», «Преступления Сильвестра Боннара» и «Гаис» до «Острова пингвинов», «Боги жаждут» и «Восстания ангелов», — она размышляет о его творческом методе, мировоззрении и о социальном значении его наследия. Наблюдения Дынник над особенностями художественного стиля Франса не потеряли своей ак-

туальности. Стиль Франса «трудно поддается единому обозначению», ибо в нем соединяются «памфлетная заостренность социальной сатиры» с «закругленным построением» и «спокойной законченностью фразы», любовь «к игре словами, к каламбуру» с заботой «о классически ясном, прозрачном и простом стиле», «уменьше мастерски обрисовать жизнь разных времен и народов» с пристрастием к «отвлеченному диалогу», тяготение «к сжатой и меткой новелле», построенной «на торжестве фабульного начала», с расплывчатостью фабулы его романов. Вместе с тем, считает Дынник, «стиль этот при всех своих противоречиях, не представляется разноприродным, поражает своей, франсовской характерностью». Творчество Франса интеллектуально, материал, из которого он создает свои произведения, — «тончайшая и сложнейшая ткань мысли». А потому постоянной и объединяющей чертой его стиля является ирония, органически связанная «со всем мировоззрением писателя». В качестве другого важнейшего элемента франсовского стиля Дынник рассматривает парадокс, который она относит к области «поэтической семантики», так как он обладает, например, такими свойствами поэтических тропов, как двойственность и игра с логическим смыслом. Парадокс проникает в структуру произведений Франса, он «служит не только художественно оформляющим принципом для отдельных частей и элементов», но и «стержнем для всего произведения». Любимый им жанр философского романа вытекает из особенностей парадоксального мышления писателя. «Под знаком парадокса Франс воспринимает всю действительность, — обобщает Дынник. — Парадокс потому и приобрел такое развитие в его творчестве, что в нем нашло отражение острое чувство противоречивости жизни, острое ощущение развертывающейся в жизни борьбы противоположностей».

Позднее Дынник перевела стихотворения Франса, «Коринфскую свадьбу» и «Остров пингвинов», в 1957–1960 годах участвовала в издании собрания сочинения Франса в восьми томах на русском языке в качестве автора предисловия и переводчика.

В сборнике «Старинная русская повесть» (М.; Л., 1941) была помещена одна из наиболее известных работ Дынник, посвященная «сопоставлению поэтического стиля» (Н.К. Гудзий) «Слова о полку Игореве» и «Песни о Роланде». Многие сходства «Слова» с произведениями западноевропейского эпоса (в т.ч. с «Песней о Нибелунгах» и скандинавскими сагами), которые отмечают исследователи этой темы, Дынник считает только «кажущимися», поэтому говорить о влиянии этих произведений на «Слово» можно с большой осторожностью. Раскрывая подлинные истоки подобных совпадений (общие или похожие фольклорные сюжеты разных стран, общность историко-бытовых условий и т.п.), она, тем не менее, признает, что совпадения и переклички существуют, и больше всего сближений со «Словом» находит в «Песне о Роланде». Основное сходство двух литературных памятников Дынник видит в жанровом родстве «трудной повести» с французскими «chansons de geste», ярчайшим примером которых является «Песнь о Роланде».

Общие черты этих жанров, по мнению автора статьи, — «национальная идея, тема военных подвигов, эпическая основа с вплетаемыми в нее лирическими темами, историческое задание». «Если бы понадобилось перевести французский литературный термин “chansons de geste” на русский язык XII в., то лучшего эквивалента, чем “трудная повесть” или “трудная песнь”, пожалуй, не подобрать», — пишет Дынник. Наряду со сходствами, она указывает и на существенные отличия основной идеи произведений и характеров героев. «Песнь» повествует о прошлом, хотя и не столь давнем, автор «Слова» говорит о современности и осмысливает события «с точки зрения насущных политических нужд своей страны». В «Песне» на первом плане идея военной славы, а в «Слове» — идея «защиты границ» и «мирного труда». Отсюда вытекают и разные причины поражения героев. Роланд «не рассчитал своих сил», он совершил «военно-тактическую» ошибку, а Игорь совершил «политическую ошибку», предприняв поход отдельно от других князей.

В дальнейшем Дынник продолжила осмысление жанровой природы произведения древнерусской литературы и 31 мая 1951 года прочитала доклад «О жанре “Слова о полку Игореве”» в постоянной Комиссии по «Слову» Союза писателей СССР.

Большое внимание Дынник уделяла также исследованиям и переводу средневековой французской литературы — поэзии провансальских трубадуров и старофранцузским фавлю.

Значительный вклад Дынник внесла в изучение творчества П. Мериме. Ее вступительная статья к собранию сочинений Мериме в шести томах (М., 1963) является по сути подробным и глубоким очерком его творчества на фоне политической и общественной жизни современной писателю Франции. Она детально исследует причины, побудившие молодого Мериме осуществить две знаменитые литературные мистификации — «Театр Клары Гасуль» и книгу славянских песен «Гузла», а также раскрывает приемы этой мистификации. В «Хронике царствования Карла IX» Дынник отмечает стремление автора романа воспроизвести «нравы и характеры XVI столетия», а вымышленная фабула, по ее мнению, не только сочетается «с исторической темой, но и помогает ее раскрытию». Любимых своих героев Мериме «показывает за пределами обычной жизни буржуазного общества». Но даже в его так называемых «экзотических» новеллах («Маттео Фальконе», «Таманго», «Коломба», «Кармен») «местный колорит», в отличие от романтиков, подчинен реалистическому описанию, и лишь лаконичные упоминания заменяют подробную картину нравов. Тонкий психологический анализ присущ многим новеллам Мериме («Этрусская ваза», «Партия в триктрак», «Двойная ошибка» и др.). В «Венере Илльской» и «Коломбе» на первом плане «тема красоты и силы человеческой, восставших против общества, которое уродует и уничтожает человека». Душевным благородством и способностью к самоабвенной любви отмечена героиня новеллы «Арсена Гийо». А причудливое сочетание хороших и дурных свойств отличает самую известную героиню Ме-

римере. «Кармен принадлежит к тем персонажам мировой литературы, — пишет Дынник, — которые как бы выходят за пределы художественного произведения, живут в сознании читателя самостоятельной жизнью». Дынник воздает должное переводам Мериме из русской литературы, в которой писатель открыл для себя «новый, чистый и прекрасный мир, где он нашел последнее прибежище для своей пытливой мысли и требовательного эстетического вкуса».

Кроме научной и издательской деятельности, Дынник вела педагогическую работу в вузах. С 1923 года она была доцентом кафедры всеобщей литературы в Тверском педагогическом институте (помимо лекций по западноевропейской литературе, читала курсы новейшей русской поэзии, поэтического языка современной литературы, литературы народов СССР, вела семинар по живому слову). В 1931 году из-за участия в группе «Перевал» ее обвинили в «оппортунизме» и «искажении марксизма-ленинизма», и она вынуждена была уйти из Тверского института. В 1930-х годах преподавала в Институте повышения квалификации педагогов, Литературном институте им. А.М. Горького, Академии коммунистического воспитания им. Н.К. Крупской и Институте кинематографии. В 1938 году Дынник была утверждена в ученом звании профессора. С 1937 года читала курсы зарубежной литературы в МГУ им. М.В. Ломоносова (с 1950 года работала в МГУ по совместительству). В 1947–1949 годах была профессором и заведующей кафедрой всеобщей литературы МГПИ им. В.И. Ленина. С 1950 года Дынник — снова в Литературном институте, вначале — профессор кафедры зарубежной литературы, в 1965–1975 годах — заведующая кафедрой, с 1975 года — профессор-консультант.

Коллега Дынник по Московскому университету Н.И. Либан отмечал, что она «когда-то блестяще читала курс западной литературы», и вспоминал о ней как о красавице и «настоящей светской даме — в обращении, в одежде, в походке, в разговоре» (Либан Н.И. Избранное. М., 2010). Сама Валентина Александровна в 1975 году писала в автобиографии: «Незадолго до Отечественной войны умер мой муж Ю.М. Соколов. Недавно я потеряла и обоих моих братьев. Но у меня, по-видимому, крепкая натура, и чувство жизни я еще не совсем утратила. В этом мне помогает работа. Вот и буду работать, куда хватит сил».

Усть-Цильма деревянная: проблемы сохранения крестьянских усадеб XIX–XX веков

Усть-Цильма известна в Республике Коми и за ее пределами как самобытный край и сегодня является одной из сокровищниц культурного наследия Русского Севера.

В Усть-Цилемском районе сохранился уникальный пласт древнерусской старообрядческой культуры, в котором представлены иконы и древние книги; красочный язык богослужений и песнопений; былины и старинные песни; традиционные наряды и бытовой уклад; свободолюбивый дух народа и старинное наречие, передаваемое из поколения в поколение и, конечно же, «жемчужина» всего культурного наследия устьцилем — «Усть-Цилемская горка».

Около пяти столетий устьцилемя бережно и трепетно сохраняют свою уникальную и многообразную культуру, бытующую со времен Древней Руси.

Из века в век, из года в год берегли, пополняли и передавали они свои традиции, обряды и обычаи, старообрядческую культуру, рукописи, песенное творчество, старинные устьцилемские костюмы, секреты народных промыслов, самобытный диалект и многое другое.

«Золотым сундуком» печорской старины называют наше село. Усть-Цилемская земля настолько богата фольклорным наследием, что вызывает неизменный интерес и восхищение путешественников и гостей из разных уголков России и зарубежья. Сегодня Усть-Цильма — это крупный центр старарообрядческого движения, где по сей день живы древние обычаи и обряды, костюмы конца XV в., рукописные и старопечатные книги, а также иконы, демонстрирующие высочайший уровень культуры староверов.

Помимо духовного наследия Усть-Цильма сохранила и свой внешний облик. Это касается в первую очередь деревянных построек XIX — начала XX в.

В экстремальных условиях Русского Севера сложился и местный классический стиль крестьянского дома, не встречающийся в центральных областях России. Плотницкое искусство на Севере было делом всенародным, именно поэтому традиционный северный крестьянский дом является сегодня наиболее ярким примером народной архитектуры без архитектора.

Громадные дома северной деревни — это воплощение родового строя и патриархального уклада. Под одной крышей в них жили вместе отцы и деды, сыновья и внуки — большая семья прочно была связана не только узами родства и традиционным уставом быта, но и одним общим хозяйством, земельным наделом и промысловыми угодьями, общим скотом, инвентарем и всем имуществом.

И сегодня мы еще можем увидеть в Усть-Цильме и ее окрестностях старинные двухэтажные здания, относящиеся к памятникам деревянного зодчества второй половины XIX — начала XX в., которые придают неповторимый облик нашему селу.

Усть-Цильма до 1929 г. входила в состав Архангельской губернии и с 1891 г. являлась (по указу архангельского губернатора Н.Д. Голицына, побывавшего в 1887 г. в Усть-Цильме) административным центром огромного Печорского уезда, который простирался от Урала до Северного Ледовитого океана. За несколько веков многие исследователи и путешественники, побывавшие на Печоре, описали внешний облик Усть-Цильмы.

Вот что писал О.М. Истомин, побывавший в Печорском краю летом 1890 г.:

«Красивый вид имеет это большое селение с Печоры: сильно раскинулось оно вдоль песчаного берега, широкой полосой отделяющего Усть-Цильму от реки. Три ряда домов, последовательно возвышаясь, как бы нашли себе приют и защиту под отлогою горой, поднимающейся за самым селением вдоль всей Усть-Цильмы. Красива эта гора, покрытая возделанными полями и кой где устроенными пряслами для просушки хлеба. Две церкви, православная и единоверческая, стоят в центре села, ручьем разделяется оно на два конца — верхний и нижний. Гора, как бы обогнув селение, по бокам его приближается к самому берегу Печоры; покрытая довольно значительным лесом на вершине и засеянными полями на скатах, у самого берега приютила она несколько деревушек, красиво расположенных и отделенных друг от друга лесистыми ложбинами, по которым стекают ручьи, многоводные весной и совершенно высыхающие летом.

При входе в селение прежде всего поражает обилие колодцев, длинные коромысла над которыми, с веревками или цепями, возвышаются чуть ли не у каждого двора. Расположение построек старинное, не плановое, но теперь замечается стремление придать ему стройный вид. Получилось уже две довольно правильные улицы с деревянными тротуарами около домов. Многие из домов отличаются старинной постройкой, почти все двухэтажные, большие, с крышею в два ската. Бедных лачужек самое ничтожное количество»¹.

Известный исследователь С.В. Мартынов в книге «Печорский край. Очерки природы и быта. Население, культура, промышленность» подробно описал устройство крестьянского дома: «Крестьянский дом на Печоре устроен так, что изба и скотный двор представляют собой одно и то же строение. Средний крестьянский дом есть двухэтажное деревянное здание с деревянной крышей, большого и меньшего размера, разделенное центральным коридором на две половины. В коридоре помещаются сени и кладовые. По одной стороне его находятся жилые помещения, по другую хлев для скота и поветь, служащая складом для орудий и корма. В обоих этажах устраивается по две комнаты; та, которая помещается в верхнем этаже, служит чистой половиной; внизу же одна комната служит кухней, другая горницей. В каждой комнате имеется по печке, стоит стол

и по стенкам тянутся лавки. У людей более зажиточных в кухне также лавки, а в горницах столы, стулья, деревянный диван, нередко зеркала. Стены очень любят украшать картинами, содержание которых совсем не разбирается — лишь бы это была картина. Но особенно любят украшать их образами, и очень часто из образов создаются целые иконостасы»².

Встречаем описание села Усть-Цильмы и в книге В. Ненарокова «Поездка на север России».

«Усть-Цильма, как и все деревни Мезенского уезда, в которых мне пришлось побывать, строилась без особого плана, мало обращалось внимания на правильное расположение изб для образования улиц, видимо, где и как кому казалось удобней. Все избы в два этажа, у верхнего этажа галерея, идущая вокруг всего дома. Ставни у окон раскрашены: по желтому фону зеленые цветы, у более зажиточных хозяев прибавлена красная кайма, навес у крыльца с резьбой. У каждого домовладельца два, три амбара, баня и флюгер, большую часть хвост глухаря, вклеенный в деревянную оправу»³.

Все вышеприведенные описания построек Усть-Цильмы говорят о существовании здесь традиционного северного дома — сначала курной избы на высоком подклете с сенями, далее двухэтажного дома — бруса, пятистенка и шестистенка, разделенных на две половины: жилую часть и поветь над хлевами.

Усть-Цильма за всю историю существования неоднократно подвергалась пожару, а в 1742 г. после пожара отстраивалась полностью и сегодня имеет уже уличную планировку (во всяком случае, по центральной Советской улице), а элементы свободной постройки сохраняются до сих пор по Набережной улице, которая тянется вдоль реки Печоры.

Даже теперь на старых улицах села преобладают старинные двухэтажные дома. Характерной особенностью является то, что расположены они довольно близко друг к другу. Объясняется это тем, что их хозяева на все лето уезжали за реку — за Печору — на пожни, где и занимались земледелием. На пожнях были тоже построены дома и помещения для скота. Выращивали рожь, жито (ячмень), репу (картофель был запрещен для употребления среди старообрядцев).

В самой Усть-Цильме возле каждого дома строились амбары, баня, колодец и конюшня. Огородов практически не было. Основными промыслами местных жителей были рыбная ловля и охота. Благодаря наличию заливных лугов было развито скотоводство, и скот держали не только для своих нужд, но и для торговли печорским маслом и мясом; поэтому во многих домах хозяйственные помещения (хлев и поветь) занимали значительную или большую часть здания. Амбаров, как правило, во дворе было несколько, как минимум два (мясной и рыбный).

Быт и уклад жизни, обилие леса определяли размер и форму крестьянского дома. Большую часть домов в Усть-Цильме и ее окрестностях составляют двухэтажные строения с объединенной под одной крышей жилой и хозяйственной частью. По типологии народного жилища они относятся к северно-русскому

комплексу. Передняя жилая часть избы соединена с хоздвором сенями. Хоздвор двухэтажный, в нижней части — помещения для скота, в верхней — для хранения сена и инвентаря. В нижнюю часть хозяйственного двора ведут ворота в стене, в верхнюю — бревенчатый настил — взвоз. Внутри все помещения дома сообщаются между собой, это в значительной степени обусловлено длинными суровыми и снежными зимами. Почти все дома рублены с остатком, есть дома, построенные целиком из лиственницы, или такие у которых из лиственницы положен окладной венец. Рубили дома с ноября по май. В лесу отбирали деревья, их окоряли на высоту человеческого роста и оставляли на корню на год. Доставляли деловой лес на лошадях — волоком (по реке не сплавляли).

У большинства домов фундаментом служат так называемые «деревянные стулья». Пол стелили двойной: черный и чистый (это в народе называлось «двуполка»). Черный пол обычно делали из второсортного пиломатериала, например из горбылей, чистый — из выструганных досок — половиц. Венцы дома собирали «на моху», т.е. пазы между бревнами прокладывали мхом. Крыши двухскатные, крыли тесом. На многих домах сохранились следы «куриц» и охлупней.

Многие постройки и элементы деревянной архитектуры до настоящего времени не сохранились. Так, например, не дошли до нашего времени старые волоковые окна в избах Усть-Цильмы. Крыльца домов практически все перестроены или обшиты и т.д. Топорный тес практически нигде не сохранился, можно увидеть только пиленый. Также не сохранились галереи, опоясывающие стены жилых домов на уровне второго этажа, о которых упоминал в своей книге Ненароков.

В самой Усть-Цильме и ее окрестностях сохранились дома нескольких типов:

- шестистенки двухэтажные и шестистенки с заулком;
- избы-двойни;
- пятистенки одноэтажные на высоком подклете;
- пятистенки двухэтажные;
- четырехстенки одноэтажные.

Шестистенки с заулком имеют вход с фасадной стороны, ведущий с улицы на первый этаж через заулочек. С одной стороны на первом этаже расположена жилая часть, с другой — холодная комната, которая используется как кладовая, далее широкие сени и три хлева (ул. Набережная, 76; дата постройки 1859 г.) .

Вход в жилые помещения второго этажа располагался в жилой комнате первого этажа у печки (по лестнице, через люк). На втором этаже располагались две жилые комнаты с печами и холодные сени между ними, из которых был выход на повесть.

Стены хоздвора возводились без прокладки мхом, поэтому были холодными.

Двухэтажный пятистенок постройки 1914 г. по адресу: ул. Советская, д. 47, в планировке своей является наиболее характерным среди сохранившихся домов этого типа и более ранних построек.

Пятистенки одноэтажные, как правило, строились на высоком подклете, часть домов имеют вход в подклет со сторон уличного фасада.

Резных украшений на домах Усть-Цильмы нет, есть лишь резные «помочи» — выпуски-кронштейны для поддержания двухскатной кровли. На некоторых сохранились даты постройки дома. Сохранились на нескольких домах росписи на подшиве.

Неотъемлемой частью крестьянской усадьбы в Усть-Цильме являются колодцы-журавли.

Результаты исследований руководителя Московской проектной архитектурно-реставрационной мастерской Ирины Семеновой, проведенных в Усть-Цильме в 1993 г., показали, что после пожара 1742 г. и переноса слободки на новое место развитие села шло сначала вдоль берега Печоры (современные улицы Набережная и Советская, бывшая Большая). Позже формировались улицы Батманова и Нагорная.

До наших дней дошла планировочная структура Усть-Цильмы в том виде, в котором она была представлена в исторических источниках к середине XIX в.

И. Семенова пришла к выводу, что постановка на государственную охрану наиболее ценной застройки и разработка охранных зон памятников Усть-Цильмы дает возможность сохранить облик одного из уникальных населенных пунктов Крайнего Севера, имеющего значение не только как историческое село, но и как объект этнологического наследия республиканского и даже федерального значения⁴.

Учитывая, что исследования и написание «Проекта зон охраны памятников с. Усть-Цильма Республики Коми» относится к 1993–1995 гг., многие деревянные здания приходят в упадок. Последнее время старые дома стали скупать для того, чтоб на их месте построить новые. И смотришь, то в одном конце села, то в другом, то в центре разбирают и распиливают большие двухэтажные дома. Конечно, это явление вполне закономерное и неотвратимое, всегда и везде старое уступает место новому; но с позиций сохранения культурного наследия мириться со сложившимся положением вещей нельзя.

Для сохранения и популяризации культурного наследия Усть-Цильмы, в том числе и архитектурного, с 2004 г. воплощается уникальный проект «Родовой дом», автором которого является представительница известного в Усть-Цильме рода Анхиных, ныне проживающая в Москве и возглавляющая московское представительство «Руси Печорской» Татьяна Вокуева. В тот же год была установлена первая мемориальная доска на родовом доме. С того времени открыто 10 родовых домов.

В Усть-Цильме ежегодно собираются представители одного местного рода. Встречи проходят в родовых домах. Участникам события вручается «Родовой паспорт», в котором обозначается история дома, его архитектурные особенности, вписываются имена основателей рода.

И хотя реализация проекта «Родовой дом» способствует сохранению крестьянской усадьбы в Усть-Цильме, этих мероприятий недостаточно для решения данной проблемы. Необходимы срочные и кардинальные меры по сохранению народной архитектуры одного из старинных и самобытных сел Европейского Севера России.

Примечания

¹ Истомина Ф.М. Предварительный отчет о поездке в Печорский край летом 1889 г. // Известия РГО. 1890. Т. XXVI. Вып. 6. С. 432–459.

² Мартынов С.В. Печорский край. Очерки природы и быта. Население, культура, промышленность. СПб., 1905.

³ Ненароков В. Поездка на Север России. СПб., 1863.

⁴ Семенова И.Г. Проект зон охраны памятников с. Усть-Цильмы Республики Коми // Фонды Усть-Цилемского историко-мемориального музея А.В. Журавского. КП-5929.

Участие кенозёр в староверческом движении начала XVIII века

В истории Кенозерской земли остается неизученным вопрос об отношении местного населения к церковной реформе середины XVII в., последствием которой явился церковный раскол. Рядовые члены Русской православной церкви, утратив доверие к церковноначалию, уходили из мира в пустынные места в надежде сохранить старую веру.

В районе, находящемся на севере от Кенозерья между Почозером и Кожозером, в начале XVIII в. существовало несколько тайных староверческих поселений. Впервые эти поселения были зафиксированы в переписной книге Каргопольского уезда 1718–1719 гг.¹ Но более пристальное внимание церковные и светские власти стали уделять этим поселениям после доношения судьи Новгородского разряда архимандрита Андроника о потаенных раскольниках в Каргопольском уезде от 19 сентября 1730 г. (доношение основано на показаниях крестьянина Ерофея Андреева)². На основании этих документов попытаемся выявить численность и происхождение жителей староверческих поселений в бассейнах рек Нетомы и Токши и очертить географический ареал районов, население которых поддерживало староверов.

В соответствии с переписью на черной земле Юрьегорского монастыря (так указано в переписной книге) в неопределенном месте (вероятно, в Янгорах) были зафиксированы четыре избы, из которых жилой была только одна, и в ней жили двое мужчин и одна женщина. Один из мужчин Илья Пентелиев сын Михалевых 65 лет (1654 г.р.) холост, родом из Толвуйского погоста Олонецкого уезда. Другой – Прокопий Лукин сын Козырев 40 лет (1679 г.р.) из Андомского погоста. С Ильей Пентелиевым проживала сестра девка Прасковья 46 лет (1673 г.р.). В пустой избе прежде жил ладожанин Никифор Емельянов, умерший в 1718 г., а в другой пустой избе – крестьянин Кенозерской волости Мирон Логинов, который незадолго до переписи в 1719 г. сошел в мир безвестно. В третьей пустой избе жил крестьянин Ошевенской слободы Иван Мамонов, вернувшийся в 1717 г. на свой деревенский участок³.

В местечке Кривой Пояс – пять жилых изб с населением 26 человек и три избы пустые, в которых жили 4 человека. Большинство кривопоясных жителей оказались выходцами из ближайших к поселению Кенозерской, Почезерской и Устьмошской волостей Каргопольского уезда и Корбозерской волости Пудожского погоста Олонецкого уезда. Из Кенозерской волости деревни Горбачевы были: Потапий Прохоров 70 лет (1649 г.р.), хромой на левую ногу, Семен Алексеев 40 лет (1679 г.р.), Афанасий Васильев 40 лет (1679 г.р.), Никифор Тимофеев 43 лет

(1676 г.р.) холостые. Из деревни Шелепины были: Степан Андреев сын Филатов 35 лет (1684 г.р.) и его жена Христина Фадеева дочь 35 лет (1684 г.р.). С ними проживал почезерец Никита Игнатъев сын Михневых 65 лет (1654 г.р.) с сыном Андреем 40 лет (1679 г.р.) и дочерью Прасковьей 30 лет (1689 г.р.), кривой на правый глаз. Из деревни Качаковы были: Дементий Иванов 42 лет (1677 г.р.), старец Макарий 70 лет (1649 г.р.) со своим сыном Иваном 38 лет (1681 г.р.), Сергей Леонтьев Подосенов 80 лет (1639 г.р.) с женой Евдокией Федоровой дочерью 80 лет (1639 г.р.) без детей, холостой Евстафий Никитин 63 лет (1656 г.р.). В одной избе проживали уроженцы Корбозерской волости старец Иов 75 лет (1644 г.р.) с сыном Иваном 40 лет (1679 г.р.) и кенозерцы Федор Таразанов 65 лет (1654 г.р.), вдов и увечен руками – сухорук, с сыном Никифором 35 лет (1684 г.р.). С ними жили выходцы из Пудожского погоста Силуян Иванов Звонков 43 лет (1676 г.р.) и его жена Акилина Леонтьева дочь 35 лет (1684 г.р.). В одной избе проживали ладожане Василий Никитин Никитиных 75 лет (1644 г.р.) с женой Меланьей Кириловой дочерью 74 лет (1645 г.р.), с холостым сыном Яковом 45 лет (1674 г.р.) и с устьмошанами Григорием Ивановым сыном Дюжаковым 50 лет (1669 г.р.) и его матерью вдовой Маремьяной Семеновой дочерью 75 лет (1644 г.р.). Две пустые избы принадлежали корбозерцам: умершей в 1718 г. нищей вдове Евдокии Федоровой дочери и сошедшему в мир в 1716 г. на свой деревенский участок Степану Никитину и его жене Агафье Клементьевой дочери. Третья пустая изба принадлежала давно умершему уроженцу Холмогор Марку Сергееву⁴.

В местности на реке Токше и у Великих Озер были записаны 4 пустые избы, все жители которых (5 человек), выходцы из Кенозерской волости Каргопольского уезда и Колодозерской волости Олонецкого уезда, а также двое без указания места происхождения, сошли в мир в 1716 и 1717 гг.⁵

Спустя 10 лет в 1729 г. в Янгорах был схвачен крестьянин-старообрядец, который на допросе в Духовном правлении в Каргополе поведал о поселениях в Кривом Поясе, Янгорах и на Порме. Крестьянин назвался Ерофеем Андреевым, выходцем из деревни Телицына Гора Кенозерской волости 20 лет от роду. Полугодовалым его и старшего брата Якова вывезли их родители Андрей Гаврилов и Анастасия Александрова в Янгоры и Кривой Пояс⁶. Из показаний Ерофея Андреева следует, что указанная местность вновь заселялась одновременно с землями на Чаженге и Порме, т.е. приблизительно в 1710 г.

За 10 лет, прошедшие между переписью 1719 г. и допросом 1729 г., в жизни поселений в Янгорах и Кривом Поясе произошли значительные перемены. Илья Пентелиев стал старостой в одной из деревень Янгорского поселения. С ним в 1729 г. проживали его брат Федор, как и Илья, холостой, и сестра девка Ирина, грамотная. Местом происхождения Пентелиевых в показаниях Ерофея Андреева указана Пудожская Гора. В деревне старосты Пентелиева оказались пудожане Силуян Иванов сын Звонков с женой Акилиной и родившимся сыном Борисом. Сюда перешли жить отмеченный переписью 1719 г. в Кривом Поясе

Потапий Прохоров из деревни Горбачевой с племянником Герасимом, другие кенозерцы: Остафий Никитин и, вероятно, его дети Федор Остафьев с братом Климом и сестрой Еленой, вдова Аксиныя, Яков Филатов, Петр и Иван Ивановы дети Кручинины, Федор Корга из Масельги, уроженцы Кенорецкой волости Андрей Васильев с женой, отцом Василием и дядей Иваном. Ладожане, отмеченные в переписи 1719 г. в Кривом Поясе, – Василий Никитин Никитиных по прозвищу Ладога с сыновьями Самсоном и Яковом и дочерью девкой Агафьей, Амос Андреев с сестрой девкой Федосьей. Выходцы из Водлозерской волости – Никита Войновых с женой Агафьей и четырьмя сыновьями. Из Белозерского уезда Ухотской волости – Федор Никифоров с женой Афимьей, дочерью Никиты Игнатьева Михневых (Кабанова), у них сын Еким. В их деревенской часовне все службы совершала грамотная сестра Ильи Пентелиева девка Ирина. Всего в этой деревне проживало 39 человек мирян и два старца Александр и Иона⁷.

Старец Александр оказался человеком неординарной судьбы. Он пострижник Соловецкого монастыря, один из организаторов поставок продовольствия в монастырь во время блокады его царскими войсками. До пострижения проживал в Москве, в Кадашевской слободе, его мирское имя — Алексей Иванов. За участие в московском восстании 1662 г., прозванном в народе «Медным бунтом», ему отрубили правую ногу и левую руку. Такому наказанию подверглись немногие особо активные бунтари, уличенные в этом на следствии⁸. В посвященных этому восстанию следственных документах, которые были опубликованы А.Н. Зерцаловым и В.И. Бугановым, среди казненных кадашевец Алексей Иванов не обнаружен⁹; но, как отметил Буганов, ряд сыскных дел не сохранился, поэтому можно с доверием отнестись к словам старца Александра¹⁰.

После «выздоровления», когда раны затянулись, Алексей Иванов принял постриг в Соловецком монастыре под именем Александра. Некоторое время он жил в больнице, а зимой 1674 г. попросил отпустить его в Анзерскую пустынь. Там в июле 1674 г. он и был арестован комиссией, посланной из Архангельска для выяснения благонадежности анзерских монахов¹¹. Вероятно, переход его из монастыря в пустынь был связан с тем, что в качестве защитника монастыря он был бесполезен, и вместе с тем в целях экономии провизии монастырское начальство стремилось избавиться от лишних едоков. Незадолго до приезда комиссии и ареста, как выходец из осажденной обители, старец Александр был доставлен из Анзерской пустыни на допрос к воеводе Мещерину. За ним 4 июня 1674 г. специально приезжал на остров сотник двинских стрельцов Бажен Кузьмин. На допросе он представил себя сторонником сдачи монастыря и тем самым вызвал доверие у воеводы. Его вернули в Анзерскую пустынь и оставили до государева указа¹². Анзерские старцы разделяли взгляды на церковную реформу участников Соловецкого восстания и тайно от властей занимались закупкой хлеба и другой провизии для Соловецкого монастыря с 1668 по 1674 г. После провала миссии Илариона, находясь под следствием и отвечая на вопросы представителей ко-

миссии, старец Александр сбросил маску покорности и выразил нежелание подчиниться властям. Из Архангельска, куда его доставили как «пущего заводчика», ему удалось бежать в Олонецкий уезд, в безлюдную местность, расположенную в верховьях реки Выг. Старец Александр проживал в Гавушезерском ските, где обустроивал Никольскую часовню, пожертвовав средства на приобретение колоколов¹³. Позднее он жил в Кукомосозерском ските¹⁴, потом с 1722 г. в Нельмозерском¹⁵, а оттуда переселился в Каргопольский уезд, в Янгоры, где умер в 1730-х гг.¹⁶

В другой деревне, где насчитывалось 59 жителей, тоже была часовня со старцем Иовом Матарыгой, отмеченным переписью 1719 г. в Кривом Поясе, при ней. С ним проживали его бывшая жена и одна из дочерей (старицы) и сыновья Иван, Стефан и Автамон. Ерофей Андреев взял себе в жены уроженку Каргопольского уезда Турчасовского стана деревни Фехтолимы Матрену Стефанову дочь, у них родились два сына – Фома (вскоре умер) и Матфей. На ее сестре Прасковье Стефановой женился сын старца Иова Матарыги Автаном, у них родилось трое детей: сын Савин и две дочери. Брат Ерофея Яков Андреев по прозвищу Ляпун в 1723 г. женился на второй дочери старца Иова Христине, у них родились сын Макара и дочь Анфимья. Кенозерец из деревни Качаковы Дементий Иванов женился на сестре Ерофея и Якова Андреевых Татьяне. В той же деревне проживали кенозерцы Федор Силуянов Таразанов с сыновьями Никифором и Тихоном, старший из которых Никифор женился на уроженке Почезерской волости Прасковье Никитиной дочери, у них родились две девочки. Отец Прасковьи Никита Игнатъев Михнев по прозвищу Кабанов жил с сыновьями Андреем и Иваном. Последний был женат на уроженке Ухотской волости Белозерского уезда Анне Козминой и имел сына и дочь. Андрей Никитин женился на третьей дочери Иова Матарыги Прасковье, у них родилось три сына и две дочери. Водлозерец Артемий Сидоров женился на уроженке Кенозерской волости Меланье Никитиной дочери Пялозеровой, у них родились сын Иван и две дочери. Сын Никиты Пялозерова Иван женился на четвертой дочери Иова Матарыги Варваре. У них родилось три дочери (две вскоре умерли) и сын Федор. Кенозерец Семен Алексеев по прозвищу Синица из деревни Горбачевы женился на вдове, имя которой не названо, у них родилось два сына. Они проживали в одной избе с холостым братом Семена Алексеева Стефаном, а также с холостяком Афанасием Васильевым. Все перечисленные браки заключались без венчания, имена младенцам давал старец Иов, возможно, он же говорил очистительные молитвы родильницам.

Сравнительный анализ сведений за 1719 и 1729 гг. позволяет проследить динамику развития поселений в бассейне рек Токши и Нетомы и установить происхождение их жителей. В 1719 г. поселения с учетом выбывших (умерших и переселившихся на другое место) насчитывали 41 человека мужчин и женщин. Из Олонецкого уезда происходили 11 человек (6 из них были из ближайших к поселениям Корбозерской и Колодозерской волостей). Из Каргопольского уезда,

на территории которого располагались поселения, происходили 23 человека, причем большинство (17 человек) из Кенозерской волости и 3 человека из ближайшей Почезерской волости. Из Ладожского уезда происходили 4 поселенца и 1 из Двинского уезда. О происхождении двух поселенцев, выбывших в 1716 г., сведений не было указано. В 1729 г. в двух деревнях насчитывалось 100 жителей обоего пола. Из общего числа выделяются монашествующие: две старицы и три старца. География происхождения поселенцев практически не изменилась. Из Олонецкого уезда вышли 11 человек (9 из Корбозерской волости). Из Каргопольского уезда происходили 44 человека (26 из Кенозерской, 5 из Почезерской, 4 из Кенорецкой и 7 из Водлозерской волостей).

Как следует из показаний Ерофея Андреева, обе деревни имели тесные родственные связи. У семейных жителей за 10 лет родилось 24 ребенка. В обеих деревнях преобладали выходцы из Кенозерской волости как в 1719, так и в 1729 г. Поселение Ильи Пентелиева, о котором Ерофей Андреев сказал, что оно даниловского толка, было тесно связано с Выговским общежитием и, вероятно, являлось одним из его скитов. При переписи выговского суземка в 1723 г. были отмечены старцы Александр (1643 г.р.) и Иона (1656 г.р.). Старец Александр тогда проживал у Нельмозера, а Иона – у Гавушозера¹⁷. Иона происходил из крестьян деревни Мечевской Пудожского погоста, принял постриг от соловецкого иеромонаха Пафнутия в 1703 г.¹⁸ В материалах второй ревизии содержится информация о смерти этих старцев: Александр умер в 1739 г., а Иона – в 1723 г.¹⁹ Следовательно, в показаниях Ерофея Андреева речь шла о другом старце Ионе, а старец Александр в 1729 г. оказался в Янгорском поселении. О поселениях Ильи Пентелиева и старца Иова Матарыги, а также о них самих в материалах первой и второй ревизий не содержится никаких сведений.

Показания крестьянина Ерофея Андреева легли в основу упоминавшегося выше доношения архимандрита Андроника. В доношении приводится любопытная информация о почитании старообрядцами мест, где произошли самосожжения. Когда такие места зарастали лесом, их обносили оградами и называли «погорелками». «Погорелки» по сообщению архимандрита Андроника имелись в Янгорах, в Кривом Поясе и на Порме²⁰. «Синодик Выгорецкий» сообщает только о «погорелке» на Порме, где сгорело 50 человек²¹.

Представители ближайших к Янгорам православных приходов – священники Кенозерской и Почезерской волостей два Ивана Ивановых и Андриян Иванов, по словам Ерофея Андреева, вымогали у старообрядцев деньги и закрывали глаза на их существование. Переписные книги Каргопольского уезда за 1712–1713 и 1718–1719 гг. дают подробную информацию о составе семей этих священников и позволяют установить, кого именно имел в виду в своих показаниях Ерофей. В 1713 г. в Кенозерской волости на погосте жили священники Успенской церкви братья Иван Иванов Большой (1678 г.р.) и Иван Иванов Меньший (1680 г.р.) со своими семьями. У Ивана Большого дети: Андрян (1698 г.р.),

Федор (1710 г.р.) и две дочери. У Ивана Меньшого дети: Иван (1708 г.р.), Михаил (1711 г.р.) и три дочери. В Почезерской волости на погосте жил священник церкви Происхождения Честнаго Креста Господня Иван Алексеев (1653 г.р.), у него сын Иван (1678 г.р.) – тоже священник. У Ивана Иванова дети: Алексей (1702 г.р.), Федор (1711 г.р.) и дочь²². Иван Большой в переписи 1718–1719 гг. отсутствует, а его сын Андриян выступает в роли священника²³. По всей видимости, названные Ерофеем попы Иван и Андриян Ивановы – дядя и племянник из Кенозерской волости, а еще один Иван Иванов – из Почезерской волости.

Таким образом, кенозёры не остались в стороне от охватившего все Российское государство староверческого движения. В кенозерских деревнях Качакова, Горбачева, Шелепина, Телицына Гора крестьяне сохранили сочувственное отношение к старой вере, поддерживали староверов, ушедших в тайные поселения, и сами уходили из мира.

Староверческие поселения в Кривом Поясе, Янгорах, в междуречье Нетомы и Токши могли долго существовать благодаря родственным и соседским связям с жителями окрестных волостей, а также благодаря попустительству местных властей, как светских, так и духовных. Только в 1837 г. в Янгорах по решению епархиального начальства был открыт православный Кривопоясно-Янгорский приход и учрежден причт, а в 1840 г. построена Введенская церковь²⁴. Староверческая моленная православным причтом была приспособлена под домовые службы²⁵. Деревни, основанные староверами как тайные убежища, стали обычными черносошными деревнями с формально православным населением.

Примечания

¹ РГАДА. Ф. 350 (Ландратские книги и ревизские сказки). Оп. 1. Д. 169. Л. 1024–1026 об.

² Описание документов и дел, хранящихся в архиве святейшего правительствующего Синода. СПб., 1910. Т. X. С. 630–632. Более полная информация о поселениях содержится в Государственном архиве Новгородской области (далее ГАО). Ф. 480 (Новгородская духовная консистория). Оп. 1. Св. 12. Д. 240. Л. 3 об. – 7 (Опубликовано: Старицын А.Н. Староверческие поселения в окрестностях Диодоро-Юрьевогорского монастыря // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. Петрозаводск, 2014. № 3 (140). С. 21–22).

³ РГАДА. Ф. 350 (Ландратские книги и ревизские сказки). Оп. 1. Д. 169. Л. 1024.

⁴ Там же. Л. 1024 об. – 1026.

⁵ Там же. Л. 1026 – 1026 об.

⁶ Описание документов и дел... С. 630.

⁷ Там же. С. 631.

⁸ Буганов В.И. Московское восстание 1662 г. М., 1964. С. 113.

⁹ Зерцалов А.Н. О мятежах в городе Москве и в селе Коломенском в 1648, 1662 и 1771 гг. // Чтения в Обществе истории и древностей российских (далее ЧО-

ИДР). 1890 год. М., 1890. Кн. III, разд. I: Материалы исторические. С. 1–440; Восстание 1662 г. в Москве: сб. документов / сост. В.И. Буганов. М., 1964.

¹⁰ Буганов В.И. Указ. соч. С. 15–16.

¹¹ Акты, относящиеся к истории Соловецкого бунта // ЧОИДР. 1883 год. М., 1884. Кн. IV, разд. V: Смесь. С. 84–85.

¹² Там же. С. 58.

¹³ Описание документов и дел, хранящихся в архиве святейшего правительствующего Синода. СПб., 1883. Т. VI. С. 394.

¹⁴ ГАНО. Ф. 480 (Новгородская духовная консистория). Оп. 1. Д. 528. Л. 15 об.

¹⁵ РГАДА. Ф. 350 (Ландратские книги и ревизские сазки). Оп. 2. Д. 2367. Л. 1263 об.

¹⁶ ГАНО. Ф. 480 (Новгородская духовная консистория). Оп. 1. Св. 12. Д. 240. Л. 5 об.; Д. 528. Л. 15 об.

¹⁷ РГАДА. Ф. 350 (Ландратские книги и ревизские сказки). Оп. 2. Д. 2367. Л. 1263 об.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же. Д. 2383. Л. 11–11 об.

²⁰ Описание документов и дел, хранящихся в архиве святейшего правительствующего Синода. СПб., 1910. Т. X. С. 632.

²¹ Отдел рукописей Российской государственной библиотеки. Ф. 178 (Музейное собрание). Д. 698. Л. 188.

²² РГАДА. Ф. 350 (Ландратские книги и ревизские сказки). Оп. 1. Д. 167. Л. 294, 302 об.

²³ Там же. Л. 467.

²⁴ Отдел письменных источников Государственного исторического музея. Ф. 450 (Собрание Е.В. Барсова). Оп. 1. Д. 698. Л. 29.

²⁵ Там же. Д. 704. Л. 35.

А.М. Шептунов
(г. Архангельск)

**Последние кенозерские духовные стихи.
Анализ результатов фольклорных экспедиций
Пушкинского Дома 1987–1988 годов**

Памяти А.Ю. Кастрова посвящается

Экспедиции научного сотрудника фонограммархива Института русской литературы РАН (Пушкинского Дома) Александра Юрьевича Кастрова (см. иллюстрацию) в Плесецкий район Архангельской области, состоявшиеся в августе — сентябре 1987 года и июле 1988 года, занимают особое место в истории собирания духовных стихов Кенозерья. Собранный исследователем во время их проведения материал интересен и важен тем, что является, по сути, последним значительным корпусом духовных стихов местной традиции, «последним урожаем» кенозерских духовных стихов — если позволительно сравнивать полевую работу фольклориста-собиравателя с трудом хлебороба, собирающего урожай в поле.

Помимо звуковой фиксации собственно произведений данного жанра (а А.Ю. Кастрова, надо отдать ему должное, интересовали не только собственно тексты духовного эпоса) Кастровым был зафиксирован обширный этнографический материал, касающийся исполнителей духовных стихов, а также истории бытования последних в Кенозерье. Таким образом, ученого, помимо удовлетворения его прямых научных интересов как этномузыколога, занимала, в широком смысле этого слова, феноменология явления — социальная среда носителей и исполнителей духовного эпоса, нищих бродяг, условия и форма исполнения духовных стихов, а также понимание специфики жанра духовного эпоса самими носителями традиции. В своей статье¹, написанной по итогам кенозерской экспедиции, Кастров, в частности, анализирует свойственную местной традиции практику группового, или артельного, исполнения эпоса.

К большому сожалению, после ухода в 2010 году А.Ю. Кастрова из жизни немалая часть его экспедиционных записей осталась нерасшифрованной, не включенной в полной мере в научный оборот. Относится это, в том числе, и к кенозерским записям выдающегося ученого-собиравателя. В нашей работе мы коснемся сюжетного состава духовных стихов, зафиксированных Александром Кастровым в живом бытовании на Кенозере в 1987–1988 годах, а также сравним его с данными предыдущих экспедиций. В процессе исследования мы опирались на реестр экспедиционных записей и аудиоматериалы кенозерских экспедиций А.Ю. Кастрова, любезно переданные фонограммархивом Пушкинского Дома Кенозерскому национальному парку для подготовки экспозиции музея эпического наследия «В Начале было Слово» в деревне Шишкина Плесецкого района Архан-

© Шептунов А.М., 2016

гельской области. За такую возможность мы благодарим руководство Пушкинского Дома, коллег А.Ю. Кастрова, а также заместителя директора Кенозерского национального парка по науке М.Н. Мелютину.

История фиксации традиции исполнения духовных стихов в кенозерском культурном ареале ведет свое начало с середины XIX века благодаря деятельности таких выдающихся собирателей, как П.Н. Рыбников и А.Ф. Гильфердинг. Справедливости ради отметим, что обоих исследователей гораздо больше интересовал героический эпос. Тем не менее, их свидетельства о бытовании на территории духовных стихов остаются для нас крайне важными.

По-настоящему значительные результаты в этом направлении были получены тремя экспедициями, по результатам которых мы и можем последовательно проследить трансформацию жанра духовного эпоса в местной традиции. Первое полноценное открытие и фиксация традиции исполнения духовных стихов на Кенозере является заслугой экспедиции Государственной академии художественных наук под руководством Б.М. и Ю.М. Соколовых. Они работали в Кенозерье в июле 1927 года, результатом чего стала запись уникальной коллекции местных духовных стихов — жанра, фактически проигнорированного их предшественниками. Было записано 33 (с вариантами — 34) текста духовных стихов, в основной своей массе — достаточно полные. Тогда на Кенозере было зафиксировано бытование 20 сюжетов, два из которых, как отметила В.А. Бахтина², чьими трудами огромные архивы экспедиции были опубликованы³, являются уникальными.

Вторым плодотворным этапом фиксации духовных стихов Кенозерья стали экспедиции специалистов кафедры фольклора МГУ им. М.В. Ломоносова, состоявшиеся в 1958–1960 и 1962 годах. Участники экспедиции, в числе которых был, в частности, Ю.И. Смирнов, отметили угасание былинной традиции, но обнаружили все еще широкое бытование духовных стихов, которые демонстрировали более высокую устойчивость по отношению к современным культурным реалиям⁴. К сожалению, мы не располагаем полным реестром записанных в эти полевые сезоны духовных стихов, однако можем судить об актуальности произведений данного жанра в те годы на данной территории по публикациям в различных источниках отдельных текстов и аудиоматериалам, переданным архивом кафедры устного народного творчества филологического факультета МГУ научному архиву Кенозерского парка.

Экспедиции А.Ю. Кастрова 1987–1988 годов стали последней действительно результативной попыткой фиксации духовных стихов в Кенозерье. На это были объективные причины: именно вторая половина 80-х годов во многом стала переломным временем для местной эпической традиции. Поколение, помнившее времена живого бытования духовного эпоса и крестьянской культуры в своих естественных формах, стремительно и безвозвратно уходило, что сказалось на репертуаре исполнителей, с которыми работали последующие экспедиции и исследователи.

Начиная с 21 августа 1987 года Кастров последовательно работал в кенозерских деревнях *Вершинино* (21–25.08, 5.09), где первой его информанткой стала выдающаяся местная исполнительница Матрена Лоскутова, *Горы* (23.08), *Погост* (25.08, 27.08, 5.09), *Телицына* (26.08), *Семеново* (28–29.08), *Сысова* (31.08–1.09), *Спицына* (31.08–1.09), *Глазово* (2.09), *Ершово* (2.09), *Федосова* (3.09), а также в поселке *Усть-Поча* (8–10.09). Вернувшись на Кенозеро через год, в июле 1988 года, исследователь начал свою работу с деревни *Першлахта* (1–3.07) и завершил в *Поромском* (4–5.07).

Необходимо отметить, что задачей экспедиций была комплексная фиксация музыкальных форм кенозерского эпоса. Кастрова, как этномузыколога, интересовали эпические напевы, а также характер исполнения былин и духовных стихов на Кенозере. Констатируя явное и неизбежное угасание местной эпической традиции, А.Ю. Кастров, тем не менее, записал наряду с богатым песенным репертуаром немало прозаических пересказов былин и фактически последних исполнителей духовных стихов, среди которых были потомки известных династий кенозерских сказителей. Собирателем отмечено, что особенностью Кенозерья являлось нередкое исполнение былин и духовных стихов дуэтом (чаще всего семейным) или даже полупрофессиональным ансамблем-артелью. «Факт широкого распространения артельного сказительства объясняет отмеченную А.Ф. Гильфердингом продуктивность местной традиции, обеспечившей сохранность многих эпических образцов вплоть до настоящего времени», — делает вывод Кастров⁵. Исследователем также была подтверждена мысль Ю.И. Смирнова о том, что духовные стихи в регионе сохраняли свою актуальность среди исполнителей и полноту текстов дольше, чем былины. А.Ю. Кастровым, помимо собственно текстов духовных стихов и былин, среди которых присутствует редкая старина «Птицы на море», собрано немало этнографических сведений, касающихся традиционной среды бытования кенозерского былинного и духовного эпоса, а именно быта нищих «калик», исполнявших духовные стихи на местных ярмарках и съезжих праздниках.

Материалы экспедиции до сих пор полностью не опубликованы. Однако из реестра записей, сделанных А.Ю. Кастровым в Кенозерье, мы можем получить представление о сюжетном составе записанных экспедицией духовных стихов. Представим его в виде составленной нами таблицы.

№	Сюжет	Число текстов	Сказитель, место записи
1	«Мучения Егория»	1	Анастасия Петровна Сидорова, д. Спицына
2	«Егорий и Олисафия» («Егорий и Змей»)	3	Агафья Александровна Артемьева, д. Погост; Анастасия Петровна Сидорова, д. Спицына; Лукерья Николаевна Шишкина, д. Федосова
3	«Алексей, человек Божий»	2	Лукерья Николаевна Шишкина, д. Федосова; Анна Федоровна Сивцева, д. Першлахта

№	Сюжет	Число текстов	Сказитель, место записи
4	«Пустынный и Пятница»	3	Матрена Васильевна Лоскутова, д. Вершинино; Ульяна Никитична Нифонтова, д. Семеново; Елизавета Яковлевна Репина, п. Усть-Поча
5	«Михайло Архангел»	1	Анна Андреевна Поршнева, д. Вершинино
6	«Все-те людошки живут, да как цветы цветут»	2	Агафья Александровна Артемьева, д. Погост; Елизавета Яковлевна Репина, п. Усть-Поча
7	«Умоляла ведь мать родная да свое милое дитя...» (у Кастрова помечен как псалма)	1	Настасья Степановна Старицына, д. Першлахта
8	[Воскресный] Сон Богородицы»	1	Анастасия Петровна Сидорова, д. Спицына

Таким образом, в двух экспедициях Кастровым на Кенозере было записано 14 текстов духовных стихов (напомним, экспедицией Б.М.и Ю.М. Соколовых в 1927 году записано 33 текста) от 9 исполнительниц. За время, прошедшее с экспедиции Соколовых (а этот своеобразный «временной шаг» составил ровно 50 лет), количество зафиксированных, бытующих на территории сюжетов уменьшилось более чем в два раза — с 20 в 1927 году, до 8 в 1987–1988. Со времен работы экспедиции Соколовых на Кенозере к этому времени сохранилось бытование лишь пяти стихов: излюбленные местные сюжеты «Мучения Егория» и «Егорий и Змей», «Алексей Человек Божий», «Пустынный и Пятница» (Кастровым записано три текста), «Сон Богородицы». При этом Кастрову удалось записать три сюжета, которые не встретились на Кенозере экспедиции Соколовых: «старший» стих «Михайло Архангел», а также поздние стихи «Все-то люди живут, как цветы цветут» и псалму «Умоляла мать родная».

Обращает на себя внимание и тот факт, что последними носительницами культуры исполнения кенозерских духовных стихов являются женщины. За время обеих экспедиций А.Ю. Кастрова исполнение произведений эпического жанра были записаны лишь от одного мужчины, 84-летнего Григория Дмитриевича Сивцева на Поромском острове. Наследник знаменитой местной династии сказителей исполнил исследователю очень подробный, спетый «на голос» с сохранением четкого повторяющегося мотива вариант старины «Соломан» («Таракашка») и еще более масштабный текст, сказку про Бову-королевича. Собственно духовных стихов исполнитель не знал, однако сообщил об их популярности на Кенозере в прошлые годы. Также Г.Д. Сивцев вспомнил, что у его отца имелся рукописный сборник подобных произведений, которые тот «записывал со своего ума», и как-то самого Григория Дмитриевича в пору его молодости не интересовали. «У него тогда было назаписывано писен, да назаписывано статей. Когда я это все, как говорится, стал признавать, дак у его ниче и не стало». Исполнитель рассказал собирателю о характере бытования эпической поэзии, в частности, о том, что старины и статьи исполнялись за работой, мужчинами и женщинами, например за плетением сетей.

Анна Федоровна Сивцева из Першлахты в беседе с А.Ю. Кастровым вспомнила о своем соседе, сказителе Егоре Андреевиче Сивцеве, который «тоже все стихи пел. Даже его сюды привозили, потом незавидел, дак». На вопрос собирателя о том, были ли исполнители стихов приверженцами старой веры, А.Ф. Сивцева ответила, что эти явления не имеют обязательной связи. «На Кене старове-ры были, а у нас не было по Кенозеру староверов. Не было». Информантка также указывает на глубокую укорененность духовного эпоса на местной почве. По ее словам, память о наиболее талантливых сказителях передавалась в семье из поколения в поколение. Так, ее дед по отцу, Тимофей Иванович Сивцев, как вспоминала ее мама, хорошо пел стихи, «все знал». «Поет, как река течет», — такую яркую характеристику со слов матери приводит А.Ф. Сивцева, описывая талант эпического сказительства своего деда. При этом, по ее словам, стихи он исполнял, в том числе, дуэтом с женой, «больше с бабушкой, на обои». «Мама все вспоминала: иногда дети не спя, дак нать бы засыпить. А оны, говорит, как возьмутся пить (петь. — А.Ш.) — да думаешь: хоть бы уж покинули!» — вспоминает А.Ф. Сивцева рассказы своей матери. Собственно текстов стихов информантка не вспомнила, однако рассказала о бытовании на Кенозере сюжета о «Егории Храбром Победоносце». На вопрос о различиях между жанрами былины и духовного стиха она ответила собирателю: «Старина да стих — будто не одно и то же?!»

Общий упадок эпических жанров в конце 80-х годов стал причиной не только малой сохранности текстов духовных стихов и сокращения числа их исполнителей, зафиксированных А.Ю. Кастровым, но и «кризиса формы», фактическим уходом из живого бытования пения их «на голос». Большинство стихов были исполнены собирателю кенозёрами в манере напевной декламации или просто в пересказе. Лишь две исполнительницы могли по-настоящему спеть эпические произведения. Тем не менее, среди информантов были действительно выдающиеся исполнители.

В частности, Александру Кастрову посчастливилось работать с жительницей Вершинино Матреной Лоскутовой, которую можно без преувеличения назвать одной из самых ярких исполнительниц песенного фольклора Кенозерья своего времени. Матрена Васильевна была невесткой известного местного сказителя Петра Семеновича Лоскутова, уроженца Вершинино, впоследствии жителя хутора Щенниково. Сама она была девятым ребенком в большой семье, в которой было 10 детей: 6 сестер и 4 брата. Пению, в том числе и исполнению духовных стихов, научилась от матери, которая умерла, когда Матрене было 20 лет.

Примечательно, что ранее, в июне 1982 года с Матреной Васильевной работала экспедиция Архангельского государственного педагогического института им. М.В. Ломоносова. Аудиоархив экспедиции был впоследствии передан Кенозерскому национальному парку ее участницей, руководителем Центра изучения традиционной культуры Европейского Севера Северного (Арктического) федерального университета профессором Н.В. Дранниковой. Участникам экспеди-

ции 1982 года, несмотря на кропотливую работу, духовных стихов на Кенозере записать не удалось, в том числе и от М.В. Лоскутовой. Однако среди записей экспедиции Кастрова голос Матрены Васильевны выделяется среди голосов остальных местных исполнителей своей яркостью, удивительными интонациями и особым отношением к слову.

Пять лет спустя, в 1987 году, А.Ю. Кастрову удалось записать от Лоскутовой достаточно полный вариант духовного стиха «Пустынный и Пятница», а также несколько великолепных баллад, в которых содержатся явные отсылки к традиции исполнения духовных стихов. Так, в исполненной ею на магнитофон эпической балладе «Братья-разбойники и сестра» обнаруживается «беглый герой» духовных стихов — Олисафия, имя которой встречается во многих северных вариантах духовного стиха «Егорий и Змей» как имя спасенной Егорием от морского чудовища царской дочери. В подавляющем большинстве известных науке вариантов баллады «одинака дочь» и сестра девяти братьев-разбойников, напротив, не имеет своего имени. Вариант баллады с именем Олисафия записывался ранее лишь на Пудожье экспедицией братьев Соколовых⁶. Кастров записал от Лоскутовой два варианта баллады (второй оказался более полным), при этом имя Олисафия уверенно звучало в обоих вариантах. Как отмечала еще А.М. Астахова, исполнители Заонежья и Поморья часто причисляют балладу о братьях-разбойниках к «стихам» и исполняют ее на близкие им напевы.

По словам Матрены Васильевны, многие эпические песни она переняла не только от матери, но и от нищих, которые часто жили в их доме, а также приходили на Благовещенскую ярмарку (7 апреля) в кенозерскую деревню Погост. Ярмарка, по ее воспоминаниям, длилась здесь 3–4 дня, гости на нее приезжали со всего Кенозерья, а также из Каргополя, Няндомы и Пудожя. М.В. Лоскутова многое рассказала собирателю о традиции бытования духовных стихов на Кенозере, в том числе о парном (артельном) исполнении. В частности, она отметила, что духовные стихи исполняли лишь люди в возрасте и старики, а также связала популярность духовных стихов с распространением традиционных форм нищенства, которые в советское время получили «второе дыхание» благодаря, в том числе, росту заброшенных деревень («более 30 деревен вокруг озера закрыли, уже при моей памяти, как власть сменили»).

«Там у нас есть горка, Бухалова, там нищи все ходили, Макаром звать старика, со старухой, всё ходили кормились. Придут в избу да попоют у старых-то людей. А дети-то слушают. Мы тут и слушаем, и вертимсе, — вспоминала М.В. Лоскутова. — Нищие — здешние уроженцы, мноо-ого ходило. Я запомнила: у нас ночи не пройдет, чтобы в нашем хозяйстве не ночевал нищий кто-нибудь. Отовсюль. Это наши кругом, да приходили с Маселги нищие, жили, к Лекшмозеру там деревня... Придут, кормятся, милостыню спросят. Мылостыньку дают — насобирают кусочков, выпросятся ночевать. Так и росли, некоторые молодые, ходили, помню, с Маселги ходил один, Иван Николаевич Батов, так здоровый, а ходил все

кормился — хозяйства нету. Сиротой там остался, и вот он все с корзиной. Так до смерти проходит, сиротой... А стихи пели когда в избу зайдут за милостыней. Седут и поют. Вот я эту любила, дак и запомнила, что у царя да у царицы было 33 дочери...» (М.В. Лоскутова имеет в виду балладу «Василий и Софья», которую также прекрасно исполняла сама).

Александр Кастров стал последним исследователем-фольклористом, работавшим с этой талантливой исполнительницей. Матрена Лоскутова ушла из жизни в 1988 году.

От Агафьи Александровны Артемьевой исследователем был записан подробный прозаический пересказ «Егория», во время которого сказительница, словно стыдясь своей плохой памяти, не менее десятка раз настойчиво повторяла А.Ю. Кастрову, что в оригинале все это пелось. По особенностям сюжета пересказ в целом соответствует сюжетным вариантам стиха, записанным на Кенозере в 1927 году, а также учеными МГУ в 1950–1960-х годах.

Еще одной удачей собирателя стала запись духовного стиха «Мучения Егория» в деревне Спицыно от Анастасии Петровны Сидоровой (1906 г.р.). Часть своего репертуара, она, по собственному признанию, усвоила в молодости от нищих на той же Благовещенской ярмарке в деревне Погост. «Калики», по ее воспоминаниям, размещались непосредственно возле торговых рядов, как правило, парами, старик и старуха, исполняли стихи за вознаграждение в виде денег или хлеба («кто денег даст, кто хлеба, кто булку французскую»). Кастрову удалось записать достаточно полный вариант стиха, исполненный в манере мелодекламации. Последнее обстоятельство позволило исследователю проанализировать напев этого произведения и включить его анализ в статью «Кенозерские эпические напевы. Материалы и комментарии»⁷. От Сидоровой также был записан стих «Воскресный сон Богородицы» (в реестре Кастрова манера его исполнения указана как «напевная мелодекламация»). Исполнению Анастасии Сидоровой была свойственна особая музыкальность. Несмотря на возраст (а на момент записи ей был 81 год), исполнительница обладала сильным голосом и великолепным слухом, благодаря чему ее пение духовного стиха оказалось наиболее убедительным и полноценным именно в музыкальном плане среди всех остальных стихов, записанных Кастровым на Кенозере в 1987 году.

В свой следующий приезд на Кенозеро в 1988 году Александр Кастров записал от Анны Федоровны Сивцевой в деревне Першлахте песенное исполнение духовного стиха «Алексей человек Божий». Стоит отметить, что этот сюжет, наравне с «Егорием и Змеем» принадлежал в 1927 году к числу самых популярных на Кенозере: братья Соколовы записали его варианты от пяти сказителей. Кастрову удалось записать лишь небольшой начальный отрывок стиха, оставшийся в памяти исполнительницы:

У великого у князя Ифимьяни
Не было ни сына ни дощери.
Стал князь в Божескую церьков ходити,
От желанья Свята Истинна просити.
Дай мне-ка, Господи, отраду...
Княгиня евонна поступала,
Младенцу имя нарекала,
Нарекали Олексий человек Божий.
Стало Олексию шесть лет,
Захотел у князю грамоту учити,
Ему, свету, грамота даласи.
Стало Олексию восемнадцать лет,
Захотелось [исполнительница сомневается. — А.Ш.] ему обжаниги.
Ему, свету, жонитьсе не хотелось,
Отця-мать розгневить не захотелось...

Как видим, вариант является достаточно традиционным, хотя и с явными смысловыми пропусками между эпизодами, описывающими детство и юность героя, отчего текст выглядит не слишком логичным. Сама исполнительница не уверена в правильном согласовании сюжетных элементов, и завершает исполнение, ощущая его несовершенство, посмеиваясь над собой.

Кастровым зафиксированы бытование в Кенозерье (деревни Погост и Усть-Поча) духовного стиха «Все-те людюшки живут, да как цветы цветут...» (в сборнике П. Бессонова «Калеки перехожие» ему соответствуют № 492, 520, 669, 670, 673). Стих достаточно распространен в Поонежье и Карелии. Кастровым записано два варианта этого лиро-эпического текста, который явно принадлежит к числу стихов, исполняемых в старообрядческой среде. Примечательно, однако, что собиратель определил данный текст в реестре как лирическую песню.

Подводя итог, отметим, что записанный А.Ю. Кастровым материал стал итоговым срезом традиции исполнения духовных стихов в Кенозерье, где присутствовали основные сюжеты, зафиксированные на данной территории более ранними исследователями. Ничего подобного после него записать здесь не удалось: живое бытование духовного эпоса безвозвратно ушло вместе с поколением его последних носителей. Более поздние фольклорные экспедиции фиксировали здесь лишь остатки бытования «Сна Богородицы», сюжета пограничного, совмещающего в себе признаки различных жанров — и то в основном в виде рукописных списков. Именно Кастрову принадлежит и наиболее серьезная попытка музыковедческого осмысления поздней традиции исполнения эпических произведений в Кенозерье. Все это снова и снова подчеркивает весомость научного вклада А.Ю. Кастрова в дело изучения эпической традиции этих мест.

Примечания

¹ Кастров А.Ю. Кенозерские эпические напевы: материалы и комментарии // Русский фольклор. Т. 28: Эпические традиции: материалы и исследования. СПб., 1995. С. 349–361.

² Бахтина В.А. Стихи Кенозерья (по материалам экспедиции Б.М. и Ю.М. Соколовых, 1926–1928 гг. «По следам Рыбникова и Гильфердинга») // Кенозерские чтения — 2011: Человек и среда: гармония и противоречия. Архангельск, 2012.

³ Неизданные материалы экспедиции Б.М. и Ю.М. Соколовых 1926–1928 гг.: в 2 т. / под ред. В.А. Бахтиной. М.: Изд-во ИМЛИ РАН, 2011.

⁴ Смирнов Ю.И. Видеоинтервью А.М. Шептунову, записанное 27 мая 2014 года в ИМЛ РАН (г. Москва) в рамках работы по подготовке экспозиции музея эпического наследия Кенозерья «В Начале было Слово» // Видеоархив Кенозерского национального парка.

⁵ Кастров А.Ю. Указ. соч. С. 350.

⁶ Неизданные материалы экспедиции Б.М. и Ю.М. Соколовых 1926–1928 гг.

⁷ Кастров А.Ю. Указ. соч. С. 349–361.

Сведения об авторах

Антипин Владимир Константинович — кандидат биологических наук, старший научный сотрудник лаборатории болотных экосистем Института биологии Карельского научного центра РАН (г. Петрозаводск).

Анциферова Анна Ивановна — главный хранитель музейного фонда Национального парка «Кенозерский» (Архангельская область).

Артемьева Полина Павловна — студентка 2 курса филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (г. Москва).

Бойчук Маргарита Арсеньевна — кандидат биологических наук, старший научный сотрудник лаборатории болотных экосистем Института биологии Карельского научного центра РАН (г. Петрозаводск).

Бызова Наталья Михайловна — кандидат географических наук, доцент, заведующая кафедрой географии и гидрометеорологии САФУ (г. Архангельск).

Воробьева Таисия Яркиевна — кандидат биологических наук, заведующая лабораторией пресноводных и морских экосистем института экологических проблем Севера РАН (г. Архангельск).

Ведерникова Наталья Михайловна — кандидат филологических наук (г. Москва).

Власова Марина Никитична — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник сектора фольклора Института русской литературы РАН (Пушкинский Дом) (г. Санкт-Петербург).

Голубев Виктор Валентинович — преподаватель естественнонаучных дисциплин Архангельского морского кадетского корпуса (г. Архангельск).

Голубева Любовь Владимировна — аспирант кафедры лесоводства и почвоведения Лесотехнического института САФУ имени М.В. Ломоносова, преподаватель Архангельского педагогического колледжа (г. Архангельск).

Грошев Сергей Викторович — заместитель директора по сохранению и развитию архитектурно-ландшафтной экспозиции ФГБУК «Архангельский государственный музей деревянного зодчества и народного искусства «Малые Корелы» (г. Архангельск).

Гудима Тамара Михайловна — кандидат философских наук, профессор Московского гуманитарного университета (г. Москва).

Дранникова Наталья Васильевна — доктор филологических наук, профессор Института филологии и межкультурной коммуникации САФУ имени М.В. Ломоносова (г. Архангельск).

Ежов Олег Николаевич — кандидат биологических наук, ведущий научный сотрудник лаборатории экологии популяции и сообществ Института экологических проблем Севера УрО РАН (г. Архангельск).

Ершов Виктор Петрович — кандидат педагогических наук, доцент кафедры философии Карельского государственного педагогического университета (г. Петрозаводск).

Ершова Анна Алексеевна — научный сотрудник лаборатории пресноводных и морских экосистем института экологических проблем Севера УрО РАН (г. Архангельск).

Ефимова Виктория Викторовна — кандидат юридических наук, доцент юридического факультета Петрозаводского государственного университета (г. Петрозаводск).

Жуков Павел Валентинович — доцент кафедры основ архитектурного проектирования Московского архитектурного института (государственная академия) (г. Москва).

Жукова Татьяна Евгеньевна — доцент кафедры ландшафтной архитектуры и дизайна Российского университета дружбы народов (г. Москва).

Жуковская Татьяна Николаевна — кандидат исторических наук, доцент кафедры Российской истории с древнейших времен до XX века Санкт-Петербургского государственного университета, (г. Санкт-Петербург).

Забелина Светлана Александровна — кандидат биологических наук, ведущий научный сотрудник лаборатории пресноводных и морских экосистем института экологических проблем Севера УрО РАН (г. Архангельск).

Иванова Анна Александровна — кандидат филологических наук, доцент кафедры русского устного народного творчества филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (г. Москва).

Калинина Елена Александровна — кандидат исторических наук, научный сотрудник Петрозаводского государственного университета (г. Петрозаводск).

Калитин Владимир Александрович — кандидат технических наук, краевед (г. Санкт-Петербург).

Калуцков Владимир Николаевич — доктор географических наук, профессор факультета иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова (г. Москва).

Каршина Людмила Евгеньевна — главный библиограф Архангельской областной научной библиотеки имени Н.А. Добролюбова (г. Архангельск).

Климов Сергей Иванович — научный сотрудник лаборатории пресноводных и морских экосистем института экологических проблем Севера УрО РАН (г. Архангельск).

Кожевникова Юлия Николаевна — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Национального парка «Водлозерский» (Архангельская область).

Кузнецова Валентина Павловна — кандидат филологических наук, заведующая фонограммархивом Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН (г. Петрозаводск).

Лаптева Галина Яковлевна — эксперт министерства культуры Архангельской области (Архангельская область).

Линник Юрий Владимирович — доктор философских наук, профессор кафедры философии и культурологии Института истории, политических и со-

циальных наук Петрозаводского государственного университета (г. Петрозаводск).

Линник Наталья Владимировна — кандидат педагогических наук, доцент кафедры педагогики и психологии детства Института педагогики и психологии Петрозаводского государственного университета (г. Петрозаводск).

Логинов Константин Кузьмич — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН (г. Петрозаводск).

Мазалова Наталия Евгеньевна — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Музея антропологии и этнографии РАН (г. Санкт-Петербург).

Максаковский Николай Владимирович — кандидат географических наук, начальник отдела всемирного наследия Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия (г. Москва)

Мелютина Марина Николаевна — кандидат философских наук, заместитель директора по научной работе Национального парка «Кенозерский» (Архангельская область).

Михайлова Любовь Петровна — кандидат филологических наук, доцент, профессор кафедры русского языка Петрозаводского государственного университета (г. Петрозаводск).

Морева Ольга Юрьевна — научный сотрудник Института экологических проблем Севера УрО РАН (г. Архангельск).

Мосеев Дмитрий Сергеевич — старший научный сотрудник Научно-исследовательского центра «Викинг» (г. Архангельск).

Мухин Дмитрий Александрович — заведующий научно-экспозиционным отделом Архитектурно-этнографического музея Вологодской области (Вологодская область).

Наквасина Елена Николаевна — доктор сельскохозяйственных наук, профессор кафедры лесоводства и почвоведения САФУ имени М.В. Ломоносова (г. Архангельск).

Неверова Наталья Валерьевна — научный сотрудник лаборатории пресноводных и морских экосистем Института экологических проблем Севера УрО РАН (г. Архангельск).

Носкова Мария Георгиевна — научный сотрудник кафедры прикладной экологии Санкт-Петербургского государственного университета, научный сотрудник лаборатории общей геоботаники Ботанического института имени В.Л. Комарова РАН (г. Санкт-Петербург).

Погорельская Елена Иосифовна — хранитель отдела фондов рукописей Государственного литературного музея (г. Москва).

Покровский Олег Сергеевич — кандидат геолого-минералогических наук, ведущий научный сотрудник лаборатории пресноводных и морских экосистем Института экологических проблем Севера УрО РАН (г. Архангельск).

Пономарева Виктория Валерьевна — студентка 2 курса филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (г. Москва).

Рочева Любовь Кондратьевна — заведующая научно-методическим отделом Усть-Цилемского историко-мемориального музея А.В. Журавского (Республика Коми).

Смагин Виктор Алексеевич — кандидат биологических наук, старший научный сотрудник лаборатории бщей геоботаники Ботанического института имени В.Л. Комарова РАН (г. Санкт-Петербург).

Собко Елена Иосифовна — научный сотрудник лаборатории пресноводных и морских экосистем института экологических проблем Севера УрО РАН (г. Архангельск).

Старицын Александр Николаевич — ведущий библиограф Института научной информации по общественным наукам РАН (г. Москва).

Чупаков Артем Васильевич — научный сотрудник лаборатории пресноводных и морских экосистем института экологических проблем Севера УрО РАН (г. Архангельск).

Шептунов Алексей Михайлович — магистр филологии САФУ (г. Архангельск).

Широкова Людмила Сергеевна — кандидат биологических наук, ведущий научный сотрудник лаборатории пресноводных и морских экосистем института экологических проблем Севера УрО РАН (г. Архангельск).

Шорина Наталья Валерьевна — кандидат химических наук, старший научный сотрудник лаборатории пресноводных и морских экосистем института экологических проблем Севера УрО РАН (г. Архангельск).

Иллюстрации

Иллюстрации к статье О.Н. Ежова

Ил. 1. Piptoporus pseudobetulinus

Ил. 2. Antrodia pulvinascens

Ил. 3. Fomitopsis rosea

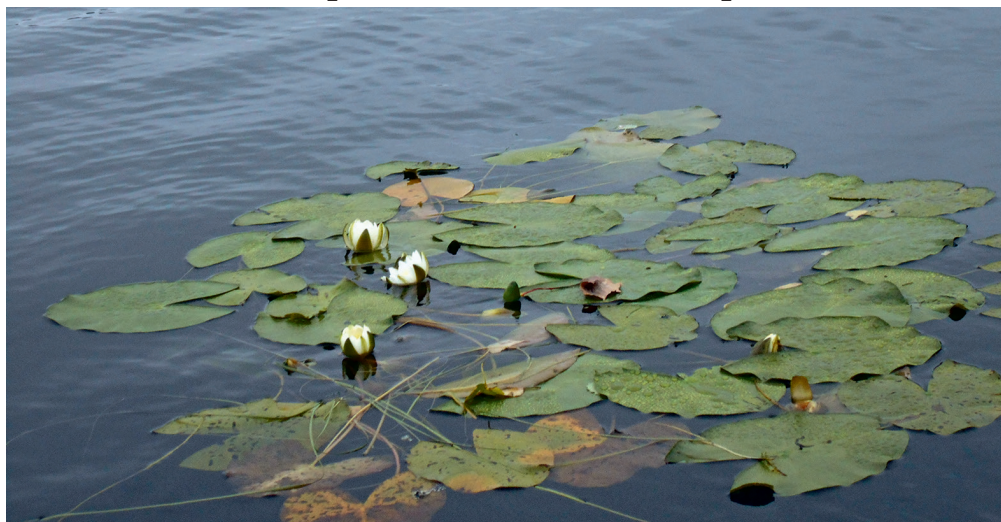

Ил. 4. Gloiodon strigosus

Ил. 5. Leptoporus mollis

**Иллюстрации к статье Д.С. Мосеева
«Редкие и охраняемые высшие макрофиты
Кенозерского национального парка»**

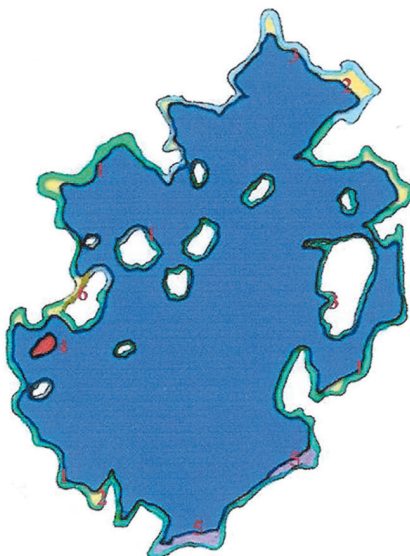

Ил. 1. Кувшинка четырехгранная в озере Большом Лебяжьем

Ил. 2. Лобелия Дортманна в озере Большом Лебяжьем

**Иллюстрации к статье Д.С. Мосеева
«Методические аспекты геоботанического картирования
растительных сообществ макрофитов в зоне литорали озер
Кенозерского национального парка»**

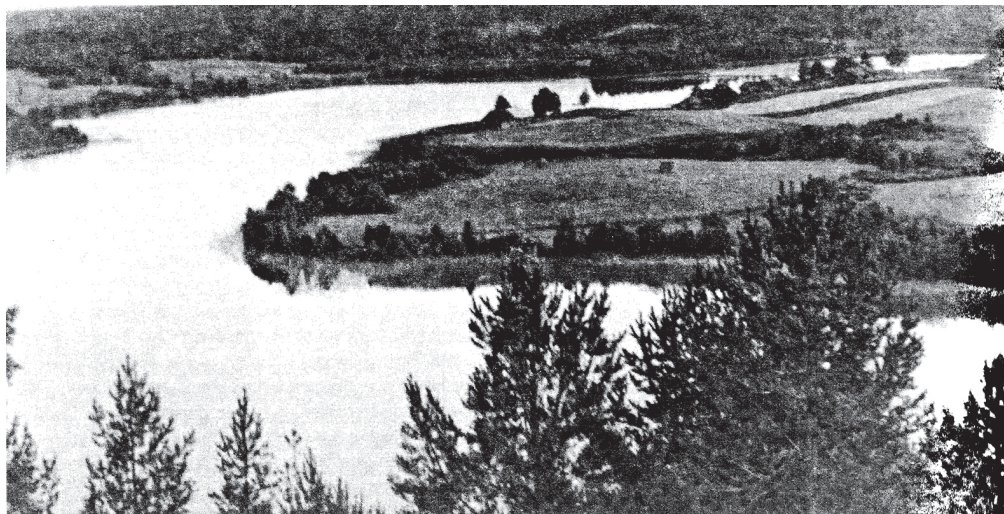

*Ил. 1. Карта-схема растительных сообществ олиготрофного озера
Большого Лебяжьего*

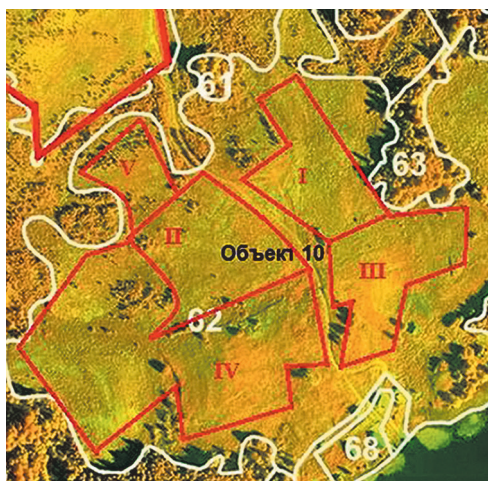

Ил. 2. Карта-схема растительных сообществ эвтрофного озера Долгого

**Иллюстрации к статье Е.Н. Наквасиной,
Л.В. Голубевой, В.В. Голубева**

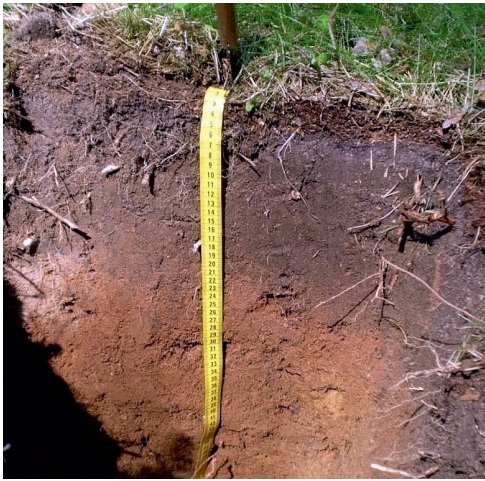
Ил. 1. Вид на деревню Гужово с Хижгоры (из архива Кенозерского национального парка)

*Ил. 2. Схема секторов при
обследовании части урочища Гужово*

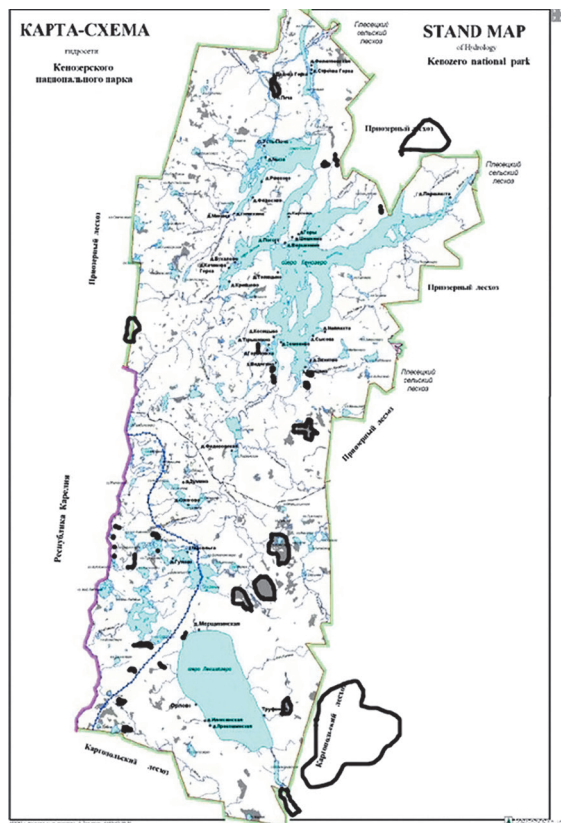

*Ил. 3. Почвенный разрез хорошо
окультуренной почвы в секторе 1
(старые огороды в урочище Гужово)*

Ил. 4. Почвенный разрез и сосновый древостой в секторе 3

Иллюстрации к статье В.А. Смагина, М.Г. Носковой,
В.К. Антипина, М.А. Бойчук

Ил. 1. Исследованные болота на территории Кенозерского национального парка (обозначены черным цветом)

Ил. 2. Sphagnum warnstorffii (красного и зеленого цвета). Фото М. Носковой

Ил. 3. Sphagnum subfulvum. Фото М. Носковой

Ил. 4. Sphagnum platyphyllum. Фото М. Носковой

Ил. 5. Sphagnum lindbergii. Фото М. Носковой

Ил. 6. Sphagnum jensenii. Фото М. Носковой

Иллюстрации к статье А.И. Анциферовой

Ил. 1. Храмовая икона «Происхождение Честных Древ Животворящего Креста Господня». Худ. И.А. Богданов-Карбатовский. 1778 г. Из фонда Центрального музея древнерусской культуры и искусства им. А. Рублева

Ил. 2. Радиальная грань «Апостолы Иуда и Лука» расписного «неба» из молеального зала церкви Георгия Победоносца в д. Федоровской. Фото В. Кремлева

Ил. 3. Расписное «небо» из молельного зала церкви Георгия Победоносца в д. Федоровской. Реставрация ВХНРЦ им. И.Э. Грабаря, 2013–2014 гг.

Ил. 4. Авторская подпись иконописца М.К. Сказываева на радиальной грани «Апостолы Иуда и Лука» расписного «неба» из молельного зала церкви Георгия Победоносца в д. Федоровской. Фото В. Кремлева

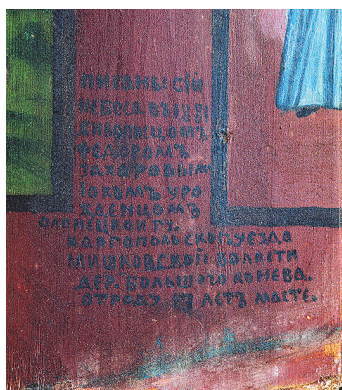
*Ил. 5. Расписное «небо» церкви Михаила Архангела в с. Архангело. Худ. М.К. Сказываев.
Фото А. Анциферовой*

*Ил. 6. Икона «Святая Параскева в житии (с клеймами)» из Богоявленской церкви
в с. Ошевенском. Худ. М.К. Сказываев*

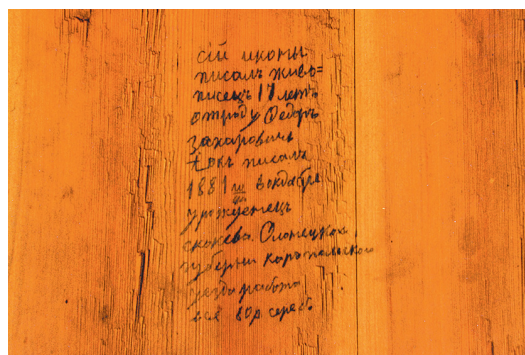
Ил. 7. Расписное «небо» в часовне Николая Чудотворца д. Усть-Почи. Худ. Ф.З. Иок. 1881 г.
Реставрация ВХНРЦ им. И.Э. Грабаря, 2008–2009 гг.
Фото Н. Кулебякина

Ил. 8. Авторская подпись Ф.З. Иока на радиальной грани «неба»
из часовни Николая Чудотворца в д. Усть-Поча.
Фото Н. Кулебякина

Ил. 9. Пятичастная икона на холсте (в киоте): «Преподобный Алексий человек божий, пророк Илия, великомученик Георгий Победоносец», «Богоявление», «Благовещение», «Богоматерь Казанская», «Успение». Худ. Ф.З. Иок. Реставрация Санкт-Петербургского художественного училища им. Н.К. Рериха, 2015 г.

Ил. 10. Авторская подпись Ф.З. Иока на иконе «Святой преподобный отец Макарий Унженский чудотворец». Фото А. Анциферовой

Ил. 11. Иконы «Святой преподобный отец Макарий Унженский чудотворец», Божией Матери «Знамение», «Огненное восхождение Ильи Пророка» из церкви Георгия Победоносца д. Федоровской. Худ. Ф.З. Иок. 1881 г. Реставрация ВХНРЦ им. И.Э. Грабаря, 2011 г.

Ил. 12. Центральный медальон «Нерукотворенный образ Спаса» «неба» в церкви Пророка Божия Илии в д. Задней Дубровы (Часовенской).
Фото А. Анциферовой

Ил. 13. «Небо» в церкви Пророка Божия Илии д. Задней Дубровы (Часовенской).
Фото Т. Кольцовой

Ил. 14. Икона «Великомученик Пантелеймон» из часовни преподобного Антония Сийского в д. Поромское.
Фото А. Анциферовой

Ил. 15. Оттиск авторского штампа иконописца Ф.С. Боровского на иконе «Великомученик Пантелеймон». Фото А. Анциферовой

Ил. 16. Прялка, расписанная Ф.С. Боровским (с. Ошевенск). Конец XIX — начало XX в.

Ил. 17. Икона «Трехфигурный деисус: Вседержитель, Богородица, Иоанн Предтеча». XIX в. Реставрация Санкт-Петербургского художественного училища им. Н.К. Рериха, 2015 г. Фото М. Мелютиной

Ил. 18. Икона «Введение Богородицы во храм» из часовни Введения Богородицы во храм и Рождества Иоанна Предтечи в д. Рыжково. Фото А. Анциферовой

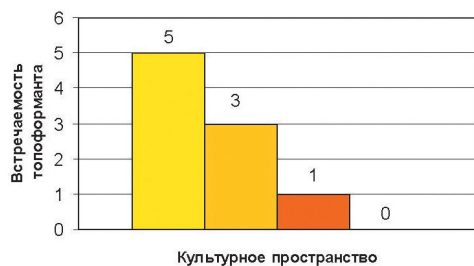

Ил. 19. Икона Божией Матери «Троеручица». Фото А. Анциферовой

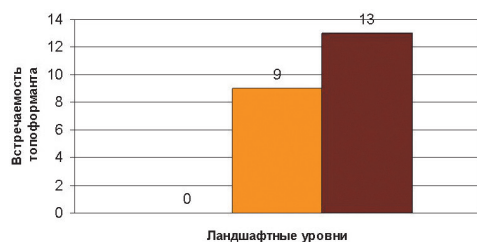

Ил. 20. Выносная запрестольная двухсторонняя икона Божией Матери «Знамение» и «Святитель Николай Чудотворец» из церкви Апостола Андрея Первозванного в д. Ведягино. Фото А. Анциферовой

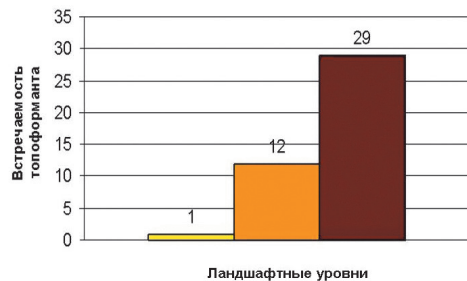
Иллюстрации к статье В.Н. Калуцкова

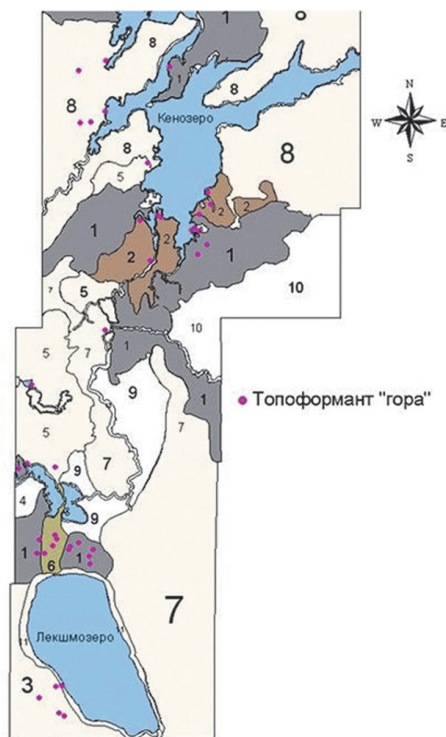
Ил. 1. Распределение местного географического термина *лухта* в культурном пространстве Кенозерья (финно-угорский компонент кенозерского культурного ландшафта)

Ил. 3. Распределение местного географического термина *гора* по ландшафтным уровням (русский компонент кенозерского культурного ландшафта)

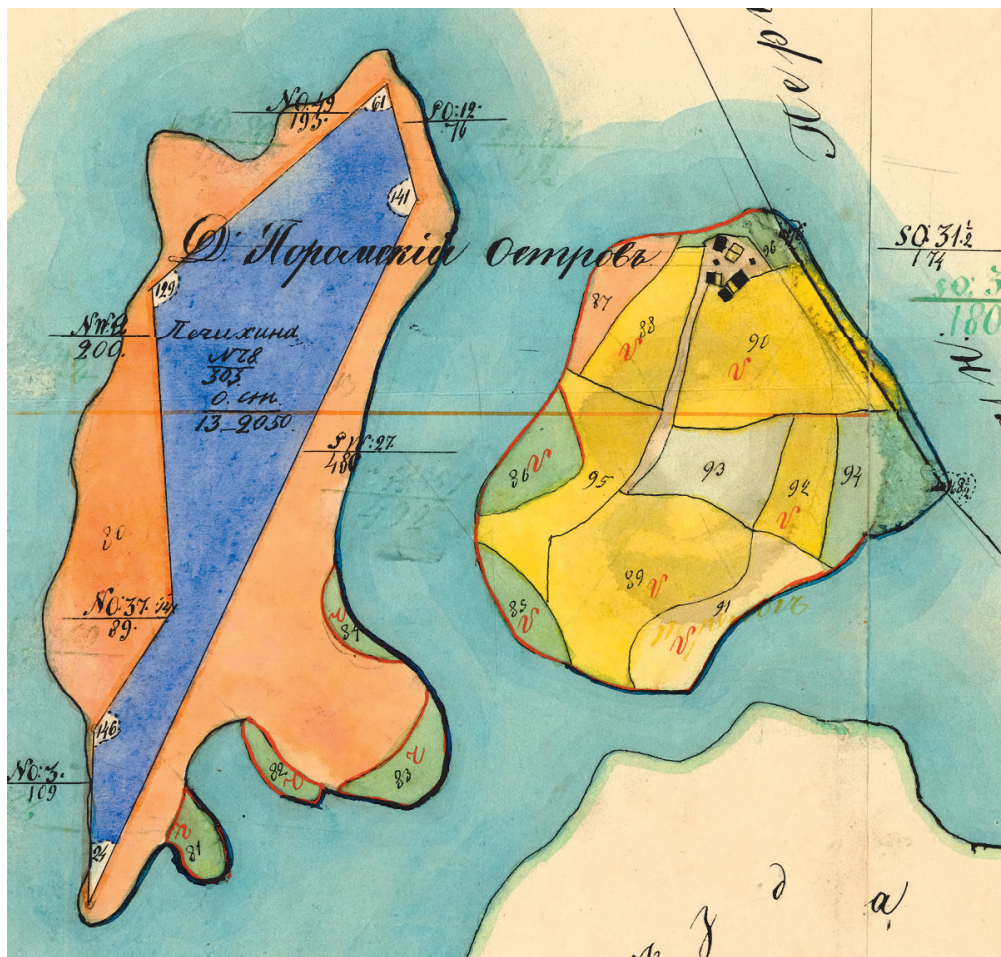

Ил. 4. Распределение местного географического термина *бор* по ландшафтным уровням (русский компонент кенозерского культурного ландшафта)

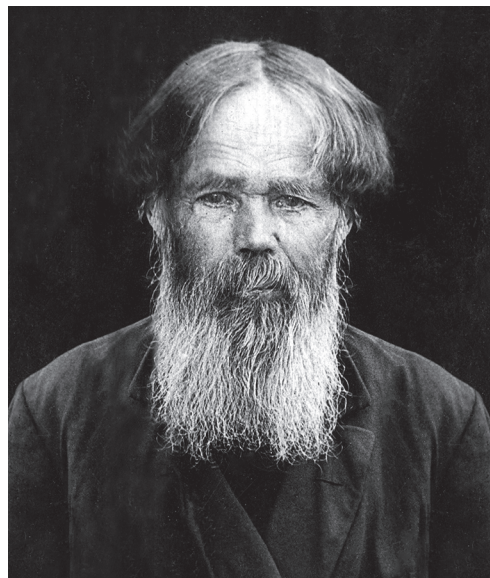

Ил. 2. Распределение местного географического термина *гора* по территории Кенозерья (русский компонент кенозерского культурного ландшафта)

Иллюстрации к статье М.Н. Мелютиной

Ил. 1. Карта Олонецкой губернии Пудожского уезда Вершининской волости Вершининского сельского общества деревень Вершинино, Шишкиной, Фоминой, Трехновой, Поромского острова, Чудиновской, дачи Кензерской. 1860 г. Из фондов НАРК

*Ил. 2. Макар Петрович Глущевский.
Из личного архива Н.Ф. Старицкой*

*Ил. 3. Слева направо: Семен Иванович Старицын, его жена Парасковья Ивановна Старицына, Павла Константиновна Артемьева (сестра Ф.К. Артемьева), Анна Макаровна Артемьева, Федор Константинович Артемьев, д. Першлахта. 1960 г.
Из личного архива Н.Ф. Старицкой*

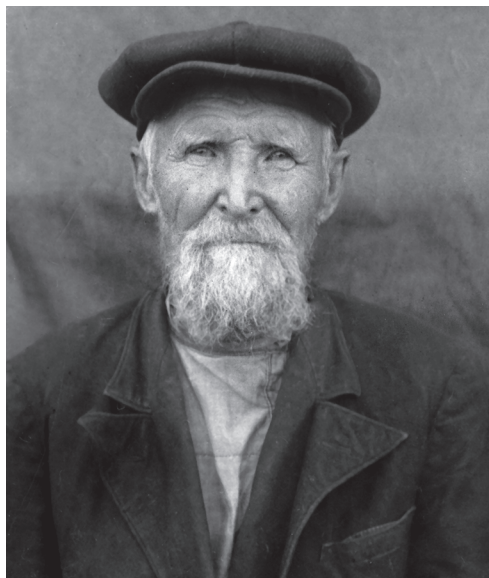
*Ил. 4. Алексей Николаевич Сивцев,
д. Поромское. Конец 1950-х гг.
Из личного архива Н.В. Мельниковой*

*Ил. 5. Анна Федоровна Сивцева,
д. Поромское. 1996 г.
Фото юношеской научно-исследовательской
экспедиции «Кенозеро-97»
учащихся «Донской гимназии» (г. Москва)*

Ил. 6. Клавдия Федоровна Шишкина, д. Шишкина. 2013 г. Фото В. Нелаева

*Ил. 7. Иван Григорьевич Сивцев,
д. Поромское. 1950-е гг.
Из личного архива Л.И. Сивцевой*

*Ил. 8. Александр Михайлович Сивцев.
1940-е гг.
Из личного архива Т.А. Сивцевой*

*Ил. 9. Григорий Дмитриевич Сивцев и его жена Марфа Андреевна Сивцева.
1960-е гг. Из личного архива В.А. Сивцева*

*Ил. 11. Часовня преподобного Антония Сийского в д. Поромское. 2014 г.
Фото К. Кокошкина*

*Ил. 12. Анна Ивановна Сивцева,
д. Поромское. 1996 г.
Фото юношеской научно-исследовательской
экспедиции «Кенозеро — 97»
учащихся «Донской гимназии» (г. Москва)*

*Ил. 13. Деревня Поромское. 2014 г.
Фото К. Кокошкина*

Иллюстрации к статье М.Н. Власовой

XLIII ПОРОМСКОЙ

ван Павлович Сивцев, по прозвищу Поромской, крестьянин из дер Поромска, лежащей у впадения речки Пормы в Кенозеро, среднего роста, плотный, еще моложавый, без единого седого волоса, старик 65 лет. Его отец, умерший 30 лет тому назад не старым еще человеком (на шестом десятке от роду), был лучший знаток былин во всем околотке. Звали его Павлом Семеновичем, и он был по ремеслу деревенским портным. Былины свои он заимствовал от стариков в Плесском погосте, что у впадения Кены в Онегу-реку (этот погост соседний с Бережно-дубровским, откуда вынес былины Иван Фепонов, см. выше XIII). Здесь учителями старика Поромского были преимущественно двое слепых „пётаря“ — Шерёнкин и Подмёткин, оба давно умершие. Мальчиком Иван Павлович сопровождал своего отца и помогал ему в портняжной работе; тут-то он, слушая отца, а иногда и вышепоименованных Плесских петарей, „понял старины“. Сам он, с тех пор как вырос, почти оставил портняжное ремесло и занимается по большей части земледелием и рыбною ловлею.

Иван Сивцев известен был, хотя не лично, Рыбникову; в сборнике его он упоминается под именем „Паромского старика“; былины,

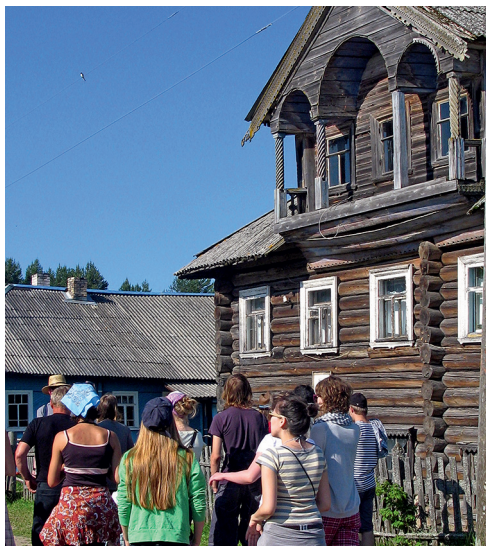
141

Ил. 1. Первый лист раздела кенозерских былин (издание 1940 г., с. 141) с заставкой и буквицей И. Билибина

Иллюстрации к статье П.В. Жукова, Т.Е. Жуковой

*Ил. 1. Церковь Преображения (Кижы).
Фрагмент кровли.
Фото П. Жукова. 2010 г.*

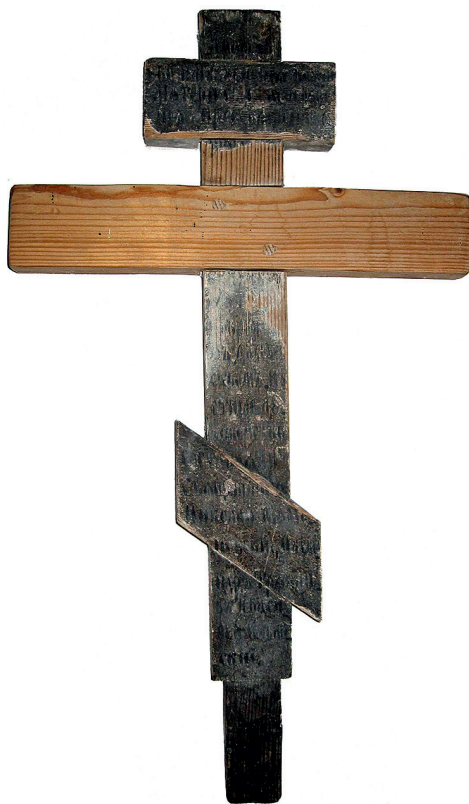

*Ил. 2. Деревня Пяльма (Пудожский р-н).
На фото — студенты МАРХИ.
Фото Т. Жуковой. 2010 г.*

*Ил. 3. Деревня Филипповская (Кенозерский национальный парк). На фото — студенты МАРХИ.
Фото П. Жукова. 2013 г.*

**Иллюстрации к статье В.А. Калитина
«Подпрестольный крест — вещественный памятник освящения
в 1880 году главного престола Кенозерской Успенской церкви»**

Ил. 1. Крест, обнаруженный при проведении ремонтных работ в алтаре храма Успения Божией Матери в д. Вершинино

Ил. 2. Верхняя часть креста с трудночитаемой надписью на лицевой поверхности

Ил. 3. Нижняя часть креста с трудночитаемой надписью на лицевой поверхности

*Ил. 4. Участники первой службы в Кенозерской церкви Успения Божией Матери после ее открытия. 14 октября 2005 г.
Из личного архива В. Кутикина*

*Ил. 5. Иван Николаевич Чалов и Иван Викторович Тарасов в Успенской церкви за работой по обтягиванию оконных рам полиэтиленовой пленкой. 2005 г.
Из личного архива Л. Чаловой*

Ил. 6. Священнослужители и прихожане, участвовавшие в Божественной литургии в Кенозерской церкви Успения Божией Матери. 6 августа 2006 г. Из личного архива В. Калитина

Ил. 7. Киот с отреставрированным подпрестольным крестом

**Иллюстрации к статье В.А. Калитина
«Кончина председателя этнографического отделения
Русского географического общества А.Ф. Гильфердинга»**

П. П. Пекарский. В. И. Даль. А. Ф. Гильфердинг.
Трое из недавно умерших ученых и литературных деятелей.
(Рис. П. Ф. Борель, грав. Л. А. Свражов).

Вост. Вестн. 16 Янв. 1876, № 207, стр. 11111, 125, стр. 298.

*Ил. 1. П.П. Пекарский, В.И. Даль, А.Ф. Гильфердинг. 1872 г.
Из фонда Литературного музея Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН*

Ил. 2. А.Ф. Гильфердинг.
Из фондов РНБ

Ил. 3. Важнейшие деятели Славянского
благотворительного общества:
А.Ф. Гильфердинг, К.Н. Бестужев-
Рюмин, князь А.И. Васильчиков,
граф Н.П. Игнатъев, М.Г. Черняев,
В.И. Ламанский, О.Ф. Миллер,
И.С. Аксаков, А.В. Васильев, митрополит
сербский Михаил. 1893 г.
Из фондов РНБ

*Ил. 4. П.Е. Татаринов (1833–1905).
Из личного архива О.М. Татариновой*

Дача Рукавишникова (бывшая П.Е. Татаринова)

*Ил. 5. Дача П.Е. Татаринова. Открытка из личного архива О.М. Татариновой.
Получена от сухумского историка А.С. Агумаа*

*Ил. 6. Семейное захоронение А.Ф. Гильфердинга
и В.Ф. Гильфердинг, требующее полного восстановления.
Новодевичье кладбище, Санкт-Петербург. 2015 г.
Фото В. Калитина*

Иллюстрации к статье Г.Я. Лаптевой

Ил. 1. Фестиваль плотницкого мастерства в д. Кимже Мезенского района, 2015 г.

Ил. 2. Памятник истории и культуры регионального значения «Дом Ананьевой»
(Архангельск, пр. Чумбарова-Лучинского, д. 15).
Проект ООО «Мастерская Зодчего», реставрация ОАО «Отделстрой» (Архангельск)

Иллюстрации к статье Ю.В. Линника

Ил. 1. Билибин И.Я. Эскиз декорации к опере Н.А. Римского-Корсакова «Сказание о невидимом граде Китеже и деде Февронии»

Ил. 2. Билибин И.Я. Эскиз декорации к опере Н.А. Римского-Корсакова «Сказание о невидимом граде Китеже и деде Февронии»

Ил. 3. Билибин И.Я. Эскиз декорации к опере Н.А. Римского-Корсакова «Сказание о невидимом граде Китеже и деде Февронии»

Ил. 4. Билибин И.Я. Иллюстрация к сказке «Перышко Финиста Ясна Сокола». 1902 г.

Ил. 5. Билибин И.Я. Иллюстрация к «Сказке о царе Салтане». 1904 г.

Ил. 6. Билибин И.Я. Иллюстрация к «Сказке о царе Салтане». 1904 г.

Ил. 7. Коровин К.А. Эскиз декорации к опере Н.А. Римского-Корсакова «Сказание о невидимом граде Китеже и девице Февронии». 1908 г.

Ил. 8. Шмуцтитул к статье И.Я. Билибина «Народное творчество Русского Севера»

Ил. 9. Билибин И.Я. Заставка к журналу «Народное образование». 1905 г.

Ил. 10. Билибин И.Я. Заставка к журналу «Народное образование». 1905 г.

Ил. 11. Билибин И.Я. Деревня Юрома

Ил. 12. Билибин И.Я. Райская птица Сирина. 1905 г.

Ил. 13. Сирина. Настенный рисованный лубок. 1-я пол. XIX в. Из собрания Государственного исторического музея

Иллюстрации к статье Ю.В. Линника, Н.В. Линник

Ил. 1. Детская кенозерская прялка.
Из собрания Музея Русского Севера

Ил. 2. Детская борецкая прялка.
Из собрания Музея Русского Севера

Ил. 3. Детская мезенская прялка.
Из собрания Музея Русского Севера

Ил. 4. Детская мезенская прялка.
Из собрания Музея Русского Севера

Иллюстрации к статье К.К. Логинова

Ил. 1. Нос современной «килевушки» водлозерского мастера Ф. Спирина (носовая кокора изогнута по плавной дуге и сверху украшена фигурой в виде головы фантастического существа). Куганаволок, 2014 г. Фото К. Логинова

Ил. 2. Традиционная «водлозерка». 1926 г. По преданиям водлозерской семьи, от которой получен снимок, вероятно, лодка сделана участниками фольклорной экспедиции братьев Соколовых «По следам Рыбникова и Гельфердинга». Из коллекции Н.В. Червяковой

Ил. 3. Две малые колодозерские лодки для проверки сетей и местных переездов по озеру и длинная лодка для плаваний с грузом в г. Пудож и поселения на р. Водле. Куганаволок, 2009 г. Фото К. Логинова

*Ил. 4. Праздник св. апостолов Петра и Павла в д. Погост (Вершинино).
Фото М. Ильина. 1927 г. Из фонда Государственного литературного музея*

*Ил. 5. Современная модернизированная «кенозерка»
(максимально устойчивая к боковой качке, с клееными из фанеры шпангоутами
и высоким носом) мастера М. Наймарка.
Куганаволок, 2014 г. Фото К. Логинова*

*Ил. 6. Современная «кенозерка» на Водлозере водлозерского мастера П. Лукина.
Куганаволок, 2009 г. Фото К. Логинова*

Иллюстрации к статье Е.И. Погорельской

Ил. 1. Участники экспедиции:
в 1-м ряду (слева направо) — С.П. Бородин,
Ю.М. Соколов, Б.М. Соколов,
во 2-м ряду — В.А. Дынник, П.А. Грушников,
в 3-м ряду — В.И. Чичеров, неизвестный.
Каргополь. 1927 г.
Фото М. Ильина. Из фондов
Государственного литературного музея

Ил. 2. В.А. Дынник. 1920-е гг.
Фото М. Наппельбаума.
Из личного архива И.С. Ненароковой

Иллюстрации к статье А.М. Шептунова

Александр Юрьевич Кастров. Санкт-Петербург, 1990-е гг.
Из фондов Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Природное наследие Кенозерья: история и современность</i>	3
<i>Бызова Н.М.</i> Географический образ Кенозерского национального парка	4
<i>Ежов О.Н.</i> Видовое разнообразие аффилофоровых грибов на территории Кенозерского национального парка	9
<i>Мосеев Д.С.</i> Редкие и охраняемые высшие макрофиты Кенозерского национального парка.....	16
<i>Мосеев Д.С.</i> Методические аспекты геоботанического картирования растительных сообществ макрофитов в зоне литорали озер Кенозерского национального парка.....	22
<i>Наквасина Е.Н., Голубева Л.В., Голубев В.В.</i> Опыт исторической идентификации сельскохозяйственных угодий в Кенозерском национальном парке	28
<i>Морева О.Ю., Климов С.И., Широкова Л.С., Еришова А.А., Чупаков А.В., Воробьева Т.Я., Забелина С.А., Собко Е.И., Неверова Н.В., Покровский О.С., Шорина Н.В.</i> Исследование сезонной изменчивости гидрохимических характеристик озер Кенозерского национального парка	32
<i>Смагин В.А., Носкова М.Г., Антипин В.К., Бойчук М.А.</i> Бриофлора болот Кенозерского национального парка	40
<i>Устная и письменная словесность в крестьянской культуре</i>	51
<i>Анциферова А.И.</i> Подписные и датированные иконы и расписные «небеса» из собрания Кенозерского национального парка.....	52
<i>Ведерникова Н.М.</i> Традиционные хозяйственные занятия жителей Кенозерья в обрядах, преданиях, устных рассказах	62
<i>Еришов В.П.</i> Народ-философ.....	70
<i>Ефимова В.В.</i> Об отношениях крестьян с органами государственной власти: закон, обычай, практика (на примере Каргопольского и Пудожского уездов в 1820-х годах).....	72

<i>Иванова А.А.</i> «Здесь молитв столько не знали, сколько заговоров и приговоров...»: Заговоры А.Н. Тишиной в контексте магических практик Кенозерья	83
<i>Иванова А.А., Артемьева П.П.</i> «Дойся, раздаивайся, моя коровушка, на большое молоко...»: Скотоводческая магия Кенозерья	91
<i>Иванова А.А., Пономарева В.В.</i> «Ране везде хозяева были...»: Леший в культурном ландшафте Кенозерья.....	101
<i>Калуцков В.Н.</i> О топонимическом наследии Кенозерья.....	117
<i>Кузнецова В.П.</i> Нищие стихопевцы на Русском Севере.....	120
<i>Мазалова Н.Е.</i> Ритуальные специалисты Кенозера.....	128
<i>Мелютин М.Н.</i> Родословная сказительской династии Сивцевых (Поромских) как ценный источник для изучения эпического наследия Кенозерья..	138
<i>Михайлова Л.П.</i> Вербальный код иноэтнического воздействия на бытовую и устнопоэтическую речь жителей Русского Севера	151
<i>Мухин Д.А.</i> Как крестьяне писали прошения (на материале Вологодской губернии конца XIX — начала XX века).....	159
<i>Научное наследие Кенозерья: персоналии, архивы, предметы материальной культуры</i>	165
<i>Власова М.Н.</i> Вклад А.И. Никифорова в подготовку первого научного издания «Онежских былин» А.Ф. Гильфердинга.....	166
<i>Грошев С.В.</i> Достопримечательное место как форма охраны и сохранения культурного наследия.....	174
<i>Гудима Т.М.</i> Творческий потенциал человека и возможности его реализации	180
<i>Дранникова Н.В.</i> А.Н. Нечаев — ученый-фольклорист, писатель (материалы к биографии)	186

<i>Жуков П.В., Жукова Т.Е.</i> Аспекты использования древесины в современном гражданском строительстве.....	194
<i>Жуковская Т.Н., Калинина Е.А.</i> Общественные училища Каргополя в первой половине XIX века	198
<i>Калитин В.А.</i> Подпрестольный крест — вещественный памятник освящения в 1880 году главного престола Кенозерской Успенской церкви.....	206
<i>Калитин В.А.</i> Кончина председателя этнографического отделения Русского географического общества А.Ф. Гильфердинга	216
<i>Каршина Л.Е.</i> Северные сказители на «Литературной карте Архангельской области».....	262
<i>Кожевникова Ю.Н.</i> Хергозерский и Юрьегорский монастыри в первой половине XVIII века. Последствия секуляризационной политики Российского государства.....	266
<i>Лаптева Г.Я.</i> Памятники деревянного зодчества: очевидные проблемы и поиск решений.....	278
<i>Линник Ю.В.</i> Архетипы Кенозерья	287
<i>Линник Ю.В.</i> Русский Север в творчестве Ивана Билибина.....	299
<i>Линник Ю.В.</i> Кубоватые храмы: западная граница ареала (Шуерецкое — Вирма — Малый Колгостров).....	310
<i>Линник Ю.В., Линник Н.В.</i> Детская прялка в культуре Русского Севера (философско-педагогические аспекты)	314
<i>Логинов К.К.</i> Лодка «кенозерка» на Водлозере	322
<i>Максаковский Н.В.</i> Потенциальное место Кенозерского парка в Списке Всемирного наследия ЮНЕСКО	329
<i>Погорельская Е.И.</i> Участница экспедиции «По следам Рыбникова и Гильфердинга» В.А. Дынник-Соколова	341

<i>Рочева Л.К.</i> Усть-Цильма деревянная: проблемы сохранения крестьянских усадеб XIX–XX веков.....	347
<i>Старицын А.Н.</i> Участие кенозёр в староверческом движении начала XVIII века.....	353
<i>Шептунов А.М.</i> Последние кенозерские духовные стихи. Анализ результатов фольклорных экспедиций Пушкинского Дома 1987–1988 годов	360
Сведения об авторах	369
Иллюстрации.....	373

Научное издание

КЕНОЗЕРСКИЕ ЧТЕНИЯ — 2015

«Заповеданное Кенозерье: природа, культура, человек»

*Сборник материалов
VII Международной научно-практической конференции*

Составитель **Мелютина** Марина Николаевна

Фото на обложке: *Н. Гернета, Е. Мазилова, Н. Чеснокова,
И. Шпиленка, В. Штрика, В. Шевелева*
Редактор *И.М. Кудрявина*
Оригинал-макет и дизайн обложки *А.В. Мартыновой*

Подписано в печать 15.07.2016. Формат 60х90/16. Бумага писчая.
Усл. печ. л. 25.63. Уч.-изд. л. 24,2. Тираж 300 экз. Заказ № **

Типография ООО «Партнер НП»
164500, г. Северодвинск, пр. Беломорский, 48
тел. (8184) 55-08-48